This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 05930189 9

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЕМЕЙСТВОМЪ М. ДОСТОЕВСКАГО

СЕНТЯБРЬ

№ 9.

ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
1864.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
65910B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1940 L

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Ноября 1864 г.

Digitized by Google

МИХАИЛЪ

Повѣсть Ю. О—ВА.

I

По тряской мостовой, въ самую распутицу, ѣхала старомодная крытая бричка. На облучкѣ, покачиваясь вяло, сидѣлъ въ старой, но богатой ливреѣ лакей, и только по временамъ торопилъ ямщика, щуря свои и безъ того заспанные глаза. Въ бричкѣ, уткнувшись лицомъ въ самый уголъ, подлѣ старушки въ шерстяномъ платкѣ на головѣ, помѣщался мальчикъ лѣтъ семи-восьми съ блѣднымъ щедушнымъ лицомъ, темно-синими большими глазами, казавшимися еще больше отъ черно-лиловой полосы подъ ними. Его темно-каштановые волосы, развившись, безпорядочно выбивались изъ подъ дорогой собольей шапочки и покрывали высокій, правильный лобъ. Впрочемъ наружность ребенка, не смотря на всю свою привлекательную нѣжность и прозрачность,— еще болѣе выдававшуюся отъ страннаго, глубокаго, задумчиваго выраженія глазъ, переходящаго почти въ страдальческое выраженіе въ изгибахъ рта,— вовсе не кидалась въ глаза своею красотою. Онъ казался хрупкимъ, щедушнымъ ребенкомъ, въ которомъ природная задумчивость и отъ привычки развившаяся мечтательность и сосредоточенность

Digitized by Google

подкосили и безъ того слабое здоровье и наложили съ самаго ранняго дѣтства печать болѣзненности и слабости. Вотъ и теперь, укачанный тряскою экипажа и полуразбитый толчками, онъ молча прижимался къ углу брички, чувствуя во всемъ тѣлѣ ломоту и нестерпимую тягость; а передъ глазами его рисовались смутныя и непонятныя грёзы, подходящія какъ нельзя лучше къ его физическому ощущенію. Старушка, сидѣвшая подлѣ него, съ морщинистымъ лицомъ и съ такимъ же покорнымъ, задумчивымъ выраженіемъ лица,— которое рождало какое-то неуловимое сходство между восьми-лѣтнимъ ребенкомъ и шестидесяти-лѣтнею старухой,— была его няня. Путешественники тянулись по грязнымъ улицамъ «Бѣлокаменной», и няня набожно крестилась на каждую попадавшуюся на глаза церковь, глубоко вздыхая. Съ каждымъ новымъ поворотомъ, улицы разстилались передъ ними все многолюднѣе и богаче. Большіе каменные дома уже замѣнили живописно раскинувшіеся деревянные, коричневые и желтенькіе домики, съ полисадниками и заборами. Вдали виднѣлся Кремль. Колокола сливались въ одинъ оглушительно-гармоническій гулъ и раздавались въ весеннемъ чистомъ воздухѣ. Солнце закатывалось и озолочало верхушки и шпицы куполовъ, которые горѣли какъ въ огнѣ. Няня все чаще крестилась, высовываясь изъ брички. Даже заспанный лакей пробудился и оглянулся кругомъ съ видомъ человѣка еще не вполнѣ соображавшаго какими путями онъ попалъ сюда. Одинъ ребенокъ не перемѣнилъ своей напряженно-спокойной позы, и казалось только больше съежился отъ нестерпимой тряски.

— Золото мое! а мы никакъ подъѣзжаемъ, проговорила няня, немного оживляясь и нагибаясь къ нему,—али ты спишь?

— Нѣтъ, сказалъ ребенокъ, раскрывая еще шире свои и безъ того раскрытые глаза.

— Растрясло тебя, голубчикъ? растрясло небось? Вотъ ужо пріѣдемъ, чайкомъ напою, мое золото, въ кроватку ляжемъ, отдохнешь и папеньку увидишь; что? радъ, мой дорогой?

Digitized by Google

— Да, отвѣчалъ мальчикъ безъ всякой интонаціи и по прежнему не шевельнулся.

Разговоръ прекратился; черезъ нѣсколько минутъ бричка подкатила къ парадному крыльцу большого, богатаго дома. Лакей соскочилъ и началъ высаживать маленькаго барина. Швейцаръ выглянулъ нерѣшительно, вѣроятно еще не сообразивъ какого рода гости нагрянули такъ неожиданно. Покуда старушка суетилась у экипажа, вытаскивая оттуда несмѣтное количество узелковъ и коробочекъ, такъ что неопытному зрителю и въ умъ бы не взбрело, какъ могло помѣститься такое количество въ маленькой, но уютной бричкѣ,—лакей внесъ на рукахъ все еще съежившагося и совершенно неподвижнаго ребенка по лѣстницѣ наверхъ.—Ты это куда?—окликнулъ его швейцаръ съ достоинствомъ.

— Да къ барину нашему Павлу Сергѣичу, сынка его привезли. Куда къ нему? вотъ-то дверей не оберешься!

— А!—протянулъ значительно швейцаръ, — вотъ въ ту дверь-то позвоните, что направо въ бельэтажѣ, оно тамъ и есть.

Лакей позвонилъ. Швейцаръ спустился съ крыльца и подошолъ расторопно къ старухѣ. «Можетъ въ чемъ помочь надо?» спросилъ онъ.

— Спасибо, спасибо, батюшка, сказала она разтерявшись, а вы что-ли здѣшніе?

— Здѣшній швейцаръ, произнесъ онъ не безъ самодовольствія,—а вы, матушка, издалека?

— Изъ далеконька, изъ далеконька, батюшка, какъ же: двѣсти верстъ, али чай дальше будетъ! И дорога-то больно испортилась. А что баринъ? здоровье какъ поправилось?

— Плохо, плохо, отвѣчалъ швейцаръ, какъ-то таинственно мотнувъ головой,—въ худую пору пріѣхали; за священникомъ того гляди надо посылать. Докторовъ-то, докторовъ-то что понабывало!

— Ахти, батюшки! сказала старуха повѣся голову, и съ выраженіемъ покорнаго отчаянія въ лицѣ прошла въ дверь. Въ передней лакей стягивалъ съ ребенка платочки и кофточки, которыми онъ былъ укутанъ, или скорѣе—обвитъ какъ пеленками. Мальчикъ озирался испуганно и робко во-

Digitized by Google

кругъ; цѣлая анфилада комнатъ виднѣлась изъ полу-открытой двери передней и выказывала все пышное убранство барской квартиры. На лавкѣ въ темномъ углу прихожей спалъ барской лакей, откинувъ руки за голову и запутавъ пальцы въ завитые разтрепанные волосы. Маленькій казачокъ, отворившій дверь пріѣзжимъ, глядѣлъ на нихъ съ тупымъ любопытствомъ.

— Войти чай нужно, сказалъ пріѣхавшій лакей, одѣлавъ неимовѣрное усиліе надъ собой, чтобы сообразить это. Няня знала это давно, только робость охватила ее и слегка подергивала ея отвисшія, худыя щеки.

— Доложить прикажете? спросилъ казачокъ.

— Доложи, доложи, сказала няня радостно,—а мы войдемъ; баринъ-то маленькій усталъ,—это вѣдь сынокъ-то Павла Сергѣича.

Казачокъ окинулъ ребенка равнодушнымъ взглядомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Ходи, ходи, мое золото, сказала няня и ввела мальчика въ залу. Онъ вошолъ не сопротивляясь, и лицо его какъ-будто прояснилось: казалось убранство большой свѣтлой комнаты, въ которой все блестѣло какъ-то особенно заманчиво, сняло съ него внезапно всю прежнюю усталость. Его ребяческую головку охватили ощущенія и грёзы неясныя, широкія. Пышныя комнаты, съ этажерками обставленными свѣжими цвѣтами, высокіе камины съ большими бронзовыми фигурами и часами и прозрачныя, большія зеркала принимали въ его глазахъ какой-то фантастическій характеръ, который до сихъ поръ не мерещился ему. Въ комнату вошолъ мужчина лѣтъ тридцати пяти на видъ. Онъ обнялъ растерявшагося ребенка.

— Здраствуй, здраствуй, Миша! сказалъ онъ, небось не знаешь меня: я дяденька Александръ Сергѣичь, слыхалъ?

— Дядя Саша!—пролепеталъ ребенокъ.

— Ну да, дядя Саша... Здраствуй, нянюшка,—сказалъ онъ, мотнувъ ей ласково головой,—что, утомилась съ дороги?

— Что, батюшка, утомиться! намъ чтожъ станетъ?—вотъ баринъ Михайло Павловичь-то чай съ дороги усталъ.

— Отдохнетъ, отдохнетъ, сказалъ дядя ласково и поса-

Digitized by Google

дилъ его на колѣни,—вотъ ты и пріѣхалъ, мальчуганъ, а папѣ твоему все худо: лежитъ боленъ,—знаешь это?

— Знаю, опять прошепталъ ребенокъ, все не сводя глазъ съ отдаленнаго угла въ третьей комнатѣ, гдѣ среди свѣжей вьющейся зелени полу-виднѣлась какая-то статуя.

— Худенькой-же онъ у тебя! сказалъ дядя послѣ минутнаго осмотра лица ребенка, обращаясь къ старушкѣ,—кормите что-ли вы его дурно?

— Какое, батюшка, кормимъ худо,—перебила нянюшка, оттого только не обижаясь, что потеряла кажется эту способность впродолженіе многихъ лѣтъ безмолвной, кроткой покорности;—вдоволь всего, чегожъ ему недостаетъ? одинъ-то сынокъ—бариномъ въ деревнѣ остался... Вѣрно ужъ въ маменьку пошолъ: покойница куда худенькія, блѣдненькія были!

— Что, ужъ обидѣлась старуха? а?—сказалъ смѣясь дядя и опять ласково ущипнулъ мальчугана за щеку.—Зазнобушку твою затронули! ничего, откормимъ мы его здѣсь; у тебя же и товарищи будутъ здѣсь,—Миша будетъ, мой сынъ, да еще шалунъ какой, тебѣ ровесникъ: наиграетесь. А вотъ теперь къ тётѣ поди, познакомься, а тамъ чайкомъ напоятъ, въ постельку положатъ.

— А къ папенькѣ-то какъ? спросила робко няня.

— Сегодня нельзя, врядъ-ли пустятъ: спитъ — четыре ночи не спалъ, какъ-будто теперь и полегчало немножко.

Ребенка отправили въ домашнія комнаты тётки; его встрѣтилъ вездѣ радушно-ласковый пріемъ, несмотря на который онъ все жался и смотрѣлъ угрюмо своими большими глазами, отвѣчая односложно на всѣ вопросы. Его уложили спать. Онъ опустилъ свою усталую головку на подушку, и ему все еще мерещилась длинная анфилада комнатъ, точно въ волшебной сказкѣ, а въ ушахъ все звенѣло и дребезжало, передъ глазами все искрилось, какъ-будто онъ по прежнему ѣхалъ въ старой, тряской бричкѣ. И сны самые разнородные перепутывались и смѣшивались. Изъ за бѣлой статуи, выглядывавшей такъ таинственно сквозь зелень невиданныхъ до сихъ поръ растеній, ему мерещились покатистыя поля, перерѣзанныя быстрыми рѣчками, виднѣлась старая липовая аллея, тянувшаяся извилистою лентою съ са-

Digitized by Google

мого крыльца ихъ деревенскаго домика, и столѣтнее каштановое дерево, котораго вѣтки колыхаясь били объ его окно и пропускали въ такихъ фантастическихъ тѣняхъ и переливахъ яркіе лучи солнца, разбивающіеся затѣйливыми змѣйками на ярко-бѣлой стѣнѣ его дѣтской. И въ этой самой дѣтской, казалось ему, все такъ перемѣнилось. На стѣнѣ висѣли большіе бронзовые часы, а на старой лежанкѣ выступалъ бронзовый конь, закусившій поводья и распустившій гриву,—а въ углу ни съ того ни съ сего опять виднѣлось очертаніе бѣлой статуи, а за ней тянулись опять поля, рощи, пригорки. И потомъ вдругъ все кружилось и искрилось; въ головѣ чувствовалась какая-то нестерпимая, оглушающая боль; въ ушахъ звенѣло такъ точно, какъ гудѣли протяжно и оглушительно звонкіе колокола при въѣздѣ ихъ въ городъ, и все тѣло болѣло и ныло отъ ломоты, какъ-будто вздрагивая и покачиваясь отъ тряски экипажа. Его разбудили ночью, но это пробужденіе казалось ему только продолженіемъ одного и того же страннаго, несвязнаго сна. Дядя, ему казалось, тихо ввелъ его въ темную комнату, гдѣ слабо мерцалъ огонекъ. Огонекъ этотъ, выходя сквозь рѣзьбу ночника, разходился затѣйливыми узорами и кругами на потолкѣ, оставляя всѣ предметы и всю комнату въ полу-мракѣ. Около темно-синяго бархатнаго дивана, у стола, на которомъ былъ наброшенъ чехолъ, стоялъ среднихъ лѣтъ мужчина. Онъ, прищуривъ свои быстрые глаза и сдвинувъ свои безъ того густые брови, приготовлялъ какія-то капли. Другой мужчина съ сѣдыми волосами и съ какимъ-то невозмутимо-торжественнымъ лицомъ виднѣлся у изголовья постели, на которой сидѣлъ полу-лежа больной. Мишѣ казалось, что дядя говорилъ ему что-то, но онъ боязливо прижался къ постелѣ и думалъ только:—не это-ли папа? Въ исхудаломъ, осунувшемся лицѣ больного, на которомъ пробѣгали какія-то судороги и подергивались глаза неясною, леденою, онъ не могъ узнать ни одной черты прежняго отца. Онъ и прежде мало его видѣлъ; отецъ пріѣзжалъ недѣли на двѣ, на три каждое лѣто; привозилъ подарки и гостинцы; смѣялся громко и весело, и въ умѣ мальчика образъ отца всегда смѣшивался съ самыми радужными воспоминаніями. Въ гости-

Digitized by Google

ной въ то время обыкновенно снимали чехлы,—даже тотъ, который завѣшивалъ портретъ блѣдной, серьозной женщины, съ загадочно-грустною улыбкою на губахъ, такъ что въ глазахъ казалось набѣгали медленно слезы, покуда эта улыбка прорѣзала едва замѣтныя линіи на блѣдноватой, правильной щекѣ. За обѣдомъ приносили вазы съ огромными букетами цвѣтовъ, комнаты уставляли цвѣтами; обѣдъ принималъ какой-то роскошный праздничный видъ, точно на Пасхѣ. На мѣсто обычнаго простого пирожнаго приносили какую-то игрушечную башню съ зубцами изъ желе, внутри которой горѣла зажженная свѣча. Мужики и бабы, проходящіе обыкновенно мимо съ такимъ тупо-усталымъ видомъ, собирались прикащикомъ на барскій дворъ и хоромъ затягивали веселыя хороводныя пѣсни. Управляющій, обыкновенно молчаливый, и угрюмо-бранчивый голосъ котораго долеталъ иногда сквозь открытое окно до ушей Миши, принималъ такой масляно-радостный видъ, какого никто не могъ и ожидать отъ его насупившейся, красной физіономіи.

Больной заговорилъ разбитымъ голосомъ. Миша не понялъ смыслу словъ; впослѣдствіи ему припоминалось только впечатлѣніе, которое эти слова сдѣлали на него, и ему казалось, что голосъ звучалъ съ какимъ-то сдержаннымъ отчаяніемъ.

— Это не папа, подумалъ Миша, и безсознательно не сводилъ своихъ большихъ глазъ съ лица умирающаго.

— Священника-бы,—сказалъ нерѣшительно и шопотомъ первый докторъ.

Больной приподнялъ голову.... «Не надо, не надо», проговорилъ онъ, какъ-бы встрепенувшись,—«а впрочемъ скорѣе бы ужъ... подойди ближе, Миша!»

Миша не двинулся, точно парализированный; дядя поднялъ его и посадилъ на кровать. Больной началъ его благословлять слабымъ голосомъ.

—Нѣтъ, вѣрно папа,—подумалъ опять ребенокъ.

Остальное еще смутнѣе припоминалось ему. Въ комнату вошло еще нѣсколько лицъ. Отецъ дышалъ тяжело и все рѣже, Миша глядѣлъ молча на все и чувствовалъ только глухую боль во лбу, надъ бровями, какъ-будто ему сдавили

Digitized by Google

виски. Отецъ что-то говорилъ отрывисто и нетерпѣливо; кругомъ шептались. Потомъ дядя вывелъ его за руку и отдалъ нянѣ. У няни слезы струились по щекамъ; она обвила шею мальчика.

— Золото мое, на кого-же ты осталося?—сказала она удушливо.

— Няня, это папа умеръ?—спросилъ онъ.

— Папенька, папенька, голубчикъ ты мой, сиротинушка! чтожъ я съ тобой дѣлать теперь буду?

— А зачѣмъ онъ умеръ, няня?

— Богу видно такъ понадобилось... Лягъ, голубчикъ.

Она положила его спать, и опять потянулись тревожные сны. Зазвенѣло въ ушахъ и мелькало то одно, то другое въ какомъ-то тревожномъ забытьѣ.

Утро было мрачное, скучное; Миша сидѣлъ на клеёнчатомъ диванѣ дѣтской, поджавши ножки и пообыкновенію молча прислушиваясь къ суетѣ и суматохѣ въ домѣ. Няня вязала чулокъ поодаль, поправляя по временамъ свою косынку съ какимъ-то тревожнымъ отчаніемъ. Колокола гудѣли повсюду—это былъ страстной четвергъ, и народъ толпою виднѣлся на улицахъ и толпился въ церквахъ. Изъ залы долетало слабо-монотонное чтеніе дьячка надъ покойникомъ. Въ сосѣдней комнатѣ кричалъ и шумѣлъ дядинъ сынъ, Мишинъ ровесникъ. День тянулся вяло, безовязно; уже звонили къ обѣднѣ.

— Въ храмъ Божій сходить-бы,—сказала нерѣшительно няня.

— Чтожъ? и сходите, матушка, посмотрите, сказала горничная.—Митрополитская служба—во вѣкъ такого великолѣпія не увидите.

Няня опять машинально провела рукою по косынкѣ. «Золото, а золото, пойдемъ въ церковь помолиться, сиротинка ты мой,—Господь-то вѣдь заступникъ сиротъ!»

Они отправились. Успенскій соборъ уже наполнялся пестрѣющей толпой. Няня пробилась на середину. Миша глядѣлъ изумленно вокругъ себя; его маленькая ручка задрожала въ няниной рукѣ и опять непонятное чувство простора охватило его головку.

Digitized by Google

На клиросахъ громко пѣли. Митрополитъ въ полномъ облаченіи поднялся на ступеньки возвышенія. Началась церемонія. Народъ тѣснился кругомъ; звучный басъ дьякона разносился по всѣмъ угламъ церкви, и простыя, глубокія слова съ особою силою и значеніемъ звучали подъ громадными сводами, гдѣ толпилась тысячная, разнородная толпа, какъ-будто отложившая на минуту всторону свои ежедневныя различныя дрязги и треволненія, свою гордость и свое униженіе, чтобы,—кто сознательно, кто безсознательно слиться въ одномъ ощущеніи высокой идеи. Митрополитъ торжественно опоясался и началъ подходить по очереди къ двѣнадцати священникамъ. Миша зналъ наизусть каждое слово, которое теперь читали, хотя оно и звучало теперь съ какою-то непостигаемою торжественностью. Въ головѣ его опять заколыхалось, какъ будто расплывалось, расширялось и превращалось въ слившуюся гармонію. Казалось, самъ Христосъ на тайной вечерѣ обходитъ своихъ учениковъ, что вся толпа склоняется передъ нимъ, и что все переполняется этою любовью, которую онъ принесъ, и—Миша почти ждалъ, что вотъ все упадетъ, все обнимется, все замретъ въ этомъ ощущеніи блаженства, и ему чувствовалось какъ замирало его сердце, точно оно остановилось, точно онъ припалъ къ землѣ и не слышитъ ничего другаго кромѣ этихъ громозвучныхъ словъ, которыя съ каждою минутою все сильнѣе и шире обхватываютъ все, какъ-будто ихъ произноситъ самъ Богъ; точно они долетаютъ откуда-то сверху, прорѣзая прозрачную пелену свѣта, струящагося надъ ихъ головами изъ готическихъ, большихъ оконъ церкви. Но ему уже казалось, что онъ самъ изчезаетъ, и вездѣ звучитъ только одинъ этотъ голосъ, точно и самъ-то онъ весь превратился въ часть этого все-обхватывающаго голоса.

И изъ одного конца церкви до другого раздавались слова: «Аще убо Азъ умыхъ ваши нози, Господь и учитель, и вы должны другъ другу умывати нози. — Да яко же Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите.»—И ему казалось, что вотъ и онъ беретъ полотенце и наклоняется къ ногамъ людей и моетъ ихъ вслѣдъ за Христомъ, и его сердце обхватывается какою-то непонятною отрадою. И всѣ эти неясныя ощу-

Digitized by Google

щенія слагались мало по малу,—принимали какое-то очертаніе, какой-то смыслъ въ его разстроивавшейся головкѣ,—и онъ какъ будто мысленно говорилъ: и я буду людямъ ноги мыть, и я пойду за Христомъ! — И явственно чувствовалъ, что любитъ всѣхъ людей, какъ-будто всѣ они ему также близки, также дороги какъ его старушка няня.

— Дорогой мой, кончилось,—сказала няня, тронувъ его плечо.

Онъ машинально всунулъ свою ручку въ нянину руку. Они молча вышли. Толпа валила передъ ними; звонъ колоколовъ провожалъ ихъ, оглушительно разливаясь по воздуху. Казалось, что они все еще твердили Мишѣ: «Да яко же Азъ сотворихъ, и вы творите.» Они молча дошли до дому. Няня только глубоко вздыхала. Миша опять вскарабкался на клеенчатый диванъ и притаился. Няня достала старое истертое Евангеліе и вполголоса читала его на распѣвъ. Это была единственная книга, кромѣ азбуки, которую Миша имѣлъ до сихъ поръ въ рукахъ; изъ нея вытекали всѣ его думы, надъ ней задумывался онъ несвязно, и для него она была чѣмъ-то таинственно многозначительнымъ.

Вечеръ протянулся однообразно. Дядины дѣти давно бросили его, какъ скучнаго деревенщину, и играли въ сосѣдней комнатѣ. Никто не ходилъ, никто не спрашивалъ о немъ. У тетки сидѣли гости, пріѣхавшіе съ соболѣзнованіями.— Няня уложила его спать. Онъ засунулъ ручку подъ подушку и прижался къ ней лицомъ. Няня перекрестила его, твердя шопотомъ: «Ангелъ хранитель защити тебя, Господь съ тобою, спи съ Богомъ, золото.» Онъ обвилъ ея шею руками и притянулъ ея сморщенное лицо къ себѣ, открывая свои безпокойные, вѣчно переполненные какою-то думой, глаза.— «Няня, и я хочу какъ Христосъ, и я также.»

— Господь съ тобою,—прошептала она еще разъ и начала медленно раздѣваться.

— Чудной онъ у васъ какой!—замѣтила ей мимоходомъ стоящая у дверей горничная.

Няня покачала головой съ своимъ обычно озадаченнымъ видомъ. Миша уже засыпалъ, погружаясь въ полу-дремоту.

Digitized by Google

и забытье, все крѣпче прижимая свою ручку къ подушкѣ и шепча тихонько свою обычную молитву: «Упованіе мое отецъ, прибѣжище мое...» и пр.

II

Одинадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Въ знакомомъ намъ барскомъ домѣ все носило прежній аристократично-роскошный видъ. Одинадцать лѣтъ, такъ тяжело налегшія на многихъ, и принесшія съ собой столько перемѣнъ, утратъ, новизны, казалось едва коснулись этого барскаго уголка въ Бѣлокаменной и только мирно дали развиться всѣмъ прежнимъ началамъ съ задаткомъ, которыя теперь придавали ему еще большую полноту и изящество. Александъ Сергѣевичъ все съ прежнею, почти такою же улыбкою, съ прежнимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ, съ прежнимъ холодно-добродушнымъ блескомъ глазъ, глядѣлъ теперь на красавца мальчика, своего сына, уже почти превратившагося въ молодаго человѣка, въ которомъ всѣ прежнія обѣщанія и надежды сбылись такъ точно, такъ удовлетворительно. Еще полгода, и старшій сынъ, наслѣдникъ старой, знатной фамиліи, надѣнетъ гвардейскій мундиръ и въ свою очередь вступитъ въ тотъ блестящій круговоротъ, гдѣ сіялъ и сіяетъ еще Александръ Сергѣевичъ,—и гдѣ, какъ въ настоящей сферѣ, какъ рыбѣ въ водѣ, было всегда такъ просторно всему ихъ роду; другія дѣтки подростали также и замѣняли въ просторной дѣтской прежняго веселаго первенца. Но они еще не дожили до дней своей славы; и ихъ жизнь, и ихъ значеніе въ кругу семейномъ были всѣ впереди, и не выходили изъ-за предѣловъ дѣтской, гдѣ они и теперь уже царствовали надъ нянюшками, а покуда все вниманіе родителей было поглощено старшимъ сыномъ, такъ достойно оправдавшимъ всѣ раннія надежды и ожиданія родителей.

Digitized by Google

Впрочемъ настоящаго владѣльца этого дома не было видно въ кругу веселаго семейства. Маленькому Мишѣ, сдѣлавшемуся послѣ смерти отца наслѣдникомъ всего его состоянія, не суждено видно было долго жить въ этомъ домѣ, гдѣ все такъ несходно было съ его инстинктами и стремленіями, и гдѣ его блѣдно-съежившаяся и задумчивая фигура такъ рѣзко дисгармонировала съ общею обстановкою. Дядя, сдѣлавшійся опекуномъ его, черезъ мѣсяцъ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ деревню, чтобы поправить свое собственное разстроившееся состояніе. Миша поселился у него. Здѣсь онъ былъ переданъ на попеченіе французскаго гувернера и вмѣстѣ съ дядинымъ сыномъ началъ готовиться къ корпусу. Но въ Мишѣ вѣчно было что-то такое, что отдѣляло его рѣзкою чертою отъ прочихъ дѣтей. Онъ, казалось, и чувствовалъ, и дѣлалъ все иначе. Способности у него были хорошія, только французъ никогда не могъ напасть на настоящую методу,—затронуть живую струну.—Онъ задумывался надъ книгою вмѣсто того чтобы твердить урокъ, задумывался, гдѣ по мнѣнію учителя и не нужно было задумываться, спрашивалъ тогда, когда ребенку вовсе и спрашивать не нужно, и зналъ все то, что и не требовали, чтобы онъ зналъ. Его баловали и ласкали почти наровнѣ съ другими дѣтьми; только его положеніе было натянутое и отчужденное. Вѣчно молчаливый, нервно-взволнованный и больной, онъ въ домѣ замѣнялъ какъ-будто домашняго котенка, который, вѣчно съежившись и притаившись, лежитъ гдѣ-нибудь на мягкомъ, бархатномъ диванчикѣ. Онъ жался и ежился, когда его обнимала тетка, заходившая мимоходомъ въ дѣтскую заглянуть на дѣтей, жался и робко глядѣлъ въ даль, когда дядя шутливо трепалъ его по щекѣ въ тѣ рѣдкія минуты, когда дѣти попадались ему на глаза. И по прежнему сохранилъ онъ свою молчаливую страсть къ старушкѣ нянюшкѣ. Съ нею онъ по старому проводилъ цѣлые часы сряду, прислушиваясь къ ея заунывному, дребезжащему пѣнію «Лазаря» и духовныхъ, народныхъ стиховъ, перенятыхъ у захожихъ странниковъ, и читалъ Евангеліе, наморщивъ брови и вдумываясь въ значеніе этихъ громадныхъ ощущеній, которые зарождались въ его сердцѣ. На

Digitized by Google

двѣнадцатомъ году его отдали въ корпусъ; онъ попрежнему молчаливо переносилъ новую, тяжолую жизнь, только началъ чахнуть и тосковать. Няня еще безнадежнѣе и покорнѣе ходила, опустивъ голову на грудь. Смерть старушки поразила его окончательно; даже дядя принужденъ былъ взять его домой. Но городская жизнь тяжело отзывалась на здоровьѣ ребенка; доктора прописали ему перемѣну воздуха и образа жизни. Тутъ-то вспомнилъ о немъ старшій братъ его отца, давно уже жившій въ Троицко-сергіевской лаврѣ, и уже десять лѣтъ какъ постригшійся въ монахи. Онъ взялъ мальчика къ себѣ, считаясь, по желанью умирающаго брата, также однимъ изъ руководителей племянника, и здѣсь началась для Миши новая жизнь.

Келья отца Амвросія отличалась отъ прочихъ келій особымъ характеромъ, также точно какъ отличался самъ отецъ Амвросій отъ прочей братіи. Онъ занималъ двѣ комнаты, не считая кухни и комнаты племянника. Вездѣ убранство было самое монашеское; все было строго безукоризненно. Чистыя, бѣлыя стѣны не носили ни малѣйшаго украшенія,—только въ углу помѣщалась огромная кіота изъ краснаго дерева, старой отдѣлки и съ большими, дорогими образами, въ золотыхъ окладахъ. Вездѣ виднѣлась роскошь съ строгимъ аскетизмомъ; смѣшеніе этихъ двухъ началъ давало всему особый видъ. Роскошь носила какой-то духовный характеръ, аскетизмъ въ свою очередь былъ облеченъ въ роскошно-строгую форму, которая ничѣмъ впрочемъ не походила на комфортъ или на послабленія въ пользу бреннаго тѣла. Тяжолой работы, съ высокими прямыми спинками стулья стояли вдоль стѣны; даже дивановъ не было.—Большой столъ былъ накрытъ клеенкою; въ шкафу, съ стеклянною дверцею помѣщалась библіотека монаха: около десяти экземпляровъ славянскихъ евангелій давнишнихъ временъ, житія святыхъ, библія,—даже газетъ не видно было. На стѣнѣ противъ двери висѣли бронзовые часы старинной отдѣлки и не русской работы. Это была гостинная. Вторая комната служила спальнею. Здѣсь кіота въ углу была еще большихъ размѣровъ и передъ нею, также какъ и въ гостинной, днемъ и ночью теплилась лампада, съ какимъ-то бла-

Digitized by Google

говоннымъ масломъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, въ комнатахъ постоянно пахло чѣмъ-то въ родѣ ладона. Въ углу стояла постель, которой позавидовалъ-бы иной аскетъ. Она была широкая, низкая, крѣпкая, съ периною туго набитою и твердою какъ дерево; одѣяло и чехолъ подушки были изъ какой-то чорной матеріи. На столѣ подлѣ постели помѣщались молитвенникъ, чотки и спички. Въ углу на вѣшалкѣ, также изъ краснаго дерева, висѣла монашеская ряса; въ единственномъ комодѣ помѣщалось все одѣяніе монаха. Все было чисто и сурово съ какою-то строгою обдуманностью.

Было утро, монахи только что возвращались отъ обѣдни. Въ кельи отца Амвросія все уже было убрано. Самъ онъ остановился на минуту на дворѣ монастыря перекинуться двумя, тремя словами съ расходящимися монахами. Въ углу, у большого стола, стоялъ молодой человѣкъ, разставляя на подносѣ чашки. Въ немъ нетрудно было узнать прежняго Мишу. Лицо имѣло старинное, невинно-глубокое выраженіе, иногда встрѣчающееся у дѣтей, а глаза съ прежнимъ выраженіемъ покойной, задумчивой тревоги, сохранили свой глубокій, затаенный огонь. Блѣдный овалъ лица, почти слишкомъ нѣжный и прозрачный для мужчины, носилъ все тотъ же покорно восторженный видъ съ тихою грустною улыбкою, и освѣщался только этимъ ровнымъ, матовымъ блескомъ темно-синихъ, большихъ глазъ. Но также какъ и прежде, вся фигура его была щедушна, худа и не бросалась въ глаза. При первомъ взглядѣ онъ могъ даже показаться равнодушному наблюдателю некрасивымъ. Робость, не отнимая впрочемъ у его движеній какой-то природной, торжественной мягкости и нѣжности, все-таки выдавалась на первомъ планѣ и казалась отличительною чертою его характера. Въ сущности было не такъ; онъ былъ только задумчивъ и кротокъ. Въ губахъ и въ линіи между бровями виднѣлась даже какая-то еще не высказанная рѣшимость и твердость, какъ будто это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя непреклонно идутъ подъ вліяніемъ абстрактной идеи, ни разу не поддаваясь, покуда есть сила, и ломаются рѣзко, безвозвратно. — Въ комнату вошолъ отецъ Амвросій. Онъ молча прошолъ въ спальню и снялъ рясу. Молодой человѣкъ вы-

Digitized by Google

шелъ въ сѣни за самоваромъ. У отца Амвросія былъ всего одинъ только служка, и самъ онъ съ племянникомъ помогалъ ему во всемъ. Они оба молча сѣли за чайный столъ и также молчаливо начали пить. Чай кончился. Отецъ Амвросій всталъ, перекрестившись на кіоту. Миша началъ обтирать чашки.

— Михаилъ, сказалъ дядя, — главу 20-ю будешь переписывать.

— Да, дяденька.

— То-то. Тамъ сходи къ отцу Сергію за уроками.

Онъ прошолъ въ спальню и вынулъ изъ стола разбросанные листы, исписанныя твердымъ, но старообразнымъ почеркомъ. Единственная мірская забота отца Амвросія состояла въ этихъ листахъ. Онъ писалъ какую-то длинную исторію церкви. Михаилъ прошолъ въ свою кельицу и тоже сѣлъ писать. Въ комнатѣ раздавался только скрипъ пера; все было невозмутимо-тихо. Часы пробили двѣнадцать; въ гостиной проворный служка накрывалъ на столъ. Они опять усѣлись также чинно; дядя сказалъ предварительно молитву. Мишѣ подали тарелку бульона, такъ какъ онъ не придерживался еще уставовъ монастырскихъ. По окончаніи обѣда дядя опять прочиталъ молитву.

— Зайдешь къ отцу Сергію, сказалъ онъ племяннику.

— Да, дяденька.

— Попросишь у него одолжить ту рукопись, что на дняхъ получилъ. Я возвращу завтра; скажи, для справокъ нужно.

— Слушаю, дяденька.

Дядя опять пошолъ въ спальню и легъ по обычаю заснуть послѣ обѣда. Михаилъ отправился къ отцу Сергію съ уроками. Въ пять часовъ занятія кончались. Онъ отправлялся бродить куда душѣ угодно. Онъ гулялъ долго, до изнеможенія; гулялъ, думалъ, перебиралъ многое, покуда ему казалось, что онъ самъ какъ-будто двоится отъ этихъ думъ и смотритъ на себя со стороны. Тихая, упорная, восторженная религіозность наплывала и обхватывала его душу. Все смутно кипѣло, сливаясь сознательнѣе въ какое-то неизъяснимое обожаніе. Никакой формы, никакого вида не принимала эта религіозность, только представлялась какимъ-

Digitized by Google

то идеаломъ великаго, прекраснаго, которое манило его и подстрекало всѣ его чувства. Онъ иногда заходилъ то къ тому, то къ другому изъ воспитанниковъ академіи, входилъ въ библіотеку и читалъ долго, по нѣскольку часовъ сряду историческія сочиненія и путешествія. Въ его воображеніи все описанное принимало ясно-осязательную форму. Онъ возвращался въ сумерки домой и ему мерещились, какъ-бы сквозь туманъ и прозрачныя тѣни сумерекъ, тѣ картины роскошныхъ мѣстоположеній, о которыхъ онъ читалъ. «Вотъ туда бы!» думалъ онъ съ замираніемъ, и ему казалось, что жизнь его еще не совсѣмъ полна, что чего-то все недостаетъ, что подъ тѣмъ южнымъ теплымъ солнцемъ, подъ тѣмъ безоблачно-синимъ, глубокимъ небомъ—ему еще яснѣе и понятнѣе стало-бы это тоскливое порываніе къ совершенству.

— Гдѣ-же оно, это совершенство? Гдѣ можно забыться, переполниться?—думалъ онъ. Можетъ тамъ вѣчно-сіяющая красота природы, и всего... можетъ тамъ всѣ въ блаженствѣ и нельзя не блаженствовать... Какъ-бы стереться совсѣмъ, жить не своею волею!..

Въ тотъ день онъ вернулся поздно. Свѣча была зажжена на столѣ монаха и перо шурча бѣгало по бумагѣ. Михаилъ усѣлся къ окну: онъ слѣдилъ за легкимъ движеніемъ облачковъ съ чувствомъ какого-то тихаго простора. Въ комнату вошолъ служка.

— Письмо, сказалъ онъ, положивъ передъ Михаиломъ запечатанный конвертъ.

Впродолженіе двухъ послѣднихъ годовъ эти рѣдкія письма были единственнымъ сообщеніемъ Михаила съ міромъ, отъ котораго онъ отказался безъ всякаго труда, не зная его, и всегда производили они въ немъ какое-то тревожное сомнѣніе и на нѣсколько времени нарушали его покой. Не то, что онъ на минуту-бы даже порывался къ этой тревожной жизни; но эта дѣятельность, эта тревога сама по себѣ пустая, ничтожная напоминала ему и возбуждала въ немъ также какой-то непонятный порывъ къ идеальной дѣятельности, для которой онъ нигдѣ не могъ найти исхода. Яркій румянецъ и теперь вспыхнулъ на его щекахъ. Онъ зажогъ свѣчку и началъ читать. Служка накрывалъ столъ для ужи-

Digitized by Google

ня, украдкою поглядывая на Михаила; въ его однообразной жизни это письмо также составляло эпоху и также колыхало его сердце, точно какъ слабымъ отголоскомъ волненій, тревогъ и дѣятельности заманчиваго, незнакомаго міра. Отецъ Амвросій медленно сложилъ бумаги и прошолъ въ гостиную. Миша, задумчиво складывая письмо, присоединился къ нему.

— Я получилъ письмо отъ брата, сказалъ онъ нерѣшительно.

— А-а! сказалъ дядя и поднялъ свои непреклонно-суровые, безстрастные глаза на племянника.

Они замолчали. Михаилъ разсѣянно разрѣзалъ свою котлетку, глядя упорно на тарелку. Ужинъ кончился. Дядя прочиталъ молитву и направился къ дверямъ. На полудорогѣ онъ остановился.

— Что же онъ пишетъ? спросилъ онъ.

Опять слабый румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Михаила.

— Пишетъ, что скоро экзаменъ выдержитъ, въ гвардію поступитъ и въ Петербургъ переѣдетъ. Всѣ здоровы, кажется. — Михаилъ остановился.

Дядя опять посмотрѣлъ на него своимъ непреклонно-проницательнымъ взглядомъ.

— Что-жъ еще? небось все пустяки?

— Да, тамъ разные пустяки, — сказалъ Михаилъ, улыбаясь болѣе веселою улыбкою. Онъ вѣдь такой веселый, дядя. Меня къ себѣ зоветъ на праздники, — добавилъ онъ нерѣшительно.

— Чтожъ, я не мѣшаю; поѣзжай если хочешь. Вѣдь тебѣ-то еще суета не надоѣла, — сказалъ дядя тѣмъ-же ровнымъ голосомъ, какъ-будто уже потерявшимъ способность передавать какіе-либо интонаціи.

— Да что мнѣ тамъ дѣлать? — спросилъ задумчиво Михаилъ, хотя опять румянецъ вспыхнулъ на его щекахъ.

— Хорошаго развлѣчься мало, — сказалъ дядя хладнокровно.

Они молчали; часы пробили одиннадцать.

— Прощай! сказалъ дядя.

Михаилъ подошолъ къ нему и поцѣловалъ его руку; дя-

Digitized by Google

дя перекрестилъ его медленно и вышелъ изъ комнаты. Онъ поправилъ лампаду передъ кіотой, зажогъ восковую свѣчу и открылъ молитвенникъ. Только монотонный шопотъ его и отъ времени до времени легкій шорохъ его рясы отъ земныхъ поклоновъ—раздавались въ его кельѣ. Михаилъ прошолъ въ свою комнату и сѣлъ на постель. Его голова горѣла лихорадочно, непонятное чувство тревоги обхватывало мысли.—Поѣхать развѣ?—думалъ онъ. Передъ его глазами начало исчезать скудное убранство комнаты и стала рисоваться отдаленно и туманно вся обстановка той дальней, неизвѣстной жизни. Онъ вынулъ письмо и перечиталъ еще разъ. Отъ него такъ и дышало судорожною веселостью и безпечностью, которыя разливались безъ границъ, какъ-будто не предвидя ни конца, ни преградъ. Все это въ умѣ Михаила двоилось; на первомъ планѣ выступали — судорожное порываніе, дѣятельность юныхъ силъ, а рядомъ съ нею мелочность, суета идеаловъ, къ которымъ порывались эти силы. Такая разноголосица пугала Михаила, представляясь какимъ-то диссонансомъ.

— Гдѣ-же въ этомъ примиреніе? думалъ онъ. Парады, общество, кутежъ,—и все это безъ другой какой-нибудь цѣли, безъ хорошей цѣли; въ этомъ развѣ идеалъ жизни, цѣль ея? Неужели нѣтъ другого исхода? Рядомъ съ этимъ подымалась строго-мрачная картина ихъ монастырской жизни, уже отдѣлившаяся отъ тѣхъ красокъ, которыя набрасывалъ на нее тотъ вдохновенно-порывистый энтузіазмъ религіозности, отъ того все-примиряющаго чувства братства и отреченія во имя Христа, отъ того самоуниженія, которое все еще мерещилось и слышалось ему въ словахъ: «И аще Азъ сотворихъ вамъ, Господь и учитель, и вы творите». Подумалъ онъ все это вдругъ, невольно, и ему казалось, что его жизнь, какъ мертвый призракъ, лишенный своей живой искры, вѣяла на него холодомъ и отчужденіемъ.

— Поѣду,—сказалъ онъ рѣшительно, — поѣду искать у людей.... Неужто тамъ ничего не найдется?

Онъ началъ раздѣваться и задулъ свѣчу; тихій, мирный свѣтъ лампады разливался по комнатѣ. Онъ усердно молился передъ образомъ. «Гдѣ-же тебя найти, гдѣ твое примѣненіе?

Digitized by Google

Гдѣ-же простота любви и братства? Господи, вѣдь я-же предался тебѣ для этой любви, когда-же дѣло начнется? Когда-же позовешь ты меня на битву?» Скучная, однообразная жизнь, съ самаго дѣтства тяготившая его силы и поставлявшая рядомъ съ однообразною пустотою мечтательное почитанье идеала, безцѣльная жизнь среди родныхъ; прежнее холодно-ласковое, несогрѣвающее отношеніе къ нему дяди и его семейства; отдаленно-смутное воспоминаніе о разгульно-расчетливомъ эгоизмѣ эпикурейца-отца; дальнее дѣтство, сложившееся безъ его сознанія при обстановкѣ роскошно-веселой жизни, безъ серьознаго значенія или смысла, при малоцѣнныхъ радостяхъ и горѣ, при свѣтски-деспотическихъ условіяхъ; безотрадно-однообразная печаль матери,—все это представилось ему ясно предъ глазами.

— Хоть-бы что-нибудь, подумалъ онъ тоскливо. Къ чему-нибудь вѣдь надо-же приткнуться, а все темно, безцѣльно и впереди и назади. Онъ легъ и закрылъ лицо руками. Въ душѣ все еще смутно что-то волновалось, что-то чувствовалось, что-то говорило, что ложно все отъ начала до конца, что не такъ все сложилось, не такъ развилось и мало пользы принесетъ.

— Можетъ и близко то что надо, да умѣнья нѣтъ его схватить, — подумалъ онъ опять, открывая глаза. Черезъ полу-открытую дверь ему видно было, что происходило у дяди. Отецъ Амвросій стоялъ прямо передъ образами, кладя земные поклоны. Михаилъ могъ разглядѣть его сурово-непреклонный, не подававшійся даже въ молитвѣ профиль. Восковая свѣчка освѣщала его блѣдно-худое, затвердѣвшее лицо. Казалось, что слезы, даже страсти и чувства изгладились навсегда, и выраженіе твердаго спокойствія, безстрастія, замѣнило все остальное. — Это также идеалъ, идеалъ отрицательный,—могъ-бы подумать Михаилъ. Свѣтъ восковой свѣчки съ красноватымъ отливомъ падалъ на его лицо; сверху тихій лучъ лампадки освѣщалъ его сѣдую голову. Михаилу казалось, что это какой-то громадный образъ неземного величія.

— Отсутствіе теплоты и вмѣстѣ съ тѣмъ такое сосредоточеніе, такое отреченіе въ одной идеи! Господи, хоть тутъ

Digitized by Google

что-нибудь есть! хоть это, если не человѣкъ, зато святое что-то, — подумалъ онъ восторженно. Ему опять показалось что-то существенное, что-то высшее, къ чему можетъ приткнуться его мысль.—Куда поѣду? — подумалъ онъ тоскливо,—тутъ хоть все знакомо...

Онъ опустился усталый отъ всѣхъ думъ. Въ полудремотѣ его все еще чувствовалось напряженное состояніе силившейся понять себя мысли. Черезъ полчаса онъ проснулся. Въ комнатѣ дяди все еще горѣла свѣча, и онъ попрежнему могъ видѣть прямую, величавую фигуру съ безстрастнымъ выраженіемъ лица; шопотъ молитвъ, ни минуту не прерывающійся и не переходящій въ дрожаніе или въ страстный порывъ, слышался ему смутно.

— Господи! это святое, — подумалъ Михаилъ съ какимъ то восторгомъ, это величіе! Такъ стать выше всѣхъ людскихъ слабостей! Видно здѣсь мое мѣсто.—Онъ и самъ не могъ понять отчего здѣсь его мѣсто, но уже вспышка сомнѣнія и тревоги улеглась въ его смиренномъ сердцѣ; ему опять мерещился тихій идеалъ самоотверженія и религіознаго восторга; снова монастырская жизнь, олицетворенная въ дядѣ, принимала въ его глазахъ громадный размѣръ высокой идеи отреченія и любви.

— Это было искушеніе, — подумалъ онъ, — мое мѣсто здѣсь.

III

Еще два года пронеслись надъ безмятежно-тихою обителью монаховъ. Года, казалось, застыли надъ нею. Въ кельѣ отца Амвросія все было по прежнему. Круглощокій, точно запуганный служка все съ прежнею нешумною, робкою походкою убиралъ комнаты, накрывалъ столъ, какъ будто уже для него кромѣ этого не существовало больше

Digitized by Google

ничего на свѣтѣ. Самъ отецъ Амвросій попрежнему шуршилъ бумагами, перебиралъ старинныя рукописи и выкладывалъ свои равномѣрные поклоны. Въ одномъ Михаилѣ еще замѣтна была перемѣна; онъ хотя и непроизносилъ еще обѣтовъ, но носилъ уже скромную, длинную рясу послушника и казалось сосредоточился въ одной мысли: готовиться въ монахи. Въ этомъ окончательномъ отреченіи была что-то восторженно-страстное. Это была какая-то непреклонная страсть, потому-что въ Михаилѣ горѣла аскетическая ревность, которая поглощала въ себѣ все остальное; и тѣмъ страннѣе казался этотъ аскетизмъ, чѣмъ сильнѣе развивался въ немъ кроткій, все-прощающій духъ, какъ-будто въ его сердцѣ находился источникъ неизчерпаемой любви и состраданья. Онъ получалъ ежегодную назначенную сумму и почти всю раздавалъ нищимъ; онъ, казалось, мучилъ себя физически и морально, онъ стремился къ недосягаемому самоотверженію; онъ молился долго... Но все это у него не выходило порывами, вспышками,—все принимало спокойный видъ страстно-затаеннаго, животворнаго, теплаго чувства. Это было не сомнѣніе и не волненіе тревожнаго сердца, — это была глубоко-затаенная, непоколебимая вѣра въ присутствіе идеала. Михаилу уже минуло совершеннолѣтіе. Дядя пріѣзжалъ съ нимъ повидаться. Михаилъ съ напряженіемъ слушалъ долгіе отчеты о его распоряженіяхъ. Отъ нихъ вѣяло на Михаила тяжелою обузою. Было что-то дѣтски-довѣрчивое въ его незнаніи дѣлъ; онъ умолялъ объ одномъ, чтобы дядя попрежнему оставался распорядителемъ и только-бы назначилъ ему извѣстную сумму изъ его доходовъ. Съ этого дня онъ надѣлъ рясу послушника и подчинился всѣмъ самымъ строгимъ монастырскимъ уставамъ. Отецъ Амвросій говорилъ ему иногда: — Вотъ пострижемся, богатство пожертвуемъ на славу божію — что оно? прахъ одинъ, одно зло было отъ него твоему отцу... Пекся-то онъ о многемъ, а единое на потребу; ты избралъ благую часть.

— Раздамъ имѣнье нищимъ,—думалъ Михаилъ съ твердою рѣшимостью.

Иногда мелькала въ его головѣ смутная мысль далекаго

Digitized by Google

странствованія въ чужія страны, подвиги во имя Христа и всепрощающей любви.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ мальчикомъ еще стоялъ погрузившись въ восторгъ отъ великолѣпія соборной службы, и когда ему казалось, что онъ видитъ образъ Христа въ торжественно-облачонномъ митрополитѣ, съ тѣхъ поръ много перемѣнилось въ немъ. Ему мерещилась другая картина: онъ хотѣлъ-бы видѣть человѣка въ худомъ рубищѣ и съ мягко-кроткой улыбкой нагибающагося къ ногамъ бѣдныхъ, больныхъ людей; въ этой картинѣ можетъ быть его пламенное воображеніе увидало-бы тогда торжество своего идеала.

Былъ роскошно-весенній день. Воскресная обѣдня только-что отошла въ монастырской церкви и колокола другихъ церквей сливались въ одинъ общій металическій гулъ въ чистомъ воздухѣ. Михаилъ тихо сходилъ съ клироса и шолъ къ наперти, раздавая нищимъ застѣнчиво и торопливо мелочь. Толпа расходилась по сторонамъ.

— Братъ Михаилъ! — (его теперь всѣ такъ звали) окликнулъ его старый сѣдой монахъ.

Онъ подошолъ и вспыхнулъ невольно, замѣтивъ двухъ дамъ, стоявшихъ съ монахомъ. Онъ неловко поклонился.

— Вотъ княгиня съ княжной, — сказалъ старикъ слабымъ голосомъ, — монастыря желаютъ видѣть, гробницу, окрестности; я уже старъ,—ты, братъ Михаилъ, возьмись ихъ проводить, да все объясни. Онъ у насъ съ дѣтства, знаетъ все, — обратился онъ къ княгинѣ.

— Благодарю васъ, преподобный отецъ, — сказала княгиня и потомъ слегка наклонила голову къ Михаилу. — Мы желали-бы видѣть достопримѣчательности Лавры; вы пожалуста проводите насъ.

— Mais j'ai faim, maman, шепнула молодая княжна, и отъ этого точно журчащаго голоса пробѣжала какъ-будто мгновенная искра по всему тѣлу Михаила. Онъ въ своемъ смущеніи еще ни разу не поднялъ глазъ на нее.

— Мы напьемся чаю въ гостинницѣ, — сказала княгиня,—вы молодой человѣкъ можетъ быть подождете съ полчаса?

Digitized by Google

Михаилъ наклонилъ голову и побрелъ за княгинею. Княжна шла быстро передъ матерею; ея красивое барежевое платье шуршило, а изъ-подъ щегольской шляпки выбивалась густая, чорная коса. Она дошла до гостинницы и обернувшись бросила на Михаила разсѣянный взглядъ.

— Maman, le moine... сказала она почти громко.

— Вы обождите, — сказала княгиня и вошла въ гостинницу.

— Михаилъ прислонился къ стѣнѣ поодаль. Взглядъ блестящихъ карихъ глазъ дѣвушки точно ослѣпилъ его. Онъ стоялъ въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи.

Дамы вышли черезъ полчаса.

— Пойдемте, сказала княгиня съ легкимъ наклоненіемъ головы. Онъ повелъ ихъ молча. Ему было какъ-то особенно неловко и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно въ присутствіи молодой дѣвушки. Они по-очереди обошли церкви. Обѣ дамы закидывали его вопросами. Осмотръ продолжался часа три.

— Я утомилась, — сказала старая княгиня, — пора вернуться.

— Maman, а окрестности какъ? спросила княжна,—я хочу все видѣть; это такъ интересно!

— Если прикажете, я васъ проведу,—пролепеталъ Михаилъ.

— Ахъ, вы мнѣ покажете хорошенькіе виды? Да?—сказала она небрежно,—maman, до обѣда долго... мнѣ хочется.

Михаилу казалось, что невозможно воспротивиться этому желанію. Въ головѣ его какъ-то все путалось, и красивая дѣвушка казалась ему какимъ-то яркимъ видѣніемъ, воплощеніемъ тѣхъ смутныхъ образовъ серафимовъ, которые рисовались иногда въ его воображеніи, въ полудремотѣ, сквозь прозрачно-таинственное освѣщеніе лампады. Его сердце тревожно билось. Они снова пустились въ путь. Княгиня теперь шла молча, усталая; княжна точно порхала, восторгаясь какъ ребенокъ.

— Какъ здѣсь хорошо! какъ здѣсь хорошо! такъ тихо! Вѣрно, и молиться лучше. Отчего здѣсь нѣтъ женскаго

Digitized by Google

монастыря? я бы ѣздила сюда на великій постъ отдыхать, повѣть.

Онъ глядѣлъ на нее молча, утопая въ отрадныхъ, захватывающихъ душу мысляхъ.

Она посмотрѣла на него разсѣянно.—А вы здѣсь давно?

— Я здѣсь съ дѣтства, — сказалъ онъ, вспыхнувъ отъ одного ея взгляда.

— Съ дѣтства! и вамъ здѣсь хорошо, и вамъ отсюда не хочется? — спросила она равнодушно, не глядя на него.

Онъ поднялъ глаза. Вдали виднѣлась чистая, свѣжая зелень полей; зеленыя, свѣжія деревца раскинулись точно паркомъ кругомъ; между ними подымались строго-величественныя церкви старинной архитектуры, а глубокое синее небо съ розоватымъ отливомъ, съ ярко-золотыми скользящими облачками смягчало строгій характеръ мѣстности. Все обдало его мирнымъ, глубоко проникающимъ величіемъ и красою. Ему казалось, что разлилось какое-то безбрежное море, вѣчно колыхающееся, которое укачивая уносило его съ собою въ томъ безконечномъ упоеніи, въ той безмятежной тишинѣ, къ которой онъ порывался такъ страстно. Онъ поднялъ глаза, чтобы отвѣтить ей; она уже глядѣла въ сторону и глазки ея какъ-то разсѣянно-быстро перебирались съ предмета на предметъ.

— Манечка, я устала, душа моя!—раздался за ними голосъ княгини.

— Вы отдохните, maman, вотъ здѣсь, на холмикѣ. О, maman, я такого великолѣпія никогда не видала,—здѣсь такъ чудно! — Она обняла шею старухи и сѣла возлѣ нее.

Михаилъ не шевелился; ему казалось, что чудное видѣнье вдругъ распадется, разнесется какъ паръ.

— О Боже, это блаженство! думалъ онъ.

— Maman, вы отдохните, а я пойду дальше,—вдругъ закричала дѣвушка, вскочивъ съ мѣста. Да, maman? потомъ я опять къ вамъ вернусь.

— Ахъ, Манечка, устанешь!..

— Ничего, maman, — она чмокнула княгиню въ щоку и вскочила.

Digitized by Google

— Пойдемте, — сказала она Михаилу мимоходомъ.

Они опять отправились.

— Отсюда хорошо, — сказалъ Михаилъ, останавливаясь подлѣ вала.

Его голосъ дрожалъ; ему чудилась какая-то таинственная гармонія въ воздухѣ; ему казалось, что все окружающее представляетъ какой-то обширный храмъ подъ глубокимъ куполомъ неба. И стремленіе, и порыванье вдаль—все смолкло на минуту, заглушаемое необъятнымъ чувствомъ восторга. Она поглядѣла на него пристальнѣе, равнодушно окинула окрестности взглядомъ и опять взглянула въ задумчиво-блѣдное лицо спутника.

— Глаза-то у него какіе! — подумала она, — и молодой какой! вѣрно не изъ простыхъ.

— Такъ вы здѣсь давно живете? — спросила она опять.

— Да.

— Господи, и вы такъ молоды, совсѣмъ и не жили! Какъ вы это такъ пошли въ монастырь? — Ей захотѣлось узнать, отчего онъ пошолъ въ монастырь; она хотѣла угадать, что скрываетъ этотъ задумчивый, ровный взглядъ его блѣднаго лица.

— Я сирота съ дѣтства; меня отдали родственники.... Онъ взглянулъ ей въ глаза и вдругъ остановился, поражонный какимъ-то особеннымъ выраженіемъ ея лица.

— Послушайте! какъ васъ зовутъ? — спросила она какъ-то особенно, — васъ не Михаиломъ-ли зовутъ? — Шайковскимъ?

Онъ вспыхнулъ и растерялся.

— Да, это мое имя; вы какъ знаете? — Ему казалось, что на свѣтѣ онъ былъ всѣмъ чужой, ни кому не знакомый, ни кому не нужный.

— Такъ вы это тотъ Михаилъ? повторила она и также вспыхнула. — Господи, я объ васъ такъ много слышала! — Она глядѣла на него, раскрывъ широко свои чудные глаза. — Я вашего дядю знаю, и... она смолкла смутившись. Онъ самъ растерялся пуще прежняго. Они стояли молча; онъ все чувствовалъ на себѣ ея пытливый, застѣнчивый взглядъ.

Digitized by Google

— И вы такъ здѣсь и живете? — спросила она, — вамъ не скучно, не жаль той жизни?

Глаза его были опущены; ея тихій, звучный, дѣтскій голосъ вдругъ поднялъ и повернулъ что-то у него изъ глубины сердца. Не испытанная тяжесть обхватила его мысли, кругомъ все показалось такъ одиночно, такъ безпріютно.

— Господи, вѣдь я сирота остался, у меня друзей никого нѣтъ, кому я нуженъ?—сказалъ онъ тихо, почти невольно,—что мнѣ тамъ дѣлать? У меня ни привязанностей, ни дѣла нѣтъ.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль васъ!—сказала она робко.

Они молчали.

Минутная тяжесть снова слетѣла съ его души, и опять ему казалось, что передъ нимъ разстилается безконечная будущность, тишина и блаженство. Ему чудилось, что время остановится, застынетъ, что онъ вѣчно будетъ чувствовать ея присутствіе подлѣ себя. О, какъ-бы молиться было легко,—подумалъ онъ,—Господи, всѣ мнѣ чужіе, а она какъ-будто вѣкъ мерещилась мнѣ, точно вѣкъ я ее искалъ и зналъ.

— Ахъ, какъ я устала, сядемте,—сказала она и опустилась на землю. Онъ все стоялъ и не шевелился.

— Разскажите мнѣ, вы какъ здѣсь живете, вы постриглись въ монахи? вы рѣшились?... Вы развѣ не устали? сядьте.

Онъ сѣлъ возлѣ нее, не подымая глазъ. Ему виднѣлась только ея маленькая, бѣлая ручка, которою она вертѣла нарядный зонтикъ.

— Знаете, мнѣ васъ очень хотѣлось всегда видѣть; говорили, что вы такой странный, религіозный. Неужто вамъ не жаль жизни? мнѣ было-бы такъ душно въ монастырѣ!

Она вздохнула глубокимъ, дѣтскимъ вздохомъ, отъ котораго освѣжаешься и легче дѣлается потомъ. Онъ вздохнулъ также, только затаеннымъ тяжолымъ вздохомъ.

— Что мнѣ дѣлать? на что я нуженъ?—спросилъ онъ. Я вотъ вѣрю въ религію, я вѣрю, что съ нею можно такъ хорошо жить, а гдѣ-жъ она примѣняется въ жизни? Вѣдь смысла нигдѣ не отыщешь! Они меня считаютъ чудакомъ,—я

Digitized by Google

вѣдь не могу жить какъ всѣ! Я вѣдь и не привыкъ, и не умѣю.

Ему казалось, что онъ какъ ребенокъ хотѣлъ приклонить-бы куда-нибудь голову и выплакать душившія его слезы.

— Богъ-же насъ не для монастыря создалъ!—замѣтила княжна робко, тономъ ребенка, повторяющаго наставленія.

— Богъ создалъ для труда, для любви, а вѣдь и труда и любви нельзя найти нигдѣ... Еслибы вы знали какъ темно вездѣ!

— Какъ мнѣ жаль васъ!—повторила она.

Ея руки слегка дотронулись до широкаго рукава его платья. Онъ вздрогнулъ, точно искра пролетѣла по всему его тѣлу. Ему хотѣлось-бы преклонить голову передъ нею, какъ онъ дѣлалъ въ своей комнатѣ въ минуту сердечной тревоги и порывистой тоски. Она сама какъ-то тревожно всматривалась въ его блѣдное, загадочное лицо.

— Какіе у него чудные, тихіе глаза,—думала она,—вѣрно онъ несчастный; я никогда не видала такого взгляда; а прежде онъ мнѣ показался такимъ неуклюжимъ, неловкимъ; онъ такъ конфузится, только лицо его смотритъ какъ-то особенно. Какъ жаль его! и зачѣмъ онъ будетъ монахомъ? Мнѣ-бы хотѣлось узнать его мысли.—Она вдругъ встрепенулась.—Ахъ, Боже мой! маменька будетъ ждать! пойдемте: она такъ удивится, мы такъ знакомы съ вашимъ дядею,—пойдемте-же!

Онъ машинально всталъ.

— Господи, какъ ты идеально хороша!—подумалъ онъ.

Ему вспомнились другія длинныя блѣдныя лица, съ безжизненно-строгимъ лицомъ.

— Я-бы не такъ представилъ ихъ. А вѣра чтожъ такое какъ не сила?—думалъ онъ. Какъ чисто и свято должно быть ея сердце!

Они шли скоро; старушка сидѣла на холмикѣ и читала какую-то книгу.

— То-то маменька удивится!—повторила она, поворачивая къ нему голову, и сама подбѣжала къ ней.

— Maman, отгадай, кто этотъ монахъ!—это племянникъ Александра Сергѣевича; вообрази, maman, это Шайковскій!

Digitized by Google

— Вы племянникъ Александра Сергѣевича! Господи, сынъ Ольги Шайковской!—Она вдругъ протянула ему руку: Шайковскій!—повторила она,—знаете-ли вы, что я васъ на рукахъ носила, двухлѣтняго ребенка! Господи, и похожи-то вы какъ на Ольгу! мы съ ней друзья были!—Михаилъ прикоснулся губами къ ея рукѣ. Его блѣдныя щоки покрылись яркимъ румянцемъ; что-то подымалось опять съ глубины души, что-то вѣчно-неугомонное, тревожное, что онъ никогда не могъ окончательно заглушить ни своею восторженною вѣрою, ни молитвою.

— Ну, а дядюшка вашъ, Алексѣй Сергѣевичъ, какъ его теперь... отцомъ Амвросіемъ зовутъ! Господи, что за веселый человѣкъ былъ, душа общества! здоровъ-ли онъ?

— Вашъ первый adorateur, maman,—сказала княжна разсмѣявшись.

— Какъ-же, какъ-же! живо подхватила княгиня, воодушевляясь, и первый мазуристъ! послѣдній разъ какъ я его видѣла, я еще тогда дѣвицею была, мы съ нимъ мазурку танцовали на балу у графа М... Въ туже ночь его арестовали.

Она замолчала. Михаилъ какъ-будто окаменѣлъ отъ удивленія. Передъ глазами у него возставалъ безстрастно-строгій образъ монаха, и вдали, какъ въ туманѣ, мерещилась никогда не виданная, блестящая обстановка бала, свѣтской жизни, въ которой все крутилось, все вертѣлось.

— Да, да! снова заговорила старушка, первый мазуристъ былъ! Господи, такихъ молодыхъ людей теперь рѣдко встрѣтить! Да и отецъ вашъ только что тогда въ офицеры вышелъ, въ гвардію поступилъ, также въ Москву пріѣхалъ. Вотъ времячко-то вспомнилось!

— Maman, вы кажется неравнодушны были къ Алексѣю Сергѣевичу?—замѣтила лукаво княжна.

— Вотъ времячко-то вспомнилось!—повторила княгиня, и точно слабый румянецъ пробился едва замѣтно сквозь ея морщинистую кожу.—Ну, а вы какъ, Миша... Михаилъ Павловичъ, поживаете? Какъ я рада, что вотъ такъ нечаянно встрѣтились, а не то и видѣться не пришлось-бы,—вѣдь дядя-то вашъ и не показывается; тому десять лѣтъ назадъ я

Digitized by Google

сюда пріѣхала, къ нему посылала, такъ и не принялъ и самъ прійти отказался. Говорятъ, что онъ такой строгій, благочестивый... Господи, а какъ я его помню!

Она опять смолкла; опять, кажется, глубоко заглядѣлась въ прошлое.

— Это онъ вамъ вѣрно за прежнюю жестокость мститъ, maman!—сказала княжна опять съ рѣзвымъ смѣхомъ.—Вотъ видите, дядюшка-то вашъ пожилъ; и ухаживалъ, и мазурку танцовалъ, а вы-то что захоронились? вѣдь весело жить, право весело!

Его щоки опять вспыхнули; опять точно обручъ желѣзный сдавилъ его виски, и вся кровь отхлынула къ сердцу. Ему показалось, что какой-то демонъ проснулся въ его душѣ,—демонъ, который до сихъ поръ только бредилъ безсвязно во снѣ, а теперь повелительно и настойчиво требовалъ простора.

— Вѣдь весело право! повторила княжна съ лукаво-дѣтскою шаловливостью и глядя на него тѣмъ пристальнымъ взоромъ, отъ котораго у него все поворачивалось и все корчилось въ умѣ.—Только дядѣ-то вашему не говорите, что мы васъ такъ испугаемъ, не говорите,—онъ скажетъ, что мы какъ демоны пріѣхали. Господи, что это за мущины! Неужто онъ и не вспомнитъ никогда о прошломъ? Не умеръ же онъ здѣсь!

Михаилъ опустилъ голову ниже на грудь и побрелъ за княгиней и княжной.

— Вы съ нами отъужинаете, Мишель? сказала княгиня; про дядюшку-то вы мнѣ ничего не разсказали.

Онъ самъ жаждалъ разсказовъ; онъ самъ чувствовалъ, какъ смутно шевелятся въ немъ тысячи вопросовъ, тысячи недоумѣній, точно стѣна какая-то обрушилась и показала ему безконечное пространство за тою линіею, которую онъ привыкъ доселѣ считать за предѣлъ, за которымъ ничего не можетъ виѣщаться.

— Что жъ разсказывать?—спросилъ онъ,—дядя ведетъ такую строгую жизнь,—все молится, пишетъ, совсѣмъ святой человѣкъ.

— Мазурку вѣрно отмаливаетъ, сказала смѣясь княжна.

Digitized by Google

Михаилъ поглядѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, да и безъ мазурки есть таки что отмаливать! сказала также смѣясь княгиня, и задумчиво начала взбираться по лѣстницѣ.

— Ну, а вамъ-то что отмаливать? вамъ-то что? спросила княжна шаловливо, глядя ему пристально, съ дѣтскимъ лукавствомъ въ глаза.

Они вошли въ свой нумеръ, княгиня опустилась на диванъ съ утомленіемъ.

— Ахъ, времячко припомнилось!—повторила она откидывая голову на стѣнку дивана.

— Припоминается-ли ему? подумалъ Михаилъ, неужъто припоминается? Ему представилась ясно вся фигура дяди съ отвердѣвшимъ лицомъ, гдѣ казалось ужъ всѣ страсти застыли и загладились.—Вѣрно нѣтъ! вѣчное отчужденіе, забвеніе, самоотверженіе, какъ могила! подумалъ онъ и точно льдинка, казалось, тихо опускалась ему по сердцу и останавливала его порывистое біеніе.

Княжна распоряжалась чаемъ. Онъ взялъ машинально протянутую ему чашку съ чаемъ и хлебнулъ изъ горячаго стакана... Княжна разсмѣялась плутовски, отъ чего онъ еще болѣе сконфузился. Часы пробили шесть. Княгиня, сидя на диванѣ, по временамъ задавала ему нѣсколько вопросовъ.

— Ну, ужъ вѣрно и постарѣлъ дядя очень?—спрашивала она.

— Вотъ и вы постарѣете! замѣтила ему княжна смѣясь, а только объ васъ никто не вспомнитъ, и не будетъ распрашивать, и подѣломъ вамъ, зачѣмъ вы людей бросаете!

Ему что-то сжало горло. Хоть-бы ты-то одна вспомнила, подумалъ онъ,—вѣдь развѣ моя вина, что я бросилъ свѣтъ? а я-бы радъ положить жизнь мою за одно любящее слово, за одну ласку. Благослови тебя Богъ за твой добрый взглядъ, хоть будетъ что-нибудь о чемъ вспомнить, что любить! Онъ поднялъ глаза на ея дѣтски-беззаботное, сіяющее молодостью и красотою лице. О, я могъ-бы поклониться тебѣ какъ идеалу!—подумалъ онъ восторженно, точно къ тебѣ и порывалась безсознательно душа.

Она поймала его пристально-глубокій взглядъ и слегка

Digitized by Google

вспыхнула. Онъ также вспыхнулъ и сконфузился. Оба молчали нѣсколько минутъ; чай кончился. Михаилъ отказался отъ ужина и всталъ, чтобы уйти. Въ монастырѣ заззвонили ко всенощной.

— Мы ужъ васъ завтра больше не увидимъ, мы ѣдемъ рано,—сказала княгиня, протягивая ему руку.—Коли будете въ Москвѣ, пріѣзжайте. Вы мнѣ такъ напомнили старое время и мать вашу Ольгу! Помолитесь и за меня когда нибудь.

Онъ молча наклонился къ ея рукѣ; княжна проводила его до дверей.

— Что́-бы вамъ въ Москву пріѣхать, право, сказала она что вамъ хоронить-то себя!

Его сердце опять неугомонно забилось. Онъ молча наклонилъ голову и вышелъ. Дверь гостинницы захлопнулась за нимъ и ему показалось, что передъ глазами у него исчезла вдругъ струя чистаго свѣта, которая поддерживала его и освѣщала все окружающее. Колокола уныло гудѣли; онъ вошолъ въ церковь. Монахи всѣ чинно стояли. Отецъ Амвросій также былъ на своемъ обычномъ мѣстѣ подлѣ настоятеля. Тихое, заунывное пѣніе разливалось подъ сводами церкви, гдѣ яркій лучь солнца, пробиваясь сквозь тусклыя окна, прорѣзалъ яркою полосою уныло-мрачный фонъ, гдѣ сливалось блѣдное освѣщеніе лампадокъ съ туманомъ отъ ароматнаго ладана. Михаилъ остановился въ самомъ заднемъ углу церкви и прислонился къ стѣнѣ. Пламенныя слова не слагались по обыкновенію на его устахъ. Что-то сжимало теперь его сердце, что-то колыхалось неровно. Онъ только чувствовалъ, что религіозный восторгъ сливался рѣзко-гармонично, точно громкій, звучный аккордъ, съ тенерешнимъ волненіемъ и навѣвалъ на него сознаніе порывающихся на просторъ силъ. Идеалъ, казалось, расширялся и принималъ форму неуловимо-осязательную. Онъ наклонилъ голову. Слезы, чистыя, крупныя показались въ его глазахъ и медленно, тихо скатились; лицо не потеряло своей прозрачно-восторженной ясности.

— «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» — раздалось у алтаря. Онъ опустился на колѣни, наклонилъ голову низ-

Digitized by Google

но на грудь. О! свѣта, свѣта побольше!—повторилъ онъ въ восторженномъ упоеніи.

Всенощная кончилась. На паперти онъ присоединился къ отцу Амвросію и молча пошолъ за нимъ въ келью. Они дошли. Служка накрывалъ столъ для ужина; монахъ прошолъ въ спальню. Михаилу казалось, что какой-то неотвязный демонъ подстрекалъ его разсказать дядѣ свои дневныя приключенія; онъ нерѣшительно подымалъ и опускалъ глаза. Ужинъ кончился; дядя, по обыкновенію прочитавъ громко молитву, направился къ двери, къ своимъ занятіямъ.

— Дядя,—началъ Михаилъ.

Отецъ Амвросій поднялъ свои большіе, безстрастные глаза на племянника. Михаилъ слегка смутился.

Я сегодня водилъ по лаврѣ княгиню М.... проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ и глядя въ полъ.

Чрезъ минуту онъ поднялъ лицо не получивъ отвѣта. Лицо отца Амвросія не измѣнилось; если мимолетно какая линія и дрогнула, то уже все по старому глядѣло съ обычнымъ неизмѣннымъ равнодушіемъ.

— Я зналъ это семейство, когда жилъ въ томъ грѣшномъ, суетномъ мірѣ, — сказалъ онъ важно и прошолъ въ свою комнату.

Михаилъ не шевелился съ полчаса. Его лицо горѣло и сердце колотилось безпокойно. Когда онъ поднялъ голову, сумракъ уже разостлался вездѣ. Въ кельѣ было удушливо жарко. Онъ машинально толкнулъ окно,—свѣжій воздухъ не оживилъ его. Все кругомъ было тихо уныло. О!—произнесъ Михаилъ съ какимъ-то отчаяніемъ. Свѣтъ, на минуту проникнувшій въ его душу, сознаніе, присутствіе страстно желаемаго идеала,—все давно заглушилось жгучимъ чувствомъ безсилія и чего то тяжолаго. Самъ идеалъ, казалось, унесся далеко отъ него и освѣщалъ яркимъ, живымъ блескомъ заманчиво—таинственный міръ свѣтскихъ заботъ и свѣтскихъ страстей. Ему казалось, что даже блескъ отъ этого свѣта не проникаетъ въ его душу, и что въ ней все мертво, все заглохло, все затвердѣло, и оставалось только томительное предчувствіе существованія этого далекаго, чуднаго идеала свѣта и жизни.

Digitized by Google

—Тотъ міръ, гдѣ она, гдѣ чудный блескъ ея свѣтлаго взгляда,—развѣ онъ можетъ быть грѣшнымъ и преступнымъ? подумалъ онъ. Она опять мелькнула передъ его глазами какъ ясное видѣніе, какъ что-то чистое которое открывало ему новую истину, новую цѣль, новый идеалъ въ дѣйствительности.—Въ томъ мірѣ свѣтло и чисто, гдѣ она; о, хоть бы взглянуть, что̀ тамъ! Онъ положилъ голову на окно и совершенно погрузился въ свои тревожныя мысли. Стрѣлка медленно подвигалась на часахъ, вдали слышалось легкое храпѣніе служки, въ другой комнатѣ дядя шуршилъ бумагами. Часы пробили одиннадцать. Михаилъ веталъ машинально и поглядѣлъ точно въ полуопьяненіи и съ недоумѣніемъ кругомъ. Ему казалось страннымъ, что все оставалось по старому неизмѣнно, тогда какъ для него началось что-то совершенно новое, заслонившее собою все старое.

Онъ прошолъ въ свою комнату, досталъ листокъ бумаги и наклонилъ къ ней свою пылающую голову. Его перо летало по бумагѣ вслѣдъ за тревожною мыслью. Онъ извѣщалъ дядю о своемъ скоромъ посѣщеніи. Въ каждой строчкѣ дышала жизнь, просящаяся на просторъ. Ему казалось, что онъ какъ изъ тюрьмы умоляетъ о свободѣ. Онъ кончилъ письмо и прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ. Сквозь щель полуоткрытой двери онъ могъ видѣть прямую фигуру дяди, его мирные земные поклоны, его спокойно-шепчущія губы, не терявшіе ни на минуту своей сжатости, и его темные, проницательные глаза, опущенные на книгу. Михаилъ отвернулся и откинулъ задвижку въ окнѣ; ночной воздухъ заструился между его волосами.

—Они еще тамъ!—подумалъ онъ съ замираніемъ сердца, глядя въ темную даль, гдѣ только на противоположной сторонѣ горизонта виднѣлась блѣднорозоватая полоса, предвѣстница еще отдаленнаго разсвѣта. Дядя потушилъ свѣчу и шепча еще молитву и крестя въ воздухѣ во всѣ стороны, легъ на постель. Кровать глухо затрещала и все стало еще тише, еще удушливѣе. Только фитили лампадокъ отъ времени до времени откидывали отъ себя искорки съ легкимъ трес-

Digitized by Google

комъ. Гдѣ-то вдали раздался рѣзкій крикъ какой-то ночной птицы и опять все смолкло.

— О, скорѣе на свободу!—подумалъ Михаилъ и всталъ.

Онъ хотѣлъ молиться, но мысли вертѣлись безпорядочно въ головѣ. Яснѣе всего, точно въ свѣтломъ, лучезарномъ кругѣ мелькалъ свѣтлый образъ молодой дѣвушки, какъ будто онъ говорилъ: «вѣдь я-же тебя освободила, я тебя вытащила изъ могилы!»—Онъ закрылъ лицо руками и опустился на постель. Все стушевалось, все разплылось, и его усталые глаза сомкнулись въ отрадномъ снѣ.

Ему всю ночь снилось, что точно свинцовая крышка давила его къ сырой землѣ и стѣсняла дыханіе, и напрасно онъ всю ночь старался откинуть ее и вырваться на свободу.

VI

Двѣ недѣли спустя къ крыльцу богатаго дома Александра Сергѣевича подкатила щегольская коляска. Изъ нея вышелъ Михаилъ. Его обыкновенно блѣдныя щеки покрылись теперь яркимъ румянцемъ, и глаза широко раскрывались глядя на тотъ городъ, который онъ не видалъ съ дѣтства и куда всегда, помимо его воли, тянули его мечты и грёзы. Онъ робко поднялся по лѣстницѣ.

— Дядя.... Александръ Сергѣичъ дома,—спросилъ онъ у случившагося подлѣ него лакея и самъ въ тоже время не смѣло окинулъ взоромъ анфиладу комнатъ, которая виднѣлась въ полу-открытую дверь. Все было по прежнему ново и роскошно. Даже бѣлая статуя точно кивнула ему какъ знакомая изъ-за густой, тропической зелени. Ему ясно вспомнился его первый пріѣздъ, такъ ясно, что ему казалось, что это давно-прошедшее вдругъ опять вернулось, только ему почудилось, что теперь сдѣлалось еще холоднѣе и безпріютнѣе. Вспомнилась ему и сгорбленная няня старушка.—Царство ей небесное!—подумалъ онъ отъ всего сердца. Лакей распахнулъ

Digitized by Google

передъ нимъ обѣ половинки двери и почти торжественно проговорилъ:—пожалуйте! Онъ вошолъ въ большую залу.

— Неужто жить начну? — подумалъ онъ съ дѣтски-наивнымъ замираньемъ сердца.

— Михаилъ, Миша! — раздалось въ гостиной. Дядя повисъ у него на шеѣ.

— Михаилъ, Михаилъ!—также слышалось на диванѣ. Онъ неловко и конфузливо поцѣловалъ руку у тетки; ему показалось, что она нисколько не постарѣла. Ему даже почувствовалось, что-то мягкое, гостепріимное, почти теплое въ пріемѣ родственниковъ и вообще во всей атмосферѣ.

— Такъ вотъ и я въ семьѣ!—подумалъ онъ радостно, и крѣпко невзначай пожалъ руку дяди. Они его усадили между собою и засыпали вопросами и разсказами.

— Nicolas-то вотъ дома нѣтъ!—говорила любезно тетка,—вы вотъ сойдетесь!

— Успѣютъ, успѣютъ!—говорилъ дядя,—ты-же къ намъ надолго; ты вѣдь и хозяинъ такъ сказать; мы тебѣ все покажемъ. Ну, а дядя отпустилъ такъ, ничего?

— Отпустилъ,—ужъ я разумѣется безъ его позволенія....

Дядя громко захохоталъ, ударяя его по плечу.—Невинность,—невинность! Ну, братецъ, у васъ тамъ все первобытные люди!

— Всякіе есть!—сказалъ Миша уклончиво.

Его заставили позавтракать, потомъ дядя почти насильно увелъ его въ кабинетъ, чтобы поговорить о дѣлахъ. Впрочемъ о дѣлахъ не говорилось. Дядю казалось болѣе интересовало узнать причину быстрой перемѣны, происшедшей въ мысляхъ племянника, вслѣдствіе которой онъ такъ неожиданно прикатилъ въ Москву. Онъ разглядывалъ его съ добродушнымъ любопытствомъ, только слегка съеживая свои глаза, отчего на вискахъ у него образовывались мелкія складочки.

— Ну, и какъ-же это ты такъ вздумалъ прикатить?—спросилъ онъ. Михаилъ слегка сконфузился и оробѣлъ.

— Да, такъ вотъ,—ужъ очень тяжело стало, и пожить захотѣлось! Только я не знаю, мнѣ ужъ кажется, что я ни

Digitized by Google

на что не годенъ. Я и дѣла себѣ никакого не придумаю А вѣдь такъ жить безъ пользы не въ утерпь стало.

— А дѣлать-то ты что хочешь?—спросилъ дядя и слегка отодвинулся къ спинкѣ стула.—Дѣла-то вездѣ найти можно,—за этимъ дѣло не станетъ; служить можно, ну путешествовать, ну просто жуировать жизнью.

— И это дѣло?—спросилъ Махаилъ.

— И это дѣло!—повторилъ дядя разсмѣявшись.—Жизнь то вѣдь не загадка,—голову-то надъ ней ломать нечего. Это все зависитъ отъ наклонности, отъ обстоятельствъ, какъ тамъ... отъ случайности, почомъ я знаю?

— Ну, положимъ дѣло-то и найдется,—сказалъ Михаилъ какъ-то робко и настойчиво, да вѣдь вотъ цѣль нужна,—я цѣли не найду, не знаю какъ соединить ее съ жизнію! — Онъ остановился и смутился, поймавъ дядинъ насмѣшливый взглядъ.

— Цѣль—легче прожить на свѣтѣ, не стѣсняясь,—сказалъ дядя спокойно; — если ты жилъ тамъ себѣ взаперти, и искалъ Богъ вѣсть какую тайну въ жизни, то и естественно, что ты цѣли не находишь, и ищи себѣ, но дальше этого не уйдешь; ты пожалуй такъ и останешься на одномъ своемъ исканьи. Вѣдь жизнь-то даетъ только положительное; а отвлеченное, повѣрь, никогда не дается положительно. Пойми-же, что одно другое изгоняетъ; вещи не совмѣстныя.... Впрочемъ ищи себѣ! Какъ у васъ тамъ сказано: ищите и обрящете!—А такъ какъ сказано, что это не отъ міра сего, то и не въ мірѣ семъ найдется.

Дядя пожалъ какъ-то особенно плечами и опять разсмѣялся добродушно, наморщивъ виски. Михаилъ смолкъ въ недоумѣніи. Ему казалось, что онъ съ какою-то бѣшеною радостью вцѣпился-бы въ ту занавѣсу, которая скрывала вѣчно что-то отъ него, и вырвался-бы на просторъ. Ему хотѣлось хоть матеріальной, механической лихорадочной работы или занятія, чтобы заглушить тоскливое порываніе и стремленіе своей души.

— Жизнь, другъ мой,—опять началъ дядя, — жизнь — вещь простая. Замысловатости только придумываютъ въ ней. Положимъ, что и идей, и всякихъ тамъ случайностей въ

Digitized by Google

ней много, да это сами на себя люди напускаютъ! И нечего умудряться такъ, — все къ одному концу придетъ, — только покуда нужно стараться дорогу-то себѣ поглаже расправить

Они опять замолчали.

— Ну, а дядя твой, братъ Алексѣй... какъ бишь... Амвросій, теперь все по старому поживаетъ?

— Все по старому—просто святой человѣкъ.

— Вотъ человѣкъ, началъ дядя, и поймавъ Михаиловъ вопросительный, удивленный взглядъ, добавилъ серьозно: совсѣмъ загубленъ человѣкъ—такъ... Ты небось слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Неужто!—онъ вѣдь ссыльнымъ былъ.А прежде онъ еще пожалуй изъ насъ всѣхъ самый кутила—мученикъ былъ, куралесилъ на пропалую.

— А я думалъ, что онъ по призванію.

— Какое тамъ призваніе! неужто ты думаешь, что такъ съ бухту барахту и пошолъ въ монастырь? Для этого, положимъ, что призваніе нужно, а у него если и было призваніе въ юности такъ развѣ къ товарищеской кутежкѣ, а ни какъ не къ монастырю. Да вотъ его и сослали — на двѣнадцать лѣтъ. Это братъ не шутка! Такъ объ немъ ни слуху ни духу не было почти все время. Еще на первыхъ порахъ тамъ всякими правдами и неправдами вѣсточку пошлемъ или получимъ,—а тамъи совсѣмъ прекратилось. Наконецъ слышимъ— позволяютъ вернуться. Мы тогда съ твоимъ отцомъ ему навстрѣчу поѣхали; смотримъ — такъ даже не узнали! Заросъ бородищею, едва шевелитъ губами — точно мертвецъ! Такъ съ той самой минуты и объявилъ намъ, что въ монастырь идетъ. Выхлопотали мы ему позволеніе въ Лаврѣ постричься, съ тѣхъ поръ тамъ и живетъ.

Михаилъ глубоко задумался; неопредѣленно и безсознательно вертѣлись въ его умѣ слова, такъ шутливо кинутые въ разговоръ.—Вотъ дядя-то вашъ хоть пожилъ, а вы-то что?

— Можетъ онъ цѣль свою выработалъ,—подумалъ онъ тоскливо,—а я-то что?

— Да ты вотъ, кажется, видѣлъ на дняхъ княгиню М...—

Digitized by Google

тогда она еще дѣвицею была, онъ на ней жениться собирался. Онъ-то ужъ успѣлъ таки не мало покутить на своемъ вѣку, а тутъ влюбился не на шутку. Она поплакала, поплакала разумѣется, а тамъ и замужъ вышла. Онъ какъ вернулся,—мы и говоримъ ему, что княжна-то Любочка и замужъ вышла и шестеро дѣтей имѣетъ!

— Ну, и чтожъ?—спросилъ Михаилъ живо, и даже весь вспыхнулъ въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи.

— Что? дядя захохоталъ и повелъ плечомъ;—говоритъ: я это давно знаю, — а Господь вѣдаетъ, откуда онъ это узналъ; и тутъ-же понесъ свое высокопаріе: «это все погребено,—не о грѣшномъ мірѣ вспоминать и жалѣть, пора и на покой!»... Что это, кажется и Николай вернулся!

Дверь дядина кабинета распахнулась и въ комнату бойко вошолъ молодой гвардеецъ. Михаилъ едва узналъ въ немъ своего бывшаго товарища—Колю.

— Здорово!—сказалъ онъ размашисто и обнялъ брата.— Или у васъ подъ благословеніе подходятъ, прикажешь?

Михаилъ робко и конфузясь пожалъ его руку.

— Какъ-же ты это рѣшился окунуться въ нашъ грязный, грѣшный міръ?—спросилъ опять Николай.

— Мы вотъ съ нимъ цѣль жизни ищемъ!—сказалъ дядя, прищуривая глаза и добродушно улыбаясь.

— Пойдемъ въ гвардію служить!—замѣтилъ смѣясь Николай. — Нѣтъ, а кромѣ шутокъ, что это ты монастырь оставилъ? Я все о тебѣ мечталъ, чрезъ двадцать лѣтъ ты бы уже архіереемъ былъ,—чѣмъ не цѣль жизни?

Онъ разлегся на диванѣ, слегка вздергивая плечами и растегивая свой красивый мундиръ. Между отцомъ и сыномъ завязался легкій, бойкій разговоръ, который особенно поражалъ Михаила своимъ живымъ, беззаботнымъ характеромъ. Онъ ловилъ эти имена, которыя скользили и мѣнялись вставленныя то въ колкую, то въ плоскую насмѣшку; онъ хотѣлъ разомъ понять и перечувствовать всѣ тѣ мимолетныя ощущенія, тѣ быстро смѣняемыя впечатлѣнія, которыми, казалось, наполнена была эта вѣчно-радужная жизнь безпечно-веселаго, богатаго барича. Часы пробили половину пятаго; къ дядѣ собралось человѣкъ около четырехъ къ обѣ-

Digitized by Google

ду, и Миша опять застѣнчиво забился въ уголъ, стараясь спрятаться за стѣнку диванчика съ богатой рѣзьбой, и ужъ оттуда слушалъ эти—не то вялые, не то беззаботные, не то шутливо-легкіе разговоры, которые такъ непринужденно велись вокругъ.

— Пойдемъ лучше, вѣдь скука! — сказалъ ему Николай съ легкимъ подергиваніемъ плечъ, которое, Мишѣ показалось, какъ нельзя лучше шло ко всей статной, нѣжной, красивой фигурѣ гвардейца.

Михаилъ вышелъ въ залу.—Я иду прочь, здѣсь скука!—сказалъ опять Николай, — это все антики собрались, общество англійскаго клуба, партнеры отца, по пол-копѣйки. Ты впрочемъ, невинность, не знаешь! Хочешь, пойдемъ со мною?

— А ты куда-же?

— Обѣдаю у княгини М... тамъ можетъ въ маскарадъ заверну, самъ еще незнаю... такъ идемъ?

— Ахъ, помилуй, я никого не знаю! — началъ Михаилъ, и опять что-то круто заколыхалось и забилось у него на сердцѣ.

— Познакомимся!.. ну, идешь?—сказалъ небрежно-фамиліарно Николай и уже у двери кинулъ на него вопросительный взглядъ.

— Нѣтъ, куда мнѣ!—сказалъ Михаилъ съ какою-то тревожною досадою, не то на себя, не то на свою робость.

— Ну, такъ убирайся!—замѣтилъ Николай нетерпѣливо, и скрылся въ дверяхъ.

Михаилъ уткнулся опять въ свой уголокъ и тревожно погрузился въ свои смутныя ощущенія. Ему было досадно, что онъ не рѣшился пойдти.

— Что это я и самъ совсѣмъ одеревенѣлъ, подумалъ онъ нетерпѣливо, точно желая отдѣлаться отъ какого-то смутнаго жужжанія въ ушахъ.

Обѣдъ кончился. Гости сѣли за пульку. Тетка, шурша своимъ красивымъ бареженымъ платьемъ, прошла мимо ихъ, обдавая Михаила тончайшимъ ароматомъ какихъ-то духовъ, и уѣхала на гулянье за городъ. Михаилъ ходилъ тревожно по убраннымъ комнатамъ. Солнце закатывалось, озлащая яр-

Digitized by Google

кія верхушки куполовъ, и Мишѣ казалось. что эти блестящіе шпицы одни улыбались ему какъ знакомые въ этихъ переливахъ.

— Жить-то, жить-то какъ?—думалъ онъ.—Кажется живешь себѣ, родился на свѣтѣ, и должно-бы быть ясно,—а выходитъ наоборотъ: жизнь-то всю протратишь искавши цѣли... Вѣдь умудрились-же перепутать все! и какъ это они запутали? вѣдь до начала не доберешься! А просто жить—развѣ не легче?—Ему припомнились безпечно брошенныя дядею слова: «И нечего умудряться: жизнь гораздо проще, чѣмъ воображаютъ.» Да! вотъ поди—проще! какъ будто я не одной простоты ищу, да работы еще, дѣла какого-нибудь?

Вечеръ тянулся чинно и тихо. Михаилъ незамѣтно ушолъ въ свою комнату и смущонно отославъ услужливаго лакея, быстро раздѣлся и кинулся на мягкія подушки. Отъ всего бѣдья такъ и тянуло тонкимъ ароматомъ какихъ-то травъ. Онъ долго пролежалъ, безпокойно прислушиваясь къ чинной, монотонной, форменной походкѣ людей по корридору и отдаленному голосу гостей, долетавшему до него точно какъ смутный гулъ. На улицѣ изрѣдка стучали экипажи по мостовой, — и тамъ и сямъ слышались ему рѣзко безсвязныя восклицанія и звуки, которые слышатся только въ городахъ:—кое-гдѣ часы хрипло били, и Михаилъ точно въ забытьи перебѣгалъ отъ воспоминаній своей прежней жизни, своихъ прежнихъ ощущеній въ этомъ домѣ, къ сознанію настоящаго положенія,—точно и то и другое слилось и смѣшалось въ его воображеніи. Ему только чудилось, что теперь, какъ и тогда, какіе-то силы внутри порывались и просили пищи и простора, и что по прежнему все во мракѣ скрывалось отъ него и оставляло его одного безъ дѣла и безъ цѣли.

Онъ уже спалъ крѣпкимъ, тревожнымъ сномъ, и въ домѣ уже все успѣло угомониться и утихнуть, когда его разбудилъ приходъ брата. Николай по обыкновенію прошолъ вихремъ въ свою комнату, которая была сосѣдняя съ Михаиловой, и сбросивъ каску, пріотворилъ дверь.

— Миша! что, спишь, праведникъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Михаилъ противъ воли.

Digitized by Google

Николай вошолъ въ его комнату со свѣчою и сѣлъ къ нему на постель.

— Ну, какой святой снился?—спросилъ онъ разсѣянно и встряхнувъ головой разстегнулъ небрежно свой мундиръ. Михаилъ смотрѣлъ на него съ тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Ты вѣдь спать не хочешь?—спросилъ Николай.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ опять невольно Михаилъ.

Они помолчали минутъ съ пять.

— Ну расскростились!—заговорилъ вдругъ Николай, точно ни къ кому не обращаясь, — получилъ послѣдній прощальный поцалуй M-lle Juliette, только дорого обошолся каналья.

Онъ засмѣялся. Михаилъ неловко встрепенулся.

— M-lle Juliette?.. кто эта M-lle Juliette?

Николай разразился громкимъ смѣхомъ, откинувъ голову назадъ.

— Нужно быть готентотомъ, чтобы не знать кто M-lle Juliette! M-lle Juliette—просто M-lle Juliette. Это, если хочешь, комерческій процентъ банковаго билета... царица маскарада послѣ полуночи... cela s'entend—фея канкана!

— Да я не знаю, что такое канканъ!—сказалъ Михаилъ.

— Давно пора знать! На дняхъ вотъ я сведу тебя туда, тогда и узнаешь. Канканъ—это перецъ жизни.

— Вѣрно гадость какая-нибудь!—сказалъ Михаилъ, отворачивая голову. Кровь наплывала у него къ головѣ и все колыхалось внутри въ едва-сносномъ волненіи и тревогѣ.

— Я съ ней сегодня танцовалъ канканъ, и запили шампанскимъ на прощанье. Она мнѣ сказала великолѣпнѣйшимъ образомъ: déjà! Ну, вотъ сегодня еще побѣсился... это лебединая пѣснь.

Михаилъ повернулъ къ нему голову съ любопытствомъ.

— Ахъ, да! знаешь, сегодня за обѣдомъ у княгини мнѣ было велѣно привести тебя къ нимъ. Ты кажется, святоша, приглянулся княжнѣ Манечкѣ: смотри, — мы съ тобой соперники!

Михаилъ вспыхнулъ до корней волосъ.

— Какіе пустяки!—едва прошепталъ онъ.

Его сердце еще шибче заколыхалось въ безотчетномъ стремленіи. Безграничное желаніе жизни, — жизни во что

Digitized by Google

бы ни стало, — пробудилось въ немъ съ всепокоряющей силой.—Возврата нѣтъ! думалъ онъ съ головокруженіемъ, и ему уже казалось, что онъ всею душою погрузился въ тотъ безумно колыхающійся потокъ, который раскачивая его и откидывая со стороны на сторону, уносилъ съ собою, погружая въ страстное упоеніе. Тутъ не было болѣе идеала, тутъ была тревожная, кипучая дѣятельность, охватывающая какимъ-то чуднымъ опьяненіемъ всѣ его способности.—Жизни во что бы то ни стало! подумалъ онъ, и снова поднялъ глаза на брата. Слова Николая, выпадавшіе у него съ такою шутливою небрежностью, проникали въ мозгъ Михаила точно расплавленное желѣзо.

— Завтра онѣ у насъ будутъ,—чуръ не отбивать у меня!—сказалъ онъ по обыкновенію шутливо и всталъ, потягиваясь.—Прощай! я какъ демонъ искуситель пришолъ потревожить твой безмятежный сонъ и спугнулъ сонмище духовъ, его окружавшихъ.

Онъ дошолъ до двери и полуобернувшись произнесъ, точно говоря самъ съ собой:

— Ну, вотъ,—сегодня покутилъ, а завтра остепенюсь, и баста!

Михаилъ слышалъ еще, какъ онъ громко кликалъ своего лакея и смѣясь перекидывался съ нимъ нѣсколькими словами. Узкая струя свѣта изъ щели долго, долго виднѣлась ему, покуда онъ нетерпѣливо и тревожно переворачивался съ боку на бокъ. Николай сквозь зубы напѣвалъ какую-то оперную арію, иногда вытягивая высоко ноту. Его голосъ звучалъ размашистымъ, неподдѣльнымъ раздольемъ и удалью.

V

Наступилъ слѣдущій вечеръ. Въ гостиной Александра Сергѣевича, уже ярко освѣщонной богатыми лампами и люстрами, собрался небольшой, но фашенебельный кружокъ московскихъ знакомыхъ. Это былъ въ сущности именинный

Digitized by Google

вечеръ, съ полу-патріархальною обстановкою московской жизни и съ втершимися уже въ нее приличіями и торжественностью петербургскихъ собраній. Уже гости давно съѣхались, когда Михаилъ рѣшился выйти изъ своей комнаты. Онъ вышелъ и тихо пробравшись коридоромъ, отворилъ дверь въ столовую. Здѣсь никого не было. На накрытомъ столѣ помѣщались уже всѣ принадлежности чая и ярко горѣли свѣчи въ канделабрахъ. Онъ началъ ходить по комнатѣ. Какое-то тайное предчувствіе, что она такъ близко, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,—обхватывало его мысли и занимало духъ. Въ безцѣльныхъ его порываніяхъ къ чему-то особенному въ жизни, она одна ярче и опредѣленнѣе мелькала передъ нимъ, какъ высшій идеалъ, какъ идеалъ уже положительный, отдѣлившійся отъ тѣхъ смутныхъ, туманныхъ стремленій, которымъ онъ не находилъ ни имени, ни исхода. Ему припомнилось, что съ нею ему хоть на минуту дѣлалось какъ-то яснѣе на сердцѣ и сама цѣль точно спускалась съ своей туманной высоты, чтобы явиться ему опредѣленнѣе и сознательнѣе. Разхаживая машинально по комнатѣ, онъ разсѣянно поднялъ голову, разслышавъ въ сосѣдней комнатѣ нерѣшительный говоръ, не превышавшій шопотъ. Изъ полу-открытой двери ему была видна вся комната; это была маленькая гостиная, что-то въ родѣ будуара тетки, гдѣ помѣщались густыя оранжерейныя растенія, разставленныя въ поэтической несиметричности вдоль стѣнъ, покрытыхъ ярко-малиновыми штофными обоями, и между затѣйливыми диванчиками и кушетками Онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что даже не удивился, увидѣвъ вдругъ передъ собой, въ углу между зеленью, свѣжую, граціозную фигурку княжны Манечки. Ему только казалось, что все мелькнувшее передъ глазами было мечтою его собственнаго сердца, гдѣ только по какой-то непостижимой ошибкѣ судьбы,—которая дѣлаетъ часто такія ошибки,—его мѣсто было замѣнено болѣе подходящею къ этому личностью его брата Николая. И вся картина, которую онъ увидѣлъ, была одна изъ тѣхъ, которую могло-бы нарисовать только одно его пламенное воображеніе,—такъ роскошно, мягко и въ такихъ поэтично-живыхъ краскахъ были начерчены всѣ по-

Digitized by Google

дробности, вся обстановка ея. Тутъ была статуя, вся окруженная зеленью и выглядывающая изъ-за прихотливой рѣзьбы диванчика, на которомъ, слегка склонившись впередъ, сидѣла княжна. Тутъ-же,—во всей комнатѣ разливалось матово-прозрачное, точно влажное освѣщеніе фонаря, смягчающее мрачное, суровое очертаніе рѣзкихъ формъ и красокъ въ остальномъ убранствѣ комнаты. Темная зелень и темно-красные обои, проглядывающіе сквозь густыя сучья, гармонически сливались въ этомъ освѣщеніи. Княжна была въ легкомъ, бѣломъ платьѣ, которое точно окружало ее, такъ что виднѣлась только одна ея красивая, убранная головка, съ воткнутымъ въ волосы натуральнымъ розаномъ. Не то улыбка, не то смущонная радость виднѣлась на ея слегка-встревоженномъ личикѣ. Это была уже не лукавая, не наивная, не безпечная дѣвочка съ дѣтски-чистымъ, плутовскимъ взглядомъ; это была точно она, но уже превратившаяся въ женщину, свѣтскую, счастливую, въ которой и то и другое не боролось, а напротивъ сливалось гармонически. И глаза даже глядѣли спокойнѣе и глубже, точно они впали и задернулись думою. И бойко-рѣзвыя движенія вдругъ перешли какъ-будто въ спокойные, осмысленные, величавые жесты. Возлѣ нея, наклонившись, сидѣлъ Николай, также точно переродившійся. И небрежность и нетерпѣливая бойкость его почти исчезли, и какая-то усиленная нѣжность проглядывала въ его взорѣ и въ его легкихъ, смягчившихся движеніяхъ.

Михаилъ могъ видѣть, какъ послѣ живого, серьознаго разговора, она опустила обѣ руки въ его руку съ неподражаемо-довѣрчивымъ, ласковымъ движеніемъ и какъ онъ жарко прижалъ ихъ къ своимъ губамъ. Она вспыхнула, но не отняла рукъ и они взглянули другъ другу въ лицо,—онъ улыбаясь и пристально, она взглядомъ, въ которомъ почти сверкнула радостная слеза. Михаилъ отшатнулся слегка назадъ и провелъ рукою по лбу, точно отгоняя вдругъ набѣжавшую тяжесть. Издали раздался веселый взрывъ хохота гостей въ гостиной, а въ будуарѣ все еще сидѣли, точно забыли о существованіи всего остального на свѣтѣ. Ему показалось, что онъ одинъ, какъ пятно, какъ что-то нену-

Digitized by Google

жное, безсмысленное, напрасное въ этой всей обстановкѣ. Какое-то чувство ожесточенія противъ самого себя зашевелилось глухо внутри его. Одно только яснѣе ощущалъ онъ — это вдругъ родившееся сознаніе, что онъ самъ себѣ помѣха, самъ себѣ въ тягость.

Въ комнату вошолъ лакей съ самоваромъ.. Михаилъ тихо отошолъ отъ двери и прошолъ въ свою комнату. Одна свѣча горѣла на столѣ; двѣ книжки, читанныя имъ поутру, валялись на диванѣ; онъ открылъ одну изъ нихъ машинально. Нѣсколько минутъ спустя кто-то окликнулъ его! «Миша!» Онъ разслышалъ голосъ дяди.

— Мнѣ нездоровится что-то, — отозвался онъ нетерпѣливо, не подымая головы.

Больше никто его не безпокоилъ. Ужъ очень поздно его опять, какъ и вчера, разбудилъ отъ тяжолаго оцѣпенѣнія приходъ брата.

— Миша! — спросилъ тотъ въ дверяхъ.

Михаилъ на этотъ разъ не откликался; въ свою очередь и Николай не казался очень разположоннымъ затѣвать бесѣду и долго ходилъ молча по комнатѣ. Ночь прошла незамѣтно. Только къ утру Михаилъ вспомнилъ, что не ложился, и кинулся на постель, точно разбитый. Кругомъ слышались только храпъ Николая и скромные, тихіе шаги прислуги. Когда онъ проснулся, уже трезвонили къ обѣдни; Николай зѣвалъ протяжно въ сосѣдней комнатѣ. Онъ одѣлся и прокравшись парадными комнатами, вышелъ на улицу. Въ немъ физическая усталость боролась съ тяжолымъ, умственнымъ отупѣніемъ. Что-то до боли сжималось въ его головѣ, точно лопнулъ какой-то нервъ. Онъ вошолъ въ первую попавшуюся церковь и, прижавшись къ стѣнкѣ, простоялъ неподвижно. Онъ не дѣлалъ даже попытокъ молиться,—такъ все тупо, ожесточонно, непріязненно волновалось въ его умѣ. Онъ казался себѣ такимъ ничтожнымъ, такимъ пустящимъ, что даже не хотѣлъ молиться. Когда обѣдня кончилась, онъ вышелъ однимъ изъ послѣднихъ, не приложившись къ кресту. Ему вдругъ показалось, что всякое движеніе, вырывающее его изъ оцѣпенѣнія, причиняетъ ему глухую, раздирающую боль. Онъ вернулся домой и, урвавшись тотчасъ-же послѣ зав-

Digitized by Google

трака отъ веселой болтовни дяди и тётки, у которыхъ въ этотъ день особенно сіяли лица, заперся въ свою комнату и проспалъ до обѣда тяжолымъ сномъ. Когда онъ проснулся, солнце уже спускалось и его позвали обѣдать: Обѣдалъ онъ впрочемъ одинъ, такъ какъ дядя съ семействомъ обѣдали у княгини М..., какъ онъ догадался по таинственно-праздничному виду лакея.

Вечеромъ онъ снова вышелъ на улицу и на удачу бродилъ безъ цѣли на Тверскомъ бульварѣ. Ради воскресенья играла музыка и онъ машинально побрелъ туда съ инстинктивною надеждою, что внѣшній шумъ и суматоха московскаго гулянья заглушитъ въ немъ наплывъ тяжолыхъ, смутныхъ думъ. Онъ ходилъ безпокойно взадъ и впередъ; толпы гуляющихъ мелькали передъ его глазами точно въ панорамѣ. Играла музыка вдалекѣ; расхаживали нарядныя купчихи въ богатыхъ платкахъ на головѣ и съ лоснящимися, нарумянеными лицами, точно у херувимовъ на вербахъ подъ балаганами; ходили медленно, покачиваясь важно, толстые купцы еще съ патріархальными бородами и въ долгополыхъ сюртукахъ; расхаживали барышни въ легкихъ, шуршащихъ платьяхъ, и тамъ и сямъ виднѣлись группы разряженныхъ нянюшекъ и кормилицъ съ питомцами на рукахъ или уцѣпившимися за ихъ юбки. Вдалекѣ ему виднѣлись музыканты, которыхъ обступила толпа мѣщанъ, работниковъ и московскихъ блузниковъ въ ихъ праздничныхъ нарядахъ, съ скрипучими сапогами и въ точно накрахмаленныхъ шляпахъ. И среди всей этой пестрой, разнообразной толпы шмыгали припархивая разфранчонныя, воздушныя, съ неимовѣрно широкими и коротенькими кринолинчиками, московскія барышни—подростки, которыя вертясь, озираясь, кривлялись и нескромно перешоптываясь, то расходились, то сбѣгались въ какой-то безсмысленной лихорадочности, точно нарочно вызывая на себя вниманіе гуляющихъ. Двѣ изъ нихъ такъ нескромно, дерзко взглянули Михаилу въ лицо и такъ громко захохотали, шепнувъ что-то другъ другу на ухо, что онъ сконфузился и оглянулся, какъ-бы ожидая встрѣтить кругомъ насмѣшливые взоры. Мало помалу эта пестрѣющая толпа приглядѣлась ему, и снова общій гулъ

Digitized by Google

разговоровъ и шарканья, слившійся со звуками музыки и съ громкими возгласами и восклицаніями разносчиковъ на улицѣ, слышалось ему уже смутно, какъ что-то неспособное заглушить глухое трепетаніе какого-то затаеннаго нерва на сердцѣ; внутри все опять защемило и заныло, и онъ удвоилъ шаги, чтобы снова заглушить это неотвязное сосаніе какого-то тупого жала. Онъ опустился на скамейку, первую попавшуюся на глаза. Ноги его подгибались отъ усталости. Скамейка была пуста и кругомъ было мало гуляющихъ. Проходили мелькомъ двѣ—три парочки и все пустѣло. Онъ опустилъ голову ниже и глубоко задумался. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ даже успѣлъ забыть обо всемъ окружающемъ и снова погрузиться въ свои нерадостныя думы, онъ вдругъ повернулъ голову, заслышавъ легкій шелестъ подлѣ себя. Тутъ-же на скамейкѣ, рядомъ съ нимъ, сидѣла молодая женщина, съ почти неестественнымъ румянцемъ и бѣлизною кожи, въ нарядномъ костюмѣ. Слегка наклонивъ голову на бокъ, она смотрѣла на него очень пристально. Онъ также быстро отвернулъ голову и вспыхнулъ какъ зарево. Черезъ минуту любопытство взяло верхъ и онъ снова оглянулся. Красавица вдругъ улыбнулась ему самой очаровательной, нѣжной улыбкой, причемъ выставился рядъ бѣлыхъ, красивыхъ зубовъ. Кровь опять нахлынула ему въ голову и все точно запаталось передъ глазами. Непонятное волненіе вдругъ обхватило всѣ его мысли, и онъ почти не сознавая ничего, вскочилъ съ мѣста и быстро пошелъ впередъ. Не то удалъ, не то отчаяніе сказывалось въ этой неясной тревогѣ; казалось только, что незнакомка своей ослѣпительно-вызывающей улыбкой повернула что-то еще невѣдомое изъ глубины его души. Онъ шолъ скоро, точно эта улыбка преслѣдовала его, точно ему хотѣлось убѣжать и скрыться хоть въ свою келью, гдѣ-бы онъ могъ засунуть свою пылающую голову въ подушку и дико, необузданно выплакать все накипѣвшее на сердцѣ. Какая-то жажда ринуться головою въ омутъ, бросить и идею, и цѣль, и стремленія, боролась съ тяжолымъ сознаніемъ безсилія и вѣчно-неудовлетвореннаго порыва къ примиренію и къ дѣятельности. Онъ чувствовалъ, что передъ нимъ

Digitized by Google

разверзлась глубокая пропасть, что наступилъ роковой кризисъ, въ которомъ рушились всѣ прежніе идеалы, вся прежняя самонадѣянная увѣренность и твердость, все прежнее невозмутимое спокойствіе и ровность духа, и являлась жизнь безъ иллюзій, безъ прикрасъ, безъ идеализацій, со всѣми своими мелкими страстишками и личными стремленіями, съ своимъ безплоднымъ сомнѣніемъ, съ своей непоэтической борьбой съ инстинктами и влеченіями грубой натуры. Впервый разъ понялъ онъ ясно, что такъ давно порывалось наружу и глухо шевелилось въ немъ; понялъ, что онъ не монахомъ, а человѣкомъ смотритъ на эту жизнь людей, на ихъ страсти и боренія, и что личность наконецъ съ острою болью вырывается на свободу, чтобы вдругъ, въ минуту высшей экзальтаціи понять свою слабость и свое ничтожество, свою высокую цѣль и свое безсиліе когда либо достигнуть до нея.

Когда онъ вернулся домой, уже было темно; все семейство еще не возвращалось. Онъ отказался рѣзко отъ чая и кинулся на постель. Физическая усталость взяла верхъ; тяжолый, точно одеревенѣлый сонъ обхватилъ его и онъ проспалъ до утра. Уже утромъ, когда Александръ Сергѣевичъ брился у своего фэшенебельнаго туалета, обставленнаго всѣми возможными щеточками, къ нему вошолъ Михаилъ, блѣдный по обыкновенію, съ какою-то непривычною сжатостью губъ и сурово-рѣзкими линіями у глазъ.

— А! что скажешь?—спросилъ ласково-небрежно дядя.

— Я пришолъ переговорить, — началъ Михаилъ спокойнымъ и сухимъ тономъ.

— А, поговорить! — сказалъ дядя и, глядя въ зеркало, намылилъ подбородокъ. — Ты, братецъ, пріѣхалъ въ самую пору, сватьбу засталъ; а?

Онъ засмѣялся самодовольно.

— Я сватьбу не застану, я домой опять собираюсь, — сказалъ также сухо Михаилъ.

Дядя повернулъ къ нему свое удивленное лицо.

— Что такъ? —

— А мнѣ тутъ что дѣлать? — спросилъ рѣзко Михаилъ.—Сами посудите, какую я здѣсь фигуру корчу. Видно

Digitized by Google

во мнѣ всѣ корни подточены. Я можетъ быть на что-нибудь и гожусь, да никто мнѣ не можетъ указать на дѣло. А вѣдь тутъ пожалуй увѣрятъ, что цѣль жизни—гвардейцемъ служить.

— Гвардейцемъ не гвардейцемъ,—началъ ласково дядя, вѣдь тебѣ-же никто не мѣшаетъ, Миша, выбрать себѣ карьеру.

Михаилъ горько засмѣялся; непонятное ожесточеніе и жолчь вдругъ вырвались наружу.

— А готовили-то вы меня къ чему?—развѣ внѣ карьеры видѣли вы что-нибудь? Унасъ вѣдь на все формы,—вездѣ карьера!

— Другъ мой, — началъ вдругъ дядя очень важно, хотя складочки на вискахъ все еще у него не разгладились,—если въ этихъ условіяхъ жизни ты видишь пустоту, если то, что вскружило-бы голову тысячамъ молодыхъ людей, не довольствуетъ тебя, — то твое мѣсто не здѣсь. Здѣсь нѣтъ цѣли для идеальныхъ стремленій; здѣсь все стремится къ математической точности, къ существенности, чтобы подо всѣмъ можно было подвести положительный итогъ. Я прежде не вѣрилъ твоему призванію, — я вѣрю теперь!

— Призваніе-ли, не призваніе, — все равно; мнѣ душно вездѣ, дайте хоть умереть спокойно. Чтожъ? у васъ мнѣ не юродиваго-же корчить!

— Когда-же ты ѣхать хочешь? — началъ дядя послѣ продолжительнаго молчанія, когда его лицо прояснилось совершенно, — хоть до сватьбы-то побудь!

— Ахъ, Господи, точно я вамъ нуженъ! я хочу теперь,— такъ вы пожалуйста распорядитесь.

Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Дядя поглядѣлъ ему вслѣдъ съ удивленіемъ, машинально провелъ бритвою по подбородку и потирая руки прошолся по комнатѣ легкимъ и эластичнымъ шагомъ. Что ни дѣлай человѣкъ, какъ ни умѣй надѣвать на лицо маску, походка выдастъ всегда его внутреннее настроеніе, — и въ легкихъ шагахъ Александра Сергѣевича сказывалось, что какая-то тайная забота спала съ его души. Михаилъ меж-

65910В
Digitized by Google

ду тѣмъ собралъ свои вещи, и кончивъ все, не пошолъ въ гостиную, а нетерпѣливо бросился на диванъ съ книгою въ рукахъ. Сошолъ онъ только къ завтраку и, проходя черезъ переднюю, самъ послалъ лакея велѣть закладывать лошадей. Послѣднія минуты его свиданія съ семействомъ прошли довольно тихо, такъ какъ онъ отмалчивался на всѣ увѣщанія и распросы. Завтракъ кончился; онъ всталъ заслышавъ стукъ экипажа и началъ сухо прощаться.

— Миша, не обидѣли-ли мы тебя чѣмъ-нибудь невзначай? — спросилъ заботливо дядя.

— Что вы, дядя! — право, ну чѣмъ-же!

— Да вотъ еще, Миша, объ дѣлахъ-бы переговорить, — началъ снова дядя смущонно, — вѣдь не дитя ты право!

— Ну, Богъ съ ними! — сказалъ Михаилъ, переступая черезъ порогъ залы, — пускай по старому; если васъ не безпокоитъ, такъ мнѣ и высылайте все по прежнему. Мнѣ на что? прощайте!

Онъ былъ уже въ передней. Николай обнялъ его по братски.

— Эхъ, братецъ! жаль, что ѣдешь: вѣдь знаешь, я женюсь!

— Ну, и на здоровье! — отвѣчалъ тотъ и также сухо обнялъ какъ и дядю.

Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ. Все семейство на крыльцѣ ему ласково и привѣтливо кивало. Онъ махнулъ головой разсѣянно и не обернулся даже, когда лошади тронули. Въ немъ больше ничего на трепетало судорожно и не волновалось; онъ весь точно застылъ, окаменѣлъ.

Какъ отецъ Амвросій!—подумалъ онъ и горько улыбнулся.

За его отъѣзжающимъ экипажемъ смотрѣли и дядя и братъ. Они были не злые люди—нѣтъ; но они свободнѣе вздохнули оба, когда коляска съ бойкими рысаками умчала этого молодого богача. Они взглянули другъ другу въ глаза какъ-будто невзначай и молча прошли въ гостиную. Даже въ ихъ мысляхъ ихъ внутреннее ощущеніе выражалось уклончиво. Николай подумалъ: да вѣдь онъ чудакъ, —

Digitized by Google

начто ему деньги! — Отецъ подумалъ: теперь-то онъ пострижотся!

Когда Михаилъ вошолъ въ келью Амвросія, блѣдный и утомленный отъ дороги (желѣзная дорога только строилась тогда), то старый монахъ безъ всякого изъявленія удивленія поднялъ на него свои впалые глаза...

— Вернулся,—сказалъ онъ—съ миромъ.

— Вернулся, отвѣчалъ также односложно Михаилъ и прошолъ въ свою комнату.

Когда они снова встрѣтились за ужиномъ, все шло по старому; казалось, что все испытанное Михаиломъ было только однимъ тяжолымъ, тревожнымъ сномъ. Только ему казалось смутно, что что́-то надтреснулось у него внутри, чего нельзя было больше вернуть и заставить какъ прежде,—то тревожно биться, то издавать странные, восторженные аккорды. Они молча ужинали.

— Ну, чтожъ тамъ новенькаго?—спросилъ вдругъ монахъ, точно дѣлая усиліе надъ собою, чтобъ выразить хоть маленькую долю участія.

— Да вотъ—Николай женится на дочери княгини М...— сказалъ Михаилъ сухимъ, спокойнымъ тономъ.

— А! произнесъ протяжно монахъ.

Михаилъ поднялъ живѣе голову. Нѣтъ! и тутъ лицо отца Амвросія не дрогнуло, только глаза были по обыкновенію опущены. Онъ вышелъ тихо изъ комнаты въ свою келью.

— Въ немъ право всё переболѣло, да такъ и замерло!— подумалъ онъ и съ болѣе теплымъ, человѣческимъ чувствомъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Ему и въ самомъ дѣлѣ въ первый разъ почудилось, по какому-то тайному сочуствію, что у отца Амвросія всѣ фибры переболѣли и засохли отъ долгой, тяжолой жизни.

Digitized by Google

VI

Три мѣсяца спустя послѣ этой неудавшейся поѣздки, Михаилъ лежалъ уже въ чахоткѣ. Есть личности, которыя кажутся предназначенными для такого преждевременнаго конца, въ жизни которыхъ это и есть самый разумный исходъ, какъ будто все, начиная съ ихъ ребяческой жизни до минуты смерти,—все было только рядомъ ненормальныхъ столкновеній, безцѣльныхъ бореній,—однимъ словомъ, какимъ-то диссонансомъ, въ которомъ естественъ и гармониченъ только одинъ конецъ. Михаилъ принадлежалъ къ ихъ числу. У него страдалъ организмъ тамъ, гдѣ у другого страдаютъ только частные стимулы или привитыя, напускныя чувства. Въ его натурѣ была какая-то неумолимая послѣдовательность, роковая твердость, которая если разъ разрывалась и теряла точку опоры,—уже не могла болѣе возстановиться. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя себя уморятъ безъ сознанія, и не изъ малодушія, а отъ невозможности жить. Для нихъ отрицательная жизнь не существуетъ. И Михаилъ, въ лихорадочной агоніи, въ своей узкой кельѣ, развлекаемый однимъ жужжаніемъ запоздалыхъ осеннихъ мухъ и скрипомъ пера отца Амвросія, или по временамъ глухимъ храпомъ усталаго служки,—не предавался отчаянію о разрушенномъ идеалѣ или о погибшихъ мечтахъ, о счастьи. Всѣ испытанія, сама неудача, казалось изгладились изъ его памяти и только ощущалось томительное отсутствіе того, что составляло для него необходимый сокъ жизненный, что одно поддерживало энергію, надежду и волю. Онъ зналъ только, что силы преломились, и забылъ все, примирился кротко, почти безъ борьбы, съ тѣмъ, что надломило эти силы. Онъ чувствовалъ,—и помѣрѣ того какъ физическіе силы все слабѣли и уходили, онъ чувствовалъ все сознательнѣе, что не княжна Манечка, не мгновенная, идеальная любовь, что не обманутая надежда найти разумную дѣятельность въ той незнакомой жизни, манившей его,—разбили его сердце...

Digitized by Google

На дворѣ уже давно стояла глухая, мрачная осень и небо смотрѣло въ его узенькое окошко непріязненно и пасмурно. Въ одинъ изъ такихъ дней, пока отецъ Амвросій былъ еще у всенощной, въ комнату вошолъ Александръ Сергѣевичъ. Михаилъ дремалъ въ потьмахъ и вздрогнулъ, когда полъ заскрипѣлъ подъ веселыми, бодрыми шагами дяди.

— Миша! братецъ, что это съ тобой?—спросилъ тотъ, и вдругъ улыбка его пропала, встрѣтивъ блѣдное, исхудалое лицо племянника.

— Умираю!—сказалъ Михаилъ и пожалъ плечами,—спасибо, что пріѣхали навѣстить!

Дядя пожалъ его руку, сѣлъ подлѣ него и по привычкѣ потеръ руки.

— Какъ я спѣшилъ, не повѣришь! едва остановился въ монастырской гостинницѣ, прямо къ тебѣ! Да гдѣ-же братъ?

— Отецъ Амвросій у вечерни.

— Гм...—промычалъ Александъ Сергѣевичъ и опять обернулся ласково къ Михаилу. — Да что-же съ тобою, мой мальчикъ?

На минуту Михаила какъ-будто отогрѣла эта ласка.

— Да вотъ умираю; только съ этою вѣдь цѣлью и живешь! Вѣдь я многаго искалъ,—да теперь вижу, что только къ этому одному мы и предназначены. Остальное фантазія, если случай какой...

— Ш—ш! произнесъ Александръ Сергѣевичъ своимъ обычнымъ полу-серіознымъ, полу-шутливымъ голосомъ,—поживешь еще, поживешь!

— Съ какой стати? я и не хочу совсѣмъ!—сказалъ Михаилъ съ досадою и опять раздражаясь.—Да что вы, дядя! Господь на судъ призываетъ!

Онъ откинулъ голову назадъ. Минутная вспышка потухла сама собой и онъ снова съ утомленіемъ посмотрѣлъ на дядю.

— Я ужъ давно собираюсь къ тебѣ,—какъ только получилъ извѣстіе о твоей болѣзни, да вотъ все свадьба задерживала. Ну, влюбленъ человѣкъ, голова идетъ кругомъ, ничего путнаго не сдѣлаетъ; такъ и думай, и распоряжайся за него. Ну, слава Богу, теперь все кончено!

Digitized by Google

Михаилъ не шевельнулся; ему казалось, что тяжолый камень придавилъ его къ постели, такъ что даже вздохнуть не давалъ,—но внутри не дрогнуло.

— А Манечка прелесть что за дѣвушка!—сказалъ опять Александръ Сергѣевичъ,— славная партія Николѣ. Она велѣла тебѣ кланятся, зоветъ къ себѣ, говоритъ: чтó хоронить-то себя!

— Скоро и противъ воли похоронятъ!—сказалъ тихо Михаилъ.

— Ну, ну, ну!—заговорилъ снова дядя, но остановился, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Приходъ отца Амвросія разомъ положилъ конецъ всѣмъ возможнымъ изліяніямъ между дядею и племянникомъ и былъ причиною можетъ быть, что Александръ Сергѣевичъ сократилъ свой и безъ того недолгій визитъ. На слѣдующій день, благоговѣйно простоявъ у обѣдни и отобѣдавъ у настоятеля, онъ снова помѣстился у кровати больного съ видимымъ желаніемъ—впрочемъ, не продолжить долѣе необходимаго свое посѣщеніе. Самъ Михаилъ, казалось, тяготился его присутствіемъ, которое возбуждало въ нёмъ тягостныя воспоминанія.

— Можетъ ты хочешь посовѣтоваться съ докторомъ, Миша?—спросилъ заботливо дядя, — я своего пришлю, онъ не откажетъ!—Или что тебѣ еще захочется? На дняхъ я получилъ письмо изъ твоего имѣнія. Управляющій пишетъ, что все благополучно; этотъ годъ урожай былъ отличный, заводы также идутъ хорошо... ну, и все тамъ!—добавилъ онъ, замѣтивъ на лицѣ племянника невольную тѣнь усталости и равнодушія, — кстати, не хочешь-ли какія-нибудь распоряженія сдѣлать?

— Разпоряженія не мѣшало-бы сдѣлать,—замѣтилъ важно отецъ Амвросій, подымая глаза съ книги, которую онъ читалъ въ углу комнаты,—человѣкъ въ рукахъ Божіихъ: сегодня здѣсь, а завтра...

— А такъ какъ завтра на дворѣ,—сказалъ спокойно Ми-

Digitized by Google

хаилъ, — то пора распорядиться. Вы тамъ, дядя, пошлите кого... формальностей я не знаю.

— Формальностей, другъ мой, и нѣтъ никакихъ — свидѣтелей нужно! Тамъ кромѣ родового имѣнія, еще материно да капиталъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Михаилъ утомленнымъ голосомъ и закрылъ глаза.

— На славу церкви Господней,—замѣтилъ также важно отецъ Амвросій,—себя посвятилъ на служеніе Господу, и состояніе тоже! Вѣдь нажито оно неправдою...

— Въ монастыряхъ, кажется, проповѣдуютъ отрѣченіе и нищету! — замѣтилъ живѣе и нѣсколько колко Александръ Сергѣевичъ.

— Ну, хорошо, я распоряжусь,—замѣтилъ Михаилъ тѣмъ же усталымъ голосомъ.

Дядя простился съ нимъ, по обыкновенію нѣжно. Братья обнялись довольно сухо, и отшельники остались одни.

Распоряжаться Михаилу не много приходилось: съ первыхъ словъ дяди въ его умѣ мелькнула какъ молнія идея—отдать имѣнье Манечкѣ. Онъ самъ не могъ-бы отдать себѣ отчета для чего и кчему онъ это дѣлаетъ, какому влеченію поддается; только въ первый разъ въ жизни богатство получило въ его глазахъ какую-то цѣну.—Хоть чѣмъ нибудь вспомнитъ!—подумалъ онъ.

Медленно подходила его кончина. Помѣрѣ того какъ уходили его силы, всѣмъ казалось, что взглядъ его большихъ, впалыхъ и точно потемнѣвшихъ глазъ подергивался тихимъ, упруго-настойчивымъ отчаяніемъ. Онъ не жаловался и не падалъ духомъ, только было что-то терзающее въ его сжатомъ, сосредоточенномъ выраженіи, въ его холодно-равнодушномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кротко-прощающемъ обращеніи съ окружающими. Самъ онъ не пробуждался болѣе отъ своего тягостнаго, удушливаго оцѣпенѣнія. Камень какъ залегъ на грудь, такъ и придавилъ его безвозвратно; какой-то тайный фибръ какъ порвался разъ, такъ и высохъ, и замеръ безъ боли и колыханій; только чувствовалось онѣмѣніе и затвердѣлость. Но сознаніе этой отвердѣлости было теперь

Digitized by Google

почти невыносимо. Онъ, лежа часами неподвижно на своей крѣпкой постели, казалось отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы испытать хоть на мгновеніе прежнее трепетное, безконечно-сладкое, врачующее порываніе и восторгъ. Онъ далъ-бы все на свѣтѣ, чтобы хоть помянуть эти безформенныя стремленія теплымъ, смягчоннымъ воспоминаніемъ, съ упоевающимъ словомъ и съ непоколебимою вѣрою. Все было подкопано, и эта пустота мучительно давила его и сочила его надорванное, опустѣлое сердце. Вопросъ о жизни и о смерти точно сгладился и стушевался, какъ-будто въ немъ не заключалось ничего существеннаго; и онъ, глядя безпокойно въ одну точку съ какимъ-то нестерпимо-напряжоннымъ спокойствіемъ, задавалъ себѣ съ холоднымъ сомнѣніемъ вопросъ—разрѣшится-ли и поймется-ли все тамъ? Даже и при этомъ не замирало и не вздрагивало его сердце. Разъ только онъ попытался молиться по прежнему, но молитва слетала съ его устъ—не трепетная и пламенная какъ прежде; онъ только опустилъ голову съ крѣпкою покорностью. Въ первые дни въ его ушахъ еще по временамъ звенѣло, какъ будто глухо, безпрерывно, навязчиво твердило: — все фальшиво, во мнѣ!—Потомъ и это замолкло, и эти слабые порывы уступили мѣсто сознательно-спокойной, глухо-раздирающей покорности.

Наступилъ и послѣдній день, наступилъ безъ мученій и безъ терзаній,—нравственныхъ по крайней мѣрѣ, потому что предсмертная агонія началась еще съ утра, и толпа монаховъ столпилась въ его узкой, удушливой кельѣ. Онъ вскидывалъ безпокойно глазами и помѣрѣ того какъ горячешный бредъ овладѣвалъ всѣми его способностями и силами, его мысль далеко умчалась отъ окружающаго и отъ настоящаго и вдругъ перенесла его въ далекое дѣтство, какъ къ одной отрадной точкѣ въ его прежней жизни, гдѣ могло бы смягчиться его накипѣвшее чувство. Передъ его постелью отчетливо и явственно воскресалъ образъ его старушки-няни, и онъ ребенкомъ сжималъ ея руку и довѣрчиво жался къ ея худой, высохшей груди, какъ бы успокоенный отъ всѣхъ своихъ неясныхъ тревогъ. И все вдругъ расширялось передъ нимъ

Digitized by Google

и тонуло въ безпредѣльномъ сіяньи... Стѣны комнаты распадались и за ними возставалъ грандіозно-величественный соборъ. Громкій, оглушающій гулъ колоколовъ разносился всюду, разплываясь и наполняя собою все. И тутъ же во мракѣ, между стѣнами храма воскресалъ образъ Христа, нагибающагося къ ногамъ учениковъ.—И аще Азъ сотворихъ вамъ, Господь и Учитель, и вы творите,—слышалось ясно, и какъ будто вдругъ рождалось сознаніе, что эти слова какъ раскаленное желѣзо проникли когда-то въ его мозгъ и, какъ забытое пѣнье райскихъ пѣсенъ смутно и непонятно тревожили его слухъ и его мысли во всю его жизнь. Онъ приподнялся быстро, весь ослѣпленный чуднымъ видѣніемъ, и, поддаваясь радостному призыву, какъ прежній ребенокъ опустился на полъ къ ногамъ собравшихся монаховъ. Никто изъ окружающихъ не понялъ восторженнаго движенія. Его подняли быстро и вновь положили на грудь распятье, вновь послышался на минуту прерванный, ровный голосъ отца Амвросія, читающаго псалтирь и отходную и раздался полу-подавленный вопль служки, уткнувшагося лицомъ въ подушку въ своемъ чуланѣ: но для Михаила уже все кончилось, его смиренная душа отошла съ этимъ послѣднимъ, восторженно-пылкимъ движеніемъ, и его исхудалая, блѣдная голова упала безъ жизни на подушку.

Объ немъ не долго помнили,—да и не кому было помнить.—Манечка вспыхнула и задумалась, когда объявили, что она наслѣдница; да и потомъ она часто задумывалась въ тихомолку, припоминая загадочно-грустное лицо, промелькнувшаго предъ нею какъ сонъ—проводника. Мало-по-малу и это прошло, и она была вся поглощена заботами о своемъ все возрастающемъ семействѣ.—Отецъ Амвросій еще строже, еще безстрастнѣе предался монастырской жизни. Онъ окончилъ свое длинное сочиненіе черезъ шесть недѣль послѣ смерти племянника; съ нимъ также кончилась его послѣдняя мірская забота. Его жизнь была примѣрная. Говорятъ, что ему предлагали, какъ отрасли древняго, знаменитаго рода, и какъ самому ревностному и строгому анахорету значительное мѣсто, но онъ отказался даже и отъ этой, строго-монашеской почести,—какъ

Digitized by Google

несовмѣстимой съ его личнымъ смиреніемъ. Вся его наружность носила этотъ характеръ полнаго отрѣченія. Даже монахи съ какимъ-то благоговѣніемъ и страхомъ подходили къ нему. Былъ онъ схимникомъ, жилъ въ кельѣ, похожей на пещеру или подвалъ, носилъ власяницу и спалъ въ гробу.

— Ю. О—въ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНІЙ

Изъ разсказовъ моего пріятеля

Отъ автора

Мой пріятель — разскащикъ — отчасти мономанъ. Онъ очень любитъ толковать о самодурствѣ и видитъ его всюду, гдѣ сила не встрѣчаетъ для себя достаточнаго противовѣса. Особенно-же эта сила, по мнѣнію его, упражняетъ дурь свою надъ женщинами: «это почва,—говоритъ онъ—которую самодуры воздѣлываютъ съ отмѣнной любовью».

Я слушаю и—отчасти соглашаюсь.

Но рѣшаясь сообщить читателю нижеслѣдующіе разсказы, я долженъ оговорить ихъ одною просьбою моего пріятеля.

«Бога ради—безъ обличенія!.. просилъ онъ меня. Пора намъ оставить ратоборство противъ того или другаго лица; пора сатирѣ нашей взять примѣръ хоть съ медицины, которая сознала наконецъ, какъ безполезно во множествѣ случаевъ лѣчить единицы, и она все больше и больше призываетъ къ себѣ въ помощь общественную гигіену, дѣйствующую на массы. Такъ точно слѣдуетъ смотрѣть и на самодурство. Напрасно мы станемъ кричать противъ того или другаго его типа: самодуровъ среда поддерживаетъ... Не въ той, такъ въ другой сферѣ жизни какъ-разъ найдется для нихъ радушный пріютъ. Поди гоняйся-жъ за ними по-одиночкѣ!.. Да, для самодуровъ нужна благопріятная среда; при свѣтѣ хорошихъ, разумно выяснившихся общественныхъ от-

Digitized by Google

ношеній, нараждаться имъ не приходится. Значитъ, мало въ средѣ нашей свѣта и разума, коли они плодятся какъ грибы въ дождь!

«Такъ, прошу васъ, Бога ради—безъ обличеній»...

I

ПАРАДОКСАЛИСТЪ

Съ Егоръ Сергѣичемъ Грачевымъ я познакомился случайно, въ дорогѣ,—въ попутчики къ нему напросился. Онъ же—какъ я узналъ отъ него—всю жизнь свою скитался, изъ-за непосѣдства своего всюду разъѣзжалъ, и это была единственная его спеціальность. Люблю, говоритъ, разнообразіе впечатлѣній, да ктому-жъ человѣкъ я свободный, одинокій и средства кое-какія имѣю...

Съ первыхъ же дней знакомства нашего, я ужъ догадался, что онъ дуритъ. На пароходѣ, напримѣръ, пришлось намъ плыть,—онъ и вздумай позаняться гимнастикой... Пошолъ это въ свою каюту, скинулъ—какъ водится—сюртукъ и ну отмахивать разныя гимнастическія штуки. Изъ каюты-жъ было окошечко на палубу. Заглянулъ въ это окошечко одинъ изъ пассажировъ, за нимъ другой, третій — смотрятъ и хохочутъ; собралась этакъ цѣлая толпа зрителей,—и оно, точно, забавно: представьте себѣ какъ есть солиднаго господина (глядѣлъ онъ строго, сурово), и наединѣ съ собою изволитъ онъ выдѣлывать такія штуки руками и ногами, что просто умора! И—вотъ—какъ напустится онъ на зрителей, какъ начнетъ обзывать ихъ всякими крѣпкими словами: «я—говоритъ — отъ васъ ушолъ, не хотѣлъ вамъ мѣшать, чего-жъ вы-то, дураки, мнѣ мѣшаете?..» И пошолъ въ этомъ родѣ. Странно только, какъ это ни одинъ изъ зрителей не отозвался: всѣ этакъ тихонько, подобравши хвосты, отошли отъ окна, точно и виноватые...

А то еще на станціи такой случай былъ. Закладывали намъ лошадей; Егоръ Сергѣичъ и выйди на крыльцо, а на ступенькахъ щенки разлеглись, на солнышкѣ грѣются. Тронулъ-ли онъ ногою какого щенка, не знаю,—только вдругъ

Digitized by Google

это откуда ни возмись сука и хвать его за икры. Онъ—ни съ мѣста, точно и не до него дѣло; только вижу—рука его осторожно полѣзла назадъ, взялась за револьверъ, затѣмъ выстрѣлъ—и сука растянулась мертвая...

— Что́ вы—спрашиваю—за что же?

— А за то,—говоритъ онъ прехладнокровно,—что не убей ее, пошевелись я ногой, она разорвала-бы мнѣ и икры и брюки.

Это, точно,—подумалъ я—находчиво, да все-же, какъ хотите, и жестоко.

Помню еще, въ городѣ какомъ-то по пути мы остановились и пошли вечеромъ въ городской садъ погулять, на публику поглазѣть. Идемъ это по аллеѣ, а на встрѣчу къ намъ выступаетъ барыня, превидная барыня. Онъ ни съ сего, ни съ этого, вдругъ къ ней: «Подѣлимся, говоритъ, чѣмъ богаты».. даже хуже этого сказалъ. Я жду—хлопнетъ она его по лицу! Такъ нѣтъ же... Сперва точно, покраснѣла, какъ кипяткомъ ее обдали, а потомъ — ничего, пошла съ нимъ подъ ручку.—Дуритъ, думаю себѣ, однакожъ смѣтливъ!

Ѣхалъ я тогда на житье въ незнакомый мнѣ городъ; ну, понятно, распрашиваю Егоръ Сергѣича: что и какъ? Хорошее-ли житье меня ожидаетъ?

— Ничего, говоритъ, не безпокойтесь. А любите-ли вы хорошенькихъ женщинъ?

— Какъ, говорю, не любить!

— Такъ будьте покойны, я васъ пристрою.

И—спасибо ему—какъ нельзя лучше пристроилъ.

II

Было это на югѣ Россіи. Городокъ, въ которомъ я поселился, оказался не то чтобъ ужъ совсѣмъ глухимъ, а такъ—что называется у насъ—проѣзжимъ; залетали въ него, хоть и не надолго, всякаго сорта люди: подразнять, подразнять собою туземцевъ какъ новинкою, да и долой съ глазъ.

Егоръ Сергѣичъ помѣстилъ меня на квартирѣ у мѣстнаго инженера, въ хорошенькомъ домѣ; сады кругомъ и рѣ-

ка недалеко: хоть глухо да красиво... Хозяинъ мой глядѣлъ человѣкомъ еще молодымъ, только дряблымъ какимъ-то; средства къ жизни и водились у него, да бѣда — часто покучивалъ: то въ карты проиграется, то вдругъ запьетъ. Жена его, Катерина Александровна—вотъ именно и оказалась хорошенькой женщиной.

Какъ-то очень скоро сталъ я у нея изъ квартиранта домашнимъ человѣкомъ, сдѣлался какъ свой, помогалъ ей во многомъ то совѣтомъ, то услугами разными, и такъ—скажу вамъ откровенно—вошолъ я во вкусъ въ этихъ услугахъ, что бывалъ у ней и нянькой, и разсыльнымъ, и чуть-ли не прачкой. Дѣтокъ она имѣла цѣлую кучу, все малъ-мала меньше, и какъ только закутитъ ея мужъ, такъ ей и плохо: ни средствъ, ни помочи ни откуда. При этомъ и то возьмите во вниманіе, что условія жизни тамъ нѣсколько иныя, чѣмъ у насъ, въ старой Россіи. Вотъ хотя-бы на счотъ прислуги: крѣпостныхъ тамъ не было, да и нанять прислугу трудновато. Безлюдье—знаете, и чуть мало-мальски съ нанятаго человѣка дѣло начнешь требовать, онъ у тебя и служить не хочетъ. Барынямъ-то чрезъ это ужъ черезчуръ много непріятностей,—то юпокъ некому мыть, то за дѣтьми некому присмотрѣть. Такъ вотъ и съ Катериной Александровной частенько бывало.

Не могъ я ни въ чемъ ей отказать, власть какую-то надо мной она возымѣла. Сдѣлаю что-нибудь не такъ, стану ей въ чемъ-нибудь перечить, такъ она взглянетъ бывало кисло или мину недовольную состроитъ,—я ужъ и пасъ, безпрекословно во всемъ повинуюсь. А была она съ виду кроткая такая, тихая, наивная, да ктому-жъ еще красива, роскошна... Нечего грѣха таить, пріятно-таки было и услужить ей во всемъ.

Съ мужемъ своимъ она ссоръ никакихъ не имѣла: но только какой-же онъ былъ для нея мужъ! Да и по ней-ли онъ былъ! Онъ—знаете—нѣтъ-нѣтъ да и клюкнетъ; до чортиковъ, что называется, допивался, а она... нѣтъ-нѣтъ да и родитъ ребенка. И съ чего-бы кажется?.. Но претензій у нихъ другъ на друга никогда никакихъ. А какъ мать, Катерина Александровна во всемъ примѣрная. Бѣлая такая, пушистая,—понѣжиться около нея дѣткамъ—чистѣйшее нас-

Digitized by Google

лажденіе; голосъ у ней такой мягкій, кроткій; убаюкивала она дѣтей—такъ заслушаешься; смотрѣла она на нихъ такими добрыми глазами, всѣхъ ихъ грудью своею выкормила, а ужъ какъ о нихъ заботлива! Бѣгали они всегда чистенькія, здоровенькія; сама она сядетъ бывало на коврѣ, а они около нея барахтаются—и весело ей! Смотритъ это съ улыбкой то на того, то на другого—и вдругъ вздохнетъ... Я, знаете, на сторожѣ: сейчасъ-же поймаю этотъ вздохъ. А о чемъ? спрашиваю.

— Такъ вотъ... гляжу на нихъ... Плоды любви, даровитые всѣ выйдутъ... Только разбѣгутся они отъ меня когда-нибудь...

Скажетъ это и смотритъ самымъ невиннѣйшимъ созданіемъ. Рожала она—какъ призналась мнѣ—легко, безъ особыхъ страданій; рожала все мальчиковъ, только въ послѣдній разъ — дѣвочку. Слышу я, стала она все чаще вздыхать.—О чемъ это? спрашиваю ее.

— Да вотъ.... говоритъ она съ наивнымъ вздохомъ:—родила дочку,—и пришлось поставить точку.

— Что̀-же, говорю, и слава Богу! развѣ вамъ еще мало?

— Безъ сомнѣнія не мало, да все-же какъ-то лучше, когда чувствуешь себя матерью.

— Да вы только, говорю, оглянитесь на всѣхъ этихъ дѣтокъ.

— Ахъ, это все не то̀! Это ужъ оторванныя мои части... А то вотъ какъ грудью кормишь, когда чувствуешь, какъ это жизнь изъ себя даешь другому... А еще лучше, вспомните, какое это сладкое чувство, когда шевелится подъ сердцемъ... Да вирочемъ что̀ я! Забыла, кому говорю...

И опять вздохнетъ.

Такова-то была хорошенькая женщина, у которой пристроилъ меня Грачевъ.

III

А онъ-же самъ? вы спросите... Охъ, задалъ онъ мнѣ задачу! На первыхъ-же порахъ своего новоселья я ужъ ненавидѣлъ его, всѣмъ сердцемъ ненавидѣлъ! И понимаю, что грѣхъ

Digitized by Google

творю, да что прикажете дѣлать!.. Много, много во мнѣ крови онъ испортилъ!

Я былъ молодъ, неопытенъ, а въ молодости — знаете — сразу рѣшаешь дѣло. Нѣтъ, поживи, осмотрись—и какъ разъ придется перерѣшать дѣло, сданное въ архивъ; обстоятельства, встрѣчи разныя наведутъ тебя совсѣмъ на новый путь размышленій..

Конечно мы съ нимъ были разныхъ взглядовъ на жизнь; сердечнаго мира между нами быть не могло, а все-же не прощу себя за прежнюю ненависть къ нему. Многаго я-тогда не понималъ въ его поступкахъ..

И вотъ что особенно досадовало меня: женщины питали къ нему ужъ черезчуръ много пристрастія. Право, иной разъ его-бы слѣдовало въ шею гнать, а къ нему вѣшались на шею! А за что? Будь онъ хорошъ собою—еще бы понятно; а то ничего особеннаго, даже не хорошъ; въ чертахъ лица его было что-то такое суровое, отталкивающее, или-же вдругъ разнѣжится и преисполнится женственности... Не любилъ я его ни такъ, ни этакъ. Будь уменъ—такъ и это объ немъ сказать не приходилось; конечно не безъ ума, но больше—искусный діалектикъ, и говорилъ всегда такое, что вовсе не принято говорить. Право, наскажетъ бывало такихъ вещей, что удивляешься только, какъ это его слушаютъ, какъ его за черту городскую не вышлютъ. Дерзокъ былъ, ужъ истинно дерзокъ, ни передъ чѣмъ не останавливался; что у него на умѣ, то и на языкѣ. Положимъ, наконецъ и уменъ, да знай-же мѣру; а у него именно не было никакой мѣры, а это ужъ, какъ хотите, грубость означаетъ. И все, казалось, сходило ему съ языка благополучно: «я, говоритъ, имѣю право на самостоятельность; пожалуста будьте и вы самостоятельны, этимъ принесете мнѣ большое удовольствіе»..

Самодуръ, какъ есть самодуръ! Но какъ ни грубо, дерзко, даже жестоко многое въ немъ было, а посмотрѣли-бы вы, какъ онъ женщинами-то ворочалъ! Просто купался какъ сыръ въ маслѣ... И по видимому, на словахъ онъ былъ ихъ защитникъ, всячески стоялъ за нихъ, нельзя было найти въ нихъ больного мѣста, которое-бы онъ не отстаивалъ. Но уважалъ-ли онъ женщину на дѣлѣ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Digitized by Google

И была-ль такая непослѣдовательность съ его стороны фальшью? Опять нѣтъ... Онъ дурилъ въ силу своихъ выгодныхъ обстоятельствъ, дурилъ искренно, съ любовью къ своему искусству какъ артистъ, тѣшась своею самостоятельностью какъ собственнымъ созданіемъ, и вовсе не замѣчалъ того, что искуство его создано не имъ, а дано ему во власть невыгодными обстоятельствами другихъ. За эту искренность только и терпѣлъ я его сообщество и даже выносилъ на себѣ тяжкія отъ него обиды.

Да, искрененъ онъ былъ, безъ фальши. Это и понятно. Коли самодуръ—значитъ сила. Только для слабости всякія лазейки пригодны, а сила—знай свое ломитъ, и къ чему ей хитрить?

Егоръ Сергѣичъ, какъ я ужъ сказалъ, былъ человѣкъ непосѣдный: наѣдетъ и опять уѣдетъ. «Это—говорила мнѣ про него Катерина Александровна — онъ по приходу своему все разъѣзжаетъ... у него большой приходъ... все женщины...»

— Эхъ, голубушка моя! подумалъ я въ упоръ наивному ея взгляду—и ты вся, вполнѣ — его прихожанка!..

И признаюсь тяжела для меня была эта дума. Досадно, право: вѣдь какъ я ей ни услуживалъ, а къ Грачеву стояла она ближе чѣмъ ко мнѣ. Я не зналъ еще, но уже мучился мыслію, что между ними секреты водились. А мнѣ жъ еще и шутки отъ него приходилось терпѣть: «Какъ вамъ, говорилъ онъ, не жаль лежать собакой на такомъ вкусномъ сѣнѣ?..»

IV

Но въ ту пору какъ я мучился мыслями о секретахъ Катерины Александровны, нежданно пожаловала къ ней въ гости ея кузина,—пріѣхала издалека, отъ стараго мужа ускакала; тоже молодая еще, хоть на мои глаза и не такъ красива, а ужъ барыня какая, да еще своенравная, такъ упаси Боже! Глазки у ней были маленькіе, какъ-будто запухшіе, и все то щурятся, то маслятся. О, бѣда женщинѣ съ такими глазами! Жизнь ей навѣрное задастъ сильную качку. Изъ-за этихъ глазъ только и жалко мнѣ ее стало...

Digitized by Google

Нервы у ней—все жалуется—разстроены; раздражается она поминутно, что ни шагъ ступитъ, то и услуга ей нужна. Катерина Александровна не знала какъ и быть. Казалось-бы и не изъ чего, а она сильно побаивалась кузины; только и заботы у ней стало чтобъ угодить ей. Меня также бывало все проситъ: «пожалуста ухаживайте за кузиной, ухаживайте какъ только можете... лишь-бы только она поменьше раздражалась». А какъ тутъ услужить ей, когда она то и дѣло недовольна — то скучно ей, людей вишь не видно, поговорить не съ кѣмъ, то сливки для нея не такъ густы, то мухъ много, то природа — говоритъ — у васъ не такъ хороша, какъ я воображала: ничѣмъ ей не угодишь!

Къ счастью нашему Грачевъ пріѣхалъ... Тотчасъ-же какъ узнала объ этомъ Катерина Александровна, и шлетъ меня къ нему: «Подите, говоритъ, къ Егоръ Сергѣичу, упросите его, чтобъ поскорѣе насъ провѣдалъ. Сообщите ему о пріѣздѣ кузины, все ему разскажите...» Пошолъ я къ нему и разсказываю; онъ выслушалъ, поморщился: «Хорошо, говоритъ, когда-нибудь зайду... А кузинѣ что ни часъ, то хуже; Катерина Александровна, мужъ ея, я—всѣ изъ кожи лѣземъ, чтобъ только угодить ей, а она все киснетъ, все нервами раздражается: «У васъ, говоритъ, умрешь отъ тоски»...

Пришолъ наконецъ Грачовъ. Посмотрѣлъ онъ пристально на кузину, она — на него, сказали нѣсколько словъ другъ другу; гляжу — кузина ужъ и просвѣтлѣла. И слава Богу! думаю себѣ... Какъ вотъ вслушиваюсь дальше въ ихъ разговоръ — досадно мнѣ стало, даже испугался: такими вещами угощаетъ Грачевъ кузину!

— Вы, говорилъ онъ, пріѣхали сюда, значитъ, полакомиться свѣжинкой? Но не взыщите,—свѣжинки здѣсь нѣтъ; за этою дичью развѣ въ горы бѣжать придется. Въ нашемъ же болотѣ даже и карася порядочнаго не поймаете.

Испугался я, что онъ вооружаетъ ее противъ нашей природы, на которую она и безъ него жаловалась. Нѣтъ,—перебиваю Грачева,—не вѣрьте, не правда! Во первыхъ, говорю, у насъ не болото, а рѣка, и большая рѣка, а во вторыхъ,—въ рѣкѣ этой ловятъ даже севрюгъ; вотъ, говорю, и сегодня поймали преогромную...

Digitized by Google

Взглянули они другъ на друга, потомъ на меня—и улыбнулись; съ тѣхъ поръ промежъ себя и стали они величать меня севрюгой. Ну, да Богъ съ ними!

Слушаю я дальше.

— За героями, говорилъ онъ,—не для чего было вамъ заѣзжать такъ далеко; вы-бы и въ деревнѣ своей вдоволь могли ухаживать за ними по романамъ и газетамъ. А здѣсь, вѣрьте, поймаете развѣ севрюгу, пожалуй и преогромную.

— Какъ-же быть мнѣ? спрашиваетъ кузина улыбаясь. Я терпѣть не могу рыбной пищи.

— Ничего, не пугайтесь... вы можете при этомъ взять на себя и подвигъ, сами явитесь героиней.

— Это-жъ какъ? живо спросила кузина.

— Очень просто. Передъ своими сверстницами вы и теперь ужъ героиня: будете обходиться безъ пуховиковъ, безъ горничныхъ, сами пожалуй бѣлье себѣ вымоете...

— Фи, какая пошлость!

— Что дѣлать, съ этой пошлости начать надо. Вы возьмите любой романъ: сколько труда стоитъ автору обставить свою героиню какою-нибудь человѣчественною дѣятельностью! Выдумай для нея школу, устрой лечебницу, окружи ее требующими присмотра собачонками или котятами, лишь-бы только ей было за кѣмъ ухаживать, не попусту дни свои тратить, да расцвѣти еще около нея природу,—словомъ, дай читателю понять, что героиня и трудится и наслаждается, стало быть истиннымъ человѣкомъ живетъ. А здѣсь, около васъ, все это и безъ авторскихъ вымысловъ само собою дается вамъ въ руки; не жеманясь говоритъ вамъ: будьте героиней!

Гляжу—кузина слушаетъ, впилась въ него взглядомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—что вы до сихъ поръ дѣлали? Въ деревнѣ помѣщицей величались, глаза свои со сна по три часа протирали и сливками себя откармливали, не такъ-ли?... Вотъ и замужъ вышли—въ городъ наѣзжали, важной губернской чиновницей считались; но чай та-же жизнь шла, только больше прежняго нарядами шумѣть и приманивать къ себѣ праздныхъ людей навыкли? Вотъ и скучно стало, такъ что даже къ намъ за

Digitized by Google

свѣжинкой пожаловали: героиня вы до сихъ поръ, или-же нѣтъ?

Молчитъ она, вся вспыхнувъ.

— Кажется, что нѣтъ—продолжалъ онъ:—а вотъ попробуйте начать что-нибудь новое на новой для васъ мѣстности. Вотъ напримѣръ Катерина Александровна хоть тѣмъ обществу служитъ, что ежегодно по ребенку ему въ даръ приноситъ: вамъ это не съ руки, быть можетъ не видите въ этомъ особой прелести... Такъ не поможете-ли вы хоть выхолить всѣхъ этихъ ребятъ? Тутъ вамъ и лечебница, и школа, и прачешная — словомъ, все что въ нравоучительныхъ романахъ выдумывается для героини. Скажутъ вамъ спасибо — вотъ ужъ и нелишній вы человѣкъ.

— Это, замѣтила она,—правда!

— А коли нелишній вы человѣкъ, то будете и нелишняя женщина.

— Это-жъ какъ?

— Увидите, не слишкомъ только спѣшите.

Подумала кузина, подумала да и говоритъ:—Да... я еще сама не знаю, чего больше для себя желать — перваго или второго.

— Первое все-же будетъ первымъ, сказалъ онъ,—тутъ и думать нечего... Здѣсь почва новая, предразсудковъ меньше: распоясывайтесь посвободнѣе, вообразите въ себѣ истаго колониста, да съ Богомъ и за новую жизнь...

И много, много говорилъ онъ ей въ этакомъ родѣ, какъ знахарь разсказалъ ей всю ея жизнь. Я даже въ восторгъ пришолъ отъ его проповѣди.

— А ваша-жъ, наконецъ, спеціальность? спросила его кузина.

— Жизнь со всѣми ея радостями.

— Значитъ, вы просто эпикуреецъ?

— Не знаю... не знаю я своей клички, и знамени ничьего не ношу; а впрочемъ думаю, что и каждый могъ-бы дѣлать тоже...

— Но если такъ, прервала его кузина, — то зачѣмъ-же вы надавали совѣтовъ, которые быть можетъ вовсе не сулятъ мнѣ радости?

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ вы имъ и не послѣдуете...

Ушолъ онъ—и кузина, веселая такая, бросилась на шею къ Катеринѣ Александровнѣ: «Какой однако—говоритъ—умница этотъ Грачевъ!»

— Вотъ ужъ и умница! съ гримасой замѣтила Катерина Александровна.

— А развѣ нѣтъ? Сколько новаго для меня насказалъ! Въ первый разъ еще услышала я такія слова о себѣ, да и о жизни... Дѣйствительно, гадко и скучно оттого, что я труда никакого не знала.

— Экая новость! наивно замѣтила Катерина Александровна:—будто не слыхала ты и прежде, что праздность—мать всѣхъ пороковъ!

— Слыхала .. и ты вѣроятно тоже слыхала... Да ни тебѣ, ни мнѣ какъ-то не запало это глубоко въ мысль.

Обѣ покраснѣли и надулись.

И точно, озадачила-ли кузину грубая рѣчь Грачева, или ужъ въ самомъ дѣлѣ одолѣла ее скука, только повернула она жизнь въ другую сторону. Перестала она послѣ сна по три часа вылеживаться и сонные глазки протирать; на жидкія сливки не злилась, нервы ея не раздражались отъ мухъ; стала она обходиться не только безъ горничной, но и сама иной разъ прислужитъ Катеринѣ Александровнѣ. А ужъ съ дѣтками—не надо ни няньки, ни гувернантки: откуда у ней на это и способности взялись? Только какъ долго не видитъ Грачева, такъ ужъ ее и томитъ, все къ Катеринѣ Александровнѣ пристаетъ: когда-же придетъ твой герой? И всякій разъ какъ только кузины заговаривали промежъ себя объ этомъ Грачевѣ, такъ и пойдутъ шпилять одна другую, и чѣмъ больше Катерина Александровна краснѣетъ, тѣмъ кузина все больше шпиляетъ. Не будь этихъ шпилекъ, жизнь шла-бы у нихъ самая дружная...

V

Не долго однако бодрилась кузина: прошло съ мѣсяцъ, и ей опять плохо. Сперва—нервы, а тамъ—лежанье на бо-

Digitized by Google

ку, съ книжкой въ рукахъ да со всякими охами въ устахъ: то на климатъ, то на мухъ, то на себя самое.

— Особенно ей плохо къ молодому мѣсяцу, шептала мнѣ съ участіемъ къ кузинѣ Катерина Александровна:—въ эту пору съ ней творится тоска невыносимая, хоть вѣшайся!..

И надо сказать правду: видно было, что она такъ страдала не въ шутку, томилась не изъ прихоти какой?

Какъ-то расъ воротилась она съ прогулки, съ Грачевымъ подъ-руку, блѣдная такая, глаза у ней какъ у помѣшаной; бросилась съ гулянья прямо на диванъ, лежитъ, дышетъ такъ тяжело и не говоритъ ни слова. Слышу, въ другой комнатѣ Грачевъ шепчетъ о чемъ-то съ Катериной Александровной, и она этакъ убѣдительно проситъ его, все проситъ: «ну что тебѣ стоитъ... хоть разъ... хоть немного... ну что за важность... поласкай ее... утѣшь, бѣдняжку...» А онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ ей что-то; она-жъ чуть не плачетъ, все проситъ. Вышелъ наконецъ Грачевъ отъ Катерины Александровны сердитый, точно укушенный, а все-же подсѣлъ къ кузинѣ, заговорилъ съ нею—и тотчасъ ей легче стало, даже хохочетъ... Ну, и слава Богу! И Катеринѣ Александровнѣ, и мужу ея, и мнѣ—всѣмъ это пріятно. Даже и по уходѣ Грачева въ домѣ у насъ благодать не нарушилась: кузина принялась убаюкивать дѣтокъ, уложила ихъ въ постельки и не слышно было отъ нея ни одного оха: тишина и миръ... !

Наступила ночь. Сидѣлъ я въ своей комнатѣ одинъ, въ домѣ ужъ спали; сидѣлъ и—наслаждался ночью... Ужъ подлинно, памятная ночь! Да знаете-ли вы, какія тамъ ночи бываютъ, когда бѣлая акація цвѣтетъ! Что-жъ это за небо тамъ и какой ароматъ въ воздухѣ! Всего тебя нѣгою разбираетъ... Но въ этакія, и только въ этакія ночи, одному быть — и сладко, и тяжело; отсутствіе кого-то и тѣшитъ сердце, и больно ощущается...

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла,
Шумитъ Арагва предо мною...

твердилъ я пьесу Пушкина, и хоть я находился тогда не въ Грузіи, и шумѣла предо мной не Арагва, а другая рѣ-

Digitized by Google

ка, и даже вовсе не слышно было рѣки, а окна моей комнаты смотрѣли въ темный садъ; но все-же ночь такая была, что и я въ сердцѣ своемъ строилъ уголокъ для кого-то, ощущалъ полноту своего бытія и чувствовалъ, какъ сердце мое

...горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ,

что ужъ таково всяческое сердце человѣка — особенно въ этакія сладострастныя южныя ночи!..

Вдругъ вижу—въ саду мелькнула тѣнь; всматриваюсь—фуражка; только не на мужчинѣ кажется, а на женщинѣ; наконецъ ясно вижу—юпки бѣлыя траву задѣваютъ. Кто-жъ бы это? думаю, и сердце во мнѣ стучитъ-стучитъ: ужъ не Катерина-ль Александровна?.. И самъ это себя не помня, прыгнулъ я въ садъ, крадусь въ кустахъ и ко мнѣ ужъ доносятся звуки разговора: слава тебѣ, Господи,—не она!—слышу ясно — то кузина съ Грачевымъ.

Разговоръ у нихъ однако вовсе нелюбовный.

— Вы, говорилъ онъ, слишкомъ поспѣшили устроить романъ; вы забыли, что не все еще для него у васъ готово. Подумали-ль вы, что я напримѣръ вовсе для него не пикантенъ? чѣмъ я буду отвѣчать вамъ—какимъ чувствомъ? Не поступить-ли съ вами какъ съ уличной дѣвой? Такого романа вы отъ меня хотите?

Стоитъ она и молчитъ.

Эхъ, кузина! думалъ я за нее: вотъ до чего довели тебя припухшіе глазки...

— Идите-же! продолжалъ онъ:—идите... я васъ уважаю... Глядите, вы въ моихъ рукахъ, но я этого не хочу...

Стоитъ она и молчитъ.

— Идите-же! Я хочу, чтобъ именно вы отъ меня ушли, а не я отъ васъ... Не то, ей-же-ей — идите, пока я васъ пускаю!

Пошла она и остановилась.

— Хоть это наконецъ... взмолилась она:—я вѣдь знаю... хоть это скажите—вы любите Катю?..

— Ахъ, прошу васъ, послѣ объ этомъ, — сказалъ онъ

Digitized by Google

громко; — а до того вы обдумайте только, можетъ-ли она любить... въ вашемъ смыслѣ любить? Вѣдь вы знаете ее!

И затѣмъ стало его совсѣмъ не слышно.

Гляжу—поцлелись бѣлыя юпки изъ сада къ дому, а я—къ себѣ въ окно, въ комнату...

И вотъ ужъ озлился я въ ту пору на этого Грачева! скажите на милость—что-жъ это такое? Коли онъ чувствъ къ ней никакихъ не имѣлъ, такъ за чѣмъ-же пришолъ на свиданье? Разыгралъ вишь роль воздержнаго человѣка! Да разыграть ее, не любя, безъ всякихъ этакихъ чувствъ, вовсе не штука!.. Этакъ унизить женщину — не жестоко-ли, не величайшая-ли это грубость? Варваръ онъ — хоть-бы ужъ притворился влюбленнымъ!.. И даже ночь на него такая не подѣйствовала! За что-жъ, скажите, за что-жъ счастье падаетъ на такія каменныя сердца? За что женщины выносятъ подобное самодурство? Эхъ, кузина! погубили тебя припухшіе глазки!..

Такъ думалъ я въ ту пору, а по сосѣдству у меня, въ другой комнатѣ, слышу — шагаетъ изъ угла въ уголъ она бѣдняжка... Что-то ей думалось?.. Шагала—и вдругъ рыданія... Стихло... потомъ опять шагать стала, и опять рыданія. Такъ до самаго утра. Нечего сказать—памятная ночь!

VI

Проснулся я поздно и думаю: то-то будетъ денекъ! У кузины-то какъ нервы разыграются! А Катеринѣ Александровнѣ придется-то стерпѣть сколько шпилекъ! Думаю это и боюсь выглянуть изъ своей комнаты.

Что-жъ вы думаете—ничего этого не бывало! Все обошлось тихо, мирно; кузина вышла блѣдная, больная—видно; однако съ дѣтками принялась возиться и ни на что не жаловалась. Удивительно!

Пришолъ и Грачевъ. Я посматриваю на него и думаю: какимъ-то гусемъ ты будешь глядѣть ей въ глаза? Однако и онъ смотритъ и говоритъ, точно ничего между ними и не бывало. Удивительно!

Только какъ остались они вдвоемъ, слышу—опять у нихъ

Digitized by Google

сцена произошла. Надо полагать, упала она на колѣни что-ли передъ нимъ и стала цаловать у него руки, а онъ все уговаривалъ ее, но ужъ ласково: «Опомнитесь, прошу васъ... Опять вы сцены строите! Опомнитесь... вѣдь вамъ самой послѣ будетъ противно.»

— Нѣтъ, нѣтъ! прерывала она:—не говорите такъ... Вчерашнимъ поступкомъ вы меня жестоко унизили, это правда; я-бы должна васъ возненавидѣть, но... вы меня и возвысили—о, какъ возвысили! Я все обдумала... Сначала мнѣ было больно, охъ, какъ больно! я проклинала васъ... но потомъ опомнилась... Да, вы хорошо поступили, я благословлять васъ буду!.. И теперь мнѣ сдѣлалось такъ легко, о, какъ легко!

И опять видно бросилась она цаловать ему руки, такъ что онъ все повторялъ ей:—полно! полно-же!.. Вы позабыли, кто я...

— Вы—братъ мой, старшій мой братъ, самый любимый мой братъ! говорила она.

— Я противъ этого, замѣтилъ Грачевъ.

— Но какъ-же мнѣ быть? спрашиваетъ она.—Я питаю къ вамъ теперь вполнѣ родственное чувство.

— Очень скоро... Но извините. На моемъ языкѣ нѣтъ слова—родственное чувство; не испыталъ я никогда такого чувства. Если-жъ вы хотите сказать, что насъ связываетъ привычка, то я долженъ замѣтить вамъ, что это неправда: ни вы ко мнѣ, ни я къ вамъ привыкнуть еще не успѣли.

— Ахъ, какой вы! Но нужно-же какъ-нибудь опредѣлить теперешнія наши отношенія?

— За чѣмъ-же это нужно? Полиція отъ насъ этого не требуетъ.

— Такъ природа вещей того требуетъ.

— Природа вещей и безъ насъ знаетъ, кто мы... Не спѣшите: это большая ваша слабость. Не бойтесь: романъ въ жизни отъ васъ не уйдетъ; лишней женщиной вы не будете. — И зачѣмъ-же такъ поспѣшно строить изъ меня любимаго брата? Ну, взглянете на меня — какой-же я вамъ братъ?

— Эхъ, чтобъ васъ! сказала она—и слышно было послѣ этого, какъ они весело хохотали...

VII

Да, послѣ этого страннаго дня не помню ужъ никакихъ раздирательныхъ сценъ: все пошло у нихъ тихо, любовно. А между тѣмъ вы представьте себѣ, что за отношенія установились между нимъ и обѣими кузинами: досадно было смотрѣть! Онъ бывало разляжется на диванъ, вино этакъ медленно попиваетъ, сигару покуриваетъ, а подлѣ него то та, то другая кузина: волосы ему расчесываютъ, въ шею его цалуютъ, по рукамъ гладятъ, а онъ—противный — нѣжится и ни слова. Самъ я видѣлъ, какъ онѣ въ глаза ему засматривали, съ восторгомъ какимъ-то восклицая: «Взгляни, Катя, какъ онъ смотритъ!..» «Глаза-то у него какіе, ахъ, ma chère Sophie, какіе глаза!»—Гадко, повѣрьте, видѣть было все это... Разъ подглядѣлъ и мужъ Катерины Александровны: онъ, знаете, отъ Грачева то-же былъ безъ ума, да видно все-таки стало ему обидно. Слышу, говоритъ онъ женѣ: Катя! ты ужъ слишкомъ... смотри!

— Что такое? спрашиваетъ она наивно.

— Да насчотъ Егоръ Сергѣича... вѣдь я видѣлъ... ты его цаловала...

— А ты развѣ не знаешь, что я цаловала его и прежде? спрашиваетъ она опять этакъ наивно.

— Какъ такъ?

— Да очень просто! Я и кузина Sophie—мы обѣ это себѣ позволяемъ.

— Нѣтъ, пожалуста... Ужъ если это просто, такъ дѣлай такъ, чтобы я не видѣлъ! — сказалъ онъ это и однако успокоился: кузина тоже такъ поступаетъ, кузина-жъ у него—авторитетъ.

Смотрѣлъ, говорю, и я на это, смотрѣлъ съ досадою, — а оно точно все выходило у нихъ очень просто... Ну, да и Богъ съ ними! Только Катерина Александровна—увы! сталъ я понемногу замѣчать, все чаще и чаще вздыхать стала: Грачевъ видимо повернулъ лицо свое отъ нея... Правда, шпилекъ ей ужъ совсѣмъ не слышно стало отъ кузины; за дѣтками ея та-же кузина отлично присматривать стала, да видно хоть и не кусала, а все-же давала ей знать себя ревность.

Digitized by Google

Грачевъ—надо сказать правду — взялъ нервную кузину въ ежовыя рукавицы; больно онъ ее школилъ, дѣлалъ это куда какъ грубо, но это все приходилось ей какъ нельзя лучше по сердцу: нервы ея угомонились, жизнь ея пошла не праздно; словомъ—повела она себя по програмѣ, которую высказалъ Грачевъ еще при первомъ знакомствѣ съ кузиной.

Онъ по обычаю своему уѣдетъ бывало, и опять наѣдетъ; съ дороги письма пишетъ, а кузина ему отвѣчаетъ, во всѣхъ своихъ работахъ подробный отчотъ ему даетъ, не то и сама напросится къ нему въ товарищи—поѣдутъ вмѣстѣ край изучать... Книгами обложилась, читаетъ, даже за статью какую-то усѣлась, писать. И такъ это рада, хвалится ему своими успѣхами! Но и здѣсь онъ ее пошколилъ. Помню, съ восторгомъ такимъ сообщаетъ она ему, что окончила задуманную статью:—Наконецъ я—говорила она—набрела на истинное свое призваніе, нашла свою дорогу... Удивляюсь, какъ это прежде никогда я не воображала, что и мнѣ можно выступить на литературное поприще! Хоть славы не добьюсь, а все-же что-нибудь сдѣлаю...

— Та-та-та!.. перебилъ ее Грачевъ. Вы опять поспѣшили, опять сцены! Зачѣмъ это вы взъерошили фразы свои такими торжественными словами—призваніе, поприще, слава?!.. Проще смотрите на это дѣло, какъ можно попроще. Коли литературная работа вамъ съ руки то, и пишите; если угодно, станемъ даже вмѣстѣ писать. Вотъ вамъ и еще занятіе, и еще средство для жизни...

Поморщилась она, а все-же и здѣсь уступила.

VIII

Насмотрѣлся я вдоволь на всякія отношенія Егоръ Сергѣича къ женщинамъ, а потому и счолъ за лучшее объясниться съ нимъ на прямоту: такъ и такъ, говорю, скажите мнѣ откровенно, любите-ли всѣхъ ихъ, или-же ни одну?

— Всѣхъ, говоритъ онъ, люблю.

— Это, говорю, воля ваша—съ вашей стороны не честно.

— А почему такъ? спрашиваетъ онъ. Всѣхъ любить—такъ законъ повелѣваетъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, говорю—не отпучивайтесь: не о такой я любви спрашиваю.

— А другой, то есть вашей любви въ моемъ лексиконѣ не водится.

— Отчего же, спрашиваю, на вашемъ языкѣ нѣтъ слова—любовь?

— Оно есть, говоритъ онъ,—но не въ томъ значеніи, въ какомъ вы употребляете его относительно однѣхъ женщинъ. Любовь къ мужчинѣ, любовь къ женщинѣ, любовь къ человѣку вообще—это мнѣ понятно; но любовь, какъ чувство питаемое исключительно къ женщинѣ, это на языкѣ моемъ значитъ—просто половое влеченіе.

Сбилъ онъ меня съ толку этой діалектикой, такъ что я не нашолся, что ему и отвѣтить. Однако говорю: Позвольте. Во первыхъ, сближеніе между мужчиной и женщиной можетъ быть и безъ этого влеченія; а во вторыхъ, половое чувство само по себѣ гадко, тогда какъ любовь для всѣхъ желательна и всѣми уважается.

— Коли, говоритъ онъ, сближеніе мужчины съ женщиной бываетъ безъ подобнаго чувства, то все-же это любовь въ моемъ смыслѣ, а не въ вашемъ, а что до полового влеченія, то само по себѣ оно—въ природѣ вещей... Только, само по себѣ, безъ всякихъ благовидныхъ предлоговъ, оно—ведется лишь у животныхъ, а у человѣка оно является чувствомъ смѣшаннаго характера, смотря потому, что въ насъ преобладаетъ: гордость-ли, сладострастіе, тщеславіе, корысть, чувство красоты нравственной или физической, стремленіе-ль въ міръ идеаловъ или-же просто мечтаній... Честными, или-же не честными считаются въ обществѣ всѣ страсти, честнымъ или не честнымъ можетъ быть названъ и тотъ человѣкъ, который имъ служитъ своимъ половымъ чувствомъ.

— Извините, говорю:—чувство это для поддержанія нашего рода должно служить, вотъ и все.

— Оно и служитъ для этого, только не иначе какъ въ смѣшеніи съ другими чувствами. А по вашему жъ—спрашиваетъ онъ—какъ? Стало быть, когда зараждается симпатія между мужчиной и женщиной, такъ они напередъ ужъ, еще до этой симпатіи, каждый про себя порѣшили: давай-

Digitized by Google

молъ продолжать свой родъ! Согласитесь, что такъ дѣло не ведется.

Дѣлать нечего, согласился,—не устоялъ противъ его діалектики.

— А все-же, говорю, возвратимся къ прежнему. Нечестнымъ мнѣ кажется, что любите вы многихъ. Выходитъ, что вы всѣхъ ихъ обманываете.

— Никого я не обманываю. Меня любятъ—и я люблю. Вы больше по части общихъ вопросовъ, но эти общія требованія еще не выводы изъ жизни, а преждевременныя посылки, которыхъ жизнь быть можетъ и не оправдаетъ. Повѣрьте, я не врагъ самой высокой, самой неизмѣнной любви, той любви, о которой вы мечтаете; но долженъ сознаться, что я самъ по себѣ слабъ выдержать это чувство безъ помощи женщины: ея натура, характеръ ея чувства опредѣляютъ собою и степень чувства къ ней мужчины. Женщина—полная царица этого чувства, и я ей безпрекословно повинуюсь.

— Такъ значитъ,—въ женщинѣ возможно такое чувство? а повинуясь ей, вы и сами должны его испытывать...

— Испытываю... Тогда между нами полное согласіе, гармонія отношеній,—сродство душъ по вашему... А все остальное при этомъ — пустяки, объ нихъ я даже и не думаю.— Ну, а вы—спрашиваетъ онъ меня—какъ поступаете?

— Меня, говорю, нечего объ этомъ и спрашивать; я и радъ-бы, чтобъ меня любили, да ни одна не любитъ.

— Что жъ, замѣтилъ онъ,—коли васъ не любятъ, а вы желаете, чтобъ васъ полюбили, такъ почему-же мнѣ отказываться, коли меня любятъ?

Посмѣялись мы надъ такимъ выводомъ.

— А все-же—прошу его—скажите, что у васъ съ Катериной Александровной?

— Вы все, говоритъ, знаете.

— Значитъ — говорю — она нечестная женщина (и при этомъ бросило меня въ дрожь и въ потъ).

— Какъ нечестная? напротивъ... Вы посмотрите, она каждый годъ акуратно съ икоркой, и теперь съ икоркой...

— Что—спрашиваю—вы хотите этимъ сказать?

Digitized by Google

— Да подумайте, сами догадаетесь.

Подумалъ я... Да! говорю, это правда; на это она мастерица.

— Именно мастерица! Это ужъ, говоритъ, такая женщина, что ей только этого и нужно, и она преакуратно ведетъ себя въ этомъ отношеніи.

— Положимъ, такъ... Но вы взгляните, отчего это ни одинъ ея ребенокъ въ отца не пошолъ? Тѣ вотъ — бѣлокурые, худенькіе, нѣмцы какіе-то, она и сама называетъ ихъ нѣмцами, а вотъ послѣдній — ужъ извините — совсѣмъ въ васъ!

Засмѣялся онъ и поясняетъ мнѣ, что въ этомъ могутъ быть невиноваты ни отецъ, ни мать: случайность, игра природы, мало-ль на это есть убѣдительныхъ примѣровъ! Да и охота вамъ, добавилъ онъ, обращать вниманіе на такіе внѣшніе признаки? Вы — идеалистъ, вамъ-бы слѣдовало искать признаковъ болѣе тонкихъ, менѣе осязательныхъ, но больше говорящихъ за сущность дѣла. Примѣрно сказать, носа у тебя нѣтъ,—кажется очень вѣрный, очень чувствительный признакъ для сужденія, а согласитесь, что и онъ можетъ повести къ ложнымъ заключеніямъ: грубъ слишкомъ, очевиденъ до крайности...

— Да я вовсе и не стою за такіе осязательные признаки, сказалъ я.

— А коли не стоите, коли вы истый адептъ нравственной полиціи, такъ ужъ пожалуста дѣйствуйте тутъ какъ существо нравственное, а не какъ офиціальный хожалый: для него-бы только на виду все обстояло благополучно.

— Повторяю вамъ, сказалъ я,—не стою я за признаки физическіе, будь они качественные или количественные; вы сами взялись защищать этими признаками чистоту Катерины Александровны.

— Вы не стоите за нихъ—и прекрасно! Такъ позвольте жъ теперь спросить васъ, какъ-же доходите вы до безошибочныхъ сужденій? Честная напримѣръ женщина: какой же взяли вы точный признакъ?.. А за отсутствіемъ его — не лучше-ли вовсе не судить?.. Воля ваша, вы задались задачею о причинѣ причинъ! Опять и то, вы хотите для че-

Digitized by Google

ности женщины какой-то общей нормы, тогда какъ норма эта можетъ быть только для каждой женщины въ отдѣльности. Къ своей нормѣ Катерина Александровна — можете быть увѣрены—честнѣйшая женщина, въ этомъ мое честное слово.

— Къ своей только нормѣ, и только? спросилъ я не безъ злости.

— Нельзя и требовать больше. Ктому-же она — преполезнѣйшій человѣкъ.

— Это-жъ какъ?

— Какъ мать, и примѣрная мать, столькихъ будущихъ людей.

— А вотъ — спрашиваю его — что вы скажете объ ея кузинѣ?

— И кузина—полезный человѣкъ. Вы взгляните, какъ она умѣла хорошо поставить себя при дѣткахъ Катерины Александровны. Вѣдь ей за это большое спасибо отъ человѣчества!

— Это—значитъ—и норма ея честности?

— Нисколько. Кузина—другая женщина, чѣмъ Катерина Александровна, для ней и другая норма. Чувство у ней несется въ сферу романа, героизма; такъ была направлена ея жизнь,—ошибочно или нѣтъ—это опять вопросъ по части причины причинъ. Она передъ нами какъ сложившійся уже фактъ; какъ она выдержитъ себя — еще нельзя предвидѣть, но во всякомъ случаѣ она стоитъ уже на добромъ пути... Нужно ее поддержать...

IX

Послѣ такихъ объясненій, въ то время какъ я собирался разсматривать кузину какъ сложившійся уже фактъ, случайно доведось мнѣ усмотрѣть и такую сцену:

Было это въ саду; гляжу—они вдвоемъ, кузина съ Грачевымъ; она—этакая оживленная, щоки у ней горятъ, стоитъ и руку свою положила на его плечо, смотритъ такъ славно, а онъ—волосы ей на головѣ приглаживаетъ.

Digitized by Google

— Что, спрашиваетъ онъ, и теперь ты лишняя женщина?

Ничего она не сказала ему въ отвѣтъ, только какъ держала въ рукѣ перчатку, такъ этой перчаткой по губамъ его нѣжно махнула...

Ну, думаю себѣ это значитъ онъ поддерживаетъ ее на добромъ пути!

X

Скоро послѣ этой сцены Грачевъ сдѣлалъ мнѣ забавное предложеніе:

— Послушайте, сказалъ онъ,—вы не собака, и Катерина Александровна—не сѣно. Она—смѣю васъ увѣрить—пріятная и чисто нашинская пища: какъ вы думаете?..

— Подите себѣ!—сказалъ я запальчиво:—экой вы самодуръ!

— Будто-бы? спросилъ онъ и осѣкся на этомъ словѣ. Потомъ подумалъ, походилъ и снова обратился ко мнѣ.

— Да, согласенъ, сказалъ онъ:—я дурю, самъ по себѣ дурю, а вы—съ чужою дурью, какъ и всѣ! мимо рта ложку несете, въ то время какъ ѣсть вамъ хочется... Что-жъ за прокъ изъ этакой умной штуки? И увѣрены, что такъ и слѣдуетъ поступать, что это для всѣхъ обязательно?.. Развѣ это дальновидно?

— Я въ вашу мораль не вмѣшиваюсь, прошу и у васъ того-же...

— Вона! мораль... а слюнки-то зачѣмъ текутъ? Вѣдь, согласитесь, что текутъ?..

— Въ томъ-то и штука, что и текутъ да не лѣзу, текутъ да ими я только одинъ пачкаюсь!

— Ну, и пачкайтесь... Экой идеалъ передъ глаза мои поставили! Пачкайтесь, сколько вамъ угодно, только все-же, извините, эта прелесть для меня нисколько не привлекательна. И словомъ-то какимъ пронзили—самодуръ!! На самодурство, батенька мой, не собою, а другими права даются, и ужъ коли хотите кого корить, такъ именно этихъ другихъ. А я что? я только ихъ продуктъ. Имъ я нуженъ значитъ,

Digitized by Google

имъ нравилось,—вотъ за это мнѣ воля и баловство! На нихъ-то и злитесь, а меня за что-же?—Мать родила урода—чѣмъ же уродъ виноватъ? Я и мать не виню нисколько, но вашей логикѣ рекомендую именно ее обвинять: послѣдовательность того требуетъ!...

— Не виню я ни васъ, ни мать вашу и никого другого,— сказалъ я все еще запальчиво. Но все-же, не смотря на всю вашу логику, вы не отнимете у меня права называть лица и вещи ихъ собственными именами. Вы, говорю вамъ, все таки самодуръ; какъ-бы вы ни явились на свѣтъ и что-бы ни сформировалось изъ васъ,—именно васъ, а не другого, вы все-таки ни выше, ни ниже того, что вы на самомъ дѣлѣ... Утѣшайтесь-же вашей ролью!

— Слушаю-съ... Не будетъ-ли какихъ приказаній на счотъ исправленія? Не пропишете-ль себя въ образецъ совершенства?

— Я вовсе не примѣръ, и не корчу изъ себя совершенства.

— Но гдѣ-же, гдѣ образецъ?

— Въ сердцѣ, въ убѣжденіи,—такъ должно и такъ будетъ!..

— Блаженъ, кто вѣруетъ... Только все-же, скажите, зачѣмъ-же и у васъ, у вѣрующихъ, слюнки текутъ при выкладкѣ о совсѣмъ иномъ блаженствѣ?.. Да и у всѣхъ такъ! И правда не сердитесь, а лучше измѣните свою непитательную роль на счотъ Катерины Александровны.—Послушайте,—сталъ онъ говорить мнѣ мягкимъ голосомъ,—вы думаете, я всегда былъ таковъ? Нисколько. Это обстоятельствамъ угодно было выработать изъ меня теперешняго самодура. Я готовъ даже разсказать вамъ про себя не одинъ случай, и вы увидите, почему мнѣ стало и выгоднѣе и гуманнѣе стать самодуромъ, чѣмъ умницей...

Онъ дѣйствительно разсказалъ мнѣ про эти случаи. Въ свою очередь я повторю ихъ вамъ,—только не теперь, въ другой разъ. Вы такъ ихъ у себя можете и обозначить: «Разсказы Егора Сергѣевича.»

Я записалъ разсказъ моего пріятеля и обратился къ нему съ вопросомъ: какіе-жъ ваши выводы?

Digitized by Google

— «Пока—никакихъ... сказалъ онъ: а вотъ, если угодно, нѣсколько, такъ сказать, топографическихъ замѣтокъ, годныхъ и для послѣдующихъ моихъ разсказовъ:

«Маленькіе города—самое что ни на есть раздолье для самодуровъ, также какъ и замкнутые сословные, семейные и тому подобные кружки: не на комъ здѣсь людей мѣрить—для однихъ, а для другихъ—сила не находитъ для себя соперничества и знай свое куралесить...

«А второе, самый самодурный край—это, скажу вамъ, край колоніальный. Колонистъ по самому существу своему ужъ больше самостоятеленъ, чѣмъ метрополитанинъ; пассивная роль для него негодится; онъ незамѣтно для себя освобождается отъ маленькихъ оковъ, которыя сдерживали его въ метрополіи, среди опредѣлившагося общества.... Кругомъ его все зыбко, неопредѣленно, ведется не по изстари-заведенному порядку, не обзавелось еще своими привычками: вотъ и онъ чувствуетъ себя свободнымъ повести свою жизнь какъ ему удобнѣе, на распашку. Встрѣтитъ себѣ отпоръ—ладно, значитъ—не задуритъ, а не встрѣтитъ—вотъ ужъ и пошолъ куралесить!

«Вообще-же какъ въ колоніяхъ, такъ и въ метрополіи среда наша не въ примѣръ удобнѣе чѣмъ гдѣ-либо складывается для самодурства. Куда ни кинь, а пока, вѣрнѣе, это такъ! англичане выжили изъ себя джентльмена, а мы—самодура!.. Отчаяваться тутъ вовсе нечего, потому что самодуръ—все-же сила, *только значитъ регуляторъ для нея еще не выработалъ*...»

1864 г.

Николай Вороновъ.

Digitized by Google

I

Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горячій востокъ
Отражается въ ней, отливается.
Пусть чиликаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется-нарядится,
И сова— пусть она не тревожитъ мой слухъ
И, слѣпая, подальше усядется.

II

Чужое окно

Помню, гдѣ-то въ ночь съ проливнымъ дождемъ,
Я бродилъ и дрогъ подъ чужимъ окномъ;
За чужимъ окномъ было такъ свѣтло,
Такъ манилъ огонь, что я—стукъ въ стекло...
Боже мой! какой поднялся содомъ!
Какъ встревожилъ я благородный домъ!
«Кто стучитъ?» кричатъ, «убирайся воръ!
Аль не знаешь гдѣ постоялый дворъ»!..
Ваше сердце мнѣ—тоже домъ чужой,
Хоть и свѣтитъ въ немъ огонекъ порой,
Да ужъ я учонъ—не возьму ничего,
Чтобъ съ отчаянья постучать въ него...

III

Вѣкъ

Вѣкъ девятнадцатый—мятежный, строгій вѣкъ—
Идетъ и говоритъ: «бѣдняжка человѣкъ!
О чемъ задумался? бери перо, пиши:
Въ твореньяхъ нѣтъ творца, въ природѣ нѣтъ души.
Твоя вселенная—броженье силъ живыхъ,
Но безсознательныхъ,—творящихъ, но слѣпыхъ.
Нѣтъ цѣли въ вѣчности; жизнь льется какъ потокъ,
И, на ея волнахъ мелькнувшій пузырекъ,

Digitized by Google

Ты лопнешь, падая въ пространство безъ небесъ,—
Туда-жъ, куда упалъ и рабъ твой, и Зевесъ,
И червь, и твой кумиръ; фантазію твою
Я разбиваю въ прахъ... покорствуй, я велю!»
Онъ пишетъ—вѣкъ идетъ; онъ кончилъ—вѣкъ проходитъ.
Сомнѣнья вновь кипятъ, умъ снова колобродитъ,—
И снова слушаетъ бѣдняжка-человѣкъ,
Что будетъ диктовать ему грядущій вѣкъ...

IV

Что если?

Что если на любовь послѣднюю твою
Она любовью первою отвѣтитъ,
И какъ дитя произнесетъ: люблю,—
И сумеркамъ души твоей посвѣтитъ?
Ея безпечности, смотри, не отрави
Неугомоннымъ подозрѣньемъ;
Къ ея ребяческой любви
Не подходи ревнивымъ привидѣньемъ.
Очнувшись женщиной, въ испугѣ за себя,
Она къ другому кинется въ объятья,
И не захочетъ понимать тебя,—
И въ первый разъ услышишь ты проклятья,
Увы! въ послѣдній разъ любя.

V

Вавилонское столпотвореніе

Немвродъ.

Къ небу тащите каменья, рабы!
Стройте надъ сводами—своды;
Тамъ будутъ жалкія ваши мольбы
Ближе къ владыкѣ природы.
Стройте, пока царь бича опустить
Не отмѣнилъ повелѣнья,
Мысли великой должны вы служить,
Мысль эта—столпотвореніе.

Digitized by Google

Вѣрьте вы радугѣ данной въ залогъ!
Нѣтъ, она сонъ мой тревожитъ;
Тотъ, кто лишь разъ потопить землю могъ,
Вновь потопить ее можетъ.

Поднятый грубою силой рабовъ,
Я отстою силу знанья.
Шире моихъ вавилонскихъ дворцовъ,
До облаковъ стройте зданье!
Пусть мой творецъ топитъ мой Вавилонъ,
Пусть утучняетъ костями
Мой вертоградъ,—я поставлю мой тронъ
Надъ облаками, съ звѣздами...

Выше громовъ я возсяду на немъ,
И не смущаемый ревомъ
Хлябей морскихъ, буду съ гнѣвнымъ творцомъ
Я говорить съ тѣмъ-же гнѣвомъ.

Пусть, я скажу ему, стрѣлы твои
Снову мою озаряютъ,
Тучи твои лижутъ ноги мои,
Бури твои—освѣжаютъ,—
Звѣздный вѣнецъ твой горитъ надо мной,
Въ тоже одѣтъ я убранство,
Той-же вселенной я вмѣстѣ съ тобой
Обозрѣваю пространство...

VI

Послѣдній вздохъ

«Поцалуй меня...
Моя грудь въ огнѣ...
Я еще люблю...
Наклонись ко мнѣ.»
Такъ въ прощальный часъ
Лепеталъ и гасъ
Тихій голосъ твой,
Словно тающій,
Въ глубинѣ души
Догорающей.

Digitized by Google

И дышать не смѣя,
Я въ лицо твое
Какъ мертвецъ глядѣлъ,
Я склонивъ мой слухъ...
Но, увы! мой другъ,
Твой послѣдній вздохъ
Мнѣ любви твоей
Досказать не могъ.
И не знаю я,
Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя!
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь твоя!

VII

Поэту-гражданину

О гражданинъ съ душой наивной!
Боюсь, твой грозный стихъ судьбы не пошатнетъ.
Толпа угрюмая, на голосъ твой призывный
Не откликаясь идетъ,
Хоть проклянь,—не обернется...
И вѣрь, усталая, въ досужій часъ скорѣй
Любовной пѣсенкѣ сердечно отзовется,
Чѣмъ музѣ ропщущей твоей.
Хоть плачь,—у ней своя задача:
Толпа-работница считаетъ каждый грошъ,
Дай руки ей свои, дай голову,—но плача
По ней, ты къ ней не подойдешь.
Тупая, сильная, не вникнетъ
Въ слова, которыми ты любишь порицать,
И къ поэтическимъ страданьямъ не привыкнетъ,
Привыкнувъ иначе страдать.
Оставь напрасныя воззванья!
Не хныкай! Голосъ твой пусть льется изъ груди,
Какъ льется музыка,—въ цвѣты ряди страданья,
Любовью—къ правдѣ насъ веди!
Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты...

Я. Полонскій.

Digitized by Google

РЕФОРМАТОРСКІЯ ПОПЫТКИ ВЪ ПСИХОЛОГІИ.

Vorlesungen ueber die Menschen- und Thierseele von Wilh. Wundt. 1 B. 1863 2 B. 1864. Leipzig.

Докторъ Вундтъ извѣстенъ своими статьями физіологическаго и психологическаго содержанія, помѣщенными имъ въ медицинскомъ журналѣ Генле и Пфейфера. Назадъ тому года три онъ собралъ ихъ въ одно цѣлое и издалъ подъ заглавіемъ «Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmungen von D. W. Wundt». Это было первое цѣлое сочиненіе, дѣлавшее его извѣстнымъ въ философской литературѣ. Преимущественно полемическое направленіе этого труда, особенно по отношенію къ психологической теоріи Гербартовой школы, давало ему философскій интересъ. Въ 1862 и 63 годахъ д-ръ Вундтъ издалъ новое большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Vorlesungen ueber die Menschen- und Thierseele». Философскія тенденціи и этого сочиненія не подлежатъ никакому сомнѣнію. По предположеніямъ самого автора, оно должно было бы ввести новый методъ и направленіе въ тотъ метафизическій сумбуръ, который, по его мнѣнію, называется психологіей. Оно должно было подать собою примѣръ новой обработки психологическихъ фактовъ, другого комбинированія ихъ въ одно цѣлое, и сведенія ихъ къ одному принципу, чего не смогла сдѣлать старая, не умѣлая психологія. Къ сожалѣнію, ученые немцы отнеслись довольно равнодушно къ тенденціямъ своего соотечественника, и если обратили на

нихъ вниманіе, то вовсе въ другихъ интересахъ и съ другими цѣлями, чѣмъ можно-бы было предполагать. Только нѣмецкая иллюстрація, для общаго назиданія, сообщила результаты измѣренія д-мъ Вундтомъ скорости мысли, и можетъ быть единственно потому, что подобный фактъ могъ доставить читателямъ сильныя ощущенія.

За то, если д-ру Вундту не удалось сдѣлаться пророкомъ въ Германіи, то по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ сдѣлается имъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Переводъ его приготовляется къ печати и мы имѣемъ основаніе думать, что съ появленіемъ его въ свѣтъ именно у насъ, въ нашемъ, чуждомъ всякихъ ученыхъ и неученыхъ предразсудковъ, обществѣ, признаются ученые достоинства труды д-ра Вундта и его реформаторскія тенденціи. «Заграничный Вѣстникъ,» спеціальная цѣль котораго—знакомить насъ со всѣми замѣчательными явленіями на западѣ Европы, отозвался о трудѣ д-ра Вундта, какъ глубинѣ всякой человѣческой премудрости. Намъ передавали даже какъ достовѣрный фактъ, что въ одномъ педагогическомъ собраніи предлагали преобразовать педагогію на началахъ психологіи Вундта, и на будущее время во всемъ сообразоваться съ психологическими мыслями сего почтеннаго автора. Поэтому позволительно думать, что трудъ нѣмецкаго доктора раздѣлитъ у насъ судьбу трудовъ Льюиса, Бокля и Дарвина, волновавшихъ нашъ ученый и литературный міръ за послѣдніе два года. Въ этомъ весьма вѣроятномъ предположеніи читатель конечно найдетъ достаточно побужденій къ тому, чтобы не считать совершенно безполезнымъ, можетъ быть, слишкомъ длинный разборъ труда д-ра Вундта.

Спеціальность д-ра Вундта составляетъ физіологія; въ настоящее время онъ издаетъ уже учебникъ физіологіи. Но какъ видно, онъ не считалъ безполезнымъ иногда просматривать нѣкоторыя философскія сочиненія. Какъ далеко простирается его философское образованіе—мы постараемся опредѣлить ниже. Онъ принадлежитъ къ тому новому поколѣнію нынѣшнихъ нѣмецкихъ естествоиспытателей, которые считаютъ нужнымъ сколько-нибудь быть знакомыми съ философской литературой. Къ сожалѣнію нужно сказать о нихъ, что диллетантское отношеніе къ философіи не всегда освобождаетъ ихъ отъ возраѣній и пріемовъ, употребительныхъ въ ихъ спеціальности, но не всегда обнаруживающихъ пониманіе дѣла, когда они прилагаются къ изслѣдованію явленій другого порядка. Это именно должно сказать и о д-рѣ Вундтѣ. При всѣхъ его замѣчательныхъ талантахъ и знаніи въ области естественныхъ наукъ, мы не можемъ признать въ немъ мастера въ области психологіи.

Digitized by Google

Уже въ самомъ вопросѣ о методахъ, или лучше объ умѣньѣ обращаться психологіи обнаруживается наклонность автора управляться въ психическихъ явленіяхъ, какъ онъ привыкъ относиться къ физіологическимъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ путь внутренняго наблюденія—самосознаніе, какъ выражается психологія, и видитъ всего полезнѣе для научной разработки психологіи въ опытѣ, въ экспериментѣ и наблюденіи. Повидимому мысль весьма увлекательная и неотвратимая съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, когда опытъ, экспериментъ и наблюденіе сдѣлались почти лозунгомъ всѣхъ точныхъ наукъ, естественная мысль, что и человѣкъ, одно изъ произведеній природы, можетъ быть подвергнутъ эксперименту. Послѣдніе года чрезвычайно обогатили въ этомъ отношеніи физіологическую психологію. Работы Вебера и особенно Фехнера, отчасти Гельмгольтца доказали, что есть явленія въ нервной системѣ, которыя можно, по крайней мѣрѣ, сравнительно измѣрить. Объ этихъ работахъ и психологическомъ значеніи ихъ результатовъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Если намъ удалось опредѣлять количественное отношеніе между впечатлѣніемъ и ощущеніемъ, то нельзя ли ожидать, что намъ удастся экспериментальный методъ распространить далѣе на ту область душевныхъ явленій, которую психологи-спиритуалисты такъ упорно считаютъ доступною только внутреннему наблюденію, самосознанію? Д-ръ Вундтъ положительно убѣжденъ въ возможности категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ. Мало того, онъ думаетъ, что даже теперь экспериментъ уже овладѣлъ весьма значительной долей психическихъ явленій. «Если экспериментомъ, именно,—говоритъ онъ, достигнутъ былъ успѣхъ естественныхъ наукъ, то мы приложимъ его и къ наукѣ о природѣ души. Потому именно и не было попытокъ ввести его въ психологію, что вовсе не помышляли, что душа составляетъ предметъ одной изъ естественныхъ наукъ. Но такъ какъ мы уже однажды рѣшились смотрѣть на душевныя явленія, какъ на явленія природы, что они дѣйствительно и есть, то понятно, что безъ необходимости мы не станемъ оставлять его въ сторонѣ. Такое направленіе найдетъ себѣ экспериментальный методъ въ психологіи только посредствомъ результатовъ, къ которымъ онъ поможетъ намъ придти. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ опытовъ, на которыя полезно обращать вниманіе въ интересѣ психологіи, мы старались преимущественно держаться экспериментальнаго метода» (Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele, 1. Band, 23.).

Но какъ трудно и почти невозможно построить всю психическую

[illegible] экспериментальномъ методѣ,—это доказываетъ самъ Вундтъ дѣлаетъ своимъ трудомъ. Ему удалось внести экспериментъ только туда, куда онъ до него уже былъ приложенъ другими учеными. Въ физіологической психологіи—особенно въ отношеніяхъ впечатлѣній къ ощущенію—его приложеніе оказалось возможнымъ. Но въ наибольшей сферѣ знаній, въ области собственно душевной жизни, приложеніе экспериментальнаго метода осталось для Вундта только однимъ ряда предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, еще можно пожалуй опредѣлить, какъ должна быть разность между двумя впечатлѣніями, чтобы они могли различаться душою какъ отдѣльные, два соотвѣтствующія ощущенія. Но попробуйте опредѣлить напряженіе представленія, когда душа представляетъ себѣ красный или зеленый цвѣтъ, напряженіе мыслящей силы, когда мы составляемъ понятіе о деревѣ вообще и подобномъ мнѣ. Пожалуй, разсуждая теоретически только, мы должны будемъ согласиться, что во всякомъ случаѣ мышленіе есть дѣятельность души, и какъ дѣятельность не всегда и не во всякой своей формѣ бываетъ одинаково напряжена, что частныя случаи ея должны отличаться различными степенями напряженности или интенсивности. Очевидно представить себѣ въ деталяхъ Исаіевскій соборъ требуетъ отъ насъ гораздо большаго напряженія, чѣмъ представить себѣ обыкновенную приходскую церковь; представленіе послѣдней болѣе, чѣмъ представленіе стула. Но мы ошиблись бы, еслибы напряженіе мысли при этомъ стали считать пропорціональнымъ количественной величинѣ представляемой вещи. Куча сору обстоятельно изслѣдованная нами, потребовала бы отъ насъ гораздо болѣе напряженія, если бы мы захотѣли представить себѣ весь этотъ конгломератъ случайно находящихся вмѣстѣ вещей, чѣмъ Исаіевскій соборъ. Капля гнилой воды, положенная подъ микроскопъ, можетъ быть еще болѣе представила бы нашъ затрудненія, чѣмъ куча сору, еслибы мы захотѣли представить себѣ все разнообразіе организмовъ, движущихся въ этомъ крошечномъ пространствѣ. Радость ребенка при видѣ гостинца и радость его же при видѣ матери требуютъ разныхъ отъ него напряженій. Печаль въ случаѣ потери любо заслуженнаго наказанія, и горькое чувство въ случаѣ незаслуженности — все слишкомъ различны, по своей напряженности, чувства. Но при сравненіи этихъ состояній мы замѣчаемъ, что нѣтъ возможности найти единицу измѣренія ихъ напряженности, и что даже намъ не дается одно только сравнительное опредѣленіе ихъ интенсивности. Что радость и горе наши по степени своей бываютъ весьма

Digitized by Google

разныя, это мы очень хорошо знаемъ, но [illegible] своего рода [illegible] ихъ, никто въ первомъ [illegible] не принимался, и едва-ли кто-нибудь рѣшится, обладая теперешними учеными средствами. Мы можемъ быть даже болѣе скептическими въ своихъ надеждахъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи; и должны будемъ прямо сказать, что едва-ли, когда и удастся намъ прилагать опытъ къ изслѣдованію указанныхъ явленій. Извѣстно, какъ [illegible] всегда, какъ непрошенные гости, и какъ скоро [illegible] только становятся предметомъ собственнаго нашего размышленія, рефлексіи, и какъ положительно всегда не [illegible] да мы намѣренно хлопочемъ о выводѣ ихъ въ себѣ. [illegible] столь своеобразной и столь непохожей на всѣ намѣренно [illegible] сферы, намъ никогда не удастся опредѣлить, чѣмъ измѣрить напряженіе души при представленіи разныхъ предметовъ, при [illegible] тіяхъ, и потомъ соединеніи ихъ въ суждения и силлогизмы. И [illegible] фактъ общепризнѣтный, что никогда такъ трудно [illegible] мысль, какъ когда мы сѣшимъ наблюдать за [illegible] ею, что и никогда мы такъ худо не мыслимъ, какъ когда мы наблюдаемъ за собой, что мы мыслимъ. И если бы мы рѣшились на послѣдованіе [illegible] ныхъ степеней напряженности нашей мысли, въ то же время [illegible] въ себѣ самый процессъ, то всего вѣроятнѣй намъ [illegible] говоритъ пословѣ, свалить съ больной головы на здоровую, — потому что едва ли здоровая голова думаетъ такъ, какъ думала бы [illegible] указанномъ случаѣ. Не говоримъ уже о сферѣ явленій воли. [illegible] образомъ экспериментъ не можетъ овладѣть самымъ главнымъ отдѣломъ психическихъ явленій, — психической жизнью въ собственномъ смыслѣ. Если онъ овладѣлъ теперь только *внѣшнею* стороной [illegible] сиѣ-психической жизни, то это не болѣе какъ попытка въ корѣ [illegible] нее содержаніе нашей душевной жизни не въ чувственныхъ ощущеніяхъ, а въ томъ, что возникаетъ въ насъ послѣ ощущеній и составляетъ несравненно сложнѣйшія и обширнѣйшія ряды явленій.

Какъ мы уже сказали, самъ д-ръ Вундтъ доказываетъ своимъ трудомъ, какъ мало приложенія можетъ находить въ области психическихъ явленій экспериментальный методъ. Въ области мышленія, [illegible] ства, воли, авторъ ограничился только собственными размышленіями, основанными безъ сомнѣнія на самонаблюденіи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращеніями къ исторіи развитія народовъ. Но тонъ какъ онъ не жалуетъ внутренняго опыта, то и умалчиваетъ о немъ, какъ [illegible]

ковъ своемъ всеобъемлющемъ ученомъ средствѣ. Онъ предпочитаетъ ему методъ историческій. За послѣдній, какъ полезное ученое средство для психолога, можно сказать очень многое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ жизнію народовъ повторяется та же исторія, какъ и съ жизнію отдѣльной личности. Понятія, находимыя нами во всякомъ историческомъ народѣ, безъ сомнѣнія, развились въ немъ не вдругъ, а путемъ долгаго умственнаго труда, и долгаго историческаго воспитанія. Какъ въ политическихъ установленіяхъ народовъ, такъ и въ нравственномъ образѣ его жизни мы можемъ усмотрѣть постепенное развитіе, восхожденіе отъ менѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ, сообразно постепенно возникавшей большей осложненности разныхъ условій политической и нравственной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что съ народомъ развившимся изъ дикаго въ цивилизованный произошла та же исторія, какая и теперь въ безконечномъ числѣ повторяется со всякой личностію отъ рожденія ея въ свѣтъ безпомощною въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ до развитія въ цѣлаго человѣка. Трудъ разработки исторіи развитія народовъ еще болѣе облегчается тѣмъ, что до сихъ поръ еще на большомъ мірѣ сохранились дикія племена, находящіяся въ первобытномъ состояніи. Всѣ народы представляютъ собою безконечное разнообразіе разныхъ однако по своей высотѣ культуръ и нѣтъ сомнѣнія, что можно въ нѣкоторой мѣрѣ пережитыя уже фазы историческаго развитія одного народа увидѣть аналогичными фазами изъ жизни какой-нибудь современной націи, еще не успѣвшей пересилить этотъ историческій моментъ. Очевидно можно думать, что въ этнографіи и исторіи психологъ можетъ найти обильный матеріалъ для разработки и уясненія себѣ психическихъ явленій. Психологъ, который ограничивался наблюденіемъ только себя самого и другихъ людей, имѣлъ бы дѣло очевидно съ явленіями въ микроскопическомъ размѣрѣ. При этомъ легко можно обмануться въ различеніи нормальныхъ формъ отъ случайныхъ, а тѣмъ болѣе пропустить безъ вниманія самыя важныя вещи, не замѣтныя по своей малости. Между тѣмъ психологъ, изучающій психологическія явленія на исторіи цѣлыхъ народовъ, имѣетъ дѣло съ явленіями въ громадныхъ размѣрахъ. Въ нихъ уже ясно можно отличить нормальное отъ случайнаго, и такъ какъ развитіе цѣлаго народа не такъ быстро, какъ развитіе отдѣльной личности, то гораздо легче подмѣтить моменты развитія на нихъ, чѣмъ на отдѣльной личности.

Къ сожалѣнію, не все такъ выходитъ на дѣлѣ, какъ кажется на словахъ. Явленія въ жизни народовъ въ огромныхъ размѣрахъ легко

Digitized by Google

могутъ заслонить собою невидныя, тѣмъ не менѣе дѣйствительно важныя въ ряду другихъ, причины и факты развитія. Громадные размѣры заставляютъ насъ часто упускать изъ виду менѣе громадное, иногда болѣе служащее къ разъясненію событій, чѣмъ прямо бросающееся въ глаза по своимъ размѣрамъ. Намъ не удается поэтому проникнуть въ ту, такъ сказать, лабораторію духа, гдѣ часто случайныя событія и условія дѣйствуютъ, какъ могущественныя причины. Притомъ древнѣйшіе историческіе народы встрѣчаются нами уже на такой степени развитія и уже съ такимъ богатствомъ психической жизни, что для психологовъ они скорѣе представляютъ новые вопросы достойные изученія, чѣмъ даютъ отвѣты на психологическія проблемы. А кажется и самое важное то, что при нѣкоторой аналогіи фазисовъ развитія одного народа съ другими, жизнь каждаго историческаго народа гораздо болѣе представляетъ намъ явленій несходныхъ, характеристичныхъ. Чтобы оставаться вѣрными истинѣ мы очевидно должны выносить эти явленія изъ жизни того самого народа, въ жизни котораго мы замѣчаемъ ихъ. Эти индивидуальныя отличія ихъ—новыя проблемы для психологіи народовъ, и если могутъ въ чѣмъ-нибудь полезны быть вообще о человѣческой душѣ, то развѣ для развитія въ ней истины о неисчерпаемости средствъ, глубинѣ и широтѣ человѣческой натуры. Поэтому такой неистощимый запасъ учоныхъ средствъ въ исторіи оказывается на дѣлѣ скорѣе неистощимымъ источникомъ разныхъ психологическихъ проблеммъ. И если мы вспомнимъ, въ какомъ видѣ находится современная исторія, и какъ мало (конечно по необыкновенной трудности) разработана этнографія особенно дикихъ и полуобразованныхъ народовъ, мы легко придемъ къ заключенію, что исторія народовъ теперь можетъ дать намъ только скудныя аналогіи,—больше догадокъ, чѣмъ доказанныхъ истинъ, самыя общія и потому мало пригодныя къ дѣлу заключенія.

Вопросъ объ отношеніи психологіи къ исторіи народовъ стоитъ того, чтобы на него обратить особенное вниманіе, и если д-ръ Вундтъ думаетъ, что въ исторіи народовъ психологъ найдетъ средство къ разъясненію развитія индивидуальной душевной жизни, то мы думаемъ объ этомъ пунктѣ совершенно противное. По нашему мнѣнію, скорѣй развитіе психологіи народовъ зависитъ отъ развитія частной психологіи. Нѣтъ сомнѣнія, что для насъ понятнѣе стала жизнь народовъ, когда мы стали искать въ ней аналогій и схематизировать ее, по образцамъ развитія личности. Мы потому говоримъ о молодости въ жизни

Digitized by Google

извѣстнаго народа, его эпическомъ настроеніи, потому что намъ изъ собственнаго отрочества понятна та непосредственная жизнь въ природѣ, которая выражается въ насъ эпическимъ настроеніемъ духа. Перелы мужанія и упадка народовъ опять извѣстны и понятны намъ потому только, что мы по собственному опыту знаемъ, что значитъ мужескій и старческій возрастъ человѣка. И еслибы кто задалъ себѣ трудъ указать въ исторіи тѣ понятія и схемы, которые очевидно взяты изъ наблюденія надъ жизнью отдѣльныхъ личностей и только перенесены на жизнь народовъ, мы увѣрены, оказалось бы то, что наиболѣе всѣхъ для насъ понятія одолжены своимъ происхожденіемъ психическому изученію людей. Поэтому мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нужно быть прежде всего психологомъ, чтобъ быть историкомъ, — и даже болѣе, чтобъ быть психологомъ народовъ нужно быть психологомъ въ отношеніи къ человѣку вообще. Напрасно стали бы мы думать, что историческія явленія такъ настойчиво бросаются намъ въ глаза, по своей колоссальности, что не нужно психологическаго пониманія человѣка, чтобъ замѣтить ихъ и сочинить психологію народовъ. Если нѣтъ наблюдательности вообще, если нѣтъ особенной подготовки къ пониманію вообще продуктовъ психической жизни, и привычки понимать оригинальную причинную связь и соотношеніе между ними, то едва ли весьма крупные факты въ жизни народовъ найдутъ въ такомъ психологѣ должную оцѣнку и должное пониманіе. Въ этомъ смыслѣ, мы не можемъ не признать весьма справедливой мысли одного философа (Гербарта), что психологія народовъ будетъ вѣнцомъ психологіи человѣка вообще, а вовсе не такимъ главнымъ вспомогательнымъ средствомъ для послѣдней, какъ думаетъ д-ръ Вундтъ.

Поэтому, какъ ни можетъ показаться старою наша мысль, главнымъ ученымъ средствомъ уже психологіи всегда останется, какъ и оставалась до сихъ поръ, методъ внутренняго опыта или самонаблюденія. Въ какой мѣрѣ оно можетъ служить для развитія *науки* психологіи какъ системы, объ этомъ мы поговоримъ нѣсколько ниже. Что касается до него, какъ источника нашихъ знаній о душевной жизни, то въ этомъ отношеніи мы категорически можемъ утверждать, что самонаблюденіе и собственный опытъ есть единственный источникъ нашихъ знаній, слѣдоват. необходимый и неизбѣжный для психолога. Мы не привыкли цѣнить самонаблюденіе, какъ вещь, съ которою ежеминутно обращаемся: мы весьма рѣдко замѣчаемъ, что мы сами наблюдаемъ свои состоянія, и что единственно посредствомъ этихъ наблюде-

Digitized by Google

ній мы составляемъ понятія о разныхъ душевныхъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ мы по собственному опыту и самонаблюденію не знали что значитъ ощущеніе краснаго цвѣта, намъ не помогъ бы никакой физикъ и физіологъ. Еслибъ физикъ сказалъ намъ, что красный цвѣтъ означаетъ столько то биллионъ сотрясеній свѣта въ секунду, мы вовсе не поняли бы его, потому что и биллиона самаго мы представить себѣ не можемъ, а имѣемъ представленіе только метода, какъ насчитать биллионъ, еслибъ это оказалось нужнымъ. Еслибъ физіологъ, смотря по школѣ къ какой онъ принадлежитъ, сказалъ намъ, что красный цвѣтъ есть или извѣстнаго рода раздраженное состояніе свѣтовой оболочки глаза, передаваемаго глазному нерву и за тѣмъ мозгу, или раздраженіе только извѣстной части ретины, спеціально ощущающей только красный цвѣтъ, и передающій свое впечатлѣніе нерву и мозгу,—едва ли намъ понятнѣй стало бы, что значитъ ощущать красный цвѣтъ. Точно таже исторія и съ тонами. Если ut первой октавы, въ физическомъ отношеніи, означаетъ извѣстное число сотрясеній какой-нибудь струны и затѣмъ воздуха, а въ физіологическомъ—извѣстное сотрясеніе барабанной перепонки и жидкости, въ которой плаваютъ инструментальнымъ образомъ построенныя окончанія слуховаго нерва—всѣ эти дѣйствительные факты нисколько не научили бы насъ представлять тонъ и понимать, что значитъ слышать ut первой октавы. Нечего говорить о мелодіи и гармоніи. И такъ нужно сказать о всѣхъ ощущеніяхъ. Изъ самонаблюденія только мы знаемъ, что значитъ чувство радости и печали, мерзости гнѣва и любви, и напрасно физіологъ трудился бы объяснять человѣку незнакомому съ этими ощущеніями, что печальныя состоянія означаютъ угнетенныя и чѣмъ-нибудь нарушенныя нормальныя состоянія мозга, а чувство радости свободныя и безпрепятственныя его отправленія. Впрочемъ намъ еще легко понять, что источникъ нашихъ знаній о насъ самихъ есть самонаблюденіе, внутренній опытъ. Но мы должны еще расширить значеніе самонаблюденія и сказать, что и въ сношеніяхъ съ людьми, въ наблюденіяхъ надъ ними единственная причина, почему мы понимаемъ ихъ состоянія и дѣйствія, заключается опять-таки въ нашемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ. Обыкновенно мы думаемъ, что мы непосредственно видимъ, какъ радуется и учится человѣкъ, непосредственно слышимъ его слова; понятія, выражаемыя имъ въ своей рѣчи, кажутся намъ непосредственно переходящими и въ насъ. Но если анализировать дѣло хорошенько, она-

Digitized by Google

жется оно далеко не такъ простымъ, и мы должны будемъ согласиться съ великимъ Лейбницемъ, что нѣтъ оконъ въ душѣ чрезъ которыя могло бы въ нее что нибудь входить. Въ этомъ случаѣ мы обманываемъ самихъ себя, хотя невиннѣе тѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Факты въ родѣ того, что если говорятъ намъ на незнакомомъ языкѣ, то въ насъ не попадаетъ вовсе никакихъ словъ, ни понятій, что понятія вовсе намъ неизвѣстныя не возбуждаютъ въ насъ, въ случаѣ если намъ приходится слышать ихъ, никакой мысли, никакого представленія, что глухонѣмые по движеніямъ губъ, могутъ разговаривать и угадывать мысли другихъ, естественно наводятъ насъ на мысль, что главная причина нашего пониманія чужихъ рѣчей заключается въ насъ же самихъ. При разговорѣ мы слышимъ собственно извѣстныя комбинаціи тоновъ въ словахъ, или точнѣе говоря, получаемъ впечатлѣнія на окончанія нашего слуховаго нерва и ничего болѣе. Нелѣпо было бы представлять себѣ, что понятія, какъ невидимыя мухи, перелѣтаютъ изъ одной головы въ другую: тогда педагогическое дѣло было бы самымъ простымъ на свѣтѣ занятіемъ; стоило бы умному человѣку посидѣть съ глупымъ ребенкомъ, и дѣло воспитанія его въ умного человѣка было бы готово. Очевидно намъ приходится всякій разъ, по слышимымъ звукамъ, воспроизводить въ себѣ цѣлыя слова, и затѣмъ понятія, символически обозначаемыя словами. Исторія развитія каждаго дитяти можетъ дать достаточные для того примѣры. Если для насъ незамѣтно, по своей малости, время отъ раздраженія слуховаго нерва до возбужденія понятія, или представленія, обозначеннаго словомъ, то это происходитъ отъ чрезвычайной быстроты, съ какою въ ряду психическихъ ассоціацій одно звѣно возбуждаетъ другое, и потому намъ кажется весь этотъ сложный рядъ дѣятельностей однимъ простымъ и безраздѣльнымъ актомъ. Напрасно мы думаемъ, что мы можемъ видѣть страданія и радости другихъ; собственно говоря, мы видимъ только тѣ или другія тѣлодвиженія, тотъ или другой цвѣтъ кожи, тѣ или другія сокращенія лицевыхъ мускуловъ: нелѣпо былобъ представлять, что состоянія, какъ платья, переходятъ съ одного субъекта на другаго. Но если мы тѣмъ или другимъ движеніемъ тѣла и лицевой мимики узнаемъ то или другое значеніе, и приписываемъ по нимъ тѣ или другія состоянія лицу, въ которомъ мы замѣчаемъ ихъ—всё это происходитъ отъ того, что намъ, *по собственному опыту или самонаблюденія*, извѣстна связь между извѣстными состояніями тѣла и психическими состояніями: отъ первыхъ мы заключаемъ къ послѣ-

Digitized by Google

нимъ. Еслибъ небыла извѣстна эта связь нашъ, никакія конвульсіи другого не открыли бы намъ, что человѣкъ въ конвульсіяхъ долженъ страдать, и никакія слезы и стонъ не открыли бы намъ радости или горя другого: тогда для насъ существовало бы только представленіе мозговаго состоянія мозговыхъ центровъ, откуда выходятъ двигательные нервы, и слѣдующихъ за нимъ чрезвычайно сильныхъ сокращеній мускуловъ, еслибъ мы имѣли физіологическія свѣдѣнія; въ противномъ же случаѣ, мы смотрѣли бы на нихъ какъ на кривлянія какой-нибудь маріонетки: и горькій плачь нисколько не сказалъ бы намъ чего-нибудь болѣе, какъ объ усиленномъ отдѣленіи слезотечной железы. Оттого грубому человѣку непонятны высокія и тонкія чувства въ мимикѣ и въ рѣчахъ другихъ: да и вообще непонятны для человѣка тѣ состоянія и движенія душевныя, которыхъ онъ самъ не испыталъ и незнаетъ. И попробуйте дать такому дикенькому понятіе о психологическихъ состояніяхъ, чтобъ не испытавши ихъ на дѣлѣ, онъ понялъ ихъ со словъ вашихъ. Если иногда повидимому и неизвѣстныя состоянія понимаются нами, какъ знакомыя и извѣстныя, то въ этомъ случаѣ, мы забываемъ тѣ аналогическія собственныя состоянія, которыя помогли намъ уяснить себѣ и понять чужія состоянія: безъ нихъ же никакія свѣдѣнія не научили бы насъ тому, что нерешитъ мы еще не имѣли случая, или въ худшемъ случаѣ, не способны.

Тоже самая исторія повторяется и съ нашимъ изученіемъ душевной жизни животныхъ. Внутренній опытъ и самонаблюденіе составляютъ исходный пунктъ, отъ котораго мы отправляемся къ пониманію и уясненію себѣ психическихъ дѣятельностей животныхъ. Если физіологъ раздражаетъ кислотой, или ущемляетъ щипцами ножку на ногѣ обезглавленной лягушки, и послѣдняя дѣлаетъ рефлективныя движенія къ раздражаемой сторонѣ туловища, то въ сущности онъ не видитъ ни чувства боли въ лягушкѣ, ни разрѣшенія ощущенія въ рефлексъ. Если онъ истолковываетъ ихъ, какъ полусознательныя движенія для того, чтобъ удалить причину раздраженія, то очевидно онъ приписываетъ движеніямъ лягушки тотъ смыслъ, какой имѣли бы его собственныя, еслибъ только кто-нибудь вздумалъ надъ нимъ самимъ совершить эту операцію. И сколько наблюдательности и умѣнья вѣрно истолковывать рефлективныя движенія животныхъ требуется отъ физіологовъ— видно изъ тѣхъ многочисленныхъ физіологическихъ открытій, которыя обязаны были своимъ появленіемъ на свѣтъ только изобрѣтательности и

Digitized by Google

мышленія фантазіи экспериментаторовъ. Мы приписываемъ умъ и умѣнье любить собакѣ, хитрость кошкѣ, умъ и память лошади—не вовсе по потому, чтобъ мы сами непосредственно видѣли и умъ и любовь животныхъ, а потому что ихъ разныя движенія, по собственному внутреннему опыту, объясняемъ вытекающими изъ тѣхъ или другихъ ихъ чувствъ и состояній.

Мы съ намѣреніемъ остановились на самонаблюденіи и внутреннемъ опытѣ. Намъ показалось нужнымъ указать значеніе ихъ въ изслѣдованіяхъ психическихъ дѣятельностей и состояній, потому что въ взглядѣ на самонаблюденіе и внутренній опытъ высказываются нѣкоторые взгляды и на психическую жизнь. Если мы признаемъ внутренній опытъ за единственный источникъ нашихъ знаній о душѣ и ея состояніяхъ,—то отсюда непосредственно слѣдуетъ, что психическая жизнь только сама собою можетъ изучаться и объясняться—и что мы этой ея способности—себя самую дѣлать предметомъ наблюденія и изученія, заключается главнѣйшее и существеннѣйшее отличіе ея отъ всѣхъ другихъ дѣятельностей, извѣстныхъ намъ въ физическомъ мірѣ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ требованію такого метода, который былъ бы основанъ именно на такомъ характерѣ психической жизни. Очевидно, если бы мы захотѣли измѣрять дѣятельность души,—единицу для мѣры мы должны были бы искать въ ней самой, потому что всѣ другія единицы были бы ей несоизмѣримы. Всѣ эксперименты поэтому, если только при нихъ имѣется въ виду дѣйствительная польза науки, должны основываться именно на вышеизложенномъ взглядѣ на внутренній опытъ. Иначе у насъ получится только новый запасъ никуда негоднымъ метафоръ и аналогій.

Но одно самонаблюденіе не создастъ конечно науки, хотя положительно можно сказать, безъ него невозможна никакая наука о душѣ. Оно можетъ намъ помочь сдѣлать по возможности полную классификацію душевныхъ явленій,—чѣмъ конечно, пренебрегать очень нельзя, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Оно дастъ намъ знать о самыхъ явленіяхъ и той связи между ними, по которой одно вызываетъ въ душѣ другое, одно сопровождаетъ или предшествуетъ другому. Но отыскать между ними причинную связь, создать теорію, систему цѣлую, однимъ словомъ создать объяснительную науку—не дѣло самонаблюденія. Въ послѣднемъ отношеніи наука о душѣ подчинена тѣмъ же условіямъ, какъ и всякая другая наука о физическихъ явленіяхъ. Душевныя явленія становятся достояніемъ обыкновеннаго мышленія, составляю-

Digitized by Google

идеи понятія, сужденія и силлогизмы. Но вездѣ при построеніи цѣлой науки долженъ присутствовать острый глазъ внутренняго опыта, который долженъ повѣрять всѣ наши выводы и гипотезы о связи и зависимости душевныхъ явленій одного отъ другого. За примѣромъ нечего ходить далеко. Математическая психологія Гербарта безъ сомнѣнія составлена посредствомъ того же обыкновеннаго мышленія, которое и отличаетъ наши подводитъ подъ математическія формулы, и третируетъ какъ причины, какъ математическія единицы. Но всѣ говорятъ, что выводы его математической психологіи не согласны съ внутреннимъ опытомъ, съ свидѣтельствомъ самонаблюденія. Математическая теорія сама по себѣ можетъ оставаться вѣрною т. е. безошибочною при тѣхъ данныхъ, какія введены въ уравненія, отъ которыхъ Гербартъ отправился въ дальнѣйшимъ математическимъ операціямъ. Но ложность ея для психологической науки въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ Гербарта, весьма и весьма сомнительна. Въ этомъ случаѣ достаточно одного свидѣтеля—внутренняго опыта или самосознанія, чтобы доказать ложность всѣхъ возможныхъ теорій и гипотезъ.

Понятно впрочемъ почему д-ръ Вундтъ не разположенъ цѣнить указанный нами источникъ психологическихъ знаній и важность его при построеніи науки, — по крайней мѣрѣ на словахъ; на дѣлѣ конечно и д-ръ Вундтъ не избѣжалъ необходимой помощи мало цѣненнаго имъ, утонаго средства. Скажемъ больше: читая трудъ его, невозможно не придти къ заключенію, что весь онъ основывается главнымъ и исключительнымъ образомъ на этомъ главномъ психологическомъ пособіи: тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ отмежеваться отъ него, онъ допустилъ или произвольное толкованіе фактовъ, или наговорилъ кучу не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ мотивъ. Но объ этомъ послѣ. — Вундтъ очевидно хотѣлъ дать психологіи точность, ясность естественныхъ наукъ. Онъ очень часто жалуется на недостаточность и произвольность спекулятивныхъ методовъ, приложенныхъ къ психологіи, лишающихъ ее точнаго характера по праву ей принадлежащаго, какъ естественной науки. Онъ присоединяетъ къ этимъ своимъ жалобамъ недовольство и на самонаблюденіе, которымъ исключительно руководилась старая психологія и заключаетъ собою употребленіе экспеpимента и исторіи, какъ вспомогательныхъ средствъ психологіи. Онъ увѣренъ, что когда экспериментъ овладѣетъ душевными явленіями, и обращено будетъ болѣе вниманія на исторію народовъ,

Digitized by Google

психологическія явленія сдѣлаются для насъ яснѣе и понятнѣе, изученіе ихъ болѣе научнымъ и глубокимъ, и психологія болѣе ясной, тонкой и широкой наукой, съ вѣрными надеждами на прогрессивное развитіе.

Толки о психологіи, какъ естественной науки весьма новы. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ въ Германіи чуть-ли не каждый учебникъ по психологіи называлъ ее лестнымъ именемъ Naturwissenschaft. Конечно, разсуждая теоретически, имени нельзя имѣть предметъ этого названія. Душевныя явленія—суть также явленія природы, какъ и всѣ другія физическія явленія и слѣдовательно наука, разсуждающая объ этихъ явленіяхъ можетъ съ такимъ-же правомъ называться естественной наукой, какъ физика, изучающая законы движенія въ природѣ или химія, трактующая о сродствѣ тѣлъ. Но это названіе одно ни къ чему необязываетъ психологію и ничего къ ея содержанію не прибавляетъ. Оно можетъ казаться, что зачисляя психологію въ разрядъ естественныхъ наукъ, мы тѣмъ самымъ обязываемся усвоить себѣ методъ и понятія ихъ и искать приложенія къ душевнымъ явленіямъ тѣхъ законовъ, какія открыты въ дѣятельности чисто-физическихъ силъ. Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что это или не совсѣмъ основательно, или не приложимо къ психологіи, *какъ естественной наукѣ*. Обыкновенно принято говорить, что методъ естественныхъ наукъ есть методъ наведенія,—тотъ методъ, посредствомъ котораго мы обобщаемъ извѣстныя частныя явленія, восходя отъ частнаго къ общему, открывая такимъ образомъ всеобщіе законы явленій. Но во-первыхъ въ этой самой формѣ методъ наведенія не есть единственный методъ естественныхъ наукъ только: онъ повсюду принятъ въ историческихъ наукахъ: въ нихъ также обобщаются частныя явленія и открываются общія формы проявленій силъ человѣчества, создающихъ цивилизацію законы распространенія ея и общія условія вообще ея развитія. Слѣдовательно о приложеніи этого метода къ психологіи и говорить много нечего. Онъ есть общее достояніе всѣхъ наукъ и преимущественно описательныхъ, слѣдовательно въ томъ числѣ психологіи. Гордость современной науки основывается на той методикѣ, главнымъ образомъ основывающейся на экспериментѣ, которая въ безчисленныхъ и весьма разнообразныхъ формахъ развита въ каждой естественной наукѣ, и которая вся выходитъ изъ одного правила: уединить какое-нибудь явленіе природы, чтобъ видѣть форму его (въ природѣ никогда оно не дѣйствуетъ одна только, а всегда въ взаимодѣйствіи съ другими:

Digitized by Google

отъ того невозможно наблюдать въ природѣ силу, дѣйствующую уединенно) и поставить силы природы въ такія разнообразныя условія дѣятельности, чтобъ можно было видѣть всѣ ея формы, или-же чтобъ въ сложномъ явленіи отдѣлить случайныя причины отъ нормальныхъ, посредствомъ эксперимента проводя явленія въ разныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ химикъ старается получить возможно чистое простое тѣло, пробуетъ реакціи его на другія тѣла и получаетъ истину, что тѣло, которое растворяется въ такихъ-то кислотахъ, и изъ раствора осаждается такими-то щелочными растворами, соединяясь при этомъ съ извѣстными тѣлами въ тѣло извѣстнаго цвѣта, формы и т. д. называется такъ-то. Или, чтобъ получить простое тѣло изъ какого-нибудь сложнаго химическаго тѣла, онъ старается уединить его посредствомъ тѣлъ, имѣющихъ сильнѣйшее химическое сродство къ тѣламъ съ которыми искомое простое тѣло въ соединеніи, получая его наконецъ послѣ длинныхъ и долгихъ операцій. Тутъ нельзя сказать идетъ-ли химикъ при изученіи свойствъ тѣлъ болѣе отъ частнаго къ общему, или на оборотъ,—онъ какъ хорошій хозяинъ пользуется обоими, гдѣ нужно. Главное дѣло тутъ экспериментъ: если по эксперименту оказалось что чистая мѣдь растворялась въ сѣрной кислотѣ, то нѣтъ нужды ему еще трудиться до заведенію заключать, что и всякая мѣдь растворяется въ кислотѣ. Это было-было тождесловіе: если дѣйствительно мѣдь была въ совершенно чистомъ состояніи и ея химическія сродства не были какъ-нибудь нарушены другимъ соединеннымъ съ ней тѣломъ,—то одного опыта достаточно, чтобъ на все будущее время опредѣлить способъ поведенія мѣди по отношенію къ сѣрной кислотѣ. Или: физіологъ, стараясь изучить отправленіе какого-либо нерва старается устроить такъ свои опыты, чтобъ выдѣлить дѣйствіе нерва отъ дѣйствія другихъ: онъ смотритъ, какими результатами сопровождается параализованіе его, и если хотя одинъ разъ замѣчено имъ, что пораженіе личнаго нерва сопровождается ослабленіемъ лицевыхъ мышцъ и онъ убѣжденъ, что тутъ нѣтъ содѣйствія другихъ какихъ нибудь обстоятельствъ, ему нѣтъ надобности собирать тысячи наблюденій, чтобъ доказывать одинъ разъ вѣрно замѣченный фактъ. И если для анатоміи еще такъ много загадочныхъ органовъ, которыхъ значеніе и отправленіе въ организмѣ она положительно не знаетъ, то это именно потому, что не найдено еще методовъ: или такъ уединить эти органы, или нѣкоторыя части ихъ, чтобъ непосредственно замѣтить ихъ отправленіе, или произвести искусственное патологическое ихъ состоя-

Digitized by Google

ніе, чтобъ изъ того вліянія, какое производитъ ихъ ненормальное состояніе на прочія отправленія организма, вывести значеніе и цѣль ихъ существованія. Слѣдовательно, результаты въ подобныхъ случаяхъ добываются не умѣньемъ заключать отъ частнаго къ общему; въ частныхъ фактахъ въ подобныхъ случаяхъ недостатка нѣтъ, только ничего изъ нихъ не получается, и тѣ общіе выводы, какіе возможны изъ нихъ не стоятъ труда, чтобъ говорить о нихъ. Микроскопически загадочные органы изучены довольно обстоятельнымъ образомъ: форма клѣточекъ, различныя ткани, химическое содержаніе ихъ, все это извѣстно, но отсюда ничего не слѣдуетъ потому, что связать эти факты между собою и съ другими, и доказать ихъ *необходимость* мы по неимѣнію нужныхъ данныхъ, не можемъ. Мы могли бы до безконечности размножить свои примѣры. Но и сказаннаго достаточно, чтобъ понять, что сила естественныхъ наукъ заключается не въ умѣньи заключать отъ частнаго къ общему: тогда естественныя науки никогда не были бы чѣмъ-нибудь выше описательныхъ наукъ, какъ напримѣръ нынѣшняя ботаника, — а въ умѣньи синтезировать факты въ необходимое, связное, цѣлое нѣчто, и для добыванія фактовъ синтезировать условія въ такое цѣлое, чтобъ фактъ получался возможно вѣрнымъ и точнымъ. Примѣнительно къ этимъ цѣлямъ и развита та методика, которою справедливо гордится современная естественная наука. И что, по философскому словоупотребленію, называется индукціей т. е. заключеніемъ отъ частнаго къ общему, точно также относится къ цѣлому мышленію въ естественныхъ наукахъ, какъ часть большого цѣлаго, какъ одна изъ формулъ силлогизма къ цѣлой силлогистической формѣ силлогизма. Хотя и есть общія черты въ частныхъ методахъ естественныхъ наукъ, однако въ каждой науки методы такъ характеристичны и можно сказать; индивидуальны, что едва-ли методика одной науки съ удобствомъ можетъ переноситься въ другую. Ошибся бы тотъ физіологъ, который сталъ бы экспериментировать нервъ точно такие, какъ электрическую желѣзную проволоку, или хотѣлъ бы мускулы точно также изслѣдовать, какъ обыкновенныя эластичныя тѣла. Каждая естественная наука занимается или особыми родами физическихъ тѣлъ, или особыми родами явленій въ тѣлахъ или особыми сторонами явленій; слѣдовательно, каждая наука, при изученіи своего предмета, имѣетъ дѣло съ особенными характеристичными условіями и необходимо должны приспособлять къ нимъ свои методы. Даже въ одной наукѣ методы, годные

Digitized by Google

къ изслѣдованію одного ряда предметовъ, не годны къ изслѣдованію ряда другихъ: методы, употребительные въ анатоміи при изслѣдованіи железъ съ выводными протоками, вовсе негодятся при изслѣдованіи железъ безъ такихъ протоковъ. Всякій предметъ изслѣдованія, поставленный въ извѣстныя характеристичныя условія, необходимо требуетъ отъ изслѣдователя приспособленія и соображенія методовъ съ этими условіями: иначе выйдетъ тоже, что вышло-бы съ плотникомъ, еслибъ онъ при постройкѣ дома и мебели захотѣлъ обойтись однимъ топоромъ.

Читатель да проститъ намъ за это довольно длинное отступленіе. Мы сейчасъ будемъ у цѣли нашихъ разсужденій. Намъ показалось необходимымъ сдѣлать разсужденіе о методикѣ естественныхъ наукъ, особенно потому, что при модѣ на платоническую любовь къ естественнымъ наукамъ въ нашемъ обществѣ, понятія о нихъ и ихъ методикѣ чрезвычайно сбивчивы въ головахъ платониковъ, и часто съ такою же сбивчивостью выражаются въ литературѣ.—Соображая сказанное нами выше, мы легко поймемъ, насколько справедливо требованіе внести методъ естественныхъ наукъ въ науку о душевныхъ явленіяхъ. Какъ мы уже сказали, разсуждая теоретически только, нѣтъ особенныхъ основаній не соглашаться съ тѣмъ положеніемъ, что душа относится къ числу предметовъ природы и что слѣдовательно методъ естественныхъ наукъ приложимъ и къ психологіи. Но въ томъ то и дѣло, что методъ этотъ, какъ цѣлое нѣчто, не существуетъ, а существуютъ только частные методы, или лучше методика, мѣняющаяся съ рядами изучаемыхъ явленій и предметовъ. Слѣдовательно къ психологіи не приложима та именно методика, какая употребляется въ другихъ естественныхъ наукахъ. Будь психологъ, по своимъ общимъ философскимъ убѣжденіямъ, матеріалистъ или спиритуалистъ, дуалистъ или унитаристъ—все равно, лишь только приступаетъ онъ къ изслѣдованію душевныхъ явленій, ученая добросовѣстность требуетъ отъ него признанія, что онъ тутъ имѣетъ дѣло съ рядомъ новыхъ явленій, не похожихъ на знакомыя ему изъ другихъ наукъ явленія. Если онъ, какъ физикъ, можетъ быть убѣжденъ, что свѣтъ, электричество, теплота суть разные виды одного движенія, различающіеся между собою только количественно, то какъ психологъ, приступая къ изслѣдованію въ высшей степени интенсивно качественныхъ психическихъ явленій, онъ долженъ признать ихъ непохожесть, рѣшительную новость и несоизмѣримость съ физическими явленіями. Очевидно ощущеніе краснаго цвѣ-

Digitized by Google

та не можетъ быть само краснымъ, или зеленаго — зеленымъ, или представленіе трехъугольника—трехъугольникомъ, или представленіе 40 верстъ—тоже длиннымъ на 40 верстъ, теплаго — само теплымъ и льда—льдомъ. Тутъ есть нѣчто другое чисто качественное, интенсивное въ противуположность представляемому количественному, экстенсивному. Или радость и страданіе, понятія и стремленія опять чисто качественныя состоянія души не похожія на встрѣчающіяся въ природѣ состоянія тѣлъ. Еслибы психологъ былъ наприм. матеріалистомъ, но добросовѣстнымъ ученымъ, то онъ могъ бы хранить въ душѣ убѣжденіе о тождественности, по самому источнику, физическихъ и психическихъ процессовъ, но приниматься за изслѣдованіе душевныхъ явленій выходя именно изъ этого убѣжденія, и къ нему стараясь гнуть все объясненіе фактовъ, значило-бы тоже, какъ еслибы химикъ принимался за изслѣдованіе химическихъ явленій и свойствъ тѣлъ, выходя изъ убѣжденія, что всѣ простыя тѣла, которыхъ онъ и не знаетъ еще, суть видоизмѣненія одной и той же матеріи. Можетъ быть такъ и есть на самомъ дѣлѣ и со временемъ эта мысль докажется научнымъ образомъ, но теперь можно только *думать* объ этомъ, а не вносить въ науку не доказанную истину, потому что для современной химіи фактъ—существованіе неразложимыхъ при настоящихъ средствахъ науки 62 или 63 тѣлъ. Легко могло бы случиться, что такой химикъ, желая доказать, что всѣ простыя тѣла суть видоизмѣненія одной и той же матеріи, опустилъ бы безъ вниманія существенныя качественныя отличія нѣкоторыхъ тѣлъ и сталъ бы заниматься безплодными для науки аналогіями. Не потому ли такъ безплодны остались для психологіи, какъ науки, всѣ матеріалистическія теоріи, и такъ мало вообще матеріалисты сдѣлали полезнаго для нея? Это фактъ, на который со временемъ когда-нибудь въ другой разъ мы укажемъ съ большею настоятельностію и подкрѣпимъ нужными доказательствами и соображеніями. По этой самой новости и несоизмѣримости психической жизни съ физическими явленіями, и негодятся въ психологіи методы другихъ естественныхъ наукъ. Какъ мы уже говорили, экспериментъ именно не удается, когда онъ прилагается къ высшей психической жизни: скажемъ болѣе, онъ тутъ вовсе не мыслимъ, потому что даже при живосѣченіи человѣка; еслибы оно и возможно было, нельзя было бы проникнуть далѣе психофизической жизни. Необыкновенная сложность психическаго организма, гораздо большая, чѣмъ физическаго, увеличивающаяся еще отъ взаимодѣйствія обоихъ, едвали

Digitized by Google

дастъ возможность когда нибудь уединить какую либо душевную силу, чтобъ видѣть дѣятельностъ одной только ея и непосредственно изучать законы этой дѣятельности. Чрезвычайное множество совмѣстно дѣйствующихъ силъ, то соединяющихся для усиленія результата, то нейтрализующихъ другъ друга, дѣлаютъ при объясненіи какого нибудь явленія чрезвычайно шаткими наши сужденія о немъ и даютъ намъ поводъ къ построенію многихъ логическихъ возможностей безъ рѣшительныхъ выводовъ. Занимавшіеся физіологіею знаютъ, какъ трудно даже при удающихся экспериментахъ получить твердые, положительные выводы, и какъ легко, при истолкованіи физіологическихъ фактовъ, дается просторъ фантазіи и произволу.

Пойдемъ далѣе: — съ названіемъ естественной науки можетъ повидимому возлагаться на психологію обязанность усвоить себѣ понятія естественныхъ наукъ и искать въ душевной жизни приложенія общихъ законовъ природы. Если это требованіе понимать такъ, что при изслѣдованіи душевной жизни нужно только прилагать къ нимъ готовыя уже физическія и физіологическія понятія, то очевидно нельзя съ такимъ мнѣніемъ бороться серьозно. Еслибы мы для объясненія связи между душевными явленіями запаслись изъ химіи понятіемъ сродства и захотѣли анализировать сложныя понятія, образовавшіяся изъ большаго числа представленій, по аналогіи сложныхъ химическихъ соединеній, мы не вышли бы изъ круга недоказанныхъ и въ философскомъ отношеніи безсмысленныхъ гипотезъ. Или, если бы мы стали объяснять мысль какъ видъ электричества, и въ дѣятельности ея искать тѣхъ же законовъ, какіе извѣстны намъ изъ ученія объ электричествѣ, мы никогда не приблизились бы къ цѣли своей, а только спутались бы въ безплодныхъ сравненіяхъ. При нѣкоторой натяжкѣ фактовъ можно отыскать небольшія аналогіи между нѣкоторыми физическими и душевными явленіями особенно въ формахъ ихъ проявленій. Но, какъ при всякомъ аналогическомъ сравненіи фактовъ, и тутъ нужно смотрѣть, сходствали больше въ сравниваемыхъ вещахъ или не сходства, и не кажутся ли намъ они аналогичными только потому, что мы не обращаемъ вниманія на существенно—разную природу каждой изъ разбираемыхъ вещей. Намъ кажется, что это именно логическое требованіе особенно мало соблюдается людьми, которые стараются изъ психологіи сдѣлать одну главу физіологіи. Притомъ же comparaison n'est pas raison, — сравненіе не доказательство. Что же сказать, если и аналогіи отысканы плохо и неудачно?

*

Digitized by Google

Такимъ образомъ, хотя психологія и есть естественная наука, изъ этого ничего не слѣдуетъ. Одно названіе не прибавляетъ ничего къ ея содержанію и ни къ чему ее не обязываетъ, какъ мы уже сказали. Если мы признаемъ ее, какъ самостоятельную науку,—а не признать ея такою мы конечно не можемъ,—то очевидно у ней должны быть и свои методы, соображонные съ качествомъ изслѣдываемаго ею предмета, и понятія, выработанныя ею непосредственно надъ изученіемъ душевныхъ явленій, а не взятыя на прокатъ изъ другихъ естественныхъ наукъ, и законы, замѣченные при дѣйствительномъ изученіи дѣятельности души, а не ненавязанныя отвнѣ. Въ противномъ случаѣ психологія будетъ не наукой изслѣдовать причинную связь и взаимное соотношеніе душевныхъ явленій, а искусствомъ гнуть факты въ извѣстныя стороны, мастерствомъ обезображивать и уродовать понятія о душевныхъ явленіяхъ. Такіе пріемы и замашки не терпимы ни въ какой наукѣ.

Противъ такихъ замашекъ отчасти возстаетъ и д-ръ Вундтъ—по крайней мѣрѣ въ принципѣ. На дѣлѣ онъ оказывается нѣсколько другимъ человѣкомъ, но за то, какъ бы въ очищеніе своей совѣсти, онъ дѣлаетъ общіе укоры матеріализму за ошибки и привычки искать безъ толку аналогій между физическими и душевными явленіями. Ниже мы постараемся доказать, что въ сущности д-ръ Вундтъ остался физіологомъ и вездѣ почти удержалъ физіологическіе пріемы и даже физіологическую точку зрѣнія на душевныя явленія. Но въ принципѣ онъ отказывается отъ матеріализма и изъ сего факта наши матеріалисты могутъ научиться, какъ въ странѣ науки и цивилизаціи матеріализмъ тотъ плохо поставленъ, что отъ него отказывается даже физіологическая школа. Но и самъ Вундтъ не разсмотрѣлъ того обстоятельства, что желая ввести методъ и понятія естественныхъ наукъ, въ частности—физіологіи въ психологію, онъ, вопреки своей цѣли—обезпечить прогрессъ ея какъ науки, только тормозитъ ея развитіе и увеличиваетъ сбивчивость и путаницу психологическихъ понятій. Психологія тогда только и можетъ идти впередъ, когда она будетъ стоять на своихъ ногахъ т. е. будетъ безъ всякихъ наносныхъ понятій и предрасположеній, сама расправляться съ своимъ матеріаломъ.

Но есть еще другое побужденіе внести методъ естественныхъ наукъ въ психологію: обыкновенно предполагается, что психологія до сихъ поръ была претёмной, сбивчивой и безтолковой наукой: по введеніи въ нее метода и понятій естествознанія, она станетъ болѣе

Digitized by Google

точною наукою и душевныя явленія получатъ для насъ наибольшую ясность и понятность. Д-ръ Вундтъ раздѣляетъ и это мнѣніе, — по крайней мѣрѣ въ своихъ Beiträgen и т. д. онъ считаетъ безотраднымъ современное положеніе психологіи, и понятія ея сбивчивыми и тёмными,—единственнымъ же средствомъ къ большему для насъ уясненію психическихъ явленій считаетъ приложеніе къ психологіи экспериментальнаго метода естествознанія. Большая часть психологовъ, писавшихъ и пишущихъ свои учебники психологіи, считаютъ какъ бы священнымъ долгомъ своимъ заявить о темнотѣ и спутанности нашихъ знаній о душевныхъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ. «Мы такъ коротко и хорошо знаемъ часто совершенно отдаленное отъ насъ, и такъ мало намъ знакома наша собственная душа»—«мы имѣемъ слишкомъ тёмное понятіе о насъ самихъ» — фразы едвали не стереотипныя. Изцѣленій отъ этой тёмной воды въ нашихъ глазахъ, устремленныхъ внутрь къ себѣ самимъ, одни ищутъ, какъ и д-ръ Вундтъ, въ экспериментальномъ и индуктивномъ методѣ, другіе въ методѣ самонаблюденія какъ Фризъ и Бенеке, иные въ методѣ историческаго наблюденія человѣчества и т. д. Въ этихъ требованіяхъ есть своя доля справедливости и мы ее укажемъ нѣсколько ниже. Но онѣ выходятъ изъ самыхъ невѣрныхъ предположеній о безъизвѣстности и темнотѣ для насъ душевныхъ явленій—и съ этимъ мы не можемъ согласиться. Есть люди, которые утверждаютъ, что мы ни съ чѣмъ такъ лучше, короче незнакомы какъ съ душевными явленіями, и что внѣшнія явленія потому и кажутся намъ понятными, что мы судимъ о нихъ аналогически своимъ собственнымъ душевнымъ состояніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни гипотетичною кажется подобная мысль съ перваго взгляда, а вникнувши въ нее хорошенько, нельзя съ ней не согласиться. Переживаемыя нами душевныя состоянія потому именно и знакомы намъ, что *мы* ихъ *переживаемъ*. Что такое зеленый цвѣтъ качественная сторона его понятнѣй и яснѣй для насъ, чѣмъ всевозможныя о немъ понятія, которыя мы почерпнули бы изъ физики напр. Никакая физика въ свѣтѣ не въ состояніи объяснить слѣпому качественную сторону цвѣта, если только судьба отказала ему въ возможности когда нибудь испытать ощущенія цвѣта. И тогда какъ простой человѣкъ, никогда неслыхавшій о физикѣ, не хуже любого физика ясно представляетъ себѣ ощущенія цвѣтовъ, — какимъ безпомощнымъ и безнадежнымъ невѣждой въ этомъ отношеніи оказывается слѣпецъ, даже отлично знающій оптическіе законы. Очевидно тотъ фактъ, что

Digitized by Google

мы сами переживаемъ душевныя состоянія, даетъ намъ такіе шансы впередъ предъ человѣкомъ, не переживающимъ ихъ, что виды обоихъ на ясность представленія объ этихъ состояніяхъ не могутъ даже и сравниваться. Никакія логическія понятія не могутъ быть суррогатомъ, который хотя сколько нибудь замѣнялъ бы *переживаемость* душевныхъ состояній. И если бы слѣпецъ запоминалъ себѣ, что столько то билліоновъ сотрясеній свѣтового эфира производятъ въ человѣкѣ ощущеніе зеленаго цвѣта, онъ ни на шагъ не подвинулся бы въ знаніи качественной стороны цвѣта предъ другимъ слѣпцомъ, не знакомымъ даже и съ физическимъ его понятіемъ. О тонахъ, вкусахъ, осязаніи нужно сказать тоже самое. Что значитъ чувство удовольствія, или страданія — это мы безъ всякой науки знаемъ очень хорошо, потому что постоянно колеблемся между пріятными и непріятными чувствами. И никакія науки въ свѣтѣ, никакіе примѣры внѣ насъ не научили бы насъ самихъ радоваться, или страдать, или понимать эти состоянія еслибы мы не переживали этихъ состояній. Никакая психологія въ мірѣ не научила и не сообщила бы намъ никакихъ понятій о душевныхъ дѣятельностяхъ и явленіяхъ, если бы намъ, по опыту не была извѣстна качественная сторона такихъ душевныхъ явленій.

Поэтому весьма вѣроятна мысль, что и внѣшнія явленія кажутся намъ понятными потому только, что мы умѣемъ находить въ нихъ аналогію нашимъ собственнымъ состояніямъ и дѣятельностямъ. Есть даже цѣлыя явленія въ природѣ, которыхъ логическое понятіе намъ совершенно не удается, и которыя мы понимаемъ потому только, что переживаемъ ихъ содержаніе. Дать логическое опредѣленіе движенія напр. никому до сихъ поръ не удалось, и едва ли удастся, какъ говорятъ нѣкоторые философы. Потому что, если физика опредѣляетъ его какъ перемѣну пространственныхъ отношеній движущагося предмета къ другимъ неподвижнымъ, то, не говоря уже о томъ, что тутъ встрѣчается понятіе «пространства, о которомъ такъ много разнорѣчивыхъ толковъ, физическое опредѣленіе касается только результата движенія, но не самой качественной стороны движенія. Нѣтъ сомнѣнія, движущееся тѣло перемѣняетъ пространственныя отношенія, постепенно переходя отъ одного пункта къ другому смѣжному, но все это не касается еще самаго понятія движенія. При всѣхъ возможныхъ опредѣленіяхъ его повторяется одна и таже доседная исторія. По невозможности указать высшее понятіе, которое уяснило бы движеніе, какъ чистое, приходится въ замѣнъ его дѣлать изъ опредѣленія

Digitized by Google

одинъ только пространный перифразъ и исчисленіе того, что мы называемъ движеніемъ. Но станетъ ли кто, по неуловимости логическаго опредѣленія движенія, отрицать фактъ его существованія? Станетъ ли кто выкидывать изъ физики движеніе по неудовлетворительности его опредѣленія и тѣмъ уничтожать всю ея будущность и будущность многихъ другихъ наукъ? Но этотъ фактъ не возможности — опредѣлить логическимъ путемъ движеніе—ясно указываетъ намъ на нелогическое происхожденіе нашихъ свѣдѣній о немъ. Мы сами движущіяся существа, мы сами непосредственно переживаемъ тѣ состоянія, на психологическомъ языкѣ обозначаемые какъ акты воли, вслѣдствіе которыхъ, по психофизическому нашему устройству, движется нашъ цѣлый органнамъ или его части. Поэтому мы непосредственно понимаемъ, что значитъ двигаться и что такое движеніе, хотя качественная сторона его и недоступна для логическаго опредѣленія. Мало того, это логически неясное понятіе мы переносимъ на собственно—психическія состоянія и говоримъ—движеніе души, движеніе чувства, воли и т. д., и однако понимаемъ, или лучше каждый разъ переживаемъ то, что обозначаемъ подобнымъ названіемъ. Все психически неспокойное, такъ сказать, коснувшееся, съ своего обыкновеннаго мѣста, вводящее новыя отношенія въ кругъ старыхъ, установившихся уже, называемъ движущимся чѣмъ то, и самое состояніе этого движущагося—движеніемъ. Оттого, что тѣла движутся—намъ кажется совершенно яснымъ и для своего уразумѣнія не требующимъ дальнѣйшаго размышленія. Какъ много зависитъ ясность нашихъ представленій о внѣшнихъ предметахъ, ихъ свойствахъ отъ знакомства нашего съ собственными душевными состояніями — на это мы обыкновенно весьма мало обращаемъ вниманія. Между тѣмъ, при достаточномъ углубленіи въ этотъ вопросъ, оказывается, что весьма трудно опредѣлить въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ о природѣ тотъ предѣлъ, гдѣ кончается наше невольное уподобленіе состояній внѣшнихъ предметовъ нашимъ собственнымъ состояніямъ. Не говоримъ уже о поэтическомъ взглядѣ на природу. Если въ поэтическихъ картинахъ природы такъ много иногда свѣжести, чувства, красоты, то вовсе не оттого, чтобъ сама по себѣ извѣстная мѣстность была бы эстетична, прекрасна. Безъ наблюдающаго глаза, безъ души способной понимать и возбуждаться къ эстетическимъ ощущеніямъ—никакихъ красотъ въ природѣ нѣтъ, а только кучи предметовъ, особнякомъ помѣщающихся одинъ подлѣ другого. И дѣйствительно тамъ, гдѣ поэтъ восхищался эстети-

ческой картиной, глазъ мужика — не поэта нашолъ бы можетъ быть только хорошіе дрова, и хорошій суглинокъ. Очевидно главное дѣло тутъ въ способности наблюдателя оживить *своимъ* чувствомъ, *своими* эстетическими ощущеніями внѣшніе предметы, совершенно безучастные въ тѣхъ интересахъ, какіе они возбуждаютъ въ наблюдателѣ. Мы смѣемся надъ малюткой, когда онъ играетъ съ своей куклой, какъ живымъ какимъ нибудь существомъ, — бьетъ камень, если случайно ушибся о него, цѣлуетъ яблоко или конфетку, какъ будтобы камень въ сердцахъ ударилъ его, а яблоко и гостинецъ дѣйствительно были существами весьма сладкими и достолюбезными. Но въ основѣ такого отношенія малютокъ къ внѣшнимъ предметамъ дѣйствительно лежитъ самая глубокая черта человѣческой души. Малютка понимаетъ только себя, только свои состоянія; о всемъ другомъ онъ судитъ аналогично себѣ, и бьетъ куклу, потому что знаетъ, только въ злости можно причинять боль другому; мертвыхъ предметовъ, безжизненныхъ для него вовсе не существуетъ. Однако, какъ ни солидными и здравомысленными людьми становимся мы съ лѣтами, напрасно стали бы мы думать, что эта, такъ обыкновенная въ ребенкѣ, черта совершенно пропадаетъ и исчезаетъ въ насъ. Фактъ общеизвѣстный, какое живое чувство страха и отвращенія одолѣваетъ человѣкомъ, когда онъ видитъ мертвое что нибудь предъ собой. Представленіе природы мертвой и безжизненной не выносимо для человѣческой натуры, и безпримѣрно въ народныхъ міросозерцаніяхъ. А это что нибудь да значитъ. Можно конечно объяснять всѣ миѳологическія представленія народовъ о природѣ незрѣлостью и разпущенностію фантазію, не знаніемъ физики и т. п. Но уже и тотъ фактъ, что сколько нибудь развитые народы всѣ безъ исключенія представляли природу живою и населенною живыми существами, а не въ видѣ какого нибудь умершаго и разлагающаяся организма, или что они вовсе не держались пословицы: чего не знаешь, о томъ не говоришь, указываетъ на то, что его можно объяснять и другимъ способомъ. Обращаясь къ самимъ себѣ, мы видимъ, что представленіе чего бы то ни было совершенно мертваго намъ положительно не удается. Оно такъ противно эстетической натурѣ человѣка, что мы не вѣримъ въ существованіи подобнаго представленія въ самомъ отчаянномъ матеріалистѣ, толкующемъ о *мертвой*, совершенно мертвой матеріи. Вѣдь *мертвое* что нибудь означаетъ такую вещь, которая неспособна ни къ дѣятельнымъ ни къ пассивнымъ состояніямъ. Попробуйте представить себѣ что нибудь подобное. На-

Digitized by Google

противъ, мы съ чувствомъ вражды относимся къ вреднымъ и непріятнымъ для нашихъ чувствъ вещамъ, съ чувствомъ любви къ полезнымъ и пріятнымъ—точь въ точь, какъ будто бы предметы обладающія хорошими, или дурными свойствами были какими нибудь живыми лицами. Звучащее тѣло представляется намъ какъ бы существомъ граціознымъ въ случаѣ гармоніи его звуковъ, и безобразнымъ при скрипѣніи и свистѣ, какъ будтобы мы слышали въ посланныхъ ими тонахъ къ намъ ихъ внутреннія дѣятельности и состоянія. Мы могли бы до безконечности увеличить число примѣровъ, но дальнѣйшее развитіе ихъ предоставляемъ читателямъ.

Такимъ образомъ аналогіями собственныхъ состояній мы одушевляемъ природу и понимаемъ ее. Можно сказать, что если кажется намъ что нибудь въ природѣ понятнымъ, такъ это тамъ только, гдѣ мы можемъ отыскать аналогію собственнымъ состояніямъ; чѣмъ лучше удается намъ эта аналогія, тѣмъ глубже, кажется намъ, проникаемъ мы во внутреннее существо предметовъ. При всемъ значеніи цвѣтовъ при познаніи предметовъ, ихъ фигуры, объема, пространственныхъ отношеній и т. д. и при всей извѣстной безпомощности человѣка лишоннаго зрѣнія и скудости познаній его о внѣшнемъ мірѣ, намъ кажется однакожь, что звуки, тоны знакомятъ насъ болѣе съ внутренними состояніями предметовъ, и даютъ намъ чего то болѣе отъ нихъ, чѣмъ цвѣты. По тону мы какъ будто слышимъ, какъ живется предмету, который издаетъ звукъ, тонами какъ бы оживляется и согрѣвается представленіе его, тогда какъ фигура, цвѣтъ, объемъ какъ-то холодно говорятъ о немъ. И если цвѣта могутъ оживлять для насъ предметъ, то едва ли не потому, что разные степени насыщенности ихъ невольно принимаются нами за символы богатой, или бѣдной жизни предметовъ. Причина указаннаго различія, какъ намъ кажется, заключается именно въ томъ, что цвѣта не такъ легко оживляются нашими собственными чувствами. Съ тонами—совсѣмъ другое дѣло. Уже физіологическая связь между раздраженіями мозга, дыханіемъ и голосовыми органами производитъ то, что большая часть движеній души возбуждающихъ мозгъ, сопровождается или лучше сглаживается рефлективнымъ сокращеніемъ голосовыхъ мускуловъ, и выражается потому въ тѣхъ, или другихъ звукахъ. По этой связи между голосомъ и душевными состояніями образуются ассоціаціи, посредствомъ которыхъ извѣстные тоны и звуки напоминаютъ намъ извѣстныя душевныя состоянія. Привыкши считать звуки символами психическихъ со-

Digitized by Google

стояній, мы съ тѣмъ большею легкостью видимъ въ разныхъ слышимыхъ звукахъ извѣстныя внутреннія состоянія звучащихъ тѣлъ. Оттого звукъ такъ много повидимому говоритъ о предметахъ и такъ глубоко, кажется намъ, посредствомъ тоновъ мы проникаемъ въ ихъ сущность.

Мы скажемъ поэтому, что качественная сторона душевныхъ состояній есть вещь наиболѣе для насъ ясная и понятная, и что возможность находить имъ аналогіи въ жизни внѣшняго міра облегчаетъ намъ ясность представленій о немъ. Задавать себѣ задачу еще болѣе уяснить эту качественную сторону душевныхъ явленій значитъ стремиться къ невозможному. И психологія какъ наука не можетъ и не должна задаваться такими намѣреніями. Смѣшно было бы представить себѣ, что задача психологіи—научить людей ощущать цвѣта, слышать тоны, осязать поверхности,—умѣть мыслить, любить и ненавидѣть, радоваться и страдать. И едва ли мы повѣрили бы, если бы кто сталъ утверждать, что послѣ знакомства съ психологіей какъ наукой, онъ пріучился жить наиболѣе напряженной психологической жизнью. Есть извѣстныя простыя качественныя явленія, дальнѣйшій анализъ которыхъ безполезенъ, потому что невозможенъ. Всякій химикъ сталъ бы за совершенно безполезный трудъ стараться уяснить себѣ, въ слѣдствіе какихъ причинъ фосфоръ и водородъ обнаруживаютъ такое сильное химическое сродство съ кислородомъ, а хлоръ—такое малое, или почему есть разности въ кристаллической формѣ купороса и горнаго хрусталя. И онъ дѣйствительно поступаетъ совершенно благоразумно, потому что, сколько бы ни бился онъ надъ подведеніемъ машинъ къ уясненію себѣ простыхъ качествъ, всегда получилъ бы въ результатѣ, какъ простой, теперь покрайней мѣрѣ невыводимый изъ другого фактъ, такой или другой химической дѣятельности тѣла. Онъ предпочитаетъ поэтому заниматься классификаціей химическихъ фактовъ и указаніемъ зависимости ихъ другъ отъ друга и законовъ химическихъ явленій. И въ психологіи есть такія же простыя качественныя факты, которыхъ теперь мы неможемъ вывести изъ другихъ: таковы напр. факты ощущенія цвѣтовъ, тоновъ и т. д. чувства радости и страданія и т. д. любви и ненависти, мышленія и т. д. Но него никто недумаетъ ставить въ вину и укоръ химіи напр., то весьма часто ставится въ строку психологіи. Отъ ней обыкновенно требуется, чтобы она разъяснила и эти простыя качественныя явленія, и невозможныя вещи такимъ образомъ служатъ показателями ея варварскаго

состоянія какъ науки. Д-ръ Вунтъ также увлеченъ этимъ желаніемъ уяснить простыя качественныя явленія. Онъ придумываетъ для этого разного рода по выраженію нѣмцевъ maschinerie, чтобы проникнуть въ ту сферу, изъ которой, какъ Минерва изъ головы Юпитера — во всеоружіи, являются сознательныя душевныя состоянія.

Намъ легко могутъ сказать: какъ же по вашему ненужно и науки, потому что психическія явленія сами по себѣ ясны и понятны намъ? Къ чему же, спрашивается, будетъ существовать цѣлая наука, разъясняющая ясныя вещи, и трактующая о понятныхъ исторіяхъ? Но дѣло въ томъ, что по нашимъ словамъ *только* качественная сторона психическихъ явленій ясна и понятна при нашемъ самонаблюденіи. Остается еще много вопросовъ о душевныхъ явленіяхъ, которыми можетъ и должна заняться наука. Остаются еще вопросы о формѣ душевныхъ явленій, ихъ порядкѣ и послѣдовательности, зависимости и причинномъ соотношеніи, о цѣнѣ и значеніи ихъ въ жизни души. Чрезвычайное разнообразіе душевныхъ явленій требуетъ отъ насъ для облегченія обзора классификаціи ихъ въ разные ряды и группы по ихъ качественному сходству или различію. Есть цѣлыя школы (Фризъ съ послѣдователями, также и Бенеке), которыя главнымъ образомъ имѣли въ виду такую классификацію и нельзя не сказать, что такая описательная работа есть первый краеугольный камень психологіи какъ науки. И что касается до сознательной отчетливости въ своихъ состояніяхъ, то въ этомъ отношеніи, подобныя классификаціи помогаютъ намъ сознательнѣй относиться къ своимъ собственнымъ состояніямъ. Есть другое направленіе (Гербартъ и его школа), имѣющее задачу установить твердыя логическія понятія о психическихъ состояніяхъ и указать причинную связь и зависимость между ними. Конечно и это направленіе не увеличитъ качественной ясности явленій, но и логическая ясность понятія о нихъ вещь довольно цѣнная, и въ этомъ отношеніи есть всѣ причины хлопотать о научной разработкѣ психологіи. Кромѣ же того, взаимная зависимость душевныхъ явленій, законы душевныхъ дѣятельностей, смѣны ихъ одна другимъ, и физіологическая ихъ зависимость отъ организма — все это опять обширнѣйшее поприще для науки. Но мы можемъ еще брать психическую жизнь en gros — во всей ея широтѣ, въ какой она проявляется въ природѣ и исторіи, и стараться указать разныя формы ея и сравнительную внутреннюю цѣну и значеніе этихъ формъ, — психологія становится такимъ образомъ феноменологіей духа.

Digitized by Google

Понятно и безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что мы удѣляемъ психологіи какъ наукѣ, и за что совѣтуемъ ей не браться, какъ за безплодный и невозможный трудъ. И незадаваясь невозможными цѣлями, она тѣмъ не менѣе имѣетъ столько возможнаго дѣла, что въ этомъ отношеніи даже послѣ стольких учебниковъ по психологіи ея работа только начинается. Ей нѣтъ нужды вносить чуждыя понятія и хлопотать о методахъ, развитыхъ при изслѣдованіи явленій другаго характера и порядка: всѣ подобныя стремленія только усиливаютъ массу предразсудковъ и заблужденій, тяготѣющихъ надъ наукой.

Въ своихъ отношеніяхъ къ психической жизни д-ръ Вундтъ чрезвычайно оригиналенъ: то онъ берется за дальнѣйшій анализъ вещей, которыя анализировать невозможно, то исключаетъ изъ области своихъ изслѣдованій вопросы, которыхъ разработка не только полезна, но и необходима. Онъ, очевидно, стремился вездѣ приложить въ изслѣдованіи душевныхъ явленій методъ и пріемы употребительныя въ физіологіи. Поэтому все, что выходитъ изъ круга ихъ, онъ называетъ спекулятивными, или метафизическими тенденціями. Въ этомъ отношеніи онъ за одно осуждаетъ спекулятивныхъ философовъ вмѣстѣ съ матеріалистами. Однако нужнымъ осуждать въ тѣхъ и другихъ онъ находитъ вовсе не то, что тѣ и другіе можетъ быть не научнымъ образомъ взялись за разработку вопросовъ, обнаружили непониманіе сущности душевныхъ процессовъ, и старались гнуть факты для желаемыхъ цѣлей. Нѣтъ, онъ недоволенъ тѣми и другими только потому, что вопросы ихъ занимавшіе или не могутъ никогда рѣшиться, или рѣшатся только послѣ тщательнаго изученія фактовъ. «Можно сколько угодно удивляться тому, говоритъ онъ, что такъ мало имѣла результатовъ работа, какая употреблена была въ послѣднее десятилѣтіе на созданіе матеріалистической и антиматеріалистической философіи. Уже теперь, лишь только кончилась борьба, все литературное наводненіе того времени по большей части сдѣлалось добычей макулятуры. Но если мы ближе изслѣдуемъ содержаніе этого спора, не найдемъ тутъ ничего удивительнаго. *На чемъ сосредоточивался онъ? ни на чемъ, какъ на тѣхъ же самыхъ вопросахъ, какіе поставлены въ фонъ изслѣдованій и спекулятивными философами: на вопросахъ о сущности души, ея мѣстѣ, связи ея съ тѣлесностію, происхожденіи и будущихъ судьбахъ.* Все это проблемы конечно весьма интересныя. Было бы весьма важно знать, въ какомъ собственно пунктѣ нашего мозга находится душа и

Digitized by Google

весьма пріятно имѣть обстоятельнѣйшія свѣденія о томъ, въ какомъ положеніи дѣло о будущей жизни. Но все это вопросы, которые частію никогда рѣшатся частію рѣшатся ужь во всякомъ случаѣ не литературной полемикой.» Оставляя такимъ образомъ на словахъ рѣшеніе этихъ вопросовъ до неопредѣленнаго будущаго, когда болѣе накопится фактовъ для разрѣшенія ихъ, д-ръ Вундтъ на самомъ дѣлѣ совершенно изгоняетъ ихъ изъ области своихъ психологическихъ изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ въ такомъ громадномъ трудѣ, каково сочиненіе д-ра Вундта, гдѣ можно встрѣтить всевозможныя сужденія de rebus omnibus et uibusdam caeteris, мы не находимъ никакого отвѣта на упомянутые вопросы. Д-ръ Вундтъ дѣйствительно ничего ненашелъ нужнымъ сказать прямо о сущности души, ни ея мѣстѣ и связи съ тѣломъ, произхожденіи и будущихъ судьбахъ. Только мимоходомъ, какъ бы нехотя, и то потому, что необходимо было въ нѣкоторыхъ случаяхъ коснуться этихъ вопросовъ по поводу нѣкоторыхъ фактовъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Можно конечно найти нѣкоторую долю основанія въ этомъ самоотстраненіи д-ра Вундта отъ такихъ вопросовъ. Вопросы о происхожденіи и будущихъ судьбахъ души, сущности ея отношеній къ тѣлу, самой ея натурѣ принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ, запутанныхъ, спорныхъ вопросовъ въ психологіи. Для рѣшенія ихъ, желательно имѣть болѣе фактовъ подъ рукой, безъ которыхъ умъ только колеблется между многими логическими возможностями. Слишкомъ много поэтому заниматься ими, особенно въ ущербъ другимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, значило бы oleum et operam perdere. Противъ такого неравномѣрнаго устремленія вниманія на психологическія проблеммы и вопросы можно идти за одно съ д-ромъ Вундтомъ. За слишкомъ напряженнымъ вниманіемъ къ этимъ вопросамъ дѣйствительно можно опустить бездну другихъ весьма важныхъ психологическихъ задачь, то или другое рѣшеніе которыхъ можетъ вліять и на судьбу первыхъ. При томъ легко можетъ случиться, что разныя предразположенія для извѣстныхъ формъ рѣшенія ихъ могутъ образовать естественную склонность подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія разсматривать психическія явленія. А такого рода предъубѣжденія весьма легко могутъ вредить научному прогрессу психологіи. Но такъ безжалостно изгонять ихъ на дѣлѣ изъ психологіи, какъ дѣлаетъ это д-ръ Вундтъ, и ставить рѣшеніе указанныхъ вопросовъ въ такую зависимость отъ изученія фактовъ по нашему убѣжденію такъ же невозможно. Такова ужь при-

Digitized by Google

рода человѣческая, что ей хочется знать, откуда она пришла въ міръ и куда дѣвается, когда заканчиваетъ свою жизнь. Можетъ быть въ животныхъ не возбуждаются эти вопросы, но доколѣ чего мы можемъ принять какъ психологическій фактъ,—къ факту на словахъ, по крайней мѣрѣ, д-ръ Вундтъ имѣетъ платоническую любовь,—что человѣкъ интересуется не только своимъ существованіемъ въ продолженіи минуты, когда онъ живетъ, но и невольно спрашиваетъ себя, откуда онъ взялся и что станется съ нимъ, когда умретъ. Говорятъ, въ этомъ фактѣ можно находить глубокую черту человѣческой души, отличающей ее отъ души животныхъ, и постоянное возникновеніе этого вопроса нужно приписать тѣмъ глубокимъ нравственнымъ и эстетическимъ интересамъ, которые осуществляются въ его жизни и развитіи, и судьба которыхъ тѣсно соединена съ судьбою этого существованія. Можетъ быть, этой глубокой чертой человѣческой души и глубиной самыхъ интересовъ и объясняется, почему возникаютъ литературныя наводненія, о которыхъ говоритъ д-ръ Вундтъ, и едва кончается борьба на одномъ пунктѣ, какъ возникаетъ—на другомъ. Мы въ правѣ поэтому ожидать и требовать, чтобъ и наука, если только она не существуетъ только для самой себя, не обходила этихъ вопросовъ просто по неудобству ихъ разработки. И наука *должна* помочь намъ въ этомъ случаѣ: или укрѣпить въ себѣ извѣстные интересы, или безъ страха истребить ихъ съ корнемъ, если только они не имѣютъ правъ на существованіе, своего raison d'etre. Отказываться отъ даванія посильнихъ отвѣтовъ на насущныя глубоко интересующія общество вопросы наука уже потому не въ правѣ, что такого рода поведеніе ея по отношенію къ обществу лишало бы ея значенія въ немъ какъ нравственнаго воспитательнаго элемента. Это не значитъ давать скороспѣлыя отвѣты; отъ такихъ лучше отказаться наукѣ, если она сознаетъ свою несостоятельность при извѣстной степени своего развитія, или даже свое всегдашнее безсиліе въ извѣстныхъ вопросахъ. Но и тутъ ясное сознаніе безсилія науки можетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько разъяснить натуру вопроса и указать обществу на другія источники удовлетворенія своимъ интересамъ.

Тѣмъ менѣе психологія должна отказываться отъ разсужденій о такихъ вопросахъ, каковы о натурѣ души и связи ея съ тѣломъ. Только тогда наука можетъ отказываться отъ рѣшенія какихъ нибудь вопросовъ, и совершенно исключать ихъ изъ своей области, когда эти вопросы совершенно безцѣльны, рѣшеніе ихъ безплодно, или невоз-

Digitized by Google

можно, только упражняютъ умъ въ гимнастикѣ, или же вовсе не касаются въ сущности самой науки, а относятся скорѣе въ область фантазіи. Таковъ напр. вопросъ о возможности удара въ физикѣ, или тяготѣнія въ астрономіи. Назадъ тому годовъ полтораста эти вопросы чрезвычайно занимали философовъ и физиковъ; хотя споры длились въ безконечность, совершенной побѣдой не могла гордиться никакая изъ боровшихся сторонъ. Какимъ образомъ ударъ заставляетъ тѣло двигаться по прямой линіи? Для физика, какъ и для обыкновеннаго наблюдателя тутъ все кажется совершенно понятнымъ: просто, ударяющее тѣло соприкасается съ другимъ и передаетъ свою силу другому, которое и движется съ скоростію прежняго тѣла, если оба тѣла равны по массѣ. Но если пуститься въ дальнѣйшій анализъ, дѣло оказывается не столь простымъ. Очевидно то положеніе, что тѣла движутся при ударѣ, означаетъ: если ударить тѣло, то оно придетъ въ такое состояніе, при которомъ оно должно двигаться: сила движенія такимъ образомъ есть извѣстнаго рода состояніе тѣлъ при которомъ оно переходитъ отъ одного пространственнаго пункта къ другому. Какимъ же спрашивается образомъ одно состояніе тѣла передается другому? Неужели такъ, что при встрѣчѣ съ покоющимся тѣломъ отъ движущагося отдѣляется его состояніе и переходитъ въ другое? Но въ такомъ случаѣ это состояніе въ минуту самого перехода какъ бы мала она не была, есть ничье состояніе, качество, свойство безъ всякаго субьекта, котораго оно было бы качествомъ, свойствомъ? Философы настаивали на метафизическую невозможность такого объясненія удара, какое обыкновенно дается со стороны физиковъ, а послѣдніе указывали на очевидный фактъ что тѣло посредствомъ удара движетъ другое. Точно тоже случилось и съ тяготѣніемъ. Открытіе Ньютона при самомъ явленіи своемъ на свѣтъ было предметомъ неподдѣльнаго соблазна со стороны философовъ и многихъ физиковъ. Какимъ образомъ дѣйствуетъ притягательная сила — положимъ земли на луну? Безъ сомнѣнія вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Какъ же притягательная сила земли можетъ притягивать луну, когда она вовсе не касается ея и напротивъ раздѣлена огромнымъ пространствомъ? Сила есть чье нибудь качество, свойство, и безъ вещи, имѣющей это качество, не можетъ существовать сама по себѣ. Допустимъ ли, что въ пустомъ пространствѣ, раздѣляющемъ землю отъ луны, находится только одно качество земли, притягательная сила, а самой вещи, которой принадлежитъ это качество,

Digitized by Google

вовсе нѣтъ? Какую силу подобнаго рода соображенія имѣли для того времени, видно изъ того, что самъ великій Лейбницъ, такъ много сдѣлавшій для прогресса естественныхъ наукъ, всею силою своей логики вооружился противъ открытія Ньютона. Самъ Ньютонъ счелъ нужнымъ придумать тонкую матерію, чрезъ которую силы планетъ дѣйствовали бы другъ на друга. И этимъ соображеніямъ нужно приписать, почему съ такимъ трудомъ вошло открытіе въ сознаніе образованнаго общества. Но теперь ни объ ударѣ, ни отяготѣніи не встрѣчается прѣній. Значитъ ли это, что вопросы и сомнѣнія, въ свое время волновавшія общество, уже порѣшены? Вовсе нѣтъ. И теперь физики не убѣждены философами въ невозможности ихъ объясненія удара, и есть много философовъ, которые не думаютъ соглашаться съ физиками. Но здравый смыслъ физиковъ не поднимаетъ этого вопроса. Обыденное физическое объясненіе достаточно какъ гипотеза при объясненіи явленій, и никто не думаетъ искать большаго и лучшаго, — можетъ быть безплодно. Точно тоже и въ астрономіи. Теорія тяготѣнія—тоже гипотеза, хотя и превосходно объясняющая явленія. Логическія и метафизическія затрудненія ея вовсе не устранены, но никто не станетъ отвергать пользы и пригодности великой мысли Ньютона. Очевидно, астрономія и физика очень хорошо дѣлаютъ, что не тратятся на рѣшеніе подобныхъ вопросовъ. Еслибы до сихъ поръ продолжался споръ о возможности удара и тяготѣнія, мы не имѣли бы ни прекрасно разработанной современной механики, ни такой точной и законченной науки, какова астрономія. Лучшія силы и лучшія открытія погибли бы подъ массою разныхъ споровъ, изъ которыхъ не выходитъ ничего практически полезнаго. Конечно въ этомъ случаѣ молчаніе науки о вопросѣ до времени не должно быть принято за признакъ его рѣшенности. Можно и еще отыскать много вопросовъ въ естественныхъ наукахъ, которые покоются удерживаемые здравымъ смысломъ естествоиспытателей. И противъ возбужденія и внесенія такихъ безплодныхъ споровъ въ науку — мы сами не можемъ не протестовать.

Но въ томъ то и дѣло, что мы вовсе не раздѣляемъ мнѣнія д-ра Вундта, что вопросъ о натурѣ души и ея связи съ тѣломъ принадлежитъ къ числу совершенно безплодныхъ вопросовъ. Вся суть дѣла тутъ, конечно, въ вопросѣ о натурѣ души. Вопросъ объ отношеніи ея къ тѣлу можетъ быть и весьма важнымъ и глубокимъ вопросомъ, и не имѣть никакого смысла, смотря по рѣшенію перваго. Если отри—

Digitized by Google

цать самостоятельность души и считать ее только за физіологическій продуктъ тѣлеснаго организма то очевидно не можетъ и существовать вопроса объ отношеніи души къ тѣлу, какъ продукта къ производящей причинѣ. Но эта же самая тема можетъ быть предметомъ весьма серьезныхъ и обширныхъ разсужденій, коль скоро допускается самостоятельность психическихъ явленій. Вопросъ о натурѣ души такого рода, что онъ составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень психологіи. Съ нимъ часто приходится имѣть дѣло при анализѣ душевныхъ явленій и онъ есть какъ бы заключительный пунктъ, къ которому приводитъ насъ такой анализъ. Лишь только начинаемъ мы анализировать психическія явленія мы убѣждаемся, что они суть явленія особаго порядка, которымъ нѣтъ аналогій ни въ физическихъ, ни въ физіологическихъ явленіяхъ. Мы естественно должны сдѣлать отъ нихъ заключеніе къ ихъ особой ни физической, ни физіологической причинѣ, а психической. И если мы разположены думать, что психическія явленія суть состоянія особаго существа, то непремѣнно рождается вопросъ о природѣ этаго существа и съ тѣмъ вмѣстѣ мы встрѣчаемся съ вопросомъ вообще о центрахъ входящихъ и исходящихъ явленій, или вообще о существахъ и ихъ состояніяхъ. Тогда имѣетъ смыслъ и вопросъ и о взаимодѣйствіи психическаго существа съ тѣломъ,—законахъ и формахъ этаго взаимодѣйствія. Напрасно стали бы мы считать эти вопросы праздными порожденіями фантазіи: они не избѣжны въ наукѣ, которая стремится сдѣлаться изъ такъ называемой индуктивной дедуктивной, изъ сборника фактовъ системой, изъ разпадающагося сборника наблюденій цѣлой, заключенный и замкнутой въ себѣ наукой. Если д-ръ Вундтъ нигдѣ ясно не поставилъ вопроса о душѣ, то это потому только, что при всѣхъ вопросахъ которые могли вызвать его на теоретическія соображенія, онъ скрывался подъ сѣнь безсознательной души, сдѣлавъ ее панацеей всѣхъ психологическихъ трудностей и недоразумѣній. Но вездѣ ли, дѣйствительно, можно укрываться подъ эту темную, непроглядную тѣнь— это мы увидимъ въ послѣдствіи.

Надобно сказать впрочемъ вообще о значеніи общихъ принципныхъ вопросовъ въ психологіи, что они не такъ безплодны и не такъ легко избѣгаемы, какъ это обыкновенно думаютъ. Въ «Beiträgen» д-ръ Вундтъ съ особою силою возстаетъ противъ внесенія метафизики (онъ называетъ всѣ разсужденія о подобныхъ вопросахъ метафизикой) въ психологію. Такое желаніе почтеннаго доктора конечно не ново. Без-

Digitized by Google

предположительность давно сдѣлалась лозунгомъ психологическихъ работъ. Цѣлая школа Гербартіанская постоянно хлопочетъ о томъ, чтобъ какъ можно было меньше метафизики въ психологіи, потому что метафизическія предубѣжденія весьма легко могутъ вредить безпристрастному изслѣдованію психологическихъ фактовъ. Знаменитый психологъ Фехнеръ нашолъ нужнымъ примѣнить къ метафизическимъ взглядамъ на душу извѣстное мнѣніе Катона о Кароагенѣ. Но какъ бы старо ни было это желаніе, оно только въ половину вѣрно и вполнѣ едвали удобоисполнимо. Если бы въ психологіи не было разныхъ школъ, и если бы возможно было факты брать, какъ они есть не примѣшивая къ нимъ никакого взгляда въ самой передачѣ, а тѣмъ болѣе въ толкованіи ихъ значенія, то пожалуй какъ нибудь и исполнилось бы это pium desiderium.

И прежде всего, что касается фактовъ психологіи, то уже тотъ или другой взглядъ на нихъ весьма много значитъ отъ взгляда на душу и ея состоянія. Напрасно мы говоримъ иногда о голомъ фактѣ, о *только* фактическомъ изложеніи науки и т. д. забывая, что фактъ самъ по себѣ безсмыслящей головы ничего не значитъ и ни къ чему не служитъ. Когда онъ вводится въ дѣло чѣмъ нибудь, то всегда служитъ какой нибудь цѣли, слѣдовательно неизбѣжно представляется съ извѣстной стороны, съ извѣстнымъ взглядомъ на него. Особенно рѣзко это замѣтно въ группировкѣ фактовъ. Даже анализъ ихъ не такъ легко можетъ быть безпристрастенъ, какъ обыкновенно думаютъ. Не о томъ нужно хлопотать, чтобъ фактъ какъ есть, безъ всякой формы и цѣли входилъ въ науку а чтобъ взглядъ на него былъ широкъ, обнималъ всѣ стороны, чтобъ онъ былъ пристрастенъ ко всѣмъ его сторонамъ. Что же касается до толкованія факта, указанія его цѣны и значенія, то въ этомъ отношеніи нечего и говорить. Общія предубѣжденія и взгляды иногда безсознательно метафизическаго характера дѣйствуютъ тутъ всегда съ полною силою. Доказать наши слова мы легко можемъ на д-рѣ Вундтѣ. Фактъ чувства напр. всѣмъ извѣстенъ и чувство есть одинъ изъ самыхъ ясныхъ и очевидныхъ психическихъ явленій. Онъ означаетъ то свойство души, по которому она вообще способна чувствовать пріятность или непріятность, радость или страданіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній или внутреннихъ событій. Удерживая субъективный, или личный характеръ чувства, д-ръ Вундтъ смѣшиваетъ это однакожъ съ простыми ощущеніями. «Ощущеніе (Die Empfindung) становится чувствомъ (das Gefühl), го-

Digitized by Google

вритъ онъ, если при этомъ главное вниманіе обращается на состояніе ощущающаго, и чувство становится ощущеніемъ, если чувствующій смотритъ при этомъ на впечатлѣніе, какъ на нѣчто внѣ его находящееся» (2 В. 4.). Легко замѣчается при этомъ, что тутъ спутывается два совершенно разныя процесса. Ощущеніе есть то состояніе души, которое непосредственно возбуждается въ ней внѣшними предметами. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ извѣстными качественными состояніями души, но въ нихъ еще не выражается отношеніе этихъ состояній къ окружающей личности. Характеръ этого отношенія выражается уже въ чувствахъ удовольствія или неудовольствія, которыя возбуждаются упомянутыми ощущеніями. Въ чувствахъ этихъ выражается доброкачественность или злокачественность внѣшнихъ, или внутреннихъ вліяній, опредѣляется мѣра, насколько они вредятъ или помогаютъ безпрепятственной дѣятельности психическаго организма. Конечно, связь между ощущеніями и чувствами весьма тѣсна, и почти одновременно, или лучше чрезвычайно быстро слѣдуетъ за ощущеніемъ и чувство. Сильный свѣтъ сейчасъ возбуждаетъ непріятное чувство, или рѣжущій тонъ тотчасъ же по ощущеніи своемъ возбуждаетъ чувство неудовольствія. Но изъ того, что два явленія слѣдуютъ одно за другимъ почти одновременно, не слѣдуетъ, что они тожественны, какъ думаетъ д-ръ Вундтъ. Во всякомъ случаѣ мы должны различать логическое мѣсто одного явленія предъ другимъ. Очевидно чувство неудовольствія рѣжущимъ тономъ не можетъ быть прежде, нежели мы услыхали его, прежде, нежели онъ подѣйствовалъ на насъ: извѣстное физическое событіе во всякомъ случаѣ должно предшествовать тому чувству, какое оно возбуждаетъ въ душѣ. Непріятное извѣстіе должно быть сообщено намъ, чтобъ мы сами прочувствовали его непріятность; тоже также и въ ощущеніяхъ. Тонъ рѣжетъ ухо и непріятенъ намъ: но непріятность его нужно отличать отъ того качественнаго ощущенія извѣстнаго тона, какое онъ возбуждаетъ въ насъ: потому что мы различаемъ разныя степени высоты и силы въ рѣжущихъ тонахъ, и при томъ степени эти не всегда идутъ пропорціонально степенямъ непріятнаго чувства, возбуждаемаго ими въ душѣ. Очевидно тутъ два разныхъ состоянія, и вовсе не одно и тоже, разсматриваемое только съ разныхъ сторонъ. По Вундту мы не съ разу научаемся относить къ себѣ свои состоянія, выдвигать субъективную сторону въ предметныхъ ощущеніяхъ, т. е. выходитъ, что мы уже въ пору развитія научаемся чувствовать (2 В. 4 и 5 стр.) «Если чувство характе-

Digitized by Google

ражается единственно отношеніемъ къ чувствующему субъекту, то ясно что оно не можетъ быть какимъ нибудь первоначальнымъ состояніемъ души, какъ часто думали о немъ, но что оно всегда предполагаетъ уже развитіе сознанія. При высшихъ чувствахъ это подразумѣвается само собою, потому что они основываются на рядахъ представленій. Но и простое низшее чувство становится возможнымъ только тогда, когда уже возможно отношеніе къ «Я», и именно посредствомъ того, что Я отдѣляетъ себя отъ внѣшнихъ предметовъ, слѣдоват. посредствомъ развитія въ насъ сознанія. Конечно здѣсь нельзя согласиться съ Вундтомъ, потому что уже въ ребенкѣ, который еще неимѣетъ почти никакого развитія мы должны допустить способность чувствовать пріятное или непріятное, радоваться, или страдать, — и даже прежде чѣмъ явится у него сознаніе; можетъ быть, потому мы такъ интенсивно и различаемъ себя отъ всего другого, что способны чувствовать удовольствіе или неудовольствіе своими состояніями, непосредственно чувствовать свое бытіе. Притомъ, едва ли существо, неимѣющее въ себѣ никакихъ задатковъ къ подобнымъ состояніямъ, можетъ пріобрѣсть ихъ въ послѣдствіи. А главное, простое отнесеніе своихъ ощущеній къ себѣ не есть еще чувство. Мы могли бы также отнести къ себѣ свои состоянія, какъ напр. въ математикѣ одна теорема заключаетъ въ себѣ другую, и одно положеніе выводится изъ другого, но тогда не было бы въ нашемъ отнесеніи къ себѣ того именно характернаго интереса своими собственными состояніями, который обозначается чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Отъ такого смѣшенія чувства съ ощущеніемъ произошло то, что даже ощущенія на поверхности кожи, когда она щекотится и чешется, Вундтъ называлъ чувствами. (2 В. 8 б.). Основаніе тому Вундтъ нашолъ въ томъ самомъ, что они т. е. чувства образуются въ насъ независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній, — сами собою. Тутъ уже другое основаніе, тѣмъ отношеніе ощущеній къ субъекту послужило ему критеріемъ для того, чтобъ внести чесотку и щекотку въ область чувствъ. Но тогда всѣ болѣзни, всѣ разстройства организма, все, что въ организмѣ происходитъ безъ внѣшней причины должно быть отнесено къ области чувствъ. Не выйдетъ ли тогда путаница и смѣшеніе понятій?

Такъ: вотъ они факты-то, какъ часто смѣшиваются самые разнородные вещи, и какъ анализъ идетъ не туда, куда нужно и только путаетъ вмѣсто того, чтобъ выдѣлить одно явленіе отъ другого. Очевидно одни факты безсильны создать науку, потому что безъ теор-

Digitized by Google

дныхъ и ясныхъ общихъ взглядовъ, въ психологіи особенно, невозможно даже правильно поставить фактъ, а не только что истолковать его. Въ этомъ случаѣ неизлишне вспомнить примѣръ изъ микроскопіи. Кажется, нѣтъ ничего легче, какъ разсматривать предметы подъ микроскопомъ, — стоитъ только положить объектъ подъ микроскопъ и смотрѣть. И однако рѣдко гдѣ требуется столько уже пріобрѣтенной опытности, навыка, положительныхъ знаній и соображенія, какъ въ микроскопіи. Вопросъ не въ томъ чтобъ видѣть, а въ томъ, чтобъ правильно истолковать видѣнныя вещи. Исторія микроскопіи легко представила бы намъ бездну открытій, какія дѣлались въ младенческую эпоху микроскопіи, о которыхъ теперь смѣшно вспомнить. Видѣли же люди, не слѣпые же смотрѣли въ микроскопъ. И въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно было бы прослѣдить, какъ мало по малу пріучались люди видѣть въ вещахъ что тамъ есть, а не то, что они хотѣли видѣть. И всякій, имѣвшій дѣло съ микроскопомъ, по опыту знаетъ, какъ не легко справляться тутъ съ фактами, и какъ мало вразумительнаго и поучительнаго въ нихъ, когда они только факты, и нѣтъ въ наблюдателѣ умѣнья и навыка и общихъ понятій о микроскопическихъ формахъ тканей. Понятно, почему точное наблюденіе микроскопомъ есть своего рода *искусство*, и почему изъ многихъ наблюдателей такъ мало истинныхъ наблюдателей, и отчего такъ трудно работать микроскопомъ, когда нужно получить что-нибудь вѣрное и точное. Этотъ примѣръ весьма идетъ къ психологіи. Чтобъ вѣрно наблюдать и толковать психологическій фактъ нужно имѣть еще кой что въ себѣ, кромѣ готоваго факта, и одна лишь искомое для наблюдателя не заключается въ вѣрныхъ и не искаженныхъ общихъ понятіяхъ о душѣ и природѣ ея состояній; иначе и фактъ будутъ толковаться также, какое сдѣлалъ д-ръ Вундтъ съ чувствомъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не приложить къ психологіи слѣдъ извѣстнаго физіолога Фольмана объ изслѣдованіяхъ дѣятельности сердца: «Микроскопическія наблюденія въ этой области никогда не поведутъ къ большимъ открытіемъ, потому что даже самое точное наблюденіе допускаетъ разныя толкованія. Изъ такихъ наблюденій всякій дѣлаетъ что *хочетъ*; что онъ *долженъ* дѣлать съ ними — это уже зависитъ отъ пріобрѣтенной физіологической опытности». Точно также и о психологическихъ наблюденіяхъ можно сказать, что съ ними всякій дѣлаетъ что хочетъ, а что *нужно* дѣлать—это зависитъ отъ его знаній и вѣрности взгляда на природу души. Это не худо было бы запомнить многимъ опытнымъ психологамъ.

Digitized by Google

он. Въ другой стороны множество психологическихъ школъ дѣлаетъ неизбѣжною установку общихъ понятій о душѣ, и часто заставляетъ затрогивать вопросы именно въ метафизическомъ духѣ. Конечно было бы чрезвычайно странно, еслибы кто нибудь изъ физіологовъ теперь сталъ бы много разпространяться противъ понятія жизненной силы. Однако годовъ двадцать тому назадъ каждый учебникъ физіологіи говорилъ что нибудь за, или противъ этаго понятія. Доколѣ были виталистовъ (она и до сихъ поръ еще сохранилась между французскими врачами), былъ интересъ и разсчетъ обращаться въ томъ или другомъ смыслѣ къ понятію жизненной силы. И если теперь подобныя разсужденія показались бы намъ только схоластикой, словоупражненіемъ, напрасно стали бы мы считать схоластическими пренія сорокъ 40-хъ годовъ. Нѣчто подобное есть и теперь въ психологіи. Именно потому, что въ ней каждый дѣлаетъ съ наблюденіями что хочетъ, психологъ долженъ поднимать весьма часто принципную борьбу, чтобъ найти путь къ дѣленію изъ наблюденій того, *что* должно. Тогда какъ одни изъ души дѣлаютъ какой-то складъ внѣшнихъ впечатлѣній, сортируемыхъ неизвѣстно кѣмъ, по закону подобія и не сходства, другіе приписываютъ ей творческую силу при которой она сама собою выводитъ весь міръ мыслей и ощущенія, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Очевидно различіе между взглядами не маловажное, и рѣшить его однимъ обращеніемъ къ опыту не можетъ: потому что одни признаютъ опытъ, какъ нѣчто внѣ насъ находящееся, другіе самый опытъ считаютъ произведеніемъ психической дѣятельности. По этому полемика между обоими направленіями неизбѣжно приводитъ обѣихъ къ вопросу о природѣ души, о существѣ вообще, о взаимодѣйствіи и возможности его,—однимъ словомъ приводитъ къ той области вопросовъ, которую обыкновенно презрительно называютъ эмпиристы метафизикой. Обыкновенно, она считается порожденіемъ праздной фантазіи, но если кто когда нибудь имѣлъ споры о принципахъ и восходилъ къ самымъ общимъ вопросамъ, тотъ знаетъ, что онъ иногда невѣдомо для себя становится метафизикомъ.

О д-рѣ Вундтѣ нужно сказать, что онъ на словахъ не хочетъ быть метафизикомъ, на дѣлѣ жь угощаетъ своихъ читателей метафизикой, и къ сожалѣнію, не со всѣмъ хорошаго сорта. Онъ убѣжденъ, что психическія и физическія явленія въ сущности тожественны, что они суть только разныя формы одного и того же процесса; что логическая и механическая необходимость различны не по суще-

Digitized by Google

стиц системы, — а только по методамъ, по способамъ ихъ изслѣдованія (1 B. 199—190 S s.). Впрочемъ д-ръ Вундтъ самъ сознается что подобная мысль есть не болѣе какъ метафизическое предположеніе; но для того, чтобъ дать цѣну своему представленію онъ выдаетъ его за нѣчто совершенно доказанное опытомъ.

По этой своей метафизической мысли д-ръ Вундтъ очень сближается съ направленіемъ матеріализма, потому что и матеріалисты утверждаютъ тождество физическаго и психическаго процессовъ. Нельзя конечно не видѣть и различія между метафизикой Вундта и матеріалистовъ: у послѣднихъ считается уже доказанной истиной, что въ основѣ обоихъ процессовъ находится матерія, что самая мысль есть продуктъ матеріальнаго мозга, какъ желчь есть продуктъ печени, а моча — почекъ, тогда какъ у Вундта еще неизвѣстно, что такое лежитъ въ основѣ тѣхъ и другихъ явленій. Методическое различіе между д-ромъ Вундтомъ и матеріалистами заключается въ томъ, что первый по крайней мѣрѣ, для методическихъ цѣлей, допускаетъ дуализмъ явленій психическихъ и физическихъ; въ концѣ концовъ, конечно и Вундтъ приходитъ къ одному результату съ матеріалистами. Но мы должны уже цѣнить и методическое его разногласіе съ ними, потому что истый матеріалистъ начинаетъ, кончаетъ, и ведетъ свои изслѣдованія, всегда напоминая, что мысль и матерія, душевныя и физическія явленія — одно и тоже. Мысль о различіи ихъ только по формѣ, а не по содержанію, нельзя конечно назвать оригинальной мыслью д-ра Вундта. Въ прошлыя времена она являлась въ разныхъ формахъ, а въ новѣйшее время она представляется и защищается отцомъ науки психофизики Фехнеромъ. Еще въ давнемъ, задолго до появленія имени д-ра Вундта въ ученомъ мірѣ, изданномъ имъ сочиненіи «Зендавеста» онъ проводитъ именно ту же мысль, какую сообщаетъ намъ и д-ръ Вундтъ: что въ основѣ духовнаго и матеріальнаго міровъ находится одно и тоже содержаніе, что они различаются только по формѣ *явленія*, смотря потому съ какой стороны мы смотримъ на нихъ. Явленія кажутся намъ духовными или душевными, если наше вниманіе устремлено къ намъ самимъ, внутрь насъ, — тутъ наблюдаемъ мы внутренній міръ; они кажутся намъ физическими, когда происходитъ внѣ насъ, — когда мы наблюдаемъ внѣшній міръ. Въ приложеніи къ психологіи, мы наблюдаемъ міръ физіологическихъ явленій, когда разсматриваемъ себя съ внѣшней стороны, какъ объектъ, предметъ, тѣло, и мы же являемся себя, какъ душа ду-

Digitized by Google

ковое существо, когда наблюдаемъ себя какъ лицо, субъектъ, какъ міръ внутреннихъ явленій. Въ такой формѣ выраженная мысль имѣетъ еще нѣкоторую вѣроятность, хотя и не трудно представить противъ нея уважительныя возраженія. Д-ръ Вундтъ вѣроятно въ первые познакомившись съ ней въ «Элементахъ Психофизики» Фехнера, гдѣ онъ выражаетъ ее поверхностью и почти мимоходомъ, усвоилъ себѣ только слабыя ея стороны и на одной сильной. Въ самомъ дѣлѣ разница между формами мысли у Фехнера и Вундта весьма значительна. Фехнеръ считаетъ дуализмъ міровъ — только формами *явленія*. Не мы ли его, чтобъ являлось что нибудь, необходимъ наблюдатель, которому оно являлось бы; такимъ образомъ онъ выводитъ дуализмъ явленій изъ разныхъ точекъ зрѣнія наблюдателя. Если мы вспомнимъ еще, что возрѣніе Фехнера приближается къ пантеистическому, когда онъ говоритъ о природѣ, какъ абсолютномъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это говорятъ и пантеисты, то различіе между д-ръ Вундтомъ и Фехнеромъ еще болѣе уяснится намъ. Въ противоположность Фехнеру, который выводитъ дуализмъ изъ субъективнаго источника, изъ способовъ возрѣнія на міръ наблюдателя, Вундтъ утверждаетъ объективное значеніе дуализма явленія, и прямой параллелизмъ, доходящій даже до тождества, въ формахъ душевнаго и физическаго процессовъ.

— Конечно въ такомъ видѣ мысль Вундта не выдерживаетъ критики. Во первыхъ между психическими и физическими явленіями различіе вовсе не въ формѣ, а въ содержаніи ощущеніе цвѣта вовсе не похоже на билліоны сотрясеній, о которыхъ говоритъ физика, какъ причинѣ свѣта, и разсматривая одно ощущеніе напр. одного цвѣта мы не видимъ въ немъ никакого даже намека на то, что его производитъ извѣстное количество сотрясеній свѣтового эѳира; на оборотъ, разсматривая одни только сотрясенія эѳира, мы не видимъ въ нихъ ничего подобнаго тому ощущенію, какое они производятъ въ зрителѣ. О тонахъ мы должны сказать тоже самое. Каждый тонъ есть такое качественное ощущеніе, въ которомъ совершенно нѣтъ напоминанія о количествѣ сотрясеній воздуха, возбуждающихъ ощущеніе тона. Удовольствіе и неудовольствіе, представленіе и понятіе очевидно чисто психическія состоянія, которымъ мы не видимъ ничего подобнаго въ внѣшней природѣ, и которыхъ вывести изъ извѣстныхъ законовъ, причинъ и свойствъ внѣшняго мира мы не можемъ. Этотъ то чисто интенсивный, качественный характеръ душевныхъ состояній въ противоположность количественнымъ причинамъ, производящимъ ихъ, и служитъ

Digitized by Google

основаніямъ, почему говорятъ, что психическія явленія несоизмѣримы съ физическими. Въ самомъ дѣлѣ, ощущеніе краснаго цвѣта не есть само красно, ощущеніе тона не есть звучащій тонъ, — кислаго и сладкаго — не кисло или сладко само по себѣ, представленіе зеленаго не зелено само и т. д. Разница тутъ именно въ содержаніи, а не въ формѣ, потому что именно чисто спеціальное, такъ знакомое намъ качество въ ощущеніи краснаго цвѣта отличаетъ его отъ билліоновъ сотрясеній эѳира. И если разница между сотрясеніями свѣта, возбуждающими въ зрителѣ ощущеніе краснаго и между сотрясеніями, возбуждающими въ немъ ощущеніе фіолетоваго цвѣта, состоитъ въ нѣсколькихъ билліонахъ, то едва-ли кто станетъ утверждать, что между самыми ощущеніями краснаго и фіолетоваго цвѣта разница состоитъ только въ количествѣ, а не въ качествѣ. Во вторыхъ, въ мнѣніи Вундта вовсе нѣтъ разрѣшенія той проблеммы, какая современъ Аристотеля занимала и занимаетъ умы философовъ. Онъ только переносить ее съ одного пункта на другой, оставляя не тронутой самую суть ея. Если по содержанію оба рода явленій тожественны, то откуда же взялся дуализмъ ихъ формъ? Самое содержаніе какъ тожественное въ обоихъ случаяхъ, не могло конечно само себя раздвоить по формѣ; иначе уже въ содержаніи мы должны допустить первоначальный дуализмъ, который вызвалъ и дуализмъ его формъ? Не предположить же намъ и въ этомъ случаѣ самозарожденіе раздвоившихся формъ, — своего рода generationem aequivocam. И почему предполагаетъ держаться этотъ дуализмъ формъ явленій, когда содержаніе остается всегда однимъ и тѣмъ же? Гдѣ причины, поддерживающія такія странныя явленія во всеобщей жизни?

Но д-ръ Вундтъ оказывается даже любителемъ метафизики извѣстнаго сорта впрочемъ, и дѣлаетъ сюрпризы читателямъ, совершенно для него неожиданные. Изъ перваго тома его сочиненія мы узнаемъ, что пространство есть опытъ, а опытъ — даже внутренній, есть пространство, что пространство и время тожественны, (278—283 Ss.), а время есть мышленіе (26—27). Признаться, мы рѣдко встрѣчали такое смѣшеніе понятій, какъ на указанныхъ страницахъ. Д-ръ Вундтъ или не имѣетъ вовсе понятія о томъ, что значитъ тожественность, или имѣетъ о немъ очень оригинальное, не принятое еще не только въ философскомъ, а даже въ обыкновенномъ языкѣ. Онъ не только не заботился указать въ предметахъ, признаваемыхъ имъ за тожественное, дѣйствительное тожество, а даже нетрудился указы-

Digitized by Google

вать хотя какую нибудь аналогію. Какія могутъ быть общія черты между опытомъ и пространствомъ? Если требовать точности въ языкѣ (и отъ философскаго сочиненія, кажется, прежде всего нужно требовать ея) то мы вправѣ подъ опытомъ признать собственно лишь душевной, особенно мыслящей дѣятельности, направленной изъ внутри къ внѣшнему міру. Но тогда сравнивать пространство съ опытомъ значитъ тоже, что чувство гнѣва — съ кастрюлей пространства. И если д-ръ Вундтъ опять настойчиво повторяетъ, что опытъ есть пространство, даже внутренній — есть пространство, то вы видите, что при сравненіи этихъ двухъ вещей, у васъ не только получается не покрываемый остатокъ, какъ еслибъ вы вздумали накладывать прямой на косой трехъугольникъ, но что сравниваемыя вещи совсѣмъ не клеются одна съ другой, какъ картина съ желѣзнымъ трехъугольникомъ. А д-ръ Вундтъ употребляетъ еще при этомъ тожественную форму сужденій. Далѣе, если вамъ говорится, что время и пространство — тожъ естественны, то вы опять въ недоумѣніи, какимъ образомъ возможны на свѣтѣ странныя вещи. Если Гегель говоритъ, что время есть само себя отрицающее пространство, то вы еще понимаете, что въ нѣкоторой мѣрѣ тутъ можно еще согласиться въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что или время безпространственно, или въ средѣ духа измѣренія по времени смѣняютъ измѣренія по пространству. Но д-ръ Вундтъ не Гегельянецъ, — мало того, онъ считаетъ Гегелевскую философію однимъ изъ великихъ золъ, переживаемыхъ и переживаемыхъ человѣческою мыслью. По этому онъ просто убѣжденъ что эксцентричныя круги, въ которыхъ движется пространство въ опытомъ и время съ мыслью — тожественны, концентричны, и слѣдовательно пространство и время одно и тоже.

Недоумѣніе читателя возрастаетъ, когда онъ видитъ, какія простыя вещи разсказываетъ д-ръ Вундтъ, чтобъ изъ нихъ извлечь странныя заключенія. Изъ нихъ и отдаленнымъ даже образомъ не слѣдуетъ того, что выводитъ авторъ. Потому неожиданность заключеній дѣйствуетъ на читателя какъ будто наркотически, она просто ошеломляетъ. Но если отбросить эти наркотическія фразы, то содержаніе того, что хочетъ сказать д-ръ Вундтъ и на что онъ опирается — совершенно просто и чрезвычайно невинно. Какъ эмпиристъ онъ считаетъ пространство — вовсе не формой a *priori*, а понятіемъ, получаемымъ нами изъ опыта т. е. посредствомъ зрѣнія изъ внѣшняго міра. Что вещи кажутся намъ протяженными, это зависитъ отъ того, что на-

Digitized by Google

ровно приспособленный къ познанію пространственныхъ отношеній глазъ нашъ замѣчаетъ протяженныя вещи. Такимъ образомъ въ сущности, Вундтъ говоритъ очень извѣстныя вещи — что пространственныя представленія образуются въ насъ посредствомъ опыта, что безъ наблюденія въ насъ не было бы этихъ представленій. Почему онъ изъ такой простой мысли вывелъ заключеніе о тожествѣ пространства и опыта — это умъ неизвѣстно. На этомъ пунктѣ мы впрочемъ остановимся, чтобъ указать, въ чемъ по нашему мнѣнію состоитъ неудовлетворительность мнѣнія д-ра Вундта о произхожденіи въ насъ пространственныхъ представленій.

Вопросъ о пространствѣ издавна занималъ философскіе умы. Ни на одинъ философскій вопросъ не существуетъ столько разнообразныхъ отвѣтовъ, какъ на этотъ вопросъ. Исторія философіи представляетъ намъ множество мнѣній о немъ, начиная съ того мнѣнія, что пространство есть одно изъ свойствъ Божіихъ и кончая полнымъ отрицаніемъ его реальности. Въ ученіи объ этомъ пунктѣ философская мысль должна была пройти между своего рода Сциллой и Харибдой. Если допустить реальность пространства, то въ какой формѣ можетъ быть представлено его существованіе? — въ формѣ ли существа, на философскомъ языкѣ, субстанціи, какъ напр. какой нибудь матеріи и т. п? Но тогда нельзя помѣстить его съ матеріей вмѣстѣ, потому что два тѣла занимать одинъ и тотъ же пунктъ не могутъ. Въ формѣ ли свойства матеріи напр? Но тогда, при болѣе глубокомъ анализѣ оказывается, что во первыхъ трудно указать отношеніе протяженности къ другимъ качествамъ матеріи, да и въ самой протяженности мы не находимъ никакого признака, который выражалъ бы дѣятельность, или пассивность матеріи, — чего не можетъ быть съ съ какимъ нибудь свойствомъ вообще. Отрицать же пространство трудно уже потому, что съ такою настойчивостію навязывается намъ непосредственное убѣжденіе въ протяженности міра. Колеблясь между этими крайностями, желая по возможности сохранить себя отъ нихъ, философская мысли наплодила много весьма разнообразныхъ мнѣній. Для психолога конечно, важно знать теоретическую постановку вопроса — о пространствѣ, хотя на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ. онъ можетъ поставить себя въ сторонѣ отъ всѣхъ теоретическихъ прѣній. Будь миръ протяженъ, или не протяженъ, психологическій вопросъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаково ставится. Если міръ дѣйствительно существуетъ въ пространствѣ и протяженъ, то какъ образуется представленіе

Digitized by Google

его пространственныхъ отношеній? Не можетъ конечно быть, чтобъ протяженныя формы внѣшнихъ вещей перенеслись прямо въ душу?— въ душѣ, какъ мы привели выше слова Лейбница, нѣтъ оконъ, чрезъ которыя могло бы въ нее что нибудь входить. Съ другой стороны одно только существованіе пространственныхъ формъ въ мірѣ нельзя считать достаточнымъ основаніемъ для того чтобъ душа ихъ замѣчала и наблюдала. Они должны еще какимъ бы то ни было образомъ подѣйствовать на нее, произвесть какое бы то ни было впечатлѣніе.— Но какъ бы они ни дѣйствовали на душу они способны возбуждать въ ней только интенсивныя, чисто качественныя состоянія. Какъ мы уже сказали, нельзя думать, чтобъ представленіе версты пространства въ душѣ было бы само верстой, — или шара—шаромъ и цилиндра — цилиндромъ. Для психолога и представляется вопросъ, какимъ образомъ въ такомъ простомъ существѣ, какова душа, воспроизводятся представленія пространственныхъ отношеній. Порядокъ, законосообразная правильность въ нашихъ пространственныхъ представленіяхъ ясно указываютъ, что развитіе ихъ подчинено извѣстнымъ условіямъ. Гдѣ же тѣ физіологическія, или психологическія средства, посредствомъ которыхъ душа способна дать своимъ пространственнымъ представленіямъ правильность и вѣрность съ дѣйствительнымъ міромъ? Или если психологъ по теоретическимъ соображеніямъ, склоненъ къ убѣжденію, что пространство ни само по себѣ какъ нѣчто цѣлое, никакъ свойство матеріи, или матеріальныхъ атомовъ, существовать не можетъ, то во всякомъ случаѣ и для него ставится психологическій вопросъ о происхожденіи пространственныхъ представленій въ той же формѣ, въ какой и для перваго психолога. И ему нужно объяснить, какимъ образомъ возникнетъ въ насъ правильныя пространственныя представленія? Вслѣдствіе какихъ физіологическихъ и психологическихъ условій система внѣшнихъ безпространственныхъ качественныхъ отношеній на психологическомъ языкѣ превращается въ мірѣ пространственныхъ представленій? Такимъ образомъ какихъ бы мы ни были теоретическихъ взглядовъ на пространство, въ психологіи намъ приходится во всякомъ случаѣ отправляться отъ одного общаго пункта.

Д-ръ Вундтъ теоретически, конечно, убѣжденъ, что пространство существуетъ такъ, какъ мы его видимъ или представляемъ себѣ. Но для психологіи—это обстоятельство совершенно не важно и касаться этой стороны убѣжденій Вундта мы вовсе не намѣрены. Но относительно психологической его теоріи пространства мы позволимъ

Digitized by Google

сдѣлать себѣ нѣкоторыя замѣчанія. Собственно говоря, теорія эта не принадлежитъ д-ръ Вундту лично. Она усвоена современной физіологіей со времени знаменитаго физіолога Іоганна Миллера. Она указала то важное участіе глазныхъ мышцъ, какое принимаютъ они въ образованіи въ насъ правильности пространственныхъ представленій. Прежняя физіологическая теорія принимала отраженіе образа предметовъ на ретинѣ, или свѣтовой оболочкѣ за достаточное основаніе того, что мы должны видѣть при этомъ самый протяженный предметъ. Но тотъ фактъ, что мы видимъ ясно только однимъ мѣстомъ ретины—когда впечатлѣніе попадаетъ на такъ называемое желтое пятно, и что ясность свѣтового впечатлѣнія необходимо требуетъ, чтобъ всѣ части предмета отразились именно на этомъ желтомъ пятнѣ, указывалъ, что едва ли зрительный процессъ и образованіе пространственныхъ представленій совершается такъ просто, какъ предполагала эта теорія. Къ физіологическимъ затрудненіямъ присоединялись еще и логическія: именно невозможно представить себѣ, чтобъ этотъ пространственный образъ на ретинѣ былъ уже достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ душа замѣчала и наблюдала его пространственнымъ. Онъ долженъ какимъ бы то ни было образомъ дѣйствовать на нервъ, но это дѣйствіе, предполагая самостоятельность жизни нерва, очевидно не можетъ состоять просто въ механическомъ прохожденіи образа чрезъ нервъ къ мозгу. Если же дѣйствіе должно состоять въ возбужденіи какихъ нибудь особенныхъ состояній въ частицахъ нерва, то нѣтъ сомнѣнія, что пространственная форма образа должна потеряться при этомъ и въ результатѣ получатся только тѣ или другія состоянія нерва и мозга. Съ другой стороны было не ясно, почему дѣйствіе свѣта по ретину не сопровождается такимъ же неопредѣленнымъ ощущеніемъ той или другой степени свѣта, какъ дѣйствіе холода на кожу не сопровождается представленіемъ пространственности холодящей причины. Тогда какъ при дѣйствіи свѣта на глазъ, впечатлѣнія располагаются въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ, дѣйствія холода на кожу сливаются въ одно общее неопредѣленное чувство. Очевидно есть нѣкоторыя условія въ устройствѣ глазъ, которыя помогаютъ ему дѣлать ту работу, какая невозможна для уха, вкуса и т. п. Іоганнъ Миллеръ первый обратилъ вниманіе на участіе въ процессѣ зрѣнія глазныхъ мышцъ. Каждое движеніе глаза производится извѣстной комбинаціей глазныхъ мускуловъ и такъ какъ каждая такая комбинація сопровождается извѣстнымъ чувствомъ напряженія мускульнаго чувства, то вме-

Digitized by Google

видно къ специфическому ощущенію цвѣта, при каждомъ поворотѣ и движеніи глаза, присоединяется сверхъ того еще особый видъ мускульнаго чувства. Послѣднее можетъ быть по своимъ формамъ такъ же разнообразно, какъ различны глазныя движенія. Такимъ образомъ каждому внѣшнему видимому пункту соотвѣтствуетъ извѣстное напряженіе мускуловъ глазъ, и безъ сомнѣнія въ немъ-то нужно искать глазнымъ образомъ тѣхъ физіологическихъ средствъ, какія помогаютъ намъ чисто качественныя впечатлѣнія свѣта и цвѣтовъ располагать въ пространственномъ порядкѣ: ими гарантирована законность и правильность этого порядка. Физіологическій фактъ имѣетъ за собою и всѣ теоретическія соображенія. Теоретическая часть теоріи весьма остроумно и глубоко разработана проф. Лотце и ея содержаніе мы передадимъ очень коротко. Если вѣрно, что внѣшнія количественныя вліянія на душу въ ея сферѣ переходятъ въ чисто качественныя состоянія, то вѣрно и то, что пособій для возстановленія въ мірѣ представленія вмѣщаемыхъ пространственныхъ отношеній мы должны искать въ какихъ нибудь чисто качественныхъ непространственныхъ признакахъ, которые вмѣстѣ съ специфическими ощущеніями свѣта и цвѣтовъ, такъ сказать, переходятъ въ душу. Если какая нибудь благоустроенная библіотека переносится съ одного мѣста на другое, нѣтъ нужды переносить ее цѣликомъ въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ она стояла въ старомъ помѣщеніи. При этомъ просто заботятся о томъ, чтобъ на книгахъ остались цѣлы ярлыки, чтобъ потомъ возстановить ее въ прежнемъ порядкѣ, а дорогой они могутъ находиться въ какомъ угодно безпорядкѣ. Такія чисто символическія знаки,—Лотце называлъ ихъ мѣстными знаками—должны имѣть и души при ощущеніи свѣта и цвѣтовъ, чтобъ посредствомъ ихъ она могла такъ сказать располагать чисто качественныя свои состоянія въ системѣ, соотвѣтствующей системѣ внѣшнихъ пространственныхъ отношеній. Такими знаками могутъ быть разныя чувства напряженія мускуловъ, соотвѣтственно каждой изъ комбинаціи. Ассоціируясь съ ощущеніями цвѣтовъ они дѣлаютъ ощущеніе каждаго внѣшняго пункта непохожимъ на ощущеніе сосѣдняго. Безъ нихъ всѣ ощущенія свѣта могли бы слиться въ одно цѣлостное ощущеніе, при нихъ каждое, соединяясь еще съ мускульнымъ чувствомъ, сообразно комбинаціи мускуловъ, такъ сказать, дифференцируется отъ другого.

Д-ръ Вундтъ раздѣляетъ вполнѣ физіологическую теорію Миллера. Какъ и большая часть физіологовъ, онъ считаетъ мускульное чувство

совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобъ мы представляли себѣ пространство и протяженной міръ. Предварительно сдѣлаемъ впрочемъ одно физіологическое замѣчаніе относительно участія мускульнаго чувства въ зрѣніи. Что онъ имѣетъ большое участіе при образованіи пространственныхъ представленій—въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся. Но есть ли это участіе единственное и исключительное—противъ этого можно по крайней мѣрѣ представить слѣдующія три физіологическихъ факта. Во первыхъ, въ темнотѣ мы весьма затрудняемся судить по направленію глазъ и слѣдовательно по одному напряженію глазныхъ мускуловъ, о пространственности мѣста, въ которомъ находимся. Даже въ хорошо знакомой комнатѣ движенія глазъ мало помогаютъ намъ возбуждать въ себѣ какія либо пространственныя представленія, и мы ни мало не соединяемъ съ этими движеніями какихъ либо пространственныхъ представленій. Такой фактъ былъ бы невозможенъ, еслибъ одни движенія глазъ всегда вызывали въ насъ представленіе мѣста, куда направлены они. Во вторыхъ, когда мы поемъ какую нибудь мелодію, или лучше дѣлаемъ цѣлую скалу тоновъ, то, хотя каждому тону соотвѣтствуетъ въ насъ чувство напряженія голосовыхъ мускуловъ, мы вовсе не располагаемъ тоновъ въ пространственномъ порядкѣ. Ощущенія тоновъ, ассоціируются съ чувствомъ голосовыхъ мышцъ, и этой ассоціаціей и прочностью ея можно объяснить почему представленіе тона вызываетъ физіологическимъ путемъ извѣстное сокращеніе голосовыхъ мускуловъ и затѣмъ самый тонъ. Ясно, что и тутъ мы имѣемъ почти тѣ же условія, какія при устройствѣ мускуловъ—однакожъ того результата у насъ нѣтъ. Наконецъ опыты надъ слѣпорожденными доказываютъ, что они видятъ плоскости сразу, что невозможно было бы, еслибъ отъ однихъ мускуловъ зависѣло ощущеніе пространственныхъ плоскостей. По меньшей мѣрѣ, нужно было бы ожидать, что, доколѣ не научатся они управлять движеніями глазъ, и не образуется въ нихъ прочныхъ ассоціацій между видами мускульнаго чувства и свѣтовыми ощущеніями, они будутъ неясно и въ безпорядкѣ вообще воспринимать свѣтовыя впечатлѣнія. Къ этому можно было бы присоединить еще тотъ фактъ, что при спокойномъ, неподвижномъ положеніи глаза, мы видимъ не одинъ только пространственный пунктъ, а цѣлую плоскость. Послѣдній фактъ, впрочемъ, можетъ отчасти объясняться или чрезвычайно малыми и незамѣтными движеніями глаза даже тогда, когда мы считаемъ его неподвижно покоящимся,—или же прочностью ассоціаціи между нашими представленіями

Digitized by Google

вообще, такъ что собственно говоря, видимъ мы спокойнымъ глазомъ одинъ какой либо пунктъ, и только въ слѣдствіе психическаго механизма объединяемъ и дополняемъ этотъ пунктъ представленіемъ уже знакомыхъ намъ окружностей его, и такимъ образомъ думаемъ, что мы на самомъ дѣлѣ видимъ плоскость. Намъ кажется поэтому, что не нужно ли еще поискать гдѣ нибудь дополнительныхъ, или лучше вспомогательныхъ мѣстныхъ знаковъ при процессѣ зрѣнія. Можетъ быть, слишкомъ мало цѣнится нами неравномѣрное распредѣленіе на ретинѣ зрительной воспріимчивости. Конечно впечатлѣніе на боковой части ретины въ сторону отъ жолтаго пятна должно отличаться отъ впечатлѣнія на самомъ жолтомъ пятнѣ не одной только меньшей интенсивностью свѣтового ощущенія. Все равно какъ различныя впечатлѣнія на поверхности кожи локализируются нами, по тѣмъ особеннымъ характеристичнымъ признакамъ, какими по разности органическаго устройства, каждый пунктъ тѣла отличается отъ другаго, точно также можно предполагать, что такія специфическія отличія возможны и для разныхъ впечатлѣній свѣта, воспринимаемымъ двумя различными пунктами ретины. Очень можетъ быть, что при главномъ пособіи глазныхъ мускуловъ и мѣстные знаки ретины могутъ имѣть вліяніе на образованіе правильныхъ пространственныхъ представленій. Эти замѣчанія касаются впрочемъ только физіологической стороны теоріи.

Какъ мы уже сказали, д-ръ Вундтъ считаетъ физіологическое устройство глаза совершенно достаточнымъ къ тому основаніемъ, чтобъ душа уже имѣла представленіе пространства и пространственнаго міра. Онъ категорически говоритъ, что образованіе въ насъ пространства зависитъ столько отъ зрѣнія, сколько же и отъ самыхъ пространственныхъ предметовъ. Подъ зрѣніемъ же онъ разумѣетъ неболѣе какъ физіологическій процессъ. Кантовское воззрѣніе на пространство онъ положительно отвергаетъ. Оно дѣйствительно старое возрѣніе, и для реформатора науки, можетъ быть, не годиться. Но если глубже вникнуть въ мотивы его, въ немъ пожалуй отыщутся болѣе глубокія основанія. Мы можемъ оставить въ сторонѣ метафизическую сторону его ученія о пространствѣ и обратиться только къ психологической. Въ послѣднемъ отношеніи онъ считаетъ пространство за одну изъ прирожденныхъ формъ, въ которой душа представляетъ себѣ предметы видимаго міра. Понятно, что очень странно теперь звучитъ въ ушахъ слово «прирожденныхъ»;—воспитанные въ новѣйшихъ понятіяхъ, иные скорѣй склонны думать за одно съ д-ромъ Вундтомъ, что ничего нѣтъ

Digitized by Google

прирожденную душѣ, слѣдовательно и формы пространства: только старая психологія можетъ дѣлать подобные промахи. И однако при нѣкоторомъ соображеніи можно все-таки найти смыслъ въ ученіи Канта. Въ самомъ дѣлѣ какимъ образомъ душа, неспособная къ пространственнымъ представленіямъ, могла бы возбуждать ихъ въ себѣ? Что міръ пространственъ, это одно еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобъ мы и представляли его себѣ пространственнымъ. И если бы душа, способная только къ качественнымъ состояніямъ, не способна была отвѣчать на внѣшнія впечатлѣнія пространственными представленіями,—какимъ образомъ могъ бы образовать въ насъ міръ такихъ представленій. Вѣдь ничего изъ внѣшняго пространства не привносится въ душу и не засѣдаетъ въ мозгѣ. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ душа рождалась съ готовой формой пространства, какъ бы съ нѣкоторымъ пустымъ сосудомъ, который долженъ потомъ быть наполненъ пространственными образами. Но что она является въ міръ съ способностью на извѣстныя будущія впечатлѣнія производить изъ недръ своихъ пространственныя представленія—это всего вѣроятнѣй. Мы можемъ представить себѣ душу, способную чувствовать горе и страданіе, и принимать неясныя и не опредѣленныя впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ. Можетъ быть душа черепахи, улитки и въ самомъ дѣлѣ не далеко будетъ разниться отъ этой предполагаемой души. Если такая душа не способна къ пространственнымъ представленіямъ, то весь окружающій протяженный міръ не въ состояніи возбудить въ нихъ эти представленія: можетъ быть для нихъ ничего не существуетъ, кромѣ чувства общихъ то хорошихъ, то худыхъ состояній. Практически конечно они нисколько не страдаютъ отъ незнанія пространственныхъ формъ міра, потому что двигаться они могутъ безъ этихъ знаній, да и вся ихъ жизнь не выходитъ изъ тѣснаго круга неопредѣленныхъ ощущеній, чувствъ и рефлективныхъ движеній.—Очевидно, должны быть въ самой душѣ еще извѣстныя условія, которыя дѣлали бы ее способною воспроизводить внѣшнія пространственныя формы.

Читатели, надѣемся, поймутъ теперь, почему мы такъ мало придаемъ ученаго значенія фразамъ д-ра Вундта—что пространство есть опытъ, и на оборотъ, опытъ есть пространство. Точно также мы не можемъ вполнѣ согласиться съ д-ромъ Вундтомъ, что и время есть мышленіе. Фраза эта, ни поминаетъ англійскую поговорку the times—the money, время—деньги. Но если что сходитъ съ рукъ на практикѣ,

Digitized by Google

то въ наукѣ не такъ легко уживаются подобныя поговорки. Конечно можно и такъ понимать выраженіе д-ра Вундта, что въ затѣйливой формѣ тожественныхъ сужденій онъ хочетъ обозначить вообще зависимость опредѣленія времени отъ мысли. И дѣйствительно д-ръ Вундтъ въ сущности разпространяетъ только старую Аристотелевскую мысль, что время есть число, а числа нѣтъ безъ считающей души. Мы ничего и не сказали бы противъ такихъ опредѣленій, если бы въ нихъ можно бъ было видѣть одну невинную причуду автора. Но какъ ниже мы увидимъ, на такихъ неудачныхъ опредѣленіяхъ д-ръ Вундтъ основываетъ чрезвычайно важные психологическіе выводы: опустить поэтому безъ вниманія мы уже не въ правѣ.

Главная ошибка д-ра Вундта въ указанномъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, состоитъ въ томъ, что въ заключеніи его силлогизмовъ оказывается болѣе, чѣмъ въ посылкахъ. Отъ зависимости одного явленія отъ другаго, отъ вліянія даже, иногда совсѣмъ неопредѣленнаго, одного событія на другое д-ръ Вундтъ почти всегда спѣшитъ сдѣлать заключеніе къ тожеству обоихъ явленій. «Мы имѣемъ вѣрную мѣру нашего мышленія во времени, которое кажется намъ протекающимъ. Что мы не мыслимъ — это замѣтно намъ только потому, что въ такомъ случаѣ у насъ какъ бы нѣтъ времени. Мышленіе и время идутъ всегда вмѣстѣ одно съ другимъ. Гдѣ начинается мышленіе, тамъ начинается и время, гдѣ первое прекращается, тамъ останавливается и послѣднее. *Мышленіе и время—одно и тоже.*» Читатель видитъ, какъ заключеніе къ тожеству мышленія и времени неожиданно возникло у д-ра Вундта. И однако сказалъ ли онъ что нибудь другое, чѣмъ что сказано за 2000 лѣтъ до него Аристотелемъ?

Точно также намъ приходится не соглашаться и съ выводами его изъ знаменитаго эксперимента для измѣренія скорости мысли. Теоретически разсуждая, можно вообще согласиться съ д-ромъ Вундтомъ, что должна быть извѣстная скорость въ смѣнѣ однихъ душевныхъ состояній другими. Даже при строгомъ дуалистическомъ воззрѣніи на человѣка невозможно отрицать, что душа какъ существо дѣйствующее въ мірѣ тоже подлежитъ условіямъ и законамъ дѣятельности, обязательнымъ для всякаго существа въ мірѣ. Какъ скоро мы допускаемъ возможность душевныхъ перемѣнъ, смѣну однихъ представленій другими мы должны допустить, что есть порядокъ въ переходѣ души изъ одного состоянія въ другое, есть скорость слѣдовательно, съ какого изчезаетъ въ ней одна дѣятельность и наступаетъ

Digitized by Google

другая. Каждый знаетъ изъ опыта, какъ иногда въ возбужденныхъ состояніяхъ одна мысль быстро слѣдуетъ за другою, одно состояніе чрезвычайно скоро смѣняется другимъ, а иногда для самыхъ субъектовъ даже становится замѣтной какая-то душевная неподвижность. Читавшіе много знаютъ, что не всегда одинаково скоро читается, и что иногда одинаково знакомыя вещи въ разныя времена читаются съ различными скоростями. Пишущіе много также знаютъ изъ опыта, что въ разныя времена различна раздражительность мысли, и въ счастливыя минуты живость смѣны представленій бываетъ въ трое больше, чѣмъ въ другія менѣе счастливыя времена. Относительно чувства и воли факты различныхъ скоростей тоже не подлежатъ сомнѣнію. Разсуждая теоретически только, можно даже расширить эту измѣряемость мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ разныхъ народахъ весьма не одинакова скорость психической жизни. Подъ тропиками скорѣй смѣняются душевныя состоянія, чѣмъ подъ полюсами. Французъ, Нѣмецъ и Англичанинъ каждый имѣетъ совершенно разную поворотливость мысли и чувствъ.

Слѣдовательно, въ теоретическомъ отношеніи, нѣтъ и не можетъ быть разногласія съ д-ромъ Вундтомъ. Но вопросъ въ томъ, какъ практически приступить къ какому нибудь, хотя и приблизительно точному, пріему для измѣренія скоростей въ смѣнахъ душевныхъ дѣятельностей. Д-ръ Вундтъ увѣряетъ, что онъ уже нашелъ этотъ талисманъ и измѣрилъ самую скорую мысль. Точкой отправленія къ этимъ измѣреніямъ онъ избираетъ извѣстные работы Гельмгольца по измѣренію скорости нервныхъ токовъ отъ разныхъ пунктовъ тѣла къ центрамъ. Работы эти весьма любопытны, и весьма важны для нервной физіологіи. Потому самому, что Гельмгольцъ нашелъ средство опредѣлить скорость, съ какою рефлексы слѣдуютъ за впечатлѣніями, д-ръ Вундтъ считаетъ совершенно возможнымъ опредѣлить скорость самой скорой мысли. Такъ какъ большая часть нашихъ читателей вѣроятно еще не имѣла счастія читать трудъ почтеннаго доктора, то мы коротко передадимъ сущность его эксперимента. Опытъ его весьма простъ и не требуетъ большихъ приготовленій. Онъ взялъ большой маятникъ, къ концу котораго придѣлано остріе, какъ показатель, двигающійся съ слуцаѣ качанія маятника по полукругу, раздѣленному на градусы. Въ срединѣ маятника находится точка привѣса его, и въ этомъ же мѣстѣ накрестъ придѣлана продолговатая линейка. Немного ниже одного конца этой линейки утверж-

Digitized by Google

дается маленькой рычажокъ, свободно вращающійся около точки своего привѣса. Когда остріе маятника при его качаніи достигаетъ извѣстной высоты на полукругѣ, положимъ 70°, конецъ линейки бьетъ въ мѣдный рычажокъ, который поворачивается отъ удара кругомъ своей точки опоры и при этомъ издаетъ довольно внятный тонъ. Хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что одновременно съ тѣмъ, какъ мы видимъ остріе на 70°, дѣлается ударъ и въ рычажокъ, мы не слышимъ однакожъ въ тотъ же самый моментъ звука, а замѣчаемъ его, когда остріе указываетъ уже на другой градусъ. Случается иногда, что мы раньше слышимъ звукъ, чѣмъ видимъ остріе на указанномъ градусѣ,— особенно если мы напряженно прислушиваемся при этомъ, но никогда не слышимъ и не видимъ совершенно одновременно. Точно также иногда случается съ хирургами, что они замѣчаютъ кровь, прежде нежели впустили ланцетъ въ кожу, хотя безъ сомнѣнія появленіе крови слѣдуетъ за порѣзомъ; и такъ такъ возможно вычислить скорость качанія маятника, и слѣдовательно найти ту скорость времени, съ какою въ этомъ случаѣ слышаніе слѣдуетъ за видѣніемъ, то найдено изъ многихъ опытовъ, *что* $^1/_8$ *секунды можетъ быть разсматриваема, какъ средняя скорость самой скорой мысли.* Таковъ результатъ, выводимый изъ описаннаго эксперимента д-ра Вундтомъ.

Но очевидно почтенный докторъ увлекается въ выводахъ, и дѣлаетъ не точное толкованіе фактовъ. Его экспериментъ въ сущности даетъ права заключать только къ скорости смѣна между впечатлѣніями зрѣнія и слуха. Притомъ, въ этомъ опытѣ есть еще не обдуманныя вещи, которыя заставляютъ сомнѣваться въ точности выводовъ. Напр. изъ разсказа д-ра Вундта вовсе не видно, вычислена ли и исключена ли разность между скоростями свѣта и звука хотя бы и на такомъ небольшомъ разстояніи между наблюдаемою вещью и самимъ наблюдателемъ. Она весьма незначительна въ этомъ случаѣ, но можетъ вообще имѣть вліяніе на то, что наблюдающій субъектъ неодновременно воспринимаетъ впечатлѣнія свѣта и тона. При такихъ скоростяхъ, каковы $^1/_8$ секунды, вліяніе разностей въ скоростяхъ звука и свѣта на ощущеніе можетъ быть довольно значительно. Если на двадцати саженяхъ мы можемъ видѣть скорѣй огонь при выстрѣлѣ, чѣмъ слышать самый звукъ, то едва ли кто подумаетъ, что въ этомъ случаѣ временная разность между впечатлѣніями свѣта и звука зависитъ отъ нашей неспособности одновременно воспринимать ихъ, а не въ раз-

Digitized by Google

ности физическихъ скоростей ихъ распространенія. Оттого въ подобныхъ случаяхъ не видно, что нужно положить на физическія условія и что на физіологическія, или психическія. Однако, если и принять за фактъ, что мы не можемъ одновременно замѣтить ощущенія свѣта и звука, то не видно, на какомъ основаніи д-ръ Вундтъ считаетъ *скорости ихъ смѣны за скорость самой быстрой мысли*, на какомъ основаніи онъ обобщаетъ этотъ фактъ и выводъ распространяетъ на всѣ душевныя дѣятельности. Прежде всего надобно замѣтить, что намъ извѣстны примѣры болѣе быстраго преемства между впечатлѣніями слуха и зрѣнія, чѣмъ на $^1/_8$ секунды. На фортепіано въ 7-мь октавъ 86 тоновъ съ полутонами; хорошо владѣющій механизмомъ игры артистъ можетъ взять всѣ тоны въ 6 секундъ и брать при этомъ каждую ноту отдѣльно. Слушая тонъ, въ тоже время вы можете слѣдить за движеніемъ пальцевъ и замѣчать удары. Тогда въ 6 секундъ вы получаете до 86 слуховыхъ и столько же свѣтовыхъ впечатлѣній. Если соглашаться съ д-ромъ Вундтомъ въ невозможности одновременнаго слушанія и видѣнія, то мы должны будемъ 172 впечатлѣній разпредѣлить такъ, что за каждымъ свѣтовымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ слуховое. Но тогда мы имѣемъ 28 впечатлѣній въ секунду, и слѣдовательно скорость каждаго впечатлѣнія, или по выраженію автора скорость мысли, равняется $^1/_{28}$ части секунды. Очевидно самая скорая мысль д-ра Вундта въ трое медленнѣе мѣняется сравнительно съ указанною быстротою. Указанный нами опытъ можетъ каждый сдѣлать, кто только имѣетъ фортепіано. Далѣе, опытъ д-ра Вундта касается *только* смѣны впечатлѣній зрѣнія и слуха, но онъ недаетъ намъ никакихъ выводовъ относительно другихъ чувствъ. Съ какою быстротой мѣняются впечатлѣнія зрѣнія съ впечатлѣніями осязанія, вкуса, обонянія,—слуха съ впечатлѣніями прочихъ внѣшнихъ чувствъ, осязанія съ вкусомъ и обоняніемъ, и послѣднихъ двухъ между собою—объ этомъ д-ръ Вундтъ умалчиваетъ, какъ будто это нисколько его некасается. Онъ ничего неговоритъ и о скорости смѣны между ощущеніями одного и того же чувства, хотя въ этомъ пунктѣ онъ опять нашелъ бы новыя данныя, несогласныя съ своимъ экспериментомъ. Сколько мы можемъ различать тоновъ въ секунду—это число можно легко найти, и всякій знаетъ что не 8 только, какъ выходило бы по Вундту. Не говоримъ уже объ ощущеніяхъ зрѣнія, гдѣ смѣна гораздо быстрѣй, чѣмъ въ ощущеніяхъ слуха. А между тѣмъ только тогда бы, когда существовали точныя наблюденія надъ смѣной дѣятельностей этихъ чувствъ, можно было дѣлать заключе-

Digitized by Google

нія къ общимъ законамъ смѣны впечатлѣній. Но и тутъ все еще не было бы поводовъ къ заключенію о скорости мысли; ощущеніе не есть еще представленіе, понятіе и. т. д.—что обыкновенно мы называемъ мыслію. Ни кто конечно не скажетъ, что когда я ощущаю красный цвѣтъ, то у меня выходитъ тоже самое, когда я представляю только его себѣ; а тѣмъ болѣе когда я мыслю его понятіе. Очевидно приступая къ измѣренію мысли, мы имѣемъ дѣло совсѣмъ съ другими условіями, чѣмъ при измѣреніи скорости ощущеній.

На этомъ пунктѣ мы нѣсколько остановимся, потому что вопросъ объ измѣреніи скорости мысли правильно поставленный, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ психологическихъ вопросовъ. Еслибъ возможно было рѣшеніе его, онъ далъ бы весьма много самыхъ интересныхъ результатовъ относительно дѣятельностей души и множества весьма любопытныхъ психологическихъ проблеммъ. Но вопросъ не такъ легокъ, какъ полагаетъ и третируетъ его д-ръ Вундтъ. Во первыхъ нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что еслибъ намъ удалось высчитать скорость смѣны представленій, то и въ этомъ случаѣ мы еще немогли бы заключать къ скорости мысли. Смѣна представленій не есть еще работа мысли. Когда мы воспоминаемъ свои старыя пережитыя событія, отъ произшествій переходимъ къ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ нихъ, отъ нихъ къ другимъ и т. д. подымаемъ со дна души весь запасъ накопившихся воспоминаній, то очевидно, въ этомъ случаѣ нѣтъ еще въ собственномъ смыслѣ работы мысли; при смѣнѣ представленій мы отдаемся на произволъ случайныхъ ассоціацій, переходимъ отъ одного представленія къ другому безъ всякихъ особыхъ намѣреній, увлекаемся такъ сказать душевнымъ токомъ. Другое дѣло, когда мы обдумываемъ извѣстный вопросъ. Случайныя ассоціаціи представленій отходятъ уже на задній планъ, весь механизмъ ихъ берется въ руки и уже съ извѣстною цѣлью отдѣляется сродное отъ несроднаго, случайное отъ необходимаго. Мысль сознательной дорогой идетъ къ результатамъ, то пользуясь механизмомъ представленій, какъ готовымъ средствомъ, то рефлектируя надъ нимъ, и создавая при этомъ новыя продукты. Всякій сознается, что измѣнить скорость послѣдней — дѣло почти невозможное, потому что если въ физическомъ мірѣ скорости при одинаковой силѣ пропорціональны массамъ, то едвали имѣетъ приложеніе этотъ законъ въ психологическомъ мірѣ. Масса объема въ понятіи напр. нисколько не имѣетъ вліянія на скорость и медленность движенія его въ душѣ: небольшой классъ мелкихъ животныхъ представ-

Digitized by Google

имѣть для мысли болѣе затрудненія и слѣдовательно понятіе о нихъ не такъ удобоподвижно, какъ самыя громадныя по объему понятія напр. млекопитающіе, позвоночное животное, существо. Гораздо вѣроятнѣй наша мысль, что скорости движенія понятій должны быть пропорціональныя содержанію. Но и тутъ при нѣкоторомъ вниманіи вы замѣтите, что на скорость движенія тутъ имѣетъ вліяніе совсѣмъ другія обстоятельства, чѣмъ содержаніе понятій. Изъ опыта извѣстно, какъ трудно припоминается иногда понятіе въ головѣ, которое несомнѣнно понятно, туго усвоено, и какъ иногда слишкомъ знакомое понятіе съ быстротой пролетаетъ точно оно самое знакомое, надъ коимъ не слѣдуетъ долго останавливаться. Если же брать во вниманіе чисто субъективное количество содержанія понятія — самое обширное по содержанію понятіе въ бѣдной мыслію и знаніями головѣ можетъ быть очень бѣдно — то и въ этомъ случаѣ нельзя придти къ рѣшительнымъ выводамъ. Иногда и бѣдныя содержаніемъ понятія слишкомъ долго удерживаются въ сознаніи, а богатыя — слишкомъ скоро мелькаютъ. Главная сила тутъ въ томъ, какой интересъ мы находимъ въ понятіяхъ, и въ этомъ случаѣ замѣчательно, что тѣмъ быстрѣе смѣна понятій, тѣмъ меньше мы останавливаемся на нихъ, чѣмъ меньше мы находимъ въ нихъ интереса.

Съ другой стороны, привыкши постоянно мыслить словами, нашему кажется, что мышленіе посредствомъ словъ есть единственная его форма. Еслибы на дѣлѣ было дѣйствительно такъ, легко было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить быстроту смѣны понятій. Напр. приблизительно можно опредѣлить при чтеніи, съ какой быстротой мы переходимъ отъ одного понятія или представленія къ другому. Читавшіе много знаютъ, что количество прочитываемаго въ часъ такое варіируетъ, какимъ напечатана эта статья, можетъ варіироваться отъ $^2/_3$ печатнаго листа до $2^1/_2$ листовъ, или отъ 6 до 20 листовъ. Конечно на быстроту чтенія имѣетъ вліяніе то первыхъ интересъ, какой мы видимся найти, или дѣйствительно находимъ въ чтеніи, вѣри подготовленности къ нему и т. п. Если возьмемъ среднимъ числомъ количество словъ на страницѣ въ 300, то общее количество словъ прочитываемыхъ въ часъ будетъ варіироваться отъ 3600 до 12000. Слѣдовательно въ секунду мы можемъ прочитывать отъ 10 до 33, или средняя скорость каждаго слова будетъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{33}$ секунды. Очевидно все это такія соображенія, которыя не даютъ никакого права извлечь изъ нихъ какіе либо серьезные выводы и здѣсь

Digitized by Google

ваны вмѣстѣ всѣ слова, слѣдственно существительныя и глаголы считаются вмѣстѣ съ нарѣчіями и предлогами. Или напр. можно вычислить, какое количество тоновъ можемъ мы представить себѣ въ секунду, дѣйствительно переходя въ представленіи отъ каждаго тона къ другому. Но еслибы и получили мы при этомъ какія либо выводы, то могли бы говорить только о скорости представленій, или если и мысли, то не болѣе, какъ въ формѣ слова, потому что, если мы большею частію мыслимъ словами, то не слѣдуетъ отсюда что мышленіе на языкѣ есть единственная форма его. Что мы постоянно думаемъ словами, этимъ мы обязаны прочной ассоціаціи между мыслію и словомъ, но что есть мышленіе безъ словъ, это знаетъ всякій, кто работывалъ много и дѣльно, и часто сознавалъ, что не всегда хватаетъ мысли то выраженіе, какое нужно бъ было для нея; что не всегда языкъ слѣдуетъ за поворотами и изгибами ея. Какъ же опредѣлить скорость движенія этой неуловимой, безтѣлесной и чрезвычайно подвижной силы?

Не забудемъ еще, что отсутствіе твердой единицы можетъ на всегда сдѣлать безъ успѣшнаго веденія попытки измѣрять скорость мысли. Если бы всѣ понятія были одинаковыя единицы, то еще можно бъ было мыслить среднюю скорость движенія мысли, или еслибъ возможно сравнивать въ количественномъ отношеніи одно понятіе съ другимъ, дѣло еще не было бъ потеряно. Зная, на сколько одно понятіе больше или меньше другаго, можно бъ было распредѣлить на каждое, соотвѣтственно его массѣ, величину силы и скорости движенія. Но вѣдь ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ, вступая въ область мысли. На всемъ пунктѣ психологъ ясно видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ совершенно особымъ рядомъ условій и дѣйствующихъ силъ, которыя не поддаются обыкновеннымъ методамъ и пріемамъ употребляемымъ въ естественныхъ наукахъ. Необыкновенная сложность психическихъ условій и чрезвычайная гибкость и податливость на разныя вліянія психическихъ дѣятельностей до невозможности затрудняютъ пріобрѣтеніе такой математической функціи, которая могла бы приблизительно выражать дѣйствительные факты душевной жизни. Можно сказать о психическихъ явленіяхъ, что каждое изъ нихъ есть своего рода нравственный хамелеонъ; оно никогда не остается въ одной формѣ, въ однихъ отношеніяхъ къ прочимъ душевнымъ явленіямъ. Одно и тоже понятіе въ разныя времена то яснѣетъ, то тускнѣетъ, то кажется богатымъ по содержанію, то бѣднымъ, то въ связи съ однами понятіями, то съ другими и т. д. Извѣстно, какъ въ разныхъ настроеніяхъ духа бываетъ

Digitized by Google

разныя по скоростямъ движенія мысли: тогда какъ въ меланхолическомъ настроеніи духа чуть почти движется мысль, или лучше она концентрируется на одномъ пункѣ, въ экстазѣ она бываетъ необыкновенно раздражительна, съ легкостью перебѣгаетъ съ одного пункта на другой, дѣлаетъ удивительныя комбинаціи. Физіологическія условія организма, времена года и дня, образъ жизни, общественныя событія, климатъ и мѣсто жительства, личныя предразположенія, общество, родъ умственныхъ занятій — все это оказываетъ могущественное вліяніе на скорость или медленность мысли, и гдѣ тотъ психологъ, который, честно понимая дѣло, сдѣлалъ бы или почелъ бы возможнымъ трудъ—опредѣлить скорость мысли? Какъ бы онъ уединилъ эту силу, чтобъ посмотрѣть, какъ она дѣйствуетъ, предоставленная единственно самой себѣ. Какъ онъ съумѣетъ выдѣлить вліянія случайныя отъ нормальныхъ, и при безконечной сложности послѣднихъ, опредѣлить, что падаетъ на долю самой дѣйствующей силы, которая дѣятельна сообразно законамъ своей природы, и что приходится приписать дѣйствію необходимыхъ вліяній. Есть, конечно свой maximum скорости мысли и есть minimum, меньшій предѣлъ котораго невозможенъ для здороваго человѣка, — но какъ и въ комъ искать данныхъ для такихъ наблюденій?

Свой экспериментъ относительно скорости мысли д-ръ Вундтъ положилъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ заключеній о душѣ. Изъ того, что мы не можемъ одновременно слушать и видѣть, онъ заключилъ, что не можетъ быть въ сознаніи болѣе одного душевнаго состоянія, или одного. Возможность многихъ душевныхъ состояній онъ допускаетъ только въ области безсознательной жизни. Два представленія, или понятія, понятіе и чувствованіе—не могутъ быть одновременно сознаваемы. Очевидно говоритъ д-ръ Вундтъ, невозможность многихъ одновременныхъ актовъ мышленія можетъ имѣть одинъ только смыслъ, когда они относятся къ одному и тому же мыслящему субъекту. Конечно онъ не можетъ вмѣстѣ слышать и видѣть, образовывать понятіе, и обращать вниманіе на представленіе; напротивъ всѣ эти акты у него должны слѣдовать одинъ за другимъ. И на какомъ основаніи? Только потому, что всякій актъ относится къ одному и тому же мыслящему субъекту, потому что онъ когда слышитъ тонъ, полагаетъ его въ опредѣленное отношеніе къ себѣ, а если видитъ свѣтъ, локализируетъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ внѣшняго пространства, если представляетъ себѣ, то мыслитъ представленіе, какъ нѣчто внѣ его, или въ немъ самомъ существующее, короче потому, что всякой такой актъ,

Digitized by Google

такъ какъ онъ есть сознательный актъ мышленія, направляется къ Я какъ средоточію, около которого вращается всё другое (IV. 313 S) Такимъ образомъ одновременность психическихъ актовъ по Вундту, невозможна потому, что души свойственно единство сознанія. Сознательная жизнь души слѣдовательно на всегда осуждена быть бѣдною, безсодержательною жизнью: если не болѣе одного душевнаго акта можетъ быть въ каждой моментъ въ сознаніи, то ничего нѣтъ одностороннѣй нашей сознательной душевной жизни. И еслибъ д-ръ Вундтъ былъ правъ, мышленіе положительно было бы невозможною вещью для души. Ибо, если систематическое мышленіе можно назвать вполнѣ сознательнымъ душевнымъ актомъ, то какимъ образомъ возможно что нибудь сравнивать, ставить въ зависимость одно отъ другаго, выводить, умозаключить и вводить связь и порядокъ между элементами мышленія? По воззрѣнію Вундта на сознательную жизнь, кажется, возможно только преемственное выпрыгиваніе маріонетокъ на поверхность сознанія, связь же ихъ между собой должна быть предоставлена игрѣ случая, связавшаго вмѣстѣ два душевныхъ акта. Если умъ сравниваетъ что нибудь, очевидно онъ сопоставляетъ въ сознаніи какихъ нибудь два или болѣе представленій и анализируетъ ихъ, отдѣляя разнородное и удерживая вмѣстѣ однородное. Если изъ представленій образуется понятіе, то очевидно дѣло происходитъ такимъ образомъ. что многія представленія, *сознанные вмѣстѣ*, даютъ уму возможность подмѣтить законъ въ соединеніи ихъ элементовъ и такимъ образомъ составить понятія о родѣ предметовъ, обозначаемыхъ самими представленіями. Въ противномъ случаѣ мышленіе походило бы на дѣятельность человѣка, который захотѣлъ бы въ одномъ стаканѣ воды соединить два стакана: онъ занялся бы тогда работой Данаидъ потому что у него вѣчно выливалось бы столько же воды, сколько онъ зачерпалъ бы новой. Если мы дѣлаемъ заключенія благодаря той особенности нашего ума, что онъ способенъ изъ одного понятія выводить другое, изъ одного сужденія новое, то при узкости сознанія по Вундту, такія операціи были бы рѣшительно невозможны. Въ то время, какъ въ сознаніи выплылъ бы terminus minor, изъ него уплылъ бы terminus major и думая о заключеніи, мы отсылали бы тѣмъ самымъ въ Лету всё съ трудомъ добытые большія, или меньшія посылки силлогизмовъ. Говорятъ, что мышленіе потому и отличается отъ обыкновенной ассоціаціи и игры представленій, что въ немъ на мѣсто случайнаго механическаго сцѣпленія ихъ вводится внутренняя связь и со-

Digitized by Google

отношеніе между элементами. Но такая операція необходимо предполагаетъ возможность для души одновременно сознавать по крайней мѣрѣ двѣ связываемыя вещи.

И такъ какъ фактъ мышленія не подлежитъ никакому сомнѣнію, то мы можемъ съ большимъ скептицизмомъ отнестись къ экспериментальной истинѣ д-ра Вундта объ единствѣ сознанія. Въ самомъ дѣлѣ сознаніе не такъ бѣдно, какъ малюетъ его почтенный докторъ. За хорошимъ обѣдомъ въ порядочномъ обществѣ одновременно мыслитъ умъ, наслаждается вкусъ и обоняніе, слышится разговоръ, зрѣніе и осязаніе одинаково заняты. Въ то же время дѣлаются движенія и чувствуется то или другое настроеніе духа. Неужели человѣкъ, который сознательно наслаждался всѣми впечатлѣніями, принималъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невѣдомо для себя, или въ противномъ случаѣ опустилъ тысячи впечатлѣній, имѣвшихъ несчастіе одновременно представиться его сознанію? Если бы человѣкъ не могъ слушать потому что онъ во время разговора пилъ съ сознательнымъ наслажденіемъ хорошее вино, или смотрѣлъ на вазу, или слушалъ музыку, или почувствовалъ движеніе радости, то едва ли не выходило бы на всѣхъ такихъ обѣдахъ столпотворенія Вавилонскаго! Особенно мы имѣемъ всѣ причины не согласиться съ д-ромъ Вундтомъ, что для сознанія невозможны одновременно акты чувства и мышленія. Если онъ признаетъ общее чувство, или настроеніе за дѣятельность чувствительной способности души, (какъ дѣйствительно, и есть на самомъ дѣлѣ), то онъ долженъ признаться, что никакія психологическіе акты такъ легко не мирятся въ сознаніи другъ съ другомъ, какъ упомянутые два; одновременно съ сознаніемъ своего настроенія можно въ тоже время сознательно представлять себѣ что нибудь; рисуя себѣ мрачныя картины, можно одновременно сознавать и мрачность самихъ картинъ и мрачность своего настроенія. Съ другой стороны, можно ли назвать психическіе акты какими нибудь простыми актами? еслибъ они были сами въ себѣ законченныя, несложныя единицы, ученіе д-ра Вундта объ единствѣ сознанія имѣло бы еще смыслъ. А то возмите какое угодно представленіе, есть ли оно простой не сложный актъ души? какъ извѣстно, каждое представленіе имѣетъ разные признаки, иногда въ свою очередь тоже сложные, общія представленія составляются изъ множества частныхъ представленій, понятія обнимаютъ множество представленій. Держась точки зрѣнія Вундта, приходится думать, что и представленіе, какъ сложный актъ,

Digitized by Google

не можетъ быть предметомъ сознанія. Тогда придется допустить, что только простые признаки предметовъ, данные намъ въ ощущеніи, могутъ быть предметомъ сознанія, потому что только послѣдніе можемъ мы назвать простыми психическими актами

Справляясь съ логическими возможностями, мы также невидимъ основанія, почему нельзя былобы допустить возможность одновременнаго сознанія нѣсколькихъ душевныхъ состояній, или актовъ. Если мы можемъ одновременно испытывать разныя состоянія, что допускаетъ и д-ръ Вундтъ, усвояя эту возможность впрочемъ одной только безсознательной жизни то почему же не можемъ и сознавать въ одно время свои разныя состоянія. Если самосознаніе означаетъ тотъ актъ души, въ которомъ она *къ себѣ самой* относитъ свои состоянія, и свою дѣятельность, то не видно логическаго основанія, по которому такое существо не могло бы къ себѣ самому относить одновременно многія разныя состоянія. Впрочемъ мнѣніе д-ра Вундта въ основѣ своей имѣетъ извѣстный фактъ психической жизни; только онъ истолковалъ его, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно, и преувеличилъ его значеніе для душевной жизни. Фактъ — тотъ, что намъ трудно одновременно удѣлять свое вниманіе многимъ особенно разнороднымъ душевнымъ актамъ, и если хотите, даже невозможно. Трудно напримѣръ съ полнымъ безраздѣльнымъ вниманіемъ слушать какой нибудь разговоръ и въ то же время слѣдить за развитіемъ звуковъ въ какомъ нибудь музыкальномъ произведеніи. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ серьезнѣе содержаніе усвояемаго нами, тѣмъ менѣе удѣляется вниманія какимъ нибудь другимъ впечатлѣніямъ, другимъ душевнымъ актамъ. Извѣстна разсѣянность ученыхъ: и она объясняется именно той безраздѣльностію вниманія, какое нужно для ученыхъ работъ. Глубокія соображенія и выкладки, требующіе глубокаго напряженія ума, чрезвычайно живой интересъ къ передаваемомъ содержаніи, дѣлаютъ человѣка глухимъ и нѣмымъ на всѣ другія вопросы, не внимательнымъ къ одеждѣ и пищѣ, берутъ полнаго человѣка во власть свою. Извѣстно напр., какъ глубокія математическія соображенія дѣлаютъ человѣка разсѣяннымъ ко всему его окружающему. Сознаніе кажется поэтому какимъ-то маленькимъ сосудцемъ, который если наполнить совершенно, уже не даетъ мѣста въ себѣ ничему другому,—силой, которые если занята чѣмъ нибудь, неспособна ни къ какой другой услугѣ. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что богатство душевной жизни вообще далеко шире того содержанія, какое обыкновенно бываетъ въ

Digitized by Google

сознаніи. Если анализировать его, то окажется, что сравнительно чрезвычайно мало можемъ мы сознавать изъ всей разнообразной и широкой психической жизни. Сознаніе кажется какъ бы небольшимъ свѣтильникомъ, которое освѣщаетъ только то, что вблизи его, а чѣмъ далѣе отъ него, тѣмъ слабѣй становится сила освѣщенія. Всё это дѣйствительно факты, и противъ нихъ едвали рѣшится кто возражать. Итъ конечно и имѣлъ въ виду д-ръ Вундтъ, когда думалъ о своемъ *единствѣ* сознанія. Но изъ того, что сознаніе не можетъ справляться вдругъ со всѣмъ душевнымъ содержаніемъ, не слѣдуетъ, что на его долю всегда выпадаетъ въ извѣстный моментъ возиться съ однимъ только душевнымъ актомъ. Изъ того, что вы не можете закупить цѣлый кварталъ, слѣдуетъ-ли, что вы можете купить только одинъ домъ. Можетъ быть мы и неможемъ съ равною интенсивностію сознавать одновременно два какихъ нибудь акта. Но если одинъ сознается менѣе интенсивно, не слѣдуетъ, что другой вовсе не сознается, что душа и неспособна сознавать нѣсколько своихъ состояній вмѣстѣ. Въ минуты напряженнаго вниманія мы дѣлаемся безсознательными для всего неотносящагося къ предмету нашего вниманія. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что силы души могутъ иногда концентрироваться на одномъ родѣ дѣятельности, и что въ такомъ случаѣ для нея уже не возможенъ другой родъ ея; но вовсе не то, что у ней есть, предполагаемое д-ромъ Вундтомъ, единство сознанія. Ибо, и при напряженномъ вниманіи мы можемъ одновременно сознательно представлять себѣ двѣ черты въ занимающемъ насъ предметѣ. Еслибъ изъ этихъ фактовъ д-ръ Вундтъ вывелъ заключеніе объ ограниченности въ извѣстныхъ предѣлахъ нашей сознательной жизни и нашего сознанія, мы не имѣли бы никакихъ причинъ не согласиться съ нимъ: ибо только на такого рода выводы даютъ намъ право факты.

Вообще ученіе о сознаніи и развитіи его мы должны признать весьма слабой партіей въ сочиненіи д-ра Вундта. Онъ оказывается и тутъ неисправимымъ физіологомъ, и потому въ его анализъ непопадаетъ самыхъ существенныхъ и характеристическихъ чертъ анализиру. самого предмета. «Актами изъ которыхъ раждается самосознаніе, говоритъ д-ръ Вундтъ—были психическіе процессы ощущенія, воспріятія, но съ другой стороны также и физическіе процессы въ нервахъ, въ органахъ движенія, безъ которыхъ не мыслимы ощущеніе и воспріятіе. Опираясь на оба эти рода по существу своему совпадаю-

Digitized by Google

щихъ процессовъ, возвышается самосознаніе.» Я «есть результатъ, заключительный пунктъ всего предшествовавшаго ему развитія. А развитіе это психическое и физическое. Происхожденіе самосознанія также мало мыслимо безъ электрическихъ процессовъ въ нервахъ, безъ механизма рефлексовъ, какъ оно невообразимо безъ ощущенія и воспріятія. Тѣлесная и духовная дѣятельности равномѣрно участвуютъ въ его образованіи, и если съ самой низшей точки зрѣнія» Я «подлежается тожественнымъ съ тѣлеснымъ бытіемъ, то это дѣлается съ такимъ же точно правомъ, съ какимъ философская спекуляція считаетъ» Я «совпадающимъ съ мышленіемъ; или лучше сказать, обѣ эти точки зрѣнія неосновательны, потому что» Я «есть цѣлый индивидуумъ. Еслибъ тѣло и душа были частями индивидуума, судя по обыкновенному взгляду, тогда бы» и Я «состояло изъ тѣла и души. Но вѣдь душа и тѣло вовсе *не части* индивидуума.» Я «вовсе не сложено изъ души и тѣла, а напротивъ оно есть извѣстная ступень развитія того существа, въ которомъ, если смотрѣть на него съ различныхъ точекъ зрѣнія, различаются наши тѣлесное и духовное бытіе (I B. 292—3) Такимъ образомъ д-ръ Вундтъ возвращается къ извѣстнымъ уже намъ понятіямъ о тожественности психическихъ и физическихъ процессовъ, слѣдовательно души и тѣла, и самосознаніе считаетъ какъ бы вѣнцомъ, заканчивающимъ развитіе обоихъ рядовъ процессовъ. Ощущеніе собственнаго движенія есть первый такъ сказать, краеугольный камень развитія самосознанія (I B. 287). Дитя на первыхъ порахъ различаетъ части на своемъ тѣлѣ, но онъ вовсе не знаетъ того, что оно есть часть видимаго міра, за которой скрывается потайное Я, потому оно и говоритъ обыкновенно о себѣ въ третьемъ лицѣ. Чтобъ оно могло противопоставить свое Я, какъ именно «я» другимъ вещамъ, оно должно предварительно сдѣлать умозаключеніе, что оно такое же существо *для себя самаго*, какъ отецъ, мать и другіе люди, *оно должно сдѣлать умозаключеніе, что его собственная рѣчь, если она относится къ его собственному существу, находится въ точно такомъ же къ нему отношеніи, какъ рѣчь всякаго другаго человѣка, когда онъ говоритъ о своемъ существѣ.* (I B. 289). Поэтому образованіе нашего «Я» идетъ постепенно, оно требуетъ множества предшествовавшихъ психическихъ процессовъ, и когда произошло довольное число ихъ, тогда «Я» готово уже какъ бы вдругъ, за одинъ разъ: потому что одинъ

Digitized by Google

актъ служитъ заключеніемъ ко всѣмъ приготовительнымъ процессамъ. Этотъ послѣдній актъ, когда мгновенно является въ духѣ «Я», есть умозаключеніе, — послѣднее умозаключеніе, которое связывается съ множествомъ предшествовавшихъ сужденій и умозаключеній, и которымъ заключается весь рядъ умозаключеній. (I В. 293—4) Очевидно разсказы д-ра Вундта о развитіи въ душѣ самосознанія, по видимому не лишены правдоподобности; однако во всей этой, какъ говорятъ нѣмцы, Maschinerie самосознанія мы вовсе ненаходимъ необходимой причины, почему бы существо съ одной стороны ощущающее и воспринимающее впечатлѣнія предметовъ, съ другой двигающееся, непремѣнно должно было бы такъ интенсивно сознавать себя, противополагать всѣмъ внѣшнимъ предметамъ, и выдѣлять себя изъ нихъ, еслибъ не было чего нибудь еще въ устройствѣ такого существа, что́ лежало бы въ основаніи всего развитія самосознанія. Какъ ни хочется д-ру Вундту заглянуть дальше въ глубину души и подсмотрѣть развитіе въ ней самосознанія, все таки онъ начинаетъ исторію его съ готоваго уже сознанія. Ибо, если по чувству собственныхъ движеній, мы различаемъ свои движенія отъ движеній другихъ посторонднихъ предметовъ, то не позволительно ли думать, что чувство собственныхъ движеній предполагаетъ уже способность въ имѣющемъ его существѣ относить ихъ къ себѣ какъ центру, и чувствовать, что́ своё и что́ не своё. Если это непосредственное чувство служитъ потомъ главнымъ средствомъ къ различенію движеній собственнаго тѣла отъ движеній внѣшнихъ предметовъ, то уже въ немъ намъ данъ самый главный признакъ самосознанія, такъ сказать, зерно его,—именно признаніе своей дѣятельности и выдѣленіе ея отъ чужой. Конечно и ощущеніе внѣшнихъ впечатлѣній, развитіе представленій о внѣшнихъ предметахъ помогаетъ развитію въ насъ представленія о самихъ себѣ, какъ отдѣльныхъ существахъ. Но и тутъ невидно необходимости, почему съ одной стороны мы считаемъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ,—вѣдь они ни что иное, какъ состоянія, возбужденныя въ нашей душѣ ими — не субъективнымъ чѣмъ либо, а объективными, и почему въ нашемъ собственномъ сознаніи мы съ такою интенсивностію противополагаемъ себя всѣмъ внѣшнимъ предметамъ. Еслибъ самосознаніе было дѣломъ представленія и ощущенія только, тогда мы также различали бы себя отъ внѣшнихъ предметовъ, какъ Ивана отъ Петра, дерево отъ камня т. е. по теоретическимъ и внѣшнимъ только признакамъ отдѣляли бы

Digitized by Google

себя отъ всего другаго. Но потому ли мы такъ интенсивно сознаемъ себя, что убѣждены, что мы имѣемъ такой то носъ и ротъ, извѣстный цвѣтъ волосъ глазъ и кожи, извѣстную толщину и фигуру и пластику формъ?

Д-ръ Вундтъ очевидно неразличаетъ въ своей исторіи развитія самосознанія вспомогательныхъ средствъ этого развитія, и главнаго психологическаго средства, которое лежитъ въ основѣ его, и безъ котораго оно было бы рѣшительно не возможно въ той формѣ, въ какой мы его находимъ въ себѣ самихъ. Начѣмъ мы не научились бы сознавать себя отдѣлять отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, еслибъ мы были совершенно безучастны къ собственнымъ состояніямъ, еслибъ каждое наше душевное событіе не возбуждало въ насъ живаго интереса тѣмъ, что оно производитъ въ насъ пріятное, или непріятное чувство. Ребенокъ можетъ ошибаться въ употребленіи «я» и «ты» «онъ», но въ одномъ онъ ни когда не ошибается, хотя ни когда тому и не учится. Для него ни когда не существуетъ сомнѣнія, если ему больно признать чувство боли за свое состояніе, то или другое представленіе своимъ представленіемъ. Вообще, какъ кажется, слишкомъ много резонируется по поводу того факта, что малыя дѣти часто говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; онъ часто приводится какъ доказательство того, что въ дѣтствѣ мы не имѣемъ ни какого самосознанія, и что въ этотъ возрастъ мы относимся къ себѣ самимъ, какъ и всякому другому внѣшнему предмету, о которомъ говоримъ въ третьемъ лицѣ. Намъ кажется, что такое толкованіе указаннаго факта не есть единственно возможное. Выраженія: «я» или «ты» и «онъ» въ сущности условные знаки: если ребенокъ сбивается въ выраженіяхъ, то слѣдуетъ ли изъ того, что онъ смѣшиваетъ понятія и сбивается въ самой сущности дѣла. Едва ли съ вѣроятностію можно сказать, что когда ребенокъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, на самомъ дѣлѣ онъ смѣшиваетъ себя съ отцемъ или братомъ, о которомъ онъ также говоритъ въ третьемъ лицѣ, и что если бы съ нимъ случилось радостное событіе, онъ могъ бы хотя на минуту затрудниться, кому приписать эту радость. И если дитя потомъ съ лѣтами выучивается правильно употреблять выраженія «я» и «онъ,» то этотъ фактъ скорѣй означаетъ, что у него съ теченіемъ времени образуется твердая ассоціація между словомъ и обозначаемымъ имъ содержаніемъ, чѣмъ то, что онъ со временемъ научается выдѣлять себя отъ окружающихъ

Digitized by Google

предметовъ. Конечно нельзя думать, чтобъ съ разу же съ рожденіемъ нашимъ на свѣтъ являлось у насъ то самое самосознаніе, какое мы имѣемъ въ возмужалыхъ лѣтахъ. Безъ сомнѣнія жизнь и развитіе придаютъ сознанію человѣка во первыхъ большую интенсивность, во вторыхъ широту и теоретическую ясность и законченность. Нуженъ опять опытъ, чтобъ изучить свое тѣло, и составить о немъ понятіе, нужно пережить уже много состояній, чтобъ знать широту своей душевной жизни; нужно нѣкоторое развитіе ума, чтобъ составить о себѣ понятіе, какъ извѣстной личности. Но конечно, всѣ эти знанія, доставшіяся путемъ опыта, только вспомогательныя средства для нашего самосознанія: они только расширяютъ и теоретически уясняютъ его. За главную же причину самосознанія мы должны всежъ-таки признать способность души чувствовать свое бытіе и глубоко интересоваться имъ въ тѣхъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованіяхъ, какія возбуждаются въ ней внѣшними вліяніями и внутренними событіями. Отъ этого пункта отправляется вся исторія.

Какъ мы видѣли, д-ръ Вундтъ думаетъ объ упомянутомъ предметѣ совершенно иначе. По его мнѣнію наше «Я» есть выводъ, который мы дѣлаемъ изъ многихъ фактовъ, оно образуется въ насъ путемъ силлогизма. Такимъ образомъ даже тотъ фактъ, что существуемъ *мы*, а ни кто либо другой, мы выводимъ посредствомъ умозаключенія. Мало того, Вундтъ настаиваетъ на томъ, что сознаніе есть индуктивное умозаключеніе, что посредствомъ наблюденія мы научаемся отдѣлять себя отъ внѣшнихъ предметовъ, и что постепенное развитіе ясности и твердости сознаній идетъ въ параллель съ тѣмъ, какъ много мы имѣемъ наблюденій, чтобъ вывести изъ нихъ заключеніе о собственномъ «Я» (1 В. 305 7). Такой взглядъ на развитіе самосознанія дѣйствительно совершенно оригиналенъ и можетъ показаться даже шуткой со стороны д-ра Вундта. Но что онъ серьезно готовъ поддерживать эту мысль, доказываетъ вообще то значеніе въ психической жизни, какое даетъ д-ръ Вундтъ умозаключенію. Не только сознаніе, но и настроенія и волненія чувства тоже образуются путемъ умозаключенія или цѣлыхъ рядовъ умозаключеній. «Аффектъ и настроеніе образуются путемъ силлогизма, и что мы называемъ настроеніемъ или аффектомъ, въ сущности только результатъ силлогизма: они—только заключеніе, котораго посылками служатъ образующіе его сужденія» (2 В. 31.5); онъ классифицируетъ чувства по логической схемѣ: такъ напр. ожиданіе есть аналогическое умозаключеніе, а сомнѣніе—раздѣ-

Digitized by Google

лительное. Даже въ совѣсти, въ нравственномъ чувствѣ, въ самомъ понятіи ея онъ открываетъ дедуктивный и индуктивный процессы. 2. В. 119. Точно также и въ ощущеніи онъ хочетъ доказать присутствіе сужденій и умозаключеній. Д-ръ Вундтъ дѣлаетъ такимъ образомъ логическую жизнь духа средоточіемъ и производящей причиной всѣхъ душевныхъ состояній и дѣятельностей; распространяя же её на безсознательную жизнь души, онъ отожествляетъ логическій и физическій механизмъ. Очевидно мысль его затрогиваетъ самыя глубокія психологическія интересы, и по принципному характеру своему чрезвычайно важна. Можемъ-ли мы признать логическую жизнь средоточіемъ жизни души и производящей причиной другихъ ея дѣятельностей? Можемъ-ли мы допустить безсознательную логическую жизнь въ томъ видѣ, какъ смотритъ на нее д-ръ Вундтъ, и слѣдов. тожество физическаго и логическаго механизма? Должны-ли мы вообще дать ей такое обширное значеніе и смыслъ? Вотъ вопросы, поднимаемые попыткой д-ра Вундта подъискать одного знаменателя ко всѣмъ психическимъ величинамъ, на котораго они всѣ дѣлились бы безъ остатка! Но такъ какъ д-ръ Вундтъ думаетъ главнымъ образомъ опираться въ своихъ выводахъ на ощущеніе, то прежде нежели мы займемся указанными вопросами—считаемъ нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Ученіе объ ощущеніяхъ и тѣсно связанныхъ съ ними вещахъ занимаетъ въ трудѣ д-ра Вундта чуть-ли не цѣлую треть его. На этомъ пунктѣ, знакомомъ ему какъ физіологу онъ довольно силенъ. Если прибавить къ этому талантъ д-ра Вундта просто и ясно излагать свои мысли, то легко поддаться его вліянію. Обыкновенный непогрѣшительный тонъ его на этомъ пунктѣ особенно догматиченъ: онъ говоритъ, опираясь на знанія точныхъ наукъ. Какъ мы уже сказали въ самомъ началѣ своей статьи, ученіе объ ощущеніи въ послѣднее время, получило весьма большое и важное для психологіи развитіе. Не то, чтобъ въ немъ открыли какую-нибудь новую сторону, новую психологическую черту, долго остававшуюся неизвѣстною людямъ, научный прогрессъ его состоялъ въ томъ, что открыты методы, посредствомъ которыхъ возможно измѣрять сравнительную интенсивность ощущеній. Веберъ, профессоръ физіологіи въ Лейпцигѣ, первый положилъ основаніе этому измѣренію, указавши прежде всего на чувствѣ осязанія, съ какою правильностію слѣдуетъ возрастаніе интенсивности ощущенія за количественнымъ увеличеніемъ внѣшняго впечатлѣнія.

Digitized by Google

Фехнеръ, бывшій профессоръ физики въ Лейпцигѣ, и въ настоящее время—философіи тамъ же, развилъ въ цѣлую науку то, что Веберомъ дано было только въ начаткахъ. Онъ распространилъ Веберово открытіе на чувства зрѣнія и слуха, развилъ цѣлую методику для подобныхъ изслѣдованій, указалъ законы возрастанія ощущеній сравнительно съ возрастаніемъ впечатлѣній и пріискалъ математическія формулы для этого закона. Тогда какъ физическая и физіологическая часть ощущенія такъ глубоко разработана Гельмгольцомъ и Дюбуа Раймономъ, психическая основательно развита Фехнеромъ и Лотце. Послѣ такихъ работъ не было трудно талантливому автору основательно и съ большою законченностію развить ученіе объ ощущеніи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что всѣ сильныя стороны въ этомъ отдѣлѣ сочиненія Вундта взяты именно изъ трудовъ упомянутыхъ ученыхъ. Относительно способа изложенія мы позволимъ себѣ сдѣлать одно только замѣчаніе. Д-ръ Вундтъ вездѣ торопится сообщить результаты изслѣдованій, совсѣмъ почти опуская изъ виду методы, посредствомъ которыхъ добываются результаты, и производятся изслѣдованія. Оттого онъ въ высшей степени догматиченъ и въ этомъ пунктѣ. Между тѣмъ въ ученіи объ ощущеніи не такъ важны результаты, добытые изслѣдованіями, сколько самыя способы изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи нужно отдать честь труду Фехнера (Elemente der Psychophysik). Почему онъ имѣетъ строго научное значеніе—зависитъ конечно оттого, что въ немъ главнымъ образомъ встрѣчается ученіе о методикѣ: читатель легко замѣчаетъ въ немъ, что авторъ не идетъ ощупью, и разбираетъ, какъ, куда и какой дорогой идти нужно. И когда явится обѣщанное Фехнеромъ сочиненіе: «*Измѣрительные методы ощущенія*», нѣтъ сомнѣнія, ученіе объ ощущеніи станетъ гораздо выше многихъ и многихъ отдѣловъ въ физіологіи. Д-ръ Вундтъ до такой степени мало обратилъ вниманія на этотъ важный для науки пунктъ, что изъ трехъ методовъ Фехнера при измѣреніи ощущенія въ текстѣ вовсе и не упомянулъ о двухъ другихъ, и сдѣлалъ краткую замѣтку о нихъ только въ своихъ примѣчаніяхъ. Какой большой промахъ сдѣлалъ при этомъ Вундтъ видно изъ того, что поставленные имъ на задній планъ два метода въ сущности даютъ болѣе точные результаты, чѣмъ упомянутый имъ методъ едва замѣтныхъ различій. Какъ извѣстно, этотъ методъ основывается на томъ, что при опытѣ количество одного впечатлѣнія увеличивается до той степени, пока экспериментируемое лицо не замѣтитъ различія его отъ другаго, бывшаго до увеличенія совершенно

Digitized by Google

равнымъ первому. И такъ какъ мы всегда съ величайшей точностью можетъ опредѣлить величину раздражающаго впечатлѣнія, то также точно можно опредѣлить и величину той надбавки впечатлѣнія, какая нужна для того, чтобъ соотвѣтствующее ему ощущеніе было различаемо отъ другаго какъ разное, болѣе интенсивное. Такимъ образомъ найдено, что для ощущенія разности между двумя тяжестями нужно $^1/_4$ сравнительной разницы между ними, напр. при 10 лотахъ нужно $12^1/_2$ лотовъ, чтобъ ощутить разность давленія ихъ на кожу, потому что 10 и 11 лотовъ, по величинѣ своего давленія кажутся совершенно одинаковыми. Для зрѣнія нужно $^1/_{100}$ разницы въ освѣщеніяхъ, чтобъ можно было замѣтить между ними различіе. Точно также найденъ законъ измѣренія слуховыхъ ощущеній. Но этотъ методъ все-таки довольно грубъ еще, потому что онъ даетъ намъ результаты только о весьма замѣтномъ различіи и ограничившись имъ однимъ, мы ничего не могли бы знать о весьма малыхъ количественныхъ разницахъ въ ощущеніяхъ. Напр. если мы можемъ различать давленія только 10 и $12^1/_2$ какъ разныя, то не видно, какимъ законамъ должно слѣдовать возрастаніе ощущенія при разницахъ впечатлѣній меньшихъ, чѣмъ $^1/_4$, напр. когда при 10 лотахъ величины одной тяжести другая будетъ только 11 или $11^1/_2$ и т. п. Абсолютно же конечно, ощущеніе отъ 11 лотовъ должно быть больше, чѣмъ отъ 10, хотя мы вовсе неспособны чувствовать ихъ различіе. Въ этой нуждѣ помогаютъ намъ два другихъ метода: *методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ*, и *методъ средней ошибки*. При нихъ берутся два впечатлѣнія, разницы которыхъ меньше, чѣмъ какая нужна для того, чтобъ безошибочно дѣлать заключенія къ различію производимыхъ ими ощущеній. Поэтому экспериментируемое лицо ошибается, и меньшее по интенсивности ощущеніе иногда признаетъ за большее. Найдено однакожь, что если взять очень много такихъ случаевъ, то пропорція между вѣрными и ложными сужденіями всегда слѣдуетъ за величиной разницы одного впечатлѣнія отъ другого. Чѣмъ больше эта разница, тѣмъ менѣе ложныхъ сужденій и болѣе вѣрныхъ, и наоборотъ. Смотря потому, какая точность нужна въ изслѣдованіяхъ, и высчитывается потомъ, когда накопилось достаточное число опытовъ: или средняя величина ошибки—особенно при измѣреніи зрѣнія, или пропорція правильныхъ или ложныхъ случаевъ. Эти методы требуютъ множества опытовъ весьма трудныхъ и хлопотливыхъ. Но за то ими достигается гораздо точнѣйшій результатъ, чѣмъ методомъ едва замѣтныхъ различій, и притомъ въ той области ощущеній, гдѣ

Digitized by Google

послѣдній методъ совершенно безсиленъ. Когда наука еще серьезнѣе возьмется за разработку ощущенія, нѣтъ сомнѣнія она обратитъ особенное вниманіе на послѣдніе два метода. Трудъ потребуется громадный, но за то можно быть увѣреннымъ, что мы получимъ болѣе точные результаты, чѣмъ теперь. Но д-ръ Вундтъ вовсе не вошолъ въ эту оцѣнку методовъ и на главную надежду науки мало обратилъ вниманія. Онъ вездѣ спѣшилъ сообщить результаты изслѣдованій, при томъ въ такомъ тонѣ и такой формѣ, что они кажутся для незнающаго читателя какъ-бы изслѣдованіями самого д-ра Вундта. Между тѣмъ если вычесть изъ нихъ то, что принадлежитъ Веберу, Фехнеру, Гельмгольцу, трудно сказать, что осталось-бы отъ нихъ кромѣ разсужденій д-ра Вундта по поводу чужихъ трудовъ.

Не желая слишкомъ удлинить свою статью, мы воздержимся отъ передачи нашимъ читателямъ интересныхъ результатовъ измѣренія ощущеній. Незнакомые съ ними могутъ прочесть о нихъ въ книгѣ д-ра Вундта, болѣе счастливые изъ читателей могутъ гораздо основательнѣе познакомиться со всей наукой психофизики въ «Elemente der Psychophysik von Gustav Theodor Fechner. Leipzig. 1860», и прочесть сюда относящееся въ статьѣ объ осязаніи профессора Вебера, помѣщенной въ «Handwörterbuch der Physiologie von Wagner» и въ оптикѣ Гельмгольца. Мы обратимся теперь къ собственнымъ мнѣніямъ д-ра Вундта, какими часто сопровождаетъ онъ изложеніе фактовъ, и тѣмъ попыткамъ его обобщить частные результаты психофизики, съ которыми никакъ нельзя согласиться.

Прежде всего мы должны исправить маленькую неточность, допущенную д-ромъ Вундтомъ при исчисленіи своихъ заслугъ въ изслѣдованіи психическихъ явленій и въ частности ощущенія. Во введеніи онъ не обинуясь говоритъ, что онъ первый приложилъ къ психической области законъ сохраненія силы, и при этомъ воспользовался фактами электро-физіологіи 1 В. VIII. Но въ этомъ случаѣ д-ръ Вундтъ нахвастался въ маленькомъ самообольщеніи. Во-первыхъ серьезной попытки приложить законъ сохраненія силы къ чисто-психическимъ явленіямъ мы вовсе не встрѣчаемъ въ трудѣ д-ра Вундта. Если онъ и прилагаетъ этотъ законъ, то къ ученію объ электрическомъ состояніи нервовъ только, и касается-ли это приложеніе собственно психической области явленій—это еще большой вопросъ. Во-вторыхъ еще за два года до появленія труда д-ра Вундта законъ сохраненія силы былъ уже приложенъ къ ощущенію всей психической жизни профессоромъ

Digitized by Google

Фехнеромъ. Онъ приложилъ его даже такъ рѣзко, и такъ настойчиво высказалъ мысль о совершенной приложимости его въ области душевныхъ явленій, что незнаніе о томъ д-ра Вундта можетъ быть объясняемо только или забывчивостію его, или тѣмъ, что онъ просто не читалъ начала труда Фехнера. Мы приведемъ одно мѣсто изъ него: «Живая сила, потребная къ рубкѣ дровъ и употребляемая на мышленіе т. е. на психофизическія процессы, не только могутъ быть сравниваемы, но даже и превращаемы одна въ другую, слѣдовательно обѣ работы могутъ измѣряться со стороны тѣла одною и тою же мѣрою. Какъ потребно извѣстное количество живой силы, чтобъ разколоть сажень дровъ, поднять какую-нибудь тяжесть на извѣстную высоту, точно также нужно извѣстное количество ея, чтобъ какую-нибудь мысль мыслить съ извѣстной интенсивностью...» (Elem. d. Psychophys. 43—44 1. Theil). Вся V глава 1-й части «Элементовъ психофизики» толкуетъ именно о приложеніи закона сохраненія силы къ области *душевныхъ* явленій; ему дается значеніе гораздо обширнѣйшее, чѣмъ то, какое далъ ему д-ръ Вундтъ, приложивши его только къ дѣятельности нервъ. Какъ ни желательно было бы для насъ серьезно поговорить объ этомъ законѣ, но мы боимся сдѣлать свою статью слишкомъ длинною. Предметъ этотъ потребовалъ бы отъ насъ весьма длинныхъ разсужденій. Когда-нибудь онъ составитъ предметъ особенной статьи нашей. Теперь же мы ограничимся только парою замѣчаній. Съ тѣмъ воззрѣніемъ на этотъ законъ, по которому одна и та же сила можетъ быть превращаема въ другую, какъ напр. количество теплоты, возможной отъ фунта угля, можетъ быть превращаемо въ извѣстное количество механической работы, мы можемъ согласиться только съ весьма важнымъ ограниченіемъ. Такое толкованіе, какъ что одна и та же сила какъ хамелеонъ какой можетъ быть превращаема во многія другія силы — мы должны рѣшительно отвергнуть. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о философской точности понятій, не можетъ быть рѣчи о томъ, что сила, какъ всепроникающій эѳиръ, можетъ изъ одного тѣла проникать въ другое. Сила безъ тѣла, въ которомъ она находится, не можетъ быть мыслима, она не есть что-нибудь само по себѣ существующее: ею означается степень напряженія дѣятельности, или состоянія какого-нибудь предмета. И какъ дѣятельность, или состояніе не мыслимы безъ того, что дѣятельно, или что находится въ извѣстномъ состояніи, такъ точно и сила безъ тѣла, что имѣетъ ее. Вопросъ поэтому, можетъ-ли сила переходить въ другое

Digitized by Google

тѣло и тамъ превращаться въ какую-нибудь другую форму силы положительно не имѣетъ смысла: все равно еслибъ мы задали вопросъ, можетъ-ли чье-нибудь состояніе перейти въ другого человѣка и тамъ превратиться въ какую-нибудь другую силу. Поэтому невозможно предполагать, чтобъ та же самая теплота, которая возможна отъ фунта угля, могла именно своимъ существомъ превращаться въ свѣтъ, который дается горѣніемъ, механическое движеніе, которое слѣдуетъ за нагрѣваніемъ котла въ машинѣ. Мы ничего не имѣемъ сказать противъ такой формы пониманія закона сохраненія силы, какъ учонаго вспомогательнаго средства въ естественныхъ наукахъ, какъ полезной гипотезы. Такихъ гипотезъ весьма много, и если они часто употребляются въ наукѣ то какъ полезныя сокращенныя формулы фактовъ, то какъ болѣе ясное и наглядное познаніе ихъ, то какъ болѣе удобное объясненіе ихъ, мы ничего не говоримъ противъ нихъ: до времени они могутъ держаться въ наукѣ. Но всегда нужно опасливо обходиться съ ними тамъ, гдѣ требуется уже точность выраженія и логическая основательность мысли, гдѣ уже имѣется въ виду истинное толкованіе фактовъ. Когда физики толкуютъ намъ, что количество теплоты, напрѣвающее фунтъ воды въ 0° на 1° можетъ быть превращено въ такое количество механической работы, какая нужна для поднятія 1397 фунтовъ на 1 футъ, то они не имѣютъ ничего болѣе на виду, какъ просто сообщить одинъ фактъ, можно и не подмѣчать послѣдующаго вопроса. Но они очень ошибутся, еслибъ въ превращеніе силы одной въ другую стали передавать намъ, какъ нѣчто логически-возможное и даже необходимое. Поэтому мы скорѣе согласимся съ другой формой толкованія этого закона, именно что одна форма силы можетъ замѣняться въ нѣкоторыхъ другія формы силы, что одна сила можетъ выражать извѣстный эквивалентъ другой, такъ что никакая часть силы въ сущности не исчезаетъ даромъ, но всегда своею дѣятельностью сообразно обнаруживаетъ соотвѣтственный эквивалентъ другой силы. Нельзя также согласиться съ Фешнеромъ, что сила, идущая у работника на рубку дровъ, и на мышленіе въ сущности одна и та же, и что когда занята одна, другая не можетъ дѣйствовать потому, что у нейтъ такъ сказать субстрата, въ которомъ могла бы она дѣйствовать, какъ занятъ другой работой. Приходилось мнѣ еще допускать и другое толкованіе. Но конечно можно согласиться съ тѣмъ, что между душевной и тѣлесной дѣятельностями есть эквивалентное отношеніе, какъ между механическимъ

Digitized by Google

движеніемъ и теплотой, электричествомъ и т. д. Но одно существованіе эквивалентовъ между дѣятельностями указываетъ не на то, что обѣ они—одна и та же дѣятельность, и слѣдовательно могутъ быть превращаемы одна въ другую, а что есть тѣсное взаимодѣйствіе между обѣими, и что количество одной можетъ вызывать, или подавлять извѣстное количество другой.

Мы не можемъ также согласиться съ д-мъ Вундтомъ относительно значенія логариѳмическаго закона въ отношеніяхъ ощущеній къ впечатлѣнію. Веберъ первый показалъ, что если интенсивность одного впечатлѣнія находится въ такомъ же отношеніи къ интенсивности второго, какъ интенсивность третьяго — къ четвертому, то различіе между ощущеніями, возбужденными первой парой впечатлѣній, равно разности между ощущеніями второй пары. Заслуга Фехнера въ томъ и состоитъ, что онъ первый доказалъ, что если выразить интенсивность впечатлѣній числами, то при этомъ обнаруживается, что они находятся въ такомъ отношеніи къ вызываемымъ ими ощущеніямъ, какъ простыя числа къ своимъ логариѳмамъ. Этотъ фактъ, имѣющій значеніе въ области ощущеній, д-ръ Вундтъ распространяетъ на всю психическую область. Слѣдовательно по его мнѣнію всѣ душевныя состоянія находятся въ такомъ отношеніи къ другимъ предшедшимъ или душевнымъ состояніямъ (въ отношеніи къ интенсивности только, конечно), въ какомъ находятся простыя числа къ своимъ логариѳмамъ. Но главное дѣло въ томъ, имѣетъ ли право дѣлать подобныя обобщенія. Какіе факты можемъ увидать въ доказательство гипотезы? Маленькая непріятность можетъ уничтожить самое интенсивную веселость расположенія. Небольшое представленіе иногда было выполнено въ сознаніи, часто влечетъ за собой цѣлые ряды представленій, а представленіе большихъ непріятностей иногда вовсе не производитъ обобщенно непріятныхъ чувствъ. Вообще у насъ очень мало фактовъ, чтобъ согласиться съ обобщеніями д-ра Вундта.

Мы оставимъ въ сторонѣ детали вопроса объ ощущеніяхъ. Какое участіе имѣютъ въ вызовѣ ощущенія электрическіе процессы въ нервахъ, что мы должны приписать въ ощущеніи нервы и мозгу, отчего зависитъ качественная разность между ощущеніями одного и того же специфическаго чувства, и разныя отрасли — всѣ эти вопросы

весьма интересные и достойные того, чтобъ обстоятельнѣй поговорить о нихъ, но которые къ сожалѣнію мы должны за длинотою статьи пройти молчаніемъ. Здѣсь не можемъ не замѣтить одного обстоятельства. Докторъ Вундтъ очевидно не разграничиваетъ всецѣло предѣловъ, гдѣ въ цѣломъ процессѣ ощущенія кончается физіологическіе процессы и гдѣ начинается психическіе. Онъ сливаетъ тѣмъ въ одномъ понятіи тожества обоихъ. Самый же процессъ ощущенія представляетъ такъ, какъ бы онъ происходилъ въ нервѣ, а могутъ посредствомъ нервовъ сообщаться только сигналы о всемъ происходящемъ въ нихъ. Очевидно—представленіе дѣла совершенно не ясное и недостаточное. Ибо рождается новый вопросъ о природѣ такихъ сигналовъ? Подобны ли они, по своей натурѣ, ощущеніямъ, происходящимъ на концахъ нервовъ, или нѣтъ? Если подобны они они, что и ощущенія, то они не сигналы, а ощущенія, и слѣдовательно, что дѣлается на периферіи нервовъ, повторяется также и въ центрѣ? На понятіемъ сигналовъ докторъ Вундтъ очевидно хотѣлъ выразить то, что сообщительные процессы между окончаніемъ нервовъ и мозгомъ вовсе не похожи на ощущенія, а имѣютъ по отношенію къ нимъ символическое значеніе. Тогда мы должны приписать душѣ прежде всѣхъ — котораго ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ докторъ Вундтъ — знанія сигналовъ, не говоря уже о томъ, что понятіемъ сигналовъ вводится въ процессъ ощущенія новое звѣно, необходимости котораго и цѣли мы указать никакъ не можемъ. Придомъ, если окончанія нервовъ имѣютъ чудодѣйственную способность ощущать — къ чему сравниваются съ такимъ усиліемъ и заботливостію устроены природой всѣ системы нервовъ, концентрирующаяся въ мозговомъ центрѣ. Ни смысла, ни цѣли ея мы понять не можемъ, если на долю ея выпадаетъ только быть телеграфною сѣтью для передачи уже данныхъ свѣдѣній, такъ какъ главное дѣло — ощущеніе дѣлается на концахъ этой системы.

Впрочемъ въ этихъ пунктахъ докторъ Вундтъ дѣлитъ воззрѣнія своихъ собратовъ физіологовъ. Намъ интереснѣй слѣдовать за нимъ туда, гдѣ онъ оригиналенъ, или старается быть такимъ, — гдѣ онъ приводитъ *новыя мысли*. Такъ нельзя не признать оригинальности за той его мыслью, что процессъ ощущенія въ сущности есть процессъ умозаключенія, только эти умозаключенія весьма страннаго и притомъ чисто-частнаго характера. Во первыхъ они неизвѣстны совсѣмъ тому, кто ощу-

Digitized by Google

заключаетъ, во вторыхъ неизвѣстны и посылки даже, изъ которыхъ слѣдуетъ заключеніе; извѣстенъ только результатъ его — именно ощущеніе. Если тонъ и цвѣтъ кажутся намъ совершенно не похожими, не сравнимыми другъ съ другомъ, то это потому что мы сравниваемъ ихъ въ умозаключеніи. И такъ какъ силлогизмъ долженъ состоять изъ посылокъ, сужденій, д-ръ Вундтъ изобрѣтаетъ примитивныя сужденія. Они тоже должны быть весьма страннаго характера, и если справедливы слова д-ра Вундта, составятъ десятое чудо уже въ логическомъ мірѣ. Если смотрѣть на нихъ съ психологической стороны, то они должны быть признаны за безсодержательныя, потому что въ нихъ нѣтъ никакого психическаго или логическаго содержанія: содержаніе въ нихъ по мнѣнію Вундта матеріальное, т. е. не логическое, а именно физическое. Такимъ образомъ можетъ казаться что д-ръ Вундтъ ввелъ насъ въ кругъ физіологическихъ представленій: ужъ не логическія ли цепочки эти силлогизмы. Отнюдь не заключенія они имѣютъ обыкновенную логическую форму, но по другой части, по посылкамъ матеріальнаго характера они сохранили логическую форму. Дальше этого конечно не можетъ идти никакой анализъ, потому что еслибы д-ръ Вундтъ захотѣлъ далѣе преслѣдовать свои примитивныя сужденія, ему пришлось бы уже пускаться въ разсужденія физіологической химіи.

Однако оставимъ въ сторонѣ предположенія, и выводы автора, можно сколько отнести дозволено дѣлаетъ и новѣйшему изучуну мысли въ стремленіи автора уяснить тонкіе процессы и сомнѣть мысли, которыя издавна считаются безусловно разъединенными. Безсознательная логическая жизнь служитъ д-ру Вундту средствомъ къ достиженію двухъ цѣлей: во первыхъ указать общій источникъ происхожденія душевныхъ явленій повидимому весьма разнородныхъ, разсыпающихся на разныя группы, невыводимыя одна изъ другой; во вторыхъ указавъ логическій механизмъ, производящій ихъ, онъ хотѣлъ съ тѣмъ большею легкостію вывести нужное для него заключеніе о тожествѣ логическаго и физическаго, психическаго и физическаго механизма.

Относительно первой попытки мы должны сказать, что не одно умозаключеніе могло руководить д-ромъ Вундтомъ въ его безсознательной жизни указанное имъ значеніе и смыслъ. Конечно можно отрицать

факта безсознательной жизни души. Когда намъ даны два впечатлѣнія, разность которыхъ меньше той, какая должна быть между ними, чтобъ соотвѣтствующія имъ ощущенія воспринимались нами какъ различныя, мы считаемъ оба ощущенія совершенно равными. Если на поверхность кожи въ одномъ мѣстѣ положена тяжесть въ 10 лотовъ, а въ другомъ въ 11-ть, намъ кажется, что ощущенія отъ давленія обоихъ тяжестей совершенно равны. Но равными очевидно они быть не могутъ. Конечно и 11-й лотъ производитъ давленіе на кожу и вызываетъ ощущеніе, только оно пропадаетъ даромъ для нашего сознанія, и поступаетъ въ разрядъ безсознательныхъ ощущеній. И кто не знаетъ, какъ незамѣтно для насъ самихъ мѣняются въ насъ представленія, какъ одни опускаются на дно души, дѣлаясь безсознательными, другіе выплываютъ на поверхность, часто изумляя насъ самихъ своей неожиданностью. Извѣстно какъ изъ мелкихъ, въ отдѣльности непримѣтныхъ чувствъ образуется общее настроеніе, частью весьма интенсивное по своему тону, но замѣтное и сознательное для насъ какъ цѣлое только. Чѣмъ отличается руководитель души при этомъ способѣ сознанія однихъ состояній, и полномъ иногда невѣдѣніи другихъ? Но главный вопросъ, какимъ процессомъ вызываются въ ней состоянія? Въ ощущеніи нашему сознанію представляется только фактъ, что мы ощущаемъ тотъ или другой звукъ, тонъ, вкусъ и т. д. Но какимъ образомъ рождается въ насъ такое интенсивное ощущеніе, отъ чего оно интенсивность возрастаетъ до степени? Тайна этого сокрыта въ насъ безсознательностію предшествующихъ ощущенію процессовъ. Какимъ образомъ представленіе возбуждаетъ въ насъ пріятное или непріятное чувство? Какія событія или движенія въ существѣ души происходятъ до появленія въ ней сознательно непріятнаго чувства? Что предшествуетъ образованію въ душѣ вообще стремленій? Изъ какихъ недръ своихъ, и какъ приводятъ они въ ней качественно различныя событія ощущенія, чувства и стремленій?

Дѣло Вундта пытаться заглянуть и въ эту непроходимую тьму, которая называется безсознательной жизнью, и посмотрѣть какіе процессы предшествуютъ появленію въ душѣ сознательныхъ состояній. Желаніе само по себѣ весьма похвальное, даже научное. Но отъ желанія до исполненія, онъ вооружился достаточною осторожностію въ выводахъ и умѣренностію въ своихъ гипотезахъ. О безсознательной жизни души

Digitized by Google

разсуждать весьма трудно,—и дѣлать рѣшительные выводы не всегда безопасно. Искать опытныхъ истинъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого опыта, гдѣ нѣтъ никакого контроля, едвали полезно. Мы можемъ дѣлать разные предположенія о безсознательной жизни, пріискивать такъ сказать посылки къ готовымъ уже заключеніямъ. Но и при этомъ слѣдуетъ помнить, что одни и тѣ же заключенія допускаютъ множество различныхъ посылокъ, много возможностей, между которыми безъ руководящихъ принциповъ трудно бываетъ выборъ. Д-ръ Вундтъ полагаетъ напр. что всѣ душевныя состоянія и дѣятельности суть результаты способности души умозаключать, что душа есть по преимуществу логическое существо, или лучше сказать умозаключающее существо, по старому схоластическому выраженію—ens ratiociians. Д-ръ Вундтъ приходитъ къ такому предположенію, чтобъ объяснить производящую причину душевныхъ явленій и указать одну дѣятельность души, какъ источникъ всѣхъ другихъ душевныхъ явленій. Но можно ли согласиться съ подобной гипотезой д-ра Вундта? Онъ категорически говоритъ, что дѣятельность умозаключенія предшествуетъ всѣмъ другимъ логическимъ дѣятельностямъ, что мы умозаключаемъ прежде, нежели составляемъ сужденія, и что всякая логическая дѣятельность въ сущности есть силлогистическая способность. И въ этомъ отношеніи мы чувствуемъ себя очутившимися въ заколдованномъ кругу, въ которомъ можно вертѣться только, но изъ котораго выйти невозможно. Ибо если по словамъ д-ра Вундта сужденія предполагаютъ умозаключенія, то не менѣе основательнымъ соображеніемъ можно сказать, что и послѣднія предполагаютъ первыя, особенно если умозаключеніе предполагаетъ какія нибудь логическія посылки, т. е. сужденія, изъ которыхъ выводится что нибудь. Если д-ръ Вундтъ разумѣетъ какую нибудь новую, послѣднюю доселѣ форму умозаключеній, то можетъ быть онъ и правъ: только да позволено будетъ нам тогда усумниться, дѣйствительно ли новооткрытая форма умозаключенія есть силлогистическая форма? И потомъ еще представляется безцѣльный вопросъ: какъ возможны сужденія безъ понятій? Ибо если я сужу о чемъ нибудь, то дѣятельность моего ума при этомъ въ томъ и состоитъ, что я въ одномъ понятіи соединяю другое,—и въ умозаключеніи одно понятіе выводимъ изъ другого. Очевидно д-ръ Вундтъ предполагаетъ другую необъяснимую мѣтку. Далѣе обнаруживаетъ ли вся логическая machinerie д-ра Вундта то, для чего она

Digitized by Google

подведена? И въ этомъ да позволено будетъ намъ усумниться. Мы видѣли уже какъ недостаточно объясняется способностію умозаключать самосознаніе нашего Я и способность чувствовать. Даже стремленія наши и тѣ не выводимы изъ логическаго характера души. Мы можемъ представить себѣ существо логическое по преимуществу безъ страданій и горя, безъ стремленій; изъ одного логическаго содержанія своего оно никогда не нашло бы въ себѣ ни мотивовъ, ни способности страдать, или наслаждаться, или стремиться къ чему нибудь. Если наша душа имѣетъ еще содержаніе, кромѣ логическаго, то оно вовсе не производное, а такое же первоначальное, какъ и логическое: въ томъ и дѣло, что душа есть многостороннее существо и способна къ разнообразнымъ состояніямъ. Притомъ что это за безсознательная логическая жизнь? До сихъ поръ лучшіе умы воображали, что логическая дѣятельность есть сознательная по преимуществу. Она предполагаетъ сознательное соединеніе логическихъ элементовъ по ихъ внутреннему сродству, она всегда предполагаетъ извѣстную сознательную цѣль; мыслитель есть полный хозяинъ своихъ представленій, онъ пользуется ими какъ средствами, сознательно руководясь извѣстными принципами. Д-ръ Вундтъ склоненъ кажется принимать игру представленій, механическія ассоціаціи понятій за мышленіе, за логическую дѣятельность. Но если одно представленіе вызываетъ другое, и посредствомъ его третье, если образуется ассоціація между первымъ и третьимъ, изъ этого не слѣдуетъ, что процессъ этотъ совпадаетъ съ логическимъ процессомъ умозаключенія. Если за животными и признаемъ мы способность соединять и сцѣплять такимъ образомъ представленія, то отъ этой способности имъ далеко еще до силлогистической способности: потому что едвали они могутъ сознательно, по степени внутренняго сродства соединять и разъединять элементы мысли. Если мы сами иногда не можемъ отдать себѣ отчета, какимъ образомъ мы пришли къ какому нибудь заключенію, какъ явилось въ насъ то или другое понятіе, то вопросъ еще, логическимъ ли путемъ мы шли при этомъ, и въ собственномъ ли смыслѣ мы сдѣлались обладателями при этомъ новыхъ логическихъ элементовъ мысли. Мышленіе потому и есть въ высшей степени сознательная дѣятельность, что такъ, гдѣ оно начинается, отступаетъ на задній планъ безсознательный часто механизмъ представленій: онъ превращается только въ вспомогательное средство. Между тѣмъ д-ръ Вундтъ говоритъ о безсознательной индукціи, — какъ

Digitized by Google

вещи совершенно понятной и извѣстной. По значенію ея въ душевной жизни она есть какъ бы чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, изъ сухихъ камней изводящій воду. Д-ръ Вундтъ завѣряетъ, что индукція по существу своему безсознательна (2 Band 210—11), мало того онъ усвояетъ безсознательный характеръ преемственной работѣ людей, двигавшихъ впередъ такъ называемыя индуктивныя науки (2 Band 207). Подобныя услуги уже можно назвать въ собственномъ смыслѣ мѣдвѣжьими. Всѣ великіе дѣятели науки такимъ образомъ были ни чѣмъ инымъ, какъ постоялыми дворами для индукціи, она инстинктивно шла впередъ и для постоя своего избирала нѣкоторыхъ людей. Но чтоже послѣ этого правильный ходъ и отвѣтственность за себя науки, какъ не пустая фразеологія? Если индукція безсознательно дѣлаетъ порядочное дѣло, то гдѣ гарантія, что она не сдѣлаетъ и не наплодитъ глупыхъ обобщеній? И откуда этотъ фатальный мотивъ въ насъ дѣлать обобщенія и выводы безъ собственнаго вѣдома нашего?

Придавъ такое значеніе безсознательной жизни, д-ръ Вундтъ хотѣлъ ею доказать тожество логическаго и физическаго, психическаго и физіологическаго механизма (2 B. 439). Но не слишкомъ ли поторопился д-ръ Вундтъ сдѣлать выводъ. Онъ съ самодовольствомъ упоминаетъ въ концѣ своего труда, что на ощущеніи ему особенно удалось доказать справедливость упомянутаго предположенія. Мы видѣли уже, къ какимъ отчаяннымъ средствамъ—въ родѣ примитивныхъ сужденій, долженъ былъ онъ прибѣгнуть чтобъ доказать свою гипотезу. Онъ усиливался вездѣ, гдѣ только есть связь явленій, доказывать присутствіе логическаго процесса умозаключенія. Гдѣ преемство, хотя бы временное только, тамъ ужъ по его мнѣнію непремѣнно дѣйствуетъ скрытый силлогизмъ. Изъ того, что электрическій токъ возбуждаетъ ощущеніе, онъ заключаетъ что ощущеніе есть заключеніе силлогизма, посылками котораго служатъ логическіе примитивныя сужденія. Можно быть увѣреннымъ, что еслибъ д-ръ Вундтъ сталъ писать философію природы, въ процессѣ удара онъ непремѣнно доказалъ бы присутствіе умозаключенія: ибо въ немъ есть всѣ признаки силлогизмовъ д-ра Вундта. Ударяющее тѣло представляетъ первую логическую посылку, движущееся отъ удара вторую, пунктъ гдѣ оно останавливается есть какъ бы заключеніе изъ первыхъ двухъ посылокъ: д-ръ Вундтъ назвалъ бы его «заключительнымъ актомъ скрытаго процесса мышленія». Если говорить просто и прямо, то мы должны

Digitized by Google

сказать о подобныхъ выводахъ, что они обнаруживаютъ непониманіе дѣла, и совершенное незнаніе вещей, о которыхъ разсуждается въ данномъ случаѣ. Что въ силлогизмѣ за однимъ понятіемъ слѣдуетъ другое, недаетъ еще права думать что и всѣ роды преемственныхъ событій суть силлогизмы. Но если бы и удалось д-ру Вундту доказать тожество физическаго и логическаго механизмовъ, изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, тѣмъ менѣе то, что оба рода явленій физіологическихъ и психическихъ совершенно тожественны. Положимъ, вся психическая жизнь слагается изъ процессовъ, необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ, процессы въ свою очередь состоятъ изъ ряда необходимо вызывающихъ одно другое явленій, равно какъ и физическая жизнь міра основывается на такой же необходимой связи процессовъ и явленій—что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что оба механизма тожественны? Вопервыхъ спрашивается, тожественны ли явленія, связанныя между собою необходимо въ обоихъ механизмахъ? На этотъ пунктъ мы должны отвѣчать отрицательно. Если впечатлѣніе въ сущности можетъ быть сведено на движеніе, то въ ощущеніи, вызываемомъ имъ въ душѣ, мы не имѣемъ уже никакого слѣда движенія, и потому справедливо говорятъ, что ощущеніе есть новое несоизмѣримое съ причиной, послужившей для него поводомъ, событіе чисто уже психическаго характера. Способность сохранить въ себѣ прошедшія состоянія опять новая черта психическаго существа, не встрѣчающаяся намъ въ физическомъ мірѣ. Ибо память и воспоминаніе суть совершенно оригинальныя свойства души сравнительно съ свойствомъ простыхъ физическихъ тѣлъ: послѣ всевозможныхъ перемѣнъ и измѣненій въ разныхъ химическимъ соединеніяхъ, все таки оставаться чистыми и неизмѣнными въ своихъ свойствахъ, какъ и до соединеній. Способность чувствовать и стремиться опять совсѣмъ не извѣстныя явленія въ чисто физическомъ мірѣ. А соединеніе представленій въ понятія, въ одно цѣлое, развѣ повторяется въ химическомъ мірѣ? Слѣдовательно если психическій міръ есть механизмъ, такъ ужъ своеобразный механизмъ, части котораго не похожи на части физическаго механизма. Есть серьезныя основанія сомнѣваться, чтобъ душевныя качества и явленія имѣли вѣсъ, цвѣтъ, вкусъ, запахъ, чтобъ для душевныхъ движеній имѣлъ значеніе законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстоянія, чтобъ химическія законы были похожи на психическіе. Слѣдовательно изъ понятія о

Digitized by Google

психическомъ механизмѣ слѣдуетъ одно только: что и въ психическихъ явленіяхъ есть извѣстная связь, порядокъ, необходимость. Но тутъ можно сомнѣваться, та ли необходимость дѣйствуетъ въ психическомъ мірѣ, когда представленіе вызываетъ въ насъ извѣстное чувство, чувство стремленія, а стремленія опять вызываютъ представленія и понятія,—та ли необходимость, какая въ физическомъ мірѣ вызываетъ за ударомъ движенія ударяемаго тѣла.

Теперь мы можемъ обобщить свои замѣчанія о трудѣ д-ра Вундта. Его нельзя назвать матеріалистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Такой платонической любви къ матеріи, какою обладаютъ истые матеріалисты онъ не имѣетъ. Онъ не спѣшитъ вездѣ при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ напоминать, что духъ и матерія одно и тоже, и что мысль есть дѣятельность матеріи. Онъ болѣе щадитъ эстетическія, нравственныя и религіозныя стороны жизни. Но тѣмъ не менѣе, по своимъ пріемамъ и тенденціямъ онъ даетъ много пищи матеріалистическому направленію, и весьма многія страницы его труда могутъ легко быть эксплуатированы какимъ нибудь матеріалистомъ. Вундта можно назвать физіологомъ въ психологіи. Если невидно изъ его словъ, что психологія должна быть только одною главой физіологіи, то въ методѣ или лучше по отсутствію всякого опредѣленнаго метода, въ пріемахъ, въ образѣ возрѣнія на психологическія явленія, въ способахъ анализа или опыта остается физіологомъ. Отсюда не видно никакого порядка въ классификаціи душевныхъ явленій, почему д-ръ Вундтъ говоритъ то о томъ, то о другомъ явленіи—что остается неизвѣстнымъ. Поэтому книга его дѣлаетъ впечатлѣніе труда de rebus omnibus et quibusdam aliis; чувствуется что съ такою же легкостію д-ръ Вундтъ могъ написать еще такихъ же толстыхъ двѣ книги, могъ при случаѣ поговорить еще о нѣкоторыхъ вопросахъ если онъ говорилъ только на два темы, то невидно какъ причины ограниченнаго содержанія автора. На душевныя явленія онъ смотритъ какъ на внѣшнія событія отсюда часто онъ сравниваетъ ихъ между собою напр. внушеніе, какъ психическое событіе, онъ въ сущности отдѣляетъ отъ предшествовавшаго ему электрическаго возбужденія нервъ. Онъ придаетъ значеніе количественную тяжесть почти какъ внушенію, или вообще весьма знакомую намъ качественную сторону душевныхъ явленій; отсюда его тенденція ставить душевныя

ныя явленія во взаимную причинную связь, искать между ними аналогій, ничѣмъ не обуздывается. Многія явленія происходятъ у него изъ другихъ, какъ Deus ex machina. Не скажемъ чтобъ д-ръ Вундтъ совершенно былъ незнакомъ съ психологической литературой. Онъ достаточно знакомъ напр. со школой Гербарта. Но намъ показалось, что какъ будтобы это знакомство ни къ чему не привело. Того знанія и пониманія психической жизни, какое мы во всякомъ случаѣ должны признать за Гербартомъ, не оказывается у д-ра Вундта.

Мы ничего не говорили объ оригинальныхъ взглядахъ д-ра Вундта на развитіе эстетической, религіозной и нравственной жизни человѣка, а также о пригодности труда его быть основой русскаго воспитанія, какъ по слухамъ выразился о немъ одинъ здѣшній педагогъ въ одномъ педагогическомъ собраніи. Относительно послѣдняго пункта мы увѣрены, что проницательный читатель рѣшитъ этотъ вопросъ самъ. Можетъ быть, онъ найдетъ, что если руководиться взглядами д-ра Вундта на душевную жизнь, то выйдетъ, что при воспитаніи дѣтей педагогъ долженъ главное вниманіе обращать на развитіе въ нихъ безсознательной жизни. Вѣдь убѣжденъ же почтенный докторъ, что главная лабораторія духа есть безсознательная жизнь и что въ безсознательной индукціи заключается главная причина развитія всѣхъ элементовъ сознательной жизни. Центръ тяжести воспитанія долженъ такимъ образомъ перемѣститься. Если прежде педагоги толковали о развитіи сознательной жизни, о сознательномъ расширеніи и углубленіи психической жизни, съ легкой руки д-ра Вундта приходится уже заботиться о ловкой подготовкѣ безсознательной maschinerie сознательной жизни, твердомъ и прочномъ развитіи безсознательной жизни. Если прежде толковали о развитіи цѣлаго гармоническаго человѣка, теперь уже приходится хлопотать преимущественно о логически-теоретическомъ развитіи, потому что по взгляду д-ра Вундта нравственная, эстетическая жизнь, развитіе стремленій и чувствъ въ сущности только результаты логической способности умозаключать. Если позволено будетъ намъ коротко высказать выводное педагогическое правило по д-ру Вундту, то его можно такъ выразить: ищите прежде логической жизни, всё остальное приложится вамъ.

А если не приложится? если не удастся экспериментъ надъ молодыми душами?

Digitized by Google

О взглядахъ на эстетическое, религіозное и нравственное развитіе человѣка мы не говорили изъ опасенія, что статья наша разростется до ужасающихъ размѣровъ. Мы оставимъ поэтому свои разсужденія о нихъ до выхода въ свѣтъ самаго перевода. Тогда мы будемъ въ состояніи подробнѣй коснуться и многаго другого, что мы оставили себѣ мало или почти не тронутымъ, опасаясь слишкомъ распространить свою статью.

М. Владиславлевъ.

Digitized by Google

ПОПУТЧИКИ

(СЦЕНЫ)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Макаръ Осипычъ Звонаревъ, ходатай по частнымъ дѣламъ (45 л.).

Надя, дочь его (17 л.).

Олимпіяда Петровна Птицына, его свояченица; незамужняя (36 л.).

Скуфейкинъ, чиновникъ изъ управы благочинія (50 л.).

Голодухинъ, поручикъ (25 л.).

Звѣревъ, штабсъ-капитанъ (подъ 40 л.).

Варвара Андреевна Липкина, вдова (23 л.).

Маша, горничная ея (20 л.).

Анисья, служанка Звонаревыхъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ.

Въ первой и четвертой сценѣ у Звонарева. Во второй у Липкиной. Въ 3-й у Голодухина и Звѣрева.

Digitized by Google

СЦЕНА 1

Комната у Звонаревыхъ въ родѣ гостиной. Мебель старомодная краснаго дерева. Передъ диваномъ круглый столъ, накрытый бумажной салеткой лиловаго цвѣта. У оконъ висятъ клѣтки съ птицами. Стѣнные часы изъ дешовыхъ, съ боемъ и съ розаномъ на бѣломъ цинеерблатѣ. На окнахъ герань и бальзамины. Надъ диваномъ портретъ какого-то господина съ орденомъ на шеѣ, писанный масляными красками. Въ глубинѣ дверь, налѣво и направо тоже.

Надежда Макаровна и Олимпіяда Петровна.

(Олимпіяда Петровна—невзрачная и тучная, въ ситцевомъ платьѣ и большомъ клѣтчатомъ платкѣ, простоволосая. Она сидитъ на диванѣ и гадаетъ на картахъ. Надя сидитъ рядомъ съ ней, упершись подбородкомъ ей въ плечо. Она недурна собой; голубые глаза и длинныя рѣсницы).

Надя. Это никакъ, тетенька, дорога выходитъ?

Ол. Петр. Она и есть. Отцу значитъ. Ужъ карты, мать моя, никогда не соврутъ. Вотъ отецъ собрался въ Воронежъ ѣхать—дорога ему и вышла. (помолчавъ) По картамъ каждому человѣку можно свою судьбу знать. Ужъ это я на себѣ испытала. Сны да карты—это что ни на есть вѣрное.

Надя. Неужели и сны, тетенька, никогда не обманываютъ.

Олимп. Петр. А то какъ-бы ты думала? Сны-то вѣдь чай отъ Бога, ни отъ кого другого. Если теперича Богу угодно чтобы ты свою судьбу знала, Онъ тебѣ ее сначала воснѣ и покажетъ.

Надя. Это конечно, что отъ Бога. Только я между прочимъ, тетенька, такіе сны часто видала, что никакъ сбыться имъ невозможно. Вотъ разъ снилось мнѣ, что будто у меня крылья выросли и я по воздуху лечу.. Папенька будто въ какомъ-то саду остался, а я полетѣла. Онъ какъ увидѣлъ, что я лечу, и кричитъ: куда ты, Надя, съума что-ли спятила, на какую вышину забралась,—а я все лечу. Тутъ папенька разсердился и выругалъ меня. Я хоть и высоко была, а услышала. Такъ вотъ какіе сны иногда приходятъ. Развѣ что теперича можетъ случиться, чтобы человѣкъ летать сталъ?

Digitized by Google

Олимп. Петр. Экъ ты, умная голова! Да вѣдь сны-то тоже понимать нужно. На это и книжки такія есть, въ которыхъ сказано, что каждый сонъ обозначать долженъ. А я вотъ сейчасъ тебѣ и безъ книжки разтолковать могу, къ чему этотъ самый сонъ. Потому, я черезъ это прошла. Я какихъ сновъ на своемъ вѣку не видала (вздыхаетъ). Ужъ такіе-то бывало прилесные сны тебѣ снятся, что такъ-бы кажется не просыпался.

Надя. Что-же мой-то сонъ, тетенька, обозначаетъ?

Олимп. Петр. А хоть-бы то, что ты отъ своего родителя съ милымъ дружкомъ упорхнешь. Супротивъ воли его пойдешь, полагать надо. За то онъ тебя и выругаетъ.

Надя. (краснѣя) Что это вы, тетенька,—неужели?...

Олимп. Петр. Помяни мое слово; вотъ и на картахъ тоже выходитъ. Видишь король червонный у тебя на сердцѣ лежитъ. Значитъ суженый.

Надя. Суженый?

Олимп. Петр. Ну да, суженый. И блондинъ. Только какой-то пиковый король тутъ помѣха.

Надя. Пиковый король? Это безпремѣнно папенька.

Олимп. Петр. Но ты этого пиковаго короля не бойся. Все кончится благополучно, и ты большой интересъ получишь.

Надя. Ахъ! тетенька-душенька! Кабы это все взаправду случилось! Ужъ какъ-бы я кажется вами была благодарна!

Олимп. Петр. (смотритъ на нее пристально) Ты что, дѣвка, встрепенулась больно,—а? (Надя потупляется). Али ужъ есть зазноба-то? Ну, кайся что-ли! Блондинъ?

Надя. (стыдливо смѣясь). Блондинъ, тетенька.

Олимп. Петр. (Смѣшивая карты и оборачиваясь къ ней лицомъ) Ахъ ты, несмѣяна царевна! Давно-ли-же это между вами амуры пошли?

Надя. Мѣсяца полтора безъ малаго, тетенька.

Олимп. Петр. Полтора! И хоть-бы словечко теткѣ пикнула. Ну, дѣвка, не ожидала я отъ тебя такой скрытности.

Надя. А вы не сердитесь, тетенька. Вотъ ужъ сколько времени собиралась открыться вамъ, да все какъ-то боя-

Digitized by Google

зно было. А ну—думаю, какъ бранить будетъ, или того хуже, папенькѣ скажете!

Олимп. Петр. Вотъ еще нашла пересказчицу. Очень мнѣ нужно съ папенькой съ твоимъ въ откровенности пускаться. Глаза-то-бы мои на него не глядѣли: кабы не ты, ужъ я-бы давно отсюда ушла. Кромѣ попрековъ да брани ничего еще я отъ него не видала съ тѣхъ поръ какъ покойницу сестру Господь прибралъ. Она, моя голубушка, знала его карахтеръ и умирала-то—все говорила: какъ это Наденька да Олимпіяда съ такимъ озорникомъ жить будутъ. Вѣдь имъ черезъ него жисть опостылитъ. И подлинно такъ. Одно слово, скаредъ безчувственный. Нѣтъ чтобы онъ когда-нибудь дочери удовольствіе продоставилъ; въ гости либо въ тіятръ ее отпустилъ. И знакомства-то съ хорошими людьми не видитъ. Такъ все какіе-то скалдырники къ нему шляются,—семя крапивное. А того не подумаетъ, кощей эдакой, что дѣвка въ порѣ... что ей жениха надо. Радъ чужой вѣкъ заѣсть. Такъ вотъ-же! И безъ него обошлись. Пусть глазами-то хлопаетъ. Ну что-же, Наденька, изъ какихъ онъ, блондинъ-то твой?

Надя. Изъ военныхъ тетенька-съ. Офицеръ!

Олимп. Петр. Офицеръ! Безподобно. Что это, какъ я люблю этихъ военныхъ! Ужасти!—Знаешь-ли, Наденька, я когда еще дѣвонкой была помоложе тебя, такое къ нимъ пристрастіе имѣла, такое... Ну, просто сказать не могу; только и въ головѣ имѣла чтобы за военнаго выйдти. И вѣдь былъ женихъ... Изъ себя красавецъ, статный, румянецъ во всю щеку; да не судилъ Богъ. На Кавказъ угнали. Тамъ его черкесы проклятые застрѣлили... А два письма мнѣ оттуда писалъ. Никакъ они у меня и теперь цѣлы. Ну, а твой-то, небось, молодецъ тоже?

Надя. Ахъ! кабы вы только видѣли, тетенька,—такой милашка! Восторгъ!

Олимп. Петр. Воображаю!

Надя. Бѣленькій... усики маленькіе—колечкомъ,—прелесть! А талія, тетенька, такъ право у нашей сестры такую рѣдко сыскать можно.

Digitized by Google

Олимп. Петр. Картинка значитъ! Ай, да дѣвка! Подцѣпила дружка. Ну что-же онъ, клялся тебѣ въ любви?

Надя. Сколько разъ, тетенька! Да я вамъ скажу, какъ не увидитъ меня, всегда клянется.

Олимп. Петр. Какъ это должно быть пріятно: и на колѣни передъ тобой становился?

Надя. Вотъ на колѣни не становился, тетенька... Да и нельзя было. Потому мы больше съ нимъ на бульварѣ видались. Знаете что тетенька?

Олимп. Петр. Ну, ну, что такое?

Надя. Онъ ужасъ какъ умолялъ меня назначить ему вечеркомъ свиданье.

Олимп. Петр. Что-жъ, ты назначила?

Надя. Нѣтъ, я боялась все. Хотѣла съ вами посовѣтоваться. Да притомъ-же папенька по вечерамъ всегда дома. Газету себѣ читать заставляетъ, такая скука ей Богу. Впрочемъ я сказала ему, что коли можно будетъ, такъ постараюсь прійдти вмѣстѣ съ вами.

Олимп. Петр. Что-жъ онъ на это?

Надя. Я, говоритъ, буду очень радъ съ вашей тетенькой познакомиться.

Олимп. Петр. Какой это должно быть милый кавалеръ!

Надя. Ахъ, тетенька! Я желала-бы чтобы вы съ нимъ поговорили. Я знаю, что онъ-бы вамъ такъ понравился...

Олимп. Петр. А ты-бы сказала ему, что вотъ отецъ твой скоро уѣдетъ; тогда мы съ тобой вольныя птицы, — что хотимъ то дѣлаемъ.

Надя. Я говорила. Да онъ такой нетерпѣливый. Очень ужъ онъ меня любитъ, тетенька. Я даже сама замѣчаю, что онъ похудѣлъ за это время. Ни одной, говоритъ, ночи не сплю — какъ есть. Все о васъ мечтаю. Извстрадался весь. Мнѣ ужъ очень жаль его, тетенька, когда онъ такія слова начнетъ говорить. Тетенька — голубушка! Какъ-бы намъ уйдти? Я вотъ четвертый день его не видала, у меня все сердце изныло.

Олимп. Петр. Ну, этакъ? — разъ не уйдемъ? Вотъ кабы нынче суббота была, по всенощной-бы отпроситься можно.

Digitized by Google

Надя. Нынче понедѣльникъ, тетенька. До субботы-то еще шесть дней. А какъ ему наскучитъ ждать-то, да онъ въ другую влюбится! Вѣдь я тогда кажется разсудка лишусь.

Олимп. Петр. Пожалуй, чего добраго,—это бываетъ. Разумѣется эдакой кавалеръ можетъ завсегда себѣ подругу найдти. Генеральская дочь, и та отъ него не откажется. Отпроситься развѣ къ матушкѣ-попадьѣ чай пить, или къ Аринѣ Ѳедотовнѣ. Давно ужъ у ней не были.

Надя. Да вѣдь не пуститъ! Развѣ вы его не знаете? Намедни я вздумала было заикнуться, что матушка-попадья звала къ себѣ вечерокъ посидѣть, такъ онъ какъ раскричался! Нечего, говоритъ, молоденькой дѣвчонкѣ по ночамъ хвостъ трепать. Вся въ грязи придешь. А на извощика у меня для тебя денегъ не припасено. Сѣла-бы лучше да отцу бѣлье заштопала.

Олимп. Петр. Вишь штопальщицу нашолъ. Алтынникъ эдакой! Изъ роднаго дѣтища работницу хочетъ сдѣлать, прачку.

Надя. Это просто умереть надо со скуки. Точно въ монастырѣ живешь.

Олимп. Петр. Въ монастырѣ-то хоть ѣдятъ сладко; а здѣсь и того нѣтъ. Щи да битки каждый день.

(Входитъ Анисья.)

Анисья. Барышня, а барышня, пожалуйте-ка сюда на минуточку.

Надя (нехотя). Чего тебѣ?

Анисья. Нужно-съ.

Надя. Ну, говори, чего нужно?

Анисья. Да ужъ нужно-съ.

Олимп. Петр. Да что такое? Наладила—нужно да нужно.

(Анисья нагибается къ уху Нади и что-то шепчетъ).

Надя (вскрикивая). Ахъ! Тетенька!

Олимп. Петр. Что съ тобой? Ужъ не несчастье-ли какое—храни Богъ?

Надя. Онъ... пришолъ... видѣть меня желаетъ.

Олимп. Петр. (тоже вскрикнувъ). Безстрашный какой! Вотъ ужъ и видной, что военный-то человѣкъ.

Digitized by Google

Надя. Ну, какъ папенька придетъ...

Олимп. Петр. Тогда просто со свѣту бѣги.

Надя. Тетенька... Хоть-бы взглянуть на него!

Олимп. Петр. А ужъ мнѣ-то какъ хочется посмотрѣть!

Надя. Впустимъ его, тетенька. А коли папенька вернется, спрячемъ его въ нашу комнату. Анисья покараулитъ.

Олимп. Петр. А что въ самомъ дѣлѣ! онъ вѣдь чай ловкій, не попадется.

Надя. Была не была! Проси ихъ сюда.

Анисья. (Анисья уходитъ). Ахъ, какъ страшно, тетенька! Я просто дрожу вся.

(Входитъ Голодухинъ. Перетянутъ въ струнку. Красивъ. Разбитной малый).

Голодухинъ, Надя, и Олимпіяда Петровна.

Голод. (шаркая). Простите меня за смѣлость, прелестнѣйшая Надежда Макаровна. Но я не въ силахъ былъ сопротивляться своему чувству. Не видѣться четыре дня—это для меня хуже смерти. Повѣрьте, что мнѣ легче прожить безъ воздуха чѣмъ безъ васъ. Вы жестокосердны, вы очень жестокосердны, Надежда Макаравна!

Надя. Ахъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Но вы не знаете какой у меня папенька строгій... Опять-же онъ по вечерамъ никуда не выходитъ; вотъ спросите хоть тетеньку.

Голод. (раскланиваясь Олимпіядѣ Петровнѣ, которая присѣдаетъ, и пристукивая каблуками). Ахъ, сударыня! Mille pardons, я и не замѣтилъ... Я давно желалъ имѣть честь познакомиться съ вами.—Какъ пріятно быть тетенькой такой очаровательной особы! Завидую вамъ, говорю поистинѣ (вздыхая). Вы можете каждую минуту видѣть Надежду Макаровну.

Олим. Петр. (про себя). Какой видный мужчина и какъ хорошо говоритъ! (вслухъ) Мнѣ тоже очень пріятно... Я такъ много наслышана объ васъ отъ Наденьки...

Голод. Какъ? Неужели! Прелестная Надежда Макаровна удостоиваетъ вспоминать иногда обо мнѣ? Не смѣю вѣрить такому счастью.

Олим. Петр. Ахъ, какже! Она ужасъ какъ часто объ васъ разговариваетъ; можно сказать даже почти кажную минуту.

Digitized by Google

Голод. Боже мой! Вы проливаете, сударыня, въ мое сердце бальзамъ... Я уже начиналъ думать, что Надежда Макаровна презираетъ мою любовь и не желаетъ меня видѣть...

Олим. Петр. Что это вы—какъ можно! Эдакого премилаго кавалера да не любить! У ней, я вамъ скажу, сердце пречувствительное. Она вся по мнѣ пошла.

Надя (дергая ее за рукавъ). Полно-те, тетенька, что вы это! мнѣ стыдно.

Олим. Петр. Чего стыдиться, дурашка? Чего стыдиться? Развѣ безъ любви наша сестра обойтись можетъ? Значитъ этому ужъ такъ быть слѣдуетъ... Отъ природы, значитъ.

Голод. Это вы изволите чрезвычайно справедливо замѣчать. Какъ для нашего брата мужчинъ, такъ равно и для прекраснаго пола, любовь можно сказать—наипервѣйшая вещь-съ. И что была-бы за жизнь безъ любви? Хуже я не знаю чего. Это все равно какъ если теперь человѣка въ темный чуланъ какой-нибудь засадить, чтобъ онъ свѣта Божьяго никогда не видалъ, тоже самое будетъ.

Олим. Петр. Именно тоже самое. Это вы какъ есть потрафили.

Голод. И если только Надежда Макаровна настоящимъ образомъ чувствуютъ ко мнѣ склонность...

Олим. Петр. Чувствуетъ, чувствуетъ, ужъ это я вамъ говорю вѣрно.

Голод. Въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что онѣ не откажутъ мнѣ въ моей просьбѣ...

Надя. Какая-же такая просьба ваша будетъ.

Голод. Поѣдемте со мной какъ-нибудь вечеромъ за городъ кушать чай.

Надя. Ахъ! какъ это возможно, что вы!

Голод. Чего-же вы опасаетесь, прелестная Надежда Макаровна? Тетенька ваша поѣхали-бы тоже съ нами. (къ Олимпіадѣ Петровнѣ) Вѣроятно вы-бы не отказались, сударыня, сопутствовать вашей дорогой племянницѣ?

Олим. Петр. Я право не знаю... Куда-же это?

Голод. Въ Стрѣльну или въ Новый Свѣтъ. Это загородные рестораны. Мы поѣхали-бы туда въ коляскѣ на

Digitized by Google

тройкѣ съ бубенчиками. Тройка лихая! Какъ понесется, такъ просто и вамъ скажу—птица ея не догонитъ, только пыль вьется! Развѣ вы не любите кататься? Это чудо какъ весело! Особенно при лунѣ. Знаете, даже Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ сказалъ:

Поди, поди! раздался крикъ,
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Впрочемъ это зимой—серебрится. Но все равно. Въ ресторанѣ мы возьмемъ отдѣльную комнату, гдѣ насъ никто не увидитъ. Тутъ нѣтъ ничего такого—предосудительнаго; всѣ дамы высшаго образованія ѣздятъ въ рестораны обѣдать и ужинать. Это такъ принято. Превесело-бы провели время. Потомъ я-бы васъ домой завезъ на этой-же самой тройкѣ.

Олим. Петр. Ахъ, какъ-бы это было очаровательно! Но намъ никакъ нельзя отлучиться.

Голод. Отчего-же нельзя? Неужели папенька Надежды Макаровны никуда не отпускаетъ ихъ даже съ вами?

Олим. Петр. Никуда, какъ есть—никуда. Это такой намъ тиранъ, что ужасти.

Голод. Помилуйте, да это совсѣмъ не современно! Нынче не такой вѣкъ, нынче дѣти не позволяютъ родителямъ такимъ образомъ съ собой обходиться! Это даже законами воспрещено надъ дѣтьми тиранствовать. Нынче прогрессъ преуспѣваетъ, эмансипація. Вы вооружитесь противъ него.

Надя. Да какъ-же вооружиться-то? Вѣдь онъ родной отецъ. Вѣдь онъ все сдѣлать можетъ.

Голод. Нѣтъ-съ, извините; далеко не все. Значитъ теперь, еслибы онъ васъ поневолѣ замужъ выдать вздумалъ, вы-бы такъ и пошли, ничего не сказали.

Олим. Петр. Да? Что небось пошла-бы? Нѣтъ, шалишь!

Надя. Я-бы стала его просить, плакать.

Олим. Петр. Очень онъ у тебя къ слезамъ-то чувствителенъ. Какъ-же! Нѣтъ! Тутъ покорствомъ-то ничего не возьмешь. Тутъ надо нахрапомъ брать. Не хочу мол, да и все

Digitized by Google

тутъ. И то, знать, больно ужъ мы съ тобой смирны, Наденька. Онъ и помукаетъ нами какъ баранами. Самимъ отгрызаться надо — вотъ что! Тогда все другимъ манеромъ пойдетъ.

Голод. Именно отгрызаться. Да вотъ у насъ, я вамъ скажу, маіоръ былъ. Такая сабака что не приведи Богъ. Просто отъ него бывало житья нѣтъ. Придетъ на ученье, такъ на одного офицера не оставитъ чтобъ не облаять. Ну мы терпѣли, терпѣли, да обругали его сами не на животъ, а на смерть. Конечно не передъ фронтомъ, потому—за это взысканье могло быть строгое, а дома, у него на квартирѣ. Что-жъ-бы вы думали! Шолковый сталъ.

Олим. Петр. Скажите!

Голод. Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста не поддавайтесь, да и все тутъ. Поѣдемте нынче-же?

Надя. Да какже ѣхать-то... Вѣдь онъ дома будетъ... Вотъ кабы ушолъ куда, ну другое дѣло.

Олим. Петр. Онъ теперь по вечерамъ пуще прежняго дома сидитъ, потому объявилъ въ газетахъ, что попутчика ищетъ; такъ все и ждетъ, не придетъ-ли кто.

Голод. Попутчика ищетъ? Въ газетахъ объявилъ? Ну такъ мы это дѣло съорудуемъ.

Олим. Петр. Какое дѣло?

Голод. А насчетъ поѣздки. Скоро-ли-же это онъ ѣхать обирается? И куда именно? Въ какой городъ?

Олим. Петр. Черезъ двѣ недѣли никакъ. А то и раньше, какъ найдетъ попутчика.—Онъ вѣдь все больше сутяжничествомъ промышляетъ. Вотъ ему одна воронежская помѣщица и препоручила—вмѣсто себя по судамъ ходить; онъ, сказываютъ, большія выгоды отъ этого дѣла получить можетъ.

Голод. Такъ въ Воронежъ, значитъ?

Олим. Петр. Въ Воронежъ, въ Воронежъ.

Голод. Гмъ! Это отлично, коли онъ еще черезъ двѣ недѣли... Значитъ я безпрепятственно могу съ вами каждый день за все это время видаться.

Наня. Какъ такъ?

Голод. Да такъ-съ. Вотъ я и теперь не уйду, пускай приходитъ.

Digitized by Google

Надя. Ай, что вы это! Какъ можно!

Голод. Не безпокойтесь... Предоставьте мнѣ все.—Вы только скажите мнѣ, прелестная Надежда Макаровна, поѣдете-ли со мной, если со стороны вашего папеньки никакой опасности предстоять не будетъ?

Надя. Я не знаю, какъ тетенька...

Олим. Петр. Тетенька не такая мокрая курица, какъ ты. Тетенька на все пойдетъ.

Надя. Ну такъ и я...

Голод. Что я слышу? Неужели? Вы меня осчастливили, Надежда Макаровна. Вы доказали, что любите меня. Позвольте разцѣловать эту ручку (беретъ у ней руки). Господи! Что за ручка такая! Нѣтъ, вы не такъ... вы вотъ эдакъ,— я всегда люблю ладонь цѣловать; а такъ у насъ называется по казенному. Еслибъ можно было, я-бы разцѣловалъ и ножки... Ножки-то вѣдь, я думаю, тоже не хуже ручекъ! Жаль, нынче платья длинныя носить стали. Не видно.

Надя. Полноте! Что это! Вы надо мной надсмѣшки строите.

Голод. Я? Надъ вами насмѣшки строю? Это даже обидно, Надежда Макаровна. Я можно сказать—считаю васъ божествомъ, идоломъ; я для васъ на все въ мірѣ готовъ... а вы... Нѣтъ, Надежда Макаровна! не ожидалъ я отъ васъ это услышать! Нѣтъ!

Олимп. Петр. Вы на нее не обижайтесь... Это она такъ... Не привыкла еще, знаете, къ обращенію съ кавалерами. Вѣдь она у насъ точно заключенная какая росла, али монашенка.

Надя. Вы лучше разскажите, какъ вы при папенькѣ-то здѣсь оставаться хотите?

Голод. Очень просто. Скажу ему, что такъ и такъ молъ, вычиталъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, что вы попутчика ищите, и явился. Въ Воронежъ съ вами желаю ѣхать.

Олимп. Петр. (заливается хохотомъ). Вотъ такъ мое почтеніе! Придумалъ штучку! Ну! можно чести приписать! Ха, ха, ха.

Надя. Ну, а какже потомъ-то? Какъ время подойдетъ ѣхать?

Digitized by Google

Голод. Потомъ что Богъ дастъ. Я далеко не загадываю. Можетъ скажу, что надобность миновала ѣхать... или заболѣю. А то такъ и просто брякну,—я вѣдь, знаете, человѣкъ военный, прямой,—брякну, что молъ нарочно назвался попутчикомъ для того чтобы имѣть удовольствіе познакомиться съ вашей прелестной дочкой... И теперь такъ какъ вы меня уже нѣсколько узнали... Прошу у васъ руки ея... Надѣюсь, Надежда Макаровна, что папенька вашъ не откажетъ мнѣ.

Олимп. Петр. Да еще бы онъ эдакимъ женихамъ отказывалъ! Какого-же ему еще рожна нужно.

Голод. А еслибъ онъ сталъ противиться—то я просто увезу васъ, Надежда Макаровна, похищу! Потому что безъ васъ мнѣ жить невозможно... Мнѣ все постыло.

Олимп. Петр. Слышишь, слышишь, Наденька? Увезти хочетъ! Ахъ! какъ бы это было интересно!

Надя. Очень ужъ страшно должно быть, тетенька, изъ родительскаго-то дому бѣжать.

Олимп. Петр. Ну, вотъ страсть нашла! Съ такимъ кавалеромъ да страшно!

(Вбѣгаетъ Анисья: баринъ! баринъ пріѣхалъ).

Надя (вскрикиваетъ). Ахъ!

Голод. Не пугайтесь... Посмотрите, какъ я буду съ нимъ объясняться... Да! я и забылъ спросить, что родитель-то вашъ не прочь эдакъ... (щелкаетъ себя по воротнику) за галстукъ?

Олимп. Петр. (смѣется). Любитъ! Онъ по церковнымъ праздникамъ больше...

Голод. Со звѣздочкой—значитъ. Ладно. Мы это примемъ къ свѣденію.

Олимп. Петр. Охъ батюшки!.. я кажется не удержусь—фыркну, какъ вы будете изъ себя попутника-то представлять. Точно какъ на тіятрѣ, ей Богу.

(Входитъ Звонаревъ).

Звонаревъ, Надя, Голодухинъ, Олимпіада Петровна и Анисья (которая снявъ съ Звонарева шинель, уходитъ).

Звонаревъ (высокій, испитой человѣкъ, съ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица; небольшая лысина, глаза мутныя, волосы съ значительной просѣдью, губы тонкія, сжатыя;—на немъ поношенный фракъ; въ пет-

Digitized by Google

лучше полинялая орденская ленточка.—Онъ входитъ въ строй шинели и картузѣ съ большимъ козырькомъ). Эй вы, бабьё! самоваръ...

(Замѣтивъ Голодухина, въ недоумѣніемъ и нѣсколько подозрительно смотритъ то на него, то на женщинъ).

Надя (заискивающимъ голосомъ). Самоваръ готовъ, папенька. Сейчасъ подадутъ...

Звонар. (къ Голодухину). Съ кѣмъ имѣю честь?..

Голод. (развязно). Поручикъ Голодухинъ. Вы объявляли въ Полицейскомъ Листкѣ, что ищете попутчика въ Воронежъ.

Звонар. А! Объявлялъ-съ.—Милости прошу садиться (показываетъ на кресло). Вы туда-же ѣхать желаете?

Голод. Да-съ... Я въ отпускъ на двадцадь восемь дней...

Звон. Только вѣдь я—еще не ранѣе какъ дней черезъ десять. Такъ и въ публикаціи значится.

Голод. Какже, какже, я видѣлъ; я и самъ не могу раньше... Знаете, разныя формальности соблюсти надо, да и дѣлишки кое-какія передъ отъѣздомъ покончить.

Звон. Такъ-съ. Разумѣется.—У васъ должно быть сродственники въ Воронежѣ будутъ?... или такъ дѣла какія..?

Голод. Родственники. Матушка—старушка, дряхлая, едва ноги таскаетъ. Боится, понимаете, какъ-бы не умереть,—ну и хочетъ со мной еще разикъ свидѣться.

(Олимп. Петр. фыркаетъ, закрывъ ротъ рукой).

Звон. (сердито оборачиваясь къ женѣ и дочери). Что у васъ тамъ за смѣшки!

Олим. Петр. Ничего; мы такъ съ Надей промежъ себя...

Звон. Такъ шли-бы въ свою комнату. А то, тутъ люди объ дѣлѣ разговариваютъ, а вы фыркаете.—Какое-же теперь господинъ офицеръ объ васъ понятіе имѣть будетъ? Не молоденькая кажется... постыдились-бы постороннихъ-то.

Олимп. Петр. Ахъ, мои батюшки! да чтожъ я такое...

Звон. Ну, ну, хорошо-съ.

Голод. Помилуйте... Имя и отчество—не имѣю чести знать.

Звон. Макаръ Осипычъ.

Голод. Помилуйте, Макаръ Осипычъ... вы слишкомъ строги къ прекрасному полу. Дамы, такъ сказать, душа об-

Digitized by Google

щества. Я самъ, знаете, человѣкъ очень веселаго характера... и люблю эдакъ въ пріятной компаніи поразвлечься.

Звон. На все есть время, милостивый государь. Кто говоритъ... Отчего иногда и не побалагурить.

Голод. Чтожъ, дѣло наше не суть важное... Я увѣренъ, что мы съ вами столкуемся... Не подумайте, что я льщу вамъ; но я съ перваго раза почувствовалъ къ вамъ какое-то влеченіе...

Звон. Благодарю покорно-съ. Какже на счетъ экипажа теперича?..

Голод. Да право не знаю какъ вы... Я заранѣе на все согласенъ...

Звон. Полагаю, что намъ-бы тарантасъ на общій счетъ пріобрѣсть...

Голод. И прекрасно. Это ужъ я попрошу васъ взять на себя. Я, признаться, плохой знатокъ въ этомъ дѣлѣ... Сдѣлайте одолженіе—покупайте.

Звон. Чтожъ, это можно. У меня даже есть на примѣтѣ, подержанный.

Олимп. Петр. (про себя) Ишъ алтынникъ эдакой, свою бричку сбыть наровитъ.

Звон. Прогоны разумѣется пополамъ.

Голод. Ну, да...

Звон. На чай ямщикамъ тоже... Я имъ канальямъ много не даю... потому народъ скверный.. пьяницы и грубіяны. Нечего ихъ баловать.. Три копѣйки—это у меня ужъ положеніе. Да и то если везетъ хорошо.

Голод. Это какъ вамъ угодно... Впрочемъ три копѣйки—мнѣ кажется ужъ не слишкомъ-ли мало будетъ..? Потащутъ пожалуй бестіи, какъ бочку съ водой. Вѣдь они другъ другу передаютъ.. Новый ямщикъ ужъ всегда знаетъ сколько старому дали.

Звон. Не мало, милостивый государь, повѣрьте мнѣ. А ежели какая-нибудь шельма шагомъ потащитъ, такъ вѣдь на станціяхъ книги существуютъ, въ которыхъ проѣзжіе могутъ свое неудовольствіе письменно заявить.

Голод. Это разумѣется.....

Digitized by Google

Звон. Ну, теперь на счотъ пищи... Чай и сахаръ полагаю у каждаго свой особенный будетъ...

Голод. Это опять тоже какъ вамъ угодно, я только скажу, что я имѣю привычку пить чай не иначе какъ съ ромомъ... Даже—откровенно сознаюсь вамъ... (смѣется) скорѣе ромъ съ чаемъ... И надѣюсь, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ иногда компанію. Разумѣется... это не входитъ въ общія издержки.

Звон. (осклабляясь) Почему-же... иногда... Очень будетъ пріятно.

Голод. Ромъ, знаете, ужасно какъ полезенъ для желудка! Ужасно какъ полезенъ! Я въ дорогѣ не столько ѣсть, сколько выпить люблю. Незамѣтна какъ-то дорога кажется.

Звон. Это точно. Я самъ въ дорогѣ ѣмъ очень мало. Да и какая ужъ ѣда на нашихъ станціяхъ. Даютъ мерзость, а берутъ въ тридорога. Я обыкновенно здѣсь—колбаской или чѣмъ-нибудь эдакимъ запасаюсь... Вотъ только еще долженъ я объяснить вамъ, что въ дорогѣ меня всегда очень ко сну позываетъ. И проклятая эта привычка у меня — храпѣть! Такъ ежели ужъ я васъ обезпокою, вы меня только за рукавъ дерните,—я сейчасъ проснусь.

Голод. О! помилуйте, это ничего не значитъ. Я даже люблю когда храпятъ.—Подъ чужой храпъ, знаете, и самъ заснешь скорѣй...

Звон. Это дѣйствительно бываетъ. Такъ значитъ я могу уже разсчитывать.....

Голод. Разсчитывайте, разсчитывайте, почтеннѣйшій Макаръ Осипычъ, какъ на каменную стѣну. Впрочемъ еще до отъѣзда, я надѣюсь, мы будемъ видѣться. Вы конечно позволите мнѣ иногда завернуть къ вамъ побесѣдовать... Я такъ радъ, что судьба свела меня съ такимъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ...

Звон. (привставъ) Очень пріятно-съ. На всякій случай позвольте мнѣ записать вашъ адресъ. Ужъ у меня такой порядокъ. Да и знаете—можетъ какая надобность представиться...

Голод. Извольте, извольте; сдѣлайте одолженіе. Это даже необходимо. У Никиты Мученика домъ Бурды.

Звон. Бурды-съ?

Digitized by Google

Голод. Бурдыл. Бурдыл... Такая фамилія странная.

Звон. (записываетъ) Чтобъ всякія есть фамиліи...

Голод. Но вы меня не представили многоуважаемый Макаръ Осипычъ вашему семейству. Хотя до вашего прихода я имѣлъ удовольствіе обмѣняться съ дамами нѣсколькими словами, но я-бы желалъ короче познакомиться съ ними... Надѣюсь, что и по возвращеніи изъ Воронежа знакомство наше не прекратиться...

Звон. Отчего-же, помилуйте... Душевно радъ. Вотъ это дочь моя—Надежда; а эта сестра моей покойной жены, Олимпіада Петровна Птицына.

Голод. (раскланиваясь) Очень, очень, очень пріятно-съ... самою льстить себя надеждой, mesdames, что вы не откажете имѣть въ вашемъ расположеніи... Хотя я человѣкъ прямой, военный и всѣхъ этихъ свѣтскихъ тонкостей не знаю...

Звон. Они у меня они тонкостямъ-то не обучены... Не графини какія...

Олимп. Петр. (приседая) Мы всегда рады пріятной компаніи...

Голод. А знаете, Макаръ Осипычъ... Я такъ ей Богу радъ, что познакомился съ вами (жметъ ему крѣпко руку), такъ радъ... что даже желалъ-бы чѣмъ-нибудь ознаменовать этотъ достопамятный для меня день... Вы меня извините... я по просту, по военному—на распашку; что на сердцѣ—то и на языкѣ... Позволите мнѣ предложить вамъ распить вмѣстѣ бутылочку другую.....

Звон. Помилуйте! Мнѣ право совѣстно...

Голод. Какая тутъ совѣсть—полноте! Я—можно сказать—буду очастливъ... Не откажите, почтенѣйшій Макаръ Осипычъ... Противъ васъ тутъ кажется есть погребокъ?

Звон. Есть. Знакомый мнѣ купецъ Аннеймовъ держитъ.

Голод. Ну, вотъ видите—даже знакомый... Значитъ мы тамъ у него и распить можемъ... Я-бы предложилъ сдѣлать экспедиціонъ... Но боюсь отъѣсть дамъ... Вино знаете—развязываетъ языкъ... Иногда пожалуй скажешь что-нибудь эдакое... что дамамъ придется не по сердцу... Нашъ братъ военный... въ особенности не привыкъ къ каркатному обхожденію!

Digitized by Google

Звон. Зачѣмъ-же здѣсь? Тамъ свободнѣй.

Голод. Такъ вы согласны.? Благодарю, благодарю—тысячу разъ и отъ всего сердца, уважаемый Макаръ Осипычъ! Вы меня совсѣмъ осчастливили. Знаете—мы съ вами и назадъ вмѣстѣ поѣдемъ.—Такъ-ли?

Звон. Ну, что-же? И отлично. (Къ дочери) Такъ ужъ самовара-то не надо—вы пейте однѣ.

(Входитъ Скуфейкинъ).

Тѣже, и Скуфейкинъ...

Скуф. (маленькій, плѣшивый, въ очкахъ и вицмундирѣ; нюхаетъ табакъ и сморкается въ бумажный пестрый платокъ, который свертываетъ потомъ клубочкомъ). Здравствуй, братъ Макаръ Осипычъ. Мое почтеніе Олимпіядѣ Петровнѣ.—Здравствуйте, красавица-барышня. Пожалуйте ручку. (Подходитъ къ ручкѣ Наденьки).

Звон. Здорово, братъ... Не во время пришолъ. Я со двора иду.

Скуф. (пристрастно взглядывая на офицера, тихо Звонареву). Это что за фертъ?

Звон. Попутчикъ.

Скуф. Э-э? А я, братъ, къ тебѣ насчотъ этого самаго дѣла пришолъ было.

Звон. Насчотъ какого?

Скуф. Да на счотъ попутчика. Былъ я вчера на вечеринкѣ у Понкратія Ѳомича Оболдуева, знаешь? Имянины жены онъ справлялъ. Гостей, братецъ ты мой, наикло тьма тьмущая. И была между прочимъ тамъ одна вдовушка; молодинькая эдакая вдовушка, и смазливенькая; сама полная, щочки розовыя... а глазки все подъ лобъ закатываетъ.. Очень ужъ сокрушается, что мужа лишилась; ну, а на вечеринку все-же пришла, хе, хе, хе, (смѣется) что дѣлать! молодость! Такъ вотъ эта самая вдовушка, — мужъ-то у ней по провіантной части служилъ,—въ Воронежъ также на свиданіе къ родимымъ ѣхать хочетъ; да одной-то безъ мужчины боязно вишь. Ну, такъ попутчика себѣ ищетъ. Я какъ это прослышалъ, и говорю: у меня, сударыня, есть знакомый

Digitized by Google

одинъ, человѣкъ семейный,—можетъ вамъ въ дорогѣ всякую помощь оказать, и отъ обиды васъ оградитъ.. Если желаете, то я извѣщу его.. Онъ о себѣ въ газетахъ публиковалъ, что попутчика ищетъ до Воронежа. Она ужасти какъ обрадовалась и адресъ мнѣ свой оставила.. Просила чтобы ты къ ней навѣдался.. Вотъ онъ и адресъ (вынимаетъ изъ кармана бумажку и читаетъ). На Разгуляѣ, домъ Семенова, № 64. Спросить Варвару Андревну Липкину.

Звон. Ну, опоздалъ, братъ. Мы вотъ съ господиномъ офицеромъ покончили...

Голод. Да, совсѣмъ покончили. (про себя) Однако-же эту вдовушку нужно принять къ свѣденію.. На Разгуляѣ № 64. Отъ меня близко. Сходить завтра. Старикашка этотъ говоритъ, что она смазливенькая. А главное то хорошо, что вдовушка. Мірской человѣкъ значитъ.

Скуф. Ну, коли покончили, такъ дѣлать нечего.—У меня, братъ Макаръ Осипычъ, было и еще къ тебѣ одно дѣльцо—большой важности.. Да такъ какъ ты теперь идти собрался, такъ я ужъ въ другой разъ заверну....

Звон. Въ другой разъ... Приходи завтра.. Да что такое?

Скуф. Секретъ, почтеннѣйшій мой, секретъ. (тихо) До меня лично касающееся.

Звон. (смѣясь) Тяжбу что-ли съ кѣмъ завелъ?

Скуф. Какія тяжбы! Съ кѣмъ намъ тягаться? Тутъ совсѣмъ другое.. Да ужъ до затра. (идетъ къ дверямъ).

Звон. Ну, такъ прощай!. Анисья! шинель.. (Анисья приноситъ шинель и картузъ).

Голод. До пріятнаго свиданія, mesdames.... (тихо, пока Звонаревъ надѣваетъ шинель, къ Олимп. Петр.) Я его такъ накачу, родителя-то, что онъ у меня не встанетъ. А мы тѣмъ временемъ и махнемъ. Вы будьте готовы.... (вслухъ) Идемте, Макаръ Осипычъ...

(Звонаревъ и Голодухинъ уходятъ, Скуфейкинъ возвращается).

Олимп. Петр. Надя и Скуфейкинъ.

Скуф. Хотѣлъ было идти.. да думаю, дай-ка маленечько съ драгоцѣнной барышней побесѣдую.

Олимп. Петр. (Надѣ). Вотъ еще принесла нелегкая!

Digitized by Google

чего ему отъ насъ нужно? Тоже кавалеръ! (смѣется). Франтъ—коровьи ноги!

Надя (нехотя). Садитесь.

Скуф. Благодарю васъ! Сяду... Что этотъ офицерикъ давно съ папенькой вашимъ знакомство свелъ?

Надя. Нѣтъ, нынче только пришолъ въ первый разъ.

Скуф. Такъ-съ. Гмъ! Куда-же это они теперь отправились?.. Желательно узнать.

Олимп. Петр. А мы почему знаемъ. Насъ это дѣло совсѣмъ не касается.

Скуф. Гмъ! Молодецъ—мужчина!—Только ужъ вертлявъ что-то больно.

Олимп. Петр. Извѣстно, человѣкъ молодой.. Опять-же военный... Это только его ловкость обозначаетъ. Вы значитъ никогда хорошихъ кавалеровъ не видали,

Скуф. Ну, какъ не видать-съ! Случалось и намъ. И мы тоже съ хорошими людьми знаемся. Да ну его впрочемъ; я вотъ съ вами, Надежда Макаровна, посовѣтоваться... на счетъ одного дѣльца хотѣлъ.

Надя. Со мной? Что-же это за дѣло такое, чтобъ я вамъ совѣтъ могла дать?

Скуф. А хотя-бы такое напримѣръ, что я вотъ въ законный бракъ вступить желаю.

Надя. Вы?

Олимп. Петр. (хохочетъ). Что это вы морочить насъ что-ли вздумали?..

Скуф. Что-же это вамъ такъ смѣшно кажется?

Олимп. Петр. Да какъ-же не смѣяться... (продолжаетъ хохотать). Скажите на милость, какія новости! Не рано-ли вздумали?

Скуф. Рано-ли не рано-ли, ужъ это мое дѣло, сударыня.

Олимп. Петр. Чье-же какъ не ваше! Разумѣется не наше съ Надей.

Скуф. Да что-же вы-то такъ ужъ надъ моими лѣтами надсмѣхаетесь? вѣдь мы съ вами пожалуй ровесники будемъ...

Олимп. Петр. А вы почему знаете? Развѣ вы на моихъ крестинахъ были?

Скуф. Хотя и не былъ, а все-же видно-съ...

Digitized by Google

Олимп. Петр. А же были, такъ и говорить нечего... (помолчавъ). Кто-жъ вамъ мѣшаетъ?—женитесь.

Скуф. Разумѣется вашего позволенія не спрошусь.. Да я и не къ вамъ собственно обращался, а къ Надеждѣ Макаровнѣ, такъ какъ это дѣло отъ нихъ зависитъ...

Надя. Какъ это отъ меня зависитъ? я васъ не понимаю, Аполлинарій Кузьмичь.

Скуф. (смѣясь) Не понимаете-съ? Ну, такъ я съ вашего позволенія все это пояснѣе въ подробности... Человѣкъ я, сами изволите знать, степенный... марали этой никакой на мнѣ нѣтъ. Достатокъ я свой имѣю... Домишко у меня порядочный... Самъ живу и жильцовъ пускаю... Ну и мѣстечко тоже Господь Богъ послалъ тепленькое, хе, хе хе,—есть кой-какія доходишки... Пока еще жить можно... Одного недостаетъ—хозяюшки. Иной разъ, знаете, такая тоска возьметъ, какъ изъ должности воротишься, да на свое сиротское житье взглянешь.. Одинъ ты какъ перстъ... Опять-же и то сказать: на женатаго и начальство совсѣмъ иными глазами смотрѣть... Если теперь мѣстечко какое выгодное ввиду имѣется.... Семейному всегда предпочтеніе отдадутъ.. Одно слово — обремененъ семействомъ... хе, хе хе... Такъ вотъ я и того-съ... возъимѣлъ мысль... За многимъ я не гонюсь. Богатство меня не прельщаетъ... съменя своего довольно-съ... Мнѣ главное, чтобы жена у меня была добрая, скромная, не вертушка какая, не модница; чтобы дома больше любила сидѣть, да хозяйствомъ заниматься. Ну, тоже чтобъ гостей принять умѣла; конечно — хоть ко мнѣ и не Богъ знаетъ какія важныя лица ходятъ, а все-таки знакомство у меня хорошее.. Начальникъ отдѣленія не брезгаетъ, иногда заходитъ... ну и родственники есть тоже.. Сестра за полковникомъ замужемъ....

Олимп. Петр. Да на что вы намъ это все расписываете-то? Очень намъ лестно знать!

Скуф. Вамъ не лестно, сударыня, вы и не слушайте; а вотъ Надеждѣ Макаровнѣ можетъ быть и любопытно будетъ... такъ какъ я собственно имѣю намѣреніе—просить у Макара Осиповича руки ихъ....

Digitized by Google

Надя. (въ испугѣ) Какъ? Вы ко мнѣ свататься хотите, Аполлинарій Кузьмичъ?..

Скуф. Точно такъ-съ, Надежда Макаровна... Правду истинную изволили вымолвить. Имѣю это намѣреніе и даже нынѣ за тѣмъ явился къ вашему папенькѣ, чтобы насчотъ этого предмета съ нимъ объясниться...

Олимп. Петр. Да ты, Надя, его не слушай; это онъ все комедью ломаетъ...

Скуф. Весьма ошибаться изволите, сударыня, никакой тутъ комедіи нѣтъ и быть не можетъ. А одна только истинная правда. И ежели я Надеждѣ Макаровнѣ не противенъ...

Олимп. Петр. Такъ это вы точно взаправду говорите?.. (хохочетъ). Охъ, Господи! Вотъ разпотѣшилъ-то! Да вы на себя въ зеркало-то посмотрите. Развѣ этакіе женихи-то бываютъ?.. Женихъ! Охъ, батюшки! Умру со смѣху...

Скуф. (разсерженный) Ваше обращеніе, сударыня, весьма странно... Чему я впрочемъ не удивляюсь. Все это относится единственно къ вашему невѣжеству... Такъ какъ вы происходите изъ купеческого званія и приличнаго образованія не получили.

Олимп. Петр. Скажите пожалуйста!.. какой енаракъ выискался!.. Изъ купеческаго званія! Дворяне-то тоже разные бываютъ. Иному только одно названье что дворянинъ... а онъ хуже трубочиста. Нынче всякій приказный себя дворяниномъ величаетъ. Такъ вотъ сейчасъ за васъ и пошла Наденька!

Скуф. А вы что за отвѣтчица... У Надежды Макаровны свой языкъ есть...

Надя. Я, Аполлинарій Кузьмичъ... не хочу замужъ идти.

Скуф. Какъ-же это такъ не хотите, Надежда Макаровна? Ни за кого не хотите, или можетъ за меня только-съ?

Надя. Ни за васъ, ни за кого. Мнѣ еще моя дѣвичья жизнь не наскучила.

Скуф. Но вѣдь однакоже въ дѣвицахъ весь вѣкъ оставаться нельзя-съ? Надо временемъ пользоваться. Потомъ

Digitized by Google

пожалуй и пора пройдетъ-съ. (искоса взглядывая на Олимп. Петр.) Это тоже часто бываетъ.

Олимп. Петр. Коли полюбитъ кого, такъ и выйдетъ. Велика нужда—за всякаго встрѣчнаго идти, да съ постылымъ мужемъ потомъ всю жисть маяться. Она—слава Богу, не уродъ какой. Найдетъ жениха. Ея лѣта не ушли.

Скуф. Кто говоритъ! Можетъ ужъ и теперь на примѣтѣ есть-съ?

Олимп. Петр. А хоша-бы и былъ,—все-таки-же до этого никому дѣла нѣтъ. Я такъ полагаю.

Скуф. Ну, разумѣется-съ. А все-таки у насъ съ вашимъ папенькой разговоръ свой будетъ... объ этомъ предметѣ.

Олимп. Петр. Какъ свой разговоръ? Такъ неужто-жъ у васъ совѣсти хватитъ отца уговаривать, чтобъ ее за васъ насильно отдали?...

Скуф. Дѣвичій разумъ, сударыня, извѣстно какой... Развѣ молодыя дѣвицы свое счастье понимать могутъ? Стало быть родители должны о судьбѣ ихъ заботиться. Вотъ что-съ! Потомъ и сами благодарить будутъ.

Олимп. Петр. Эхъ вы! Глаза-то у васъ безстыжіе, какъ посмотрю я на васъ! Да не больно васъ отецъ-то послушаетъ. Онъ тоже своему дѣтищу несчастья не пожелаетъ; каковъ ни на есть, а все отецъ.

Скуф. Я съ вами, сударыня, объ этомъ дѣлѣ разговаривать болѣе не намѣренъ. (встаетъ съ мѣста) Имѣю честь кланяться. Вотъ посмотримъ, что завтра Макаръ Осипычъ скажетъ. А вы, Надежда Макаровна, поразмыслите-ка. Утро вечера мудренѣе. Вѣдь приданаго-то за вами папенька не Богъ знаетъ сколько отвалитъ. — А нынче женихи все больше этимъ однимъ только и интересуются. Ну, а на счотъ молодости-съ, такъ я вамъ доложу, что иной попадется и молодой, да пожалуй хуже стараго... мотыга либо пьянчужка какой. А то и на сторонѣ заведетъ шашни... Вотъ что-съ! Такъ вы и поразмыслите. Мое наиглубочайшее-съ.

(уходитъ).

Олимп. Петр. и Надя

Надя. А ну, какъ папенька мнѣ за него идти велитъ, тетенька! Вѣдь тогда просто живая въ гробъ ложись.

Digitized by Google

Олимп. Петр. Эхъ ты! Ужъ и закручинилась. Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ. А ты развѣ забыла, что твой предметъ тебя увезти хотѣлъ, коли отецъ за него не выдастъ?

Надя. Боюсь я право, тетенька. Хоть вы-то, голубушка, за меня въ случаѣ чего заступитесь. Вы знаете какая я не смѣлая.

Олимп. Петр. Ужъ не бось — не выдамъ... Да ты перестань... думать-то. Ничего не видя ужъ и раскисла. Какъ то теперича папеньку твоего нашъ кавалеръ угощаетъ? Вѣдь придумалъ-же штучку! а? Намъ вѣдь, дѣвка, чай одѣваться пора.

Надя. Что́ если папенька-то вдругъ безъ насъ проснется... да хватится насъ, что тогда!

Олимп. Петр. Вотъ еще выдумала. А мы дверь-то въ спальню запремъ и ключь съ собой увеземъ. Пускай стучится... Постучится да и перестанетъ. Скажетъ—крѣпко спятъ видно; что понадобится, такъ Анисья тутъ и будетъ. Вѣдь онъ во хмѣлю-то смиренъ; какъ заляжетъ, такъ его не добудишся. Нешто кваску испить захочетъ,—Анисья подастъ! Пойдемъ одѣваться.

Надя. Тетенька! Какъ я его обожаю!

Олимп. Петр. Еще-бы такаго красавца не обожать! Да для него я не знаю что можно сдѣлать!

(уходятъ въ спальню).

СЦЕНА 2.

(У Липкиной. Простенькая, но опрятная комнатка. Веселенькія обои, чистыя занавѣски на окнахъ. Фортепьяно. Диванъ и столъ накрытый кавровой салфеткой. На немъ лампа. Въ глубинѣ дверь; около нея съ одной стороны трюмо, съ другой этажерка съ разными бездѣлушками; на право окно).

Варвара Андреевна Липкина и Маша.

(Варвара Андреевна—молодая женщина лѣтъ 23-хъ, довольно полная и красивая. Впрочемъ на лицѣ кромѣ свѣжести и здоровья ничего не выражается. Чорное шолковые платье; на рукахъ браслеты, на головѣ сѣтка. Маша—бойкая, хорошенькая дѣвушка, одѣта щеголевато).

Digitized by Google

Липкина (сидитъ на диванѣ и грызетъ фисташки. Маша стоитъ передъ ней). Хоть-бы съ кѣмъ познакомиться, Маша; очень ужъ скучно такъ-то жить. Ты не знаешь, кто у насъ внизу нанялъ? Купцы или господа?

Маша. Нѣмцы наняли-съ. Мужъ съ женой. Онъ по утрамъ куда-то на фабрику все уходитъ. А она почитай что все время на кухнѣ. По книжкѣ кухарку учитъ. Не лестно вамъ съ ними знакомиться.

Липк. Ну, а тутъ рядомъ—какіе жильцы?

Маша. А рядомъ барыня старая, съ племянникомъ съ гимназистомъ живетъ. Больная, вишь. И ни съ кѣмъ знакомства не водитъ, окромя какъ съ монахами. Монаховъ такъ къ ней ужасти сколько ходитъ. Прислуга-то жалуется, что ужъ очень окаредна. Только на монастыри ничего не жалѣетъ. Я, говоритъ, отъ мірского ото всего отказалась—мнѣ надо о душѣ своей попеченіе имѣть, въ царствѣ небесномъ себѣ уголокъ приготовить.

Липк. Вотъ и мы съ тобой, Маша, какъ состарѣемся,—тоже будемъ спасаться?

Маша. Ну, еще далека пѣсня, сударыня. Поживемъ еще... Чай она съ молоду тоже всякое удовольствіе имѣла. Нагрѣшила небось сердешная столько, что и-и!..

Липк. А мы нѣшто съ тобой безгрѣшныя?

Маша. Все-же мы еще много-то нагрѣшить не успѣли. Рано намъ о спасеньи-то думать.

Липк. Что это какія фисташки крѣпкія попались... Ну, а больше никого здѣсь не живетъ?

Маша. Докторъ еще на дворѣ нанимаетъ.

Липк. Женатый?

Маша. Вдовецъ.

Липк. Молодой?

Маша. Не такъ чтобы очень старый. Да ужъ изъ себя не казистъ больно. Длинный да сухощавый. Изъ этихъ онъ... какъ бишь ихъ,—вотъ крупинками-то лѣчатъ.

Липк. Гомеопатъ? (извлекаетъ фисташку).

Маша. Ну, да-съ. Далъ онъ намедни хозяйскому кучеру пузырекъ съ этими самыми крупинками, — кучеръ-то ногу себѣ повредилъ, — и наказалъ ему по три крупинки

Digitized by Google

въ день принимать; а тотъ взялъ да весь пузырекъ сразу и хватилъ,—скорѣй говоритъ заживетъ. Какъ узналъ про это доктуръ, такъ-то на него напустился, что страсти. По комнатѣ это бѣгаетъ, волосы на себѣ рветъ: необразованность, говоритъ; орда дикая.

Липк. И что-жъ? ничего ему отъ этого нуже же стало, кучеру-то?

Маша. Что ему дѣлается! Дѣтина здоровенный, ражій. Старуха, что рядомъ живетъ, тоже къ себѣ этого доктура призывала. Невры у ней совсѣмъ остановились. На горничную на свою осерчала. Сказываютъ—помогъ.

Липк. Какъ это ты, Маша, все знаешь! Тебѣ я думаю гораздо веселѣе чѣмъ мнѣ. Ты тутъ со всѣми успѣла перезнакомиться.

Маша. Нельзя-же, сударыня: въ лавочку выйдешь али за ворота́—безпремѣнно кто-нибудь подвернется, ну и почешешь языкъ. Я, грѣшный человѣкъ, поговорить люблю.

Липк. Я и сама люблю, Ма̀ша; да не съ кѣмъ...

Маша. Какъ-же это, сударыня, когда вы съ супругомъ-то изволили жить,—развѣ у васъ никакого-таки знакомства не было.

Липк. Были, да ужъ очень всѣ скучные. Онъ вѣдь у меня былъ ревнивецъ такой, что страхъ.

Маша. И-и? Это бѣда — какъ если мужъ да ревнивый Я изъ за этого замужъ нейду... а жениховъ сколько сваталось!.. У меня ндравъ веселый. Я люблю чтобы мнѣ слободно было. А эдакъ-то, коли мужчина надъ мной командовать станетъ — я кажется ему на зло не знаю что готова сдѣлать. Вы ужъ больно смиренны были, сударыня, полагать надо.

Липк. Ахъ нѣтъ, Машенька. Я сколько разъ съ нимъ ссорилась! Даже уѣхать отъ него хотѣла.

Маша. Да не уѣхали.

Липк. Сердце у меня очень отходчиво, Маша. Бывало станетъ передо мной на колѣни, умолять начнетъ, плакать; потомъ пойдетъ обновку какую-нибудь сейчасъ купитъ.. Ну я и останусь.

Маша. Ужъ я-бы на вашемъ мѣстѣ, сударыня, не мало у него всякаго добра повытянула...

Digitized by Google

Липк. (смѣясь) Одинъ разъ, Маша, я и то нарочно съ нимъ ссору затѣяла... Знала, что онъ потомъ, какъ мириться станетъ, все сдѣлаетъ чего-бы я только ни попросила. А мнѣ смерть золотые часики имѣть захотѣлось.

Маша. Ну чтожъ, купилъ?

Липк. Купилъ.

Маша. Всѣ-то эти мужчины такіе. Наша сестра только иной разъ пользоваться не умѣетъ... выгоды своей наблюсти. Просты мы очень. А кажется коли захотѣть, такъ всякаго мужчину можно на такую линію поставить, что тебѣ ни въ чемъ отъ него отказу не будетъ...

Липк. Это правда... (помолчавъ) А что, Маша? Нынче на дворѣ жарко?

Маша. Не жарче вчерашняго будетъ-съ.

Липк. Хоть-бы пойдти прогуляться что-ли.

Маша. Разумѣется подите. Что дома-то сидѣть?

Липк. Да куда идти-то?

Маша. Мало-ли мѣстъ, барыня! Вотъ хоть-бы на Кузнецкій мостъ, на что́ лучше этого мѣста! Публики тамъ завсегда страсть сколько.

Липк. Очень ужъ тамъ въ магазинахъ искушеній много, Маша. Посмотришь въ окошко да пожалуй и соблазнишься,—купишь что-нибудь эдакое не нужное. А деньги-то мнѣ поберечь на дорогу надо.

Маша. Ну, на Тверской бульваръ ступайте. Тамъ оченно благородно. Всѣ господа гуляютъ. Да зашли-бы въ тіятръ, билетъ себѣ взяли. Развеселились-бы хоть маленько.

Липк. А что въ самомъ дѣлѣ?. Это ты хорошо придумала. Я давно ужъ въ теарѣ-то не была. Кабы ты знала какъ я любила балеты, Маша!

Маша. Это гдѣ танцуютъ-то? Была я разъ, когда при мѣстѣ жила у француженки; на масляницу она меня отпускала; да мнѣ не понравилось. А вотъ представляли въ маломъ тіятрѣ комедію, ну такъ тамъ не въ примѣръ лучше. Помню я, вышли эти двое... одинъ такой бравый мужчина— «что́, говоритъ, она со мной сдѣлала»! и все себя въ грудь бьетъ! А другой постарше его уговариваетъ: «успокойся, го-

Digitized by Google

воритъ, капитанъ! успокойся!» Молодому значитъ жена измѣнила....

Липк. Драму должно быть какую-нибудь давали.

Маша. Ужъ не знаю, только очень хорошо. Потомъ дѣвушка какая-то выбѣжала; коса у ней распущена... сумасшедшую она представляла.

Липк. Не люблю я, Маша, печальныя пьесы смотрѣть... Нервы у меня очень слабы.. Сейчасъ расчувствуюсь.

Маша. Зачѣмъ-же, сударыня? вѣдь это не то чтобы взаправду было... это такъ только. Разумѣется — для время препровожденія.

Липк. Какъ я давно не играла на фортепьянахъ! Сѣсть развѣ, да поиграть. Еще гулять-то успѣю.

Маша. Съиграйте-ка что-нибудь повеселѣе барыня, а я послушаю. Я ужасти какъ люблю коли кто хорошо играетъ.

(Липкина садится и наигрываетъ польку. Маша идетъ къ окну и вдругъ вскрикиваетъ: барыня, посмотрите-ка!)

Липк. Что это такое? (вскакиваетъ изъ за фортепьянъ).

Маша. Какой офицерикъ хорошенькій по двору ходитъ... видно ищетъ кого-то.

Липк. Гдѣ? гдѣ? (смотритъ въ окно) Ахъ, въ самомъ дѣлѣ .. Кого-же онъ это ищетъ?

Маша. Не доктура-ли? Погодите я пойду спрошу, кого ему надобно.

Липк. Что это ты, Маша,—какая право бестыдница... Развѣ можно?

Маша. Да чтожъ за бѣда такая? Дворникъ ушолъ въ кварталъ... Ей Богу спрошу... (убѣгаетъ).

Липк. (продолжая смотрѣть въ окно). Ахъ Господи! Никакъ онъ сюда идетъ... Что это Маша дѣлаетъ....

Маша. (вбѣгая, въ попыхахъ) Васъ, сударыня, спрашиваетъ...

Липк. Меня? Зачѣмъ это... я его не знаю.

Маша. Видно надобность есть.

Липк. Ахъ, Боже мой! Убири скорѣй скорлупу и фиташки (смотрится въ трюмо). Я сегодня и не причесалась какъ слѣдуетъ..

(Входитъ Голодухинъ).

Digitized by Google

Липкина, Маша, Голодухинъ.

Маша. (тихо Липкиной) Вотъ, сударыня, горевали что нѣтъ знакомыхъ. Богъ и послалъ.

Голод. Я имѣю удовольствіе видѣть передъ собою Варвару Андреевну?

Липк. Да-съ, это я. Что вамъ угодно?

Голод. Услышавъ стороной, что вы изволите искать попутчика до Воронежа...

Липк. Ахъ, да!.. я точно ищу.

Голод. Я также имѣю надобность ѣхать туда—по своимъ семейнымъ дѣламъ, и почолъ-бы за особенное счастіе сопутствовать... такой во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной особѣ...

Липк. Вамъ вѣрно сказалъ этотъ старичокъ, котораго я у Оболдуевыхъ видѣла...

Голод. Онъ самый, сударыня..

Липк. Ахъ! что-же это я... не прошу васъ сѣсть. Сдѣлайте милость (указываетъ на стулъ).

Голод. (садясь) То есть—вотъ изволите видѣть, онъ говорилъ не мнѣ собственно... а одному господину, который публиковалъ въ газетахъ, что ищетъ себѣ попутчика..

Липк. Да... тотъ кажется пожилой, семейный человѣкъ?

Голод. Точно такъ-съ... пожилой и семейный-съ; но только онъ уже нашолъ себѣ попутчика. Я тоже къ нему обращался было, да опоздалъ. И тогда рѣшился представиться вамъ... Вы ѣдете, какъ я слышалъ, для свиданія съ родственниками?

Липк. Да.. у меня тамъ папаша и бабушка.

Голод. Вообразите—и я тоже ѣду для свиданія съ престарѣлой матушкой... Какъ это право случилось!... И на долго вы изволите ѣхать?

(Маша въ это время скрывается въ дверь).

Липк. Не думаю: недѣли на двѣ или на мѣсяцъ... Я знаете совсѣмъ отвыкла отъ этой провинціяльной жизни.. Очень тамъ скучно.

Голод. Ну да.. разумѣется... Какая-же можетъ быть жизнь въ провинціи-съ... Необразованность... Ѣдятъ да спятъ,

Digitized by Google

больше ничего. Театръ тамъ, я думаю, самый плохой .. Маскарадовъ, концертовъ—ничего этого не бываетъ. A propos .. Вы, если не ошибаюсь, изволите заниматься музыкой?

Липк. Да, я очень люблю играть на фортепьянахъ.

Голод. И вѣроятно играете мастерски?

Липк. Нѣтъ, куда! Я больше такъ, для себя.

Голод. Позвольте мнѣ этому не повѣрить. Это съ вашей стороны конечно одна скромность...

Липк. Совсѣмъ нѣтъ! Я право играю очень плохо... А вы играете?

Голод. (вздохнувъ) Нѣтъ-съ, къ сожалѣнію я въ дѣтствѣ не обучался этому очаровательному искусству... Но я музыкантъ въ душѣ. Не могу вамъ выразить до какой степени музыка дѣйствуетъ на меня... Я, такъ сказать, уношусь въ другой міръ!.. Это что-то такое волшебное... А вы не изволите пѣть?

Липк. Нѣтъ.. не пою. Но я такъ люблю слушать когда поютъ другіе.. Романсы—это страсть моя!

Голод. И для меня тоже романсы ни съ чѣмъ не могутъ сравняться. Всѣ эти итальянскія аріи, знаете.., это все не то... Можетъ быть тамъ знатоки и находятъ въ нихъ что-нибудь эдакое, особенное.. но я не знатокъ, говорю прямо, и романса не промѣняю ни на какія оперы.. Въ особенности я люблю этотъ романсъ... Вы конечно знаете... (напѣваетъ) «Скажите ей, что пламенной душою!» Прелестно!

Липк. Ахъ да! восхитительно... Вы вѣрно поете...

Голод. Нѣтъ-съ, увѣряю васъ!. Или вотъ еще: «говорятъ что я кокетка...» (напѣваетъ) Мнѣ въ этомъ романсѣ особенно слова нравятся: «Силы дѣвственныя трачу, полны дивнаго огня!» Удивительно сказано!

Липк. Да! Очень хорошо.

Голод. Есть еще тамъ куплетъ: (напѣваетъ) «Но видались какъ не рѣдко,—Равнодушіемъ плачу.»

Липк. Вы поете, непремѣнно поете!... Только не хотите сказать.

Голод. Клянусь честью, нѣтъ! Но неправда-ли какія прекрасныя слова! Ей говорятъ, что она кокетка, а она отвѣчаетъ: не кокетка я ни мало, могу страстно полюбить, но

Digitized by Google

кого люблю — не стало; что прошло—не возвратить!»... А propos... Вы кажется недавно изволили лишиться супруга?

Липк. (вздохнувъ) Да... Вотъ ужъ полгода какъ я лишилась.

Голод. Я думаю вы скучаете... въ одиночествѣ?.. Привычка, знаете, къ семейной жизни... Вѣдь это много значитъ.

Липк. Да... я совершенно одна...

Голод. Но вы еще такъ молоды, такъ прелестны... Передъ вами можно сказать — лежитъ еще долгій путь... И онъ вѣроятно будетъ усѣянъ цвѣтами! Вы напрасно, сударыня, такъ предаетесь тоскѣ одиночества!.. Вамъ нужно наслаждаться жизнью.. Вы помните эту пѣсню: «Лови, лови часы любви, — Пока огонь горитъ въ крови.» Не знаю какъ вы, а я такого мнѣнія, что безъ любви нѣтъ и не можетъ быть настоящей жизни... Жизнь безъ любви, это тюрьма, это хуже чѣмъ тюрьма... Это могила... Неправда-ли?

Липк. (смѣется) Въ самомъ дѣлѣ?

Голод. Непремѣнно такъ-съ; да вотъ вы напримѣръ томитесь, тоскуете... а все потому что вы теперь никого не любите.. Но если-бы вы полюбили, ничего-бы этого не было. Повѣрьте. Вы были-бы веселы, довольны... вкушали-бы счастье.

Липк. Любятъ-то, говорятъ, вѣдь одинъ только разъ во всю жизнь.

Голод. Нѣтъ-съ, извините!.. Съ этимъ я ни какъ не могу согласиться! Одинъ разъ могутъ любить только холодныя, безчувственныя женщины, а у кого пылкое, страстное сердце—тѣ совсѣмъ напротивъ-съ. Тѣ въ состояніи и два и даже три раза....

Липк. Это мужчины такіе. Они только и смотрятъ, какъ-бы влюбиться...

Голод. Неужели-же, сударыня, женщина, которая любила и навсегда лишилась въ молодости предмета своей любви, должна всю жизнь свою «платить равнодушіемъ», какъ сказано въ романсѣ? Нѣтъ! Это невозможно-съ! Это, если можно такъ выразиться, противно законамъ природы... Развѣ женщины не выходятъ замужъ во второй и въ третій разъ?

Digitized by Google

Липк. Это больше потому выходятъ, что онѣ слабый полъ... и что безъ мужчины ихъ всякій обидѣть можетъ. Значитъ нужно, чтобы былъ хозяинъ въ домѣ.

Голод. Вы какъ дама разумѣется должны защищать свой полъ... Это я понимаю-съ, но я все-таки не отступаюсь отъ своего мнѣнія насчетъ любви-съ!.. Только самыя холодныя женщины могутъ любить одинъ разъ...

Липк. А вы сколько разъ влюблены были?

Голод. Я-съ? Признаюсь вамъ... я еще не разу не былъ влюбленъ настоящимъ образомъ, потому что не находилъ женщины вполнѣ достойной... т. е. которая-бы могла понять меня... которую-бы я—однимъ словомъ—могъ избрать въ подруги жизни.... Что дѣлать! Вотъ если-бы всѣ женщины были похожи на васъ... Ну, тогда другое дѣло! Тогда-бы я былъ давно женатый человѣкъ...

Липк. Это вы говорите мнѣ комплименты.... Мужчины всѣ ужасные хитрецы!

Голод. Вотъ ужъ нѣтъ, сударыня! Я человѣкъ военный, прямой... Я не знаю всѣхъ этихъ свѣтскихъ тонкостей... У меня что на умѣ, то и на языкѣ... Скажу вамъ откровенно, съ перваго раза какъ я увидалъ васъ — я почувствовалъ къ вамъ что-то такое особенное... Я сейчасъ-же понялъ, что вы женщина возвышенная... идеальная... Повѣрьте, сударыня, что я не льщу... Мы военные льстить не умѣемъ... Но однако жъ—простите, я отвлекся отъ предмета своего посѣщенія... Угодно вамъ будетъ избрать меня своимъ спутникомъ?....

Липк. Я право не знаю....

Голод. Можетъ быть я не имѣлъ счастія вамъ понравится... То есть внушить вамъ... довѣріе?..

Липк. Нѣтъ... отчего-же! я совсѣмъ напротивъ...

Голод. А ежели напротивъ, то по какимъ-же причинамъ вы не желаете, чтобы я вамъ сопутствовалъ? Будьте увѣрены, сударыня, что со мной вы не подвергнетесь въ дорогѣ никакимъ непріятностямъ. Я буду вашимъ тѣлохранителемъ, буду васъ конвоировать.

Липк. Я очень вѣрю...

Голод. Такъ значитъ по рукамъ!.. Позвольте мнѣ въ

Digitized by Google

знакъ согласія вашу прекрасную руку (протягиваетъ ей руку). Ну что-же? Вы не рѣшаетесь? (серьозно) Если я вамъ противенъ... то я немедленно удалюсь... Мнѣ остается только просить у васъ прощенія, что я осмѣлился васъ обезпокоить...

(встаетъ съ мѣста).

Липк. (подаетъ ему руку) Нѣтъ, нѣтъ... Не уходите... Но знаете... Я такая нерѣшительная... Вы на меня пожалуйста не сердитесь!..

Голод. (не выпуская руки ея) Смѣю-ли я сердиться!.. Я очень понимаю... Я человѣкъ незнакомый... Вы видите меня въ первый разъ... Но если вы позволите мнѣ до нашего отъѣзда посѣщать васъ... то я надѣюсь, что мы съ вами сойдемся и что вы не раскаетесь... (цѣлуетъ ей руку, она отнимаетъ ее). Да! Я и забылъ главное: вѣдь я не могу ѣхать раньше какъ черезъ двѣ недѣли... Я еще не получилъ отпуска... Мнѣ сказали въ штабѣ, что раньше какъ черезъ двѣ недѣли нельзя ждать разрѣшенія начальства.

Липк. Ну чтожъ? Мнѣ тоже не къ спѣху. Скажите, въ какомъ-же экипажѣ намъ ѣхать?..

Голод. У меня есть четырехмѣстная коляска.. т. е. собственно не у меня... а у одного моего товарища, славнаго малаго, который обѣщалъ мнѣ дать ее напрокатъ... Это лучше чѣмъ покупать... Не такъ-ли?

Липк. Конечно...

Голод. Вы безъ сомнѣнія возьмете съ собою горничную?

Липк. Да... я бы желала...

Голод. Что-жъ? мѣста будетъ довольно даже для двухъ горничныхъ... И такъ мы ѣдемъ... (протягиваетъ руку. Она подаетъ ему свою; онъ жметъ ее).

Липк. (улыбаясь) Какъ вы больно...

Голод. По военному-съ! Когда-же я буду имѣть счастье увидѣть васъ...

Липк. Я всегда дома...

Голод. Значитъ я могу вдакъ зайдти какъ-нибудь вечеркомъ... Вы позволите?

Липк. Очень рада... Иногда только я въ театръ хожу...

Голод. А! Я тоже обожаю театръ. Не прикажете-ли я

Digitized by Google

буду вашимъ кавалеромъ?.. Какой театръ вы предпочитаете... Малый или Большой?

Липк. Я преимущественно люблю балетъ...

Голод. Какъ однако-жъ мы съ вами сошлись! Я почти только и посѣщаю что балетъ! Вотъ нынче идетъ Сатанилла... Если вы не видали, то я вамъ совѣтую отправиться.. Какія декораціи—прелесть! Очарованіе! Позвольте мнѣ взять вамъ билетъ...

Липк. Ахъ!.. Я буду очень вамъ благодарна... Но мнѣ право совѣстно...

Голод. Помилуйте!. Вѣдь я пойду мимо. Въ какія мѣста вы обыкновенно ѣздите?..

Липк. Въ кресло-амфитеатръ.

Голод. Такъ я возьму два билета—одинъ для васъ, другой для себя, рядомъ. И вечеромъ передъ театромъ занесу вамъ.

Липк. Мерси...

Голод. За что же?.. (смотритъ на часы) однако-жъ мнѣ пора... Очень, очень, очень радъ, что имѣлъ счастье познакомиться съ вами. Какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что мы будемъ съ вами друзьями. Признаюсь, я ни съ одной женщиной не чувствовалъ себя такъ просто, безъ церемоній, какъ съ вами. Вы совсѣмъ не походите на чопорныхъ, свѣтскихъ дамъ... Я какъ-будто уже знакомъ съ вами цѣлый годъ... Это право даже удивительно!.. До свиданья... (протягиваетъ ей руку; она подаетъ свою... Онъ крѣпко цѣлуетъ ее и идетъ къ дверямъ; потомъ возвращается). А знаете, послѣ театра отлично-бы поѣхать куда-нибудь пить чай...

Липк. Куда-же?

Голод. Напримѣръ хоть въ Rocher de lancale; туда всѣ аристократы обыкновенно ѣздятъ.

Липк. Какже это, мы вдвоемъ? Я не знаю хорошо-ли это будетъ.

Голод. Помилуйте!.. Кто-же насъ увидитъ? Вѣдь мы возьмемъ совершенно отдѣльную комнату. Это здѣсь принято... Впрочемъ если вамъ угодно, пригласите еще кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ.

Digitized by Google

Липк. Да кого-же?.. У меня знакомые всѣ такіе скучные, чванные...

Голод. А если никого нѣтъ, такъ тѣмъ лучше... мы превесело проведемъ время вдвоемъ... о ревуаръ! (Самъ беретъ ея руку и цѣлуетъ).

Липк. Прощайте!.. Смотрите-же, я жду васъ къ шести часамъ.

Голод. Непремѣнно! (про себя) кажется эта барынька довольно податлива!

Липк. Маша, Маша! Подай пальто и запри за ними дверь.

Маша. (входя) Сейчасъ сударыня.

Голод. (про себя) И горничная то-же очень свѣженькая!.. Не хуже барыни! (вслухъ) Прощайте, Варвара Андреевна! (уходитъ).

Липк. (по уходѣ Голодухина съ веселымъ видомъ подходитъ къ трюмо, напѣвая что-то про себя, и поправляется. Видно, что она очень довольна).

(Маша возвращается съ разкрасивѣвшимися щеками).

Липкина и Маша.

Маша (про себя). Ну, ужъ отчаянный! Растрепалъ всю. Не знаю, говоритъ, кто изъ васъ лучше—ты или барыня. Обѣихъ-бы васъ поперемѣнно съ утра до ночи цѣловалъ.

Липк. Ну что, Маша, какъ тебѣ гость понравился?

Маша. Ничего, сударыня; не дуренъ.

Липк. Мнѣ такъ онъ очень нравится, Машенька. Такой любезный, разговорчивый молодой человѣкъ.

Маша. Да, ужъ молчать не любитъ. Видалъ, нужно полагать, виды; знаетъ какъ повести себя.

Липк. Я, Маша, терпѣть не могу сурьозныхъ мужчинъ. Вотъ какъ намедни у Оболдуевыхъ на вечерѣ чиновникъ одинъ былъ: и собой хорошенькій, а разговору у него почти никакого нѣтъ. Все только про службу, да про начальство. Кому это интересно? Этотъ совсѣмъ не такой.

Маша. Еще-бы вы, сударыня, военнаго да къ чиновнику приравняли!

Липк. Я рада, коли онъ къ намъ ходить будетъ; съ нимъ

Digitized by Google

весело. (какъ-бы сама съ собой) А должно быть онъ непремѣнно поетъ; только не хотѣлъ съ перваго разу признаться.

Маша. Хорошо, сударыня, что вамъ попутчикъ молодой выискался. А то со старикомъ-то ѣхать—дорога ужъ очень длинна покажется. Этотъ по крайности балагурить до самаго до мѣста будетъ.

Липк. Это точно... Только я не знаю право... Совѣстно какъ-то съ молодымъ такимъ... На станціяхъ чай Богъ знаетъ что подумаютъ.

Маша. Вотъ еще, барыня, нашли о чемъ безпокоиться. А пусть себѣ думаютъ! Вамъ какое дѣло? Вѣдь мы на станціяхъ-то не жить останемся, перемѣнимъ лошадей да и маршъ. А вы то возьмите—если теперича со старикомъ ѣхать, попадется брюзга какой-нибудь, ворчать станетъ, не угодишь на него. Или пожалуй еще табакъ нюхаетъ .. а отъ табашниковъ отъ этихъ такая всегда вонь. Весь экипажъ продушитъ. Полноте, сударыня! Берите офицерика. Можетъ еще влюбиться въ васъ, да посватается.

Липк. (смѣется, слегка покраснѣвъ). Чего только эта Маша не выдумаетъ! Точно ужъ я такая красавица, что всѣ въ меня влюбляться должны!

Маша. А нешто дурны? Разумѣется влюбится. Вотъ помяните мое слово.

Липк. Перестань вздоръ говорить, Маша. (подходитъ къ фортепьянамъ, садится и начинаетъ пѣть):

Не кокетка я нимало,
Могу страстно полюбить...

СЦЕНА 3.

(Холостая квартира. Въ глубинѣ кровать за ширмами, на которыхъ виситъ военный сюртукъ съ новенькими эполетами. На авансценѣ съ одной стороны ломберный столъ и два стула, съ другой—диванъ, обитый полиняльмъ ситцемъ. На стѣнѣ виситъ небольшое зеркало въ рамкѣ краснаго дерева. На диванѣ валяется истрепанная книжка. Одно изъ двѣ двери).

Звѣревъ и Голодухинъ.

(Звѣревъ въ мундирномъ сюртукѣ на распашку безъ эполетъ си-

Digitized by Google

дитъ у стола и дѣлаетъ папиросы. Ему лѣтъ около 40. Солиденъ. Движенія лѣнивыя. Лицо доброе, хотя и грубоватое. Голодухинъ лежитъ на диванѣ и куритъ папироску изъ мундштука. На немъ что то въ родѣ архалука).

Звѣревъ. Вѣдь эдакое тебѣ, подумаешь, чертовское счастье! Такъ и льнетъ къ тебѣ женскій полъ.

Голод. Да, братъ, могу сказать: нравлюсь!

Звѣр. И всегда-то я замѣчалъ, что такіе вотъ свистуны, прощалыги какъ ты, въ которыхъ никакой солидности нѣтъ, всего больше женщинамъ по сердцу приходятся. Глупы ужъ онѣ что-ли очень, кто ихъ знаетъ.

Голод. Однакоже ты, братецъ, кажется ругаешься.

Звѣр. Еще не такъ-бы тебя ругать слѣдовало. Никакого въ тебѣ, какъ я посмотрю, устою нѣтъ. Такъ... куда вѣтеръ подуетъ. Нѣтъ чтобы о себѣ позаботиться, обезпечить себя. Вѣдь ты-бы могъ себѣ невѣсту хорошую, съ деньгами найдти.

Голод. Ишъ ты какой!.. Связать-то себя на всю жизнь. Рано еще, братъ. Пожуировать хочется. Да ты что меня учить вздумалъ? Ты вотъ самъ и постарше меня, да не женишься.

Звѣр. Ужъ мнѣ куда!.. Лѣта мои не такія. Опять-же я съ этими съ женщинами объясняться не мастеръ. Конфузливъ. Если на меня теперь смазливенькая бабенка взглянетъ—меня точно варомъ обдастъ. А умѣй я какъ ты мѣлкимъ бѣсомъ передъ ними разсыпаться, — я-бы давно пристроился. Да не такъ какъ ты, не попрощалыжному, а по честному, какъ честному человѣку прилично. Случаевъ подходящихъ тоже не мало было. Вотъ помню, стояли мы въ курской губерніи... Помѣщица тамъ одна, вдова, богатѣющая и собой не дурна, какъ нашу братью-военныхъ любила! Бывало ты у ней съ утра до ночи благодушествуешь. Шампанскаго одного каждый день чуть не по двѣ дюжины выпивали. И стала и видѣла, какъ-бы за офицера выйдти. Еслибы не конфузливость моя, давно-бы я былъ въ отставкѣ и помѣщикомъ-бы въ своемъ имѣньи жилъ.

Голод. А ты ей развѣ нравился?

Звѣр. Товарищи сказывали потомъ, что по уши въ ме-

Digitized by Google

ня влюблена была. Я-то самъ признаться не замѣчалъ этого. Все думалъ, что она это такъ только глупитъ. За что молъ ей любить меня? Кабы я изъ себя ужъ очень красивъ былъ, ну такъ! Образованія этого, полировки свѣтской тоже за мной не водится,—на мѣдные гроши обучонъ. И пока я, братецъ ты мой, такъ-то раздумывалъ, у меня изъ-подъ носу кусокъ вырвали.

Голод. Э? Значитъ вышла замужъ?

Звѣр. Вотъ такая-же пустельга какъ ты подвернулась. Тифтиковъ подпоручикъ одинъ былъ у насъ. Картежникъ страшный. Даже бѣлье закладывалъ, а ужъ къ банчику присусѣдится. И везло-же ему! Обошолъ мою вдовушку такъ, что та на него все имѣнье записала. И вѣдь чѣмъ взялъ? По французски очень ужъ бойко объяснялся. Такъ бывало и сыпитъ, такъ и сыпитъ. Встрѣтилъ я его какъ-то въ прошломъ году въ Москвѣ. Разжирѣлъ, бороду себѣ отпустилъ. Ну что, спрашиваю, какъ картишки? Закаялся, говоритъ, въ руки не беру. Вретъ чай мошенникъ. А знаешь ли, братъ: я замѣчаю нынче ужъ не та лафа намъ что прежде... Штатскіе эти въ ходъ пошли. Въ прежнее время на балу—коли штатскій какой-нибудь барышню танцовать пригласитъ, такъ она всячески отъ него отдѣлаться наровитъ. Скажетъ: устала, либо сама подойдетъ къ нашему брату, да попроситъ чтобъ ее взяли. Избавьте-молъ меня отъ штатскаго. Теперь не то.

Голод. Это, братъ, вздоръ. Коли ты самъ ловокъ, въ грязь лицомъ не ударишь, да еще мундиръ на тебѣ,—такъ никогда тебя на штатскаго ни какая дама не промѣняетъ.

Звѣр. Не знаю, что ты Сидорова услалъ куда что-ли?

Голод. На смотръ онъ пошолъ. Нынче нестроевыхъ маіоръ смотритъ. А тебѣ что?

Звѣр. Да адмиральскій часъ. Въ желудкѣ сигналы играютъ. У насъ кажется ни капли нѣтъ. (помолчавъ) Какъ-же ты теперь съ этими попутчиками своими развяжешься.

Голод. А такъ, просто... Не ѣду да и баста. Надоѣли они мнѣ.

Звѣр. И вдовушка надоѣла?

Голод. Ну ее! Я, братъ, вчера видѣлъ одну... вотъ такъ

Digitized by Google

могу сказать!.. Красоты неописанной... эти всѣ ей въ подметки не годятся. Глаза чорные, такъ и горятъ. Сама смугленькая точно цыганочка; теперь я, братецъ, туда всѣ батареи направилъ.

Звѣр. Дѣвица?

Голод. Замужняя. Только мужъ у ней въ отлучкѣ. Значитъ самое время дѣйствовать. Она всегда въ два часа на чистыхъ прудахъ. Вотъ скоро идти пора.

Звѣр. Ты-бы каждый день радъ мѣнять. А вотъ мнѣ эта дѣвочка, попутчика дочь, очень нравится. Добрая такая, скромная. Жаль ее бѣдняжку; очень ужъ къ тебѣ привязалась.

Голод. Она ничего... Да ужъ не вмѣру чувствительна... Нюнитъ все. Вообразила себѣ, что я въ самомъ дѣлѣ на ней женюсь. Нѣтъ, братъ, вотъ есть у ней тетка... рыло, я тебѣ скажу, такое, что ума помраченіе, а до любовныхъ исторій охотница страстная. Потѣха просто! Однако-жъ я этой теткѣ долженъ быть благодаренъ. Кабы не она, дѣвочка-то меня еще мѣсяца два проводила-бы. Ну, и потратился-же я на нихъ, чортъ-бы ихъ дралъ! Вѣдь почти что каждый день родителя-то накачивалъ; ну, опять эти катанья, да чаи разные.

Звѣр. А вдовушка?.. У той у самой небось денжонки водятся.

Голод. Какія денжонки!.. Такъ себѣ... Кабы денегъ много было, попутчика-бы себѣ не искала. Ну, да эта покрайности хоть свободна. Никто за ней не надсматриваетъ; тутъ хлопотъ меньше было. Горничная у ней тоже славная, только себѣ на умѣ дѣвка, не то что барыня. Ее словами не скоро проймешь.

Звѣр. Ага! Видно нашла коса на камень.

Голод. Ужъ мнѣ теперь о нихъ и думать не хочется, съ тѣхъ поръ какъ я эту дамочку встрѣтилъ... А какія, братъ, онѣ мнѣ записки чувствительныя пишутъ... (Вынимаетъ изъ кармана бумажникъ) Дня четыре ужъ я не былъ у нихъ. Такъ онѣ всякій день чуть не по два раза присылаютъ. Боюсь, какъ-бы сами не нагрянули.

Звѣр. Комедія-бы вышла отмѣнная.

Digitized by Google

Голод. Ужъ тогда, братецъ, я тебя на нихъ напущу. Ты какъ хочешь съ ними вѣдайся.

Звѣр. Ишъ какой ловкій! А я-то причемъ здѣсь? Нѣтъ, же ву мерси, ихъ данке. Я разговорщикъ плохой.

Голод. Ну, полно! Ты долженъ изъ товарищества!.. А знаешь что? Поволочись-ка за которой-нибудь изъ нихъ? Право! Можетъ быть и удастся. Вѣдь лучше-же, братъ, благородную интрижку завесть, нежели чортъ знаетъ съ какой дрянью знаться.

Звѣр. Ладно! Проживемъ, братъ, и безъ интрижекъ. На совѣсти спокойнѣе. Ты думаешъ хорошо, что ты эту дѣвочку теперь обнадёжилъ... Ну вдова, та положимъ... сама себѣ госпожа... А ужъ это, братъ, грѣхъ... негодится. И знаешь что: помяни мое слово—тебя изъ службы прогонятъ.

Голод. За эти шашни-то?

Звѣр. Да и за все. Мало на тебѣ что-ли есть?

Голод. Да ужъ я самъ знаю, что прогонятъ. Мнѣ маіоръ грозилъ.

Звѣр. Надо отъ такихъ службу очищать. Вы благородное званіе мараете.

Голод. Ну, пошолъ! Эхъ ты, чудачина! Не удивляюсь, что тебѣ никогда не везло у женщинъ. Впрочемъ—какъ хочешь такъ и дѣлай. Если боишься чтобы не пришли, такъ уходи со двора. (Идетъ за ширмы, надѣваетъ сюртукъ и фуражку, потомъ оправляется передъ зеркаломъ). Ну, прощай... до свиданья. Эхъ! кабы нынче удалось заговорить съ ней... (уходитъ).

Звѣр. (убираетъ табакъ, накладываетъ папиросы въ какой-то ящикъ) Пойдти что-ли въ самомъ дѣлѣ! Не хочется. (зѣваетъ) Экая онъ дрянь! свистунъ, а не офицеръ. (Задумывается) Какая это служба?.. Ну, авось никто не придетъ. (Ложится на диванъ, и взявъ кстати книжку, раскрываетъ ее) Почитать развѣ—что тутъ такое. Наташа Падгоригъ, романъ въ четырехъ частяхъ, сочиненіе Воскренскаго. Сказки чай...

(Входитъ Надя, въ бурнусѣ и шляпкѣ; въ рукахъ зонтикъ. Она боязливо осматривается, потомъ тихо подходитъ къ Звѣреву и касается зонтикомъ плеча его).

Digitized by Google

Звѣрев и Надя.

Звѣрев. (вскакиваетъ) Ахъ! Надежда Макаровна... Извините великодушно... Не замѣтилъ-съ.

Надя. Ничего, ничего, Ѳедоръ Петровичъ... Я обезпокоила васъ. Что, Дмитрій Васильичъ дома будутъ?

Звѣр. Нѣтъ съ... Только сію минуту вышелъ... А вамъ что-нибудь нужно-съ?.. Такъ я могу ему передать-съ.

Надя. Никакъ его нынче застать невозможно...

Звѣр. Что дѣлать-съ?.. Служба... Садитесь—прошу покорно.

Надя. (садясь къ столу) Какая служба, Ѳедоръ Петровичъ? Это такъ только отговорка одна, я полагаю.

Звѣр. Почему-же-съ, — помилуйте!

Надя. Ужъ хоть-бы вы-то, Ѳедоръ Петровичъ, меня не обманывали. Сказали-бы мнѣ всю правду-истинную. Не любитъ меня больше Митя?..

Звѣр. Почему-же вы это такъ думаете... Надежда Макаровна?..

Надя. Да такъ ужъ. Развѣ это не видно? Это сразу видно. Нашу сестру, Ѳедоръ Петровичъ, трудно на этотъ счотъ обмануть. Мы завсегда понять можемъ, если мучжина къ намъ разположеніе имѣетъ. Теперича Дмитрій Васильевичъ сколько времени къ намъ ни заглянетъ!.. Бывало такъ каждый день раза по два навѣдается. Надоѣла я ему должно быть. Или другую лучше нашолъ. Ну, что-жъ! Богъ съ нимъ! (сквозь слезы) Только не знаю, будетъ-ли его кто любить такъ какъ я... Я для него не знаю на что пошла бы... (плачетъ) у меня вся душа истомилась, Ѳедоръ Петровичъ. Я кажется руки на себя наложить готова...

Звѣр. Что это, Надежда Макаровна!.. Господь съ вами. Стоитъ-ли такъ убиваться.

Надя. Хорошо вамъ говорить, Ѳедоръ Петровичъ. Кабы я какая-нибудь вѣтренница была... такъ что для меня все равно... сегодня одинъ понравился, завтра другой; еслибы изъ интересу какого... чтобы замужъ напримѣръ выйдти... Дмитрій Васильевичъ хоть и обѣщался жениться на мнѣ, да я—между прочимъ — никогда объ этомъ не думала. А такъ:

Digitized by Google

сердце у меня привязчивое очень... потому собственно и люблю его. Пуще всего на свѣтѣ люблю, Ѳедоръ Петровичъ! Нехорошо это можетъ быть, Ѳедоръ Петровичъ,—а только я прямо вамъ теперича говорю: скажи онъ мнѣ слово, чтобы я папеньку для него бросила, ни минуты кажется не задумаюсь... Вотъ я какъ люблю его!

Звѣр. (тронутый) Не стоитъ онъ любви-то вашей, Надежда Макаровна...

Надя. Нѣтъ, вы этого не говорите, Ѳедоръ Петровичъ... Онъ добрый...

Звѣр. Добрый! Какой-же онъ добрый, коли такъ поступаетъ...

Надя. Ка́къ... поступаетъ? Значитъ онъ измѣнилъ мнѣ, Ѳедоръ Петровичъ?.. Другую нашолъ?

Звѣр. (спохватившись) Нѣтъ-съ, я этого не говорилъ-съ... Но—такъ какъ вы плакать изволите, убиваться, значитъ онъ вамъ огорченія причиняетъ-съ...

Надя. Можетъ, у него точно дѣловъ много, Ѳедоръ Петровичъ?.. Потому такъ давно и не былъ? А вы скажите ему, что молъ папенька меня за Скуфейкина отдать хочетъ...

Звѣр. За какаго это Скуфейкина-съ?

Надя. Чиновникъ одинъ къ намъ ходитъ. Нехорошій такой, плѣшивый да старый.

Звѣр. Что-жъ онъ, богатъ что-ли очень?

Надя. Да, имѣетъ достатокъ. Папенька говоритъ, тебѣ лучшаго жениха всю жисть не найдти. А какой это женихъ? Неужели-же я такая несчастная уродилась, что мнѣ съ старымъ мужемъ вѣкъ коротать придется.

Звѣр. Сохрани Богъ за старикашку идти-съ. Вы себѣ жениха найдти можете по душѣ-съ. Такая красавица...

Надя. Если меня теперь Митя броситъ, грѣшно ему будетъ. У меня на него вся надежда была... Куда я пойду?.. Или за Скуфейкина выходить, или утопиться,—только мнѣ и останется. Къ Митѣ я хоть въ кухарки, хоть въ поломойки, и то готова кажется...

Звѣр. Я ему объясню, Надежда Макаровна...

Надя Сдѣлайте милость, голубчикъ Ѳедоръ Петровичъ. Скажите, что я всѣ глаза выплакала; что мнѣ ни сна ни

Digitized by Google

покою нѣтъ. Хожу цѣлый день какъ шальная, право. (За сценой слышно, что кто-то кашляетъ и снимаетъ калоши. Голосъ Звонарева: дома что-ли?)

Надя. (въ испугѣ вскакиваетъ). Ахъ Господи! Никакъ это папенька! Спрячьте меня куда-нибудь, Ѳедоръ Петровичъ... Пропала моя головушка, если онъ меня здѣсь застанетъ!

Звѣр. Вотъ сюда пожалуйте... Ко мнѣ въ комнату. (уводитъ ее въ сосѣднюю комнату и притворяетъ дверь. Она второпяхъ оставляетъ на столѣ зонтикъ).

(Входятъ Звонаревъ и Скуфейкинъ).

Звѣревъ, Звонаревъ, Скуфейкинъ.

Звонар. Мое почтеніе, милостивый государь. Здѣсь имѣетъ жительство г. Голодухинъ поручикъ.

Звѣр. Здѣсь; только его теперь дома нѣтъ.

Званар. И скоро онъ будетъ?

Звѣр. А вамъ на что его, осмѣлюсь спросить?

Звонар. На что-съ? А вотъ на что-съ. Вы ему—сколько я могу догадываться, — товарищъ будете; такъ побезпокойтесь его спросить... Да впрочемъ если онъ скоро будетъ, то я его самъ дождусь.

Звѣр. Нѣтъ, онъ не скоро будетъ...

Звонар. Ну, въ такомъ случаѣ вотъ мой хорошій пріятель, Аполлинарій Кузьмичъ Скуфейкинъ его подождетъ, такъ какъ у меня занятія спѣшныя есть. Онъ господину поручику все объяснитъ.

Скуф. Я съ удовольствіемъ. У меня нынче день свободный. (садится къ столу и видитъ зонтикъ. Про себя) Ба... да никакъ зонтикъ-то знакомый... э, э, э! Такъ вотъ оно какъ! Ладно; это мы примемъ къ свѣденію. (прячетъ украдкой зонтикъ въ карманъ).

Звѣр. Не долго-ли имъ дожидаться-то будетъ. Онъ прежде вечера не придетъ. А случается, что и вовсе дома не ночуетъ.

Скуф. Полно-такъ-ли? Не нарочно-ли г. офицеръ дома не сказывается. Можетъ быть онъ вотъ тутъ въ комнатѣ сидитъ... (идетъ къ боковымъ дверямъ).

Digitized by Google

Звѣр. (пересѣкая ему дорогу). Нѣтъ, ужъ сюда—извините-съ...

Скуф. Нельзя?.. а почему-же-бы нельзя? Вѣдь бѣды никакой не будетъ, если мы только заглянемъ...

Звѣр. Это моя комната-съ... Тамъ его нѣтъ, въ этомъ я могу завѣрить васъ какъ честный офицеръ. А войдти туда безъ моего дозволенія никто не можетъ-съ, кромѣ какъ развѣ одна полиція, коли отъ начальства предписаніе будетъ... Да что? онъ вамъ состоитъ долженъ что-ли?

Звонар. Долженъ не долженъ, но такъ какъ онъ изъявилъ желаніе по моему вызову сопутствовать мнѣ до Воронежа, а между тѣтъ все меня водилъ и вотъ уже сколько дней глазъ ко мнѣ не показываетъ, — то я хочу отъ него потребовать на этотъ счотъ формальнаго объясненія...

Звѣр. Ну, коли вы по этому дѣлу, такъ вамъ нечего и ждать его. Я могу вамъ сказать достовѣрно, что онъ не поѣдетъ.

Звонар. Какъ-же это однако, милостивый государь, не поѣдетъ?

Звѣр. А такъ не поѣдетъ, да и все тутъ. Раздумалъ, говоритъ. Надобность миновала.

Звонар. Такъ онъ долженъ былъ меня о томъ заблаговременно увѣдомить... а не водить меня, не отлынивать. Я, изъ-за него другихъ попутчиковъ лишился... Я могу за это на него жалобу подать. Его заставятъ убытки мнѣ заплатить. Онъ при свидѣтеляхъ ко мнѣ являлся...

Звѣр. Ужъ это какъ вамъ угодно-съ. Съ нимъ и извольте разговаривать, почему онъ васъ не увѣдомилъ,

Звонар. А какъ я съ нимъ разговаривать буду, когда его собаками не сыщешь?

Скуф. Да что, братъ Макаръ Осипычъ, безъ пути и разговаривать-то. Развѣ не видишь, съ кѣмъ дѣло имѣешь... Просто морочетъ тебя г. офицеръ. Забавникъ—погалать надо!

Звонар. Ну, нѣтъ! я забавляться надъ собой никому не позволю, не только что какому-нибудь мальчишкѣ... Я ему себя дамъ знать... Онъ у меня напляшется.

Звѣр. Ничего вы не сдѣлаете. Я такъ думаю.

Digitized by Google

Звонар. Не сдѣлаю? Ну, такъ вотъ увидите, какъ со мной шутки шутить...

Скуф. Н-да!.. Это къ чести г. офицера не относится. Я теперь понимаю, какіе у него замыслы были...

Звонар. Какіе такіе замыслы?

Скуф. А это я тебѣ дома все объясню, пойдемъ.... Чего намъ тутъ еще ждать.

Звонар. Такъ скажите-же вы ему, что онъ мошенникъ!..

Звѣр. Ну, вы однакожъ потише... не ругайтесь.

Скуф. Полно, братъ Макаръ Осипычъ. Что горячиться...

(Входитъ Маша).

Маша. Здѣсь Голодухинъ Дмитрій Васильевичъ живутъ?

Звѣр. Здѣсь, только онъ со двора ушолъ-съ. Что вамъ угодно съ.

Маша. Меня къ нимъ барыня прислала, Варвара Андревна... Они ѣхать въ Воронежъ вмѣстѣ съ барыней уговорились; такъ она приказала спросить его, не отдумали-ли? Барыня изъ-за нихъ другому попутчику отказала, а объ нихъ почитай что цѣлую недѣлю ни слуху ни духу нѣтъ.

Скуф. Слышишь, братъ Макаръ Осипычъ? каковъ молодчикъ?

Звонар. (къ Звѣреву) Какъ-же вы, милостивый государь, сейчасъ, на этомъ самомъ мѣстѣ объясняли мнѣ, что онъ не поѣдетъ, а между тѣмъ онъ вмѣсто меня съ другими попутчиками уговорился? Развѣ эдакъ благородные люди поступаютъ?

Скуф. Я полагаю, что онъ ни съ тобой, ни съ барыней ея (указываетъ на Машу) не поѣдетъ. И что все это одно только надувательство.

Маша. Это оченно имъ стыдно будетъ. Они барыню завѣряли на честномъ словѣ.

Звѣр. Я почомъ знаю, можетъ онъ съ вашей барыней и поѣдетъ. (про себя) Чего напуталъ! И отдувайся тутъ за него.

Маша. Нѣтъ, ужъ у нихъ должно быть въ умѣ другое. Зачѣмъ-же они вдругъ ходить перестали? То такъ бывало каждый день ходятъ; не успѣетъ барыня встать да чаю накушаться, какъ они ужъ тутъ. А теперича вдругъ пропали.

Скуф. (смѣется) Скажи, милая, своей барынѣ, что г. офи-

Digitized by Google

церъ пошутилъ-молъ. Хе, хе хе. Пойдемъ, Макаръ Осипычь.

Звон. Я этого такъ не оставлю. (Звереву) Слышите-ли, скажите ему, что онъ....

Скуф. (останавливая его за фалду) Что ты!.. при свидѣтеляхъ-то! Вѣдь онъ просить на тебя можетъ.

Звон. Тьфу! (плюетъ и въ сердцахъ уходитъ).

Скуф. (уходя глядитъ на сосѣднюю комнату; Звѣревъ его провожаетъ, какъ-бы опасаясь чтобы онъ не юркнулъ туда).

Скуф. Ну, теперь посмотримъ какую пѣсенку запоетъ спѣсивая барышня. Должно быть она тутъ сидитъ! (уходитъ за Звонаревымъ).

Звѣревъ и Маша.

Маша. Такъ что-же мнѣ теперича доложить барынѣ?

Звѣр. Доложите, что молъ раздумалъ ѣхать. Надобность миновала.

Маша. Да они хоть-бы такъ заглянули къ намъ... (смѣясь) Очень ужъ барыня сокрушается.

Звѣр. (поглядывая на боковую дверь) Хорошо, хорошо! я скажу... Службой онъ очень занятъ.

Маша. Можно этому повѣрить! Нѣтъ, ужъ они должно быть такіе непостоянные...

Звѣр. Извините, моя милая, мнѣ теперь право некогда.. Я самъ идти собираюсь.

Маша. Ну, прощайте-съ... Такъ какже вы полагаете.. Придутъ они? Вамъ небось всѣ ихъ секреты извѣстны..

Звѣр. Никакихъ я его секретовъ не знаю.

Маша. Какъ можно чтобы вы не знали! Вмѣстѣ живете да не знаете!.. (смѣется) Они вѣдь на барынѣ жениться намѣревались. Только все это, я думаю, они такъ больше... баловали. Ну, ужъ признаться!... Ловкій мужчина. А я барынѣ все-таки скажу, что можетъ быть молъ зайдутъ... Сказать что-ли?

Звѣр. Какъ хотите... Мнѣ все равно.

Маша. Прощайте-съ. (просебя) Ну, этотъ на разговоръ скупенекъ. Не то что нашъ. Эхъ, барыня бѣдная! Только было дружка нажила, а онъ въ трубу и вылетѣлъ. (уходитъ).

Digitized by Google

Надя. (выходитъ изъ боковой комнаты взволнованная) Прощайте, Ѳедоръ Петровичъ. Теперича я все понимаю, что онъ за человѣкъ есть. Скажите ему... (слезы подступаютъ у ней къ горлу. Она рыдаетъ).

Звѣр. Да вы не убивайтесь такъ, Надежда Макаровна... Плюньте на него.. Стоитъ-ли?.. Богъ дастъ, не такого полюбите-съ.

Надя. Скажите ему, что грѣшно такъ дѣлать... грѣшно... (снова плачетъ) Нѣтъ... Ѳедоръ Петровичъ, никого я не полюблю... и его не перестану любить по гробъ.. хоть онъ и обманулъ меня. Прощайте! (уходитъ поспѣшно).

Звѣр. Наварилъ каши! Ему что!—Конечно онъ тамъ на чистыхъ прудахъ разгуливаетъ... Новую себѣ отыскалъ. А тутъ изъ-за него убиваются, плачутъ. Скотина, право скотина!—Я-бъ его тотчасъ подъ судъ, ей Богу. Безъ суда-бы его! Да тьфу!.. И безъ того изъ службы прогонятъ! На то идетъ! (надѣваетъ фуражку и хочетъ идти) Кажется — имѣй я теперь достатокъ... женился-бы на ней, безпремѣнно. Да куда намъ! Нищихъ плодить развѣ! (уходитъ).

СЦЕНА 4.

(Декарація первой сцены)

Олимпіяда Петровна и Надя.

Надя. (сидитъ въ раздумьи у стола, опершись на руку. Олимпіяда Петровна подлѣ нея на диванѣ) Такая ужъ мнѣ видно доля выпала, тетенька! Теперича мнѣ все равно—пускай отдаютъ за Скуфейнина.

Олимп. Петр. Что ты, дѣвка? Богъ съ тобой, какъ все равно! Да онъ тебя въ гробъ вгонитъ. Кащей эдакой! Москва-то не клиномъ сошлась. Найдешь жениха. Ты дай срокъ: я тебѣ такого кавалера сыщу,—не съ этимъ сравнить. Вонъ—матушка-попадья намедни разсказывала, къ знакомымъ къ ихнимъ докторъ военный ѣздитъ; все невѣсту себѣ подходящую ищетъ; мнѣ, говоритъ, только чтобы кра-

Digitized by Google

сота была, а больше мнѣ ничего не нужно. Молодой изъ себя и видный... и денжонки есть.

Надя. Никого мнѣ не надо... И не говорите мнѣ этого!

Олимп. Петр. Нѣтъ, завсегда говорить буду. Потому— ты разумъ совсѣмъ потеряла. Большая бѣда, что измѣнилъ мужчина. А ты нарочно, на зло ему другаго кавалера найдти постаралась. Да съ нимъ-бы подъ ручку мимо измѣнщика и пошла. На, вотъ! смотри молъ, какъ мы тобой нуждаемся!

Надя. Не изъ такихъ я, тетенька. Я ужъ коли разъ кого полюбила—такъ кончено!

Олимп. Петр. Глупа еще ты, вотъ что я тебѣ скажу. Да вѣдь это ты только теперича такъ говоришь. Погоди немножко: сама надъ собой дивиться будешь—изъ-за чего это молъ я убивалась такъ.

Надя. Никогда этого не будетъ! (помолчавъ) Иду я это давича отъ него по набережной, да думаю: броситься-бы мнѣ въ рѣку!.. Разомъ-бы всѣмъ своимъ мукамъ конецъ положила...

Олимп. Петр. Это ты что говоришь-то? опомнись, дѣвка! Душу свою загубить хочешь... Ишь вѣдь какую блажь въ голову забрала! (качаетъ головой) Ну, не думала я, чтобъ ты такая была. (Входитъ Анисья)

Анисья (къ Надѣ). Вы должно быть барышня зонтикъ-то гдѣ-нибудь позабыли?.. Не найду я его никакъ.

Надя. Вѣдь и то кажется позабыла; а можетъ и потеряла... Ну, ничего, Анисьюшка, ступай. Сыщется—хорошо, а не сыщется—такъ и быть. (Анисья уходитъ) Должно быть я тамъ на столѣ его оставила. Очень ужъ я перепугалась, какъ папенькинъ голосъ услышала.

Олимп. Петр. Какъ чай не испугаться. Онъ-бы тутъ такую войну поднялъ! (взглянувъ въ окно) Вонъ они со Скуфейкинымъ по двору идутъ. Ладно, что ты успѣла до нихъ воротиться. Знать еще куда-нибудь заходили... Глаза-то у тебя, дѣвка, больно красны. Заприметитъ небось отецъ. Пошла-бы умылась.

Надя. Пожалуй... (уходитъ обѣ).

(Звонаревъ и Скуфейнинъ входятъ въ среднюю дверь, Анисья снимаетъ съ нихъ шинели).

Digitized by Google

Скуф. А Надежды Макаровны видно дома нѣтъ?

Анисья. Дома-съ; онѣ сейчасъ тутъ сидѣли (уходитъ).

Звон. Гдѣ ей быть, какъ не дома.

Звонаревъ, Скуфейкинъ.

Скуф. Надо-бы еще вечеркомъ къ этой вдовушкѣ понавѣдаться. Можетъ тогда и захватимъ.

Звон. Шутка—на Разгуляй-то таскаться! На однихъ извощикахъ что проѣздишь. Вотъ съ подлецомъ связался! Бѣгай изъ-за него теперича языкъ высуня, да ищи попутчика. Давно-бы ужъ уѣхать надо.

Скуф. Самъ виноватъ, братецъ.

Звон. Это какъ?

Скуф. А такъ! Довѣрился проходимцу. Вѣдь ужъ не малый ребенокъ кажется. Да еще все гулялъ съ нимъ.

Звон. Чтожъ, коли на свои деньги подчивалъ, отчего-же не выпить?

Скуф. Ну, конечно! Вотъ онъ тебя и отпотчивалъ.

Звон. И все-таки я въ толкъ не возьму, зачѣмъ онъ меня заблаговременно не увѣдомилъ, что не хочетъ ѣхать... Разумѣется, мало-ли что случиться можетъ. Ну, сказалъ бы мнѣ прямо, что такъ молъ и такъ. Или бы хоть письменно извѣстилъ, коли самому некогда. А то словно жуликъ какой поступаетъ...

Скуф. Гмъ! А я такъ смѣкаю, въ чемъ дѣло. Онъ у себя-то въ головѣ держалъ, чего ты и вообразить не можешь.

Звон. Что-жъ-бы это такое, нельзя-ли узнать?

Скуф. Отчего нельзя—можно. Только я тебя заранѣе прошу, Макаръ Осипычъ, не подымай ты изъ этого никакой исторіи. А то я твой характеръ знаю. Кричать начнешь да ругаться, хоть святыхъ вонъ выноси.

Звон. Что-то ужъ ты больно издалека подходишь... Напугать что-ли хочешь? Ужъ не въ самомъ-ли дѣлѣ я жулика къ себѣ въ домъ пустилъ?

Скуф. Пожалуй что и такъ будетъ... Только не обокралъ онъ тебя, а хуже того сдѣлалъ.

Звон. Хуже? Да ты говори толкомъ, что такое...

Digitized by Google

Скуф. (тихо) Знаешь-ли зачѣмъ онъ тебя на свой счотъ угощалъ?

Звон. Ну?

Скуф. А за тѣмъ, что когда ты напьешся, такъ спишь безъ просыпу... А ему это надо было.

Звон. Да зачѣмъ надо-то?

Скуф. Какой-же ты, братъ, безпонятный, право! А онъ тѣмъ временемъ къ дочкѣ твоей подмазывался.

Звон. (вскакиваетъ какъ ужаленный) Что-о?

Скуф. Ну, вотъ! говорилъ я. Экой у тебя норовъ проклятый! Сиди знай! (усаживаетъ). Подмазывался, братецъ ты мой, и дѣлишки свои значитъ какъ слѣдуетъ обдѣлалъ... Можетъ быть и жениться на ней обѣщалъ. Ну, а теперь наскучила видно, такъ и поворотилъ оглобли.

Звон. Послушай, Аполлинарій Кузьмичъ, если да только это тебѣ не почудилось...

Скуф. Почудилось! Нешто я-бы сталъ тебѣ на обумъ о такихъ дѣлахъ говорить.

Звон. Ты чѣмъ-же это мнѣ доказать можешь?

Скуф. А вотъ чѣмъ. Давича какъ мы тамъ сидѣли... она въ другой комнатѣ спрятана была...

Звон. Врешь! Быть не можетъ!

Скуф. Ты спроси-ка у ней куда она свой зонтикъ дѣвала? Если онъ у нея окажется, ну—тогда я вру; значитъ другая тамъ была.. Если-же скажетъ, что потеряла,—такъ мы его отыщемъ. (вынимаетъ изъ кармана зонтикъ) Узнаешь—чей?

Звон. (разсматриваетъ) Ея! Ручка чиненая. Я и въ починку отдавалъ. (вздохнувши) Вотъ ужъ подлинно, кого Богъ покарать захочетъ, такъ разумъ у того прежде всего отыметъ. Ну, ладно! Задамъ-же я ей. Узнаетъ она, какова у меня рука!

Скуф. А я тебя о чемъ просилъ?., Чтобы ты исторіи никакой не дѣлалъ... Ну, что проку, что ты ее приколотишь? Это ужъ нынче не въ модѣ.—Люди благороднаго званія нынче такъ не поступаютъ. Это только одно невѣжество доказываетъ.

Звон. Что-жъ мнѣ по твоему—озолотить ее что-ли? По

Digitized by Google

головѣ гладить да приговаривать: и впередъ также поступай, дочька! А мнѣ наплевать на ваши всѣ моды. Вотъ что!— Нѣтъ! чего эта старая вѣдьма свояченица глядѣла! Изъ-за того только держу ее въ домѣ, чтобы за дѣвчонкой присмотръ какой ни на есть былъ...

Скуф. Ну, свояченицу пожалуй пошугать слѣдуетъ. А на счотъ дочьки—я тебѣ скажу, Макаръ Осипычъ, что лучше всего пристроить ее поскорѣй. И такъ какъ ты уже далъ мнѣ свое согласіе...

Звон. Значитъ ты не раздумалъ брать ее... послѣ всего этого.

Скуф. Что мнѣ за дѣло! Съ кѣмъ греха не бываетъ? Мнѣ главное—хозяйка въ домѣ нужна. У меня, братъ, ужъ баловаться не станетъ! У меня и квартира на дворъ выходитъ. Перемигиваться-то не съ кѣмъ будетъ. Да и обмануть меня—куда трудно! Я съ глазъ не спущу. Я человѣкъ подозрительный.

Звон. Ты, братъ, ее хорошенько... Въ страхѣ держи.

Скуф. Ужъ насчотъ этого будь спокоенъ.—Только смотри, Макаръ Осипычъ, коли она опять ломаться вздумаетъ— покажи свою власть; вѣдь ежели ты ее теперь не пристроишь,—дѣвочька можетъ совсѣмъ съ пути сбиться. Особливо какъ ты уѣдешь, и вдвоемъ они тутъ съ теткой останутся.

Звон. Ломаться? Посмотрѣлъ-бы я, какъ-бы она ломаться стала! Да я ее сейчасъ изъ дому вонъ!... Постой, мы это дѣло сейчасъ покончимъ. Ей, вы! подите сюда!

(Входятъ Надя и Олимпіяда Петровна).

Звонаревъ, Скуфейкинъ, Надя, Олимп. Петровна.

Звон. (Надѣ) Вотъ, Аполлинарій Кузьмичъ твой зонтикъ у воротъ нашолъ.—Ты это куда бѣгала?

Надя (смущенная). Мнѣ, папенька... къ матушкѣ-попадьѣ... на минуточку надо было.

Звон. Толно—такъ ли? (возвышая голосъ) Ну, а если ты, распутница эдакая, къ офицерамъ ходила... а? (встаетъ сжимая кулаки).

Digitized by Google

Скуф. Макаръ Осипычъ! (усаживаетъ его).

(Надя стоитъ блѣдная, не произнося ни слова).

Звон. (показывая на Скуфейкина) Вотъ за кого вѣчно Богу моли! Онъ тобой, не смотря на твое развратное поведеніе, не гнушается: въ жоны тебя беретъ. Должна ты это цѣнить, или нѣтъ,—какъ ты думаешъ?

(Надя молчитъ).

Звон. Ну, чего-жъ молчишь? говори! Можетъ быть не желаешь идти за него? Можетъ быть потаскушкой сдѣлаться хочешь, а? Да ну, отвѣчай-же! Или языкъ проглотила?

Надя. Чтожъ мнѣ говорить, папенька? Какъ вы прикажете, такъ и будетъ.

Звон. А! небось... теперича—такъ и будетъ! А то такъ ломалась.., Замужъ, говоритъ, не хочу; молода еще. Ну слушай же: Аполлинаній Кузьмичъ хочетъ, чтобы все это дѣло до моего отъѣзда покончить. Значитъ нынче-же вечеромъ за попомъ, и обрученье сдѣлаемъ. А черезъ три дни свадьба. Такъ что-ли, Аполлинарій Кузьмичъ?

Скуф. По мнѣ хоть и такъ. Въ пятницу стало быть... Вы не горюйте, Надежда Макаровна: дастъ Богъ, заживемъ лихо!

Звон. (къ Олимп. Петр.) А ужъ вы-съ извольте отправляться куда вамъ угодно, на всѣ четыре стороны. Мнѣ васъ даромъ кормить нечего. Я васъ единственно для того и держалъ, чтобы вы за племянницей наблюденіе имѣли, а вы—ее одну по улицамъ бѣгать пускали; да можетъ быть еще сами способствовали ей съ офицерами видѣться. Ну, и убирайтесь!

Олимп. Петр. Чтожъ! И уйду... Самой мнѣ вашего хлѣба не нужно. Кабы сестрица покойница меня не просила Надю не оставить, такъ ужъ я-бы давно ушла. У меня и то вашъ кусокъ-то поперегъ горла стоитъ. Нешто я мѣста себѣ не найду? Генеральша Салфеткина сколько разъ ко мнѣ засылала, чтобы я къ ней въ компаньонки шла .. Потому—какъ она сестрицу покойницу и тятеньку тоже всегда почитала... Да окромя ея найду себѣ пристанище.

Звон. (язвительно) Можетъ, Аполлинарій Кузьмичъ васъ къ себѣ жить пригласитъ?

Digitized by Google

Скуф. Нѣтъ, ужъ зачѣмъ-же-съ... Покорнѣйше благодарю-съ.

Олимп. Петр. Еще я сама къ нему не пойду... У меня все сердце измучится, глядя на Наденьку. Вѣдь это вы только роднаго дѣтища не жалѣете. Замужъ ее за постылаго человѣка отдаете... Пускай дескать всю жисть свою мается да папеньку-благодѣтеля вспоминаетъ.

Скуф. Что-же это такое, Макаръ Осипычъ, въ самомъ дѣлѣ? Такія слова...

Олимп. Петр. Я еще не то напою...

Звон. Довольно-съ! Вотъ Богъ, а вотъ дверь.

(Входитъ Липкина)

Тѣже и Липкина.

Липкина. Здѣсь г. Звонаревъ живетъ.

Звон. Здѣсь, сударыня, къ вашимъ услугамъ, что вамъ угодно?

Скуф. (Звонареву) Это та вдовушка...

Липк. Вы давича ко мнѣ заходили... Я попутчика себѣ до Воронежа ищу...

Звон. Очень радъ, сударыня, очень радъ; не угодно-ли садиться... (садятся и разговариваютъ; Скуфейкинъ также съ ними).

Надя (теткѣ). Это та самая, тетенька... на которой онъ жениться обѣщался... (глядитъ на Липкину пристально).

Олимп. Петр. Ну, ужъ нашолъ на кого промѣнять, пострѣлъ эдакой...

Надя. Она лучше меня, тетенька... Она красавица...

Олимп. Петр. Не все-ли эдакія красавицы-то бываютъ? Башмака она твоего не стоитъ, вотъ что!

Звон. (продолжая разговоръ съ Липкиной). Вѣдь къ вамъ, если не ошибаюсь, сударыня, г. офицеръ съ предложеніями на этотъ счотъ являлся?..

Липк. Да... (покраснѣвъ) Да!.. и вообразите: обнадежилъ меня... Завѣрилъ, что черезъ недѣлю поѣдетъ, а между тѣмъ... Я признаюсь никакъ отъ него этого не ожидала... Это съ его стороны такъ неблагородно... такъ неблагородно...

Скуф. Да, вотъ и Макара Осипыча тоже онъ такимъ

Digitized by Google

образомъ надулъ... Потѣшаться изволилъ... веселаго характера видно... Я такъ съ перваго раза какъ увидалъ его— разкусилъ, что онъ за птица... Я тогда-же сообщалъ Макаръ Осипычу, что это должно быть шаромыжникъ какой нибудь. Вотъ и вышло по моему.

Надя (теткѣ). Хоть-бы ужъ онъ не ругалъ его; а то еще пуще опостылитъ...

Липк. Я, знаете, женщина неопытная... Вижу офицеръ .. Ну, и разговариваетъ такъ хорошо..,

Звон. Разумѣется, сударыня, въ чужую душу не влѣзешь...

Скуф. Да! ужъ на разговоры боекъ нечего сказать... за словомъ въ карманъ не полѣзетъ... Всѣ они разговорщики, я вамъ доложу, такіе-съ.

Липк. Кажется еслибъ я теперь гдѣ-нибудь его встрѣтила, просто я не знаю чтобы ему наговорила... осрамила бы его публично.

Звон. Въ глаза ему наплевать стоитъ, сударыня!

Скуф. Дѣйствительно стоитъ.

Надя (теткѣ). Уйдемте, тетенька, не могу я слышать, какъ они бранятъ его... И она тоже! А еще горничная ея говорила, что она его любитъ.

Олимп. Петр. Уйдемъ, чего тутъ дѣлать? наглядишься еще, моя голубушка, на это плѣшивое чучело-то... У-у! такъ бы я ему кажется глаза выцарапала!

Надя. Ахъ, тетенька! теперь хоть съ вами отведешь душеньку... а когда вы-то уйдете... Господи! Что за жисть моя будетъ!.. (уходятъ).

Липк. (вставая) Значитъ, я могу положиться... на васъ?..

Звон. Будьте въ надеждѣ, сударыня. Ужъ это вѣрно. Вотъ только дочь обвѣнчаю, на другой-же день и отправимся.

Липк. Такъ до свиданья!

Звон. Имѣю честь кланяться (Линкина уходитъ, онъ провожаетъ ее до дверей).

Digitized by Google

Звонаревъ, Скуфейкинъ.

Звон. Ну, слава Богу! Нашлась попутчица.

Скуф. (подмигивая) Да еще какая!.. Смотри, братъ Макаръ Осипычъ, береги сердце! Не втюрься въ нее дорогой-то... Бабенка знатная.

Звон. (ухмыляясь) Не дурна.

Скуф. А должно быть и у ней что-нибудь съ офицеромъ произошло...

Звон. Не поминай ты мнѣ про него, про анафему! (Скуфейкинъ смѣется).

А. Плещеевъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ МОРСКОЙ ЖИЗНИ

Птицей райскою засвисталъ въ дудку нашъ боцманъ Савельичъ. Ревмя заревѣлъ онъ: «пошолъ всѣ наверхъ на якорь становиться!»—мимоходомъ стеганулъ раза два легонько линькомъ закопавшагося молодого Гаврилку и полетѣлъ реи править...

Повыскакали матросы смотрѣть, въ какой это такой портъ входитъ нашъ корветъ. Рады они были всякому порту... Пора стояла дождливая, осенняя; окачиваться холодно, а тѣло-то расчесалося—бани требуетъ... Ну, и опять же вѣрно портъ и не безъ кабаковъ, и не безъ тѣхъ кралей, что плѣняютъ такъ нашего удалого матроса за границей и которымъ несетъ онъ,—если ужъ краля больно валяжна,—всю свою наличную *заслугу*.

«Нажъ тебѣ, молъ, басурманская ты душа... Знай ты русскаго матроса и ндраву его не препятствуй!» Какая-нибудь Жюли или Матильда *ндраву* Гаврилкину не препятствуетъ, исправно обираетъ его разгулявшагося и ведетъ съ нимъ бесѣду деликатную, и такъ ведетъ (на то она и француженка), что и Гаврилка-мужикъ бесѣду ея понимать можетъ.

— Обходительна очеино, говоритъ послѣ Гаврилка въ палубѣ,—и бестья-жъ эта, я вамъ братцы скажу, французинька... Такъ вотъ тебѣ и рѣжетъ... Такъ и рѣжетъ... «русъ,

Digitized by Google

говоритъ, люблю; русъ, говоритъ, бонъ...» Ну, и опять-же насчотъ ласки... ласковы шельмы и знаетъ какъ тебя ублажить... всякій, значитъ, манеръ на то имѣютъ.

Слушаютъ ребята лясы Гаврилкины и одобрительно ухмыляются.

— Гличанки—тѣ варварки... горды, замѣчаетъ урядникъ Кирилко... морду отъ нашего брата воротятъ...

— Чистоту, Кирилычъ, люблятъ... Онамнясь, я вамъ скажу, Андрюшку форъ-марсоваго по рожѣ съѣздила одна гличанка-то... «зачѣмъ, говоритъ, нетверезое ты этакое рыло, цаловаться-молъ лѣзешь!» То-то, ребята сказывали, смѣху было,—повѣствуетъ Гаврилка и снова потомъ рѣчь о французской обходительности заводитъ...

Разбрелись матросы по палубѣ и глядятъ да поглядываютъ на скалы, межъ которыми тихимъ ходомъ идетъ нашъ корветъ.

Не весело что-то подходили мы къ рейду... Пасмурный .. осенній такой день стоялъ... Мелкій назойливый дождь мочилъ насъ немилосердно... оловомъ погода точно гармонировать хотѣла непривѣтливымъ сѣрымъ скаламъ съ разсѣянными на нихъ батареями, гдѣ мѣрно шагали по эспланадамъ закутанные въ сѣрые плащи часовые...

Корветъ входилъ въ Брестъ.

— Чтой-то за городъ будетъ, спрашиваютъ другъ у друга матросы, гличанскій аль французскій?..

— Кто его знаетъ, братцы, какой онъ такой...

— Это Брестъ городъ, объясняетъ подошедшій Гришка, французскаго королевства портъ... Веселый, ребята, портъ... Я былъ тамъ, какъ на Баянѣ ходили... кабаковъ-те... кабовъ-те сколько...

— А что, братъ, бани тамъ есть? спрашиваетъ Гаврилка.

— Бани-то?.. Бань нѣту...

— Чтобъ имъ пусто было!.. И видно нехристей... Нигдѣ этто бань нѣту... Въ Килѣ не было... И опять въ Гревзёнѣ — не было... и тутъ нѣту-ти. И што ты дѣлать станешь... съ Кронштата не мымшись... Поди такъ и вша заведется...

— Извѣстно вша въ грязѣ живетъ, замѣчаютъ ребята...

Digitized by Google

— Такъ какъ-же быть, братцы?..

— Ванныи есть въ Брестѣ... помыться можно...

— Что съ нея толку... Въ ванной не пропрѣешь... Одна слава—мытье. Ребята ходили въ эти ванныи... сказывали, что дрянно, потъ, говорятъ, не прошибаетъ, а грязь извѣстно потомъ идетъ...

— Ну, Гаврилка, таперича ты бань нигдѣ не увидишь... всѣ пойдутъ ванныи...

— Ишь ты нехрюсть! рѣшилъ Гаврилка.

— А то станетъ жаръ, и такой, братецъ ты мой, жаръ, что ты мѣста не найдешь... ровно пекло пойдетъ... дай только подальше зайдить... И хоша окачиваться станешь, все прѣть будешь, потому и вода тамъ горяча, въ тропикахъ-то, расказываетъ Гришка...

— Это городъ значитъ такой Тропики?..

— Дура ты... Этта страна такая... ну, и по ихнему Тропиками зовется...

Разговаривающіе замолчали. Мимо ихъ проходилъ старшій офицеръ.

— Такъ въ Брестѣ бань нѣту, — немного погодя снова началъ Гаврилка.

— Ишь пристаталъ... Сказываютъ—ванныи...

— Ну, тебя къ Богу, съ ванными.

На этомъ Гаврилка остановился.

— Гляди, ребята, кораблей-то сколько!..

— А и такъ... вона и городъ...

— На-контра-брасъ на правую! рявкнулъ въ это время Савельичъ и кстати обозвалъ Гаврилку. Разговоры на банѣ прекратились... Матросы, молча, тянули снасть...

Рейдъ началъ открываться. Корветъ прибавилъ ходу, осмотрѣлся, выправилъ свои реи, чтобъ въ чужіе люди опрятно показаться, и пройдя мимо брандвахтеннаго судна, кинулъ якорь недалеко отъ учебнаго корабля мусоновъ.

Городъ виднѣлся вдали. Какъ матросы рады были городу, такъ и офицеры были рады ему... И если Гаврилка такъ настойчиво допрашивалъ Гришку, «есть-ли въ Брестѣ бани», — то его вопросъ можетъ считаться относительно тѣхъ вопросовъ, которые мы задавали П. П-ичу, бывшему въ Бре-

*

стѣ,—болѣе важнымъ; ибо онъ рѣшалъ важную задачу: быть или не быть Гаврилкинымъ винамъ?

— Что, какая въ Брестѣ лучшая гостинница?

— Билліарды съ лузами есть?

— А на счотъ говядинки каково... ааа?..

Такими вопросами закидывали П. П-ича наши корветскіе товарищи.

На эти вопросы П. П-ичъ поспѣшилъ дать удовлетворительные отвѣты и объявилъ, что кормятъ въ Брестѣ не дурно, что билліарды съ лузами есть, но только борты сильно притягиваютъ, а что касается до послѣдняго, то не совсѣмъ хорошо... Все-жъ, господа, лучше кронштадскаго, замѣчаетъ П. П-ичъ.

— И то хорошо, рѣшаемъ мы.

— Такъ ѣдемте скорѣй на берегъ!

— Ѣдемъ, господа, ѣдемъ! Да обѣдъ закатимъ съ шампанскимъ!

— Ѣдемъ!

Не сердись, читатель-морякъ, не сердись и не обвиняй меня въ преднамѣренномъ пристрастіи... Я знаю, многіе изъ васъ не сердились-бы, еслибы я, вмѣсто того, чтобъ передать наши истинные вопросы по поводу билліарда и прочаго, — написалъ, что при входѣ на рейдъ мы интересуемся знать о портѣ, о его средствахъ, мастерскихъ и прочаго; что мы, какъ истые моряки, такъ-сказать горимъ желаніемъ, не поѣсть по-людски, не придерживая, какъ случалось на корветѣ во времѣ качки,—тарелку супа въ рукахъ, — а осмотрѣть положимъ сперва щегольское вооруженіе французскаго корвета... но вѣдь, написавши это... я написалъ бы ложь... положительную ложь... такъ ужъ лучше, я рискую подвергнуться нареканіямъ вашимъ, чѣмъ писать то, что хотя и бываетъ, но бываетъ въ свое время, а не какъ обыкновенный, поминутный фактъ. Первое, самое первое дѣло, господа,—это то, что на свѣтѣ все въ свое время бываетъ; въ этомъ-то и состоитъ самый главнѣйшій пунктъ. Да и наконецъ за что тутъ сердиться!..

Ну, пусть себѣ путешествовавшіе на нашихъ судахъ на казенный счотъ господа, въ качествѣ литераторовъ, сердят-

Digitized by Google

ся, хоть и туманно сердятся на насъ за то, что мы къ красотамъ природы относимся менѣе сочувственно, чѣмъ къ хорошему кровавому ростбифу... Но на то они и *путешествуютъ*, а мы—*служимъ*... На то во время перехода имъ и было только и дѣла, что лежа въ своей каютѣ,—въ то время когда мы съ вами, морякъ, мокли подъ дождемъ и пронизывались насквозь холоднымъ вѣтромъ, — заранѣе предвосхищаться красотами той или другой мѣстности. или красотой голубаго неба и мерцающихъ въ небесной выси звѣздъ, и послѣ дивить насъ описаніемъ сихъ красотъ въ Морскомъ Сборникѣ. Согласитесь, что не натягивать-же намъ, изъ-за Гончарова да Льховскаго, чувства къ природѣ и не стонать и не ахать при видѣ тропическихъ видовъ съ лѣсами, съ узорчатыми облаками, съ широколистыми деревьями и прочими диковинками, кои невидавшій этихъ диковинокъ, но сочувствующій имъ читатель можетъ зрѣть на поэтическихъ страницахъ поэтической книги доктора Вышеславцева...

— Что, не правда-ли, хороша вонъ эта горка,—говоритъ бывало юный аспиранъ другому юному аспирану...

— Да ничего... А ужъ какъ-же я поѣмъ въ городѣ... и кофею со сливками напьюсь, отвѣчаетъ аспиранъ и, предвкушая заранѣе немалое наслажденіе отъ питья кофея со сливками, даже облизывается.

И это вполнѣ понятно-съ, ибо коего чорта впечатляться, когда не до впечатлѣній.

Опротивѣли паруса, надоѣла палуба, опротивѣло все это однообразіе, эта жизнь изо дня въ день одинаковая, успѣвшая не одному мнѣ надоѣсть, какъ уже успѣлъ надоѣсть консервованный супъ...

Ждутъ многіе берега... берега!..

Не сердись и за эту откровенность, читатель, истый морякъ! Если ты разсердишься и скажешь, какъ нѣкоторые и говорили (даже печатно), что твой кровъ, твоя мать, твои родные, все это для тебя — море, то ты (прости!) солжешь... И я правда видѣлъ одного юнаго барина, изъ породы кронштадскихъ морскихъ хлыщей (типъ еще неразработанный), говорившаго, что ему на берегу скучно... все

Digitized by Google

моръ въ море тянетъ,—но вѣдь это онъ по молодости лѣтъ, неразумію и изъ желанія морскимъ элементикомъ щеголнуть говоритъ такъ; но еще хуже, что и не столь малые и неразумные проповѣдуютъ это-же.

Вѣдь человѣкъ (а русскій и тѣмъ болѣе) не для моря созданъ! Кто вамъ мѣшаетъ любить его, служить на немъ, (ктому-же и деньги за это хорошія получаете), много плавать, много испытывать... Но развѣ частенько, лежа въ своей одинокой, тѣсной каютѣ и катаясь съ одного бока на другой, — развѣ не навязывается въ вашу голову мысль о другой жизни... жизни и (сердитесь не сердитесь истый морякъ)! болѣе полной... Не подкрадывается-ли къ вамъ, незамѣтно для васъ, мысль о домашнемъ очагѣ, женѣ, дѣтяхъ, семействѣ?.. Развѣ не хочется вамъ болѣе просторнаго жилища?.. развѣ не рветесь вы къ болѣе общественной жизни... словомъ не тоскуете развѣ вы часто о вашей подчасъ тяжолой долѣ?..

Признайтесь, что подобныя мысли залѣзаютъ и въ вашъ мозгъ; такъ кчему-же вы говорите, что жена ваша—море?.. Выраженіе это... безобразно: Море во-первыхъ слишкомъ холодно, чтобъ согрѣть васъ, и хоть можетъ дать вамъ много наслажденій (объ этомъ не спорю), но все-жъ, полагаю, не такія полныя, какія дастъ вамъ любимая женщина.

Такъ что-жъ рисоваться и говорить, что вы безъ моря жить не можете по *страсти* къ нему (если это и бываетъ, то бываетъ какъ ненормальное явленіе); лучше прямо и честно говорить, что вы безъ моря жить не можете по той весьма существенной и резонной причинѣ, что иначе вамъ во первыхъ, кусать будетъ нечего, во вторыхъ, по привычкѣ (но не по страсти), а въ третьихъ потому, что вы въ морѣ тоже дѣлу служите, такъ какъ всѣ должны дѣлу служить, а слѣдовательно и на этомъ спокойны. А дай-ка вамъ тысченокъ десять доходу, посмотрѣлъ-бы я, какъ-бы вы тогда заговорили, истый морякъ, ну хоть о томъ, что море—ваша жена.

Не спорю... Морская жизнь имѣетъ много прелести, много пользы, даетъ много тонкихъ ощущеній (для любителя); но видѣть вѣчно эти прелести, испытывать вѣчно эти ощу-

Digitized by Google

щенія—это по мнѣ подчасъ несладко... И тогда понятно, почему всѣмъ такъ хочется берега... берега!

Вотъ и берегъ... Стали на якорь... Такъ и лѣзетъ всякій сперва въ гостинницу о чревѣ своемъ позаботиться (что касается до автора, то онъ полагаетъ, что на голодное чрево любоваться красами природы или красами зданій и улицъ могутъ только натуры высшія и исключительныя), а то и просто посидѣть въ спокойномъ креслѣ и хоть на время позабыть о палубѣ, о парусахъ... словомъ о той тяжолой, требующей вѣчной подвижности службѣ, которая отбиваетъ всякую охоту впечатлѣваться...

Помню входили мы въ Батавію... Виды были распрекрасные... Кудрявыя это деревья разныя... птицы разноцвѣтныя... камушки свѣтлые... Я ужъ было впечатлѣваться началъ, расчувствовался, расползся, заранѣе расчитывалъ сколько это страницъ у меня поэтическимъ выйдетъ, гдѣ на каждую птицу пол-страницы достанется,—да и совсѣмъ забылъ о контра-брасѣ, что у меня тянули...

— Господинъ С—ъ, что вы смотрите... Контра-брасъ! да контра-брасъ-же! ради самого создателя...

«Чтобъ имъ пусто было... этимъ видамъ!» подумалъ я... Не впечатлись я—не было-бъ замѣчанія... Боже! (мысленно взывалъ я къ Господу Богу) зачѣмъ я не путешествую въ качествѣ литератора!.. Не зналъ-бы я тогда контра-браса, а главное впечатлѣваться-то... впечатлѣваться сколько-бы было времени! И хоть, признатся, крайне прискорбно, что мы вмѣсто осмотра музеевъ да изученія нравовъ, осматриваемъ гостинницы и изучаемъ нравы въ не совсѣмъ высшемъ обществѣ, но что дѣлать, коли послѣднее намъ въ ту минуту пріятнѣй, потому что опять-таки все въ свое время, господа. Тутъ ужъ туманными серчаніями въ родѣ серчаній г-на Льховскаго (зри Мор. Сб. 1862 г.) не поможешь!

Мы пошли собираться въ городъ и облачаться въ статскіе костюмы... И ужъ на какихъ-же чучелъ многіе изъ насъ были похожи въ статскомъ платьѣ... Извѣстно, военный человѣкъ въ немъ на первый разъ неловокъ, не въ своемъ видѣ... Привыкъ онъ и признаковъ бѣлья не выказывать

Digitized by Google

изъ за галстуха, а тутъ надо жабо разныя выставлять... Ну, и конечно съ непривычки трудно!

— Повяжите-ка, С. А-ичъ голубчикъ, мнѣ галстухъ.. Никакъ не могу... Все проклятый лѣзетъ вверхъ, говоритъ М. М... Пока мы одѣвались, въ каютъ-компанію собрались прачки,—всегдашнія первыя гостьи,—и ужъ шумѣли тамъ преопорядочно. Всѣ хлынули изъ каютъ посмотрѣть на прачекъ. Многимъ желательно было увидать молоденькихъ, чистенькихъ гризетокъ, по рецепту нами любимаго романиста Поль де Кока,—но всѣ сильно ошиблись, увидѣвъ, вмѣсто молодости и красоты — старость и неблагообразіе крикливыхъ бретонокъ, которыя и говорили такимъ ломанымъ французскимъ языкомъ, что понять было трудно.

Старыя тетки эти, словно на лицахъ нашихъ прочли, что многіе не такихъ прачекъ ожидали.. Одна изъ нихъ мигомъ выбѣжала наверхъ и скоро привела молодую, не совсѣмъ не красивую прачку, очень мило одѣтую, которая и не замедлила, улыбаясь прелукавымъ манеромъ, упрашивать насъ отдать бѣлье своей патроншѣ... И другія старухи тѣмъ временемъ не дремали, а многозначительно совали намъ въ руки свои удостовѣренія отъ господъ русскихъ прежде насъ посѣщавшихъ Брестъ,—удостовѣренія до того оригинальныя, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать нѣкоторыя изъ нихъ читателю.

Напримѣръ слѣдующій:

«Такая-то моетъ хорошо, но въ срокъ не привозитъ бѣлья... Не отдавайте ей мыть господа... Она морда!»

А вотъ и еще:

«Къ такой-то можно обращаться не столь по мытью бѣлья, сколь по другимъ дѣламъ, въ коихъ россіянину въ чужомъ городѣ можетъ встрѣтиться надобность.

Былъ и такой сертификатъ:

«Господа! Madame Girnaux хоть моетъ бѣлье отвратительно, но совѣтуемъ отдавать ей мыть, ибо въ награду за дурно-вымытое бѣлье вы познакомитесь съ ея племянницей, хорошенькой Мери (19 лѣтъ), брюнеткой съ голубыми глазами. Жительство она имѣетъ въ такой-то улицѣ, въ

Digitized by Google

такомъ-то номерѣ и безъ рекомендаціи своей тетушки ни съ кѣмъ не знакомится...»

Я долженъ съ горестію признаться, что на послѣдній сертификатъ изловилось большинство нашей публики, и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ другія прачки смотрѣли на тетку Girnaux, веселую, довольную, уносившую одинъ за другимъ большіе узлы съ грязнымъ бѣльемъ.

И хотя мамзель Клара—живой сертификатъ—и строила преловкія гримаски, но все-же не могла набрать столько бѣлья, сколько набрала тетка Girnaux.

— Развѣ отдать Кларѣ бѣлье,—говоритъ Петръ Ильичъ Ивѣ Петровичу.

— Бросьте... Развѣ не видите?.. Чисто кошка!

И Петръ Ильичъ приказываетъ вѣстовому отдать m-me Girnaux, а та приглашаетъ къ себѣ и объясняетъ, что ея племянница... о, это чудное созданіе... ее знаютъ всѣ ваши сенцеры...

Вотъ и портные пріѣхали; суютъ въ руки свои карточки, другъ передъ другомъ выхваливаютъ свою умѣлость и берутся все сшить, что ни потребуется и скоро, и дешево, и хорошо...

Толкотня въ каютъ-компаніи страшная... Шумъ невыносимый.. Въ одномъ углу Антонъ Антонычъ все допытываетъ у Клары сколько ей лѣтъ... Клара говоритъ, что семнадцать, но Антонъ Антонычъ утверждаетъ (и совершенно справедливо), что она вретъ, но Клара увѣряетъ, что она не вретъ, что она свѣжа... молода...

Тутъ кто-то изъ нашихъ съ портнымъ торгуется и торгующійся входитъ въ азартъ; а у каюты вѣстовой Ворсунька ругаетъ m-me Girnaux за то, что она по русски считать не умѣетъ.

— Нехристь ты поганая... Ну, считай!... Одна рубаха, двѣ... три... четыре... пять...

И бретонка ровно попугай повторяетъ: одна рубана... две.. тьри.. читирь... Но потомъ сбивается и продолжаетъ: сінцъ... ѣтъ...!

— Опять загалдѣла по собачьи... Ишь бормочетъ... и не понять! ужъ вы в. б-іе, обращается Ворсунька къ своему ба-

Digitized by Google

ранту,—сѣменя не извольте относя спрашивать... Я по иншему считать не умѣю... Може бѣлья не достаешь... я не отвѣтчикъ...

И у матросовъ въ палубѣ тоже возня. И тамъ прачки суетятся. У кого изъ ребятъ завелся лишній франкъ, который онъ прогулять не расчитываетъ,—тотъ отдаетъ свое бѣльишко прачкѣ.

И тутъ есть,—и изъ старухъ, и помоложе, и попригожѣй другихъ—прачка Жюли, съ которой ребята уже знакомство свели и которую по дружески зовутъ Жюльзой.

— Ты таперича, Жюлька,—говоритъ Гришка, хватая шершавой, сколистой пятерней узенькую талію бесстроглазой, востроносой Жюли,—бѣлье-то вымой хорошо... Да порчи то чище... Ишь пропрѣли-то какъ,—суетъ онъ Жюли въ руки свои потемнѣвшіе отъ грязи и поту портки. Смотри, Жюлька, чтобъ было бонъ!..

— О monsieur... soyez sûr... Un franc la douzaine...

— Да ужъ я знаю, былъ у васъ... Одинъ французъ дюжина...

— Валяй!.. Славная, Хведя, эта Жюлька,—обращается Гришка къ подошедшему матросу.

— Шельма! одно слово...

— Ты заштопай тетка... Мыть берешься и заштопай... понимаешь?.. И рубаху починя... И штаны тоже заштопай... потому деньги не даромъ платятъ...

Такъ въ другомъ углу втолковывалъ старой бретонкѣ молодой матросъ.

Прачка ничего не понимала и только говорила oui, oui!..

— Не понимаешь опять?.. говорю, зачини—эта бѣлье.. Иглой значитъ... и Макарка взялъ свои просмоленныя штаны и ткнулъ пальцемъ въ дыру, показываетъ, что эту дыру зачинить надо.

Бретонка начинаетъ понимать и говоритъ: encore un demi franc.

— Значитъ пол-франка еще, — переводитъ проходившій мимо фельдшеръ.

— Бога ты не боишься... Пол-франка!.. Ступай, тётка, отколева пришла... другой отдамъ...

И Макарка хочетъ взять бѣлье назадъ.

Digitized by Google

Бретонка наконецъ соглашается.

— Ишь аспидка эдакая!.. подавай ей пол-франка, такъ-же!... ворчитъ уходя Макарка.

— Иванъ Абрамычъ... подите-ка сюда,—зоветъ фельдшера боцманъ Савельичъ... Что это она говоритъ, будто и не въ домекъ...

Фельдшеръ подходитъ и кое какъ объясняется съ прачкой.

А ребята дивуются на него глядя, какъ это онъ такъ по *ихнему* хорошо знаетъ...

— Одно слово жидъ... жидъ всякой языкъ знаетъ,—говорятъ про него.

У рундука стоитъ матросъ, по прозванію «Левка-разбойникъ», получившій это прозваніе за буйства, которыя онъ производитъ во хмѣлю...

Оригиналенъ былъ Левка. Онъ и съ виду на разбойника походилъ... Этакой рыжій коомачъ съ изрытой отъ оспы, вѣчно задумчивой физіономіей, на которой, по выраженію остряковъ матросовъ, «черти въ свайку играли». Нехорошъ собой онъ; но его глаза, — славные большіе чорные глаза, угрюмо глядящіе изъ подлобья, иногда поражавшіе своимъ блескомъ и силой когда Левка вдругъ на кого-нибудь ихъ вскидывалъ,—выкупали все неблагообразіе его лица и придавали ему какое-то мрачно-красивое выраженіе. Левка стоялъ въ раздумьи передъ нѣсколькими штуками грязнаго бѣлья, держа въ рукахъ четыре серебряныя монеты.

— Одинъ франокъ,—угрюмо разсуждалъ онъ, взявъ монету изъ одной руки въ другую,—прогуляю... Другой франокъ... тоже прогуляю... третій... на... (тутъ Левка едва замѣтно ухмыльнулся),.. Рази бѣлье помыть на четвертый?.. (Левка на бѣлье взглянулъ)... Ну его... бѣлье... самъ вымою... И четвертый прогуляю,—вдругъ рѣшилъ Левка, собралъ бѣлье въ кучу, сунулъ его въ рундукъ и опустилъ свои четыре франка въ карманъ штановъ...

Потомъ я ближе познакомлю читателя съ этимъ матросомъ,—натурой весьма замѣчательной и рѣзко выдающейся на корветѣ. А теперь я попрошу читателя собираться вмѣстѣ съ нами на берегъ и посмотрѣть, какъ мы россіяне, тамъ проведемъ время...

Digitized by Google

— Ну, господа, ѣдемте-же—торопилъ насъ безпечный И. Г... ѣдемте...

Публика собралась и мы отправились въ городъ... Пріѣхали и конечно прямо въ трактиръ...

— Обѣдать!

— Рюмку водки!

— Пива!

— Омаровъ!

— Господа, давайте лучше сообща... платить легче...

— Давайте!

Гарсоны едва успѣваютъ подавать и вѣрно глядя на насъ полагаютъ, что мы сутокъ трое не ѣли, ибо съ такою алчностью — единственно морякамъ съ судна вырвавшимся, знакомою, мы уписывали все, что ни подавалось).

На томъ столѣ, гдѣ мы обѣдали, черезъ полчаса явился непелъ... пятна отъ пролитаго пива и вина... Болтали и шумѣли мы такъ, что изъ сосѣдней комнаты съ удивленіемъ выглянули на насъ два французика, но увидѣвъ насъ сейчасъ-же скрылись.

— Господа! вскрикнулъ одинъ изъ кронштадтскихъ птенцовъ,—господа... Насъ обозвали эти французы...

— Полноте! вмѣшиваются всѣ разомъ,—ни какъ онъ насъ не обзывалъ...

— А все-бы имъ надо внушить!

— Тише... господа... тише!

— Чтожъ омаровъ мнѣ не даютъ?—кричатъ съ одного конца.—Омаровъ!!!

— Monsieur,—подлетаетъ гарсонъ...

— Омаровъ!

Несутъ и омары...

Въ это время являются какіе-то два французскіе поручика, любезно раскланиваются и заявляютъ, что они, узнавъ, что русскіе офицеры—эти храбые русскіе—здѣсь, возгорѣли желаніемъ познакомиться,—тѣмъ болѣе продолжаетъ спикеръ, что Франція и Россія... о!.. эти двѣ великія націи чувствуютъ другъ къ другу симпатію... Въ Крыму мы были враги по необходимости, но друзья по принципу...

Долго еще разной чуши несъ французикъ... Онъ набол-

Digitized by Google

талъ столь много комплиментовъ, что наша податливая натура не выдержала; кто-то изъ насъ началъ отвѣчать, крикнувъ передъ этимъ шампанскаго.

И пошла попойка! и пошли рѣчи!

Чего ужъ тутъ не говорилось, какихъ тостовъ не предлагалось!..

— Куда-жъ господа, послѣ обѣда?—спрашиваемъ мы другъ у друга.

— Въ театръ пойдемъ...

Шумной большой ватагой отправились мы въ театръ.

Небольшой но недурненькій брестскій театръ былъ биткомъ набитъ разнообразнымъ французскимъ людомъ... Наверху тѣснились матросы, солдаты и бретонки въ своихъ безупорядочно-бѣлыхъ, высокихъ, классическихъ бретонскихъ чепцахъ...

Въ партерѣ преобладалъ военный красный цвѣтъ, къ чему впрочемъ нашъ глазъ попривыкъ еще въ Петербургѣ, такъ что присутствіе пестраго блеска не такъ удивило насъ, какъ напротивъ удивило совершенное его отсутствіе, когда мы сидѣли въ Ковентъ-Гарденѣ... Тамъ мы видѣли одинъ только черный цвѣтъ, вмѣсто яркихъ, блестящихъ цвѣтовъ; всѣмъ намъ не мало знакомыхъ.

По бокамъ сцены брестскаго театра кидались прямо въ глаза крупныя надписи: съ лѣвой стороны «Louis XV. 1757», съ правой «Napoleon III. 1859».

Играли раздирательную драму, забористѣе даже драмъ Кукольника и Дьяченки — «Le bravo de Venise»... Актеры плоховаты; брестскій бандитъ былъ ужасенъ въ своей черной маскѣ, съ своей таинственной, важной походкой, сильно напоминающей геніальную походку геніальнаго Пронскаго. Манерами бандитъ города Бреста скорѣе походилъ на сидѣльца мелочной лавочки, силящагося изобразить бандита, чѣмъ знаменитаго венеціанскаго браво. За то-же и кричалъ онъ... Боже, какъ кричалъ!.. не хуже того, какъ кричатъ питерскіе разнощики, будя своимъ зазываніемъ слабонервныхъ обитателей нижнихъ этажей. Къ концу третьяго акта браво Осипъ до того, что (видно было) для подкрѣпленія своихъ силъ онъ часто обращался къ абсенту... Въ

Digitized by Google

время антрактовъ шли толки о семъ актерѣ, любимцѣ брестской публики.

— Талантъ, талантъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Послѣ ужасной драмы шелъ веселенькой водевиль; а послѣ веселенькаго водевиля скрипачъ (императорскихъ театровъ скрипачъ—гласила афиша) игралъ на скрипкѣ.

Какъ бы то ни было, но вечеръ убитъ и въ 11 часовъ мы выходили изъ театра.

— Ну, теперь куда, господа?

— Пойдемте... я васъ поведу,—говоритъ Н. П—чъ.

И повелъ насъ.

Говорить о Брестѣ я конечно, читатель, не стану. Всякій учившійся географіи или читавшій газеты, знаетъ объ немъ столько, сколько знать нужно, т. е. что Брестъ, какъ приморская крѣпость,—очень замѣчателенъ, но какъ городъ во всѣхъ отношеніяхъ дрянь-городъ.

Большая часть улицъ, идущихъ въ громадной скалѣ одна надъ другой, и узки, и кривы, и грязны. Повсюду безконечныя лѣстницы, испытующія силу и крѣпость ногъ въ нисходовъ... Экипажей нѣтъ, да и негдѣ ѣздить. Развѣ вы рѣдка встрѣтишь допотопный ковчегъ какого-нибудь бретонскаго помѣщика, пріѣхавшаго изъ своего помѣстья въ губернію.

Впрочемъ чего и ждать отъ этого скалистаго, суроваго, какъ и сами Бретонцы, города, своей физіономіей и нравами далеко не похожаго на прочіе веселые французскіе города и во всѣхъ отношеніяхъ отставшаго отъ нихъ, не смотря на желѣзную дорогу (теперь кажется только что оконченную), на цѣлые подвѣка.

Еще до сей поры классическій бретонскій дворянинъ—король у себя въ замкѣ, и бретонскій крестьянинъ не иначе называетъ его, какъ отцомъ... «Нашъ отецъ!» говоритъ онъ и снимаетъ при семъ благочестиво свою шапку.

Ступивъ со шлюпки на набережную и взглянувъ на поднимающійся знаменитый наполеоновскій мостъ, перекинутый черезъ рейдъ, вы чувствуете, что попали въ мундирную, въ рюмочку перетянутую Францію... Военный складъ, военный шумъ, солдаты на каждомъ шагу... Только признаки, рѣже-волосые бретонцы въ своихъ сабо нарушаютъ эти

сное однообразіе, дѣлающее городъ совершенно похожимъ на казарму.

А вотъ и полицейскій... вотъ онъ пресловутый французскій сержантъ... тоненькій, худощавый, съ усами, завитыми въ ниточку, эспаньолкой и съ треугольной на головѣ.

Ради курьоза, припомнилась мнѣ при взглядѣ на этого французика и фигура нашего городоваго, толстаго и высокаго, до сихъ поръ не умѣющаго отдѣлаться отъ привычки, не смотря на миріады разныхъ блаженной памяти забористыхъ обличеній,—слишкомъ рѣзко отличать людей, давая имъ на улицахъ громко свои типическія названія смотря по платью, бородѣ, волосамъ и наконецъ по собственной фантазіи.

Наполеоновскій сержантъ предлюбезно разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ (который что-то неловко топтался на мѣстѣ), но глаза сего полицейскаго юма, лукавые глаза—бѣгали кругомъ, видѣли все и казалось проницали во всѣ тайныя перегородки человѣчьихъ мыслей и знали не только то о чемъ вы думаете въ настоящую минуту, но даже и то о чемъ будете вы думать на будущей недѣлѣ.

Этихъ сердцевѣдовъ здѣсь тьма, но они не успокоиваютъ, а напротивъ пугаютъ людей, тогда какъ присутствіе англійскихъ полисменовъ на улицахъ радуетъ и разливаетъ въ человѣкѣ спокойную увѣренность за себя и за свои карманы.

Я пріѣхалъ въ городъ съ однимъ изъ французскихъ офицеровъ, и любезный M. Clodin, желая мнѣ показать хоть общество, повелъ меня по безчисленнымъ лѣстницамъ въ rue de Siam, гдѣ была лучшая брестская кофейная «Grand Café Parisien».

За маленькими мраморными столиками завтракала французская публика... Офицеры затянутые въ рюмку, въ своихъ маленькихъ кепи громко о чемъ-то спорили.

Моряки сидѣли отдѣльно, больше молчали и немного уничтожали кофе съ коньякомъ.

Clodin тутъ же познакомилъ меня со многими армейскими офицерами. Большая часть изъ нихъ были въ Крыму, и

Digitized by Google

они не преминули снова терзать мои бѣдныя уши изъясненіями въ любви къ русскимъ и ненависти къ англичанамъ.

Французъ вѣдь иначе не можетъ... «Одно слово — пильникъ народъ!» какъ выражается про нихъ Грищка...

Запѣли они между прочимъ и хвалебный гимнъ своей арміи и своему властителю. Только что на дняхъ въ Брестѣ узнали о загадочномъ декретѣ 24 ноября 60 года, и потому Наполеона хвалили до опьяненія...

«Одни неблагонамѣренные» трактовалъ одинъ французскій капитанъ, «осмѣливаются называть нашего императора не либераломъ... Онъ первый либералъ во Франціи!.. онъ ей далъ свободу, онъ арміи далъ славу... вспомните наши походы». И въ заключеніе всего всѣ наивно закричали: «Vive Napoleon et la liberte!»

Въ кофейной былъ гвалтъ страшный... Споры не прекращались. Когда одинъ изъ моряковъ выразился о декретѣ, какъ о полумѣрѣ, всѣ кинулись на него съ словами: «чего же вы хотите... чего вамъ еще?» такъ что морякъ не могъ и объяснить чего онъ хочетъ и чего ему еще надо, ибо голосъ его затерялся среди голосовъ на него кричавшихъ...

Clodin не мѣшался въ споръ и сидѣлъ со мной въ сторонѣ. Онъ еще очень молодъ, недавно выпущенъ изъ Сенъ-Сирской школы и попалъ въ армію, что ему, какъ видно, не совсѣмъ нравится, ибо общество французскихъ армейскихъ офицеровъ—большею частію изъ солдатъ—людей необразованныхъ, ему не по нутру.

И правда, образованность брестскихъ офицеровъ показалась мнѣ въ очень сомнительномъ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ какъ-то обѣдали у насъ на корветѣ и когда кто-то спросилъ у одного французскаго капитана: «что дѣлается въ Италіи, что Гарибальди?», то почтенный капитанъ отвѣчалъ: «У насъ некогда читать газетъ... Все служба и служба... Вѣдь наша армія образцовая; съ утра ученія и ученія... Нельзя лѣниться манджентскимъ солдатамъ,» добавилъ онъ гордо.

Какъ-то невольно вспомнился Спалакубъ-полякъ, только не нашъ родимый, басомъ говорящій о нетрадиціяхъ и

выпушивалъ, а Сиалоаубъ французскій съ своими манерами, съ неизмѣнной эспаньолкой, ловко пересыпающій ерунду мягкимъ теноровымъ голосомъ...

Послѣ корветскаго обѣда языки «великой націи—націи призванной свыше для благоденствія Европы,» развязались, а за языками и ноги: явились куплеты, а послѣ и танцы подъ фортепьяно... За то французскіе офицеры и показали, что хотя они и не интересуются тѣмъ, что въ Италіи дѣлается, но канканируютъ отлично.

Одинъ изъ нихъ показывалъ такіе фокусы, выдѣлывалъ такія ловкія па́, какія только и въ состояніи дѣлать французъ. Онъ былъ вполнѣ доволенъ криками: «браво» и рукоплесканіями, которыми мы награждали его. Какой-то юноша сульетенантъ подошолъ ко мнѣ и пренаивно началъ спрашивать о Россіи. «Что, правда, говорилъ онъ, что въ Петербургѣ не бываетъ лѣта?» Я засмѣялся, полагая, что онъ шутитъ, но послѣ оказалось, что онъ не шутилъ и столь же серьозно спрашивалъ, выходятъ-ли въ Сибири люди на улицу и постоянные-ли льды въ Финскомъ заливѣ?..

Когда я послѣ былъ у этаго сульетенанта, онъ мнѣ показывалъ одно сочиненіе о Россіи (къ сожалѣнію забылъ имя автора), гдѣ между прочимъ говорится, что Тамбовская губернія въ Сибири, что русскіе мужики ничего не ѣдятъ кромѣ хлѣба и толокна (tolokno), а что въ Архангельской—ѣдятъ и людей...

— Ну, съ этакой книгой вы мало узнаете о Россіи... Развѣ у васъ не преподаютъ хоть немного ея исторіи и географіи? спросилъ я.

— Преподаютъ, но очень мало, отвѣчалъ онъ,—теперь, говорятъ, стали больше обращать вниманія...

Вообще невѣжество французскихъ офицеровъ высказалось сильно, не только въ отношеніи знанія о Россіи, но и въ знаніи о другихъ странахъ...

И что за нахальство въ сужденіяхъ!.. «Это еще вопросъ, говорилъ мнѣ одинъ журналистъ, пора-ли вашимъ рабамъ (vos serfs) быть свободными и хорошо-ли это?.. Вы меня извините, но вѣдь они на людей не похожи...»

— А вы, значитъ, ихъ видѣли?..

Digitized by Google

— Ну, нинѣтъ... не видалъ,—отвѣчалъ этотъ тупоголовый баринъ,—но вѣдь у насъ же-пишутъ о нихъ авторитеты, къ которымъ можно имѣть довѣріе...

— Ну, судя по вашимъ словамъ, имъ вовсе довѣрять не слѣдуетъ...

Разговоръ перешолъ къ другимъ вещамъ и во всемъ хвастовство и какая-то хлестаковщина пробивалась наружу... Съ кѣмъ я ни говорилъ, я замѣчалъ тоже самое... Словомъ, самообожаніе и самопоклоненіе французовъ можно-бы было ввести въ поговорку. Что ни слово, то Франція—«первая» нація въ мірѣ, и только своихъ за-ламаншскихъ сосѣдей французы считаютъ чѣмъ-то въ родѣ людей... А между тѣмъ всякій французъ какъ-то старается сблизиться съ иностранцемъ и даже готовъ для этого чорное называть бѣлымъ и на оборотъ, изъ деликатности по его мнѣнію, а по моему — просто по своей натурѣ.

Дня черезъ два послѣ прихода нашего въ Брестъ отпустили и команду на берегъ... «Первая вахта на берегъ!..» скомандовалъ послѣ обѣда боцманъ Савельичъ...

Довольные, что наконецъ вырвутся съ судна на землю пошли одѣваться матросы... Подоставали чистыя щегольскія рубахи; поскобливши свои смолистыя руки и помывъ лица,— вышли наверхъ готовые.

— Смотри ребята... держись одной кучки, говорилъ Сенька-портной человѣкамъ пяти матросамъ, — чтобы вмѣстѣ вездѣ.. И въ кабакъ вмѣстѣ... и гулять вмѣстѣ.

— Афанасій.. сколько у тебя франковъ? — спрашиваетъ Макарка Афанасія.

— Два... братъ...

— Дай полфранка...

— Зачѣмъ?

— Дай, говорю...

— Да зачѣмъ?..

— Пропить...

— Пропить?

— Говорятъ пропить... нешто не слышишь?..

— А я-то что? Нешто ужъ я и не человѣкъ...

— Съ тебя хватитъ.

Digitized by Google

— Не дамъ, Макарка, я тебѣ полтранекъ... Лучше вмѣстѣ пойдемъ... угощу.

— Смотри, Афанасей, угости...

— Сказано пойдемъ... Погуляемъ... Только держись,—и Афанасій даже языкомъ прищолкнулъ отъ будущаго удовольствія.

— Вы, ребята, на перво куды?.. спрашиваетъ Сенькина кучка другихъ...

— Мы, братцы, въ лавки...

— Что покупать?..

— Надоть рубаху.. Вонъ Хведька тоже штаны хочетъ торговать?..

— Купи, братцы, мнѣ ножъ? говоритъ одинъ.

— А вы-та что сами?..

— Мы въ кабакъ... Гуляй значитъ душа...

— Такъ тебѣ ножъ, Митрій, купить?..

— Купи, ребята, кто-нибудь...

— А деньги?...

— Да вѣдь вы въ лавки?..

— Ну...

— Пить не станете?..

— По шкалику разъ...

— А я, значитъ, гуляю.. все пропью...

— А ножъ?..

— Купи, Антоша, на свои... Опосля отдамъ, потому теперь я гуляю.. А вы значитъ въ лапти...

Боцманъ Савельичъ надѣлъ тонкую рубаху съ батистовымъ передомъ, щегольски повязалъ чорный шолковый галстухъ съ длинными концами; на грудь повѣсилъ свою дудку на серебряной цѣпи, шляпу лихо надѣлъ немного на затылокъ и вышелъ наверхъ, держа въ рукахъ носовой платокъ, который между прочимъ онъ взялъ болѣе для форсу, ибо и при платкѣ онъ по привычкѣ сморкался классически, т. е. помощью двухъ пальцевъ.

— Гляди, ребята... боцманъ-то... раскуражился...

— Форсистъ... неча сказать...

— А вѣдь упьется?..

*

Digitized by Google

— Извѣстно упьется. Каждый разъ въ лежку привозятъ.

Савельичъ бесѣдовалъ съ чиновниками, съ фельдшеромъ, писаремъ и другими унтерами, съ которыми вмѣстѣ собирался ѣхать на берегъ...

Франтъ нашъ фельдшеръ все упрашивалъ сперва по улицамъ гулять.

— Или, Степанъ Савельичъ, — вмѣшался писарь Мухинъ, въ садъ пойдемте гулять... Вѣрно въ городѣ садъ есть. Нельзя безъ саду...

— Да што въ саду-то? говоритъ Савельичъ.

— Все-же благородное развлеченіе.

— По мнѣ въ трактиръ сперва...

— Въ трактиръ послѣ саду...

Однако Савельичъ не соглашался... И другіе унтера не соглашались. Иванъ Василичъ, обратился фельдшеръ къ Мухину, когда боцманъ и унтера куда-то пошли, пойдемте гулять одни. Что съ ними гулять!..

— Конечно Иванъ Абрамычъ...

— Они никакихъ чувствъ не имѣютъ... Только-бы имъ напиться. Извѣстно—матросъ!..

— И еще пристыдятъ насъ.

— А мы, Иванъ Василичъ, благородно погуляемъ, зайдемъ въ лавки, а послѣ въ театръ... мы вѣдь не они...

— А въ садъ?..

— И въ саду погуляемъ.

Писарь и фельдшеръ рѣшили отдѣлиться отъ Савельича и время провести болѣе благородно, чѣмъ проведетъ его Савельичъ съ компаніей.

Левка-разбойникъ былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ всегда былъ мраченъ передъ тѣмъ, что напивался. Въ раздумьѣ ходилъ онъ взадъ и впередъ по баку и изрѣдка щупалъ свои четыре франка, спрятанные въ карманѣ. На его лицѣ явилась самая презрительная улыбка, когда онъ услыхалъ разговоръ писаря съ фельдшеромъ. Онъ быстро вскинулъ на нихъ глаза и потомъ также быстро опустилъ ихъ и только сказалъ: «сволочь!»

Леонтій занималъ меня очень. Онъ рѣзко отдѣлялся отъ

Digitized by Google

прочихъ... Постоянно молчаливый, угрюмый, — особнякомъ сидѣлъ онъ за какой-нибудь работой и хорошо, легко какъ то спорилась работа въ его мощныхъ, крѣпкихъ рукахъ... Говорилъ онъ съ другими мало, да и вообще съ нимъ, зная его суровый нравъ, рѣдко кто и заговаривалъ... Относились же всѣ къ нему съ уваженіемъ, а боцманъ даже съ нѣкоторымъ заискиваніемъ, потому что Леонтій былъ золотоматросъ изъ баковыхъ... Бывало крѣпитъ парусъ въ свѣжій вѣтеръ, такъ любо глядѣть на него, безстрашнаго, вѣчно-спокойнаго, не суетящагося, разумно и толково дѣлающаго дѣло...

— Суровъ очень,—говорятъ про него матросы...

— Чудакъ, говоритъ боцманъ Савельичъ, но побаевается Левки; потому Левка шутить не любитъ, а коли обидятъ его понапрасну, то онъ обиды не стерпитъ.

На корветѣ Леонтій совсѣмъ водки не пилъ. Онъ кажется мало ея пить не любилъ... За то на берегу пилъ до-мертва и въ это время сильно буйствовалъ и почти всегда на корветъ со шлюбки подымался на веревкѣ.

Еще мрачнѣе, еще суровѣе на другое утро бывалъ Леонтій и, будто совѣстясь, не подымалъ глазъ, если кто изъ начальства съ нимъ заговаривалъ...

Офицеровъ, что лясы съ матросами точить любили отъ нечего дѣлать, — Леонтій не любилъ... Я это зналъ и не смотря на все мое желаніе узнать кое-что о его прошлой жизни, самаго его никогда не спрашивалъ, будучи увѣренъ, что онъ и мнѣ отвѣтитъ такъ-же, какъ отвѣтилъ одному изъ корветскихъ офицеровъ:

— Что ты Ребровъ, все скучаешь? подошолъ однажды къ нему съ вопросомъ Н. И.

Леонтій только вскинулъ глазами и продолжалъ строгать бочекъ...

— Что, скучно по Кронштадту что-ли?..

— А вамъ, в. б-іе отъ этого легче станетъ, коли я скажу.

— Я такъ... узнать хотѣлъ...

— Нечего и узнавать, в. б-іе,—угрюмо отвѣчалъ Леонтій, и Н. И. отошолъ прочь.

Digitized by Google

Леонтій былъ прямъ до крайности и кривязны въ другихъ не любилъ... Самъ обидъ не терпѣлъ, и другихъ никогда не обижалъ. Напротивъ, молодыхъ матросовъ изъ рекрутъ защищалъ всегда отъ нападокъ и глумленій старыхъ.

Живо запечатлѣлась у меня слѣдующая сцена.

Вошли мы въ Нѣмецкое море. Вѣтеръ былъ изрядный, качка сильная... Нѣкоторые изъ матросовъ, впервые попавшіе въ море и не успѣвшіе еще привыкнуть ко всѣмъ суровостямъ морской службы,—струхнули порядочно... Одинъ изъ рекрутовъ,—Василій, молодой, такой славный матросъ, лѣтъ 20-ти, съ необыкновенно-симпатичной физіономіей, сидѣлъ прижавшись къ баркасу и, блѣдный, печальный, со страномъ глядѣлъ на высокія волны, что словно горы подымались сбоку и будто залить хотѣли совсѣмъ нашъ корветъ...

— Что... матрушка олонецкая?.. Чай теперь и матку съ батькой вспомнилъ, глумился надъ нимъ учебная выжига Куличковъ. Что, трусишь?

— Страшно... Волна вздымается-те какъ... И нутро мутитъ, дядя,—оправдывался Василій...

— Эхъ, баба ты!.. Пойдемъ-ка я вотъ боцману скажу... онъ тебя на марсъ пошлетъ. Тамъ те растрясетъ.

— Не трожьте, дядя.

— Ну, дай чирку за тебя.

— Пейте, дядя... что теперь водка...

— Я те дамъ водки, шкура ты барабанная, учебная крыса... Что молодого обижаешь!.. Мотри... Куличковъ!..

И сказавшій это Левка такъ взглянулъ на Куличкова, что онъ только пробормоталъ:

— Я, Левонтій, вѣдь пошутилъ...

— Такъ впередъ не шути.

— А ты чаво спужался, Василей, аль страшно... Привыкнешь, паря, обтерпишься,—ласково вдругъ заговорилъ Леонтій.

— Противно мнѣ... море-то... дядя...

— Зови меня, Василей, Левонтьемъ. Какой я тебѣ дядя?.. А что противно,—такъ оно всякому спервоначалу-то противно...

Digitized by Google

— Тяжело терпѣть, Левонтій, грустно сказалъ Василій.

— А что?

— Тоже жалко своихъ... мать-то... какъ, и опять Апросвка... первой годъ женили...

Василій безнадежно махнулъ рукой, а Леонтій ласково глядѣлъ своими выразительными глазами на молодого рекрута и немного погодя сказалъ:

— Ты, Вася, коли что тамъ съ работой не справишься, у меня спроси... Да не робѣй, братъ. — А кто обиждать захочетъ, спуску не давай... Что, аль опять мутитъ?...

— Мутитъ, Левонтій,—какъ смерть блѣдный отвѣчалъ Василій.

— Пойдемъ, Вася,—сухаря съѣшь...

И онъ заботливо свелъ Васю въ палубу.

Потомъ Леонтій такъ привязался къ Василію, къ нему одному (его натура мелочить чувствомъ кажется не умѣла),—что обида Василію была и ему обидой. Словно нянька ходилъ онъ за Васильемъ и черезъ два мѣсяца изъ него вышелъ такой лихой матросъ, что Леонтій, глядя бывало, какъ Васька безстрашно брамсель въ свѣжій вѣтеръ крѣпитъ, и самъ на минуту свѣтлѣлъ.

Самъ Леонтій мало говорилъ съ своимъ любимцемъ на корветѣ. Онъ разговору не любилъ, но на дѣлѣ показывалъ глубокую привязанность своей страстной натуры и ласково выслушивалъ нехитростныя Васькины воспоминанія, даже сочувственно улыбался, когда молодой матросъ такъ порывисто, такъ горячо разсказывалъ о молодой Апроськѣ...

Подъ пьяную руку Леонтій былъ словоохотливѣе...

На берегу онъ былъ всегда вмѣстѣ съ своимъ фаворитомъ, но пить его не пріучалъ...

— Што толку-то съ нее... съ етой водки-то; не пей, Вася, никогда не пей... Гадость она!.. Не съ добра ее пьютъ, — угрюмо говорилъ Леонтій и залпомъ выпивалъ стаканъ крѣпкаго спирта.

Какъ попалъ Леонтій въ рекруты, объ этомъ въ подробности не зналъ никто. Знали только, что онъ попалъ изъ дворовыхъ. Да еще молва по корвету ходила, будто любовишка какая-то такъ скрутила Леонтія, что прежде онъ

Digitized by Google

не таковъ былъ. Случай привелъ меня узнать кое-что про его прошлое отъ него самаго-же въ одномъ изъ брестскихъ кабаковъ.

Знаешь-ли что, читатель!.. Много—очень много романовъ, и грустныхъ, можно прочесть на живыхъ людяхъ — матросахъ, что пошли плавать по морямъ, поокіянамъ...

Съ виду кажется благоденствуетъ матросъ — и сытъ, и одѣтъ, будто и веселъ, пѣсни разухабистыя по вечерамъ поетъ, а вглядись поглубже, прислушайся иногда темной ночью, стоя на вахтѣ, какъ какой-нибудь Ваня про свою деревню разсказываетъ, или какъ старикъ Гришка клянетъ кронштадскаго фельдфебеля, что заставилъ его уйти на три года въ «дальнюю»... «безвѣстную»...

Не всякому русскому матросу радостно дальнее плаваніе... А онъ и туда даже самъ иной разъ просится. . Знать ужъ больно солоно пришлось отъ чего-нибудь... Одного жена безжалостная погнала на Амуру, «скопи мнѣ молъ денегъ». . другого, какого-нибудь безотвѣтнаго, кто-нибудь тоже пилилъ-пилилъ, пилилъ-пилилъ; надоѣло это пиленіе безотвѣтному,—ну, и пошолъ онъ «на Амуру» проситься... «може тамъ пилить не станутъ»... А нѣкоторыхъ любовишка погнала—«нажъ тебѣ, молъ, злая ты этакая Дунька... не любъ я тебѣ, ну и чортъ съ тобой... А я уйду. . Не могу я видать тебя»...

И терпитъ все бравый матросъ—и бурю терпитъ, и вѣтеръ, и дожь терпитъ... И работаетъ онъ трудную работу; крѣпитъ качаясь надъ океаномъ, парусъ въ свѣжую погодку; не досыпаетъ ночей; не видитъ ни своей Апроськи, ни своей гнѣдой кобылки... не носитъ онъ ни своего родного зипунишка, ни дырявыхъ лапотокъ... И сноситъ все это онъ, и только вымещаетъ накипѣвшую досаду на водкѣ, да развѣ въ веселой пѣснѣ у него изъ груди вырвется иногда такая надрывающая нотка, что насквозь проберетъ иного любителя русскихъ пѣсенъ.

Я былъ назначенъ въ Брестѣ ѣхать съ людьми на берегъ.

— Сажай-ка людей на шлюбку,—сказалъ я боцману...

— Ну, живо на шлюбку... Вались, кто на берегъ!... скомандовалъ Савеличъ.

Digitized by Google

Скоро полонъ-полнешенекъ баркасъ отвалилъ отъ борта. Только-что пристали мы къ пристани,—повыскакали матросы и пошли гулять по басурманскому городу...

Наполнились кабаки, оживились... Въ какой-нибудь имперіальной бюветкѣ Ларька-дворовой закатываетъ, лихо упершись рукой въ бокъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» а другіе подтягиваютъ и постукиваютъ стаканчиками. Слушаютъ французскіе солдаты пѣсню русскую, пѣсню широкую, и съ пьяна восхищаются и лѣзутъ цаловаться съ Ларькой. Ларька не прочь цаловаться (онъ ужъ самъ пьянъ) и велитъ подать еще водки...

И пьютъ, и галдятъ матросики...

— А я не спущу, не спущу ему! вопитъ Макарка, на счотъ Афанасія угостившійся,—потому онъ не смѣетъ.. За что-жъ?.. Посуди ты самъ, Афанасей... И рази онъ смѣетъ?..

Афанасій не понималъ въ чемъ дѣло, однако отвѣчалъ:

— Шиби... и ты — чортова голова — шиби!..

— Давай, Афанасей, давай шибить!!

И они расшибли два стаканчика.

— Есть въ тебѣ... штоли, совѣсть? допрашивалъ француза Сенька. Французъ только моргалъ глазами...

— Ну, и пей, нехристь басурманская! Пей, не куражься!.. И Сенька суетъ ему цѣлый стаканъ голаго спирта..

Въ особой комнатѣ небольшой кофейной сидятъ за столомъ Леонтій и Василій...

Леонтій мраченъ, пьетъ много...

Я вошолъ, незамѣтно сѣлъ въ сторонкѣ, такъ что друзья меня не видали...

— И полюбилъ я тебя, Вася... Потому видѣлъ... душа въ тебѣ... Безъ нея человѣкъ штò... И знаешь, я те скажу... Такъ я и Сашку-варварку полюбилъ... Была въ ней душа!..

Леонтій остановился и опять пить началъ...

Немного погодя онъ продолжалъ:

— Повадился ходить къ ней... Вижу, не противенъ... меня слушаетъ, — я и рѣшилъ... Пойдешь, говорю, Сашка, за меня замужъ?—Удивилась... посмотрѣла этакъ на меня... «Не могу», говоритъ, Леонтій. Хоша, говоритъ, я васъ и

Digitized by Google

люблю, да не такъ.» Какъ, говорю, не такъ? — а самаго и пробрало... «Я, говоритъ, другого, говоритъ, люблю»...

— Ишь ты! удивляется Василій...

— Кто-же этотъ злодѣй, скажи ты мнѣ, говорю, чтобы я ему скулы своротилъ! Такая это меня злость взяла..

— Не скажу, говоритъ... а сама такъ листомъ трясется, потому видитъ злость эту мою. Скажи да скажи, присталъ я къ ней,—ничего, говорю, не сдѣлаю... «Лексѣевъ, говоритъ, фельдшеръ... Вы, Леонтій, держите, говоритъ, слово, а то грѣхъ».. Что мнѣ грѣхъ... коли все нутро ѣстъ!.. Ушолъ это я отъ нее, да въ кабакъ... Оттѣль къ фельшеру, и давай его бить... И билъ я его... билъ, плюгаваго фельшеришку, поколь сердце неотошло... Замертво оставилъ... Выдрали меня и разжаловали... былъ я, братъ, и унтеромъ!» усмѣхнулся Леонтій. «И стало мнѣ легче будто, какъ я спакосничалъ Сашкѣ-то... Опосля встрѣтилъ этто я ее на улицѣ... Она отвернулись и плюнула... а мнѣ—словно бѣсъ радуетъ какой... «Видѣли, говорю, вашего миленькаго?.. живъ чтоль еще?..» Ничего не отвѣтила, словно отъ чумы прочь пошла... Черезъ годъ ушолъ я изъ Кронштадта. Опоскудила жисть то. Водки сталъ много пить... чертовка!.. чтобъ тебѣ!.. Левка вдругъ вытянулъ свою могучую руку и что есть силы хватилъ по столу. Зазвенѣли на полу стаканы... Подлетѣлъ гарсонъ... Леонтій досталъ франкъ и швырнулъ гарсону.

— Слушай, что я тебѣ скажу, Вася... Вотъ она... подлая... здѣсь сидитъ (Леонтій до чортиковъ напился)... Вотъ ее вижу... вижу... Сашку-то... Уйди ты... уйди, окаянная!.. убью!.. И, совершенно пьяный, зарычалъ Леонтій словно тигръ въ лѣсу и ровно снопъ повалился на полъ...

— Вяжи меня, Вася, вяжи... не то убью..!

Подошли еще матросы съ улицы. Леонтія связали, положили въ шлюбку и на веревкѣ подняли на корветъ...

Стоналъ онъ цѣлую ночь; къ утру протрезвился и цѣлый день даже съ Василіемъ не сказалъ ни слова. Впослѣдствіи Леонтій спился совсѣмъ, и когда мы пришли въ гавань Св. Ольги, онъ остался тамъ навсегда...

Послѣ того я еще раза два видалъ Леонтія. Сказывали мнѣ въ Ольнѣ матросы—пьянствовалъ онъ шибко... И драли его

Digitized by Google

шибко, да розги его не брали. Выпорютъ его,—онъ встанетъ и снова пьетъ; все пропиваетъ... Началъ, говорили, и поворовывать... И еще мрачнѣй, и еще страшнѣй съ виду сталъ этотъ рыжій космачъ, эта сила-человѣкъ, Левка-разбойникъ.

А корветъ уже готовился оставлять Брестъ... 1-го декабря мы были совсѣмъ готовы и взявъ съ собой на долгое время провизіи — прощались въ лицѣ Бреста со всей Европой, съ которой придется увидѣться, но черезъ сколько лѣтъ? Богъ вѣсть. «Прощай, Европа!.. говорили мы, когда корветъ, отсалютовавъ крѣпостямъ, солнечнымъ, теплымъ днемъ выходилъ съ рейда, чтобъ итти далеко, далеко итти — къ устью рѣки Амура.»

Первые дни океанъ не пугалъ насъ. Погода стояла отличная. Одно худо: противный вѣтеръ заставлялъ насъ лавировать и подвигаться миль по 30-ти въ сутки. Океанская качка ужъ и не безпокоила никого. Качка Нѣмецкаго моря пріучила насъ ко всѣмъ качкамъ.

Но вотъ 10-го Декабря заревѣлъ вѣтеръ... И пошолъ авралъ (*) наверху. Если вы не видали, читатель, аврала морского, то я вамъ попробую нарисовать хоть слабую его картину...

Свищутъ всѣхъ наверхъ «третій рифъ брать!» Вѣтеръ не шутитъ. Засвисталъ, застоналъ онъ въ снастяхъ...

Океанъ словно разсердился, — вспѣнился, забурлилъ и гонитъ высокія волны, сѣдые гребешки которыхъ бѣшено разбиваются въ серебристую пыль о бока нашего корвета...

Словно птица морская летитъ нашъ корветъ... Нѣтъ ему препятствія... Граціозно, легко подымается онъ на волнистую гору и снова опускается, имѣя ее уже за кормой... Только дрожь какая-то идетъ по всему судну да духъ захватываетъ у непривычнаго, если за бортъ посмотрѣть... Одна пѣна, густая пѣна сердито клокочетъ сбоку.

Засвисталъ Савеличъ неистово въ дудку: «пошолъ всѣ наверхъ третій рифъ брать!» Словно бѣшеные кидаются матросы наверхъ... Разсыльный врывается въ каютъ-ком-

(*) *Авраломъ* называется такая работа на кораблѣ, которая требуетъ присутствія наверху всего экипажа.

Digitized by Google

панію; «всѣхъ на верхъ», говоритъ и самъ летитъ наверхъ. Все бѣжитъ сломя голову... Для не-моряка показалось бы, что судно ко дну идетъ... такая суматоха.

Андрей Федосѣичъ, старый лейтенантъ, несется на бакъ, налету надѣваетъ пальто и еще со шканецъ кричитъ, простирая свои руки къ небесамъ: «на мѣстахъ стоять!» не замѣчая въ усердіи къ службѣ, что всѣ на мѣстахъ стоятъ... Раздается сильный голосъ старшаго офицера .. «словно изъ бочки», замѣтилъ кто-то изъ матросовъ.

Все идетъ хорошо... Обезьянами взбѣжали матросы по марсамъ и расползлись по реямъ. Работа у нихъ кипитъ... Они дѣлаютъ свое трудное матросское дѣло и изрѣдка промежъ себя безъ всякой злобы переругиваются...

Офицеры стоятъ внизу, и отъ нетерпѣнія многихъ словно трясучка беретъ... Они покрикиваютъ да подчасъ въ припадкѣ служебности прошипятъ сквозь зубы: «Петровъ... ахъ ты...» но фразы не доканчиваютъ, ибо недавно только что приказъ капитанскій вышелъ, запрещающій къ службѣ неидущія окончанія.

Крѣпятъ паруса, и... о ужасъ!.. Одна веревочка, махонькая такая веревочка нейдетъ... Ужъ Андрей Федосѣичъ простеръ къ небесамъ руки, но пока еще крѣпится. И только въ безмолвіи кажетъ изряднаго кулака на марсъ... А веревочка, чтобъ ей пусто было, словно нарочно нейдетъ...

Въ этотъ-то злосчастный моментъ — моментъ многимъ морякамъ знакомый, раздается капитанскій крикъ:

— На бакѣ! Что дѣлаютъ?.. Отчего снасть не идетъ?..

Андрей Федосѣичъ напускается на Савелича.

— Ну, ужъ и боцманъ!.. Чего смотришь?.. Смотри, смотри-же! пустилъ Андрей Федосѣичъ fortissimo.

Наконецъ терпѣніе милѣйшаго Андрея Федосѣича лопается окончательно, и онъ шумно забываетъ недавній приказъ объ окончаніяхъ, къ службѣ неидущихъ.

Савеличъ только сплюнулъ на сторону и самъ по окончаніи выговора сталъ ругаться направо и налѣво (больше для очистки совѣсти), выдѣлывая такія замысловатыя и чисто артистическія варіаціи на тему поминанія родственниковъ, которые конечно не знакомы сухопутному жителю

Digitized by Google

и въ которыхъ наши боцмана дошли до виртуознаго совершенства.

Изругавъ родственниковъ и ближайшихъ знакомыхъ и у Матюшки урядника, что подъ руку подвернулся, ни въ чемъ неповинный въ веревочкѣ, Савеличъ снова сплюнулъ и засвисталъ по соловьиному въ дудку...

Матюшкѣ въ свою очередь захотѣлось на комъ-нибудь потѣшиться. «За что... мнѣ-то попало!» Онъ взбѣжалъ на марсъ, далъ незамѣтнаго стрекача Гаврилкѣ, виновному, что не шла снасть, и сорвавъ такимъ манеромъ сердце, — незамѣтно-же сошолъ внизъ.

Почесался Гаврилка... Нельзя было сорвать ему сердце на предметѣ одушевленномъ (а ужъ какъ хотѣлось!) и онъ сперва выругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ бѣдную веревку только тогда ее раздернулъ.

— А ты что?.. драться давилъ? замѣчаетъ Матюшкѣ Андрей Федосѣичъ (читатель знаетъ, что драться нынѣ нельзя!).

— Согрѣшилъ, в. б-іе. просто сами на грѣхъ наводятъ...

— Согрѣшилъ... Ахъ ты, выѣздная шкура... сурово замѣчаетъ стоящій сбоку Левка.

— Ты смотри не драться... А то просушу... Слышишь?..

— Да помилуйте в. б-іе, Я за что-же одинъ терпѣть буду? жалобно говоритъ Матюшка, — меня-жъ обфилатили... а я ужъ и не смѣй... Они завсе подводятъ...

— Нину... Терпи!

— Не стерпишь,—подъ носъ себѣ ворчитъ Матюшка и уходитъ. Но увидѣвъ, что Андрей Федосѣичъ ушолъ онъ не можетъ удержаться (такъ велика привычка!), чтобъ не показать сошедшему Гаврилкѣ хоть издали стрекача, потомъ подходитъ къ нему и въ полголоса говоритъ:

— А ужъ ты, швалдырь окаянная... Смотри!.. Скажи, варваръ ты эдакой, за тебя я нешто отвѣты принимать долженъ? Погоди, голубчикъ... усахарю...

— Чего усахарить-то...

— Ужъ припомню, шипитъ змѣей Матюшка,—припомню, голубчикъ, припомню, лѣнтяина вологодская... припомню...

— Ну, чаво вы пристали-то... Матвѣичъ...

Digitized by Google

— Не разговаривать! крикнулъ офицеръ и обернулся... Матюшка юркнулъ за мачту.

— Что, братъ, съ участіемъ тихо шепчутъ Гаврилкѣ другіе матросы, отошло?..

— Отошло, братцы, говоритъ Гаврилка, махнувъ рукой, и идетъ снасть тянуть...

— Андрей Федосѣичъ!.. Андрей Федосѣичъ!.. Посмотрите ради Бога, кричитъ шканечный офицеръ... котра-брасъ у васъ не тянутъ!.. Голосъ и лицо этого офицера выражаютъ такую искреннюю грусть и такое отчаяніе, что не-морякъ подумалъ-бы, что онъ о пособіи проситъ, говоря, что мои малыя дѣти съ голоду умираютъ. Но морякъ въ душѣ конечно пойметъ все это отчаяніе и грусть...

Рифы взялись благополучно... «Подвахтенные внизъ!» скомандовалъ старшій офицеръ...

— Ну, ужъ Андрей Федосѣичъ, у васъ вѣчно контрабраса не тянутъ, съ маленькой ѣдкостью замѣчаетъ Дмитрій Егорычъ, входя въ каютъ-компанію.

— А у васъ брамъ-брасъ развѣ тянутъ когда, что-ли?..

Тѣмъ дѣло и кончилось...

Матросы (невахтенные) тоже сошли въ палубу.

— Ужъ какъ ты, Гаврилка, прозѣвалъ... Просто не знаю... Тресъ я тебѣ, тресъ снасть-то... ровно ослѣпъ ты право...

— Какое ослѣпъ... видать-то видалъ я, Митрій, что надо ее раздернуть, да думаю... сама раздернется... а она, каторжная, и не раздернулась... Подъ марсомъ, выходитъ, заѣло... Какъ не замѣтить-то! поясняетъ Гаврилка... А ужъ я Матюшкѣ подлецу не спущу... Съѣздилъ... хоша и не больно, а съѣздилъ. Еще говоритъ, припомню... Ишь раскуражился...

— Ну его къ Богу, Гаврилка... Ишь тычки считать вздумалъ.

— Уже съѣдемъ на берегъ... взмылю его... право взмылю..

— Ну ужъ и взмылишь... врешь!

— А нешто не взмылю штоль!

— Ты что тутъ раскричался! замѣчаетъ боцманъ проходя мимо...

Digitized by Google

— Да какъ же, Савеличъ?.. за что Матюшка обидѣлъ понапрасну... Нынѣ и господа не дерутся, а тутъ всякой въ рожу лѣзетъ, ровно въ свою.

— Ну, говори!.. Чтожь и не лѣзть?.. Съ вашимъ братомъ иначе нельзя. Надо когда и въ рожу.

Тѣмъ и кончилось все дѣло.

Скоро забылись непріятности авральной работы и по всѣмъ уголкамъ палубы пошли разговоры... лясы матросскія...

Гаврилка ужъ разсказываетъ, какъ онъ въ отпуску Наськѣ, вдовѣ солдатской, платокъ заграничный дарилъ.

— Взяла? спрашиваетъ Дмитрій.

— А нешто нѣтъ?.. Сказано—загранишный...

А въ другомъ уголкѣ Бочковъ старикъ расказывалъ объ одномъ матросѣ, который на леньки «былъ сносливъ».

Дирали его часто... Да не брало ужъ... Бывало дадутъ ему этто съ сотню, а онъ одѣнется да и спрашиваетъ, и такъ это спрашиваетъ, словно и не дранъ: «а что, братцы—скоро обѣдать-то?»

Капитанъ узналъ значитъ объ эфтомъ, и бросили его драть

— Заговоръ какой зналъ... замѣчаетъ молодежь...

— Не бойсь съ чортомъ связался... Эхъ, дурачье!. Просто шкура пообилась... замѣчаютъ старые.

И въ такомъ родѣ шли простыя бесѣды простаго русскаго человѣка далеко на океанѣ...

И хотя вѣтеръ не стихалъ, и хоть корветъ сильно покачивало, однако все это не мѣшало и въ каютъ-компаніи одному изъ товарищей нашихъ играть на фортепьяно, а другимъ преспокойно слушать, вовсе и не думая ни о вѣтрѣ, ни о качкѣ. Конечно кто былъ на вахтѣ, тому было скверно... а кто внизу—что тому, кромѣ развѣ скуки?..

Не удивляйтесь, особенно читательница, если вы представляете, что мы во время погоды все со стихіей *боремся*; и если картину бури вы представляете себѣ изъ балета «Корсаръ», то вы много ошибаетесь... Непріятны штормы,

Digitized by Google

но не столь страшны, какъ въ балетахъ, романахъ и въ нѣкоторыхъ преувеличенныхъ донесеніяхъ!

Дня черезъ три стихъ вѣтеръ. Мы развели пары и пошли на Мадеру...

Можетъ быть еще гдѣ встрѣтимся, читатель!

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

ЛОНДОНСКІЙ ПАНСІОНЪ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЖИЗНИ НАШИХЪ ТУРИСТОВЪ

Жутко, говорятъ, приходится каждому русскому, чуть онъ, переѣхавъ границу, ощутитъ себя на чужбинѣ—среди иныхъ людей, иныхъ обычаевъ. Точно онъ влѣзъ не въ свое платье, а главное—точно на смотръ какой попалъ онъ въ этомъ не обношенномъ платьѣ. Всѣ какъ-будто глядятъ на него и думаютъ: «ну, ну—покажись! Посмотримъ, какъ-де поведешь себя...» Да, чортъ побери, совсѣмъ неловко!

Но чужбина чужбинѣ рознь. Съ нѣмцемъ, съ французомъ мы ужь освоились маленько, поприглядѣлись къ ихъ нраву и пріемамъ. Далеко не такъ близокъ къ намъ англичанинъ. Какъ ни глумись надъ этимъ рыжимъ джонъ-булемъ, а вѣдь — что ни говори — совсѣмъ отличный онъ отъ насъ человѣкъ, и шутить съ нимъ на дѣлѣ какъ-то плохо...

Поэтому-то и видъ Лондона на первыхъ порахъ дѣйствуетъ на русскаго туриста еще тягостнѣе, чѣмъ минута перваго показыванья себя на нѣмецкой напримѣръ земелькѣ. Громада непомѣрная и чрезвычайно капитальная, обстроилась она не изящно, но прочно и въ высшей степени своеобразно, глядитъ сѣро, сурово, точно сердится, и кишитъ-кишитъ народомъ. Чего-бы кажется легче, какъ тотчасъ же вмѣшаться въ этотъ народъ, стушеваться въ немъ, затереть свою личность? Но нѣтъ, не таково это уличное движеніе, чтобъ оно заманивало въ себя, засасывало въ свои

Digitized by Google

пути и цѣли. Это не душка—Парижъ. Въ томъ — точно, сразу увлекаешься общею уличною жизнью, вдругъ чувствуешь себя гражданиномъ бульваровъ и, мигомъ преображонный, влечешься куда ни попало заурядъ съ веселой праздничной толпой. Веселье — какъ извѣстно—заразительно. А лондонская толпа... чего она кишитъ? Дѣла что-ли ищетъ? Только ужь никакъ не бездѣлья, и глядитъ она вовсе не празднично. Стало быть и примкнуть къ ней съ бухта-барахту какъ-то не приходится.

Но вотъ еще новое затрудненіе, новая позитура въ тупикъ для русскаго туриста, ступившаго въ первый разъ на берегъ Темзы. Онъ пріѣхалъ сюда или вовсе безъ знанія англійскаго языка, или-же съ тѣмъ языкомъ, который только въ Россіи казался ему англійскимъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ на первыхъ порахъ оказываются почти тѣже результаты: ни онъ не понимаетъ, ни его не понимаютъ. Господи, что-жъ это такое! Обращаешься къ кучеру, къ полисмену, а они точно олухи твердятъ свое *no*, между тѣмъ какъ говоришь имъ, кажется, наипонятнѣйшимъ способомъ. Названіе напримѣръ улицы произносишь, улицы извѣстной почти-что въ цѣлой Европѣ, — и тутъ тебѣ въ отвѣтъ мычатъ свое досадное *no* и даже понять тебя нисколько не трудятся. О, милые французы! думается въ это время:—хоть бы частичку своей предупредительности и догадливости вы уступили своимъ заламаншскимъ сосѣдямъ! вѣдь согласитесь—у васъ бываетъ ея подчасъ большой излишекъ! А эти олухи, эти кучера и полисмены съ своимъ точно офиціальнымъ *no* думаютъ взаправду, что иностранецъ непремѣнно обязанъ знать ихъ языкъ, да еще такъ знать, чтобы непремѣнно свиснуть на *th* или-же ударить голосомъ на извѣстный слогъ слова именно такъ, какъ свиститъ или ударяетъ самъ англичанинъ. Спрашиваешь напримѣръ улицу Piccadilly, произносишь названіе это, кажется, совсѣмъ по-англійски, но нѣтъ, тебя не понимаютъ, мычатъ свое обычное *no*; а ты непремѣнно ударь голосомъ на первый слогъ и такъ притомъ ударь, чтобъ остальные слоги почти и не слышались — о, въ такомъ случаѣ кучеръ или полисменъ тотчасъ-же пойметъ въ чемъ дѣло!

Наконецъ послѣднее затрудненіе русскаго туриста въ

Digitized by Google

Лондонѣ—пріискать для себя удобную квартиру. Я не имѣю въ виду капиталистовъ роскошествующихъ на всѣхъ путяхъ жизни своей, непоставляемыхъ въ тупикъ подобными мелочами: такихъ счастливцевъ и англичанинъ тотчасъ пойметъ и ублажитъ. Я говорю лишь о тѣхъ изъ нашихъ туристовъ, что осматриваютъ чужіе края на свою скудную трудовую копѣйку. Для этихъ-то очень важно не промахнуться на квартирѣ, т. е. провести въ извѣстномъ городѣ недѣлю-другую по возможности и удобно и дешево. Комфортабельные отели не по ихъ карману и даже не по ихъ вкусу... И вотъ такой-то туристъ стучитъ и звонитъ у дверей какого-нибудь приватнаго дома, гдѣ по указанію извощика можно нанять для себя комнату. Открывается дверь; плохо, очень плохо понимается цѣль туриста; два-три раза привратница сбѣгаетъ къ хозяину или къ хозяйкѣ для переговоровъ о появленіи господина иностранца; наконецъ явится хозяинъ и... требуетъ рекомендательнаго письма. Но такого письма именно и нѣтъ у туриста. Не слѣдуетъ однако теряться, и благо туристу, если онъ поспѣшитъ скорѣе озадачить, чѣмъ озадачиться,—не то дверь передъ нимъ захлопнется безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Суньте передъ глаза домохозяина вмѣсто письма свой паспортъ — и будьте увѣрены, что непонятныя для англичанина строки его краснорѣчиво скажутся въ созерцаніи двуглаваго орла: домохозяинъ озадаченъ, произноситъ свое глубокомысленное а?!.. и отдаетъ вамъ то или другое помѣщеніе.

Но въ Лондонѣ, между многочисленными пріютами для странствующаго люда, не послѣднее мѣсто занимаютъ еще такъ называемые пансіоны — boarding-houses. Какая-нибудь пожилая миссъ или овдовѣвшая мистриссъ снимаетъ у домохозяина десятокъ-другой комнатъ, меблируетъ ихъ на свой счотъ и впускаетъ въ нихъ жильцовъ. Эти жильцы по большей части и нахлѣбники, но нахлѣбничать они должны непремѣнно вкупѣ, составляя подъ предсѣдательствомъ хозяйки семейный столъ со всѣмъ этикетомъ англійскаго семейнаго кодекса. Такіе-то пансіоны, разнясь другъ отъ друга недѣльною платою за помѣщеніе, большею или меньшею комфортабельностью комнатъ и сытностью стола, могутъ быть

Digitized by Google

выгоднымъ и удобнымъ пріютомъ и для русскихъ, не слишкомъ денежныхъ туристовъ.

Много пансіоновъ въ Сити; но Сити черезчуръ грязенъ, суетливъ, безпокоенъ, удушливъ. Для всѣхъ пяти чувствъ туриста выгоднѣе искать себѣ пріюта гдѣ-нибудь поближе къ паркамъ, въ западной части Лондона. Тутъ не только воздухъ, но и пансіоны чище. Для спокойствія совѣсти цѣломудренной хозяйки пансіона довольно ужъ и того, если скажете ей, что когда-то и какой-то русскій путешественникъ нашолъ у нея радушный пріютъ. Она уже вѣритъ вамъ, вѣритъ до такой степени, что—на случай ночнаго вашего возвращенія домой — вручитъ вамъ запасный ключъ отъ наружной двери. А впуститъ она къ себѣ одного русскаго жильца, такъ по его рекомендаціи могутъ селиться у нея и десятки другихъ русскихъ. Главное, чтобъ форма была соблюдена: необходимо такъ или иначе отрекомендоваться или быть отрекомендованнымъ. Для всѣхъ даже найдутся и запасные ключи. Потому что хозяйка пансіона, хотя-бы и самая цѣломудреннѣйшая миссъ, на столько знаетъ свѣтъ и понимаетъ, что молодые люди, и даже немолодые, безъ запаснаго ключа едва-ли станутъ у ней жить...

Заплативши одинъ, полтора, много два фунта въ недѣлю—сообразно величинѣ комнаты, — туристъ обезпеченъ во всемъ. У него удобное и спокойное помѣщеніе, сытный столъ, расторопная прислуга, прачка въ томъ же домѣ; у него на глазахъ англійская домашняя жизнь; онъ нѣкоторымъ образомъ даже членъ ея: живите, прислушивайтесь или приглядывайтесь къ ней, и при точно-опредѣленномъ бюджетѣ пансіонской жизни васъ уже мало безпокоятъ мелочные уличные расходы. Порядки этой жизни не сложны и главное — очень благообразны. Вы встаете къ 8 часамъ утра, слышите звонокъ, раздающійся изъ столовой, и можете идти за утренній чай; въ столовой — въ diningroom — возсѣдаетъ за самоваромъ хозяйка въ утреннемъ нарядѣ; вашъ собственный костюмъ тоже можетъ представлять нѣкоторыя небрежности, напр. домашнее пальто какого-угодно цвѣта, на ногахъ—туфли... Понемногу, одинъ за другимъ, сходятся сюда всѣ обитатели пансіона, здравствуются съ хо-

Digitized by Google

зяйкой и другъ съ другомъ молчаливыми поклонами, и начинается ѣда. Чай, кофе — это только предлогъ къ ѣдѣ. На длинномъ столѣ уставлены приборы и среди ихъ не меньше двухъ мясныхъ блюдъ, да кромѣ того хлѣбъ разнаго сорта, яица, масло, ветчина, сыръ, колбасы... Можете всего этого отвѣдать хоть по немногу. Изъ-за утренняго стола можно уходить когда кому вздумается, не дожидаясь благословенія хозяйки. Въ часъ по полудни опять слышится изъ столовой звонокъ: это наступаетъ легкій завтракъ—luncheon, самый малолюдный по посѣтителямъ. Много, если пять-шесть пансіонеровъ явятся къ столу; всѣ остальные гдѣ-нибудь внѣ дома, по дѣламъ, за работой. Масло, сыръ, зелень, одинъ или два легкихъ соуса—вотъ и весь лунчонъ; онъ уничтожается по большей части миссъ и мистриссъ—жиличками, а мистеры—въ отлучкѣ. Въ 6 часовъ обѣдъ, собственно dinner-party. Въ эту пору ужъ рѣдко кто бываетъ не дома, и всѣ прифранчены какъ нельзя больше; даже бьетъ особенный звонокъ передъ обѣдомъ, дающій знать, что надо прифрантиться. На миссъ и мистриссъ являются лучшія платья, самые бѣлѣйшіе и замысловатѣйщіе воротнички, самые громаднѣйшіе брошки; на мужчинахъ — черные сюртуки, бѣлые жилеты и даже бѣлые галстуки. Сидятъ за столомъ чинно, большею частію молча и кушаютъ весьма исправно. Три смѣны блюдъ — горячихъ, мясныхъ и сладкихъ — истребляются почти безъ остатка. За тѣмъ, предоставляя хозяйкѣ честь первой встать изъ-за стола, всѣ жильцы разомъ поднимаются съ своихъ мѣстъ, раскланиваются, впередъ пропускаются дамы, идущіе вслѣдъ за хозяйкой въ гостиную, въ drawing-room, — а мужчины немного еще помедлятъ въ dining-room, допивая свой грогъ или портеръ. Наконецъ 4-й и послѣдній звонокъ въ 8 часовъ вечера сзываетъ жильцовъ въ гостиную, гдѣ хозяйка сидитъ за круглымъ столомъ, разливаетъ чай и раздаетъ чашки по рукамъ нахлѣбниковъ; къ этому чаю ужъ нѣтъ другихъ приправъ кромѣ сливокъ и тонкихъ тартинокъ... Въ эту пору drawing-room наполняется какъ нельзя больше семейнымъ воздухомъ: мистеры опять въ туфляхъ, дамы не въ шелку; посадка всѣхъ на креслахъ и на диванахъ полулежачая; кто читаетъ газе-

Digitized by Google

ту, кто играетъ въ карты на мѣлокъ, кто... даже любезничаетъ съ хозяйкой или какой-нибудь жиличкой... Видятся улыбки, слышится полуговоръ, шопотъ, но все вмѣстѣ — ей же-ей въ высшей степени чинно и благонравно.

Таковы порядки и таково благообразіе лондонскихъ пансіоновъ. Однако русскій туристъ нелегко мирится съ ними, хмурится, крѣпко ругается и норовитъ, какъ бы поставить въ головѣ хозяйки тотъ или другой вопросъ и недоумѣніе. Такъ по крайней мѣрѣ казалось моей наблюдательности, въ одномъ изъ boarding-houses, въ средѣ значительнаго числа русскихъ его жильцовъ.

Въ пансіонѣ прежде всего — порядокъ, дисциплина. Но всѣ мы прежде всего и отличаемся безпорядочностью, отсутствіемъ дисциплины, — быть можетъ потому, что насъ слишкомъ рано или слишкомъ неуклюже дисциплинируютъ, а можетъ быть и въ силу пресловутой нашей широкой натуры. Порядокъ, дисциплина—это въ нашихъ понятіяхъ тоже что стѣсненіе, принужденіе, даже наказаніе. И потому прежде всего: «ты моему нраву не препятствуй» можетъ по совѣсти сказать о себѣ всякій русскій и поставить это первымъ своимъ благомъ. Зачѣмъ, для какого чорта, думаетъ онъ, стану я добровольно стѣснять себя тѣмъ или другимъ порядкомъ? Да тутъ наконецъ и начальства нѣтъ, кто взыщетъ?... Вольно имъ, рыжимъ, законопатиться въ сотню церемоній; это имъ хорошо, это имъ по себѣ... Такъ прошу—и моему нраву не препятствуй!.. Ктому-жъ въ обычаяхъ англійской семьи дѣйствительно существуютъ натяжки, странности, бросающіяся въ глаза постороннему наблюдателю. Мелькнетъ одна-другая такая чудаковатость, возбудитъ въ насъ насмѣшку — и ужъ кончено: довольно ея, чтобъ считать себя въ правѣ пренебрегать смѣхотворной церемоніей и освободить себя отъ ея выполненія. Самое учрежденіе пансіоновъ отзывается искусственностью: безъ семьи не для чего заводить семейные порядки. Положимъ нако-

Digitized by Google

нецъ, что нѣсколько англичанъ, вообще тяготѣющихъ къ семейному очагу, могутъ добровольно сомкнуться въ искусственный семейный кружокъ; но какъ-же въ члены его принимать иностранцевъ, забредшихъ Богъ знаетъ откуда, выросшихъ на совершенно другихъ обычаяхъ и вовсе не ищущихъ радостей англійскаго семейнаго кружка? Англичанинъ въ Лондонѣ — онъ на своемъ мѣстѣ, имѣетъ свои занятія, требующія его къ себѣ въ опредѣленные мѣстнымъ обычаемъ часы; вставши утромъ и поѣвши (наше *пить* не можетъ относиться къ англійскому чаю), онъ спѣшитъ къ своему дѣлу, которому и посвящаетъ весь день до шестаго часа пополудни; тутъ онъ, усталый, спѣшитъ подкрѣпить себя пищей, а за тѣмъ весь вечеръ отдается отдыху и радъ какъ нельзя больше, когда этотъ отдыхъ можетъ окружиться семейной обстановкой. Къ такому образу жизни англичанъ и принаровлены порядки лондонскихъ пансіоновъ. Но что общаго между жизнью дѣлового лондонца и времяпровожденіемъ туриста? Туристъ — безъ опредѣленнаго часами дѣла; порядокъ дня его зависитъ отъ случайностей, отъ встрѣчъ и впечатлѣній. Сегодня для него тяжело встать къ восьми часамъ утра, потому что онъ большую часть ночи провелъ на Гай-Маркетѣ; завтра онъ уѣдетъ въ Кью-Гарденсъ и не поспѣетъ домой къ обѣду; послѣзавтра втеченіе дня онъ нисколько не устанетъ и вовсе не будетъ нуждаться въ вечернемъ отдыхѣ, подъ говоръ любезностей плѣшивыхъ мистеровъ, окружающихъ цѣломудренную пожилую миссъ-хозяйку. И какъ-же согласить несогласимое? Безъ сомнѣнія, или хозяйкамъ пансіоновъ не слѣдовало-бы увлекаться барышами на счотъ туристовъ, не способныхъ выносить прелести ихъ семейнаго очага, или-же туристамъ слѣдовало-бы искать для себя пріютовъ безъ претензій на подобнаго рода прелести.

Но и самъ туристъ и на сторонѣ русскихъ туристовъ. Неудобства имъ ни почомъ: не привыкать-стать... Да они наконецъ сами себѣ создадутъ неудобства, если-бы таковыхъ и не оказывалось. И что-жь съ того, что они по поводу неудобствъ крѣпко ругаются? Вѣдь руготни ихъ ни хозяйка, ни ея сосемейники нисколько не понимаютъ. Стало быть

Digitized by Google

русскимъ туристамъ все равно гдѣ ни жить — въ пансіонѣ или въ отели; только въ пансіонѣ все-же какъ-будто разсчотливѣе...

Отсюда сами собою ясны такіе напримѣръ казусы, что къ утреннему чаю ввалится русскій туристръ совсѣмъ заспаный и къ небрежностямъ своего туалета прибавитъ еще неумытость и нечосаность... Не то запоздаетъ къ чаю, застанетъ на столѣ одни объѣдки и ругается надъ ними сколько душенькѣ его угодно. Не знаю, что думаютъ англичане, свидѣтели такихъ безпорядковъ; но судя по ихъ вытянутымъ лицамъ, они что-то недоброе думаютъ. Отдѣльныя напримѣръ комнаты при пансіонахъ предназначаются собственно для спанья; ихъ и меблировка такова: громадная, точно королевская кровать подъ балдахиномъ, умывальный столъ, туалетъ, комодъ, два-три креола; для англичанъ онѣ дѣйствительно и служатъ только спальнями: весь день они внѣ дома, а вечеромъ—въ общей гостинной, въ drawing-room. Туристы-же изъ спаленъ своихъ дѣлаютъ что угодно. Принимаютъ въ нихъ своихъ гостей, собираются другъ къ другу для нескончаемыхъ, иногда полуночныхъ бесѣдъ, ѣдятъ, курятъ... главное же—курятъ. Англичанинъ этого никакъ себѣ не позволитъ: онъ закуриваетъ сигару послѣ обѣда и выходитъ съ нею на улицу гулять; русскіе-же къ этому не привыкли, то-есть они и на улицѣ не прочь покурить, гдѣ ато позволяютъ, а у себя дома—какъ-же тави не курить?— Пансіонскія служанки только ахаютъ, что какъ-де русскіе много курятъ, ужасно сколько курятъ!.. А сосѣдки-жилички, ати застарѣлыя миссъ и мистриссъ—то-то чай морщатся отъ такого варварскаго неуваженія къ ихъ прекрасному полу! Но что всего ужаснѣе, такъ ато въ воскресенье — въ то время когда каждый англичанинъ считаетъ первымъ долгомъ въ опредѣленные часы непремѣнно взять въ руки молитвенникъ и идти богомольною поступью въ церковь, слушать проповѣдь, — русскіе туристы и въ это время сидятъ дома, ведутъ между собою громкія бесѣды и опять таки курятъ! Отъ одного этого истая, а тѣмъ болѣе застарѣлая англичанка можетъ прійти въ неутѣшное отчаяніе! Охи и ахи служанокъ слышатся явственнѣе и на лицахъ

Digitized by Google

ихъ ясно читаешь безапелляціонный приговоръ надъ грѣшными туристами и напутствіе имъ въ тьму кромѣшную...

Но если у англичанъ и англичанокъ возникаютъ въ головѣ крючковатые вопросы на счотъ нашествія на ихъ благонравный boarding-house безпутныхъ туристовъ, то и эти послѣдніе въ свою очередь задаются не менѣе крючковатыми вопросами по поводу обыденныхъ явленій англійской жизни. Служанки напримѣръ, — входятъ онѣ въ комнату туриста, чистенькія такія, свѣженькія, съ такими благообразными личиками, — и примутся богатырски взбивать пуховики громадной постели. Слюнки текутъ у туриста... Языкъ его нѣтъ-нѣтъ да и выговоритъ какую-нибудь пошленькую любезность, подъ которой затаено отдаленное желаніе обойтись и съ англійской горничной какъ съ русской. Въ отвѣтъ слышится музыкальное «yes», произнесенное съ такимъ выраженіемъ и съ такимъ скрытымъ смысломъ, что въ переводѣ оно можетъ значить лишь «отложите попеченіе...» Туристъ внѣ себя: руки-бъ протянулъ—да не тянутся, сдѣлалъ-бы то или другое предложеніе—да языкъ нѣмѣетъ. «Чертовская сторона! думаетъ онъ. Какъ-же таки остановиться передъ горничной! Видано-ли это на Руси? Помѣщичье право выработало у насъ такія отношенія къ служанкамъ, что не добиваться толку у нихъ—даже для самихъ служанокъ обидно. А здѣсь... Поди, догадывайся, что скрывается подъ этимъ мелодическимъ «yes», когда оно при всей своей благозвучной сладости сразу обрѣзываетъ дальнѣйшія поползновенія въ русскомъ помѣщичьемъ вкусѣ. Вѣдь это изъ рукъ вонъ что!..» Вслѣдъ за тѣмъ туристъ вздыхаетъ, кладетъ въ карманъ запасный ключъ и отправляется на Гай-Маркетъ, туда—«гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...» (*)

И тѣмъ больше разыгрывается у туриста аппетитъ на горничныхъ, что въ оттѣнокъ къ нимъ жилички пансіона, съ хозяйкой во главѣ, смотрятъ изъ рукъ-вонъ какими высохшими муміями. Это и понятно. Молоденькія миссъ принадлежатъ къ дѣйствительной семьѣ, живутъ при родителяхъ или родственникахъ; искусственную-же семью boarding-

(*) Широкая улица Haymarket примыкаетъ къ Ковентгарденскому рынку, центру лондонскихъ театровъ. Съ одинадцати часовъ ночи здѣсь начинается гулянье, на которомъ бываютъ десятки тысячъ женщинъ...

Digitized by Google

hous'a украшаютъ тѣ только миссъ, которыя пережили своихъ родителей, захирѣли въ дѣвствѣ и, считая щекотливымъ для своего цѣломудрія жить въ одиночку, ищутъ для себя пріюта подъ кровомъ что-ни на есть благочестивой дѣвственницы, вызывающейся стать во главѣ искусственной семьи, или пансіона. Конечно благочестіе все-таки не мѣшаетъ имъ помышлять на закатѣ дней своихъ вкусить отъ сладостей гименея, а поводъ къ такимъ надеждамъ подаетъ присутствіе въ пансіонѣ плѣшивыхъ мистеровъ-жильцовъ, безъ сомнѣнія также тяготящихся своимъ холостячествомъ. Туристамъ представляется обширное поле наблюденій надъ этими благонравно снюхивающимися парами, и туристы на этотъ счотъ зорки. Ни одна привязная букля, ни одна искусственная округлость грудей не ускользаетъ отъ ихъ глазъ. И въ то время когда общество миссъ и мистеровъ засѣдаетъ за dinner-party, услуживая другъ дружкѣ съ кокетливыми ужимочками и улыбочками, за тѣмъ-же столомъ общество туристовъ перебрасывается такими замѣчаніями:

— У сѣдой миссъ опять новая бляха.

(Броши англичанокъ отличаются сколько безвкусицей, столько-же и величиной, такъ что русскіе называли ихъ просто бляхами).

— Это сосѣдка моя по спальнѣ, чортъ-бы ее побралъ! По ночамъ покоя отъ нея нѣтъ! Хоть-бы жрала поменьше...

— У, рыло!..

— А чорная, глядите-ка, чорная... каковы груди!

— Чай цѣлую дюжину чулковъ позапихивала...

И подъ непонятный говоръ такихъ русскихъ любезностей, заматерѣлыя дѣвы еще кокетливѣе потряхиваютъ своими привязанными буклями, еще величественнѣе вытягиваютъ шеи, сіяющія бляхами, а мистеры жуютъ и самодовольно ворчатъ въ созерцаніи такихъ красотъ.

— Экъ ихъ, разыгрались йессеи!

(Такъ туристы величаютъ англичанъ вообще, за ихъ частое въ разговорѣ словечко yes, имѣющее множество оттѣнковъ въ своемъ значеніи).

Digitized by Google

И въ силу того, что примѣры заразительны, въ русскомъ лагерѣ также закопошились поползновенія...

— Луиза сегодня въ отпуску?—спрашиваетъ заигрывая взглядомъ туристъ.

(А эта Луиза самая милая изъ служанокъ пансіона. Каждый праздникъ одна изъ нихъ, по очереди, имѣетъ право на отпускъ).

— Yes... улыбаясь, отвѣчаетъ Амелія—другая служанка, черноглазая двадцатилѣтняя вдовушка—и тутъ же спѣшитъ снять со стола тарелку или переставить салатъ.

— А вы, Амелія, въ слѣдующее воскресенье уйдете?

— Yes... удаляясь, мелодически поетъ вдовушка.

(Туристамъ уже извѣстно—и кто мужъ былъ у Амеліи, и давно-ли она овдовѣла, и подаетъ-ли надежды... «Лакомый кусочекъ, но нѣтъ! ничего не подѣлаешь съ этакимъ народомъ!» твердятъ они со вздохами).

Но чуть только разлюбезничались русскіе, какъ ужъ йессеи, оставивъ даже пуддингъ, взглядываютъ на нихъ съ недоумѣніемъ, вытягиваютъ шеи, поправляютъ галстухи и бреши:—Какъ! думается имъ, за dinner-party заводить разговоры съ служанкой!!. О, варвары!

— Знай жрали-бы себѣ! отвѣчаетъ имъ на ихъ вытянутыя мины зоркій туристъ. Подлецы! мало съ нихъ и того, что намъ ни одного порядочнаго куска не оставили, все сожрали!..

Йессеи дѣйствительно жрутъ исправно, такъ что между туристами составляется наконецъ заговоръ, получившій названіе «казанской оппозиціи.»

Дѣло въ томъ, что при тѣсномъ сожительствѣ англичанъ съ русскими въ boarding-hous'ѣ, сообщество между ними все таки не завязывалось. Англичане вообще туги на сближеніе, съ другой-же стороны и русскіе туристы, поселившись въ пансіонѣ цѣлой колоніей, въ свою очередь не нуждались въ заискиваньи знакомствъ помимо своего родного кружка. Притомъ-же туристы—гости, сегодня они здѣсь, а завтра неизвѣстно гдѣ будутъ, и наѣзжая въ пансіонъ по одиночкѣ, естественно примыкаютъ къ своимъ, а не къ чужимъ. По-

Digitized by Google

рядокъ-же мѣстъ за столомъ опредѣляется давностью пребываніе въ пансіонѣ: ближе къ хозяйкѣ возсѣдаютъ самые давніе ея жильцы, слѣдовательно англичане; противоположный конецъ стола заселялся новичками, слѣдовательно все русскими. Вотъ и два лагеря. По обычаю пансіона, блюда не обносятся, а ставятся на столѣ; желающіе отвѣдать того или другого обращаются къ служанкѣ или къ сосѣду, если онъ близко сидитъ къ желаемому блюду; вставать съ мѣста и самому накладывать себѣ на тарелку не принято... Но выходило постоянно такъ, что мясныя блюда, самыя капитальныя и потому самыя желательныя, ставились на англійскомъ концѣ стола, а сладкія—на русскомъ. Это возмущало туристовъ. И вотъ одинъ казанскій ученый сильнѣе всѣхъ возроптал на такіе обидные для русскихъ желудковъ порядки пансіона.

— Не хочу имъ подчиняться! возговорилъ онъ къ странствующей русской братіи.—Съ какой стати йессей воротитъ себѣ на тарелку полпулярки да ветчины ломоть, а я долженъ довольствоваться только кусочномъ росбифа? Что соблаговоляютъ дать мнѣ, тѣмъ и будь сытъ... дудки! Я такія-же деньги плачу́ и я самъ себѣ буду накладывать!»

И подъ вліяніемъ столь справедливаго гнѣва, при лукавомъ поощреніи своей-же братіи, казанскій ученый вставалъ съ мѣста, направляясь къ мяснымъ блюдамъ и наворачивалъ себѣ на тарелку и пулярки, и росбифу, и просто бифу, сколько душенькѣ его было угодно. Англичане отъ удивленія только вытягивались и глотали въ это время не аршины, а цѣлыя сажени.—Такъ проявила себя «казанская оппозиція.»

И такъ—пособравши въ одно всѣ прописанныя здѣсь странности обоихъ лагерей лондонскаго boarding-hous'a, нужно придти къ заключенію, что жизнь въ немъ исполнена непріятностей и скандаловъ? Не такъ ли? — Ни чуть. Напротивъ, все обходится и пріятно и благообразно. Вѣдь я посмотрѣлъ только на оборотную сторону медали,—на то, что прячется отъ свѣта и не выходитъ наружу дальше кельи, дальше своего пріятельскаго кружка;

Digitized by Google

Что туристы бранятся—такъ это нисколько не портитъ аппетита ни англичанъ, ни русскихъ: англичане не разумѣютъ этой руготни, да и самая русская руготня въ существѣ дѣла значитъ очень немного. Подъ нею нѣтъ злобы, и если на вѣсахъ благонравія на одну чашку набросить эту руготню, а на другую—приличный, но надменный взглядъ англичанина, то еще спорное дѣло, что̀ перевѣситъ. Я знаю только то, что русская руготня — какой-то необходимый экскрементъ нашего нравственнаго организма, то-же что испарина для организма физическаго. Какъ всякій экскрементъ, она не отличается благообразіемъ. Долой-бы ее!.. Но, читатель, я знаю также и то, что ты напримѣръ—благонравнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ,—скажи-жъ мнѣ, зачѣмъ и ты ругаешься?.. Наединѣ съ собою, въ мечтахъ, ты переполняешься самыми выспренними стремленіями и помыслами, а на дѣлѣ все-таки и тебя броситъ въ краску мелодическое «yes» англійской служанки. Вѣрь, что это такъ, потому что и ты тоже—нашъ братъ, человѣкъ русскаго поведенія. А потому, не пускаясь въ фарисейство, будь снисходителенъ и къ русскимъ туристамъ. Ей-ей, они тоже благонравны. Они благонравны и въ отношеніи къ пожилымъ жиличкамъ пансіона, какъ онѣ ни обвѣшивайся привязными буклями, какъ не украшай себя непомѣрной величины брошами; они благонравны и въ отношеніи къ свѣженькимъ горничнымъ, не заходятъ далеко, не протягиваютъ рукъ... Они не могутъ только выкинуть изъ себя той обычной русской тенденціи, что какъ-же это—даже съ горничной нельзя! это ужъ совсѣмъ не по-нашему!—Но они дѣлаютъ усилія—какъ совѣтовала мистриссъ Чиккъ,—они дѣлаютъ усилія и очень скоро ужъ хладнокровно начинаютъ соображать о недоступности англійскихъ горничныхъ. Не въ обычаѣ, — а обычай слагается цѣлою жизнію общества. Притомъ-же хозяйка пансіона въ отношеніи къ нимъ строже цѣломудренной Діаны; она ни за что не потерпитъ безпорядочности своихъ служанокъ; она ихъ выгонитъ и оставитъ безъ заработка, безъ куска хлѣба. Служанки очень хорошо это знаютъ и потому держатъ себя скромно, съ достоинствомъ, по немногу копятъ себѣ приданое и выходятъ замужъ. Вести имъ себя иначе — не только не въ обычаѣ,

Digitized by Google

но еще и неразсчотливо. А коли такъ, то... дѣйствительно отложимъ попеченіе...

Да, говорю, бранятся русскіе туристы, однакожъ и съ жиличками и съ служанками деликатны, соверены хозяйкѣ выплачиваютъ исправно, съ мистерами-жильцами молчаливы, но любезны, потому что и мистеры-жильцы также молчаливы, но любезны. Поглядишь со стороны—такъ и на русскомъ концѣ стола возсѣдаютъ тѣже мистеры, даже истые джентльмены... отрывочно то черта, то кого-нибудь другого поминаютъ, да кто-жъ ихъ разумѣетъ? а съ виду—ей-же-ей достойны всякаго поощренія!

Даже «казанская оппозиція» не долго держитъ въ рукахъ своихъ красное знамя. Потому что «хитеръ, бестія, нашъ братъ русскій человѣкъ.» Онъ натравливалъ казанца на подвигъ, а самъ ни съ мѣста и даже хихикалъ себѣ въ кулакъ въ то время какъ казанецъ съ азартомъ упражнялся надъ мясными блюдами. И вотъ—совершился подвигъ одинъ разъ, другой, — а на третій ужъ нѣтъ мочи: чувствуетъ казанецъ, что онъ своими оставленъ и... и больше ужъ не встаетъ съ мѣста за мясными блюдами. Да, хитеръ и туристъ: говоритъ онъ вотъ такъ, а дѣлаетъ вотъ этакъ. Подается напримѣръ въ пансіонѣ рыбное блюдо, а извѣстно, что англичане ѣдятъ рыбу не иначе какъ вилкой, Боже-избави прикоснуться къ ней ножемъ! Въ одной рукѣ вилка, въ другой корочка хлѣба, и этакимъ манеромъ они изволятъ упражняться надъ всякимъ рыбнымъ блюдомъ. Появится въ пансіонѣ новичокъ изъ русскихъ, ему ужъ и шепчутъ за столомъ: «смотрите-же, кушайте рыбу безъ ножа, не то йессеевъ стошнитъ.»

— А чортъ съ ними, пусть ихъ стошнитъ, — мнѣ какое дѣло! замѣчаетъ храбрый новичокъ-туристъ.

Но глядишь—этотъ-же храбрый, едва очутилось передъ нимъ рыбное блюдо, копается въ немъ ни съ чѣмъ другимъ какъ именно съ вилкой и съ корочкой, какъ-будто онъ и всегда такъ рыбу кушалъ. Даже больше: пройдетъ нѣсколько дней —и онъ ужъ корчитъ изъ себя истаго англичанина; не приведи Боже на глазахъ у него прикоснуться ножемъ къ рыбѣ,—его ужъ тошнитъ, увѣряетъ Христомъ-Богомъ, что тошнитъ...

Digitized by Google

Дни идутъ за днями, и туристы начинаютъ цѣнить самый Лондонъ—этотъ на первый взглядъ такой невзрачный и суровый Лондонъ. Они начинаютъ чувствовать себя и въ немъ не хуже чѣмъ въ Парижѣ, даже заговариваютъ ужъ о вѣтренности парижской жизни, о мнимой казистости его построекъ и украшеній... «Помилуйте! слышится отъ нихъ, одни здѣшніе парки чего стоятъ! Экая роскошь!» Наконецъ нѣкоторые изъ туристовъ становятся жаркими поклонниками солидности англичанъ и капитальности Лондона. И что такое въ глазахъ ихъ прежній душка-Парижъ? Не больше, какъ щеголеватый фатъ, если еще не хуже того...

Настаетъ наконецъ и пора разставанья съ пансіономъ. Въ чаяніи предстоящихъ нѣмецкихъ вассеръ-суповъ, туристы все больше и больше облизываются при мысли о сытныхъ блюдахъ англійской кухни... «Молодцы англичане ужъ и за то, что ѣдятъ отлично!» восклицаютъ они со вздохами и отправляются къ сѣдой миссъ-жиличкѣ за рецептомъ, какъ приготовлять тотъ или другой пуддингъ...

Къ минутѣ отъѣзда уже не слышится ни одного упрека, ни одной брани ни Лондону, ни пансіону. Вмѣстѣ съ соверенами хозяйкѣ отсылаются искреннія благодарности, а служанкамъ вручается щедрая подачка—ужъ непремѣнно золотомъ... На это съ развязавшихся языковъ служанокъ, вмѣсто короткаго «yes», слышится цѣлый потокъ всякихъ добрыхъ напутствій. Долго еще въ ушахъ туриста будетъ отдаваться мелодія этихъ прощальныхъ рѣчей...

Но быть можетъ иной читатель не повѣритъ сладкозвучности англійскаго языка—этого, какъ у насъ его называютъ, птичьяго языка. Нужно однако слышать его въ Англіи и въ особенности изъ женскихъ устъ. Я помню такой дорожный случай. Переправляясь черезъ Ламаншъ изъ Гавра въ Соутгэмптонъ въ сильную непогодь, я заурядъ съ другими пассажирами поддался морской болѣзни—и ужъ какъ страдалъ! Ѣхали ночью, а ночью всякая болѣзнь еще томительнѣе. Вдругъ, лежа на койкѣ, слышу я говоръ изъ сосѣдней каюты; говорила именно женщина... Это былъ первый услышанный мною чисто-англійскій говоръ. Что за усладительная мелодія слышалась въ немъ! Сколько то нѣги, то страсти, то опять тихаго ласканья по нервамъ уха! И качка

Digitized by Google

забывалась подъ этотъ очаровательный говоръ. Отъ звуковъ его мое воображеніе, осиленное качкой, живо проснулось: я представлялъ себѣ губки, лепетавшіе такъ невыразимо-нѣжно, я рисовалъ передъ собой лицо гуріи, шептавшей мнѣ сладкія рѣчи... Но напрасно: рисовка не удавалась. — Завтра, думалъ я, завтра нагляжусь на нее, а пока буду слушать и слушать.—На завтра дѣйствительно я увидѣлъ свою гурію, я созерцалъ ея сладкозвучныя губки: это была старая толстогубая мулатка!.. Но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ въ ушахъ моихъ порою отдается мелодія ея англійскаго говора.

И вотъ—разъѣзжаются въ разные концы русскіе туристы; пансіонъ все больше пустѣетъ... Я думаю, что по выѣздѣ и послѣдняго изъ нихъ, въ общей гостиной, за вечернимъ чаемъ, хозяйка непремѣнно обратилась къ своимъ жиличкамъ съ подобною рѣчь: «Да, миссъ, русскіе всѣ уѣхали...»

И тутъ-же глубоко вздохнула.

— Но, мистриссъ... утѣшаетъ ее черноволосая полногрудая жиличка:—слава Богу, что уѣхали, они такъ много курятъ...

— И по воскресеньямъ не слушаютъ проповѣдей! прибавляетъ другая жиличка, энергически потряхивая сѣдыми своими буклями.

— Но, миссъ... снова замѣчаетъ хозяйка:—у меня теперь много свободныхъ комнатъ...

И она опять вздохнула.

Я имѣю основаніе предполагать, что и служанки пансіона помянули русскихъ туристовъ однимъ-другимъ вздохомъ. Луизѣ навѣрно было немного скучно безъ русскихъ любезностей; она ужъ вошла нѣсколько во вкусъ кокетничать своимъ мелодическимъ «yes»; для мистеровъ-же кокетничать не стоитъ, да они и повода къ тому не подадутъ! Что-жъ до Амеліи, то черезъ русскихъ туристовъ приданое ея увеличилось нѣсколькими фунтами; она ихъ уже не разъ пересчитала и не разъ вздохнула—зачѣмъ-де они безъ русскихъ такъ медленно наростаютъ!..

1864 года.

Николай Вороновъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ АПОЛЛОНѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ

ГРИГОРЬЕВѢ

Гораціо! ты все ему разскажешь!

Гамлетъ.

Смерть А. А. Григорьева была печальною неожиданностію для всѣхъ, кто зналъ и любилъ его. Онъ обладалъ могучимъ здоровьемъ, которое неподвергалось никакимъ вліяніямъ климата и, казалось, безъ ущерба выносило всѣ излишества, которымъ ему случалось предаваться. Еще наканунѣ его смерти мы по обыкновенію шутили надъ его положеніемъ и никому не приходила на умъ мысль объ опасности.

Теперь, когда его нѣтъ съ нами, когда вдругъ мы почувствовали пустоту, оставленную по себѣ этимъ глубокимъ человѣкомъ, этимъ *вѣяніемъ,* какъ онъ самъ любилъ называть себя, на насъ невольно нападаетъ тяжолое раздумье. Что сломило эту жизнь, которая казалась такою крѣпкою? Что подорвало эти силы, которыя казались неистощимыми? Вѣроятно былъ внутренній червь, незамѣтно подтачивавшій этого человѣка, имѣвшій нѣкоторую связь и со всѣми превратностями его жизни, и съ тѣми излишествами, въ которыхъ очевидно была для него какая-то болѣзненная и тяжкая потребность.

И вообще, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ? Что составляло главный нервъ, главную струю этой неожиданно-угасшей жизни? Чѣмъ онъ дорожилъ, въ чемъ полагалъ свой долгъ и свою гордость, чему радовался, о чемъ печалился? Теперь, когда его нѣтъ съ нами, мы

Digitized by Google

невольно отдаемся печальной отрадѣ воспоминаній, невольно вдумываемся въ урокъ, завѣщанный намъ его совершившеюся жизнью.

Каждый, кто зналъ покойнаго, не колеблясь ни минуты скажетъ, что это не былъ человѣкъ личныхъ интересовъ, что никогда личные интересы не стояли у него на первомъ планѣ, не занимали главнаго мѣста въ душѣ. Часто случалось, правда, что онъ дѣтски-наивно жаловался на скудость и шаткость своего личнаго положенія; но эти жалобы только доказываютъ, что онъ никогда не умѣлъ соблюдать свои интересы. Если-бы это было не такъ, если-бы онъ дѣйствительно умѣлъ дорожить ими и соблюдать ихъ, то онъ конечно не терпѣлъ-бы и десятой доли тѣхъ неудобствъ и неустройствъ, среди которыхъ почти постоянно жилъ. Таже самая неумѣлость отзывается даже въ его литературныхъ трудахъ. У него недоставало той гибкости, которая даетъ возможность приспособляться къ условіямъ и требованіямъ повременнаго изданія, или даже просто къ пониманію читателей. Онъ писалъ свои статьи такъ, какъ они приходили ему въ голову, ни мало не заботясь о чемъ-либо постороннемъ. Вотъ почему онъ писалъ языкомъ для него ясымъ и выразительнымъ, но для другихъ часто темнымъ и непонятнымъ; вотъ почему его статьи не имѣли блестящаго и скораго успѣха. За то, разумѣется, тѣмъ выше цѣнилъ его всякій, кто понималъ его; а медленный успѣхъ его взглядовъ былъ вполнѣ проченъ, и никто не съумѣлъ-бы теперь сказать, когда онъ прекратится.

Неумѣлый человѣкъ одно только умѣлъ — слѣдить за умственнымъ и эстетическимъ движеніемъ нашимъ, чувствовать и понимать всѣ явленія въ нашемъ мірѣ искуства и мысли. Сюда были устремлены всѣ силы его души; здѣсь была его радость и печаль, долгъ и гордость. Быть *сознаніемъ* этого движенія, этой жизни, — вотъ что составляло его природу, въ чемъ заключались его желанія, его существенная жизненная потребность.

Опять скажу — это подтвердитъ всякій, кто только зналъ Григорьева. Ничто его столько не занимало, не увлекало, не наполняло, какъ явленія въ мірѣ искуства вообще, и въ мірѣ словеснаго художества въ особенности. Это былъ урожденный критикъ, для котораго критика была естественною потребностію и прямымъ назначеніемъ жизни.

Такой-то человѣкъ среди насъ жилъ и умеръ. Я не имѣю нисколько притязанія очертить здѣсь вполнѣ характеръ его или рас-

Digitized by Google

крыть тайну его жизни; я хочу только съ своей стороны сообщить то, что объ немъ знаю. Я былъ знакомъ съ Григорьевымъ только въ послѣдніе годы его жизни; но его отношеніе къ литературѣ, т. е. къ той сферѣ, въ которой одной онъ могъ жить полною жизнью, для меня вполнѣ ясны, и я могу здѣсь сообщить нѣкоторыя черты, можетъ быть никому неизвѣстныя.

Мы познакомились съ нимъ въ концѣ 1859 года, въ Петербургѣ. Въ этомъ году было начато изданіе одной новой еженедѣльной газеты, и я началъ въ ней свое литературное поприще тремя маленькими статьями, напечатанными въ теченіи года, подъ заглавіемъ *Физіологическія письма*. Послѣ появленія первой-же изъ этихъ статей, издатель газеты вдругъ какъ-то объявляетъ мнѣ, что статья моя заслужила большое одобреніе отъ Григорьева и что Григорьевъ непремѣнно желаетъ со мною познакомиться. Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство необыкновенно живого и теплаго вниманія, которое Григорьевъ обращалъ на литературныя явленія. Кромѣ его, никто этихъ физіологическихъ писемъ и не замѣтилъ. А для него они послужили основаніемъ весьма тѣснаго сближенія со мною.

Въ то время я былъ совершенно незнакомъ съ литературнымъ міромъ. Я не имѣлъ понятія о силѣ, съ которою въ немъ господствуютъ извѣстныя мнѣнія и предразсудки. Въ нашемъ кружкѣ, состоявшемъ кромѣ меня изъ нѣсколькихъ болѣе молодыхъ людей, мы цѣнили литературныя явленія по своему, ни мало не справляясь съ ихъ рыночною цѣною и даже не подозрѣвая, какъ мы смѣлы въ своихъ сужденіяхъ. Григорьевъ стоялъ въ нашихъ глазахъ чрезвычайно высоко, тогда какъ другіе дѣятели, и именно многіе изъ тѣхъ, которые тогда наиболѣе гремѣли и сіяли, цѣнились нами весьма низко. Такимъ образомъ похвала, заслуженная моею статьею отъ Григорьева, была для меня самымъ лестнымъ успѣхомъ, какого только я могъ пожелать, и обрадовала меня невыразимо.

По разнымъ обстоятельствамъ мы встрѣтились только осенью, на вечерѣ у одного изъ литераторовъ и потомъ стали бывать другъ у друга. И вотъ что меня поразило съ первыхъ же свиданій. Григорьевъ, отъ времени до времени, писалъ небольшія полемическія и критическія статьи, подъ которыми подписывался: *одинъ изъ ненужныхъ людей*. Я любовался спокойнымъ и глубокомысленнымъ юморомъ этихъ статей, и самую подпись понималъ только какъ средство усилить сарказмъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ первыхъ

Digitized by Google

же разговорахъ съ Григорьевымъ я услышалъ отъ него прямые намеки на то, что онъ дѣйствительно человѣкъ *не нужный* въ настоящее время, что ему нѣтъ мѣста для дѣятельности, что духъ времени слишкомъ враждебенъ къ людямъ такого рода, какъ онъ. Сначала я приступилъ было къ нему съ горячими разувѣреніями. «Помилуйте, говорилъ я ему, какой-же вы ненужный человѣкъ, когда вы составляете единственную нашу надежду, когда отъ васъ только и можно ждать настоящаго критическаго суда литературныхъ явленій? Между вами и вашими соперниками и порицателями лежитъ неизмѣримое разстояніе». На эти увѣренія онъ отвѣчалъ мнѣ, что я еще мало знаю положеніе дѣлъ, что настоящей критики никому теперь не нужно; а въ доказательство приводилъ то, что ему негдѣ писать.

Очень меня это удивляло. Я простодушно воображалъ тогда, что каждый издатель долженъ съ такою-же радостію принимать статьи Григорьева, съ какою я ихъ читалъ. Дѣйствительно, было далеко не такъ. Григорьевъ былъ въ совершенномъ загонѣ. Статьи его до того выходили изъ обыкновеннаго, такъ сказать всѣми тогда принятаго тона, что ихъ встрѣчали съ недовѣріемъ, и если его сужденія, какъ это безпрестанно случалось, противорѣчили ходячимъ тогда мнѣніямъ, то каждый считалъ себя въ правѣ стать на сторону ходячихъ мнѣній и обвинить Григорьева въ смѣшной эксцентричности. На него подымались хоромъ:

Что вы?
Да какъ вы? Можно-ль противъ всѣхъ?

Это было время самаго сильнаго господства тѣхъ, кого Григорьевъ называлъ теоретиками. Вся петербургская литература вторила имъ самымъ усерднымъ и искреннимъ образомъ. Противъ нихъ не раздавалось ни одного сколько-нибудь замѣтнаго голоса. Московская журналистика хотя имѣла другое направленіе, но была подъ явнымъ страхомъ и помалчивала. Были извѣстные предметы, объ которыхъ, подъ страхомъ позора, нельзя было сказать ни одного сочувственнаго слова; были другіе, которыхъ не смѣло коснуться ни единое слово осужденія.

Чтобы показать вмѣстѣ и мою собственную неопытность и тогдашнее положеніе дѣлъ, разскажу маленькій случай, бывшій со мною. Когда началось изданіе газеты, о которой я говорилъ, я предложилъ редакціи небольшую статью, содержавшую въ себѣ опроверженіе

Digitized by Google

нѣкоторыхъ quasi-философскихъ ученій теоретиковъ. Редакторъ отказался напечатать и прямо сказалъ мнѣ, что никакихъ подобныхъ статей онъ не возьметъ отъ меня.

На другой годъ затѣялось въ Петербургѣ изданіе новаго толстаго журнала. Я участвовалъ въ немъ съ первой книжки, и опять мнѣ случилось написать статью противъ теоретиковъ. Статья не была принята, и опять мнѣ заранѣе сказано, что статей такого рода журналъ принимать не будетъ.

На слѣдующій годъ опять основался новый толстый журналъ и съ перваго же нумера печаталъ мои статьи. Когда въ половинѣ года у меня сложилась статейка противъ теоретиковъ, то наконецъ она была принята.

И такъ я очень дурно понималъ положеніе и настроеніе литературы въ то время, когда познакомился съ Григорьевымъ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы его удивительный талантъ не находилъ себѣ мѣста. Я задумалъ помочь ему. Тогда я находился въ довольно частыхъ сношеніяхъ съ «*Русскимъ Вѣстникомъ*», гдѣ печаталась одна изъ моихъ статей. Я зналъ, что этотъ журналъ недоволенъ своимъ критическимъ отдѣломъ, для котораго никакъ не могъ найти вполнѣ пригодныхъ сотрудниковъ. И вотъ весною 1860 года, я написалъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника», что если она желаетъ имѣть у себя критику, то единственный человѣкъ для этого дѣла — Аполлонъ Григорьевъ, что такъ я его понимаю и такъ судятъ о немъ лучшіе изъ здѣшнихъ литераторовъ. Вслѣдствіе-ли одного этого письма, или можетъ быть также и по другимъ причинамъ, — только Григорьевъ очень скоро былъ вызванъ въ Москву. Онъ поѣхалъ для переговоровъ и черезъ нѣсколько дней вернулся съ полнымъ торжествомъ. Ему поручали вполнѣ критическій и беллетристическій отдѣлъ журнала. Помню, какъ я зашолъ къ нему на дачу, въ крошечный домикъ, стоящій на концѣ Палюстрова, посреди ровнаго зеленаго болотца. Онъ привезъ съ собой книжку «Русскаго Вѣстника», въ которой только-что была напечатана моя статья, и говорилъ мнѣ съ большою радостію: «ну вотъ, мы съ вами будемъ проповѣдывать съ каѳедры, у которой шесть или семь тысячь слушателей».

Переѣхалъ онъ въ Москву, кажется въ концѣ іюня. Въ началѣ августа, когда мнѣ случилось на пути въ Петербургъ быть проѣздомъ въ Москвѣ, я видѣлъ Григорьева въ редакціи «Русскаго Вѣстника», и казалось дѣло шло вполнѣ ладно. Въ слѣдующемъ нумерѣ

Digitized by Google

должна была явиться первая его статья. Но напрасно потомъ въ Петербургѣ я искалъ этой статьи въ каждой новой книжкѣ журнала; нумера выходили за нумерами, но ни одной статьи Григорьева въ нихъ не было.

Что произошло, я не знаю, но только оказалось, что дѣло не пошло на ладъ съ самого начала. При такихъ, по видимому вполнѣ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Григорьевъ не успѣлъ завоевать себѣ никакого мѣста въ журналѣ. Не было напечатано ни одной его статьи; не было напечатано ни одного изъ тѣхъ беллетристическихъ произведеній, которыя онъ одобрилъ.

Никто не зналъ, что онъ дѣлаетъ. Поздно осенью или даже въ началѣ зимы онъ вернулся въ Петербургъ, вернулся разумѣется попрежнему безъ всякаго опредѣленнаго положенія, не зная, гдѣ писать и что писать. Ничего нѣтъ мудренаго, что онъ запутался въ долгахъ и къ концу года попалъ въ долговое отдѣленіе.

Въ 1861 году началось изданіе «Времени». Только по чистой случайности первая книжка этого журнала вышла безъ статьи Григорьева. Здѣсь его очень уважали и цѣнили. Со второй книжки начался рядъ его статей: *Народность и литература; Западничество въ русской литературѣ, причины происхожденія его и силы; Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ* и т. д.; кромѣ того шли мелкія рецензіи и замѣтки.

Такимъ образомъ положеніе Григорьева казалось упрочивалось и подавало хорошія надежды на будущее. Онъ довольно порядочно устроился и обзавелся. Журналъ имѣлъ очень быстрый и многообѣщающій успѣхъ. Григорьевъ работалъ охотно и писалъ много.

Но это продолжалось только нѣсколько мѣсяцовъ. Что побудило его ѣхать въ Оренбургъ? — вопросъ, который разрѣшить очень трудно. Самъ онъ любилъ ссылаться на разногласія съ редакціею. Были конечно эти разногласія, но они были такъ ничтожны, и полное согласіе такъ легко могло-бы возстановиться съ обѣихъ сторонъ, что придавать имъ важность никакъ нельзя. Помню, какъ мы цѣлымъ хоромъ уговаривали его остаться; онъ хватался за всевозможные предлоги, чтобы оправдать свое желаніе, и, не смотря на самыя ясныя опроверженія, оставался на своемъ. Мы дивились его капризу и никакъ не могли понять его. Мнѣ кажется, что причины его отъѣзда нужно искать въ его внутренней жизни, съ которою я тогда былъ вовсе незнакомъ. Мнѣ кажется онъ бросилъ журналъ и

Digitized by Google

Петербургъ по такой-же причинѣ, по которой черезъ годъ бросилъ Оренбургъ и вернулся къ журналу. И то и другое независѣло отъ журнала, постоянно сохранявшаго къ нему одинаковыя отношенія и самое полное уваженіе.

Какъ-бы то ни было, лѣтомъ 1861 года Григорьевъ уѣхалъ въ Оренбургъ на мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ тамошнемъ корпусѣ.

Какъ читатель видитъ, отношенія между мною и Григорьевымъ до этого отъѣзда были чисто литературныя; насъ связывалъ только этотъ одинъ интересъ. Григорьевъ видѣлъ во мнѣ своего ревностнаго почитателя; я смотрѣлъ на него какъ на великаго и единственнаго мастера въ дѣлѣ критики. Этимъ объясняется то, что, когда онъ уѣхалъ въ Оренбургъ, то завелъ со мною весьма дѣятельную переписку, и что переписка эта имѣла чисто литературное содержаніе. Ему было пріятно излагать свои сужденія передъ внимательнымъ и сочувствующимъ слушателемъ. Такимъ образомъ у меня оказался цѣлый рядъ писемъ Григорьева, въ которыхъ онъ излагаетъ свой взглядъ на современную литературу и на свое положеніе въ ней. Письма эти насъ очень интересовали. Каждый разъ почти я, бывало, приносилъ письмо Григорьева въ редакцію «Времени» и читалъ его вслухъ для всеобщаго назиданія. И мнѣнія, высказанныя Григорьевымъ въ письмѣ, всегда имѣли большой вѣсъ въ журналѣ.

Вотъ эти-то письма я и хочу предложить здѣсь читателямъ, съ тѣми коментаріями, которыхъ они непремѣнно требуютъ. Все, что я сказалъ до сихъ поръ, было лишь предисловіемъ къ этимъ письмамъ. Изъ нихъ читатель увидитъ гораздо яснѣе, чѣмъ изъ всякихъ моихъ объясненій, какой глубокій интересъ составляла для Григорьева литература, какъ неразрывно сливалась она со всею его жизнью. Съ другой стороны читатель увидитъ тѣ опасенія и страхи, тѣ припадки неизгладимаго унынія, которымъ постоянно подвергался Григорьевъ, которые сопровождали его до могилы и безъ сомнѣнія ускорили его смерть.

Оставляя безъ всякаго измѣненія похвалы, встрѣчающіяся въ этихъ письмахъ, я къ сожалѣнію долженъ буду выпустить или огладить многія порицанія, такъ какъ онѣ выражены безцеремоннымъ языкомъ пріятельской переписки.

Digitized by Google

ПИСЬМО I.

Оренбургъ, 1861 г. іюня 18.

Въ словахъ такъ называемаго *Пиеанія* есть, мой милый, дѣйствительно какая-то таинственная сила. Вдумывался-ли ты серьозно въ книгу Іова, въ эти стоны, съ глубокимъ сердцевѣденіемъ вырванные изъ души человѣческой? Тамъ между прочимъ, въ этомъ апокалипсисѣ божественной скорби, есть слова: *«страхъ его-же убояхся, найде на мя»* — страшный смыслъ которыхъ рано или поздно откроется и тебѣ, искателю истины, какъ давно уже раскрылся онъ мнѣ. Да! чего мы *боимся*, — то именно къ намъ и приходитъ...

Ничего не боялся я столько (между прочимъ), какъ жить въ городѣ безъ исторіи, преданій и памятниковъ.

И вотъ — я (это одинъ изъ многихъ опытовъ) именно въ такомъ городѣ. Кругомъ — глушь и степь, да близость Азіи, порядочно отвратительной всякому европейцу. Городъ—смѣсь скверной деревни съ казенными домами. Ни стараго собора, ни одной чудотворной иконы — ничего, ничего...

Можетъ быть ты одинъ, узнавши меня въ послѣднее время достаточно, понимаешь, что причины болѣе глубокія, чѣмъ личныя невзгоды и разочарованія, заставили меня осудить себя на добровольную ссылку, что главная вина, causa causalis моего рѣшенія была — сознаніе своей *ненужности*. Въ сознаніи этомъ много, коли ты хочешь, и гордости. Я дошолъ до глубокаго презрѣнія къ литературѣ *прогреса*. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютнаго, — я столь-же мало понимаю рабство передъ минутой, рабство демагогическое, какъ рабство передъ деспотами. Лучше я буду киргизовъ обучать русской грамотѣ, — чѣмъ *обязательно* писать въ такой литературѣ, въ которой нельзя подать смѣло руку хоть-бы даже Аскоченскому въ томъ, въ чемъ онъ правъ и смѣло-же спорить — хоть даже съ Герценомъ. Цинизмъ мысли право дошолъ уже до крайнихъ предѣловъ. Слова человѣка очень честнаго и хорошаго, каковъ М. Достоевскій: *«какіе-же глубокіе мыслители Кирѣевскій, Хомяковъ, О. Ѳеодоръ?»* — для человѣка *дѣйствительно* мыслящаго — термометръ довольно ужасающій.

Время могло сдѣлаться честнымъ, самостоятельнымъ и по тому самому въ концѣ концовъ первенствующимъ органомъ, но для этого нужно было: 1) принять лозунгомъ абсолютную *правду*, 2) не заводить срамной дружбы съ «Современникомъ», 3) подать руку славянству (не славянофильству, а славянству), 4) не пускать К.... и М....., не печатать

Digitized by Google

нѣмецкой дряни въ родѣ драмы Гербеля, по рекомендаціи хорошаго человѣка П.... 5) отыскать для политическаго отдѣла.... человѣка новаго и свѣжаго,—человѣка съ стремленіями къ правдѣ и самобытности, а не къ либерализму quand même, 6) не загонять какъ почтовую лошадь высокое дарованіе Ѳ. Достоевскаго (¹), а холить, беречь его и удерживать отъ фельетонной дѣятельности, которая его окончательно погубитъ и литературно и физически....

Благодарю Бога, что я не предался обольщеніямъ и устоялъ въ своей рѣшимости. Да! *честнѣе* гораздо обучать киргизовъ, чѣмъ свирѣствовать съ *тушинцами*. Пока не ... пройдутъ Добролюбовы, Е...и, М...ы, К...ы, честному и уважающему свою мысль писателю нельзя *обязательно* литературствовать. Негдѣ! Рано или поздно — мысль его или форма его мысли встрѣтятъ сильный толчокъ.

Кстати я Достоевскому, если и останусь долженъ, то очень немного. Во всякомъ случаѣ я скоро напишу статью о Толстомъ, которую я обѣщалъ и которая будетъ безъ загогулинъ. Во всякомъ случаѣ я вышлю ее на твое имя, съ полномочіемъ поступить какъ знаешь.

Что-же касается до продолженія статей о народности въ литературѣ, то прошу тебя, мой милый, передать кому слѣдуетъ, что:

1) Я не могу и не хочу отрѣчься отъ признанія *глубокимъ* мышленія Хомякова, Кирѣевскаго и О. Ѳеодора.

2) Что я не могу и не хочу отрѣчься *даже* отъ права передъ именемъ Погодина выставлять буквы: М. П., т. е. Михаилъ Петровичъ, — и отъ права говорить съ уваженіемъ о трудахъ Шевырева, свободно говоря и о его недостаткахъ и смѣшныхъ сторонахъ.

3) Что если-бы мнѣ случилось въ чемъ-либо признать историческую важность мысли *Бурачка*, я ее признаю.

Conditio sine qua non продолженія моихъ статей.

Чтобы покончить разомъ о *дѣлахъ*, скажи Ивану Алексѣевичу (Ш—ву) — что-жъ это штабъ бумагъ-то моихъ не выслалъ? Вѣдь безъ этого мнѣ денегъ не даютъ, и безъ истинно-добраго В. В. Григорьева мнѣ пришлось-бы сѣсть . . . . . .

Я намѣренъ писать къ тебѣ еженедѣльно. Письма мои цѣликомъ можешь сообщать при свиданіяхъ и Сѣрову, —ибо то съ тобою, то съ нимъ хотѣлъ бы я издали перебрасываться разными вопросами.

На первый разъ вкратцѣ разскажу тебѣ наше странствіе. *Тверь* я видѣлъ два раза и прежде, — но никогда не поражала она меня такъ, какъ въ этотъ разъ своею мертвенностію. Точно сказочные города, которые заснули. А у нея была *исторія* — куда-жъ она подѣвалась? Только вели-

(¹) См особое примѣчаніе Ѳ. М. Достоевскаго въ концѣ статьи.

Digitized by Google

колѣнный по стилю иконостасъ... испорченнаго мѣстнымъ усердіемъ собора, напоминаетъ еще о бывшей жизни. Щ....., какъ всѣ Калиновичи, сначала поярился во имя абстрактнаго закона, потомъ, какъ Калиновичъ въ сущности добрый — перекидываетъ говорятъ въ картишки съ тѣми самыми, на кого металъ перуны. У.... впалъ въ апатію! А вѣдь онъ—вспомни—«человѣкъ онъ былъ!»..

Ярославль — красоты неописанной. Всюду Волга и всюду исторія. Тутъ хотѣлось-бы мнѣ,—такъ какъ Москва мнѣ по личнымъ горестнымъ разочарованіямъ опротивѣла, — хотѣлось-бы мнѣ покончить свое земное странствіе. Тутъ кстати чудотворная икона Толгской Божіей Матери, которой образомъ благословила меня покойница мать. Четыре дня прожилъ я въ Ярославлѣ и все не могъ находиться по его церквамъ и монастырямъ, налюбоваться на его Волгу. Да! вотъ настоящая столица Поволжья, съ даровитымъ, умнымъ, хоть и ёрническимъ народомъ, съ торговой жизнью.

Между Тверью и Ярославлемъ заходилъ я вечеромъ въ *Корчеву* искать отца Ѳ—ра. Увы! онъ уже уѣхалъ, какъ объявилъ мнѣ протопопъ, немного кажется удивленный, что я разъискиваю...

Казань мнѣ не понравилась. Татарская грязь съ претензіями на Невскій проспектъ.

Отъ Казани Волга становится великолѣпна, — но я, романтикъ, воспоминалъ о ея разбойникахъ, — тѣмъ болѣе, что ихъ грабительство en grand размѣнялось на мелочь, — на грабительство гостинницъ, извощиковъ и проч., а крикъ: «Сарынь на кичку» размѣнялся на безконечные крики: «на водку!» Съ Казанью кончаются города и начинаются *сочиненные*... притоны, въ родѣ Самары, Бузулука и Оренбурга...

На первый разъ довольно.

Вмѣстѣ съ статьею (хотя прежде оной ты получишь отъ меня еще письмо) возложу на тебя нѣкоторыя коммисіи.

Кланяйся Сѣрову, Воскобойникову, Шестакову и проч. . . . . .

Твой *А. Григорьевъ.*

Неизбѣжны нѣкоторыя объясненія. Въ этомъ письмѣ, въ которомъ такъ много григорьевскаго, виденъ также и постоянный пріемъ Григорьева — относить свою радость и горе, свои удачи и несчастія къ болѣе общимъ причинамъ, преимущественно къ литературѣ. Онъ уѣхалъ въ Оренбургъ конечно *по личнымъ невзгодамъ и разочарованіямъ*, о которыхъ самъ говоритъ. Но для него этотъ отъѣздъ не простое удаленіе въ глушь; для него онъ главнымъ образомъ есть удаленіе отъ литературы, напоминаніе о томъ, что онъ

Digitized by Google

ненужный человѣкъ. И вотъ отъ личныхъ невзгодъ онъ переноситъ свое горе на общее состояніе литературы. Безъ сомнѣнія различныя состоянія его духа, его бодрость и уныніе, часто имѣли чисто *личные* источники; но онъ всегда обращалъ ихъ на предметы общіе и глубокіе. Онъ не хотѣлъ и не могъ унывать только за себя и радоваться только за себя. Каждое душевное потрясеніе вызывало у него наружу то, чѣмъ была полна его душа, тревожило его постоянныя раны. Такимъ образомъ своей радости и своей печали онъ всегда придавалъ глубокій смыслъ; онъ отталкивалъ отъ себя дѣйствительность, для того, чтобы свободнѣе витать въ мірѣ идей, ему знакомомъ и родномъ. За то и жилъ онъ не въ ладу съ дѣйствительностію, теряя все больше и больше терпѣнье и умѣнье, которое нужно, чтобы справляться съ нею.

Въ печатаніи своихъ статей во *Времени* онъ не встрѣчалъ никакого затрудненія. Въ майской книжкѣ 1861 года читатели могутъ найти (на стр. 14) тѣ разсужденія объ Хомяковѣ, Кирѣевскомъ и О. Ѳеодорѣ, о которыхъ говоритъ Григорьевъ. Эпитетъ *глубокіе* тамъ дѣйствительно исключенъ, но и только. Конечно и это могло быть непріятно Григорьеву; но для редактора и для журнала могли быть еще непріятнѣе нѣкоторые пріемы Григорьева. Вопросъ М. Достоевскаго: — *какіе-же глубокіе мыслители Хомяковъ и пр.?* нельзя поставить въ упрекъ лично М. Достоевскому. Такъ спросили-бы въ то время тысячи и десятки тысячь образованныхъ нашихъ читателей. Трудно надѣяться, чтобы и теперь много убыло народу въ этихъ тысячахъ и десяткахъ тысячь. Мы по прежнему охотно читаемъ всякую французскую и нѣмецкую дрянь; читать-же какого-нибудь Хомякова намъ и въ голову не приходитъ. И такъ *голословная* ссылка на такіе авторитеты была дѣломъ совершенно безполезнымъ. Она ничего не подкрѣпляла и не уясняла для огромнаго большинства читателей. Очевидно нужно было поступать на оборотъ, нужно было укрѣплять и уяснять въ умахъ читателей самые эти авторитеты, а не опираться на нихъ, какъ на готовую силу. Но подобная *служебная* работа была не въ натурѣ Григорьева. Онъ писалъ не то, что было нужно по извѣстнымъ соображеніямъ, а то, что создавалось въ его головѣ какъ-бы помимо его воли. Начиная свою статью онъ никогда не зналъ ея конца; такъ онъ самъ мнѣ говорилъ не за долго до смерти; не даромъ онъ называлъ себя вѣяніемъ. Spiritus flat ubi vult.

Digitized by Google

ПИСЬМО II.

Оренбургъ, 1861 г. іюля 18.

Сейчасъ получилъ твое письмо и разумѣется ужасно ему обрадовался.

Что ты тамъ выдумалъ *уважать* такія натуры какъ моя? Уважать растеніе за то, что у него такіе, а не другіе листья, такіе, а не другіе плоды? Помнится я говорилъ тебѣ, что я *не могу* органическеки сказать ничего противнаго моему убѣжденію. Не могу — стало быть это уже не достоинство. Ну да... къ чорту мои *достоинства!* Въ особенности... къ чорту моя проницательность! Увы — я проницателенъ только на зло и горе....

О много, много невозможнаго или почти невозможнаго нужно для того, чтобы жизнь хоть на минуту перестала представляться мнѣ съ ея чорныхъ сторонъ!...

Самая простая вещь, — что я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени. Славянофильство такъ-же не признавало и не признаетъ меня своимъ — да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у меня *все* общее — Островскій; — да вѣдь и о немъ, подавшемъ руку тушинцамъ, я, по отношенію къ себѣ, могу сказать:

А тотъ, чей острый умъ тебя и понималъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.

Только пожалуста не подумай, что я себя въ Барклаи-де-Толли произвелъ.

Погодинъ, — единственный мой политическій вождь, такъ падокъ до популярности, что изъ рукъ вонъ.

Подумай-ка, много-ли людей, *серьозно* ищущихъ правды?

Есть вопросъ и глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, — и вопроса (каковъ цинизмъ?) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о ужасъ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ, — явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.) О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ

Digitized by Google

сознательно, не смотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!...

Пуста и гола жизнь послѣ этого сна....

Въ томъ, что это допотопное бытіе возродится въ новыхъ стройныхъ формахъ — я убѣжденъ крѣпко, да вѣдь утѣшенія-то въ этомъ мнѣ мало. Постарайся, если ты хочешь увидѣть эти элементы, — сойтись покороче съ Островскимъ.

Судьба мыслей широкихъ — жить для будущаго, выполняться мало-по-малу, по частямъ.

Что тебѣ сказать о себѣ? Хандра — вотъ почти одно, что выражаетъ мое душевное состояніе — хандра полнѣйшей безнадежности съ неутолимой жаждой какой-либо вѣры!...

Ангелу Сардійской церкви. Мнѣ пришло въ голову вотъ что, на что ты мнѣ долженъ отвѣчать добросовѣстно. Ты разложилъ, напримѣръ, Бетховена, — такъ что на основаніи извѣстныхъ, одинаково въ разныхъ мѣстахъ повторяющихся мотивовъ, угадываешь его мысль. Прекрасно; но ты идешь слишкомъ далеко, ты хочешь музыку лишить ея самостоятельности, и поэзію тоже. Вся задача музыки въ томъ vague, которое даетъ она субъективному пониманію, въ таинственности и неопредѣленной безъязычности ощущеній.

За симъ — Dominus vobiscum, друзья мои!

Житіе веду я трезвое.

NB. Нѣтъ-ли свѣденій 1) о Меѣ, 2) Крестовскомъ, 3) Вильбуа и 4) Случевскомъ.

Я отвѣчалъ ему на это письмо маленькимъ отвлеченнымъ разсужденіемъ, въ которомъ старался, какъ умѣлъ, разрѣшить его вопросъ.

ПИСЬМО III.

Авг. 12. Оренбургъ.

Только что получилъ сейчасъ твое письмо, мой милый, — и спѣшу отвѣчать. Только я нынче и всѣ эти дни куда въ какомъ не философскомъ настроеніи духа, а въ жолчно-практическомъ.... Потому принимаюсь за литературу.

Романъ Полонскаго произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, — но только пріятное, и это скверно. Во-первыхъ это не романъ, а разсказъ, повѣсть. Не укоряй меня въ педантизмѣ. Романъ въ стихахъ, чтобы быть романомъ, долженъ быть картиною цѣлой эпохи, — картиной *типической*. Ни въ героѣ, ни въ кругѣ жизни *Свѣжаго Преданія* нѣтъ типическаго

Digitized by Google

захвата. Жизнь той, т. е. нашей съ Полонскимъ эпохи далеко не исчерпывалъ кружокъ зеленаго Наблюдателя, а жизнь Москвы, эту *большую* жизнь, тоже далеко не исчерпывалъ салонъ баронессы. Герой той эпохи покрупнѣе Кам..... (т. е. Камкова). Герой той эпохи даже не Рудинъ, но крайней мѣрѣ не двойственный тургеневскій Рудинъ. Герой той эпохи, герой вполнѣ, т. е. типъ наилучшій — въ лицѣ Н. П. О....ва. Камковъ весь сдѣланный, а у героя — Онѣгинъ-ли онъ, Печоринъ-ли въ художествѣ, О....въ-ли въ жизни, — всегда есть *кружевая* натура. Это первое — да и главное. Мелокъ захватъ, и отъ того все вышло мелко: — и Москва мелка, да и вѣянія могучей мысли эпохи схвачены мелко. Оно впрочемъ и понятно... *Второе*. Въ тонѣ — самая лучшая сторона — наивность и простодушіе. Какъ только тонъ становится эпиграмматическимъ — не выгораетъ *чего-то*, а лиризму недостаетъ пустяковъ — огня. Боже мой! отчего, читая появленіе княжны на балу, — я припоминалъ небрежные (какъ всегда), но лиризмомъ дышащіе стихи О...ва про ту, которая шла

Какъ Норма вся въ одеждѣ бѣлой.

Отчего Москва такъ мелка? Просто оттого я думаю, — что Полонскій никогда не зналъ Москвы, народной, сердцевинной Москвы, — ибо ..... салоны разныхъ баръ — это не жизнь, а миражъ; а онъ въ нихъ только и жилъ.

La morale de la chose вотъ какая: восхитительно написать «Кузнечика» еще не значитъ пріобрѣсти право на «Онѣгина».... Да! еще третье — риѳму на *и* (союзъ) хорошо было употребить разъ, — но три или четыре раза — вѣдь это ни мало не остроумно. Мѣсто о Тургеневѣ просто непристойно, — кромѣ того ужъ, что фигура Тургенева, — если бы она попала въ рапсодію о Камковѣ — убила бы эту несчастную фигуру, одну изъ тѣхъ, которыя въ «женскихъ пансіонахъ» учили и внушали «обожаніе», одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя добродушный въ жизни и ужасно злой въ эпиграмахъ Тургеневъ заклеймилъ стихомъ (эпиграмма на К.....).

Педантъ вареный на меду.

И откуда взялъ нашъ милый кузнечикъ, что такія фигуры, какъ его Камковъ могутъ попасть въ *острогъ?* Развѣ изъ того въ сущности комическаго факта, что П.... въ острогъ попалъ? О Бѣлинскій, Бѣлинскій! вспомнилъ я по прочтеніи *романа* Полонскаго стихи Кантеміра, коими онъ заключилъ рецензію на его первые опыты, т. е.: Уме недозрѣлый и проч. Въ этомъ увы! была и правда!

Ты найдешь мой взглядъ можетъ быть слишкомъ строгимъ, но вѣдь вспомни, что *Время* заявило объ этомъ манкированномъ кузнечикѣ,

Digitized by Google

какъ о *событіи*. Ты можетъ быть даже попрекнешь меня, что я, когда-то такъ *наивный* въ отношеніи къ Случевскому, такъ строгъ къ человѣку безспорно талантливому?... Увы! *тамъ*, — опять повторю, — была оригинальная натура, *характеръ*, особенность....

Впрочемъ и хорошо, коли мой молодой орленокъ не сдѣлаетъ *ничего, ровно ничего*. Это вѣдь лучше, чѣмъ сдѣлаться В.... К....

. . . . . .

На вопросъ о самостоятельности я пока (говорю тебѣ, что я не въ философскомъ настроеніи духа) отвѣчу тебѣ вотъ какимъ вопросомъ. Въ сферѣ науки напримѣръ, что мы предъявимъ на судѣ исторіи, какъ ты думаешь? Вѣроятно не «судьбы Италіи» Кудрявцева и не «Аббата Сугерія» Грановскаго, — даже не философскія статьи Каткова, а вѣдь 1) объясненіе Геродотовой Скиѳіи и другія вещи *Надеждина*, 2) громадную учоность и оригинальнѣйшіе взгляды на миѳы и исторію *Сенковскаго*, 3) уединенное мышленіе *И. Кирѣевскаго*, 4) религіозныя брошюры и записки о Всемірной Исторіи *Хомякова*, да 5) погодинскія письма въ сферѣ политики.

Ну, а слѣдствіе изъ сего, равно какъ и изъ того, что *ничего* этого *нигдѣ* нельзя сказать (вѣдь *нигдѣ*, не правда ли?) — выведи самъ — по отношенію къ важности вопроса. Вопросъ этотъ, въ настоящую минуту какъ и прежде, — гонимая журналами истина. Это не славянофильство — все что я исчислилъ. Славянофильство еще можетъ быть допущено къ праву гражданства.

Твою статью о Ч..., сведенномъ съ *Д. Писаревымъ*, читалъ я два раза — и лично я ей крайне доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ, что это имъ — къ стѣнѣ горохъ! Минута принадлежитъ имъ. Минута эта пройдетъ, но увы! и мы пройдемъ! А какъ хочешь — мудрено отрѣшиться отъ судебъ своей личности; тяжело умирать видя кругомъ себя

трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей..

Матеріализмъ ты выводишь на свѣжую воду, да этимъ имъ теперь не повредишь.

Взглядъ мой на *Время* ты знаешь. Передай его если сочтешь приличнымъ.

Предложеніе Ѳ. Достоевскаго довольно странно. Я слава Богу еще не Ѳ. В. Булгаринъ, чтобы мое имя компрометировало журналъ. Съ другой (приватной) стороны, еслибы я даже былъ извѣстный шулеръ, какъ П...., то все-таки, какъ онъ же, подписывалъ бы свое имя. Ни то, что П.... сидѣлъ въ ямѣ, ни то, что я сидѣлъ въ Долговомъ, къ литературѣ не относится. Поэтому до полученія отъ тебя отвѣта Достоевскихъ:

Digitized by Google

угодно ли имъ печатать статьи съ моимъ именемъ? останавливаюсь посылать половину статьи о Толстомъ.

За симъ тороплюсь кончить и жму твою руку. Поклонъ Шест., Воскоб., Аверк., Щеглову (молодецъ.... отдѣлалъ Леонтьева — да и какъ отдѣлалъ!), Сѣрову, если его увидишь.

P. S. Что за смѣсь удивительной силы чувства и *дѣтскихъ* нелѣпостей романъ Достоевскаго! Что за безобразіе и фальшь — бесѣда съ княземъ въ ресторанѣ (князь — это просто книжка)! Что за дѣтство, т. е. дѣтское сочиненіе княжна Катя и Алеша! Сколько резонерства въ Наташѣ и какая глубина въ созданіи Нелли! Вообще что за мощь всего мечтательнаго и что за незнаніе жизни!

Литературное положеніе Григорьева, его симпатіи и антипатіи, его воспоминанія и мрачный взглядъ на будущее ясно высказываются въ этихъ двухъ письмахъ. Многое нужно-бы было сказать, если-бы мы захотѣли опредѣлить на сколько дѣйствительной правды въ его взглядахъ, если-бы вздумали исправлять его сужденія на столько, чтобы потомъ могли признать ихъ своими. Въ словахъ Григорьева слышно такое страстное отношеніе къ дѣлу, что оно способно захватить самую глубину предмета, но въ то-же время легко приводитъ и къ увлеченіямъ.

Неправильное литературное положеніе Островскаго, на которое жалуется Григорьевъ и о которомъ часто уже говорилось и въ литературѣ, конечно не могло быть легкимъ и пріятнымъ для самаго Островскаго. Онъ печатался въ журналѣ, гдѣ на него самого смотрѣли, какъ на обличителя *темнаго царства*, и гдѣ на его настоящаго критика, на того, съ кѣмъ у него было все общее, сыпались безпрерывныя насмѣшки и глумленія. Такой крупный фактъ конечно имѣлъ основанія въ неправильномъ состояніи цѣлой литературы. Островскаго мало цѣнили и славянофилы и западники извѣстнаго покроя. Нельзя не поставить въ заслугу теоретикамъ то, что они такъ крѣпко держались нашего драматурга; извѣстныя стороны его были для нихъ такъ дороги, что выкупали въ ихъ глазахъ противорѣчіе другихъ сторонъ.

Случай съ предложеніемъ Ѳ. Достоевскаго можетъ служить примѣромъ того крайняго недовѣрія и мнительности, въ которыя часто впадалъ Григорьевъ. Дѣло было такъ. Мы нерѣдко толковали о дурномъ положеніи Григорьева въ литературѣ, о тѣхъ сильныхъ предубѣжденіяхъ, которыя противъ него существуютъ, о томъ, что

Digitized by Google

многіе часто не читаютъ его глубокихъ статей только потому, что видятъ подъ ними его подпись. Среди такихъ толковъ Ѳ. Достоевскому пришло на мысль — употребить хитрость, — напечатать нѣсколько статей Григорьева, о какихъ-нибудь важныхъ явленіяхъ, безъ его имени или подъ псевдонимомъ, и потомъ, когда статьи произведутъ свое дѣйствіе и обратятъ на себя вниманіе, — открыть ихъ автора. Хитрость весьма обыкновенная. Вотъ это-то предложеніе я и сообщилъ Григорьеву. Для его подозрительности тутъ почудилось что-то страшное, и онъ придалъ дѣлу толкованіе самое нескладное, несообразное ни съ моею дружбою къ нему, ни съ извѣстнымъ ему мнѣніемъ о немъ Ѳ. Достоевскаго, ни даже съ простыми обстоятельствами тогдашняго положенія, съ тѣмъ, что не было и не могло быть ни малѣйшаго повода, почему-бы журналъ къ нему измѣнился.

Отвѣтъ мой былъ наполненъ разувѣреніями.

Кромѣ того на его жалобу, будто *нигдѣ* нельзя напечатать указаній на то, въ чемъ онъ видѣлъ проблески нашей самобытности, я отвѣчалъ, что онъ не правъ, что у насъ все можно сказать, если сказать умѣючи, если свою мысль развить и доказать. Но гдѣ-же тѣ, кто разовьетъ и докажетъ? Вотъ та сторона, съ которой жалоба Григорьева вполнѣ справедлива. Онъ видѣлъ какъ спокойно люди идутъ по рутиннымъ дорожкамъ, какъ мало надежды на то, чтобы его вѣрованія и мелькавшіе передъ нимъ идеалы получили силу, воплотились и нашли себѣ ясное выраженіе

ПИСЬМО IV.

Оренбургъ, 1861 г. Авг. 21.

Имѣешь ли ты, мой милый философъ, понятіе о книгѣ А. Разина: «Міръ Божій?» книгѣ, между прочимъ предназначенной *для приготовительныхъ* классовъ военно-учебныхъ заведеній? Если нѣтъ, — то совѣтую познакомиться..... Въ ней страницы не найдешь понятной для ребенка, а если что въ ней понятно, то никакъ ребенка интересовать не можетъ..... Эта книжка — крайній предѣлъ реализма послѣднихъ 15 лѣтъ, погубившаго гуманное и классическое образованіе — даже въ гимназіяхъ.

Изъ сего можешь ты заключить, что я уже снова донкихотствую съ азартомъ и упоеніемъ. Книжку Разина я исключилъ, и замѣнилъ ее исто

Digitized by Google

рическимъ чтеніемъ. Верхнимъ классамъ читаю вмѣсто уроковъ лекціи, — въ средніе ввелъ славянскую грамматику. *Начальство* ходитъ почти на каждую мою лекцію, — и такъ какъ оно, т. е. инспекторъ и директоръ — люди добрые и честные, то *пока* мнѣ wohlbehaglich какъ рыбѣ въ водѣ..... И вѣчный Донъ-Кихотъ я готовъ уже видѣть перстъ Незримаго въ моемъ Патмосѣ. Перстъ-то и есть безъ сомнѣнія; но вѣдь ужъ я себѣ цѣлый міръ создаю, — міръ, въ которомъ я плаваю въ родѣ пророка гуманизма и борца за него. Вотъ потому-то я и ламанчскій герой. Но — какъ фанатизмъ убѣжденія и природное краснорѣчіе импровизатора—всегда заразительны, то слушателей моихъ я уже увлекъ и начинаю настроивать. Что эта роль — одно изъ моихъ жизненныхъ призваній — въ этомъ я и прежде могъ разъ нѣсколько убѣждаться... А что изъ этого будетъ. .. fiat voluntas tua. Не знаю поймешь ли ты всю мою глубокую, хоть можетъ быть устарѣлую ненависть къ реализму? Ты моложе меня — стало быть можешь спокойнѣй видѣть результаты. Однако вотъ ты вѣдь не перевариваешь Бенеке (какъ это, кстати, меня порадовало!). Ради Бога взгляни на книгу Разина и честно (Geh' und bete — помнишь?) скажи мнѣ правъ-ли я въ своей ярости. Изъ моихъ товарищей наиболѣе *серьозный* человѣкъ — священникъ. Ближайшій мой товарищъ — дѣльный и отличнѣйшій учитель языка и словесности, но изъ школы Иринарха Введенскаго.

. . . . . .

Время я еще не получаю и побираюсь у другихъ. Послѣдняя книжка съ твоей статьей о Писемскомъ до насъ еще не достигла. Видѣлъ я только оглавленіе.....

Ну, за симъ—до свиданія. Я пишу къ тебѣ, когда у меня что-нибудь въ головѣ кипитъ и возится.

Твой Аполлонъ.

Очень обрадовало меня это письмо. Мы всѣ твердили, вспоминая Григорьева: зачѣмъ уѣхалъ? зачѣмъ уѣхалъ? Вотъ и скучаетъ. Теперь оказывалось, что онъ съ любовью и успѣхомъ работаетъ на новомъ поприщѣ. Совершенно неожиданно для насъ въ немъ проснулся энтузіазмъ къ новому его дѣлу. Таковъ впрочемъ всегда былъ Григорьевъ. Послѣ долгой тоски, послѣ бездѣйствія и безурядицы, онъ вдругъ находилъ какой-нибудь исходъ для своихъ богатыхъ силъ. Тогда онъ весь сіялъ энтузіазмомъ, умомъ, жизнію, и дѣятельность такихъ его свѣтлыхъ полосъ всегда приносила какой-нибудь замѣчательный яркій результатъ. Годъ его учительства въ Оренбургѣ вѣроятно оставилъ на всю жизнь слѣдъ во многихъ юныхъ душахъ.

Digitized by Google

Въ минуты энтузіазма конечно разгоралась и его вражда къ несогласнымъ направленіямъ и на этотъ разъ обрушилась на книжку А. Разина. Не даромъ онъ сомнѣвался въ справедливости своего строгаго отзыва. Книга «Міръ Божій», можетъ быть слабая во многихъ частяхъ (она писана по напередъ заданной програмѣ), заключаетъ въ себѣ образцовое изложеніе элементарныхъ свѣденій о природѣ, — изложеніе весьма понятное для дѣтей. Григорьевъ былъ незнакомъ съ естественными науками и мало интересовался ими. Міръ человѣческій — вотъ гдѣ была его область, вотъ куда устремлялись всѣ его думы и гдѣ сосредоточивался весь его интересъ.

ПИСЬМО V.

Оренбургъ, 1861 г. Сент. 23.

Ты можешь быть увѣренъ, что давно уже — со временъ юности, ни къ кому въ мірѣ не писалъ я такъ много и такъ часто, какъ къ тебѣ, мой всепонимающій философъ....

Въ эти двѣ недѣли воспослѣдовали опять каинская тоска, приливы жолчи и стало быть приливъ служенія Ліэю, не вредившій однако дѣлу классовъ. А теперь разумѣется я разбитъ, какъ старая кобыла.

Да и право, я не больше какъ старая, никуда уже негодная кобыла. Такъ мнѣ иногда все, что зовется дѣятельностію, представляется ничтожнымъ, пустымъ и мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что «едино есть на потребу»—все, и Ч...., и «Русскій Вѣстникъ», и я самъ par dessus le marché.....

Увы! какъ какой-то страшный призракъ, мысль о суетѣ суетствій, мысль безотраднѣйшей книги Эклезіаста — возникаетъ все явственнѣй и рѣзче и неумолимѣй передъ душою.

Боже мой! Неужели-же и ты дойдешь до этого?

Сумасшедшій ты человѣкъ! Жалуешься на то, что не жилъ? А имѣешь-ли ты конкретное понятіе о тѣхъ мрачныхъ Эринніяхъ, которыхъ жизнь насылаетъ на своихъ конкретныхъ любителей?.... Муки во всемъ сомнѣвающагося ума — вздоръ въ сравненіи съ муками во всемъ сомнѣвающагося сердца,..... озлобленнаго и само на себя, и на все, что оно кругомъ видѣло.

Да, я все видѣлъ надъ собою и отъ этого видѣннаго у меня въ одну ночь выростали въ бородѣ и вискахъ сѣдые волосы.... Помню я особенно одну такую *милую* ночь, и помню какимъ ужасомъ поразилъ меня

Digitized by Google

утромъ бѣлый какъ лунь волосъ,—ужасомъ перехода моральнаго въ физическое.

Что ты мнѣ толкуешь о значеніи моей дѣятельности, о ея несправедливой оцѣнкѣ? Тутъ никто не виноватъ—кромѣ жизненнаго вѣянія. Не въ ту струю попалъ, — струя моего вѣянія отшедшая, отзвучавшая — и проклятіе лежитъ на всемъ, что я ни дѣлалъ.

Началъ было я свой *курсъ* въ «Русскомъ Словѣ» — велъ свою мысль къ полнѣйшему разъясненію— длинными, длинными околицами. Сорвалось.

«Гроза» Островскаго вновь было разшевелила меня. Смѣло и рѣшительно началъ было я новый курсъ въ несчастномъ «Русскомъ Мірѣ» 1859 года; — взялъ другой пріемъ, кратчайшій. Не только сорвалось, — но никто даже не отозвался.

Послѣ долгихъ мукъ рожденія, съ новою вѣрою и энергіею, съ новыхъ пунктовъ, облегчивъ даже кажется по возможности формы, — началъ я опять тотъ же курсъ во «Времени». Господи! и тутъ дождался только упрека Р... за то, что я пишу такъ, что его жена не понимаетъ, — нагло-намѣреннаго непониманія, выразившагося въ бойкомъ отвѣтѣ фельетониста «Русскаго Инвалида» на мои *замѣтки ненужнаго человѣка*,—и наконецъ шутокъ М. Достоевскаго, что я въ «Свѣточь» даю статьи гораздо интереснѣе, — шутокъ, перешедшихъ въ прямое уже неудовольствіе на мою послѣднюю статью.....

А омерзительное отношеніе ко мнѣ *Искры?* а еще болѣе омерзительное обвиненіе меня человѣкомъ серьознымъ какъ Катковъ въ фальшивомъ поступкѣ изъ-за его плохаго перевода Ромео и Юліи?.... А отрицательство отъ меня всѣхъ старыхъ друзей?.... А *убѣжденіе* П...., что я интриговалъ противъ него у К....а?.... Да право и не перечислить всего того сквернаго, что я надъ собою видѣлъ..... Въ пьяномъ образѣ я приподнималъ для тебя немного душевную завѣсу.....

Такъ что тутъ разсуждать, когда явное проклятіе тяготѣетъ надъ жизнью?...

Ну и опускаются руки — и дѣлать ничего не хочется на бываломъ поприщѣ. Не знаю, право, скоро-ли допишу я и допишу-ли даже статью о Толстомъ.....

Что за дикое, ложное смиреніе заставляетъ тебя съ какимъ-то страннымъ недовѣріемъ относиться къ своей собственной критической дѣятельности? А я такъ тебѣ говорю, положа руку на сердце: кому-жъ и писать теперь какъ не тебѣ? Я читалъ статью о Писемскомъ.... И тонко и ловко схвачена сторона бездвижности въ его произведеніяхъ, въ статьѣ есть и глубокій пріемъ и *единство* мысли, бьющей на вѣрняка.

Digitized by Google

Извѣстіе, сообщенное «С. Пчелой» объ окончаніи Островскимъ Кузьмы Минина — вотъ это событіе: Тутъ вотъ прямое *быть или не быть* положительному представленію народности, — можетъ быть такой толчокъ *впередъ*, какого еще и не предвидѣлось.

Одна изъ идей, въ которыя я пламенно вѣрилъ, порѣшается. Но это только одна сторона моего вѣрованія. Если-бы я вѣрилъ только въ элементы, вносимые Островскимъ, — давно-бы съ моей *узкой*, но относительно-вѣрной и торжествующей идеей, я внесся бы въ общее вѣяніе духа жизни..... Но я же вѣрю и знаю, что однихъ этихъ элементовъ недостаточно, что это все-таки только membra disjecta poëtae,—что полное и цѣльное сочетаніе стихій великаго народнаго духа было только въ Пушкинѣ, что могучую односторонность исключительно народнаго, пожалуй земскаго, что скажется въ Островскомъ, должно умѣрять сочетаніе другихъ, тревожныхъ, пожалуй бродячихъ, но столь же существенныхъ элементовъ народнаго духа въ комъ-либо другомъ. Вотъ когда рука объ руку съ выраженіемъ коренастыхъ, крѣпкихъ, *дубовыхъ* (въ какомъ хочешь смыслѣ) началъ пойдетъ и огненный, увлекающій порывъ иной силы, — жизнь будетъ полна, и литература опять получитъ свое *царственное* значеніе.

А этого Богъ, знаетъ, дождемся ли мы! Шутка — чего я жду! — я жду того стиха, который бы

Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,

того упоенія, чтобы «журчанье этихъ стиховъ наполняло окружающій насъ воздухъ».... Шутка! Вѣдь это—вѣра, любовь, порывъ, лиризмъ...

Не говори мнѣ, что я жду невозможнаго, такого, чего время не даетъ и не дастъ. Жизнь есть глубокая иронія во всемъ. Во времена торжествъ *разсудка* она вдругъ показываетъ оборотную сторону медали, посылаетъ Кальостро и проч. — въ вѣкъ паровыхъ машинъ — вертитъ столы и приподнимаетъ завѣсу какого-то таинственнаго, ироническаго міра духовъ странныхъ, причудливыхъ, насмѣшливыхъ, даже похабныхъ.....

Ну да бросимъ все это. Давай о положительномъ. Ты просишь, чтобы я написалъ тебѣ, *какъ* я и *что* я, что М.... Ѳ ... и т. д. Живемъ мы очень мирно и смирно. М.... Ѳ.... по *подлости* характера хочетъ написать тебѣ, что я пилъ двѣ недѣли, — но это клевета самая гнусная. Жизнь въ Оренбургѣ не очень дешева.... да какое тебѣ впрочемъ философу дѣло до дороговизны или дешевизны жизни?

Знаешь, когда я лучше всего себя чувствовалъ? Въ дорогѣ. Право, еслибы я былъ богатъ, я бы постоянно странствовалъ. Въ дорогѣ какъ-то чувствуешь, что ты въ рукахъ Божіихъ, а не въ рукахъ человѣче-

Digitized by Google

скихъ. О корпусѣ и своей въ немъ дѣятельности я тебѣ писалъ. Общество здѣшнее я мало знаю..... Городъ прескучный, въ особенности для меня. En fait de villes, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ мнѣ поэтовъ, Гюго, — j'aime les vieilles. Мнѣ старый соборъ нуженъ,— старые образа въ окладахъ съ сумрачными ликами, — слѣды исторіи нужны,— нравы нужны, хоть пожалуй и жестокіе, да типическіе. Мало-ли что мнѣ нужно? А иногда такъ ничего не нужно, — и даже большею частію....

Ну, до свиданья!.....

Твой Ап. Григорьевъ.

Печальное убѣжденіе Григорьева въ томъ, что онъ попалъ въ *струю жизни отшедшую и отзвучавшую*, было въ немъ очень сильно. Оно постоянно тяготѣло надъ нимъ и иногда разросталось въ чувство глубокаго ужаса. Это была одна изъ постоянныхъ темъ нашихъ разговоровъ съ нимъ. Помню какъ-то разъ, еще до отъѣзда въ Оренбургъ, онъ зашолъ ко мнѣ, и незаставши меня дома, сталъ читать лежавшую на столѣ книжку «Revue de deux Mondes», именно статью о Мормонахъ. Когда я вернулся, я засталъ его необыкновенно встревоженнымъ. Его поразилъ этотъ страшный симптомъ въ духовной жизни Америки. Онъ сталъ говорить мнѣ о томъ, что человѣчеству грозитъ какой-то жестокій кризисъ. Ему показалось, что религія, искусство, философія, словомъ все то, что ему было такъ *нужно*, чего онъ такъ *ждалъ*, чѣмъ онъ жилъ, что все это легко можетъ погибнуть и даже близко къ гибели. И нѣсколько дней онъ не могъ оправиться отъ этого впечатлѣнія.

Говоря о своемъ положеніи въ литературѣ онъ часто останавливался на мрачномъ взглядѣ, что новая жизнь, которой онъ не понимаетъ и не признаетъ, не даетъ простора ему, какъ человѣку отжившему, что эта новая жизнь скоро уничтожитъ и смѣнитъ собою всѣхъ людей его настроенія. Когда А. Н. Майковъ читалъ въ кругу знакомыхъ свою еще ненапечатанную поэму «Смерть Люція», Григорьевъ послѣ чтенія воскликнулъ: «Я умру какъ Люцій! Ни отъ чего не отрекаясь!»

Конечно можетъ иногда быть, что человѣкъ нарочно дразнитъ себя ужасами, нарочно возводитъ свое положеніе въ трагическое. Но тотъ глубоко ошибся-бы, кто захотѣлъ-бы видѣть въ Григорьевѣ только одно желаніе порисоваться, желаніе насытить свою гордость. Григорьевъ слишкомъ горячо любилъ, слишкомъ глубоко понималъ

Digitized by Google

все то, за погибель чего боялся. Его страхъ былъ страхъ дѣйствительной, не напускной любви, слѣдовательно былъ настоящимъ страданіемъ. Не разъ у насъ въ литературѣ подсмѣивались надъ восторженностію и высокопарностію рѣчей Григорьева. Да, она была-бы смѣшною фальшью, эта высокопарность, если-бы только силою чувства, поэзіи, пониманія, Григорьевъ никогда не подымался до вершинъ человѣческаго духа. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ часто поднимался до высочайшихъ изъ этихъ вершинъ. Такъ точно и его уныніе и жалобы. Они были-бы странны, если-бы въ нихъ часто не слышался звукъ самой искренней, самой чистой скорби. Письма, которыя я привожу, могутъ служить однимъ изъ свидѣтельствъ правдивости его печальнаго настроенія.

Въ числѣ *частныхъ* жалобъ предъидущаго письма, нѣкоторыя очень странны и очень хорошо характеризуютъ болѣзненную впечатлительность Григорьева. Къ этой неровной впечатлительности я до конца не могъ привыкнуть. Подвергаясь постояннымъ нападкамъ въ литературѣ, Григорьевъ обыкновенно выносилъ ихъ какъ слѣдуетъ, т. е. зная себѣ цѣну, необращалъ на нихъ вниманія и не тревожился ими. Но иногда какіе-нибудь пустяки дѣйствовали на него такъ сильно, какъ-будто онъ былъ совершенный новичокъ въ литературѣ, какъ будто имѣлъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много самолюбія. Очень меня удивила его жалоба на фельетониста «Русскаго Инвалида». Никто изъ насъ не обратилъ тогда никакого вниманія на этотъ фельетонъ, и я до сихъ поръ не знаю, какъ и что тамъ сказано. Какъ видно онъ попалъ на глаза Григорьева въ унылую минуту. Точно такъ-же развѣ можно было давать особенный вѣсъ извѣстію мужа, что его жена не понимаетъ статей Григорьева? Наконецъ даже *прямое неудовольствіе* редактора еще ничего незначитъ. Полное и *всегдашнее* удовольствіе есть дѣло очень трудное и рѣдкое. Тотъ-же редакторъ, не смотря на это неудовольствіе, убѣдительно просилъ статей у Григорьева, отговаривалъ его ѣхать въ Оренбургъ, взялъ съ него обѣщаніе — работать для журнала и въ Оренбургѣ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ присылки статьи о Толстомъ.

И такъ этимъ мелкимъ неудачамъ, которыхъ невозможно избѣжать ни одному пишущему человѣку, Григорьевъ придалъ слишкомъ много значенія. Но въ общемъ онъ все-таки правъ. Онъ правъ, когда говоритъ, что литература въ смыслѣ искуства не имѣетъ теперь своего надлежащаго, своего *царственнаго* значенія. Отсюда

Digitized by Google

уже понятно, что и *первый и единственный* критикъ этой литературы не имѣлъ того почета и вѣса, какой ему слѣдовалъ...

ПИСЬМО VI.

Оренбургъ, 1861 г. окт. 19.

Сегодня только получилъ твое письмо отъ 8 октября. Изъ него увидѣлъ я, что до тебя еще не дошло мое послѣднее весьма мрачное посланіе. Да! что мнѣ дѣлать съ собою? Мракъ и хандра одолѣваютъ меня временами до апатіи—*гдѣ-бы то ни было*. Не думай, чтобы градъ Оренбургъ, хотя по истинѣ это самая тинистая трущоба во всей Россійской имперіи, — былъ исключительною этому дѣлу причиною. Нѣтъ! ужъ мнѣ на роду написано хандрить. Во мнѣ есть неумолимыя заложенія аскетизма и піэтизма, ничѣмъ земнымъ не удовлетворяющіяся. Еслибъ я былъ богатъ, я-бы вѣроятно вѣчно странствовалъ и конечно преимущественно съ религіозными цѣлями, къ великому горю и можетъ быть даже смѣху васъ всѣхъ!

Жду я съ нетерпѣніемъ книжки *Времени*. Меня ужасно интересуетъ статья твоя изъ Куно-Фишера о Спинозиномъ богѣ, и другая, по всей вѣроятности твоя-же, объ индюшкахъ и Гегелѣ.

Событія, о которыхъ ты пишешь, намъ болѣе или менѣе извѣстны. Не могу я имъ разумѣется не сочувствовать, — но что изъ этого будетъ не знаю. По моему взгляду политическому, я какъ ты нѣсколько знаешь — былъ и остаюсь славянофиломъ... Дѣло иное сочувствіе и дѣло иное — вѣра. Согласись, что вѣдь въ сущности и ты только сочувствуешь, а вѣришь еще плохо! Да и вѣрить-то пока не во что. Въ конституціи и западъ извѣрился.

Прежде всего время, въ которое мы живемъ,—смутно, не полно, не цѣльно. Односторонне рѣзко выдвинулись одни вопросы и совсѣмъ ушли на задній планъ другіе, столь-же существенные. Ч...., Щ...., даже Р.... люди очень честные и истинные продукты нашего времени, но... А ужъ о К.... и англійской школѣ загнешь *но* еще похуже!.. Въ сущности мы бродимъ пока во тьмѣ-тьмущей! Порывы къ свѣту важны только какъ заявленія нужды свѣта.

Я къ тебѣ пишу безъ всякой задней мысли—суди какъ знаешь. Я не консерваторъ, но и не революціонеръ — какъ и ты тоже. Хотѣлось-бы быть гражданиномъ...

Статья о Толстомъ пишется, но очень медленно. Руки отнимаются. Кому теперь нужда до Толстого?.. Онъ и самъ-то какъ будто убоялся

Digitized by Google

высоты того тона, который такъ искусно забралъ было въ «Люцернѣ», «Альбертѣ», «Трехъ смертяхъ», «Семейномъ счастіи». Не разобщаются люди съ современностію безнаказанно, какъ-бы ни было искренне разобщеніе.

Отъ «Отцовъ и Дѣтей» не жду я многаго въ отношеніи къ содержанію. Тургеневъ *весь* сказался и больше сказать ему право нечего. Мы вѣдь имъ балуемся, балуемся его поэтическою струею... Дѣйствительно самая поэтическая....., какую я знаю, но.....!....

Не многого (кромѣ разъясненія) жду я и отъ новооткрытыхъ сочиненій Гоголя. Въ противоположность Тургеневу, это былъ ярый, скопческій... Чѣмъ болѣе я въ него на досугѣ вчитываюсь, тѣмъ болѣе дивлюсь нашему бывалому ослѣпленію, ставившему его не то что въ уровень съ Пушкинымъ, а пожалуй и выше его. Вѣдь Ѳедоръ-то Достоевскій — будь онъ художникъ, а не фельетонистъ, — и глубже и симпатичнѣе его по взгляду, — и главное, гораздо проще и искреннѣе. Вѣдь прямое, хоть нѣсколько грубое послѣдствіе Гоголя—Писемскій, а косвенное—Гончаровъ...

Что и сколько я жду отъ Островскаго, ты знаешь по моему послѣднему письму, знаешь, что мнѣ и этого мало. Но единственный коноводъ надежный и столбовой, — это все-таки Островскій. Въ немъ только нѣтъ къ сожалѣнію примѣси африканской крови къ нашей великорусской.

А ты себѣ пиши и пиши «ничто же сумняся». Кромѣ тебя въ настоящую минуту и писать здраво некому (*).

Пока до свиданья. Жму твою руку. Кланяйся всѣмъ хорошимъ людямъ.

Твой *Ап. Григорьевъ.*

Не разобщаются люди съ современностію безнаказанно, какъ бы ни было искренне разобщеніе — эти слова Григорьевъ очевидно относитъ столько-же къ себѣ, пишущему о Толстомъ, какъ и къ самому Толстому. Какъ не повѣрить, въ самомъ дѣлѣ, что у Григорьева отнимались руки, когда онъ принимался писать?

Но въ этомъ-же письмѣ Григорьевъ справедливо сознаетъ, что дѣло зависитъ не отъ одного положенія литературы и его литературныхъ неудачъ, а главнымъ образомъ отъ его натуры, отъ тѣхъ *неумолимыхъ заложеній аскетизма и піэтизма*, которыя ничѣмъ земнымъ не удовлетворяются. Натура съ высокими требованіями,

(*) Преувеличенная похвала учителя своему ученику, которая, какъ и другія подобныя мѣста, мнѣ кажется не нуждается и въ оговоркѣ. Н. С.

Digitized by Google

Григорьевъ и къ своему земному дѣлу и назначенію точно также прилагалъ высокія требованія. Оттого-то мудрено ему было быть довольнымъ.

Мое письмо по обыкновенію было наполнено ободреніями и упреками. Къ своимъ собственнымъ я присоединилъ еще ободренія и упреки Ѳ. Достоевскаго, который также какъ и я глубоко интересовался судьбою Григорьева. Отвѣтъ былъ слѣдующій:

ПИСЬМО VII.

Оренбургъ. 1861 г. дек. 12.

Твое долгое молчаніе меня сильно безпокоило. Я начиналъ уже думать: не..... Чего добраго! Ну да къ дѣлу.

Медленно идутъ мои работы, — да и понятно почему, кромѣ моего «легковѣрнаго» мнѣнія на счетъ своей необходимости въ россійской словесности. Кромѣ четверга я занятъ *во вся дни живота моего* отъ 9 до 12 утромъ и отъ 4 до 7 послѣ обѣда — въ корпусѣ. Согласись, что тутъ по неволѣ представляетъ человѣкъ измученную кобылу. Но такъ или иначе, — а статья о Толстомъ, и большущая, поспѣетъ къ февральской книжкѣ *непремѣнно!* Въ эту субботу отправится на имя твое посылка съ отдѣланною ея частью, даже тщательно переписанною. Вся статья *непремѣнно* (conditio sine qua non) должна идти подъ заглавіемъ «Явленія, пропущенныя нашею критикою: Графъ Л. Толстой и его сочиненія». Первый отдѣлъ ея общій и называется: «Взглядъ на отношеніе современной критики къ литературѣ — vox clamantis in deserto»... Тутъ я разсмотрѣлъ *всѣ* направленія, не щадя ни одного. Вещью этою я *самъ* доволенъ, — вѣроятно будешь и ты тоже. Перемѣнить въ ней нельзя ни единой іоты, — съ тѣмъ конечно и посылается. Другое, что ты найдешь въ посылкѣ (авось къ субботѣ перепишется) половина 1-й пѣсни Чайльда Гарольда. На святкахъ надѣюся кончить всю первую пѣсню и дослать конецъ. Прочти, пожалуста, съ оригиналомъ: объ этомъ я тебя прошу для оцѣнки честности этого дѣла. Какъ видишь я таки работаю, медленно, но работаю.

Я нисколько не въ претензіи за то, что ты показываешь мои письма Ѳ. Достоевскому. Я его, и вообще обоихъ братьевъ, очень люблю, — хоть схожусь съ ними не во всемъ, а во многомъ расхожусь совершенно. По моему мнѣнію, — и они со временемъ согласятся со мною — нельзя «работати Богу и мамонѣ», — нельзя признавать философію, исторію и поэзію, и дружиться съ «Современникомъ», нельзя, уважая себя и литера-

Digitized by Google

туру, печатать... К... и начать фельетоны... М..., нельзя ради дешеваго либерализма держать въ политикѣ Р...., нельзя печатать какъ нѣчто *хорошее* драму Гейбеля и т. д. Въ послѣдней книжкѣ я былъ изумленъ непріятно статьей о Державинѣ. Исторія этой статьи прекурьозная. Въ 1859 году она валялась въ редакціи «Русскаго Слова» и возвращена мной автору; въ 1860 г. она валялась въ редакціи «Русскаго Вѣстника» и мною же отринута. А оба раза отринута потому, что кромѣ *опіума чернилъ разведенныхъ слюною бѣшеной собаки*, я ничего въ ней не видалъ и до сихъ поръ не вижу. Ты знаешь, что я не Лонгиновъ и не имѣю ни малѣйшаго пристрастія къ «литературѣ выдуманныхъ сочиненій»;—но эта вѣчная исторія о Радищевѣ—эта единственная мѣрка, прилагаемая къ дѣятелямъ былого времени—не знаю какъ другимъ, а мнѣ противна хуже... К..... и М..... Въ настоящую минуту великая и честная заслуга журнала была-бы умѣть въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній *остановиться* на ученіи Бѣлинскаго до 1844 года, потому что оно (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями) — единственно правое.....

«Времени», чтобы быть самостоятельнымъ нужно или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Ч...., или 2) быть послѣдовательнымъ въ своей вѣрѣ въ поэзію и жизнь, въ идею народности вообще (въ противоположность абстрактному человѣчеству), — воспользоваться ошибками славянофильства какъ всякой теоріи и встать на его мѣсто.

Впрочемъ имѣющая быть посланною статья должна рѣшить дѣло окончательно. Всѣ эти намеки развиты въ ней съ возможною для меня ясностію.

Кстати.... выходки.... «Искры» противъ «Дня» не показываютъ-ли до какого цинизма мы дошли? Съ «Днемъ» можно и *должно* спорить,— но бросать въ него грязью — безчестно. Въ моей далекой глуши это меня раздражаетъ и мутитъ. Горячій, кровный споръ,—споръ до ножей надо вести съ «Днемъ», — потому что въ концѣ концовъ онъ тоже теорія, какъ Ч..... и К°. Но ни надъ той, ни надъ другой изъ этихъ теорій нельзя упражняться въ .... цинизмѣ. О В.....! Скажи ему, что многое на томъ свѣтѣ отпустится ему за его дикую, но честную выходку. Подлѣе того *смѣха*, какой подымаетъ въ послѣднее время «россійская словесность» (ибо вѣдь это словесность!!!) едва-ли что и выдумаешь. Знаешь-ли, что даже за Аскоченскаго въ состояніи разсердиться честный человѣкъ по поводу одного изъ послѣднихъ *стихотвореній* «Искры», въ которомъ *вскрываютъ* его частную жизнь... Вотъ чего я не пойму и не могу до сихъ поръ забыть, это — неудовольствіе на меня редакціи «Времени» за то, что я *серьознымъ* тономъ говорилъ о на-

Digitized by Google

правленіи *Мракобѣсія*. Стало быть (для меня всегда все ставится въ + а или — а) она можетъ вотъ этому .... тону сочувствовать?...

Да я не дѣятель, Ѳедоръ Михайловичъ! (предполагаю, что и вы будете читать это письмо) и признаюсь вамъ, я горжусь тѣмъ, что я не дѣятель въ этой лужѣ, что я не могу купаться въ ней купно съ Курочкинымъ, — я горжусь тѣмъ, что во времена хандры и омерзенія къ россійской словесности я способенъ пить мертвую, *нищаться*, — но не написать въ жизнь свою ни одной строки, въ которую бы я не вѣрилъ отъ искренняго сердца.... Вы на меня *яритесь* за то, что я уѣхалъ; оставилъ-де свой постъ, какъ вы называете. Увы! Въ прочности этого поста я весьма мало убѣжденъ и теперь. Вотъ киргизовъ русской грамотѣ обучать, это хоть и скучная адски вещь, да зато прочная и главное — всегда одинаково удобная для исполненія.

Послѣ сей апострофы — опять обращаюсь къ тебѣ мой философъ.... Съ чѣмъ бишь? Да! что за *пустошь* романъ Полонскаго? Для меня просто какимъ-то внутреннимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ прекрасныхъ стиховъ. Потому такимъ людямъ не слѣдуетъ приниматься за картины *историческія* (въ широкомъ смыслѣ этого понятія)....

А поэзія — уходитъ изъ міра. Вотъ я теперь съ любовью перевожу одного изъ трехъ послѣднихъ настоящихъ поэтовъ (т. е. съ Мицкевичемъ и Пушкинымъ купно), — я переживаю былую эпоху молодости—и *понимаю*, съ какой холодностію отнесется современное молодое поколѣніе къ этимъ пламеннымъ строфамъ (все равно хоть читай оно ихъ по англійски), къ этой лихорадочной тревогѣ, ко всему тому, чѣмъ мы *жили*, по чему мы *строили* свою жизнь.... Все это *не нужно*. Нужны б..... Минаева, Некрасовскій откупъ народныхъ слезъ, статьи Добролюбова и «Искра». Вотъ что нужно....

А все сдается, что нужно это только до тѣхъ поръ, пока новый могучій стихъ

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой

и повлечетъ за собою неистощимую жажду человѣческаго сердца, и опять туда-же in das Idealen-Reich....

Я всегда заговорюсь съ тобой, такъ что для практическихъ дѣлъ остается мало мѣста,—да и лучше отложу ихъ до субботы, когда стану посылать посылку.

Ѳедоровъ (Ст. Ник.) шлетъ вамъ вещь истинно хорошую. Въ этомъ маломъ есть дѣйствительный талантъ. Тебя самого удивитъ эта вещь съ ея смѣлымъ и глубоко вѣрнымъ концомъ, съ ея замѣчательною выдержанностію формы. Сильныя надежды подаетъ мнѣ сей юноша, что скоро *Буки-Ба* исчезнетъ изъ «Искры».... А что-же вещь *Середы*? Ты мнѣ о

Digitized by Google

ней ни слова. Если не хочетъ «Время», сунь ее въ «Свѣточь», въ «Русскій Міръ». Вѣдь ничего — живетъ. Не хуже-же прежнихъ вещей Ѳедорова. До субботы!

Твой *А. Григорьевъ.*

Вотъ искренняя, прямая рѣчь, въ которой слышна самая душа человѣка. Это негодованіе на русскую словесность, это сожалѣніе о томъ, что *поэзія уходитъ изъ міра*, не громкія фразы, а дѣйствительное чувство, то, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ. Онъ смѣло произноситъ себѣ похвалу, цѣну которой не всѣ знаютъ, именно, что онъ *не написалъ въ жизнь свою ни одной строки, въ которую бы не вѣрилъ отъ искренняго сердца*, и всякій, кто зналъ его, или кто теперь пойметъ его, согласится, что онъ имѣлъ полное право смѣло произносить себѣ эту похвалу. Цѣна же этой похвалы очень высока, когда дѣло идетъ о людяхъ какъ Григорьевъ, т. е. о людяхъ, которымъ *есть что сказать;* для нихъ она значитъ — добросовѣстное, благоговѣйное служеніе своимъ идеямъ.

При мрачномъ настроеніи Григорьева, не мудрено, что онъ съ такимъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ смотрѣлъ на «Время». Поводы для этого недовѣрія конечно были, и Григорьевъ хватался за нихъ очень крѣпко. Но онъ напрасно питалъ какія-то сомнѣнія относительно будущаго; «Время» съ каждымъ шагомъ старалось все тверже и прямѣе идти по тому самому пути, который указывалъ Григорьевъ. Желанія редакціи не расходились съ его желаніями, хотя выполненіе имѣло много недостатковъ.

Какъ преувеличено было недовѣріе Григорьева всего лучше можно заключить изъ пріема, сдѣланнаго его статьѣ, той самой статьѣ, которая по его словамъ *должна рѣшить дѣло окончательно*, и въ которой онъ не позволяетъ перемѣнить ни единой іоты. Какъ только она была получена, мы собрались ее читать, прочитали, полюбовались ея глубиною и остроуміемъ, и тотчасъ же она была отправлена въ типографію, такъ что поспѣла къ январьской книжкѣ 1862 года. На нее смотрѣли какъ на руководящую, передовую статью, какъ на знамя, котораго нужно держаться. Однимъ словомъ Григорьевъ былъ встрѣченъ во «Времени» какъ хозяинъ, тогда какъ самъ продолжалъ считать себя гостемъ и недовѣрчиво озирался.

Вотъ письмо, при которомъ была прислана и самая статья.

Digitized by Google

ПИСЬМО VIII.

Оренбургъ, 1861 г. Дек. 15.

Посылаю обѣщанныя въ прошломъ письмѣ вещи и еще одну, которой объясненіе найдешь въ моей приложенной при ней запискѣ (¹).

Какъ продолженіе и окончаніе первой пѣсни Гарольда, такъ продолженіе и окончаніе статьи буду высылать теперь съ каждою *легкою* почтою, по мѣрѣ отдѣлки и переписанія.

Статья, какъ ты самъ увидишь, должна быть *рѣшительною* въ моихъ отношеніякъ съ «Временемъ». Не удивляйся, читая ее, — что я самъ окончательно сжогъ за собою нѣсколько старыхъ кораблей. Кажется ясно изъ нея, что я столь-же мало славянофилъ, сколько мало западникъ, столь-же далекъ отъ Аскоченскаго, сколько и отъ Добролюбова. Что-же я такое? Этого я пока еще и самъ не знаю. Прежде всего, я — критикъ, за симъ — человѣкъ вѣрующій только въ жизнь. Вся статья, — какъ можешь заключить по вступленію, которое разрослось въ 1¼ печатныхъ листа, — будетъ листа въ четыре съ небольшимъ. За нею, — если она примется *безусловно*, воспослѣдуетъ продолженіе начатаго курса, т. е.

Глава V. *Бѣлинскій*, какъ установитель нашего литературнаго сознанія.

Глава VI. *Лермонтовъ и Гоголь*.

и т. д. Потому что меня опять *прорветъ* на нѣсколько мѣсяцевъ; — будетъ еще нѣсколько небольшихъ статей за подписью «ненужнаго человѣка.»

Что касается до Гарольда, то первая пѣснь переведена на черно вся и постепенно отдѣлывается. Если не захотятъ его Достоевскіе, — то увѣдомь меня. Я тогда попрошу тебя передать ее Некрасову, который возьметъ съ радостью, — ибо онъ самъ вызывалъ меня на переводъ Гарольда послѣ Паризины. Поправокъ и передѣлокъ тоже вдали я допустить не могу.

Если какъ статей моихъ, такъ и Гарольда «Время» хочетъ, то 1) за эту пѣсню Гарольда — такъ-какъ она въ полтора раза больше Паризины (за которую Некрасовъ далъ мнѣ *полтораста* рублей, о чемъ можно тамъ справиться) — цѣна 200 рублей (съ Некрасова же 225, ровно въ полтора раза), 2) за статью цѣна обыкновенная.

А главное вотъ что. Если я дѣйствительно «Времени» нуженъ, —

(¹) Непомню какая-то рукопись.

Digitized by Google

то оно должно мнѣ помочь въ настоящую минуту, ибо я долженъ высылать... часть моего жалованья, — чѣмъ опять финансовыя дѣла мои разстроились. Мнѣ нужно въ возможной скорости, даже если можно немедленно, *четыреста* рублей; если Гарольдъ понравится «Времени»,—то въ этой суммѣ мы сквитаемся первою-же пѣснію и статьею, развѣ малость какая останется по старымъ счотамъ. Кстати, счоты сведите тамъ, — да не забудьте вписать послѣднюю партію книгъ, взятыхъ у Базунова, — кажется они въ книгу Михайла Михайлыча не вписаны. Вообще въ этихъ счотахъ я гораздо болѣе полагаюсь на него, чѣмъ на себя.

Эта посылка пойдетъ по тяжолой. Продолженія пойдутъ съ каждой легкой. Теперь скоро святая — ergo времени переписывать и отдѣлывать будетъ больше. Самому Михайлу Михайловичу я не пишу только потому, что все равно писать-то, къ нему или къ тебѣ.

И такъ, скорѣе *денегъ*, если я работаю во «Времени», и скорѣе *отвѣтъ*, если мы не сойдемся.

Твой *Ап. Григорьевъ*.

Очень непрактичны были расчоты Григорьева на 400 рублей. Онъ получилъ изъ нихъ только 100 рублей, которые были отправлены къ нему изъ редакціи тотчасъ по полученіи его статьи. Переводъ же Гарольда не имѣлъ никакого успѣха и только долгое время спустя былъ напечатанъ за бездѣлицу. Переводъ былъ дѣйствительно неудаченъ. Языкъ Григорьева всегда отличался нѣкоторою своеобразною тяжестію, которая страннымъ образомъ соотвѣтствовала напряженію его мысли, такъ сказать ея походкѣ. Эта тяжесть въ удачныя минуты давала слогу Григорьева необыкновенную силу. Но на этотъ разъ она была помѣхою и испортила переводъ вещи, конечно вѣрно понятой и прочувствованной.

Письмо впрочемъ было хорошее. Мы надѣялись, что Григорьева дѣйствительно *прорвало*, какъ онъ выражался, и судя по его первой мастерской статьѣ, надѣялись на цѣлый рядъ статей, гдѣ онъ выскажется можетъ быть съ еще невиданною у него силой.

Скажу заранѣе, что къ несчастію эти ожиданія не сбылись.

Но въ ту минуту Григорьевъ очевидно былъ очень оживленъ и слалъ ко мнѣ письмо за письмомъ. Вотъ слѣдующее:

ПИСЬМО IX.

Оренбургъ, 1861 г. дек. 21.

Посылка послана въ прошлую субботу,—но это письмо ты вѣроятно

Digitized by Google

получишь скорѣе, и потому не мало удивишься, найдя тутъ продолженіе строфъ Гарольда прежде его начала.

А я пишу за тѣмъ, чтобы ругаться, ругаться сквернословно... Недавно я прочолъ октябрскій № «Записокъ» и въ нихъ великолѣпное начало статей Щапова: «Великорусскія области во времена междуцарствія»,—начало фактическаго оправданія всего того, что думаетъ о Руси и ея исторіи Островскій, — что думалъ и гадательно высказывалъ я по своей чуткости. Что-же вы (т. е. «Время») ловите .....въ родѣ Маслова и не залучите такого человѣка, какъ Щаповъ, который носитъ въ себѣ цѣлое, совсѣмъ *новое* и вполнѣ народное направленіе? Какъ это журналу, толкующему непрерывно о народности, не сойтись съ нимъ и съ Павловымъ? Или глаза у васъ на затылкѣ? — и вы увидите только то, что будетъ уже позади васъ? Стыдно! А время еще есть. Я увѣренъ, что Щаповъ такъ, случайно, печатается у Краевскаго... Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ — эпохи, а не..... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чювствіяхъ».....! Тутъ, въ этихъ статьяхъ новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое — и въ этихъ статьяхъ и можетъ быть въ «Мининѣ» Островскаго, — идетъ на конечное истребленіе б.....словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, суесловія «Дня», хохлословія Костомарова и буесловія «Современника». А вы зѣвайте—да печатайте *буйство* Масловыхъ и гроповый либерализмъ.....

Ругательство въ сторону. Вѣдь какую-же-нибудь цѣль хочетъ имѣть «Время»? Какую-же?.. Иной, кромѣ знамени *народности* въ широкомъ смыслѣ ему и имѣть нельзя. Всѣ другія цѣли: соціализмъ, англійское устройство, узкая народность и проч. и проч. разобраны...

Еще вопросъ: гдѣ будетъ «Мининъ»? Въ «Современникѣ» быть ему неприлично; въ «Днѣ» невозможно; въ «Библіотекѣ»?? Отчего-же не у васъ? Денегъ что-ли не хватаетъ при *пяти* тысячахъ подписчиковъ?.. Краевскій вѣроятно купилъ-бы его на вѣсъ золота. И хорошо-бы сдѣлалъ. Пусть Островскій положитъ его на вѣсы, какъ Бреннъ мечь и скажетъ: Vae victis! Устранивши глупую вражду съ Островскимъ, «Записки» съ Щаповымъ опять станутъ самымъ передовымъ органомъ. А вы — зѣвайте!

Вѣдь *пять* тысячь подписчиковъ результатъ чего?.. пресыщенія старыми органами и упадка «Р. Вѣстника»?.. Вѣдь это все еще въ ожиданіи будущихъ благъ отъ свѣжей новинки. Поймите это, «господа и братія»... Нужна прочная основа — опредѣленность взгляда и борьба за взглядъ.

Неужели-бы я въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ, если-бы вѣрилъ прочно... Тогда-бы мной дорожили и я-бы самъ дорожилъ своимъ дѣломъ, не

Digitized by Google

боясь, что дѣло это въ одно прекрасное утро разрушитъ замѣчаніе жены Р.... или неудовольствіе К....?

Ну, пока прощай! Я излилъ всю желчь, какая во мнѣ была.

Твой *Ап. Григорьевъ.*

Всякій видитъ, что Григорьевъ говоритъ здѣсь тономъ человѣка *власть имущаго*,—тономъ, на который имѣлъ столько правъ и который былъ признаваемъ за нимъ въ журналѣ. По обстоятельствамъ я долго не отвѣчалъ ему на это письмо; но когда отвѣчалъ, то написалъ ему смиренно, чтобы онъ не сердился на то, что онъ зрячѣе и чутче другихъ, и что его воля будетъ исполнена. Дѣйствительно редакція обратилась съ просьбою объ участіи въ журналѣ и къ г. Щапову и къ г. Павлову, и ей удалось въ послѣднихъ книжкахъ 1862 года помѣстить большую статью г. Щапова: *Земство и расколъ. Бѣгуны.*

Критикъ виденъ въ Григорьевѣ вполнѣ. За что онъ сердится? Не ему-ли и быть зоркимъ? Не прямое ли это его свойство и назначеніе? Но онъ не былъ распорядителемъ и дѣятелемъ; нужно было, чтобы другіе осуществляли то, о чемъ онъ думалъ, чтобы другіе пробивали дорогу по направленію, которое онъ считалъ единственно вѣрнымъ. Вотъ почему онъ сердился и печалился, видя, что дѣло идетъ не по его мыслямъ.

Виденъ также критикъ, страстно преданный своему дѣлу. Какъ онъ жадно бросается на всякій проблескъ любимой идеи! Какъ онъ цѣнитъ всякій талантъ, который дѣйствительно можетъ подавать надежду! Не онъ же виноватъ, если возможности не исполняются и надежды не сбываются. Правъ былъ Григорьевъ, говоря, что романъ Полонскаго *Свѣжее преданіе* не составляетъ событія въ русской литературѣ; но едва-ли онъ былъ правъ, утверждая съ своей стороны, что статьи г. Щапова и г. Павлова составятъ эпоху въ той же литературѣ.... Въ послѣдней своей статьѣ (*Эпоха*, іюль) самъ Григорьевъ уже намекнулъ на свое разочарованіе.

Черезъ нѣсколько времени насъ удивило и порадовало слѣдующее письмо:

ПИСЬМО X.

Оренбургъ, 1862 г. Янв. 19.

Не могу я на тебя пенять за твое долгое молчаніе, — ибо знаю, что

Digitized by Google

ты страшно занятъ, но все-таки не разъ пошлешь тебя мысленно къ чорту. Завтра отправляется посылка *почти* съ концомъ статьи о Толстомъ и съ строфами Гарольда до 78-й включительно.

Ты спросишь конечно, почему я не кончилъ всего на праздникахъ? Прилагаемая у сего афишка послужитъ тебѣ поясненіемъ.

Въ письмо была вложена обрѣзанная афишка, напечатанная на очень толстой бумагѣ. Вотъ она:

Въ залѣ Оренбургскаго Благороднаго Собранія преподаватель Михайловскаго кадетскаго корпуса Аполлонъ Григорьевъ, будетъ имѣть честь,

ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНЫХЪ Г. ОРЕНБУРГА ЧИТАТЬ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ «О ПУШКИНѢ И ЕГО ЗНАЧЕНІИ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ЖИЗНИ.»

Всѣхъ лекцій имѣетъ быть четыре.

ПРОГРАММА

1-й Лекціи.

Значеніе Пушкина вообще и причины разнородныхъ толковъ о немъ въ настоящую минуту.

2-й Лекціи.

Пушкинъ какъ нашъ эстетическій и нравственный воспитатель.

3-й Лекціи.

Пушкинъ — народный поэтъ.

4-й Лекціи.

Пушкинъ и современная литература.

Цѣна за входъ по 1 руб., а на всѣ 4 лекціи — три руб.

Билеты можно получать въ буфетѣ Собранія. *Первая лекція имѣетъ быть въ часъ пополудни.*

27 Декабря.

Рукою Григорьева на афишкѣ было прибавлено: 2-я 30 дек., 3-я 2 янв., 4-я 7 янв. Письмо продолжается такъ:

Курьозная вышла исторія съ этими лекціями. Я хотѣлъ читать ихъ въ пользу «Литературнаго фонда», желая отплатить этому обществу за

Digitized by Google

помощь мнѣ разъ оказанную. И точно, отплатилъ-бы съ процентами. Мои лекціи собрали для здѣшнихъ бѣдныхъ 320 рублей серебромъ. Не знаю, принесутъ-ли столько чтенія, которыя мы съ Ѳедоровымъ хотимъ теперь устроить въ пользу фонда. Дѣло въ томъ, что здѣсь плохо понимаютъ, что такое литературный фондъ. Генералъ-губернаторъ просилъ меня читать лекціи въ пользу бѣдныхъ города Оренбурга.

Что тебѣ сказать о нихъ? Идеи мои о Пушкинѣ ты болѣе или менѣе знаешь, — импровизаторская способность во мнѣ какъ-то съ лѣтами утрѣбляется, — высокомѣріе мое ко всякой публикѣ, не только къ оренбургской — чрезвычайно прочно. Стало быть я достигалъ тѣхъ результатовъ, какихъ самъ хотѣлъ. Первая лекція, направленная преимущественно противъ теоретиковъ (а здѣсь, какъ и вездѣ, всѣ, кто читаетъ — ихъ послѣдователи), привела въ немалое недоумѣніе. Вторая кончилась сильнѣйшими рукоплесканіями. Въ третьей защитою Пушкина какъ гражданина и народнаго поэта я озлобилъ всѣхъ понимавшихъ до мрачнаго молчанія. Въ четвертой я спокойно ругался надъ поэзіей «о Ванькѣ ражемъ» и «о купцѣ, у коего украденъ былъ калачъ», обращаясь прямо къ поколѣнію, «которое ничего, кромѣ Некрасова не читало», и кончилъ насмѣшками надъ ученіемъ о соединеніи луны съ землею и пророчествомъ о побѣдѣ Галилеянина, о торжествѣ царства Духа — опять при сильныхъ рукоплесканіяхъ. Что ни одной своей лекціи я заранѣе не обдумывалъ, — въ этомъ едва ли ты усумнишься. Одно только и было мною заранѣе обдумано — заключеніе.

Народу было у меня постоянно много, но конечно было бы вдвое больше, еслибъ я объявилъ, что буду..... показывать или слона приведу.

За лекціями воспослѣдовали конечно обычныя почести, каковы суть зовъ на вечеръ и на обѣдъ къ Б....., который щеголялъ передо мною своей памятью, читая цѣлыя тирады изъ Бахчисарайскаго фонтана и Онѣгина. Впрочемъ онъ точно умный и простотою обращенія замѣчательный человѣкъ.

Для чего жъ я читалъ эти лекціи — въ правѣ ты спросить наконецъ. А такъ! Во-первыхъ, себя потѣшить изліяніемъ любимыхъ мыслей, во-вторыхъ, убѣдиться на фактѣ въ силѣ теоретиковъ и во временномъ паденіи нашихъ началъ; въ-третьихъ, мнѣ это ничего не стоило, кромѣ двухъ паръ перчатокъ.

Черезъ полторы недѣли попечительница комитета о бѣдныхъ спрашивала нашего инспектора, чѣмъ меня поблагодарить.....

Провинціальная жизнь, которую наконецъ я сталъ понимать, внушитъ мнѣ кажется книгу въ родѣ Reisebilder, подъ названіемъ «Глушь». Подожду только весны, чтобы пережить годовой циклъ этой жизни. Сю-

Digitized by Google

да войдутъ и заграничныя мои странствія и первое странствіе мое по Россіи,—и жажда старыхъ городовъ, и Волга, какъ она мнѣ рисовалась, и Петербургъ издали, и любовь-ненависть къ Москвѣ, подавившей собою вольное развитіе мѣстностей, семихолмной, на крови выстроившейся Москвѣ,—вся моя нравственная жизнь можетъ быть..... Въ самомъ дѣлѣ, хоть бы одну путную книгу написать, а то все начатые и неконченные курсы!

А что кстати? Тебя заинтересовала какъ-то одна изъ моихъ идеекъ — о заявкѣ нами нашей самостоятельности въ наукѣ, въ лицѣ Надеждина, перевернувшаго вверхъ дномъ Геродотову географію, Сенковскаго съ его взглядами на *ветхій* міръ Ниневіи и проч. и *древній* міръ старика Гомера, Хомякова съ его новымъ пониманіемъ средневѣковой исторіи?..... Ты бы читнулъ этихъ господъ. Они дороги, какъ допотопныя заявки, а можетъ быть и болѣе....

О мой старый Москвитянинъ зеленаго цвѣта,—Москвитянинъ, въ которомъ мы тогда крѣпко, общинно соединенные, такъ смѣло выставляли знамя самобытности и *непосредственности*, такъ честно и горячо ратовали за единственно-правое и святое дѣло! — о время пламенныхъ вѣрованій, хотя и смутныхъ, — время жизни по душѣ и по сердцу!..... Боже мой! обновится ли когда юность моя «*яко орля*»?

Мрачна лежитъ теперь передо мною жизнь, почти что безъ значенія. Гласность, свобода — все это въ сущности для меня слова, слова, бьющія только слухъ, слова вздорныя, безсодержательныя. Гласность б... «Искры», свобода «Русскаго Вѣстника» или теоретиковъ..... неужели ты въ серьозныя минуты самоуглубленія вѣришь въ эти штуки? «Едино есть на потребу», другъ,—и «идѣ же Духъ Господень,—ту свобода»... А гдѣ онъ, Духъ Господень?.... Увы! «Се здѣ Христосъ или тамъ!»

Какъ я уже замѣтилъ, насъ всегда радовалъ энтузіазмъ Григорьева. Такъ точно насъ очень обрадовали и эти новые его подвиги въ Оренбургѣ; мы знали сколько жару и наслажденія онъ долженъ былъ внести въ это дѣло, и завидовали оренбургской публикѣ.

Но за энтузіазмомъ какъ видно быстро послѣдовалъ упадокъ душевнаго строя; письмо говоритъ о лекціяхъ холодно и съ пренебреженіемъ и оканчивается выраженіемъ мрачной безнадежности.

Помню также,— я все еще продолжалъ тогда дивиться силѣ теоретиковъ; разсказъ Григорьева о томъ, что ему пришлось бороться съ ними и въ Оренбургѣ, очень поразилъ меня. Мнѣ все казалось невѣроятнымъ, чтобы *всѣ, кто читаетъ, были ихъ послѣдователями*, чтобы такъ глубоко было *временное паденіе началъ*, нами при-

Digitized by Google

знакомыхъ. Между тѣмъ Григорьевъ на дѣлѣ, на фактѣ испыталъ настроеніе публики и оказывалось, что онъ былъ правъ, что его чуткость его не обманула.

Не смотря на унылый конецъ его письма, мы все-таки ждали отъ него въ ту минуту большой дѣятельности. Но такъ не вышло. Даже посылка, о которой онъ говорилъ въ началѣ этого письма, посылка *почти съ концомъ статьи о Толстомъ*, не пришла, хотя должна была отправиться *завтра*.

Я отвѣчалъ Григорьеву и, помню, сообщалъ ему въ этомъ письмѣ здѣшніе толки о «Мининѣ», который тогда только что появился и былъ встрѣченъ холодно. Отвѣта не было. Не помню писалъ-ли я ему еще или ждалъ день за днемъ письма отъ него; но только Григорьевъ молчалъ, и два мѣсяца мы ничего не знали о немъ. Наконецъ я получилъ отъ него длинное и печальное письмо. Этого письма нельзя печатать вполнѣ, но я приведу изъ него отрывки, изъ которыхъ ясенъ будетъ его тонъ и можно будетъ отчасти понять душевное настроеніе Григорьева.

ПИСЬМО XI.

Оренбургъ 1862 г. 20 Марта.

Ну — съ чего же начать? Съ той ли казенной фразы, что сердце у меня все разбито. Глупо!.... Очевиднѣе и проще то, что виски мои побѣлѣли, что въ бородѣ прибавилось двѣ новыхъ бѣлыхъ нитки..... Да и это собственно къ чему *я* говорю? Ты достаточно вызналъ меня въ послѣднія минуты моего житія въ Петербургѣ..... Все прежнее — нелѣпо, пьяно и нескладно, но я тебѣ тогда разсказывалъ..... Напрасно не послушалъ ты меня тогда, когда я говорилъ тебѣ: Geh und bete! Можетъ быть, стѣна бы и разверзлась.

На эту странную сцену есть намекъ и въ IV письмѣ.

Дѣйствительно передъ самымъ отъѣздомъ въ Оренбургъ Григорьевъ открылъ мнѣ свою частную жизнь. Но онъ напрасно думалъ, что я узналъ ее *достаточно;* я очень смутно понималъ его отношенія. Въ это время онъ сильно мучился сомнѣніемъ, не зная какъ ему поступить въ одномъ житейскомъ дѣлѣ. Онъ спрашивалъ моего совѣта и однажды вздумалъ настаивать, чтобы я рѣшилъ за него. Когда я отказывался рѣшать дѣло, которое не ясно понималъ,

Digitized by Google

онъ сталъ просить, чтобы я помолился и испросилъ рѣшеніе свыше. Хмѣльной, указывая мнѣ на стѣну моей комнаты, онъ настойчиво повторялъ: Geh und bete! Geh und bete!

Не могу выразить, какъ поразила меня тогда сила и искренность его мистической увѣренности. Таковъ онъ былъ часто, и до конца.

Невыносимость положенія (такъ продолжается письмо) пришла впрочемъ не оттуда, откуда ты пророчилъ...,

. . . . . .

Зачѣмъ я ѣхалъ въ Оренбургъ и поѣхалъ бы — видитъ Богъ — въ Камчатку? Мнѣ надоѣло, опротивѣло нищиться, должать безъисходно.... А тутъ стало повторяться то же самое.

. . . . . .

Ну представь ты мою жизнь. Нахваталъ я уроковъ гибель — вотъ ужь первое безчестное дѣло, а вѣдь я ѣхалъ для того, чтобы стать и внѣшне-то честнымъ человѣкомъ.

. . . . . .

Другъ! я вѣдь истинный Донъ-Кихотъ былъ какой-то,...

. . . . . .

.....Знаешь ли? Я даже насильственно заглушалъ самыя свѣтлыя воспоминанія, — и когда порой подъ аккорды гитары вставали они въ душѣ все такъ-же свѣтлыя, не потерявшія никакихъ своихъ правъ надъ душою — мнѣ становилось страшно..... и я чувствовалъ, что увы! одно только глубокое, болѣзненное сожалѣніе приковываетъ меня къ моему настоящему міру, лишонному всякаго разумнаго и нравственнаго значенія.....

. . . . . .

Три раза въ Оренбургѣ уже хотѣлъ я все это порѣшить и *могъ* тогда порѣшить. Да выйдешь бывало изъ дома, — перекрестишься на церковь и вдругъ скажешь себѣ: нѣтъ, потерплю еще, пострадаю еще..... ..... Больше сея любви ничто же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя.... А на душѣ отъ такого рѣшенія легче все-таки не становилось.

Понятно почему. Я зналъ, что живя такъ дальше, я влекусь неминуемо къ гибели, не физической, а нравственной, къ жизненнымъ подлостямъ, къ потерѣ самого дорогого — моихъ убѣжденій.

Мысль зрѣла, зрѣла, тоска грызла, грызла и разумѣется воспослѣдовалъ загулъ.....

. . . . . .

Что за тѣмъ было, опредѣлить трудно. Все кругомъ меня завертѣлось и кажется самая жизнь сошла съума.

Digitized by Google

. . . . . .

И все это я понимаю.... И въ концѣ концовъ въ душѣ стоитъ только одно слово: *досада!*

Жаль и ничего не подѣлаешь. Такъ должно было. Вотъ я нынче.... ..... и пошолъ на урокъ. Хожу по классу и диктую грамматическіе примѣры, — а что-то давитъ грудь, подступаетъ къ горлу, и того и гляди прорвется истерическими рыданіями.

Кабы не глубокая привязанность ко мнѣ моего бывшаго ученика, актера Алюева, — да не «Мининъ» — башка бы моя треснула.

Прибавь къ этому ненависть..... — и вотъ тебѣ соусъ ко всему этому.

За то во всякое свободное время моя тѣсная квартира набита страстно-преданными мнѣ учениками, и, то посвящаю я ихъ слегка въ философскіе вопросы, то читаю «Минина», — и я плачу и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь новѣе личнаго страданія. До ночи!....

Ну во всякомъ случаѣ душевный процессъ завершился. Теперь — работать.

Денегъ, денегъ и денегъ за Гарольда. Не купитъ ли «Пчела» за 240 съ вычетомъ моего ей долга.

P. S. Прежде этого письма ты долженъ былъ получить всего *Гарольда*, 1-ю пѣсню, окончательно отдѣланную и чисто переписанную. А можетъ быть по теперешнимъ дорогамъ — и вмѣстѣ получишь. Оно послано недѣлю назадъ.

Много самыхъ драгоцѣнныхъ чертъ личности Григорьева найдутъ въ этомъ письмѣ тѣ, кто зналъ его. Каковъ бы онъ ни былъ въ обыкновенномъ теченіи жизни, но бывали минуты, когда заповѣдь высшей любви, — любви, больше которой ничто-же есть, имѣла для него неотразимую силу, и онъ исполнялъ ее въ самыхъ трудныхъ и тяжолыхъ обстоятельствахъ. А этотъ пріемъ: утѣшаться въ горѣ чтеніемъ «Минина»! Тутъ весь Григорьевъ; тутъ критикъ и человѣкъ слились во едино. Высоки тѣ слова, въ которыхъ онъ указываетъ на утѣшеніе, могущее поддержать насъ въ самомъ глубокомъ несчастіи; это утѣшеніе — *вѣрй, что въ жизни есть что-нибудь новѣе личнаго страданія.*

Григорьевъ имѣлъ эту вѣру и утѣшался ею; это засвидѣтельствуютъ всѣ, кто зналъ его лично. Въ самыхъ тяжолыхъ случаяхъ, въ минуты тревоги и разстройства, точно также какъ и въ минуты сильнаго возбужденія, все равно съ виномъ или безъ вина, Гри-

Digitized by Google

горьевъ забывалъ о себѣ и всею мыслію бросался въ сферу общихъ интересовъ. Тутъ была для него твердая точка опоры, здѣсь онъ искалъ себѣ и радости и утѣшенія. Музыка, поэзія, философія, религія, народъ — вотъ что поплывало каждый разъ на поверхность потрясенной или оживленной восторгомъ души

Въ страданіи Григорьевъ способенъ былъ сказать тоже, что Гердеръ въ предсмертныхъ мукахъ сказалъ своему сыну: «напомни мнѣ какую-нибудь великую мысль; она освѣжитъ меня».

Что отвѣчалъ я ему на это письмо не помню; но отвѣта съ его стороны опять не было Я между тѣмъ принялся хлопотать о Гарольдѣ. Но напрасно я въ продолженіи цѣлаго мѣсяца обращался съ нимъ во всевозможныя редакціи; нигдѣ его не брали. Григорьевъ молчалъ; мнѣ не хотѣлось писать ему о неудачахъ съ его переводомъ; надѣясь чего-нибудь добиться, я продолжалъ хлопотать, день за днемъ ожидая, что успѣю, получу деньги или обѣщаніе денегъ и тогда напишу къ нему.

Между тѣмъ Григорьевъ продолжалъ молчать; переписка перервалась совершенно Ясно было, что съ нимъ случилось опять что-то нехорошее.

Такъ прошла весна.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ Москвы, я вдругъ встрѣчаю Григорьева въ Петербургѣ, на самой станціи желѣзной дороги. Онъ ждалъ меня, узнавши, что я не сегодня-завтра пріѣду. Очень я удивился, но обрадоваться было невозможно: Григорьевъ замѣтно перемѣнился къ худшему, былъ сильно озабоченъ, былъ одѣтъ плохо и неопрятно. «Мнѣ нужно потолковать съ тобою» сказалъ онъ. Я попросилъ его дать мнѣ часа три заснуть, и потомъ зайти ко мнѣ. Такъ и сдѣлано было. Началась прежняя жизнь со всѣми ея порядками.....

Григорьевъ былъ въ очень дурномъ положеніи и сталъ усердно работать, чтобы выйти изъ него. Опять пошолъ рядъ его критическихъ статей во «Времени»; кромѣ того онъ переводилъ съ итальянскаго либретто для русской оперы; въ концѣ-же года началъ во «Времени» два новые ряда статей, именно сталъ писать свои «скитальчества» и театральную хронику.

Мало по малу Григорьевъ опять оправился и устроился. Онъ переѣхалъ поближе къ редакціи въ домъ Соболевскаго на Вознесенскомъ проспектѣ и занялъ здѣсь порядочную квартиру; къ концу го-

Digitized by Google

да онъ даже пустился въ щегольство своимъ костюмомъ, которому любилъ придавать особенную, очень щедрую къ нему оригинальность.

И все это какъ-то вдругъ рухнуло. Началось это разрушеніе какъ разъ съ началомъ изданія несчастнаго «Якоря». Было конечно у самаго Григорьева нѣкоторое желаніе имѣть свой собственный органъ; но скорѣе онъ тутъ только склонился на предложеніе и уговоры издателя. Принялся за дѣло онъ однакоже серьозно и горячо. Переговоривши съ кѣмъ хотѣлъ здѣсь, въ Петербургѣ, онъ поѣхалъ приглашать сотрудниковъ въ Москву. Вотъ его записка по этому случаю.

Я ѣду въ Москву, мой милый! Пожелай мнѣ отъ души успѣха въ моихъ дѣлахъ. Я играю въ послѣднюю серьозную игру жизни. Право. Или опять дѣло съ полною вѣрою, или уже рутина и полумѣры навсегда!....

Что успѣешь приготовить пришли въ Воскресенье утромъ до 12 часовъ, на имя Ѳедора Тимоѳеевича Стелловскаго, а лучше зайди къ нему самъ съ этимъ. Кабы къ Воскресенью и Ѳедоръ Михайловичъ припасъ что-нибудь.

Твой Аполлонъ.

1863 г. Марта 7.

Какъ видно Григорьевъ по своему обыкновенію задавался при этомъ дѣлѣ самыми высокими цѣлями. Но первый-же шагъ въ новомъ предпріятіи нажется и подорвалъ его бодрость. Москва подѣйствовала на Григорьева дурно. Вѣроятно воспоминанія прежней, болѣе молодой и горячей жизни пахнули на него на родинѣ и отуманили его. Онъ прогулялъ всѣ деньги, какія съ нимъ были и вернулся въ Петербургъ, не сдѣлавъ ничего для журнала.

«Якорь» началъ выходить въ апрѣлѣ. Надъ первыми нумерами Григорьевъ все-таки старался, писалъ передовыя статьи, заказалъ переводы любимыхъ произведеній и т. д. Но ничего особенно виднаго и складнаго изъ этого не вышло. Увидѣвъ неудачу, онъ вовсе опустилъ руки. Журналъ поплелся какъ попало. Въ это время Григорьевъ велъ особенно безпорядочную жизнь.

И все-таки выдался предметъ, который, можетъ быть чисто случайно, останавливалъ на себѣ въ это время весьма серьозное вниманіе Григорьева. Это былъ — театръ. Много прекрасныхъ страницъ написано Григорьевымъ въ «Якорѣ» о театрѣ вообще и

Digitized by Google

въ частности—объ оперѣ Сѣрова, о пьесахъ Островскаго, объ игрѣ П. В. Васильева и пр. Въ «Якорѣ», бывало, только и читались одни театральныя рецензіи, хотя онѣ и печатались мельчайшимъ шрифтомъ; въ силу этого журналъ пріобрѣлъ даже не малое значеніе въ театральномъ мірѣ... Какъ-то въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ разговоровъ со мной Григорьевъ сказалъ, что въ «Якорѣ» явилось можетъ быть лучшее изо всего, что онъ писалъ о театрѣ.

Въ эту полосу его дѣятельности началось изданіе «Эпохи»; въ первомъ же нумерѣ онъ явился въ ней съ своими театральными обозрѣніями. За тѣмъ принялся онъ и за продолженіе «Скитальчествъ», и наконецъ выступилъ и какъ литературный критикъ съ новымъ рядомъ статей, подъ названіемъ «Парадоксы органической критики». Это былъ послѣдній изъ его *неоконченныхъ* курсовъ.

И такъ, повидимому дѣло обѣщало пойти по прежнему; Григорьевъ писалъ тѣже три отдѣла, какъ и во «Времени». Но на самомъ дѣлѣ была большая разница; вслѣдствіе безпорядочной жизни Григорьевъ работалъ мало, въ сравненіи съ прежнимъ, и его денежныя неустройства не только не уменьшились, а даже увеличились. Въ концѣ іюня онъ опять попалъ въ долговое отдѣленіе. На нѣкоторое время онъ прибодрился, пересталъ пить, сталъ прилежнѣе работать; но это продолжалось не долго.... .

Что-то странное сбывалось съ Григорьевымъ въ это время. Помогать Григорьеву было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и для редакціи и для его пріятелей, такъ какъ онъ безпрестанно попадалъ въ бѣду; приходилось часто его пріятелямъ даже ходить за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ; все это оканчивалось тѣмъ, что послѣ большихъ или меньшихъ хлопотъ и стараній, онъ наконецъ приходилъ къ самообладанію и не имѣлъ уже нужды въ помощи. Но въ это послѣднее время казалось всякія хлопоты и старанія были безплодны; помощь не была помощью, потому что не дѣйствовала; деньги, которыя онъ бралъ, исчезали, какъ будто падали въ воду, и на другой день онъ опять нуждался и просилъ.

Мы недоумѣвали и не знали, что дѣлать. Капризъ на этотъ разъ тянулся очень долго и не поддавался намъ. Оставалось выждать, что онъ кончится самъ собою, какъ кончался прежде, когда былъ короче. Между тѣмъ очевидно дѣло было гораздо важнѣе, чѣмъ мы думали. Даже освобожденіе Григорьева изъ долгового отдѣленія, случившееся неожиданно, по желанію одной незнакомой ему дамы,

Digitized by Google

вмѣсто того, чтобы привести къ чему-нибудь лучшему, но измѣнило хода дѣла; странно сказать — можно даже подумать, что оно ускорило смерть попойника; онъ умеръ черезъ четыре дня послѣ своего освобожденія.

Литературные труды конечно иногда давали Григорьеву средства для достаточной и спокойной жизни; но для этого нужно было много работать, нужны были постоянныя усилія. Дѣло одинаково и не въ этомъ. Григорьевъ былъ вовсе не прихотливъ и собственно для жизни нуждался не въ многомъ. Въ спокойныя полосы, когда онъ работалъ, онъ часто не издерживалъ больше 25 рублей въ мѣсяцъ. Маленькій нумеръ какого-нибудь мелкаго трактирчика, наполненнаго и наполняющагося различнымъ русскимъ людомъ, или же одна изъ комнатъ большой квартиры, обращенной въ постоялый дворъ и по временамъ наполняющейся гамомъ и шумомъ — вотъ мѣста, въ которыхъ Григорьевъ любилъ селиться. Устроившись какъ попало, тамъ онъ писалъ, спокойный, ясный, принимаясь для отдыха за свою гитару, съ которой былъ неразлученъ. Въ такія времена онъ успѣвалъ много сдѣлать и много заработать; но потомъ все это шло прахомъ, все растрачивалось самымъ дѣтскимъ образомъ. Другого порядка его жизнь не имѣла въ послѣднее время.

Невыразимо странно мнѣ было слышать, когда бывало Григорьевъ пускался въ практическіе расчоты и соображенія Менѣе практическаго человѣка ни я, ни многіе другіе его знавшіе никогда и не встрѣчали. Ничего-то не умѣлъ онъ для себя сдѣлать; ни въ чемъ не умѣлъ соблюсти свои выгоды. Что-то истинно-дѣтское слышалось въ этихъ случаяхъ и въ рѣчахъ и въ поступкахъ Григорьева.

Въ послѣднее время, какъ я замѣтилъ, Григорьеву хотя незамѣтно, но начало измѣнять его здоровье; но внутренно онъ неизмѣнялся до конца; это былъ все тотъ-же Григорьевъ, весь преданный литературѣ и живущій ея интересами. Не забыть мнѣ моего послѣдняго свиданія съ нимъ, дней за десять до его смерти. Я пріѣхалъ къ нему въ долговое отдѣленіе, еще не зная, что меня ждетъ, не придется-ли отказаться отъ желанія потолковать съ нимъ. Первый взглядъ на вошедшаго Григорьева рѣшилъ мой вопросъ; его блѣдная орлиная фигура сіяла свѣтомъ мысли. Онъ началъ говорить о томъ, что намъ надобно начать борьбу съ извѣстными сторонами славянофильства. На эту тему, всегда горячо его занимавшую, и ко-

Digitized by Google

торой онъ не разъ касается въ своихъ письмахъ, его навела статья «Эпохи»: *Славянофилы побѣдили*. Онъ находилъ, что теперь, когда славянофилы находятся въ такомъ выгодномъ положеніи, нужно тѣмъ усерднѣе защищать противъ нихъ самобытную жизнь областей, тѣ зачатки ея, которые еще способны развиться въ будущемъ, которые подавлены Москвою и обнаружили сознаніе своей своеобразности противъ ея власти въ «смутное время»...

Разговоръ нашъ происходилъ утромъ, послѣ одной изъ тѣхъ ночей, которыя Григорьеву приходилось проводить безъ сна. «И вотъ, говорилъ онъ, шатаюсь я тутъ всю ночь по корридорамъ, пью чай, и всю ночь я какъ-будто разговариваю съ тобою, съ Бѣляевымъ, съ Аксаковымъ . . . . Спорю, опровергаю, самъ дѣлаю себѣ возраженія, и все это съ такою ясностію, съ такою силою, что если-бы записать все, что я передумалъ, то вышла-бы превосходнѣйшая статья, какую я только способенъ написать». Воодушевленіе Григорьева отличалось на этотъ разъ какою-то особенною живостію и силою. Тутъ невольно могло прійти на мысль, что *есть въ жизни что-нибудь повыше личнаго страданія*. Передъ этимъ человѣкомъ, больнымъ, одѣтымъ въ плохіе обноски и сидящимъ въ долговомъ отдѣленіи, и который однако-же всею душою погружается въ общій интересъ и объ немъ одномъ думаетъ всю безсонную ночь, передъ этимъ человѣкомъ стало-бы стыдно всякому, кто слишкомъ усердно носился-бы со своими личными интересами.

Какъ нарочно въ тотъ день прямо отъ Григорьева я попалъ въ другой кружокъ, гдѣ нашолъ хотя усердное, но такое холодное и безтолковое толченіе воды, что контраста болѣе рѣзкаго трудно было-бы пожелать. Тамъ было *вѣяніе*, а здѣсь — увы — одна будничная, медленная и тяжкая сутолока жизни.

Много пустоты, ничѣмъ не наполнимой, оставилъ по себѣ Григорьевъ для всѣхъ, кто зналъ его.

Необходимо привести здѣсь еще одинъ документъ, имѣющій большую важность, какъ увидятъ читатели. По смерти Григорьева, я нашолъ въ портфелѣ, который онъ бралъ у меня, листъ бумаги, кругомъ исписанный его рукою. Содержаніе этого листа очень насъ удивило. Вотъ оно съ необходимыми выпусками.

Digitized by Google

Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ.

Въ 1844 году я пріѣхалъ въ Петербургъ, весь подъ вѣяніемъ той эпохи и началъ печатать напряженнѣйшія стихотворенія, которыя однако очень интересовали Бѣлинскаго, чѣмъ ерундистѣе были.

Въ 1845 году они изданы книжкою. Отзывъ Бѣлинскаго.

Въ 1846 году я редактировалъ Пантеонъ и со всѣмъ увлеченіемъ и азартомъ городилъ въ стихахъ и повѣстяхъ ерундищу непроходимую. Но за то свою, не кружка.

Въ 1847 году, поэтому, за первый свой честный трудъ, за Антигону я былъ обруганъ Бѣлинскимъ хуже всякаго школьника.

Я уѣхалъ въ Москву, и тамъ несъ азартъ въ «Городскомъ Листкѣ», — но опять-таки свой азартъ — и былъ руганъ.

Вышла странная книга Гоголя и рука у меня не поднялась на странную книгу, проповѣдывавшую, что «съ словомъ надо обращаться честно.»

Вышла моя статья въ «Листкѣ», и я былъ оплеванъ буквально именемъ *подлеца* Герценомъ и его кружкомъ.

Въ 1848 и 1849 году я предпочелъ заниматься, пока можно было, въ потѣ лица работой переводовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ 1850 году послалъ, не надѣясь, что она будетъ принята — статью о Фетѣ. Приняли. Я сталъ писать туда лѣтопись московскаго театра. Не надолго. Не переварилась.

Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ, — въ которомъ *нашлись* всѣ мои, дотолѣ смутныя вѣрованія. Съ 1851 по 1854 г. включительно — энергія дѣятельности, — и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рта. Въ эту-же эпоху писались извѣстныя стихотворенія, во всякомъ случаѣ замѣчательныя искренностью чувства.

«Москвитянинъ» падалъ отъ адской скупости ..... «Современникъ» началъ заискивать Островскаго — и, какъ привѣсокъ, меня, думая что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ. Б—нъ (дотолѣ врагъ, оттолѣ пріятель) свелъ меня съ ними.

Съ 1853 по 1856 годъ, разумѣется урывками, переводился «Сонъ»; лѣтомъ 1856 года я *запродалъ* его Дружинину за 450 р.

Лѣтомъ же написана одна изъ серьознѣйшихъ статей моихъ — «Объ искренности искуства», въ «Бесѣдѣ». Молчаніе.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно я явился въ «Современникѣ» съ прозвищемъ «проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ.»

Въ 1857 выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего не пи-

Digitized by Google

салъ, а только думалъ. Результатомъ думы были статьи «Русскаго Слова» въ 1859 г.

Возвратъ вообще былъ блистательный. Сейчасъ-же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: 1) Venezia la bella, 2) Паризину Байрона и 3) «Сонъ» въ его будущее изданіе Шекспира.

Въ мое отсутствіе вышли только: 1) Мои стихотворенія лучшей, москвитяниновской эпохи жизни, у Старчевскаго въ «Сынѣ», 2) Статья о критикѣ въ «Библіотекѣ» (mention honorable съ готовымъ патентомъ на оберъ-критика) и «Сонъ».

При статьяхъ «Русскаго Слова» вотъ какъ: цензоръ Гончаровъ самъ занесъ мнѣ первую съ адмираціями. При послѣдующихъ — градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ о. .... хохота въ «Искрѣ» и пр. Не мало меня удивили потомъ братья Достоевскіе, Страховъ, Аверкіевъ мнѣніемъ о нихъ, — а особенно Ильинъ (*), катающій изъ нихъ наизусть цѣлыя тирады.

А мысли-то мои прежнія, москвитяниновскія — вообще всѣ какъ-то получили право гражданства.

Въ іюлѣ 1859 г. въ отъѣздъ графа Кушелева — я не позволилъ г. Хмѣльницкому вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина, Шевырева. Я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ.

Негдѣ было писать, — я сталъ писать въ «Русскомъ Мірѣ». Не сошлись. У Старчевскаго — не сошлись.

Въ 1860 году я получилъ приглашеніе и вызовъ. Я поѣхалъ на свиданіе и привезъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дружинина (*отнюдь вмѣсто Дудышкина*) «Пушкинъ — народный поэтъ», читалъ Каткову — очень нравилось. Отправился въ Москву черезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали, — а заставляли меня дѣлать какія-то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая впрочемъ ни одной изъ мною одобренныхъ (между прочимъ «Ярмарочныхъ Сценъ» Левитова) и печатая.... вещи Рамсы, Гарднеръ, обруганныя мною.... Зачѣмъ меня приняли? Богъ одинъ вѣдаетъ... Факты.

Опять въ Петербургъ. Начало «Времени». Хорошее время и время *недурныхъ* моихъ статей. Но съ четвертой покойнику М. М. стало какъ-то *жутко* частое употребленіе именъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хом. и проч.

(*) Одинъ изъ нашихъ общихъ друзей, еще совершенно неизвѣстный ни на какомъ поприщѣ.

Digitized by Google

Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ.

Воротился. Опять статьи во «Времени»... Пленцеевъ писалъ между прочимъ Михайлу Михайловичу, по поводу статей о Толстомъ, что «въ статьяхъ Григорьева найдешь всегда много поучительнаго.» Еще-бы...! Получше люди находили, — да еще тирады, какъ Ильинъ, наизусть катали!

Не дурное тоже время! Ярыя статьи о театрѣ — культъ Островскому и смѣлые упреки Гоголю за многое, безцензурно и безпошлинно.

Нецеремонно перенесъ три большихъ мѣста изъ старыхъ статей въ новыя, не находя нужнымъ этихъ мѣстъ передѣлывать. Опять «въ похищеніи гривенника» возрадовавшимися этому нашими врагами, и обвиненъ въ неизвинительной распущенности друзьями, забывшими, что цѣлый годъ «зеленаго наблюдателя», статьями цѣликомъ, какъ о Полежаевѣ, переносилъ въ «Записки» Бѣлинскій.

Запретъ «Времени». Горячія статьи въ «Якорѣ.»

Опять Эпоха. Опять и съ тѣми-же культами и тѣми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура!...

Ну и что-жъ дѣлать? Видно и съ «Эпохой», какъ критику, а не какъ другу конечно, приходится разставаться.... Тѣмъ болѣе.... но пора кончить.

1864 г. сентября 2.

Писано сіе конечно не для возбужденія жалости къ моей особѣ ненужнаго человѣка, а для показанія, что особа сія всегда, какъ въ тѣ дни, когда вѣрные 50 рублей Краевскаго за листъ мѣняла на невѣрные 15 рублей за листъ «Москвитянина»,—пребывала фанатически преданною своимъ самодурнымъ убѣжденіямъ.

Что же такое случилось? Чѣмъ вызванъ этотъ обзоръ всѣхъ литературныхъ неудачъ Григорьева? Редакторскою цензурою, говоритъ Григорьевъ. Но въ чемъ именно она состояла?

Григорьевъ умеръ 25 сентября, слѣдовательно недѣли три спустя послѣ того, какъ написалъ свой «послужной списокъ». Но когда мы стали читать этотъ списокъ, то мы никакъ не могли уже припомнить, какой бы случай могъ подать Григорьеву поводъ къ неудовольствію. Лучшее доказательство того, что случай былъ маловажный и былъ преувеличенъ впечатлительностью Григорьева.

Между Григорьевымъ и редакціею дѣйствительно было въ послѣднее время разногласіе: оно касалось Гоголя; но это былъ мирное разногласіе, вслѣдствіе котораго Григорьевъ только былъ вызванъ

Digitized by Google

на новыя статьи; именно онъ долженъ былъ изложить свои спорныя мнѣнія въ начатыхъ имъ «парадоксахъ органической критики».

Тотъ же *послужной списокъ*, который заключаетъ въ себѣ жалобу на журналъ, мнѣ кажется всего лучше и опровергаетъ эту жалобу. Два раза и только два Григорьевъ говоритъ въ немъ о *хорошихъ временахъ* въ своей литературной жизни И въ тотъ и въ другой разъ это были времена, когда онъ дѣятельно участвовалъ во «Времени», когда былъ окружонъ дѣйствительнымъ сочувствіемъ.

Во всякомъ случаѣ «Списокъ» очень ясно выражаетъ то постоянное недовольство своимъ литературнымъ положеніемъ, которое чувствовалъ Григорьевъ. На него какъ видно сильно дѣйствовали — и брань, которой онъ подвергался, и молчаніе, которымъ обходили его дѣятельность. Очевидно до самого конца Григорьевъ не могъ разсмотрѣть своего дѣйствительнаго положенія и считалъ его гораздо хуже, чѣмъ оно было. Онъ удивлялся, встрѣчая неожиданно своихъ почитателей, и точно также удивлялся брани на себя, какъ будто она тоже была неожиданностію. Онъ слишкомъ мало цѣнилъ своихъ незнакомыхъ и невидимыхъ почитателей, и слишкомъ высоко ставилъ своихъ публичныхъ хулителей. Что касается до брани, то его преувеличеніе мнѣ всегда казалось несправедливымъ, и я часто бывало старался разубѣдить его въ важности нападокъ, когда онѣ вдругъ наводили на него уныніе. Но несравненно справедливѣе другая его жалоба, именно жалоба на *молчаніе* о его дѣятельности. Дѣйствительно никто такъ мало не встрѣчалъ публичныхъ заявленій сочувствія, какъ Григорьевъ. Это молчаніе вѣяло на него холодомъ и пустотою, и не мудрено, что онъ ошибался въ своемъ положеніи и смотрѣлъ на него такъ мрачно.

И вообще болѣе всякого другаго Григорьевъ испыталъ всѣ тѣ невзгоды, всѣ тѣ неудобства, бѣдствія и превратности, какія могутъ встрѣтиться въ литературной жизни.

Литераторъ онъ былъ настоящій, т. е. не взявшійся за перо случайно, хотя-бы при нѣкоторой охотѣ и способности къ писанію, а напротивъ полный идей, захватывавшихъ все его существо и требовавшихъ себѣ исхода и выраженія. Сочиненія его, полнаго изданія которыхъ нельзя не ждать съ нетерпѣніемъ, представятъ цѣлыя громады мыслей, въ которыя всматриваться будетъ долго поучительно. Въ нихъ найдетъ себѣ неистощимую пищу всякій, кто дѣйствительно любитъ и уважаетъ литературу и искуство. Удивитель-

Digitized by Google

ная глубина и ширина взгляда, даже теряющагося и расплывающагося только по причинѣ своей глубины и ширины, давала Григорьеву возможность дѣлать намеки и указывать черты, которыя уловлены съ поразительною вѣрностію, хотя и остаются чертами и намеками. Тутъ обширное поприще для изученія и пониманія. Нѣтъ писателя, у котораго-бы въ писаніяхъ такъ мало было *сочиненія* и такъ много *жизни*, какъ у Григорьева. Оттого-то они такъ любопытны, такъ обильны содержаніемъ.

Григорьевъ писалъ, увлекаемый своими вѣяніями; онъ сливался съ предметомъ, наполнявшимъ его мысли. Что-же вышло? Его встрѣтили недоразумѣніемъ, насмѣшками, глумленіемъ. Онъ не хотѣлъ да и не могъ какъ-нибудь примѣниться къ тону, языку, пріемамъ, господствовавшимъ въ литературѣ. По этому такъ часто онъ вовсе не находилъ журнала, гдѣ-бы могъ писать, что хотѣлъ. Григорьевъ не былъ-бы Григорьевымъ, если-бы изъ него могъ выйти журнальный работникъ, который, подчиняясь случаямъ и надобности, пишетъ о томъ или о другомъ.

Отсюда понятно, что для него менѣе чѣмъ для кого нибудь другаго было возможно устроить себѣ правильный и ровный доходъ. Кромѣ того, и въ случаѣ дѣятельной работы, — зависимость отъ минуты, отъ расположенія духа, кажущаяся легкость труда, утомленіе, тѣмъ болѣе опасное, что подходитъ незамѣтно, отсутствіе всякой нити, которая-бы механически регулировала работу и распредѣляла время, — все это вело къ житейскому безпорядку и со всѣмъ этимъ менѣе всякой другой могла справиться непрактическая натура Григорьева.

Все это однакоже еще ничего не значитъ; даже то, что въ литературѣ не было признано за нимъ настоящаго мѣста и значенія, еще не составляло самого большого зла. Главное, отъ чего страдалъ Григорьевъ, было его постоянное стремленіе къ энтузіазму, къ тому самому энтузіазму, въ которомъ заключалась вся его сила, какъ критика и писателя. Минуты, когда онъ постигалъ самыя тайныя біенія жизни, воплощенныя искуствомъ, были настоящими живыми минутами Григорьева. Но за ними слѣдовалъ упадокъ силъ, при которомъ весь личный міръ человѣка тускнѣетъ и обезцвѣчивается; неизбѣжно слѣдовало смутное и тревожное исканіе идеала въ своей собственной жизни. Вотъ почему Григорьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени *напряжонный*, какъ онъ самъ выражается о своихъ

Digitized by Google

первыхъ стихотвореніяхъ, хотя въ тоже время совершенно искренній. Онъ ни въ чемъ не могъ помириться на серединѣ. Онъ старался возводить свои мысли и чувства до идеальной глубины и чистоты; если-же обрывался въ этихъ усиліяхъ, то прямо переходилъ въ противоположную крайность и погружался въ безпорядокъ жизни съ какимъ-то сладострастіемъ цинизма. Эти безпрестанныя противоположности поражали всякого, кто въ первый разъ узнавалъ Григорьева; они сломали его жизнь и подорвали его крѣпкую натуру.

Увы! Очевидно Григорьевъ не былъ властителемъ тѣхъ силъ, которыя въ немъ жили; не онъ управлялъ ими, а они имъ. Недаромъ, какъ лучшею похвалою онъ хвалится своею искренностію, своимъ нелицемѣрнымъ служеніемъ духу, въ немъ вѣявшему. Какъ-то въ одинъ изъ послѣднихъ разговоровъ съ нимъ, я сказалъ ему объ одномъ вопросѣ: «ты знаешь, что я не согласенъ съ тобою въ этомъ случаѣ; можетъ быть ты однако же болѣе правъ...» «Правъ я или не правъ, перебилъ онъ меня, этого я не знаю; я — вѣяніе!»

И вотъ силы, которыя онъ носилъ въ себѣ, износили его самого; онъ умеръ, сжигаемый огнемъ своего вѣянія.

Григорьевъ былъ средняго роста и имѣлъ прекрасную наружность, поражавшую соединеніемъ силы и граціи; въ немъ дѣйствительно была грандіозность, такъ шедшая къ его напряжонной натурѣ. Сѣрые глаза, небольшіе, но замѣчательно далеко разставленные одинъ отъ другого, имѣли необыкновенный блескъ, поразившій меня, когда я его увидѣлъ въ первый разъ. Носъ орлиный. Руки, съ которыми онъ обращался крайне небрежно, были малы, нѣжны и красивы какъ у женщины.

Н. СТРАХОВЪ.

14-го ноября 1864 г.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ

Никакъ не могу умолчать о томъ, что въ первомъ письмѣ Григорьева касается меня и покойнаго моего брата. Тутъ есть ошибки, и по нѣкоторымъ изъ нихъ полную правду могу возстановить только я; я былъ тутъ самъ дѣятелемъ, а по другимъ фактамъ личнымъ свидѣтелемъ.

1) Слова Григорьева: «Слѣдовало не загонять какъ почтовую лошадь высокое дарованіе Ѳ. Достоевскаго, а холить, беречь его и удерживать отъ фельетонной дѣятельности, которая его окончательно погубитъ и литературно и физически»...—никоимъ образомъ не могутъ быть обращены въ упрекъ моему брату, любившему меня, цѣнившему меня, какъ литератора, слишкомъ высоко и пристрастно и гораздо болѣе меня радовавшемуся моимъ успѣхамъ, когда они мнѣ доставались. Этотъ благороднѣйшій человѣкъ не могъ употреблять меня въ своемъ журналѣ, какъ почтовую лошадь. Въ этомъ письмѣ Григорьева очевидно говорится о романѣ моемъ: «Униженные и Оскорбленные», напечатанномъ тогда во «Времени». Если я написалъ фельетонный романъ (въ чемъ сознаюсь совершенно), то виноватъ въ этомъ я и одинъ только я. Такъ я писалъ и всю мою жизнь, такъ написалъ все, что издано мною, кромѣ повѣсти «Бѣдные люди» и нѣкоторыхъ главъ изъ «Мертваго Дома». Очень часто случалось въ моей литературной жизни, что начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи и въ наборѣ, а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но *непремѣнно* должно было написаться къ завтраму. Привыкнувъ такъ работать, я поступилъ точно также и съ «Униженными и Оскорбленными», но никѣмъ на этотъ разъ непринуждаемый, а по собственной волѣ моей. Начинавшемуся журналу, успѣхъ котораго мнѣ былъ дороже всего, нуженъ былъ романъ, и я предложилъ романъ въ четырехъ частяхъ. *Я самъ* увѣрилъ брата, что весь планъ у меня давно сдѣланъ (чего не было), что писать мнѣ будетъ легко, что первая часть уже написана и т. д. Здѣсь я дѣйствовалъ не изъ за денегъ. Совершенно сознаюсь что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки,

Digitized by Google

а не лица, принявшія художественную форму (на что требовалось дѣйствительно время и *выноска* идей въ умѣ и въ душѣ). Въ то время какъ я писалъ, я разумѣется, въ жару работы, этого не сознавалъ, а только развѣ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрно, начиная тогда писать: 1) что хоть романъ и не удастся, но въ немъ будетъ поэзія, 2) что будетъ два — три мѣста горячихъ и сильныхъ, 3) что два наиболѣе серьозныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно и *даже* художественно. Этой увѣренности было съ меня довольно. Вышло произведеніе дикое, но въ немъ есть съ полсотни страницъ, которыми я горжусь. Произведеніе это обратило впрочемъ на себя нѣкоторое вниманіе публики. Конечно, я самъ виноватъ въ томъ, что всю жизнь такъ работалъ и соглашаюсь, что это очень нехорошо, но...

Да проститъ мнѣ читатель эту рацею о себѣ и о «*высокомъ дарованіи*» моемъ, хотя-бы въ томъ уваженіи, что я первый разъ въ жизни заговорилъ теперь самъ о своихъ сочиненіяхъ. Но повторяю, въ фельетонствѣ моемъ я самъ былъ виноватъ и никогда, никогда благородный и великодушный братъ мой не мучилъ меня работой... Добрый Аполлонъ Александровичъ, съ которымъ я сошолся гораздо ближе впослѣдствіи, всегда слѣдилъ за моей работой съ горячимъ участіемъ и это объясняетъ слова его. Онъ только не зналъ на этотъ разъ въ чемъ дѣло.

2) Н. Н. Страховъ хоть и представляетъ далѣе въ статьѣ своей коментарій на слова моего брата, приведенные Аполлономъ Григорьевымъ о Кирѣевскомъ, Хомяковѣ и О. Ѳеодорѣ, но такъ какъ я самъ былъ тутъ, при этомъ разговорѣ, то считаю, какъ личный свидѣтель, не лишнимъ разъяснить эти слова въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

Аполлонъ Григорьевъ весьма часто упоминалъ во «Времени» о Хомяковѣ и Кирѣевскомъ, и упоминалъ всегда такъ, какъ хотѣлъ, потому что сама редакція «Времени» вполнѣ ему сочувствовала. Но то было худо, что часто онъ *неумѣло* упоминалъ объ этихъ лицахъ, потому что говорилъ о нихъ голословно. Масса читателей тянула тогда совершенно въ другую сторону; про Хомякова и Кирѣевскаго было извѣстно ей только то, что они *ретрограды*, хотя впрочемъ эта масса ихъ никогда и не читала. Слѣдовало знакомить съ ними читателей, но знакомство это дѣлать осторожно, *умѣючи*, постепенно, болѣе проводить ихъ духъ и идеи чѣмъ губить ихъ на то время громкими и голословными похвалами. Оттого-то какой-нибудь тогдашній прогрессистъ, раскрывая книгу и наталкиваясь прямо на слова: «великіе мыслители Хомяковъ, Кирѣевскій, О. Ѳеодоръ» — съ презрѣніемъ закрывалъ журналъ не читая, а Григорьева называлъ сумасшедшимъ и смѣялся надъ нимъ.

Покойный братъ мой, излагая все это Григорьеву въ совершенно дружескомъ разговорѣ, при которомъ я тогда присутствовалъ и въ которомъ участвовалъ, заключилъ такими словами: «Помилуйте, да каждый читатель послѣ этого совершенно вправѣ васъ спросить: какіе-же

Digitized by Google

глубокіе мыслители Кирѣевскій и Хомяковъ?» (т. е. когда вы не объясняли этого, а написали голословно).

Но Григорьевъ никогда не понималъ такихъ требованій. Въ немъ рѣшительно не было этого такта, этой гибкости, которыя требуются публицисту и всякому *проводителю идей*. Даже такъ случалось, что послѣ подобныхъ объясненій ему иногда казалось, что отъ него требуютъ отступничества отъ прежнихъ убѣжденій.

3) Совершенная правда, что въ журналѣ въ первые годы его существованія были колебанія, — не въ направленіи, а въ способѣ дѣйствія. Были тоже ошибки въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ. Но направленіе могло только *формулироваться* съ годами. Имѣть направленіе и умѣть его ясно и всѣмъ понятно формулировать — дѣло розное. Послѣднее пріобрѣтается опытомъ, временемъ, жизнію и находится въ прямомъ отношеніи къ развитію самаго общества. Отвлеченная формула не всегда годится. Кому есть что сказать, тотъ знаетъ какъ иногда трудно высказаться. Рутинныя формулы, взятыя на прокатъ, да еще заднимъ числомъ, т. е. когда уже всѣ о нихъ имѣютъ нѣкоторое понятіе, гораздо болѣе удаются, болѣе нравятся обществу, чѣмъ незнакомыя ему убѣжденія. Только обносившіяся идеи *очень* понятны. Въ прежнихъ ошибкахъ мы готовы сознаться искренно; но вѣдь мы не могли ихъ тогда видѣть сами, именно потому, что и тогда дѣйствовали по твердому убѣжденію.

4) Что-же касается до того: пускать-ли того или другого въ сотрудники, или до требованія человѣка новаго и свѣжаго для Политическаго обозрѣнія и проч. и проч., то этими требованіями Аполлонъ Григорьевъ только доказалъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практической сторонѣ изданія журнала. Если положимъ К. и М., съ образомъ мыслей которыхъ журналъ вполнѣ несогласенъ, представятъ къ напечатанію въ редакцію журнала такія статьи, которыя на этотъ разъ не противурѣчатъ его главной идеѣ, его направленію, а между тѣмъ сами по себѣ любопытны и даже талантливы, то эти статьи, разумѣется, можно напечатать. Иначе ни одинъ журналъ не состоится. Также точно нельзя не ошибиться, хоть разъ, въ напечатаніи какой-нибудь неудачной драмы или повѣсти. Ошибался и Аполлонъ Григорьевъ, а такое требованіе съ его стороны было слишкомъ строго. Требованіе же «новаго и свѣжаго человѣка» для Политическаго обозрѣнія — было еще строже. Требовать вдругъ *всего*, — было невозможно. Впослѣдствіи «Политическое обозрѣніе» во «Времени» составлялось весьма талантливо и замѣчательнымъ сотрудникомъ: но и оно далеко не выражало направленія журнала. Трудно сразу отыскать для каждаго отдѣла людей съ талантами, равносильными таланту Островскаго, да еще начинающему журналу. Уже довольно того, что журналъ ищетъ этихъ людей и сознаетъ ихъ необходимость. Но всего досаднѣе въ подобныхъ случаяхъ то, что такого сотрудника, въ данный моментъ, можетъ и совсѣмъ на свѣтѣ не быть.

Digitized by Google

Сдѣлаю еще одно послѣднее, общее замѣчаніе. Въ этихъ великолѣпныхъ, *историческихъ* письмахъ, въ которыхъ не звучитъ ни одной фальшивой, (неискренней) ноты и въ которыхъ такъ типично, хотя все еще не вполнѣ, обрисовывается одинъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего времени (настоящихъ Гамлетовъ), — въ этихъ великолѣпныхъ письмахъ, говорю я, не все и теперь можетъ быть взято редакціею «Эпохи» безъ оговорокъ. Безъ сомнѣнія каждый литературный критикъ долженъ быть въ тоже время и самъ поэтъ; это, кажется, одно изъ необходимѣйшихъ условій настоящаго критика. Григорьевъ былъ безспорный и страстный поэтъ; но онъ былъ и капризенъ и порывистъ какъ страстный поэтъ. Я не о томъ собственно говорю, что онъ *увлекался*, — фраза, которую некрологисты его (изъ которыхъ безъ сомнѣнія рѣдкій и читалъ Григорьева) обратили въ пошлое выраженіе. Григорьевъ былъ хоть и настоящій Гамлетъ, но онъ, начиная съ Гамлета Шекспирова, и кончая нашими русскими, современными Гамлетами и гамлетиками, былъ одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ, которые менѣе прочихъ раздваивались, менѣе другихъ и рефлектировали. Человѣкъ онъ былъ непосредственно, и во многомъ даже себѣ-невѣдомо — почвенный, кряжевой. Можетъ быть изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ былъ наиболѣе русскій человѣкъ, какъ натура (не говорю какъ идеалъ; это разумѣется). Отъ этого и происходило, что малѣйшій порывъ свой въ общемъ дѣлѣ, онъ считалъ до того *кровнымъ* и необходимымъ *для всего* дѣла, до того неразрывнымъ съ дѣломъ, что малѣйшее неудовлетвореніе этому порыву, казалось ему иногда паденіемъ всего дѣла. И такъ какъ раздваивался жизненно онъ менѣе другихъ, и, раздвоившись, не могъ также удобно, какъ всякій «герой нашего времени», одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже въ прекрасныхъ стихахъ, съ самообожаніемъ, и съ нѣкоторымъ гастрономическимъ наслажденіемъ, — то и заболѣвалъ тоской своей весь, цѣликомъ, *всѣмъ человѣкомъ*, если позволятъ такъ выразиться. Въ этомъ настроеніи написаны и письма его.

«Я критикъ, а не публицистъ», говорилъ онъ мнѣ самъ нѣсколько разъ и даже не задолго до смерти своей, отвѣчая на нѣкоторыя мои замѣчанія. Но всякій критикъ долженъ быть публицистомъ, въ томъ смыслѣ, что обязанность всякаго критика — не только имѣть твердыя убѣжденія, но *умѣть* и проводить свои убѣжденія. А эта-то *умѣлость* проводить свои убѣжденія и есть главнѣйшая *суть* всякаго публициста. Но Григорьевъ, судя о словѣ *публицистъ* съ предубѣжденіемъ, — по нѣкоторымъ частнымъ примѣрамъ бывшихъ у насъ публицистовъ, — не хотѣлъ даже и понимать чего отъ него добивались, и, кто знаетъ, по своей гамлетовской мнительности, можетъ быть думалъ, что отъ него добиваются отступничества.

Я полагаю, что Григорьевъ не могъ-бы ужиться вполнѣ спокойно

Digitized by Google

ни въ одной редакціи въ мірѣ. А еслибъ у него былъ свой журналъ, то онъ-бы утопилъ его самъ, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ основанія.

Но я радъ чрезвычайно, что публика и литература могутъ яснѣе узнать, по этимъ письмамъ Григорьева, какой это былъ правдивый, высоко-честный писатель, не говоря уже о томъ, до какой глубины доходили его требованія и какъ серьозно и строго смотрѣлъ онъ всю жизнь на свои собственныя стремленія и убѣжденія.

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

Digitized by Google

ПАМЯТИ А. А. ГРИГОРЬЕВА

Тебя я зналъ! Ты былъ одинъ изъ нихъ,
Изъ тѣхъ людей, чья жизнь полна тревоги,
Глубокихъ думъ, восторговъ молодыхъ...
Кого влекутъ таинственные боги
Всесильно въ міръ страданій роковыхъ;
Кто жаждетъ жить со всею полнотою...
Ты самъ сказалъ: «Хоть мигъ — и тотъ за мною»!
И правъ-ли ты, иль дерзко виноватъ —
Не намъ судить! О, вѣрь, нашъ милый братъ,
Учитель нашъ восторженный, но строгій, —
Ты дорогъ намъ за то что вѣрилъ много!

К. БАЙКОВЪ.

Digitized by Google

ЧТОБЫ КОНЧИТЬ

ПОСЛѢДНЕЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ СОВРЕМЕННИКОМЪ

Господа Современники, въ іюльской книгѣ нашей, по поводу двухъ вашихъ статей объ «Эпохѣ», сотрудникъ нашъ Ѳ. Достоевскій, написалъ о васъ заявленіе, самое необходимое, — въ три страницы. На это вы отвѣчаете полемикой ровно *въ сорокъ восемь страницъ!* Насъ и прежде поражало ваше необузданное многословіе, а теперь мы просто въ смущеніи; ибо невольно рождается неразрѣшимый вопросъ: Что-же будетъ если мы напишемъ вамъ уже не три страницы, а шесть страницъ или восемь страницъ? Что будетъ, наконецъ, еслибъ мы рискнули написать вамъ тоже сорокъ восемь страницъ? Въ послѣднемъ случаѣ даже и представить себѣ ужасно что будетъ.

И не скажетъ-ли всякій, читая васъ: «Кчему тамъ у нихъ такой шумъ, такой стукъ и азартъ? Куда текутъ эти многоводныя рѣки полемики? Стало быть есть же что-нибудь, что ихъ *не шутя растревожило?*» Слышите? Дѣйствительно, вѣдь только отъ смущенія и замѣшательства можно попасть въ такую однообразную и скучную колею, въ какую вы попали — и не замѣчать этого. Ну не изображаете-ли вы

Digitized by Google

такимъ образомъ собою эмблему испуганной коровы, попавшей на рельсы желѣзной дороги и которую догоняетъ вагонъ. Случай рѣдкій, но возможный. Объятая смущеніемъ, сама еще не вѣря своему несчастью, лупитъ она

все прямо, все прямо по рельсамъ, въ прискокъ,

все одной и той-же колеей, не догадываясь, наивная, что стоитъ ей только на минуту покинуть рельсы и взять капельку вправо — и она спасена, и можетъ опять давать молоко! Въ этой яркой картинѣ вы, по простодушію вашему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по нѣкоторой неуклюжести вашей, какъ-бы изображаете собою вышеозначенное наивное созданіе, а ваши увлеченія и дурныя страсти — изображаютъ вагонъ, наполненный самими же вами и вашими статьями. Такимъ образомъ вы губите и давите себя сами, а между тѣмъ — увы! — можетъ быть и вы-бы могли давать молоко! Но глухъ и слѣпъ современный человѣкъ, и безслѣдно проходятъ для него примѣры изъ всемірной исторіи!

Сорокъ восемь страницъ отвѣта на три страницы! И неужели вы не сообразили, что это не только безтактно, но и бездарно; что можно отвѣчать и двумя страницами, но такъ что и на двухъ страницахъ (если вы правы), можно совершенно разрушить своего противника, и даже также окончательно какъ напримѣръ, года три назадъ, Антоновичь (хотя и не на двухъ страницахъ и хотя вовсе былъ неправъ), разрушилъ г. Тургенева. Ну кто, скажите еще помнитъ теперь о г. Тургеневѣ? И напротивъ, какъ великъ сталъ Антоновичь! Вспомните тоже полемическія статьи господина Пушкина. Написать столько страницъ, самой неестественной ругани, на три страницы, самой вѣжливой, въ своемъ родѣ, замѣтки, значитъ самимъ признаться: во-первыхъ, что выкороче написать *не умѣете* (что очень печально!), а во-вторыхъ, что у васъ недостаетъ аргументовъ, потому что неестественная ругань у русскаго человѣка начинается только тогда, когда у него уже нѣтъ аргументовъ. Помните поговорку: «Юпитеръ, ты сердишься, стало быть ты не правъ.» Ну, а если кому-же сердится совсѣмъ и не Юпитеръ, а напримѣръ всего только вы, такъ вѣдь тогда выходитъ комизмъ. Что еще простительно Юпитеру, то вамъ непростительно.

И наконецъ, совсѣмъ что-ли глупою считаете вы публику? Считаете-ли вы, что ее можно увѣрить во всемъ въ чемъ угодно, — въ томъ, напримѣръ, что сказать: «вашъ докторъ дуракова плѣшь»—зна-

Digitized by Google

читъ совершенно тоже самое, что проговорить просто и вообще слово: «докторъ»? Въ томъ-ли напримѣръ, что повѣсть, которою мы огрѣшились прошлаго года: «о разбитой чашкѣ и о кулакахъ въ стѣну» (вызванная гораздо грубѣйшей, предварительной статьей «Современника», о чемъ вы забыли упомянуть),—можетъ быть названа, такою-же точно личностью, какъ прямое въ глаза: «Шваль, ракалья, издыхающая тварь»? Замѣтимъ кстати, что эта повѣсть о «разбитой чашкѣ» (которой впрочемъ уже полтора года), хоть и груба, хоть и невѣжлива (въ чемъ сознаемся безспорно), но ужь потому одному не можетъ быть названа прямою, настоящею личностью, что никому изъ разумныхъ читателей въ мірѣ и въ голову не придетъ, что тутъ описывается дѣйствительное приключеніе, чтобъ подглядѣть которое намъ надо было, какъ вы говорите подкупать кухарку. Это просто была карикатура, имѣвшая цѣлью осмѣять чрезвычайную личную раздражительность нашего прошлогодняго опонента, сдѣлавшаго изъ законнѣйшаго спора (между прочимъ объ осмѣяніи г. Тургенева, какъ частнаго лица, единственно въ угоду редакціи «Современника»)—совершенно личный споръ. Карикатуры позволительны, а рѣзкость нашей карикатуры, повторяю, была вызвана *предварительно* такими выходками отъ нашего опонента, которыя конечно были вдвое грубѣе нашей карикатуры.

Равномѣрно, пойметъ публика, что вовсе нельзя назвать сплетней слухи, напечатанные нами (съ большими оговорками) о томъ, что г. Щедринъ уѣзжаетъ въ Москву съ какимъ-то постороннимъ сатирикомъ издавать собственный свой журналъ. Этотъ слухъ, равно какъ и всѣ тѣ слухи, о которыхъ мы тогда напечатали, не нами были сочинены, а существовали дѣйствительно, оправдывались противорѣчіями въ направленіи г. Щедрина и Современника; а главное въ томъ, что всѣ эти слухи, хотя и подсмѣиваясь мы ихъ тогда помѣстили, не приносятъ ни малѣйшаго безчестія г. Щедрину. Убѣжать-же въ Москву отъ Современника не только не безчестно, но даже и разумно. Сплетней, милостивые государи, называется собственно то, когда *сознательно лгутъ* съ цѣлью обезчестить человѣка, или какъ-нибудь повредить ему въ глазахъ общества. Когда-же взводятъ на человѣка капитальное обвиненіе, *навѣрно* зная, что тому человѣку по нѣкоторымъ причинамъ невозможно защищаться и отвѣтить, тогда уже выходитъ нѣчто позорящее сплетника, тѣмъ болѣе, что правда, рано-ли поздно-ли, а всегда открывается. — И наконецъ, чтобы заключить этотъ пунктъ,—неужели вы думаете, что публика не догадается, наконецъ, что вся эта безпримѣрная въ лѣтописяхъ россійской словесности ругань,—должна же имѣть у васъ побужденіе гораздо серьоз-

Digitized by Google

нѣйшее, чѣмъ по видимому выставляется? Вѣдь вы ужь однимъ азартомъ вашимъ сами себя съ руками выдаете и не догадываетесь объ этомъ.

И кому вы служите (о близорукіе), этимъ азартомъ! Знаете-ли, знаете-ли вы кому вы всѣмъ этимъ прислуживаете? Дѣти вы! «Мастеры» вы, а не «Мистеры»! (*)

Впрочемъ мы рѣшились васъ успокоить совершенно и заявить вамъ, разъ навсегда, что впредь вы никакихъ болѣе отвѣтовъ на эту тему отъ насъ не дождетесь; это послѣдній. Извините пожалуста что теперь отвѣтили: но не возможно было не высказать кой-чего на прощаньи. Въ прошломъ номерѣ «Эпохи» мы попробовали-было не упоминать о васъ почти вовсе, надѣясь что и вы перестанете. Но видимъ теперь, что вамъ невозможно перестать, что вы жаждете отвѣта, что вы жаждете сцѣпиться, что вамъ хочется еще страницъ пятьсотъ написать. Ну такъ и ждите-же!—Не будетъ вамъ болѣе отъ насъ отвѣта, хотя бы вы ругались еще три года. (Другое дѣло идеи, «проводимыя» вашимъ журналомъ, о нихъ мы еще будемъ говорить не разъ, тѣмъ болѣе, что идеи не ругань, хотя съ нѣкотораго времени, все труднѣе и труднѣе становится различить,—что такое у васъ идеи и что у васъ ругань? Сами вы спутались и очевидно принимаете одно за другое).

На прощаньи, чтобъ закончить *совсѣмъ* нашу съ вами *полемику*, мы хотимъ вамъ сказать словечка два—какъ бы вы думали, о чемъ?—О стрижахъ. — Мы давно объ этомъ хотѣли сказать словцо, да все не хотѣлось связываться. Ну а теперь, такъ какъ ужь дѣло кончается, по крайней мѣрѣ съ нашей стороны, и намъ по всей вѣроятности уже не придется болѣе возвращаться къ этой *темѣ*, такъ отчего-жъ и не высказаться? И такъ знайте, что *стрижи*, по нашему мнѣнію—очень хорошенькія птички: во-первыхъ, они красивы, а во-вторыхъ, предвѣщаютъ ясную погоду. (*) Вспомните начало одного стихотворенія:

Жди яснаго назавтра дня:
Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

(*) *Мастеры* не значутъ впрочемъ *мастера*. Дѣлаемъ это примѣчаніе собственно для незнающихъ англійскаго языка.

(*) Памятный Современнику сотрудникъ нашъ г. Игдевъ, доставилъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, въ нашу редакцію учоно-полемическую

Digitized by Google

Предвѣщать ясную погоду — очень лестно, особенно теперь, въ наше время. И кто же, — вы, — дали намъ это названье! — Что можетъ быть лучше ясной погоды, ясныхъ, тихихъ, миротворныхъ дней! Что можетъ быть лучше какъ *предвѣщать* эти грядущіе дни, стремиться къ нимъ и ободрять другихъ въ этомъ стремленіи... Это ужъ совсѣмъ не то что «посылать шиши въ безпредѣльное пространство и считать ихъ разрушительными гранатами», — какъ выразились о васъ Отеч. Записки. Въ томъ-то и вся разница между нами: мы ясную погоду предвѣщаемъ, а вы — посылаете шиши въ безпре-

---

статью о предпослѣдней ругани Современника, съ эпиграфомъ изъ Островскаго: «*Да вы не очень, а то я испугаюсь.*» Но мы не напечатали тогда эту статью, собственно потому, что она ужъ очень снисходительна къ «Современникамъ»; ибо г. Игдевъ самъ съ ними схватывается и даже ругается; ну, а ужъ это значило ихъ баловать. Но въ статьѣ этой есть трактатъ о стрижахъ, изъ котораго мы и беремъ два-три мѣста на выдержку:

«Стрижъ, — птица весьма почтенная и, какъ всѣмъ извѣстно, хорошую погоду предвѣщающая.... Это такъ называемая «береговая ласточка» (Hirundo riparia Cuv.), русское названіе которой — стрижъ — происходитъ отъ корня *стри*, означающаго быстроту (вспомните въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: «Се вѣтры, *Стри*божи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами» и проч., или прочтите объясненіе этого мѣста у г. Буслаева). Такое названіе дано имъ по изумительной быстротѣ ихъ полета, о которомъ обыкновенно говорится: «стрижи *мелькаютъ*». Въ общей родовой характеристикѣ Кювье говоритъ о нихъ, что ихъ кости «indiquent, même dans le squelette, à quel point ces oiseaux sont disposés pour un vol vigoureux», т. е. показываютъ даже въ скелетѣ до какой степени способны эти птицы къ могучему полету. Скажите пожалуста что-же браннаго и обиднаго въ названіи ««стрижи»? Я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ»....

И т. д. Тутъ-ужъ почтенный авторъ начинаетъ съ ними *схватываться*.... Но вотъ еще выдержка:

«.... Значитъ что-же дурного въ стрижахъ? Ужъ не то-ли, что они истребляютъ насѣкомыхъ? Удивительно, какъ не пришло вамъ на мысль, что воспользовавшись вами-же даннымъ прозвищемъ, мы сравнимъ васъ съ насѣкомыми, которыя завидя страшную для нихъ птицу...» и т. д. и т. д. Тутъ опять схваточка.

Digitized by Google

дѣльное пространство. И такъ пусть мы будемъ *стрижи*, а вы — угадываете-ли теперь кто вы такіе?

Но довольно!... Вотъ вамъ ужъ не на сорокъ восемь, а покрайней мѣрѣ на шестьдесятъ или на семдесятъ страницъ матеріалу.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. ЛОХВИЦКАГО:

Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія.

Недавно вышедшая въ свѣтъ диссертація г. Лохвицкаго: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія», написана имъ для полученія степени доктора государственнаго права. Трудъ этотъ распадается: на теорію провинцій; на историческое изложеніе характера губерній въ связи съ государственнымъ устройствомъ древней русской жизни и на разборъ положеній 1-го января 1864 г. о губернскихъ и земскихъ учрежденіяхъ.—Касаться «теоріи провинцій» г. Лохвицкаго, мы не станемъ, такъ какъ теоретическій трактатъ не входитъ въ програму нашего обозрѣнія. При томъ г. Лохвицкій хотя и имѣлъ желаніе разграничить въ ней понятія: централизаціи, децентрализаціи, гувернементализма и индивидуализма, но, какъ намъ кажется, недостигъ точной и ясно опредѣленной разработки ихъ. Объ исторической части сочиненія г. Лохвицкаго также нельзя иначе говорить, какъ разбивъ его на два отдѣла: на періодъ русской жизни до Петра Великаго, и отъ реформъ его включительно по наше время, такъ какъ эти періоды представляютъ между собою рѣзкій контрастъ, а именно: послѣдній отличается систематичностью изложенія и точностью изслѣдованій, тогда какъ періодъ допетровскій разработанъ весьма не удачно и лишонъ почвенныхъ началъ, а именно: г. Лохвицкій доказываетъ въ немъ, что въ древней русской жизни не было провинціальной жизни. Но ставить такъ капитальные историческіе вопросы зна-

Digitized by Google

чить воспроизводить исторію по предварительно начертанному плану, а не излагать ее по живымъ фактамъ. Иначе авторъ бездоказательно не утверждалъ-бы, что въ древней Руси не было вовсе самоуправленія, что *губныя и уставныя грамоты* имѣли значеніе не самоуправленія, а финансовой мѣры, выгодной для центральнаго правительства. Къ такому выводу могла привести г. Лохвицкаго именно только одна фантазія, но не характеръ *грамотъ*. И еслибы онъ разсмотрѣлъ ихъ повнимательнѣе, то убѣдился бы, что *грамоты* давали значеніе мѣстному самоуправленію, какъ-то: право на самостоятельную юрисдикцію и выборъ своихъ сборщиковъ податей безъ всякаго вмѣшательства центральной власти. Наконецъ, и до этихъ грамотъ, мы встрѣчаемъ мѣстную автономію. Такой напримѣръ политическій строй, какой проявлялся въ Новгородѣ и другихъ тождественныхъ съ нимъ мѣстностяхъ по самоуправленію, составляетъ крупное явленіе въ исторіи жизни русскаго народа. Ктому-же и самъ г. Лохвицкій, касаясь исторіи древняго русскаго быта, указываетъ на то, что въ Новгородѣ князь былъ только господиномъ, а государемъ былъ самъ великій Новгородъ; что князь присягалъ Новгороду, а послѣдній только кланялся ему; что новгородское народное вѣче было верховною властью, которому подчинялись дѣла: политическія, судебныя и церковныя; что Новгородъ имѣлъ свои законы во многомъ отличные отъ московскихъ, въ особенности въ тѣхъ частяхъ права, гдѣ ярко проглядываетъ политическій элементъ, какъ напримѣръ, въ уголовномъ судопроизводствѣ, въ положеніи обвиняемаго до суда и въ судопроизводствѣ.—А признавая самостоятельность дѣятельности Новгорода какъ неоспоримый фактъ, невозможно и отрицать существованія самоуправленія въ древней Руси, такъ какъ оно вполнѣ олицетворялось въ одномъ изъ самыхъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ — почти въ сердцѣ древней Россіи по духу, въ Новгородѣ.

Мѣстная автономія въ Россіи начала утрачивать свое значеніе по мѣрѣ развитія и усиленія государства Московскаго, старавшагося подчинить централизаціи своей всѣ земли русскія. Г. Лохвицкій объясняетъ достиженіе притяженія всѣхъ частей земли Русской къ Московскому государству — сознаніемъ народнымъ, указавшимъ ему что его спасеніе и будущность заключаются въ уничтоженіи удѣльнаго раздѣленія и въ слитіи съ московскимъ государствомъ; вслѣдствіе такого убѣжденія, московскіе государи и вездѣ были встрѣчаемы съ симпатіею.—Но такой коментарій, довольно смѣлый, если отнести его ко всѣмъ проявленіямъ русской жизни, русскаго сознанія и русскихъ же-

Digitized by Google

ланій, не уясняетъ сущности главнаго: желалъ-ли провинціализмъ, сливаясь съ московскимъ государствомъ, принести въ жертву его централизаціи всю свою самобытность, даже земскій строй? также, стремились-ли московскіе государи, сознательно, къ уничтоженію земскихъ началъ? Поставивши такъ эти вопросы уяснится и сущность ихъ. Если въ нѣкоторыхъ удѣлахъ народъ охотно соединился съ московскимъ государствомъ, то это было результатомъ 1) органическаго, всегда бывшаго народнаго взгляда на всѣ земли русскія, какъ на одно неразрывное цѣлое, связанное общими интересами и общими основными началами русской жизни и русскаго духа; 2) Частію и результатомъ мысли избавиться отъ удѣльныхъ князей, мѣшавшихъ дѣятельности провинціальной постоянными раздорами и войнами между собою, возникавшими не по мотивамъ народнымъ, а вслѣдствіе ихъ личныхъ интересовъ. Впрочемъ послѣдняя мысль не могла зародиться напримѣръ въ мѣстностяхъ самостоятельныхъ по своему политическому строю, какъ напримѣръ въ Новгородѣ, гдѣ власть князя была строго очерчена, гдѣ онъ немогъ дѣйствовать самобытно, безъ воли и участія вѣча. Такъ «въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ только предводительствовалъ войскомъ по распоряженію вѣча, шолъ на войну рѣшонную вѣчемъ, клалъ свое имя на договорѣ, обсужденномъ и составленномъ на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннихъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ очерченныхъ вѣчемъ. Ему предоставляли судъ, но вмѣстѣ съ посадникомъ, происходившимъ изъ земства и служившимъ полнымъ выраженіемъ земской воли. Собственно въ судѣ доля князя была не обсужденіе дѣла—на то были выборные судьи,—а оправленіе оправданнаго и казнь виновнаго (а князь казнитъ), т. е. именно то, что непосредственно принадлежитъ внутреннему охраненію земства.» (Костомаровъ. Сѣверноруссккія народоправства во времена удѣльно вѣчеваго уклада).

Изложенное обнаруживаетъ тѣ мысли, которыя способствовали провинціализму соединиться съ московскимъ государствомъ. Отрѣшаться же отъ своего земскаго строя у народа вѣроятно не было въ виду, такъ какъ земскія начала имѣли такую тѣсную, органическую связь со всею жизнію русскихъ, что безъ нихъ—народъ считалъ бы не мыслимымъ свое бытіе. Это отчасти понимали и московскіе государи, и потому они поражали провинціальную жизнь только въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ она проявлялась въ самобытныхъ политическихъ формахъ. И какъ такія мѣстности добровольно не отказывались отъ своей автономіи, а оставить въ нихъ хотя малѣйшую политическую жизнь значило дать возможность при первомъ удобномъ случаѣ развиться и выразить стрем-

Digitized by Google

ленія къ возстановленію первобытныхъ формъ своихъ, то государи московскія и прибѣгли къ терроризму а именно: при присоединеніи Іоанномъ III къ московскому государству Новгорода, политическія формы его были уничтожены, имущества конфискованы, значительная часть народа оставшаяся въ живыхъ разселена; знатнѣйшіе бояре, купцы, дворяне были переведены въ Переяславль, Владиміръ, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и пр. а на мѣсто ихъ поселены москвичи, владимірцы и муромцы. Вятку, полуказацкую республику, управляемую атаманами и народными сходами, въ 1489 году постигло тоже, что и Новгородъ: одна часть ея населенія погибла въ борьбѣ, а другая сведена въ московскія земли. Сынъ Іоанна, Василій, также не уступалъ отцу въ настойчивости. По его рѣшенію свободное устройство Пскова было уничтожено, съ выселеніемъ высшихъ классовъ и конфискаціею поземельной собственности и т. д. Но мы не видимъ, чтобъ уничтожая провинціальный политическій строй, московскіе государи эпохи до Петра I сознательно подавляли собственно земскую форму самоуправленія. Конечно, при политическомъ давленіи могли потерпѣть и земскія самоуправства. Но почему-же Іоаннъ грозный, находя ихъ органическою народною потребностью, далъ областямъ *уставныя и судныя грамоты*! И хотя г. Лохвицкій доказываетъ, что положенія 1-го января настоящаго года только въ первый разъ предоставляютъ права земству, но онъ ошибается, какъ видно изъ вышеизложеннаго. Конечно права земства древняго и настоящаго далеко не тождественны: первыя были продуктами обычая, возникнувшаго историческимъ путемъ изъ народнаго духа, понятій и требованій, были даже и не право, а сама жизнь; а вторыя—какъ вѣрно замѣчаетъ г-нъ Лохвицкій, не имѣютъ корня въ нашей исторіи и составлены преимущественно по образцамъ: французскому со стороны компетенціи земскихъ собраній, и германскому со стороны формы. Но тѣмъ не менѣе фактъ существованія земства въ до—Петровскій періодъ не оспоримъ.

Въ древній бытъ русскихъ, чиновное административное вмѣшательство въ дѣятельность народа было послѣднему не по сердцу. Поэтому когда Іоаннъ грозный посылалъ своихъ писцовъ описывать податныя земли, то народъ умолялъ его не посылать послѣднихъ, а положиться на *ихъ душу*. Потомъ, когда воеводы начали сильно давить народъ, то на земскомъ соборѣ 1642 года, посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправленія, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ; но голосъ

Digitized by Google

ихъ уже не былъ уваженъ. И хотя неудовольствіе торгово-промышленныхъ городскихъ классовъ и крестьянъ сказалось бунтами по всѣмъ городамъ и стычками съ воеводами, но приказно-государственная сила сдѣлала земскія стремленія. (Щаповъ земство и расколъ).

Намъ кажется, что въ подобныхъ спорахъ о томъ: было-ли провинціальное самоуправленіе въ древней Россіи, или не было его вовсе— *не столько даже*, въ нѣкоторомъ отношеніи важны факты, (какъ-то: губныя грамоты, постановленія соборовъ и проч.) сколько точное углубленіе въ сущность тогдашняго духа народнаго, въ его желанія и безпрерывные протесты. Россія, соединясь въ одно политическое цѣлое, въ формѣ московскаго государства, не только не могла сознательно попортировать своими земскими самоуправленіями, не только не могла забыть о нихъ, но даже, можетъ быть, и вопроса-то о такой жертвѣ не мыслила серьозно ставить, особенно въ иныхъ мѣстностяхъ, и принимала время свое за переходное. По крайней мѣрѣ, упорно ждала и забывать не хотѣла. Народъ, во все существованіе московскаго царства вѣчно желалъ земскаго самоуправства, вѣчно былъ недоволенъ, вѣчно волновался, протестовалъ и заявлялъ свои нужды. Древнее вѣчевое начало было тогда еще слишкомъ органическимъ началомъ для русской природы, не могло быть забыто ею, отдѣлено отъ нея, отзывалось, хотя частями, всюду, какъ въ политической сторонѣ жизни (прим. цѣльно и сильно въ 1612 году въ Нижнемъ), такъ и въ болѣе раздробленныхъ и мелкихъ проявленіяхъ русскаго духа. Видно было, что народъ совсѣмъ не прочь отъ московской централизаціи политической, но въ то же время является ясно до какой степени, даже и въ послѣднее время московскаго царства былъ онъ—когда случай выходилъ—самостоятеленъ, силенъ, пріобыченъ, натураленъ, знающъ въ своихъ провинціальныхъ проявленіяхъ земской самоуправной силы. (Тотъ же Нижній этому примѣромъ; впрочемъ можно сыскать и другіе примѣры въ прямомъ проявленіи и въ болѣе сложномъ и второстепенномъ). Эта органичность земскихъ началъ—дѣло весьма важное, при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ вышепоставленный. Московское царство, сложившись политически, далеко еще не исчерпало всѣхъ требованій всея Руси и не удовлетворило ея стремленіямъ и желаніямъ. Даже и не сознавало ихъ вполнѣ, и въ этомъ смыслѣ далеко не представляетъ полнаго и всеудовлетворяющаго уклада. Но у него была будущность и оно обладало развитіемъ. Оно ждало преобразователя сильнаго, народнаго. Но оно далеко не было такъ червиво (хотя бояре и другіе сословія уже начинали тянуть къ чему-то отъ земства опрично-

Digitized by Google

ному), чтобъ можно было совершенно отчаяться въ его жизненности, что и случилось при Петровской реформѣ. Преобразователю предстоялъ тогда прямой путь: Сознавъ что складъ политическій совершился и законченъ, довѣриться жизненности земскихъ силъ и народныхъ началъ и даровать земству полное самоуправленіе излюбленно и по желанію его; царь оставался-бы центромъ всего своего народа. Но преобразователь, усомнившись въ состоятельности московскаго царства (дошедшаго дѣйствительно до послѣдней точки, до потребности земской реформы на земскихъ самоуправныхъ началахъ, во что бы то ни стало)— усомнился и въ самыхъ силахъ народныхъ и отнесся къ земству отрицаніемъ его совсѣмъ, и введеніемъ не только европейскихъ регламентовъ, но даже и нѣмецкаго духа. Дѣйствительно, принеся нѣкоторую, положимъ важную пользу Россіи сближеніемъ съ Европой (что конечно было необходимо и началось давно еще до преобразователя), Петръ I упустилъ изъ виду главнѣйшее стремленіе русскаго духа, и уничтожилъ совсѣмъ, до отрицанія ея, самую первую, всенародную и необходимую потребность Россіи. Кромѣ введенія европейскаго духа, Петръ I, при столкновеніи съ Европой, укрѣпилъ до чрезвычайнаго внѣшняго могущества Россію политически, наиболѣе тѣмъ, что далъ ей необходимыя тогда внѣшнія границы. Но для достиженія внѣшняго онъ пожертвовалъ внутреннимъ. Народъ былъ утомленъ московскимъ царствомъ, усталъ отъ него, и поэтому протестъ его Петру былъ слабѣе. Это вовсе еще не значитъ, что московское царство было вполнѣ несостоятельно. Оно только дошло до послѣдней точки, но непремѣнно силой вещей поторопилося-бы осуществить въ себѣ великое русское цѣлое на земскихъ началахъ.

Окончательный ударъ земству былъ нанесенъ Петромъ I созданіемъ высшихъ центральныхъ правительственныхъ мѣстъ и сѣти административной іерархіи, обхватившихъ Россію со всѣхъ концовъ и заключившихъ гражданскую и юридическую самобытность областей въ совершенно непонятныя для земства тѣсныя рамки бюрократической централизаціи. Въ государствѣ Петра I терялись—личность недѣлимыхъ, общественность и всѣ мѣстныя интересы страны. Различные регламенты, уставы и инструкціи,—продукты силы создающей право, поглотили собою всю свободу самобытнаго существованія земства, заключивъ въ общія формулы всю его дѣятельность, не смотря на разнообразныя нужды и требованія. Такимъ образомъ пріостановлены стремленія народа къ земскому строю и случалось тяжело ему было отъ провинціальныхъ властей — губернаторовъ, которымъ дано было

Digitized by Google

право на жизнь и смерть гражданъ... Лишь съ воцареніемъ Екатерины II измѣнился нѣсколько взглядъ на народный бытъ и появились учрежденія съ проблесками самостоятельной провинціальной жизни; но не смотря на либеральный принципъ ихъ, они замѣчательны болѣе по внѣшней формѣ, слѣпо европейской, чѣмъ по внутреннему содержанію. . . . . .

И хотя въ 1767 году были собраны депутаты отъ всѣхъ сословій, кромѣ духовнаго, для составленія проекта новаго уложенія и представители народныхъ интересовъ указывали на необходимыя нужды, но ихъ заявленія остались безъ послѣдствій. О характерѣ этихъ заявленій мы встрѣчаемъ у г. Лохвицкаго, сгруппировавшаго изъ разсказовъ о «Русской исторіи XVII вѣка» г-на С. Соловьева, слѣдующее: дворянство желало, чтобы воеводы (начальники провинцій) и ихъ товарищи избирались-бы по балотировкѣ изъ мѣстныхъ дворянъ; горожане хотѣли учрежденія городскаго суда и о бытіи полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ, т. е. о поставленіи земства на первый планъ; однодворцы и государственные крестьяне желали такой организаціи суда, чтобы судьи избирались всѣми жителями уѣзда и чтобы выборные отъ земства были-бы при всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ для контроля за скорымъ производствомъ дѣлъ; объ уменьшеніи пятилѣтняго срока для назначенія воеводы, и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ земства (205 стран.). Мысль поставить земство стражемъ при административныхъ коронныхъ мѣстахъ,—депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербатовъ, выразилъ еще вотъ въ какой формѣ: «указывая на тотъ важный фактъ, что въ воеводы назначаются люди уже истощившіе силы, которые не имѣютъ ни знанія законовъ, ни опыта въ управленіи, смотрятъ на должность воеводскую, какъ на награду, кормленіе, что они легко подпадаютъ подъ вліяніе подлыхъ приказныхъ, которые сбиваютъ ихъ съ толку и доводятъ до преступленій, — онъ предложилъ: чтобъ при воеводѣ были выбраны отъ уѣзда по два или по три дворянскихъ депутата безъ жалованья.» (Ярославское дворянство и въ то время понимало, что депутаты на жалованьи короны обратятся въ чиновниковъ) (Лохвиц. ст. 205). Вообще «ярославское дворянство желало провести принципъ земскаго надзора до самаго верха — до Сената. Поэтому-то князь Щербатовъ и сдѣлалъ предложеніе допустить депутатовъ отъ дворянства къ засѣданію въ Сенатѣ» (тамъ же стр. 206).

Формы учрежденій Екатерины II, видоизмѣнившись нѣсколько, сохранились и до настоящаго времени. Касаться послѣднихъ мы не ста-

Digitized by Google

немъ, такъ какъ каждому извѣстно изъ какихъ элементовъ слагается наша жизнь въ данный моментъ. Слѣдовало-бы теперь прямо перейти къ той части диссертаціи г. Лохвицкаго, въ которой разбираетъ онъ положенія 1-го января 1864 г. Но такъ какъ это значило-бы говорить собственно о нашихъ земскихъ учрежденіяхъ и разбирать ихъ, то и оставляемъ этотъ разборъ до другой статьи, когда мы будемъ имѣть и болѣе фактовъ и болѣе случая, чтобъ заняться этимъ чрезвычайно интереснымъ предметомъ.

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

I

Печальныя разсужденія о состояніи театральной критики въ С.-Петербургѣ.

И мы вѣдь всѣ таланты тоже,
Но.... съ позволенія сказать.
(Л. Г. Синичкинъ.)

Писать о театрѣ — Боже, какъ я мечталъ объ этомъ! Драма — вѣнецъ искуства, разсуждалъ я, и быть судьею ея сценическаго осуществленія казалось для меня верховнымъ блаженствомъ. И что-же теперь? Какое разочарованіе! Написать статью о театрѣ для меня мученіе; мысль о томъ, что приходитъ срокъ, что пора сдать статью въ типографію—отравляетъ мое существованіе. Я откладываю писаніе со дня на день; я думаю: нельзя-ли отложить до будущаго мѣсяца? Я боюсь заглядывать въ афиши—потому что одинъ видъ ихъ терзаетъ меня. Идти въ театръ ex officio — что можетъ быть ужаснѣе!

Но всѣ подобныя разсужденія ничего не доказываютъ; вопросъ не въ томъ: когда и пріятно-ли писать о театрѣ? вопросъ въ томъ: стоитъ-ли, слѣдуетъ-ли писать о театрѣ?

Да, такой вопросъ входитъ неминуемо въ голову каждому, кто считаетъ театръ дѣломъ серьознымъ. Кчему писать о театрѣ, когда вполнѣ увѣренъ, что твои статьи не принесутъ никакой пользы? На васъ обижаются, если вы отзываетесь рѣзко; но развѣ можно иначе отзываться о нашемъ текущемъ репертуарѣ? На васъ негодуютъ, если

Digitized by Google

вы говорите, что при огромности нашей трупы мало талантливыхъ актеровъ. Но развѣ ихъ много? Вы пишете пять лѣтъ къ ряду, что пора русскимъ мужикамъ на сценѣ одѣваться прилично, а вамъ отвѣчаютъ, что сценическій пейзанскій костюмъ и есть настоящій крестьянскій. Вы говорите, что у такого-то актера или актрисы нѣтъ таланта, — а вамъ говорятъ, что это личность, что *другимъ* онъ или она нравится. Но развѣ такія возраженія могутъ быть названы разумными? Но лучше всѣхъ возраженій слѣдующее: «что̀ наша критика? Вотъ если-бъ Бѣлинскій писалъ!» Въ самомъ дѣлѣ, прелестное возраженіе! Вѣроятно, Бѣлинскій пришолъ-бы въ восхищеніе отъ гг. Дьяченко и Погосскаго; вѣроятно онъ похвалилъ-бы пейзанскіе костюмы; вѣроятно онъ отозвался-бы восторженно о постановкѣ піесъ Островскаго! Грустно слышать такія возраженія.

Мало того, если вы будете говорить, что многія пьесы пали вслѣдствіе худой обстановки,—вамъ отвѣтятъ: «пьесъ нѣтъ, нечего ставить!»

Какъ тутъ писать о театрѣ? что писать? и для чего? Не поучиться-ли этому искуству у газетныхъ фельетонистовъ? Не наставятъ-ли они насъ?

О, они большіе мастера писать! Ежедневно они рапортуютъ публикѣ, и, читая ихъ рапорты, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что они-то и суть настоящіе театральные критики; что они-то и смыслятъ въ чемъ дѣло. И то сказать, куда намъ понимать что нибудь въ ихъ искуствѣ.

Не ради курьоза, а ради своего и нашихъ читателей поученія, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ газетныхъ отзывовъ, не называя изъ какой именно берёмъ газеты. Всѣ онѣ равно милы и любезны нашему сердцу и мы не признаемъ общераспространеннаго предразсудка, что «Голосъ» напр. выше «Сына». Впрочемъ, бумага и шрифтъ въ «Голосѣ» дѣйствительно лучше. Всякому свое.

Напримѣръ, читатель, придетъ-ли намъ съ вами въ голову писать о томъ, кто выше: г. Кондырёвъ или г. Кафтырёвъ? Вы вотъ даже не знаете: кто таковы сіи двое? актеры или авторы? Подивитесь своей необразованности! г. Кондырёвъ написалъ «Пагубу», а г. Кафтыревъ «Статью Доходную.» Да, вы не знаете ихъ! А они грозятъ сдѣлаться столпами александрынскаго театра. У г. Кондырёва героиня надѣваетъ себѣ петлю на шею—развѣ это не драма?—а герои рубятъ на сценѣ топорами! Это ужъ почти трагедія. Чтобы это не слишкомъ шокировало зрителей въ промежуткахъ сватаются, жнутъ хлѣбъ и пьянствуютъ. И какое глубокое знаніе русской жизни! Какая широкая рама! Ну, что мы съ вами можемъ сказать о семъ великомъ произведеніи? Вѣдь намъ и въ голову не придетъ сравнить г. Кондырёва съ Шек-

Digitized by Google

спиромъ. А ихъ сравниваютъ! Мы можемъ пожалѣть только объ одномъ, именно, — что Шекспира еще не сравнивали съ г. Кондырёвымъ. Дойдутъ и до этого. Правда, публика не сочувствуетъ г. Кондырёву: она осмѣлилась шикать. «Голосъ» въ негодованіи на это и какъ ему не придти въ негодованіе: «Пагуба» была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ.» Мы сами негодуемъ, но по другимъ причинамъ; мы негодуемъ на то, что публика смѣетъ шикать, когда пьеса одобрена самимъ хозяиномъ русской литературы А. А. Краевскимъ и его сотрудниками! Такое непочтеніе къ А. А. для насъ удивительно. Мы сожалѣемъ объ одномъ только: зачѣмъ въ «Пагубѣ» не пляшутъ блуждающіе огоньки? Еще читали мы, что постановка «Пагубы» обошлась дорого дирекціи и сколько негодованія растрачено по этому случаю даромъ. Ну, можно-ли писать такія несообразности! Легко, при первомъ взглядѣ на обстановку, рѣшить во сколько она обошлась дирекціи.

Но обратимся къ г. Кафтырёву. Въ его драмѣ отецъ продаетъ свою дочь. Какой ужасный сюжетъ! Но вовсе не сюжетъ въ ней замѣчателенъ: замѣчательно то — какъ повѣствуютъ газеты — что автору всего 18-ть годковъ. Сколь это трогательно! Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, когда появится на сценѣ какое нибудь произведеніе г. Хоботова, десятилѣтняго автора, изъ разсказа г. Н. Успенскаго «Деревенская Газета.» То-то будутъ умиляться наши газеты. Вообще, не дурно писать сколько лѣтъ автору и давать произведенія гимназистовъ 2-го класса. Это весьма оживитъ сцену, а напишутъ они, конечно, не хуже гг. Дьяченко, Погосскаго, Кафтырёва (18-ти лѣтъ) и Кондырёва (неизвѣстныхъ лѣтъ).

Кромѣ двухъ вышеназванныхъ новыхъ геніевъ, явился еще третій, г. Лейкинъ. Если сюжеты двухъ первыхъ ужасны, то у третьяго вовсе нѣтъ никакого сюжета. Г. Лейкинъ принадлежитъ къ тому циклу писателей, которые полагаютъ, что для того, чтобъ написать комедію изъ купеческаго быта, достаточно прочесть Островскаго, да подмѣтить самому два-три смѣшныя выраженія. Это премилая фотографическая школа, стремящаяся изображать жизнь, по выраженію Ивана Никифоровича, въ *натурѣ*.

Что-же сказать о другихъ поставленныхъ въ нынѣшній сезонъ піесахъ, когда и газеты не одобряютъ ихъ?

Что сказать о «Золотыхъ Ручкахъ», обстановка которыхъ обошлась очень дорого (такъ повѣствуютъ) и которыя, какъ и слѣдуетъ ручкамъ, давались всего два раза?

Что сказать о «Разбитой Жизни?» Развѣ спросить почему она давалась въ бенефисъ г-жи Снѣтковой, которая чередуется съ г-жей Влади-

Digitized by Google

міровой въ «Грѣхъ да Бѣда?» Но вѣдь чередоваться легко. Играть-то вотъ трудно.

Но что пользы въ такихъ вопросахъ? Начни только спрашивать— и вопросовъ не оберешься. Напримѣръ, мы могли бы увлечься и спросить: что пользы отъ бенефисовъ такихъ талантовъ, какъ г-жи и г-да Снѣткова, Ѳедорова 1-ая, Бурдинъ, Яблочкинъ и Марковецкій? Вѣдь мы съ вами, читатель, этого не понимаемъ. Вѣдь намъ кажется, что вслѣдствіе такихъ бенефисовъ (за исключеніемъ бенефиса г. Бурдина), увеличивается только число плохихъ пьесъ? Но спросивъ это, мы тотчасъ-же ясно сознаемъ, что мы увлеклись...

Потому что вѣдь эдакъ мы пожалуй заговоримъ и о чередовкахъ? Кажется, какое прекрасное учрежденіе эти чередовки, а между тѣмъ какъ онѣ вредны! Одну и туже роль играютъ не два, а три, или четыре актера: напр. Тихона въ грозѣ играютъ гг. П. В. Васильевъ, Бурдинъ и Малышевъ, а Катерину въ той-же піесѣ г-жи Нейманъ, Горская, Петрова и богъ-знаетъ еще кто! Какой при этомъ можетъ быть ансамбль! Какъ при этомъ могутъ съиграться актеры! Какъ при этомъ публика можетъ оцѣнить игру актера въ данной піесѣ, если ему всего разъ въ годъ, или два, приходится въ ней играть! Вѣдь часто важно, чтобъ актеръ и актриса съигрались, а если актеру сегодня приходится играть съ одной актрисой, а потомъ черезъ полгода съ другой—тогда что? Можно и должно позволить актеру, если ему очень хочется, съиграть данную роль, но не слѣдуетъ доводить этого до крайности. И отчего чаще всего, и больше всего (чуть-ли не вся труппа) чередуется съ г. П. В. Васильевымъ?

Ну, вотъ намъ и нельзя писать театральныхъ статей. У насъ вѣчное пристрастіе къ талантамъ; пристрастіе самое непозволительное. Вотъ мы упомянули о г. П. Васильевѣ, а знаете-ли вы какой пасажъ отпустилъ этотъ актеръ въ одномъ водевилѣ? И досталось же ему отъ фельетониста! Онъ осмѣлился — о, ужасъ! — съ неохотой *канканировать!* А, какова дерзость? Да, канканировалъ совсѣмъ неохотно и это подѣйствовало даже на г-жу Лелеву или г-жу Левкѣеву (хорошенько не помнимъ) и она не могла съ обычнымъ азартомъ проплясать канкана. Бѣдная г-жа Лелева! Прекрасно поступилъ и фельетонистъ! Онъ назвалъ за это г. П. Васильева «комикомъ безъ комизма», и по дѣломъ. И главное какъ остроумно: «комикъ безъ комизма!»

А вѣдь мы пожалуй похвалимъ за это г-на П. Васильева. Скажемъ: слава Богу, что нашолся хоть одинъ актеръ и т. д. Пожалуй къ этому прибавимъ, что хорошій актеръ именно ни зачто не станетъ паясничать въ фарсѣ и скорѣй пожертвуетъ аплодисментами, только не станетъ паясничать. И т. д. и т. д.

Digitized by Google

Но къ чему такіе вопросы? Что въ нихъ? Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ писать о театрѣ. На него надо смотрѣть, какъ на пикники, шпицбалы, скачки и тому подобныя увеселенія; словомъ такъ, какъ смотрятъ наши газеты. И благо вамъ будетъ!

Еще опаснѣе и безполезнѣе разбирать игру актеровъ. Мы этого не умѣемъ дѣлать. Въ качествѣ ученика Ап. Ал. Григорьева, я, напримѣръ, вѣчно отзываюсь рѣзко. А онъ употреблялъ преобидныя, какъ говорятъ, слова, напр. *бенгалика*. Ну, прилично-ли это? Дѣло-ли это? А впрочемъ что-же такое *бенгалика*? Развѣ это слово неприличное? Какъ-же скажите лучше назвать ломанье иного актера, совершенно балаганное, которому не достаетъ только бенгальскаго освѣщенія, чтобъ вполнѣ напомнить Подновинское—какъ не словомъ бенгалика? «Все это правда», отвѣтимъ мы, пародируя слова Гамлета, «но посудите сами, вѣдь и нами можетъ овладѣть безумная страсть къ театру, вѣдь и мы можемъ быть дурными актерами, — что-жъ и о насъ будутъ такъ писать»? Каковъ аргументъ, господа! Ясно, что надо писать *серьозно*. И такъ, станемте писать *серьозно*, и для этого выберемъ піесу серьознаго автора, именно «Шутниковъ» Островскаго. А то вѣдь всѣ наши предъидущія разсужденія не хороши; мы указывали на одни только достоинства (которыхъ исчислить невозможно) александрынскаго театра. Насъ могутъ обвинить въ пристрастіи. Развѣ не обвиняли въ этомъ нашего предшественника? Развѣ онъ не указывалъ какія пьесы надо играть, развѣ онъ не совѣтовалъ напр. г. Самойлову съиграть нѣсколько ролей Островскаго, развѣ онъ не указывалъ ему даже, какія именно роли ему надо-бы съиграть; развѣ онъ не говорилъ какъ слѣдовало-бы поставить иныя піесы, и какъ распредѣлить въ нихъ роли, развѣ онъ не перевелъ «Сна въ лѣтнюю ночь», «Ромео и Джульеты»? Очевидно, по приведеннымъ сейчасъ вопросамъ, что онъ указывалъ на одни недостатки,—кто же станетъ слушать такого человѣка и ставить его пьесы? А главное: слово «бенгалика»! Оно повредило всему. А потому будемъ говорить и о достоинствахъ и о недостаткахъ. И будемъ повѣствовать въ мажорномъ тонѣ.

И такъ о «Шутникахъ». «Шутники» шли въ бенефисъ г. Бурдина. Но прежде всего скажемъ о самой пьесѣ.

Digitized by Google

II.

«Шутники» Островскаго.

Различай: *fas* и *nefas*. (Древнее выраженіе).

«Шутники» — скажемъ правду — слабѣе многихъ другихъ пьесъ Островскаго. Главный ея недостатокъ — очевидная поспѣшность въ работѣ; характеры, по большей части, только намѣчены: ни одинъ не доведенъ до полнаго типа. Лучшее лицо — лицо Шилохвостова, лицо второстепенное, эпизодическое и обрисованное не прямымъ участіемъ въ дѣйствіи, а вставочными — впрочемъ довольно живыми сценами 2-го акта. Вся комедія распадается на двѣ части: исторію о Гольцовѣ и исторію о найденныхъ шестидесяти тысячахъ. Обѣ части связаны весьма эпизодически и исторія о шестидесяти тысячахъ—исторія чисто анекдотическая и потому совершенно лишняя. Другая, болѣе внутренняя связь, связь идеи—выполнена слабѣе. Идея о шутникахъ развита слабѣе, чѣмъ противуположная ей: отношеній Оброшенова къ шутникамъ и къ своему семейству; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, отношенія къ семейству выражены лучше, а отношенія къ шутникамъ являются въ разсказѣ самого Оброшенова. Безъ сомнѣнія, драматизируй Островскій положеніе Оброшенова въ средѣ шутниковъ, — тогда его честныя отношенія къ семейству выступили-бы еще ярче и самое лицо этого подъячаго стало-бы рельефнѣе. Тогда и лицо купца Хрюкова сдѣлалось-бы типичнѣе. Хрюковъ вовсе не дурной человѣкъ, шутитъ потому что позволяютъ шутить и сопоставленіе Оброшенова, какъ шута, и Оброшенова, какъ семейнаго человѣка, по отношенію къ шутникамъ Хрюкова вышло-бы драматичнѣе и комедія была-бы настоящей бытовой комедіей, а не картинами.

На развитіе главной идеи о шутникахъ вошло нѣсколько въ сторону. Вставлены: Недоносковъ и Недоростковъ, какъ представители того-же типа, но лица эти до того неопредѣленно очерчены, что трудно даже сказать къ какому сословію они принадлежатъ и что ихъ заставляетъ шутить: недоразвитость-ли вообще, скотскія понятія о бѣд-
ожденная-ли грубость, или это просто добрые, но пустые ма-
рые, смотря съ кѣмъ знакомство сведутъ, такъ и живутъ.
даже, что они нужны были автору, какъ сценическій пріемъ лучше и полнѣе разъяснить отношенія Гольцова и Вѣроч-

Digitized by Google

ки, — но тогда зачѣмъ этотъ 2-й актъ и весь этотъ анекдотъ о шестидесяти тысячахъ? Чтобъ сильнѣе натянуть струны? Это натягиваніе струнъ непріятно видѣть у Островскаго.

Второй актъ до того излишенъ, что при представленіи никто не обращаетъ вниманія на Гольцова и Оброшенова и весь интересъ зрителя сосредоточенъ на публику, стоящую подъ воротами, и занимающуюся говореніемъ *порожнихъ* рѣчей. Нѣкоторыя лица очерчены недурно, но зачѣмъ они? Мы понимаемъ зачѣмъ выставлены лица, пришедшіе смотрѣть на сватьбу въ «Бѣдной невѣстѣ»,—но этого второго дѣйствія совсѣмъ не понимаемъ. И кчему тиролька? Здѣсь комедія переходитъ въ простой девертисементъ. Въ добавокъ у насъ поставлены какія-то фантастическія ворота, вовсе не такія, какъ указываетъ авторъ.

Третій актъ также ровно ничего не прибавляетъ къ дѣйствію; онъ развязываетъ эпизодъ, нарушающій развитіе комедіи. Выдаются только сцены Гольцова и Вѣрочки. За то четвертый оборванъ; характеръ Хрюкова недоразвитъ; переворотъ его воззрѣній на Анну Павловну— самое замѣчательное, что съ нимъ случилось, а его-то и нѣтъ. Конецъ словно написанъ единственно для того, чтобы какъ-нибудь кончить. Можно было и иначе; другимъ эпизодомъ.

Кромѣ этихъ недостатковъ въ концепціи драмы и характеровъ, можно замѣтить нѣкоторые другіе промахи, на которые обращаемъ вниманіе единственно изъ уваженія къ таланту автора и которыхъ ему безъ сомнѣнія такъ легко было избѣгнуть.

Комедія вертится около того, что Гольцовъ, истратившій 300 рублей чужихъ денегъ, не имѣетъ чѣмъ возвратить ихъ. Съ другой стороны, и Оброшеновъ поставленъ въ исключительное положеніе: никакъ не можетъ достать этихъ трехъ сотъ рублей, отъ которыхъ зависитъ счастіе его любимой дочери... А домъ-то который купленъ для дочери,—неужели (стоитъ онъ двѣ тысячи) подъ него нельзя достать?

Изъ характеровъ замѣтимъ еще насчотъ Вѣрочки, что она нарисована слишкомъ наивной и ничего не знающей. Вѣдь она не изъ института, а дома воспитывалась. А вѣдь къ нимъ и Хрюковы и тому подобные заходятъ, — неужели она такъ-таки никого изъ нихъ и не видала? Да отъ тетки своей—которая неизвѣстно зачѣмъ выставлена— могла она наслышаться довольно? А отъ знакомыхъ отцу подъячихъ? Дѣвочка она шустрая и должна бы кажется приглядываться ко всему.

И такъ, на всей комедіи лежитъ признакъ поспѣшной работы; самое злое, что можно сказать по этому поводу — это что Островскій спѣшилъ ее окончить къ бенефису г. Бурдина. Но мы вовсе не маемъ того набата, въ который ударили нѣкоторые господа и

Digitized by Google

«Шутниковъ». У нихъ даже вопросъ появился: не исписался-ли Островскій? Можно-ли ждать еще чего отъ него?—А какъ, господа, по вашему, когда Островскій написалъ: «Свои собаки дерутся», т. е. вторую часть трилогіи о Бальзаминовѣ, которая несравненно слабѣе первой части, — это тоже означало, что онъ исписался? Послѣ этого онъ уже ничего не написалъ? Ни «Женитьбы Бальзаминова»? Ни «Грѣхъ да бѣда»? Полноте пророчествовать: иногда и вороны ошибаются!

Выше мы говорили о недостаткахъ, чисто художественныхъ, «Шутниковъ», — скажемъ теперь о достоинствахъ, потому что у писателя бытоваго, какъ Островскій, независимо отъ недостатковъ въ планѣ, всегда найдется много новыхъ характеристическихъ чертъ. Самъ Оброшеновъ — лицо новое и поставлено весьма умно. Эта двойственная жизнь, въ которую по неволѣ втянулся бѣдный подъячій; это кривлянье, переходящее дома въ забавную шутливость; и наконецъ его честные отношенія къ семейству—все это черты жизненныя, нарисованныя съ любовью, безъ вилянiй хвостомъ въ пользу теорій,—которыхъ никогда не достигнетъ ни одинъ изъ авторовъ, пишущихъ *нарочно!* Намъ именно потому и жаль, что Островскій не додѣлалъ пьесы, что мы видимъ въ ней задатки новыхъ типовъ. Отношенія этого шута и кривляки къ семейству,—что можетъ быть чище и святѣе! Вотъ вамъ еще свѣтлый лучъ въ этомъ темномъ царствѣ! Это честное отношеніе къ семьѣ—отношеніе коренное, бытовое; не откуда было набраться Оброшенову возвышенныхъ воззрѣній на семью; врождено ему это уваженіе къ святости семьи; самая неприглядная, самая скверная жизнь не можетъ поколебать въ немъ этихъ свѣтлыхъ, жизненныхъ основъ! Чтобы онъ былъ безъ семьи? Что была-бы его жизнь? До чего бы она его довела-домыкала?

Да, эти основы крѣпко засѣли въ душу русскаго человѣка. У грубаго и животненнаго Хрюкова они порой проглядываютъ, въ разговорѣ съ Анной Павловной! И въ немъ они не совсѣмъ еще заглохли. И великую ошибку сдѣлалъ Островскій не додѣлавъ этого характера. Теперь Хрюковъ является не совсѣмъ яснымъ; его хорошее слегка проглядываетъ и можетъ быть замѣтно только при артистическомъ исполненіи.

Да, много значитъ любовь къ быту! Она часто выкупаетъ художественную недодѣланность. Она примиряетъ читателя съ авторомъ, ибо безъ нея художественные недостатки піесы били-бы въ глаза своими бѣлыми нитками,—а она, эта любовь, заставляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прощать автору его недостатки. Двѣ три вѣрныя черты, выхваченныя изъ жизни, много значатъ. И значатъ тѣмъ болѣе,—что рѣдко

Digitized by Google

это встрѣчается въ нашей литературѣ; у насъ всякій борзо-писатель хочетъ стать выше быта: любитъ его — низкимъ почитаетъ; мы не умѣемъ найти руду въ грубой горной породѣ. Мы охотнѣе довольствуемся подѣльными алмазами и сусальнымъ золотомъ, — только-бы не замѣтить въ своей жизни зеренъ чистѣйшаго золота. Намъ страшно, что насъ обвинятъ въ любви къ своей землѣ. У насъ высказывается любовь къ «Россіи» подъ условіемъ, что она станетъ панька, сброситъ свою «вѣковую грязь» и замаршируетъ форсированнымъ шагомъ по пути цивилизаціи. Мы смѣемся надъ пристрастіемъ высшаго общества говорить по французски, надъ тѣмъ, что наши бары отдаютъ своихъ дѣтей въ ученье нѣмецкимъ мастерамъ,—а развѣ наши газеты не смѣются надъ чисто-русскимъ словомъ, какъ скоро оно попадаетъ въ печать? Вспомните: подоплёку. А развѣ наши газеты не указываютъ намъ на образованныхъ европейцевъ, не совѣтуютъ подражать имъ, учиться ихъ идеямъ и устроить у себя искуственно то, что въ Европѣ родилось органически?

Это отступленіе вырвалось у насъ какъ-то невольно. Чаще всего по поводу піесъ Островскаго приходится читать о самодурствѣ русскаго человѣка, о его грубости и невѣжествѣ. Непониманіе русскаго быта становится все болѣе и болѣе повальной болѣзнью нашей словесности.

Мы увѣрены, что большинство нашей литературы скоро снова обратится на путь истины: оно дойдетъ до крайности въ проведеніи мысли Добролюбова о Темномъ Царствѣ, и дотого запутается, что снова станетъ, во имя прогресса, громить Островскаго, какъ нѣкогда во имя этого-же прогресса называла его «гостинодворскимъ Кошебу».

Она и теперь допрашивается: скоро-ли Островскій дастъ *положительный* характеръ, не замѣчая, что собственно говоря, мало къ кому изъ изображаемыхъ имъ лицъ Островскій относился *отрицательно*; что пора оставить, это надоѣвшее дѣленіе отношеній художника къ изображаемымъ имъ характерамъ: на положительныя и отрицательныя; что время господства *сатиры* проходитъ; что какъ скоро художника начинаютъ изображать быть, то они не могутъ иначе относиться къ нему, какъ съ любовью, и не выставлять его весь какъ онъ есть, цѣликомъ; что тотъ, кто не знаетъ быта,—тотъ человѣкъ чуждый народу; что человѣкъ не понимающій родной пѣсни и родной былины, — хуже всякаго иностранца, ибо иностранецъ, какъ человѣкъ своей земли, никогда не отнесется съ презрѣніемъ къ своей землѣ. Да, время господства сатиры въ нашей литературѣ миновало; сатирѣ остается бичевать только униженъ, которые до того домутались, что къ панамъ не пристали, а отъ народа отстали; да то сословіе, которое столь привлекательно и съ такимъ

Digitized by Google

подобострастіемъ (что А. Григорьевъ называлъ болѣзнью моральнаго лакейства) изображали графы Соллогубы, Григоровичи, Евгеніи Туръ и tutti quanti. Въ нашей литературѣ начинается новый періодъ, періодъ писателей бытовыхъ; литература возвращается къ простому, безхитростному и вселюбящему отношенію Пушкина къ жизни; литература стремится сдѣлаться русской. Такъ оно и должно было быть. Такъ оно собственно и продолжалось со времени Пушкина, съ тою разницею, что сатира, какъ выраженіе крайне западническаго направленія, насмѣявшагося въ свое время вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ надъ народной былиной, — одно время царила и считалась даже правильной формой отношеній литературы къ жизни. Кто побѣдитъ, — рѣшить, кажется, не трудно. На чьей сторонѣ таланты самые жизненные — дѣло также ясное. Противная сторона заговаривается все больше и больше; инстинктивно чувствуя, что время сатиры миновало, она въ лицѣ талантливѣйшаго своего представителя, г. Писарева, пошла къ отреченію отъ искусства, — ибо г. Писаревъ, какъ человѣкъ талантливый и чуткій, ясно видитъ, что искусство, въ правильномъ и органическомъ своемъ развитіи, никогда не будетъ сатирой. Сатира является тамъ, гдѣ является разложеніе; Гоголь въ этомъ смыслѣ имѣетъ громадное значеніе. Его равно высоко цѣнили и западники и славянофилы. Онъ выражалъ собою переломъ, кризисъ болѣзни. Какъ въ Греціи Аристотель, какъ въ періодъ паденія и исчезновенія самаго періода разцвѣта греческой жизни (Сократъ, Платонъ), — такъ и у насъ Гоголь выразилъ высшее паденіе и въ то же время самый разцвѣтъ развитія общества, отторгнутаго отъ почвы. Далѣе Гоголя сатира идти не могла, крайности, безъ опасности впасть въ сонъ и отчаяніе, не могли. Западники поняли, что Гоголь былъ лучшій представитель, что онъ лучшій цвѣтокъ цивилизаціи, насажденной Петромъ; они любили его больше Пушкина; въ Пушкинѣ они не любили его русскихъ вѣяній; перечтите разборы Бѣлинскаго. Славянофилы поняли это съ другой стороны; они, можетъ быть, еще больше чѣмъ сатирой Гоголя увлекались его отступленіями, — отступленіями часто весьма надеными; но они чувствовали, что царство насажденной цивилизаціи кончилось; что повороты необходимы и любили провозвѣстника этого переворота.

Самъ Гоголь не считалъ сатиры высшимъ идеаломъ искусства; въ любовью замѣчаетъ онъ, что и Лермонтовъ могъ-бы выйти великимъ бытописателемъ русской жизни. И самъ Гоголь мечталъ объ этомъ; — но неудачныя попытки второй части Мертвыхъ Душъ ясно показали, что *бытовымъ писателемъ одѣлаться нельзя*, а надо *родиться*.

Появленіе Островскаго было важнымъ шагомъ русской литературы; всѣ сейчасъ замѣтили, что этотъ громадный талантъ совсѣмъ не

сатирически относится къ жизни. Энергическая проповѣдь «новаго слова» съ одной стороны, и прозвище «гостиннодворскаго Коцебу» съ другой—вотъ чѣмъ встрѣтили Островскаго. Добролюбовъ силился сдѣлать его сатирикомъ, но не могъ — и онъ замѣтилъ *сотлый лучъ*, хотя и не тамъ, гдѣ слѣдовало. Напрасно нынче силятся законопатить этотъ свѣтлый лучъ; никакая китайская стѣна европейской цивилизаціи не поможетъ.

Вотъ почему мы даже и къ слабымъ произведеніямъ Островскаго не можемъ иначе относиться какъ съ любовью. Дастъ Богъ, скоро мы дождемся другихъ бытовыхъ писателей. А сколь велика сила этого быта доказывается тѣмъ, что всякій живой и чуткій талантъ, едва соприкоснется съ нимъ, какъ тотчасъ дѣлается свободнымъ и вслѣдствіе этого своеобразнымъ....

III

Исполненіе «Шутниковъ»

Хлестова.
Ужь нѣтъ-ли здѣсь пожара!
Горе отъ ума.

Оброшенова игралъ г. Самойловъ. Какая радость овладѣла иными любителями театра! Первый дескать актеръ играетъ въ пьесѣ перваго драматурга. Наконецъ-то!

Иной подумаетъ, что Богъ знаетъ что случилось, а собственно говоря ничего не случилось. Г. Самойловъ игралъ въ пьесѣ Островскаго! Кто-жъ запрещалъ ему прежде? Никто не могъ даже: г. Самойловъ глава петербургской сцены, первый актеръ. Не игралъ,—его вина. И вина, конечно, большая. Какъ было пропустить Островскаго? Это напоминаетъ о посѣщеніи кунсткамеры однимъ чудакомъ.

Но говорятъ, г. Самойловъ не могъ играть у Островскаго, потому что въ качествѣ перваго актера, онъ долженъ играть первыя, а не *аксесуарныя* роли. Ба! какое словечко! Нечего сказать, удружили актеру! Что такое аксесуарная роль? Это терминъ изъ французскихъ мелодрамъ. У насъ есть живыя лица, типы, — а этихъ французскихъ дѣленій мы знать не хотимъ. Плохъ актеръ, который можетъ произвести эффектъ только въ первой роли, только на авансценѣ. Хорошій

Digitized by Google

актеръ долженъ быть вѣренъ жизни, тому быту, изъ котораго взято данное лицо, долженъ всѣми силами способствовать ансамблю, а не лѣзть на первый планъ, не бить въ глаза усиленными эфектами. Да впрочемъ хорошій актеръ, гдѣ-бы онъ ни стоялъ, всегда будетъ на первомъ планѣ. Стать первымъ, занимая второстепенную роль, славнѣе чѣмъ славой своей быть обязаннымъ первому мѣсту. Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, и т. д. и т. д.

Аксесуарныя роли! Что-жъ? будто всегда г. Самойловъ игралъ у Островскаго второстепенныя роли? Помилуйте, напротивъ, всегда видныя. Онъ игралъ Любима Торцова даже, но послѣ самъ замѣтилъ, что не удачно и отказался: *и это дѣлаетъ ему великую честь*. Или роль Архипа въ «Грѣхъ да Бѣда» не хороша? Помилуйте она не меньше и не хуже, а пожалуй еще цѣльнѣе роли Льва Краснова. Но дѣло въ томъ, что г. Самойловъ не знаетъ мѣщанскаго быта и изображалъ скорѣй духовное лицо, за старостью живущее на покоѣ, чѣмъ мѣщанина. И вотъ въ этомъ-то и бѣда: г. Самойловъ можетъ играть нѣкоторыя роли у Островскаго изъ того быта, который ему, г. Самойлову, болѣе другихъ актеровъ извѣстенъ и не играетъ, а выбираетъ себѣ роли не подходящія.

Отчего ему не играть напр. Вышневскаго?—вѣдь играетъ-же онъ въ «Танѣ.» Или для него обидно играть роль Коршунова, а не обидно играть въ «Гувернерѣ» г. Дьяченко? Г. Самойловъ одинъ разъ даже до того дошолъ, что изображалъ главное лицо въ глупѣйшей французской мелодрамѣ «Идіотъ»; въ этой мелодрамѣ, въ первой сценѣ, ему пришлось играть балетную роль, безъ рѣчей, одичавшаго въ тюрьмѣ идіота.

Помилуйте! Роль Коршунова игрывалъ Мартыновъ. И не одинъ актеръ, уважающій искуство, не откажется играть такъ называемую аксесуарную роль, если она ему по средствамъ и роль хорошая. Играетъ-же Садовскій Дикого, играетъ-же Шумскій Добротворскаго, играетъ же П. В. Васильевъ—Милашина; его братъ, С. В. игрывалъ весьма второстепенныя роли у Островскаго; въ «Доходномъ Мѣстѣ» онъ хотѣлъ взять роль Бѣлогубова.

Отчего-же г. Самойловъ не можетъ сдѣлать этого? Хорошаго актора нигдѣ не затрутъ.

Безусловныя похвалы, расточаемыя г. Самойлову, столь-же для него вѣроятно непріятны, какъ и безусловныя порицанія.

Никто конечно болѣе г. Самойлова не пренебрегалъ развитіемъ своего прекраснаго дарованія. Г. Самойловъ развивался на французскихъ мелодрамахъ, гдѣ все ложь, все внѣшній блескъ, удачная гри-

Digitized by Google

мировка, эфектный жестъ и за тѣмъ онъ вздумалъ перейти прямо къ Шекспиру. Очевидно такого перехода прямо сдѣлать было нельзя; очевидно, что многое ложное, привившееся къ его таланту, не могло прямо оставить его: оно замѣтно и до сихъ поръ.

Г. Самойловъ почувствовалъ это и вздумалъ играть Островскаго,— и тутъ новая ошибка. И тутъ онъ началъ выбирать эфектныя роли. Такъ онъ игралъ уже Петра въ «Не такъ живи какъ хочется», и говорятъ будетъ играть Льва Краснова. Къ чему же безплодныя пробы? Не лучше-ли прямо обратиться къ ролямъ, свойственнымъ его таланту, изъ быта ему знакомаго? Не лучше-ли для дѣла пожертвовать ложными эфектами? Не лучше-ли способствовать успѣху пьесъ, а не единственно своему собственному?

Не лучше-ли, наконецъ, бросить излишнія заботы о гримировкѣ? Велика похвала для актера, что онъ отличный *гримъ*! Надо на характеръ лица обращать вниманіе, а не преимущественно на его внѣшность. Что важнѣе, то-ли, что Лиръ старикъ, или внутренній міръ этого несчастнаго короля? зачѣмъ-же г. Самойловъ обратилъ вниманіе не на всю роль, а на два, на три эфектныя мѣста? Будто высшее и серьознѣйшее въ жизни Лира то мѣсто, гдѣ онъ кричитъ: «мышь, мышь»? А вѣдь это именно мѣсто и выдается въ игрѣ г. Самойлова.

Мы нарочно остановились подольше на г. Самойловѣ; безобразныя насмѣшки надъ его талантомъ ни къ чему не ведутъ, равно какъ и безобразныя похвалы. А таланта г. Самойлова никто, конечно, отвергать не будетъ.

Роль Оброшенова г. Самойловъ игралъ съ своими обычными достоинствами и недостатками. Онъ и тутъ болѣе вниманія обратилъ на внѣшнюю сторону роли и конецъ третьяго акта, по нашему мнѣнію, драматизировалъ немного излишне. О роли «Петра» мы погодимъ *покуда* говорить.

Роль Хрюкова — но да извинитъ насъ читатель на сегодняшній разъ! Мы намѣрены измѣнить обычной краткости отзывовъ о г. Бурдинѣ и сказать о немъ нѣсколько подробнѣе. Причина этому не самъ г. Бурдинъ (т. е. не его талантъ, или безталанность), а причины другія, и именно:

1) Г. Бурдинъ, самый яркій представитель ложной сценической игры, занимаетъ весьма часто первыя роли и весьма часто играетъ,— а потому поневолѣ на него обращаешь вниманіе. Кромѣ того, мы вѣдь еще и деньги за это платимъ.

2) У меня есть нѣкоторый знакомый дилетантъ, который упрекаетъ меня въ томъ, что я пристрастенъ и что г. Бурдинъ *другимъ* нравится. Сей дилетантъ важенъ не самъ по себѣ, а какъ представитель извѣст-

Digitized by Google

наго воззрѣнія на театръ, и такъ какъ дилетантизмъ въ дѣлѣ искусства чуть-ли не хуже рутины, то поговоримъ и о семъ дилетантизмѣ.

Г. Бурдинъ играетъ на два манера: одинъ можно назвать *скромной* игрой, другой Ап. Григорьевъ весьма удачно назвалъ игрой съ *бенгаликой*.

Скромныя роли г. Бурдина слѣдующія: Бѣлогубова, Хрюкова, бургомистра въ «Горькой судьбинѣ» и откупщика въ «Мишурѣ».

Всѣ прочія—принадлежатъ къ другой категоріи.

Первыя роли, т. е. скромныя, г. Бурдинъ играетъ безцвѣтно и однотонно. Въ Бѣлогубовѣ онъ изображаетъ какого-то сладенькаго подмигалу, хотя Бѣлогубовъ вовсе не таковъ по натурѣ. Онъ человѣкъ скромный, признательный, дѣловой и даже по своему добрый, готовъ родственникамъ помогать. Это продуктъ подъячества, гдѣ все дѣлалось по простотѣ и по душѣ, безъ всякихъ ухищреній и подлизальствъ, гдѣ брали чтобъ сдѣлать дѣло и строго осуждали мошенничество (вспомните разговоръ въ трактирѣ). Г. Дуськинъ, молодой актеръ, понялъ все это лучше г. Бурдина и развѣ наша это вина? Такой-же сладости подпустилъ г. Бурдинъ и въ исполненіе роли Хрюкова. Въ игрѣ г. Бурдина Хрюковъ весьма мало на купца похожъ; это какой-то сластолюбивый селадонъ; сладкими рѣчами хочетъ онъ очаровать старшую дочь Оброшенова. А развѣ таковъ долженъ быть Хрюковъ? Какая у него сладость? Онъ грубъ и прямо предлагаетъ дѣвушкѣ идти къ нему въ экономки, не постигая: что тутъ обиднаго для нее? Деньги вѣдь даютъ.

Но такая игра еще ничего; она не слишкомъ обижаетъ васъ. Она научаетъ васъ одному: именно, что *стараніе никогда не замѣнитъ таланта*.

Но другія роли, съ бенгаликой, оскорбляютъ всякое мало мальски развитое нравственное и эстетическое чувство. Возьмемъ, для примѣра, три важныхъ момента въ трехъ роляхъ: Бородкина, Кита Китыча и Льва Краснова.

1) Когда Бородкинъ дѣлаетъ благородное дѣло и радостный и свѣтлый, остается одинъ, попросивши Авдотью Максимовну на время уйти,—какъ изображается это г. Бурдинымъ? Г. Бурдинъ обращается къ публикѣ подперши руки фертомъ, и затѣмъ проходитъ по сценѣ, потирая руки и заливаясь грубымъ смѣхомъ. Раекъ хохочетъ. Развѣ это хорошо: выставлять благородное дѣло честнаго парня на смѣхъ? Развѣ это не оскорбленіе нравственнаго чувства?

2) Когда Китъ Китычъ смиряется передъ правдой въ лицѣ учителя Иванова, — что дѣлаетъ г. Бурдинъ? Онъ остается одинъ, сперва молчитъ, затѣмъ руки въ боки и маленькими шажками пробѣгаетъ по

Digitized by Google

сценѣ. Раекъ хохочетъ. Надъ чѣмъ? что человѣкъ созналь, что онъ неправъ, надъ тѣмъ, что онъ поклонился правдѣ? Хорошо это?

3) Левъ Красновъ объясняется въ любви съ женою. Свѣтлая, чистая минута! Что-же дѣлаетъ г. Бурдинъ? У него на первомъ планѣ сладострастныя, животненныя чувства; грубое обращеніе; дикій хохотъ. Раекъ опять смѣется. Надъ чѣмъ? Надъ тѣмъ, что простой человѣкъ можетъ любить? Надъ тѣмъ, что въ его груди святыя чувства есть? Нѣтъ, мы не можемъ видѣть этого хладнокровно, тѣмъ болѣе хвалить это.

4) Мало того, послѣ убійства жены, г. Бурдинъ падаетъ съ судорогами на полъ. Это для чего?

Да, какъ же оскорбительно видѣть такія представленія! Негодованіе кипитъ въ насъ! Можетъ быть это и нравится тѣмъ *другимъ*, которые считаютъ русскаго человѣка за звѣря, и даже за смѣшного какого-то звѣря; но тѣмъ что самъ хочетъ быть русскимъ, потому что чувствуетъ себя русскимъ — видѣть это не переносно. Зачѣмъ массу заставлять смѣяться надъ тѣмъ, что въ ней есть добраго, честнаго, святого? Вѣдь это развиваетъ въ ней мысль, что актеры *нарочно ломаются*, что надо играть *почудной*. Это-ли назначеніе *народнаго* Александрынскаго театра? Это-ли истинное служеніе искуству? Нѣтъ, г. Бурдинъ, въ этихъ случаяхъ, не только не талантливый, но даже *вредный* актеръ!

И мы станемъ впередъ разбирать его игру? Избави Боже! Мы просто станемъ указывать: скромно, или съ бенгаликой игралъ онъ. И для чего разбирать игру г. Бурдина? Сегодня мы сдѣлали это исключеніе ради разъясненія нашихъ взглядовъ, а въ другой разъ для чего это станемъ дѣлать? Для исправленія г. Бурдина? Но что онъ: молодой, начинающій, подающій надежды актеръ? Помилуйте, онъ играетъ двадцать лѣтъ. На что «Голосъ», преданный театру «Голосъ»—и тотъ посмѣялся надъ поднесеніемъ лавроваго вѣнка г. Бурдину и замѣтилъ: «не значитъ-ли, дескать это, что г. Бурдину пора отдохнуть на лаврахъ»?

А если есть люди, ставящіе г. Бурдина наравнѣ съ Садовскимъ,— то такихъ людей надо выставлять на показъ. Впрочемъ, мало-ли какіе есть люди! Есть господа, ставящіе г. Кукольника выше Шекспира и г. Зайцева выше Бѣлинскаго. О такихъ, всякая уважающая себя и искуство критика должна сказать: на всякое чиханье не наздравствуешься.

Шилохвостова игралъ г. Горбуновъ. Это не совсѣмъ удачная его роль, и неудачна потому, что г. Горбуновъ просто-на-просто читалъ ее, какъ читаетъ своего Блондена. А роль совершенно въ его сред-

Digitized by Google

стяхъ. Играть не значитъ только говорить смѣшнымъ тономъ. Впрочемъ г. Горбуновъ и самъ это знаетъ...

Г-жу Владимірову мы не видали въ роли Анны Павловны,—такъ какъ она больна;—что касается г-жи Брошель, то объ исполненіи ею роли Вѣрочки скажемъ въ другой разъ. Некстати какъ-то сегодня будетъ говорить о г-жѣ Брошель. Авось болѣе свѣтлая минута скоро выдастся, тогда мы подробнѣе скажемъ и о ея талантѣ вообще.

«Шутники» прошли безъ всякаго ансамбля. О г-жахъ Ѳедоровыхъ, Вороновыхъ и т. д. пусть пишутъ фельетонисты; намъ съ ними нечего дѣлить.

Дм. Аверкіевъ.

P. S. *Отставка П. В. Васильева.* Сейчасъ мы прочли въ газетахъ о томъ, что П. В. Васильевъ вышелъ въ отставку.

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Русскій народъ по нѣмецкому разумѣнію.—До чего дошли свѣдѣнія о пожарахъ.—Всероссійская сельско-хозяйственная выставка.—Циркуляръ о долговыхъ взысканіяхъ.—Близость судебной реформы и юридическія чтенія.—Заботы о желѣзныхъ дорогахъ и способахъ скорѣйшаго сооруженія ихъ.

Наша настоящая сентябрьская книга, по извѣстному читателямъ стеченію обстоятельствъ, выходитъ въ самую глубокую осень, почти зимою,—въ ту пору года, когда уже не собираются, а пересчитываются плоды разныхъ лѣтнихъ дѣлъ, подводятся разнаго рода итоги. Въ такомъ духѣ и слѣдовало-бы намъ составить статью. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ подводить итоги,—не говоримъ уже въ буквальномъ, но даже и въ переносномъ смыслѣ,—т. е. составлять полную, округленную рѣчь о столь-же округленномъ, вполнѣ оконченномъ дѣлѣ. Такое дѣйствіе обыкновенно сопровождается довольной улыбкой и радостнымъ потираніемъ рукъ... Къ сожалѣнію немного у насъ въ виду предметовъ, по которымъ мы могли-бы насладиться подведеніемъ итоговъ; потому что все больше представляются начатыя и неоконченныя работы... Мы постараемся кое въ чемъ свести осенніе счеты, но безъ особеннаго потиранія рукъ. За то—можемъ потереть руки по другому, совершенно особенному случаю...

Читатели конечно знаютъ, что герой нашего романа—русскій народъ. Собирательный образъ этого исполина-героя съ нѣкотораго времени даже невольно представляется каждому воображенію, хочешь—не хочешь; но для полнаго и всесторонняго изображенія его надо много времени, много силъ, много рукъ. Цѣлое полчище наблюдателей, изучателей и художниковъ потребно на такое дѣло, и вотъ—мы видимъ, какъ нашъ нѣсколько позабытый герой съ часу на часъ больше и больше овладѣваетъ общимъ вниманіемъ. Самые равнодушные зрители (за малыми безнадежными исключеніями) перестаютъ быть равнодушными зрителями; всѣ, кого ни послышишь, начинаютъ трогать и шевелить его, каждый своими щупальцами, съ разныхъ концевъ и сторонъ... А это-то и доставляетъ намъ удовольствіе, это-то и заставляетъ насъ потирать руки!.. Да чего! за русскій народъ принялись даже тѣ, которымъ въ этомъ случаѣ ужь съ полнѣйшимъ правомъ можно сказать: «не при васъ писано». И кто-бы это думаете вы? Нѣмцы!

Digitized by Google

не русскіе нѣмцы, а настоящіе, германскіе нѣмцы пожелали изобразить русскій народъ... Ну, и изобразили! По ихъ нѣмецкому разумѣнію, русскій народъ есть дикій фанатикъ, пропитанный насквозь революціоннымъ духомъ, стремящійся, въ своей свирѣпой дикости, все разрушить, все сжечь — и помѣщичьи усадьбы, и города и наконецъ... самого себя. Да! такъ въ самомъ дѣлѣ выходитъ по нѣмецкому разумѣнію, потому что русскому народу приписываютъ недавніе пожары, отъ которыхъ пылали сотни и тысячи домовъ этого самаго народа. Впрочемъ это еще только легкая черта, проведенная нѣмецкою рукою. Забирая глубже, нѣмецъ рѣшилъ, что въ русскомъ царствѣ двѣ Россіи: «Россія Царя» и «Россія русскаго народа». Такъ вотъ какъ! Толкуте-ка нѣмцу, что «Россія русскаго народа» не можетъ вообразить себя безъ царя точно также, какъ не можетъ человѣкъ вообразить себя живущимъ безъ головы; что только отъ Бога да-отъ царя и умѣетъ этотъ народъ чаять и желать себѣ защиты и спасенья. Мы-то это здаемъ и ясно представляемъ воззрѣніе этого народа, а подите—пойметъ тутъ васъ нѣмецъ! Русскія газеты, откликаясь на эту заграничную чепуху, рѣшили, что сами нѣмцы до такой мудрости не додумались и ей не вѣрятъ, а пишутъ подъ диктовку кой-какихъ нашихъ доброжелателей, ради кой-какихъ цѣлей. Оно пожалуй что и такъ,—точно нѣмцы пишутъ подъ диктовку доброжелателей; но намъ сдается, что выслушавши этихъ доброжелателей, нѣмцы—чего добраго—и повѣрили имъ на слово. Право отъ нихъ станется!

Вѣдь было когда-то у насъ сказано, что нѣтъ въ мірѣ такой малоизвѣстной для европейцевъ страны, какъ Россія; что китайскую и всякую другую отдаленную народность не въ примѣръ легче европейцу вѣрно изобразить и охарактеризовать, нежели нашу русскую народность,—что не понятны мы имъ почему-то, да и все тутъ!.. Ну, вотъ-же смотрите теперь, не доказываютъ-ли все это нѣмцы своей глубоко-комической попыткой изобразить духъ русскаго народа?

И такъ — мы рады и потираемъ руки оттого что нашъ герой попалъ и подъ нѣмецкое перо. Пусть! Его истинный образъ еще рельефнѣе возникаетъ передъ нами въ виду этого грубаго незнанья и непониманья, этой уродливой, невѣжественно-нацарапанной фигуры. Пусть ихъ даже и не вѣдаютъ, до какой степени они выходятъ смѣшны въ нашихъ глазахъ,—пусть ихъ!

Обратимся-же кой къ какимъ осеннимъ счотамъ... Да кстати: въ пожарахъ нынѣшняго года нѣмцы провидѣли признакъ близкаго революціоннаго кризиса въ Россіи (охъ, да они уморятъ насъ со смѣху!). Ну, вотъ и посмотримъ, до чего дошли наши внутреннія вѣсти объ этихъ пожарахъ, объ ихъ причинахъ и значеніи.

Съ исходомъ сентября мало по малу прекратились и слухи о поджогахъ. Извѣстіе изъ Воронежа о бывшихъ тамъ 20 и 21 сентября

Digitized by Google

трёхъ пожарахъ, въ которыхъ, по словамъ мѣстныхъ вѣдомостей, подозрѣвается поджогъ, было кажется послѣднимъ. Но открыты-ли наконецъ истинныя причины необыкновенныхъ пожаровъ прошлаго лѣта, подтвердились-ли отысканіемъ виновныхъ повсемѣстныя подозрѣнія въ поджогахъ, или пожары кончились лишь по случаю осеннихъ дождей и усиленной бдительности домовладѣльцевъ и полиціи? Вотъ вопросъ, положительный отвѣтъ на который болѣе всего теперь успокоилъ-бы встревоженное населеніе всей Россіи; иначе кто же въ самомъ дѣлѣ поручится, какъ справедливо замѣчаетъ корреспондентъ «Московскихъ вѣдомостей», что съ будущей весны злодѣи не предпримутъ опять чего нибудь подобнаго. Къ сожалѣнію результаты полицейскихъ изслѣдованій въ настоящемъ дѣлѣ до сихъ поръ еще остаются неудовлетворительными. Тѣми немногими фактами, которые добыты полиціею въ подтвержденіе поджоговъ, по сомнительности и незначительности этихъ фактовъ, трудно объяснить ту повсемѣстность и истребительность пожаровъ, какими они были въ августѣ и началѣ сентября. По словамъ «Сѣверной Почты», сообщившей подробное, на достовѣрныхъ источникахъ основанное описаніе симбирскихъ пожаровъ, въ послѣднее время полицейскими розысками отысканы мальчики, дѣлавшіе будто-бы поджоги по подкупу; но къ чему поведутъ эти розыски, прибавляетъ таже газета, теперь опредѣлить еще нельзя. Участіе мальчишекъ въ этомъ страшномъ дѣлѣ открыто и въ другихъ городахъ Симбирской губерніи; такъ напр. въ Корсунѣ взятъ на другой день послѣ бывшаго тамъ 25 августа пожара тамошній мѣщанскій мальчикъ Журавлевъ, который показалъ, что онъ пришолъ на это мѣсто по приглашенію находившагося въ Корсунѣ подъ надзоромъ полиціи поляка, дворянина М., который будто-бы обѣщалъ ему денегъ, далъ три коробки спичекъ и велѣлъ дожидаться на указанномъ мѣстѣ. По М. въ этомъ не сознался. Въ Алатырѣ появившаяся на заборахъ надпись о пожарахъ сдѣлана тоже, какъ открылось, мальчиками изъ шалости. Кромѣ мальчиковъ и кромѣ казненныхъ уже въ Симбирскѣ двоихъ солдатъ, никто еще не обвиненъ въ поджогѣ. Между тѣмъ находимые какъ во время пожара въ Симбирскѣ, такъ и въ другихъ пострадавшихъ городахъ всевозможные зажигательные и разрывные снаряды, съ подписями на нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, и подметныя письма съ угрозами мѣстнымъ властямъ и съ заявленіемъ, что поджигателей нельзя изловить, достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ противъ того, чтобы неразгаданное до сихъ поръ дѣло бывшихъ пожаровъ сваливать на шалости мальчишекъ. Въ деревняхъ Симбирской губерніи, по словамъ «Сѣверной Почты», большею частію подозрѣніе падаетъ на ихъ-же односельцевъ. А въ «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» разсказанъ одинъ странный случай,

Digitized by Google

о поджогѣ 26 іюня казеннымъ крестьяниномъ Шуйскаго уѣзда, села Введенскаго, Волковымъ ярморочнаго гостинаго двора, прилегающаго къ самымъ кельямъ Николаевскаго монастыря въ Шуѣ. Крестьянинъ этотъ, ни кѣмъ не замѣченный въ поджогѣ, но мучимый совѣстью, самъ сознался въ томъ. На спросъ, что принудило его зажечь лавки и не имѣлъ-ли онъ при этомъ соучастниковъ, Волковъ отвѣчалъ, что ни бѣдность, ни корысть, ни месть не были причиною поджога, что участниковъ онъ не имѣлъ и что сдѣлалъ онъ это самъ не зная для чего. Хотя искренности этого сознанія, какъ-бы ни казалось оно страннымъ, можно дать полное довѣріе, потому что оно высказано было за нѣсколько дней до смерти отъ тѣхъ ранъ, которыя Волковъ нанесъ себѣ чтобы смертію избавиться отъ угрызеній совѣсти, но къ сожалѣнію въ сообщавшихъ объ этомъ происшествіи вѣдомостяхъ не объяснено: было-ли сдѣлано дознаніе о состояніи умственныхъ способностей этого крестьянина во время предшествовавшее происшествію.

Темниковскаго уѣзда въ селѣ Линейкѣ также сознала́сь государственная крестьянка въ поджогѣ 31 августа, когда сгорѣло въ томъ селѣ три дома. Но подробности показанія сознавшейся неизвѣстны.

Тяжелый фактъ подозрѣнія въ поджогахъ, которое крестьяне Симбирской губерніи возъимѣли на своихъ односельцевъ, смягчается другимъ болѣе обширнымъ фактомъ — фактомъ того горячаго сочувствія, съ какимъ отозвались сельскіе жители Симбирскаго и ближайшихъ къ нему уѣздовъ на воззваніе предсѣдателя Симбирскаго комитета для пособія погорѣльцамъ о доставленіи въ городъ продовольственныхъ припасовъ для пострадавшихъ, которые въ первое послѣ пожаровъ время почти не имѣли куска хлѣба. Симбирскій комитетъ, доводя до всеобщаго свѣденія о своихъ дѣйствіяхъ и о поступившихъ въ распоряженіе комитета пожертвованіяхъ, заявилъ между прочимъ, что непосредственно за воззваніемъ начался подвозъ печонаго хлѣба изъ деревень и приволжскихъ городовъ, исключительно въ видѣ пожертвованій, и производился въ такомъ изобиліи, что съ 21 августа до возобновленія въ городѣ рыночной продажи, около 10 дней, большинство городскихъ жителей продоводьствовалось пожертвованнымъ хлѣбомъ, а къ 1 сентября, за раздачею, уже оказывался избытокъ продовольственныхъ припасовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета. «Для здѣшнихъ жителей, заявляетъ тотъ-же комитетъ, особенно будетъ памятно усердіе крестьянъ, которымъ наиболѣе обязанъ городъ обезпеченіемъ своего продовольствія въ бѣдственное время непосредственно послѣ пожаровъ. Въ то время какъ фабриканты, купцы и другіе городскіе обыватели присылали сотнями аршинъ сукна и цѣлыя партіи разнаго готоваго платья, крестьяне везли хлѣбъ печоный и въ мукѣ, сухари, крупу, арбузы и другіе предметы сельскаго хозяйства. Денежныхъ пожертвованій на пособіе погорѣвшихъ, по отчоту комитета, напечатанному въ

Digitized by Google

«Сѣверной Почтѣ» (6 октября), поступило, кромѣ суммъ Высочайше пожалованныхъ Государемъ Императоромъ, собственно отъ частныхъ лицъ 9,183 р. 26 к. Но пожертвованія еще продолжаются, и притомъ въ эту сумму не включены деньги, присланныя вѣроятно послѣ составленія отчота, изъ Нижняго Новгорода, болѣе 5,500 руб., собранныя на оффиціальномъ обѣдѣ 30 августа и пожертвованныя мануфактуръ-совѣтникомъ Рукавишниковымъ.

Ну, вотъ и всѣ проявленія изобрѣтеннаго нѣмцами «фанатизма» русскаго народа! Больше ничего нѣтъ, да въ этомъ смыслѣ конечно и не будетъ. Всѣ разъясненія, какія еще могутъ быть сдѣланы полицейскими изслѣдованіями о пожарахъ—куда бы они ни повели,—ужъ конечно никакъ не поведутъ къ тому, къ чему думаютъ нѣмцы.

Слѣдуетъ еще отчотъ о дѣлѣ несравненно болѣе занимательномъ.

Въ половинѣ сентября была открыта долго подготовляемая «всероссійская сельско-хозяйственная выставка» въ Москвѣ. По своему названію, программѣ и предположенной цѣли, она обѣщала высокій интересъ и, что всего важнѣе, практическую пользу для раціональнаго устройства нашего сельскаго хозяйства, требующаго въ настоящее время коренныхъ перемѣнъ, противъ того порядка, какой оно сохранило еще отъ крѣпостного права. Въ докладѣ комиссіи, занимавшейся устройствомъ выставки, высказана была мысль, что цѣлью ея должно быть выраженіе той степени развитія, на которой находится теперь сельское хозяйство и сельская промышленность въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе, какъ правительству, такъ и самимъ хозяевамъ на мѣры, какія должно принять для дальнѣйшихъ успѣховъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Московское общество сельскаго хозяйства, разсматривавшее докладъ комиссіи въ засѣданіяхъ 31 января и 14 февраля прошедшаго года, хотя совершенно признало достоинство такой цѣли, но при этомъ замѣтило, что при настоящемъ положеніи нашего хозяйства и состояніи самого общества, она не совсѣмъ удобоисполнима, а потому положено было, при составленіи программы выставки обратить больше вниманія на практическую сторону дѣла и удобоисполнимость требованій. Московское сельско-хозяйственное общество обратилось ко всѣмъ, имѣющимся въ нашемъ отечествѣ, какъ государственнымъ, такъ и частнымъ общественнымъ учрежденіямъ, посвящающимъ свою дѣятельность развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, съ предложеніемъ принять участіе и въ выставкѣ и въ имѣющихъ происходить въ то-же время сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ; причемъ общество просило сообщить ему, какіе вопросы считаютъ эти учрежденія заслуживающими особаго вниманія, съ тѣмъ чтобы подвергнуть ихъ обсужденію на предстоящихъ съѣздахъ. Если прибавить къ этому, что для содѣйствія выставки въ каждой губерніи, по распоряженію правительства, учреждены были особые вспомогательные комитеты и что программа выставки была ра-

Digitized by Google

зослана при многихъ газетахъ еще въ іюлѣ прошедшаго года, то казалось-бы, нечего больше дѣлать для обезпеченія полнаго успѣха всероссійской выставки. Однако на дѣлѣ вышло иначе. Она далеко не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Экспонентовъ явилось вообще мало, и особенно помѣщиковъ, а нѣкоторыя губерніи остались совсѣмъ безъ представителей своего сельскаго хозяйства и промышленности. Притомъ-же только изъ весьма немногихъ губерній доставлены предметы болѣе или менѣе удовлетворительные, покрайней мѣрѣ выражающіе степень развитія, какой достигла мѣстная сельская производительность. Изъ другихъ-же губерній присланы большею частію такіе скудные образцы, по которымъ рѣшительно ничего нельзя заключить о мѣстномъ хозяйствѣ. Положимъ понятно отсутствіе на выставкѣ Царства Польскаго и нѣкоторыхъ западныхъ губерній; понятно также отсутствіе Востосной Сибири и сибирскихъ киргизовъ, откуда по отдаленности трудно было ожидать чего-нибудь; но почему нѣтъ на выставкѣ напр. Эстляндской и Курляндской губерній, земли Уральскаго войска, земли войска Черноморскаго? И можно-ли считать въ числѣ присутствующихъ на выставкѣ напр. Пензенскую губернію, откуда единственный экспонентъ г. Морозовъ прислалъ два сорта крупъ; губернію Олонецкую,—откуда только горное правленіе выставило образчики глинъ, рудъ и чугуна, и землю войска Донскаго, доставившую только коллекцію антрацитовъ и каменнаго угля.

Почему-же это всероссійская выставка не оправдала надеждъ? Нѣкоторые всю вину сваливаютъ на распорядителей, занимавшихся устройствомъ выставки, и говорятъ: «все вѣдь зависѣло отъ того, какъ будетъ сдѣланъ призывъ къ участвованію въ выставкѣ, какъ будетъ растолковано, что именно желательно видѣть въ ней, какъ будетъ объяснено заблаговременно ея значеніе для сельско хозяйственнаго дѣла, какія наконецъ мѣры будутъ приняты къ облегченію доставки предметовъ разнообразнаго производства.» Но этому замѣчанію можно сопоставить два факта, расказанные — одинъ г. Совѣтовымъ во время преній о выставкахъ, а другой — секретаремъ вольно-экономическаго общества въ общемъ его собраніи. Вотъ эти факты:

Одинъ губернскій комитетъ, говоритъ г. Совѣтовъ, отказался прислать предметы на выставку потому, что это породило въ крестьянахъ нелѣпую мысль, будто отъ нихъ требуютъ сельскихъ произведеній для того, чтобъ судя по нимъ рѣшить, не нужно-ли возвратить земли помѣщикамъ. Секретарь-же вольно-экономическаго общества разсказалъ, какъ одинъ Смоленскій помѣщикъ вздумалъ было собрать для представленія на московскую выставку образцы кустарной промышленности Смоленской губерніи, и долженъ былъ отказаться отъ этой мысли потому, что крестьяне отказались давать ему свои произведенія, опасаясь, что когда увидятъ ихъ на выставкѣ, то увеличатъ съ нихъ сборы.

Digitized by Google

Въ дополненіе къ этимъ двумъ фактамъ, довольно краснорѣчиво объясняющимъ неудачу нашей выставки, можно привести напечатанное въ «Helsingfors-Dagblad» письмо изъ Москвы объ открытіи выставки, въ которомъ между прочимъ говорится: «Русскихъ земледѣльческихъ орудій было чрезвычайно мало; я спросилъ одного изъ мѣстныхъ жителей—отчего это? и получилъ въ отвѣтъ, что русскіе-де фабриканты не охотно посылаютъ свои издѣлія на выставку, на которую допускаются англійскія и нѣмецкія издѣлія, потому что русская публика пристрастна ко всему иностранному. И такъ цѣль моей поѣздки сюда, прибавляетъ писавшій, — ознакомиться съ произведеніями русскихъ фабрикъ, — не достигается обозрѣніемъ выставки».

Если даже и малое число нашихъ сельскихъ хозяевъ такимъ образомъ смотритъ на значеніе и цѣль сельско-хозяйственной выставки, а другая, гораздо большая часть производителей не чувствуетъ настоятельной потребности вести на выставку свои продукты, то всякія толкованія со стороны распорядителей едва-ли достигли-бы успѣха. Выставка есть прежде всего дѣло народное, есть результатъ значительнаго развитія промышленности въ странѣ и сознанной каждымъ производителемъ потребности пропаганды вводимыхъ улучшеній по той или другой вѣтви промышленности. За отсутствіемъ-же этихъ данныхъ, всякія регламентаціи съ цѣлью создать выставку конечно останутся одною мертвою бюрократическою формальностью. На ваши теоретическія объясненія о значеніи выставки мѣстные производители отвѣтятъ пожалуй своими объясненіями въ родѣ тѣхъ, на какія указали г. Совѣтовъ и секретать вольно-экономическаго общества. Замѣчаютъ еще, какъ причину неудачи выставки, что врядъ-ли со стороны ея распорядителей было предпослано хоть нѣкоторое спеціальное изученіе производительности каждой губерніи, съ тою собственно цѣлію, чтобы знать что именно и въ какомъ видѣ слѣдуетъ требовать изъ каждой мѣстности. Но въ такомъ случаѣ не лучше-ли бы ужъ было командировать въ каждую губернію или въ каждое селеніе чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, который-бы потребовалъ отъ сотскихъ свѣдѣніе о занятіяхъ каждаго жителя, а потомъ нарядилъ-бы, что и кому вести на всероссійскую выставку? Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними! Еще пожалуй мы читали замѣчанія, высказанныя въ «Сѣверной Почтѣ», гдѣ несостоятельность выставки находятъ и въ неудачномъ размѣщеніи доставленныхъ предметовъ; но — ужъ если доставка вообще скудна, то искуственнымъ размѣщеніемъ немного поправишь дѣло!

Намъ кажется, что надежды многихъ на всероссійскую выставку не оправдались потому, что онѣ были слишкомъ широки, несоразмѣрны не только съ настоящимъ положеніемъ нашихъ сельскихъ производителей, но и съ тѣми препятствіями, какія представляетъ громадность Россіи, при младенчествующемъ состояніи въ ней путей сообщенія.

Digitized by Google

Воображать себѣ нашу выставку на подобіе выставокъ заграничныхъ было-бы мечтою легкокрылою. На западѣ выставки явились уже тогда, когда сельское хозяйство стояло при такихъ благопріятныхъ условіяхъ для производительности и сбыта, до которыхъ нашему хозяйству еще очень далеко. Кромѣ того мы вѣдь все еще не сплотились въ своей общественности; еще не всѣ другъ съ другомъ познакомились, не всѣ сдѣлались взаимными другъ для друга горячими доброжелателями — въ видахъ общаго дѣла: на западѣ что-то не прослышишь напр. такого факта, какъ совершенное уклоненіе правленія Московско-Рязанской желѣзной дороги отъ содѣйствія всероссійской выставкѣ! И вотъ — опять случай вспомнить про нашъ запоздалый, заднимъ числомъ поощренный гуманизмъ: поселись въ душѣ нашихъ цивилизованныхъ людей самая сущность гуманизма, т. е. искренняя человѣчность, нераздѣльная съ общительностію, съ стремленіемъ къ дружной взаимной подмогѣ во всѣхъ дѣлахъ, изъ которыхъ въ цѣломъ слагается общее народное дѣло, — укоренись въ цивилизованныхъ эта сущность, даже безъ формулы на языкѣ, — не могло-бы быть такого факта...

Но — мы отступили отъ дѣла... Если не оставлять безъ вниманія всѣхъ исчисленныхъ причинъ неоправдавшихся надеждъ, то всероссійская выставка не покажется такою безнадежною, какъ расписали ее во многихъ газетахъ. Пускай она не представила полной характеристики настоящаго положенія производительности каждой мѣстности имперіи, но все-таки она ближе познакомила насъ съ нѣкоторыми родами отечественной промышленности, на которые слѣдовало-бы давно обратить большее вниманіе и правильной оцѣнкой дать имъ болѣе широкую дорогу. Такъ напр. южныя мѣстности, — Крымъ, Кавказъ и Бессарабія, — ежегодно доставляютъ сотни тысячъ ведръ виноградного вина; между тѣмъ едва-ли многіе изъ нашихъ потребителей дѣйствительно знаютъ русскія вина. До потребителя доходятъ они или въ испорченно-фабрикованномъ видѣ или подъ иностраннымъ ярлыкомъ. Присланныя на выставку восемнадцатью главными винодѣлами крымскія вина по достоинству заняли почетнѣйшее мѣсто на всей выставкѣ, а кахетинское вино, какъ представитель туземныхъ лозъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Говорятъ, что кн. Андрониковъ, одинъ изъ главныхъ экспонентовъ на выставкѣ, намѣренъ открыть сбытъ кахетинскому вину въ Россію. Опытъ доставки его на выставку доказалъ возможность пересылать его въ боченкахъ, безъ укупорки въ бутылки, потому что присланное въ боченкѣ кахетинское вино сохранило букетъ и всю свою особенность; для большаго удостовѣренія въ этомъ другой боченокъ съ виномъ отправленъ обратно, для выясненія на мѣстѣ, измѣняется-ли оно при перевозкѣ. Не менѣе отрадное явленіе представлялъ на выставкѣ присланный г. Раевскимъ изъ Крыма хлопокъ, который оказался чистымъ, тонкимъ и длинно-волокнистымъ. Г. Раевскій намѣренъ, неограничиваясь однимъ южнымъ

Digitized by Google

берегомъ, акклиматизировать хлопчатникъ на сѣверномъ склонѣ горъ южнаго берега, и потомъ перенести его въ крымскую степь. Нужно-ли говорить, какую важность и значеніе будетъ имѣть успѣхъ этого намѣренія? Среди продуктовъ, доставленныхъ Бессарабіею, табакъ г. Дегескула съ плантаціи Галешты оказался очень близкимъ къ высокимъ сортамъ турецкаго табаку и по отзывамъ фабрикантовъ ничего лучшаго по табаководству до сихъ поръ Россія еще не имѣла. Онъ не только хорошо воздѣланъ, но правильно выдержанъ и скипованъ, какъ кипуются настоящіе турецкіе табаки. Конечно табаководство и винодѣліе не составляютъ главныхъ статей русской промышленности, не составляютъ они также и предметовъ первой необходимости, а служатъ нѣкоторою роскошью,—но при громадномъ и всеевѣтномъ потребленіи этихъ продуктовъ и той зависимости, въ которой относительно ихъ мы до сихъ поръ находимся отъ иностранныхъ государствъ, — нельзя не посочувствовать успѣшному развитію нашего винодѣлія и табаководства, и нельзя не пожелать, чтобы наши промышленники-капиталисты, убѣдившись, чрезъ доставленные на выставку образцы, въ достоинствѣ этихъ продуктовъ нашего южнаго хозяйства, очистили путь къ ихъ сбыту отъ тѣхъ препятствій, какія напримѣръ слышатся въ просьбѣ крымскихъ винодѣловъ — освободить ихъ производство изъ рукъ евреевъ и кулаковъ, заботящихся только о томъ, чтобы пріобрѣсти вино дешевле, расчитывая на неразборчивый вкусъ русскихъ покупателей.

Говоря о продуктахъ нашего винодѣлія, здѣсь кстати замѣтить, что на выставкѣ явился изъ имѣнія г. Башмакова, Воронежской губерніи, въ первый разъ утѣшительный результатъ опытовъ разведенія у насъ хорошихъ сортовъ хмѣля отъ баварскихъ семянъ. Этотъ продуктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что онъ до сихъ поръ составляетъ у насъ предметъ заграничнаго ввоза и что развитіе пивовареннаго производства, хоть сколько-нибудь замѣтнымъ вытѣсненіемъ «дешовки», можетъ благодѣтельно отразиться на физическомъ и нравственномъ здоровьѣ народа.

Посѣтители выставки сильно заинтересовались также издѣліями Павлова и Ворсмы. Репутація ихъ давно уже утвердилась, — а представленная ими теперь коллекція стальныхъ и желѣзныхъ вещей только доказала, что у насъ въ этомъ родѣ могутъ быть хорошія и притомъ не дорогія вещи, и что если они являются въ торговлѣ дурными и дорогими, то въ этомъ не производители виноваты, а особенность нашей торговли, убивающей своимъ торгашествомъ хорошее производство и честный сбытъ.

Разбирая отдѣльно экспонентовъ каждой губерніи, явившейся на выставкѣ, почти въ каждой изъ нихъ можно замѣтить недостаточность, непредставленіе всѣхъ, даже главныхъ предметовъ промышленности. Укажемъ напр. хоть на одну изъ нашихъ сѣверныхъ губерній,

Digitized by Google

именно Вологодскую, отличающуюся трудолюбивымъ и промышленнымъ складомъ своего народонаселенія. По промышленности она имѣетъ на выставкѣ только двухъ экспонентовъ: начальника губерніи, приславшаго каменный уголь, и заводчика Бенардаки, представившаго образцы чугуна и мелкаго чугуннаго литья,—между тѣмъ какъ, по оффиціальнымъ цифрамъ, изъ разныхъ мѣстъ Вологодской губерніи въ 1850 г. отпущено льну только въ Архангельскъ 438,362 пуд., цѣною почти на полтора милліона руб., и все-таки цифра эта еще не выражаетъ не только всей производительности льна въ Вологодской губерніи, но даже и всего количества его, сплавленнаго по рѣкамъ.

Въ заключеніе этихъ краткихъ замѣтокъ о всероссійской выставкѣ, нужно упомянуть о сочувствіи къ ней, выразившемся во-первыхъ въ громадномъ числѣ вопросовъ присланныхъ государственными и частными сельско-хозяйственными учрежденіями, по приглашенію совѣта Московскаго общества сельскаго хозяйства,—тѣхъ вопросовъ, которые они сочли заслуживающими особаго вниманія, чтобы ихъ подвергнуть обсужденію на съѣздахъ во время выставки; и во вторыхъ—въ числѣ посѣтителей выставки. Въ теченіи двадцати дней, съ 15 сентября по 4 октября, посѣтило выставку 18,712 человѣкъ, не считая членовъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, экспертовъ, депутатовъ, экспонентовъ и ихъ уполномоченныхъ, получившихъ даровые сезонные билеты на все время выставки. Изъ общаго числа стороннихъ посѣтителей было: въ отдѣленіи скотоводства (чрезвычайно бѣдномъ, сказать мимоходомъ), 5,755 человѣкъ и въ главномъ помѣщеніи выставки 12,957 человѣкъ.

Наконецъ—не можемъ не привести еще нѣсколько словъ изъ корреспонденціи о выставкѣ, напечатанной въ «Morning Herald.» Тамъ между прочимъ сказано: «Самая выдающаяся черта настоящей выставки—преобладаніе въ ней крестьянскаго элемента; экспоненты изъ крестьянъ составляютъ рѣшительное большинство, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что для нихъ доставленіе на выставку своихъ произведеній было сопряжено съ значительною тратою труда, времени и денегъ.»

Кредитъ производитъ новыя капиталы, говорятъ экономисты. Въ самомъ дѣлѣ такъ; это хитрое съ виду положеніе и для не экономистовъ объясняется очень просто. Въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ достаточной гарантіи противъ неисправныхъ должниковъ, всѣ тѣ денежныя средства, владѣльцы которыхъ по неспособности, неумѣнью или невозможности сами не занимаются производительными предпріятіями,—больше берегутся у нихъ какъ мертвый капиталъ, нежели вѣряются лицамъ, могущимъ и умѣющимъ употребить ихъ производительно. Такимъ образомъ вся масса денежныхъ средствъ, составляющая излишекъ про-

Digitized by Google

тивъ насущныхъ потребностей, оставаясь извѣстное время безъ движенія, составляетъ капиталъ какъ-бы несуществующій. Кредитъ-же, поддерживаемый неослабно-дѣйствующими противъ неисправныхъ должниковъ законоположеніями, вызываетъ къ жизни этотъ капиталъ, переводитъ его въ руки производительныя и стало быть какъ-бы даетъ новыя капиталы обществу. Развитіе кредита въ извѣстномъ обществѣ обусловливаетъ развитіе промышленности и торговли, успѣхи которыхъ безъ кредита невозможны. Въ тѣхъ государствахъ западной Европы, которыя раньше другихъ поняли вліяніе торговли на благосостояніе страны, для поддержанія кредита въ дѣлахъ торговыхъ, создался особенный родъ обязательствъ,—обязательствъ по векселямъ, къ исполненію которыхъ законодательство предписало особенныя и самыя строгія мѣры. Вексель перешолъ и въ нашъ кодексъ. Но такъ какъ онъ былъ цѣликомъ заимствованъ отъ иностранцевъ, а не выросъ изъ сознанія необходимости его въ нашемъ народѣ, то характерное его значеніе у насъ на практикѣ сгладилось; онъ сталъ въ ряду обыкновенныхъ долговыхъ обязательствъ, какъ заемное письмо. Наше законодательство, вполнѣ сознавая важность развитія кредита въ государствѣ и значеніе для него строгихъ и немедленныхъ мѣръ взысканія по долговымъ обязательствамъ, постановило по этому предмету подробныя и опредѣлительныя правила. Но исполнители этихъ правилъ такъ хорошо овладѣли ими, что процедура взысканія долговъ сдѣлалось въ ихъ рукахъ чѣмъ-то растяжимымъ по произволу до безконечности, что̀ и должно было конечно крѣпко придержать развитіе кредита. Люди, рѣшавшіеся ссужать деньги, разсчитывая, что можетъ быть придется обратиться къ полиціи или суду для взысканій съ неисправнаго должника, вымогали громадные проценты, въ обезпеченіе риска, которому подвергалась ихъ ссуда. Та большая часть нашего общества, которая не имѣетъ возможности не только изучать отечественное законодательство, но и читать его, слабыя дѣйствія исполнителей закона по долговымъ взысканіямъ относитъ къ слабости закона, полагая, что законъ не предупредилъ возможности тѣхъ проволочекъ и обхода закона, которыя дозволяютъ себѣ полицейскія власти по частнымъ взысканіямъ, какъ при первоначальномъ предъявленіи должнику его долговаго обязательства, такъ въ послѣдующемъ производствѣ этихъ дѣлъ и даже при послѣднемъ дѣйствіи — описи имѣнія должника для продажи на удовлетвореніе взысканія.

Долгое существованіе такого безпорядка въ одной изъ главныхъ сторонъ общественной жизни невольно заставляло предполагать, что нашему высшему полицейскому управленію неизвѣстны неправильныя дѣйствія въ такихъ дѣлахъ полицій нисшихъ. Поэтому появленіе въ послѣднее время циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 21 августа) къ начальникамъ губерній, въ которомъ подробно и главное — вѣрно

Digitized by Google

объяснены всѣ неправильныя дѣйствія полицейскихъ мѣстъ и лицъ при взысканіяхъ долговъ, должно имѣть важное значеніе въ денежныхъ дѣлахъ частныхъ лицъ. Циркуляръ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ по своему содержанію представляетъ не одно только оффиціальное распоряженіе, сдѣланное для разъясненія дѣла, но дѣйствительно служитъ выраженіемъ того недовольства полицейскими дѣйствіями по частнымъ взысканіямъ, которое всюду слышится въ обществѣ. Онъ обстоятельно, шагъ за шагомъ прослѣдилъ, какъ до сихъ поръ дѣйствуетъ въ такихъ дѣлахъ полиція, и указалъ какъ должна она дѣйствовать, чтобы законъ былъ исполненъ во всей его силѣ. Онъ вывелъ наружу, какъ мѣстныя полиціи, при предъявленіи долговаго акта, ограничиваются свѣдѣніемъ объ отсутствіи должника изъ мѣста жительства и пересылаютъ долговой актъ изъ одной полиціи въ другую, смотря потому куда переѣзжаетъ должникъ; какъ они бездѣйствуютъ вслучаѣ безвѣстной отлучки должника; какъ потомъ тянутъ время принимая разныя неосновательныя отзывы отъ должника, и какъ наконецъ безполезно тянется много времени при составленіи описи имѣнія должника.

Замѣченныя министромъ отступленія нашихъ полицейскихъ властей отъ точнаго исполненія закона доказываютъ, что составъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ полицій, не смотря на увеличенныя имъ въ послѣднія годы оклады, мало измѣнился. Дѣйствительно, полицейскія должности не привлекаютъ почему-то тѣхъ молодыхъ людей, которыя получаютъ образованіе въ юридическихъ факультетахъ. Между тѣмъ дѣятельность ихъ на этомъ поприщѣ была-бы кажется не менѣе полезна, чѣмъ на поприщѣ судебномъ. Полицейскій чиновникъ, по своимъ обязанностямъ, постоянно состоитъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ съ частными лицами; его дѣйствія часто неуловимы для контроля, и потому только просвѣтленныя нравственныя понятія дѣятеля могутъ служить вѣрною гарантіей противъ его недобросовѣстности. Иначе конечно никакіе циркуляры не помогутъ.

О! да и сколько дѣла предстоитъ людямъ съ ясными понятіями для служенія русскому люду! Вотъ говорятъ, что наша судебная реформа быстро двигается къ концу. Въ газетахъ давно заявляли, что проектъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства уже разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, и что въ октябрѣ можно ожидать и окончательнаго разсмотрѣнія проекта судоустройства. Теперь стало быть надо ждать, что совершится наконецъ это важное дѣло, къ которому слѣдовало-бы каждому приготовиться и прибраться, какъ къ какому-нибудь большому празднику... То есть какъ-же готовиться? Конечно не обновки шить, а все-же таки нужно... Нужно, чтобы реформа не понеслась надъ нашими головами, надъ головами безмолвно созерцающихъ новое явленіе и не-

Digitized by Google

подвижно чающихъ отъ него всякой благодати. Или и тутъ будетъ также, какъ и всегда, и мы опять, какъ и всегда не будетъ знать кого винить? Послѣднее вѣроятнее, а впрочем обратимся къ дѣлу... Да мы и вообще того мнѣнія, что по крайней мѣрѣ обществу во всѣхъ такихъ случаяхъ всегда слѣдовало-бы сдѣлать все, что только отъ него зависитъ, чтобъ помочь начинающемуся дѣлу: Совѣсть потомъ покойнѣе, правѣе какъ-то человѣкъ становится и компетентнѣе потомъ его мнѣніе. Но съ другой стороны и общество-то какъ-то на все махаетъ рукой. «День» говоритъ, что оно оскудѣло, что въ немъ изсякъ родникъ живой силы. Правда иль нѣтъ? Наше мнѣніе, что по крайней мѣрѣ для одной половины—правда. Дѣло въ томъ, что въ наше время факты ослѣпительные, громадные проходятъ передъ нашими глазами; но такъ много этихъ фактовъ, такъ неприготовлены мы теперь еще къ нимъ и, сверхъ того, такъ близко отъ нихъ стоимъ, что осмыслять-то настоящимъ образомъ наше время только развѣ наши потомки. Является вопросъ: скажутъ-ли они намъ за что-нибудь спасибо? Не думаемъ, чтобъ очень ужъ они насъ бранили. Имъ будетъ виднѣе нашего и яснѣе они поймутъ дѣло.

Мы знаемъ, что въ столицахъ и нѣкоторыхъ губерніяхъ еще съ прошлаго года начали образовываться изъ лицъ получившихъ юридическое образованіе частныя общества, взявшія себѣ задачею практически подготовиться къ той дѣятельности, на которую придется выступить при введеніи гласнаго судопроизводства. Но такихъ обществъ, которыхъ до сихъ поръ все-таки чрезвычайно мало, еще недостаточно для того чтобы облегчить успѣшное дѣйствіе будущихъ судовъ. Для этого нужно, чтобы хотя основныя юридическія понятія проникли въ массу народа, которому будутъ открыты залы суда и изъ среды котораго будутъ назначаться присяжные засѣдатели. Для этой важной цѣли у насъ до сихъ поръ ничего де сдѣлано. Юридическія книги, какъ извѣстно, не читаются у насъ не только простымъ грамотнымъ людомъ, но даже и среднимъ классомъ, развѣ за самыми малыми исключеніями. Такія книги у насъ считаются предметомъ чтенія однихъ ученыхъ, и самыя провинціальные законники, ходоки по дѣламъ, ограничиваются знаніемъ только тѣхъ статей свода, съ которыми чаще приходится имъ имѣть дѣло. Чтобы уничтожить этотъ ложный страхъ къ недоступной премудрости, — страхъ мѣшающій распространенію чтенія немногихъ нашихъ юридическихъ книгъ,—чтобы заохотить къ этому чтенію—есть одно прекрасное средство: публичныя чтенія изъ области права. Но оно у насъ еще совсѣмъ не въ ходу, а если и случается изрѣдка что-нибудь подобное, то только въ столицахъ, гдѣ оно меньше нужно, чѣмъ въ губерніяхъ. Поэтому дѣйствительно можно считать «феноменальнымъ явленіемъ», какъ говоритъ корреспонденція «Голоса», прочитанныя недавно въ Ярославлѣ совѣтникомъ тамошней палаты госу-

Digitized by Google

дарственныхъ имуществъ Лукашевичемъ публичныя лекціи по уголовному праву. Г. Лукашевичъ прочолъ сначала двѣ лекціи по обзору уголовныхъ законодательствъ во всемірно-историческомъ ихъ развитіи; а потомъ, по единодушному желанію публики, еще прочолъ третью, въ которой изложилъ основныя начала карательнаго права и указалъ на развитіе идей, положенныхъ въ основу теоретическихъ изысканій по этому предмету. Здѣсь онъ разсказалъ ученіе лучшихъ криминалистовъ, а затѣмъ высказалъ свои понятія о преступленіяхъ и наказаніяхъ; въ первыхъ-же двухъ лекціяхъ объяснилъ причину общности законодательныхъ идей у народовъ извѣстнаго періода и времени. Корреспондентъ «Голоса» говоритъ: «Вообще видно было, что г. Лукашевичъ, хотя, какъ извѣстно, всю жизнь свою вращался въ тѣсной сферѣ служебной дѣятельности, не переставалъ однако-жъ слѣдить за ходомъ науки, и выработалъ въ себѣ убѣжденія, съ которыми имѣлъ право явиться на поприще публичнаго чтенія лекцій. Желательно-бы было чтобы подобныя личности, скрытыя доселѣ для общества, являлись почаще на сцену публичной дѣятельности и развивали у насъ любовь къ общественнымъ дѣламъ.» Конечно желательно-бы, но что-же и кто скрываетъ теперь такія личности, которыя по своему образованію могли-бы посильно оказывать такую важную услугу обществу? На апатію общества тутъ сослаться нельзя; это подтвердилось и на лекціяхъ г. Лукашевича. Жаль только, что корреспондентъ не сказалъ, какова была публика на лекціяхъ, — на сколько онѣ были публичными; дѣйствительно-ли въ залу чтенія допускался всякій желающій, или только избранные, какъ большею частію бываетъ у насъ въ такихъ случаяхъ. Если эти лекціи были такъ сказать ограниченно-публичными, то слушать ихъ безъ сомнѣнія пришлось главнымъ образомъ той-же чиновничьей средѣ, которую корреспондентъ называетъ «всегда болѣе или менѣе чуждою наукѣ.» Грустно однако такое замѣчаніе о нашемъ чиновничествѣ. Кто-же у насъ не чуждъ наукѣ? Неужели только профессора университетовъ? — Куда-же дѣваются тѣ, которыхъ ежегодно выпускаютъ университеты? Вѣдь они, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ поступаютъ въ чиновничью среду и развѣ они сглаживаются такъ на сколько, что становятся чуть не тотчасъ-же чуждыми наукѣ? Теперь въ каждой губерніи въ числѣ чиновниковъ есть нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, и пусть хоть-бы благой примѣръ Лукашевича напомнилъ имъ, что они вынесенными изъ университета познаніями могутъ теперь особенно послужить обществу. Но приступая къ такому чудесному подвигу — внесенію науки въ жизнь, — они конечно должны будутъ употребить весь свой тактъ на то, чтобы избрать для того пріемы, наиболѣе соотвѣтствующіе и степени развитія, и насущнымъ нуждамъ окружающей ихъ среды.

Говоря о всероссійской выставкѣ, мы въ числѣ прочихъ, не по-

Digitized by Google

торымъ не оправдались черезъ чуръ широкія надежды на успѣхъ этой выставки, упомянули о младенчествующемъ состояніи у насъ путей сообщенія. Въ самомъ дѣлѣ—въ этомъ, какъ и въ тысячѣ другихъ случаевъ являются все новыя, нудящія подтвержденія мысли о необходимости скорѣйшей постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ,—такъ что возгласы объ этой необходимости начинаютъ даже дѣлаться общимъ мѣстомъ. Поэтому всѣ состязанія, которыя въ послѣднее время дѣлаются сильнѣе и сильнѣе въ нашей журналистикѣ по дѣлу желѣзныхъ дорогъ, касаются только вопросовъ о томъ, черезъ какія пункты должны съ большею выгодою пролегать проектированныя дороги, какія линіи должны быть окончены поспѣшнѣе, и наконецъ — самый важный вопросъ—какими средствами строить ихъ? Въ разрѣшеніе перваго изъ этихъ вопросовъ главное управленіе путей сообщенія проектировало слѣдующую сѣть желѣзныхъ дорогъ: 1) южная линія — отъ Москвы, черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Екатеринославль и Александровскъ, въ Крымъ, черезъ Симферополь до Севастопольскаго порта, всего протяженіемъ около 1400 верстъ; 2) восточная линія—отъ Орла черезъ Тамбовъ до Саратова,—протяженіемъ 680 в.; 3) западная линія,—отъ Орла черезъ Смоленскъ и Витебскъ до Динабурга (гдѣ начинается существующая рижско-динабургская желѣзная дорога и проходитъ С.-Петербурго-Варшавская), и далѣе—отъ Риги, чрезъ Митаву до Либавы; всего протяженіемъ, не считая 204 в. рижско-динабургской дороги, около 945 в.; 4) югозападная и одесская линія — отъ Одессы, черезъ Балту, Брацлавъ и Липовецъ въ Кіевъ, и отъ Кіева, чрезъ Черниговъ, на соединеніе съ западной линіею между Брянскомъ и Рославлемъ, протяженіемъ 1065 верстъ.; и 5) юговосточная или антрацитная линія—отъ Екатеринославля до Грушевки (откуда уже устроена грушевская желѣзная дорога къ Дону, у Аксая), протяженіемъ 380 верстъ. Такимъ образомъ главнымъ управленіемъ проектировано всего въ сложности по 5 линіямъ около 4510 верстъ. Изъ этихъ пяти линій: южная, часть югозападной,—отъ Кіева до Одессы, съ вѣтвію къ Днѣстру у Тирасполя, и часть западной,—отъ Витебска до Динабурга, уже утверждены окончательно, а отъ Одессы до Тирасполя — даже почти и готова. Изъ остальныхъ-же дорогъ нѣкоторыя еще не утверждены окончательно и могутъ подвергуться измѣненію, смотря по обстоятельствамъ. Кромѣ этой главной сѣти, предполагаются и другія линіи. Но вопросъ: какимъ образомъ строить всѣ эти дороги и на какія средства—положительно все-таки не разрѣшенъ. Много было высказано по этому предмету предположеній, явились отдѣльныя брошюры, какъ напр. брошюра Силина, похожая на объявленіе о польской лотереѣ, занимчивая только по надписи на обложкѣ; но проектированныя дороги все двигаются тихо. Наши экономисты и не экономисты стараются доказать, на основаніи теоретическихъ соображеній, выгод-

Digitized by Google

но или нѣтъ уступать постройку желѣзныхъ дорогъ иностраннымъ капиталистамъ; строить-ли ихъ отъ казны или передавать частнымъ русскимъ компаніямъ, и наконецъ—гдѣ и какъ взять нужныя для постройки деньги. Соображенія эти, вызываемыя справедливымъ сочувствіемъ къ такому великому дѣлу и доказывающія настоятельность этого дѣла, конечно не останутся безполезными; но мы полагаемъ, что независимо отъ соображеній и для нѣкотораго подспорья имъ, полезно будетъ намъ теперь обратиться къ собственному опыту и внимательно слѣдить за каждымъ благопріятнымъ и неблагопріятнымъ явленіемъ въ медленномъ ходѣ постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Постройка существующихъ теперь линій представляетъ уже намъ нѣкоторыя поучительныя факты къ разрѣшенію возникшихъ вопросовъ, такъ какъ постройка эта производилась различными способами. Послѣ восточной войны, во время акціонерной горячки, французское главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ обѣщало въ 10 лѣтъ покрыть всю Русь сѣтью желѣзныхъ путей. Но исполненіе этого обѣщанія, какъ извѣстно, очень далеко не дошло до конца, и забота о наиболѣе желательной южной дорогѣ осталась не во французскихъ головахъ. Важность этой линіи и насущная потребность въ ея проведеніи сказывались слишкомъ громко, и вотъ—появляется другая иностранная компанія—компанія англійскихъ капиталистовъ, которая взялась было, по концессіямъ, строить южную линію отъ Москвы до Севастополя и часть западной—отъ Динабурга до Витебска; но тоже, какъ слышно, теперь отказывается отъ этихъ построекъ. Эти два факта кажется хорошо говорятъ, что постройка нашихъ желѣзныхъ дорогъ чрезъ иностранныя компаніи, при той настоятельной надобности въ нихъ, которая такъ ясно сознается теперь, не только убыточна для насъ, какъ вычисляетъ г. Силинъ, на невообразимую цифру 1,238,069,000,000 р., но просто-таки ненадежна. Николаевская желѣзная дорога построена казною. Она дѣйствительно дорого обошлась, но за то по солидности работъ считается въ числѣ лучшихъ въ свѣтѣ, и несмотря на то что проходитъ не чрезъ самыя города, встрѣчающіеся по пути, а по большей части въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ,—она по доходу одна изъ самыхъ выгодныхъ въ свѣтѣ. Казна-же построила теперь почти уже оконченную линію отъ Одессы до Тирасполя (405 в.). Постройка этой дороги, производимая новымъ способомъ—посредствомъ штрафныхъ солдатъ и арестантовъ гражданскаго вѣдомства—возбудила порицанія, которыя въ свою очередь послужили поводомъ къ ближайшему изслѣдованію годности этого способа, и результатомъ этого изслѣдованія явилось напечатанное въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» заявленіе отъ главнаго начальства Новороссійскаго края, въ которомъ заявленіи говорится, что главноуправляющій путями сообщенія, осмотрѣвъ лично работы одесско-парканской и одесско-балтской желѣзныхъ дорогъ, объявилъ словесно гене-

Digitized by Google

ралъ-губернатору, что работы эти превзошли его ожиданія относительно солидности, отчетливости и вообще успѣха ихъ; а въ данномъ затѣмъ генералъ-губернатору письменномъ отзывѣ инженеръ генералъ-маіоръ Мельниковъ сообщилъ, что онъ нашолъ исполненныя работы вполнѣ удовлетворительными, какъ по качеству и успѣху, такъ въ особенности по организаціи и содержанію рабочихъ ротъ штрафныхъ солдатъ и арестантовъ гражданскаго вѣдомства. Онъ заявилъ при этомъ, что такое учрежденіе составляетъ большую заслугу учредителей, тѣмъ болѣе что, поддержанное въ настоящемъ его видѣ, оно можетъ принести большую пользу при дальнѣйшемъ развитіи работъ желѣзныхъ дорогъ въ южной Россіи, гдѣ встрѣчается столько затрудненій въ пріобрѣтеніи и сохраненіи большого числа рабочихъ». Къ этому еще прибавлено въ заявленіи, что инспектировавшій 1-ю и 2-ю рабочія бригады генералъ-маіоръ баронъ Деллингсгаузенъ нашолъ ихъ въ совершенномъ порядкѣ и удостовѣряетъ, что люди пользуются отличною пищею, которая и не можетъ быть дурною, при наблюденіи самими нижними чинами за отпускомъ продуктовъ хорошаго качества и въ должномъ количествѣ.

Согласитесь-же, что такое благопріятное заявленіе о постройкѣ одессо-парижской желѣзной дороги чрезъ штрафныхъ солдатъ и арестантовъ гражданскаго вѣдомства не можетъ не обратить особеннаго вниманія всѣхъ признающихъ необходимость скорѣйшаго устройства у насъ такихъ дорогъ. Здѣсь не мѣсто абстрактно разбирать выгоды труда свободнаго и невыгоды—принудительно-наемнаго. Теоріи по этому предмету хорошо извѣстны каждому. Мы только хотимъ указать на фактъ и сдѣлать такую посылку: если компаніи, строившія желѣзныя дороги, вели свое дѣло вяло; если новыхъ компаній не составляется; если нѣтъ достаточныхъ средствъ строить дороги отъ казны посредствомъ труда вольнонаемнаго, и если наконецъ работы посредствомъ арестантовъ идутъ успѣшно, обходятся дешевле и рабочіе довольны,—то... сдѣлайте сами заключеніе!..

Во всѣхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ мы все еще должны искать и ищемъ по мѣрѣ силъ—способовъ наиболѣе сподручныхъ. Не будемъ искать, такъ и не найдемъ ничего, а будемъ только пробавляться готовыми теоріями, безпрестанно ломающимися на дѣлѣ. Въ этихъ поискахъ всякій фактъ долженъ быть записанъ и принятъ во вниманіе; тутъ встрѣтятся можетъ быть не одни работы штрафными солдатами, а и другія подобныя явленія, которыя съ виду будутъ шокирующими и противными теоріямъ, а на дѣлѣ окажутся удобными и сподручными. Что-же тогда—способъ-ли негоденъ, или теорія нейдетъ къ дѣлу?

Баронъ Э. Розенъ помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»

Digitized by Google

статью о производствѣ работъ по государственнымъ сооруженіямъ, преимущественно работъ земляныхъ,—войсками. Въ статьѣ изложены всѣ неудобства, какія оказывались въ этомъ дѣлѣ на опытѣ; разсмотрѣны причины неудачныхъ опытовъ; но приведенъ и одинъ примѣръ производства земляныхъ работъ войсками (при постройкѣ одного участка новгородско-псковскаго шоссе),—примѣръ, гдѣ дѣло шло и окончилось съ отличнымъ успѣхомъ. Изъ всей статьи вытекаетъ такое заключеніе: если техникъ-строитель будетъ распоряжаться разумно, основательно и добросовѣстно, если военный начальникъ съ своей стороны будетъ вести себя въ томъ-же духѣ, если между тѣмъ и другимъ не будетъ ни какихъ шпилекъ и оба они будутъ дѣлать каждый свое дѣло по совѣсти, съ искреннимъ желаніемъ пользы этому дѣлу и безъ всякихъ излишнихъ требованій и претензій,—тогда производство земляныхъ работъ войсками выгодно и удобно; главнѣйшая-же отъ него польза въ томъ, что тутъ «призывается новый дѣятель къ созиданію общественнаго благосостоянія, и доселѣ отвлекавшіяся отъ земледѣлія руки остаются при своихъ занятіяхъ». Потому что «полевыя и строительныя работы происходятъ по большей части въ одно и то же время; при усиленной лѣтней потребности въ рукахъ для обоихъ родовъ занятій, трудно набирать рабочихъ для громадныхъ общественныхъ и государственныхъ работъ въ достаточномъ числѣ даже и за дорогую плату» и проч.

Подумаешь въ самомъ дѣлѣ: какое небольшое и нетрудное условіе требуется для того, чтобы употребленіе войскъ на общественныя и государственныя работы было удобно и успѣшно, и какое представляется отъ того полезнѣйшее сбереженіе общественныхъ силъ! Вѣдь мы еще не можемъ имѣть мало войскъ; а они, пока не надобятся «на предметъ своего назначенія»,—все-таки составляютъ огромную непроизводительную массу. Такъ какъ-бы казалось хорошо сдѣлать эту свѣжую, полную силъ массу вполнѣ производительною!.. Мы говоримъ собственно объ экономіи, а тамъ—пусть этотъ вопросъ подвергается какимъ угодно высшимъ соображеніямъ.

Повторяемъ: наша Русь имѣетъ внутреннюю потребность всюду искать *своихъ* способовъ, и чѣмъ больше найдется и выработается ихъ, тѣмъ быстрѣе и ровнѣе потекутъ наши дѣла и тѣмъ скорѣй очутимся мы въ «своей тарелкѣ».

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Начиная нашу бесѣду объ иностранной политикѣ, мы считаемъ нужнымъ предупредить читателя о томъ, какъ мы смотримъ на политическое обозрѣніе въ мѣсячномъ журналѣ. Мы думаемъ, что наше обозрѣніе не должно быть лѣтописью событій, не должно стремиться къ тому, чтобъ указывать на каждую новость въ политическомъ мірѣ, на каждое слово политическихъ дѣятелей и на всѣ сужденія заграничной прессы за промежутокъ времени, истекшій съ выхода послѣдней книжки. Мы думаемъ, что этой цѣли должны удовлетворять газеты. Журналъ-же мѣсячный имѣетъ совершенно другое назначеніе: онъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе на болѣе важныхъ фактахъ, въ которыхъ выражается такъ сказать характеристика политической жизни въ томъ или другомъ государствѣ; онъ долженъ представлять своимъ читателямъ оцѣнку этихъ фактовъ и ихъ значеніе въ общественной жизни; слѣдовательно долженъ говорить лишь о такихъ событіяхъ, которыя уже достаточо выяснились, чтобъ можно было составить о нихъ какое-нибудь заключеніе. Поэтому читатель не найдетъ въ нашемъ обозрѣніи интереса новизны, но всегда можетъ встрѣтить оцѣнку того или другаго факта, имѣющаго значеніе въ событіяхъ нашего времени,—оцѣнку, сдѣланную по крайнему нашему разумѣнію и подкрѣпленную доказательствами. Читатель не встрѣтитъ также въ каждой статьѣ обозрѣнія политической жизни всѣхъ европейскихъ государствъ; мы не можемъ расширить настолько предѣлы нашихъ статей, чтобы удовлетворить этому требованію. Поэтому въ каждой книжкѣ нашего журнала мы ограничимся нѣкоторыми вопросами современной жизни, разсматривая ихъ довольно подробно.

Digitized by Google

Въ предъидущей книжкѣ мы бросили общій взглядъ на положеніе Европы и потомъ остановились на двухъ самыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ нынѣшняго года. Это разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса и натянутое положеніе Итальянскаго королевства, которое вызвало наконецъ франко-итальянскую конвенцію. Мы не можемъ назвать этого послѣдняго договора разрѣшеніемъ римскаго вопроса на томъ основаніи, что эта конвенція намъ кажется лишь средствомъ къ временному успокоенію умовъ въ Италіи, возбужденныхъ до крайности затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ. Чтожъ касается до шлезвигъ-голштинскаго вопроса, то разсмотрѣвъ его въ предъидущей книжкѣ довольно подробно, мы можемъ теперь ограничиться нѣсколькими словами, которыя считаемъ нужнымъ высказать. Въ настоящее время производятся переговоры о мирѣ, который безъ сомнѣнія будетъ заключонъ, а условія его будутъ конечно очень мало разниться съ предварительными положеніями, такъ что эти измѣненія не будутъ имѣть никакого значенія ни для одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Но вмѣстѣ съ этимъ происходитъ переписка, которая не можетъ не обратить на себя вниманія мыслящаго человѣка. Мы говоримъ о представленіи доказательствъ на право престолонаслѣдія въ герцогствахъ. Союзный сеймъ требуетъ теперь этихъ доказательствъ отъ обоихъ претендентовъ: герцога Ольденбургскаго и принца Аугустенбургскаго, и они представляютъ обширныя записки для доказательства своихъ правъ.

Казалось-бы, что послѣ всѣхъ событій совершившихся во Франціи, Бельгіи, Италіи и Греціи и въ нашъ XIX вѣкъ не легко поднимать подобнаго рода вопросы; казалось-бы, что при настоящемъ разграниченіи между сферами политической и юридической и при господствующемъ началѣ невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, принятомъ въ международномъ правѣ, слѣдуетъ осторожно разбирать права на престолъ въ смыслѣ юридическомъ. Это вопросъ политическій и при томъ относится къ предметамъ чисто внутренней политики; рѣшеніе его должно — по мнѣнію Франціи — первоначально принадлежать населенію герцогствъ или его представителямъ. Если эти начала приняты во всѣхъ другихъ государствахъ, то на какомъ-же основаніи отнять это право у населеній герцогствъ? Неужели честолюбивая политика Пруссіи и ея перваго министра достигла такой силы, что можетъ заставить Европу отказаться отъ тѣхъ началъ, которыя господствуютъ въ международномъ правѣ, и заставить ее забыть права населеній? Если это случится, то слова наши объ отсутствіи всякихъ началъ въ международномъ правѣ, сказанныя въ предъидущемъ обозрѣніи, найдутъ новое доказательство. Мы впрочемъ только къ этому и клонили, а сами не очень-то вѣримъ въ suffrage universel въ теперешнемъ видѣ, по-

Digitized by Google

тому что знаемъ, что̀ можно изъ него сдѣлать при случаѣ. Мы хотѣли только указать, какъ легко, тамъ, на западѣ, политика жертвуетъ теперь тѣми идеями, которыя еще такъ недавно представителями запада провозглашались какъ идеи неоспоримыя, безспорныя, окончательныя. Еслибъ Пруссія присоединила Шлезвигъ къ своимъ собственнымъ владѣніямъ безъ всякаго спроса населеній, то подобное распоряженіе могло-бы имѣть оправданіе въ правѣ завоеванія, хотя къ Голштиніи оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться, потому что тамъ не было новое завоеванія, а была только экзекуція, и Датчане нисколько не считали занятіе Голштиніи союзными войсками за военныя дѣйствія. Но разъ опредѣлено, что герцогства должны образовать отдѣльное государство, хотя-бы и въ средѣ Германскаго союза; и кто-же можетъ рѣшать вопросъ о правахъ наслѣдства? Ни союзный сеймъ, ни союзный судъ не имѣетъ права разрѣшать его, потому что Шлезвигъ никогда не принадлежалъ къ Германскому союзу, а на Лауэнбургъ оба претендента не только не имѣютъ, но и не предъявляютъ никакихъ правъ. Признаніе кого-либо изъ претендентовъ государемъ Эльбскихъ герцогствъ, безъ спроса населеній, будетъ новымъ доказательствомъ слабости европейской дипломатіи, вслѣдствіе чего Европа не будетъ имѣть никакой гарантіи въ прочности такого порядка вещей и считать его окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Но нѣмцамъ повидимому ни до чего подобнаго нѣтъ дѣла. Ихъ государственные люди, стоя на почвѣ юридической, готовы будутъ разбирать еще долгое время фоліанты, представленные претендентомъ Аугустенбургскимъ, забывая совершенно почву реальную съ ея интересами и правами.

Высказавъ эти мысли въ дополненіе нашего обозрѣнія въ предъидущей книжкѣ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію состоянія политической жизни во Франціи. Мы-бы желали представить очень яркую картину этой жизни, но чувствуемъ, что исполненіе подобной задачи не совсѣмъ-то легко, и потому заранѣе просимъ читателя быть снисходительнымъ, если наша попытка выйдетъ не совсѣмъ удачна. Начнемъ съ того движенія, которое обнаружилось въ прошедшемъ году передъ выборами депутатовъ въ законодательный корпусъ. Во все продолженіе государствованія Людовика Наполеона, лица, не желавшіе поддерживать его политику, держали себя вдали отъ политической жизни и не только сами не являлись на выборы, но отклоняли и всѣхъ, раздѣлявшихъ ихъ убѣжденія. Такой системѣ молчаливой оппозиціи слѣдовали почти всѣ партіи за очень небольшимъ исключеніемъ, и при выборахъ между правительственной партіей и оппозиціей почти нигдѣ не происходило никакой борьбы. Правительственная партія царствовала безраздѣльно и повсюду проводила своихъ кандидатовъ. Такимъ об-

Digitized by Google

разомъ представительная система ограничилась формальностью и въ законодательномъ корпусѣ не было оппозиціи, если не считать пяти человѣкъ самостоятельныхъ членовъ, между которыми находились Жюль Фавръ и Оливье. Но въ прошломъ году многіе вожди прежнихъ партій вполнѣ поняли, что молчаніемъ достигнуть ничего нельзя, что удаленіе отъ дѣлъ въ то время, когда страна нуждается въ пособіи здравомыслящихъ дѣятелей есть измѣна отечеству. Они поспѣшили принести присягу Наполеону III и принять дѣятельное участіе въ выборахъ. Слѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что въ Парижѣ и во многихъ другихъ городахъ избраны были люди оппозиціи, и правительству пришлось отстаивать свою политику не на шутку противъ нападеній такихъ ораторовъ какъ Беррье, Тьеръ, Гарнье-Пажесъ, Жюль Фавръ и другіе. Само собою разумѣется, что результатъ этотъ могъ быть достигнутъ только учрежденіемъ избирательныхъ комитетовъ, дозволенныхъ впрочемъ французскимъ законодательствомъ въ виду извѣстныхъ кандидатуръ. Комитеты пользовались своимъ правомъ подавать совѣты избирателямъ и дѣйствовали энергически, но не смотря на это имъ не удалось ввести въ законодательный корпусъ болѣе 19 своихъ кандидатовъ по вычисленію «Монитера». Въ самомъ дѣлѣ, что могли-бы сдѣлать повидимому нѣсколько отдѣльныхъ личностей противъ сильно организованной и пустившей глубокіе корни французской бюрократіи, которая не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобъ парализировать усилія своихъ противниковъ и доставить торжество своимъ приверженцамъ? Правительственныя власти во Франціи имѣютъ полную возможность дѣйствовать на массы, тѣмъ болѣе что составленіе избирательныхъ списковъ находится въ ихъ распоряженіи. Онѣ вносили въ избирательные списки всѣхъ жителей тамъ, гдѣ были увѣрены въ побѣдѣ правительственныхъ кандидатовъ, а тамъ, гдѣ они сомнѣвались въ успѣхѣ, избиратели должны были записываться сами. Извѣстно, что каждые 35000 избирателей, записанныхъ въ списки, имѣютъ право выбрать одного депутата. Такимъ образомъ число правительственныхъ депутатовъ было искусственно увеличено, а число либеральныхъ уменьшено. Кромѣ того извѣстно, что либеральные избиратели находятся большею частію въ городахъ, а потому при назначеніи избирательныхъ округовъ многіе города были раздѣлены на части и присоединены къ деревнямъ. Этимъ средствомъ самостоятельные голоса горожанъ были задавлены большинствомъ крестьянскаго населенія, которое безпрекословно слѣдовало внушенію французской бюрократіи. Массы крестьянскаго сословія крѣпко держатся лишь своихъ прямыхъ и непосредственныхъ интересовъ, что впрочемъ и составляло-бы то что надо, т. е. настоящую здравую поли-

Digitized by Google

тику, еслибъ, во 1-хъ не было заражено исключительнымъ эгоистическимъ характеромъ личнаго интереса во вредъ общественному, т. е. изъ-за интереса мѣстечка не пренебрегало-бы общимъ интересомъ всего отечества, а во 2-хъ еслибъ массы, по совершенной своей темнотѣ, не были рѣшительно равнодушны къ политическимъ интересамъ. Они никакъ не могутъ понять, что существуетъ солидарность между ихъ личнымъ и политическимъ интересами, не могутъ понять, говоримъ мы, что политика Наполеона III и расширеніе бюджета, который удвоился въ продолженіе его владычества, ложится тяжолымъ бременемъ на мелкаго собственника. Для того, чтобъ понять это, нужно извѣстное образованіе; часто даже и при нѣкоторой образованности люди не бываютъ самостоятельны и свободны отъ увлеченія забывать интересы общіе передъ интересами мѣстными: стоитъ обѣщать имъ нѣкоторыя матеріальныя выгоды, какъ-то: проведеніе канала или дороги, и они готовы забыть все для этой ближайшей цѣли. Много такихъ примѣровъ и не въ одной Франціи. Понятно, какое орудіе въ этомъ вліяніи имѣетъ французская бюрократія. Французское правительство ревниво оберегаетъ свою власть и сильно тревожится всякимъ проявленіемъ самостоятельнаго мнѣнія въ обществѣ. Не смотря на свою силу, которая повидимому ни въ чемъ не находитъ себѣ сопротивленія, оно тревожится при первомъ признакѣ стремленія народа — не скажемъ, дѣйствительно пользоваться своими правами, а только заявить о своихъ нуждахъ. Вглядываясь въ эту ревнивую и ничѣмъ необъяснимую политику, невольно приходишь къ заключеніямъ не совсѣмъ для него выгоднымъ. Основывается-ли эта сила, этотъ блескъ на дѣйствительномъ сочувствіи къ нему французскаго народа, или они суть только слѣдствіе всемогущества французской бюрократіи, подкрѣпляемой военнымъ управленіемъ? Вотъ вопросъ, который постоянно представляется уму, какъ только станешь ближе вглядываться во внутреннюю политику наполеоновскаго правительства. Намъ кажется, что оно само не увѣрено въ своихъ силахъ и въ своей прочности. Еслибъ оно дѣйствительно пользовалось сочувствіемъ народа, то не для чего было бы прибѣгать на выборахъ къ тѣмъ мѣрамъ, на которыя мы слышали столько жалобъ во время повѣрки ихъ законности въ законодательномъ корпусѣ. Еслибъ оно было увѣрено въ этомъ сочувствіи, къ чему стѣснять свободу выбора народныхъ представителей? Черезъ нихъ оно могло-бы знать не только преданность жителей существующему порядку, но и что гораздо важнѣе — народныя нужды и злоупотребленія мѣстныхъ властей, которыя неизбѣжны даже и при болѣе значительномъ контролѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно важно для центральной администраціи. По самому высокому положенію своему, для нея почти немыслимы тѣ мелкія злоупотреб-

Digitized by Google

ленія, которыя не рѣдкость со стороны власти, стоящей въ непосредственномъ отношеніи къ народу. Важныя обстоятельства встрѣчаются рѣдко въ жизни человѣка; для него наибольшій интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ въ своихъ ежедневныхъ и маловажныхъ дѣлахъ онъ находилъ покровительство закона и справедливость, что совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ властей. Но отъ кого можетъ получить центральная власть тѣ свѣдѣнія о положеніи народа и о дѣйствіи ближайшихъ къ нему властей, если не отъ его представителей? Депутатъ-же, избранный при содѣйствіи префекта или другого должностнаго лица, не станетъ выставлять передъ центральнымъ правительствомъ то, что дѣйствительно происходитъ. Такимъ образомъ французское правительство вмѣшиваясь въ выборы и желая провести своихъ кандидатовъ, лишаетъ себя важнаго средства для огражденія благосостоянія всѣхъ и каждаго. Не сознавать этого оно не можетъ, потому что въ умѣньи вести свои дѣла ему отказать трудно. Съ одной стороны эти неловкія придирки при провѣркѣ правъ только что избранныхъ кандидатовъ и т. п. могли прямо и явно вредить правительству, несравненно болѣе чѣмъ могъ-бы повредить самъ кандидатъ. Общество видитъ что правительство какъ-бы боится избраннаго кандидата, а ужъ всего хуже, когда отъ общества не съумѣютъ скрыть этого. Тотчасъ падаетъ уваженіе, являются подозрѣнія, да и кандидатъ выдается тотчасъ впередъ, значеніе пріобрѣтаетъ, и такое, котораго онъ можетъ быть и не стоитъ. Правительственные ораторы, съ другой стороны, защищая образъ дѣйствій административныхъ лицъ при производствѣ выборовъ, постоянно твердили о неестественности требованія, чтобы правительство отказалось отъ того вліянія, которое оно можетъ имѣть для защиты своихъ интересовъ. На такіе возгласы имъ отвѣчали, что если народъ съ вами, то вамъ нечего бояться: большинство будетъ на вашей сторонѣ и выберутъ только тѣхъ людей, которые будутъ поддерживать правительство; но если большинство представителей будетъ противъ васъ, то вы стало быть не народное правительство какъ вы себя величаете. Ктому-же если вы желаете имѣть вліяніе на избирателей и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняете всякую возможность этого вліянія со стороны оппозиціи и притомъ устраняете насильственно, пользуясь тою властію, которая находится въ вашихъ рукахъ, то стало быть вы сами сознаетесь, что въ борьбѣ съ равнымъ оружіемъ вы потерпите пораженіе. — Такимъ образомъ невольно приходишь къ заключенію, что вся эта сила, весь этотъ блескъ держится могуществомъ французской бюрократіи, которая опутала какъ сѣтью всю Францію.

Одной изъ важныхъ причинъ такого равнодушія къ общественнымъ

Digitized by Google

дѣламъ, мы считаемъ ошибочную политику ея передовыхъ людей, которые, потерявъ поле битвы послѣ переворота 2-го Декабря, впали въ совершенную апатію и предоставили полную свободу дѣятельности своимъ противникамъ. Послѣдніе съ торжествомъ заняли ихъ мѣста и въ настоящее время пріобрѣли позицію, изъ которой ихъ трудно выбить. Много уже протекло времени, да и укрѣпились-то они слишкомъ сильно. Оставленный своими руководителями французской народъ забылъ о политической жизни, забылъ и тѣхъ лицъ, которыя прежде были такъ у него популярны, хотя впрочемъ мало того стоили. Люди, стоящіе теперь въ оппозиціи и удалявшіеся такъ долго отъ дѣлъ, забыли мудрую французскую пословицу: Si vous quittez le monde, le monde vous quitte aussi. Въ критическую минуту народной жизни эти люди измѣнили народному дѣлу; можно-ли удивляться послѣ того, что большинство боится слѣдовать за ними, несмотря на то что ихъ противники не пользуются его особымъ сочувствіемъ. Большинство увлекается въ этомъ случаѣ обаяніемъ силы. Либеральная партія во Франціи, желая сохранить свои убѣжденія, не захотѣла подчиняться Наполеону III, ограничилась молчаливой оппозиціей и нынѣ потеряла всякое значеніе. Въ настоящее время она поняла свою ошибку, но уже слишкомъ поздно, и ей придется выдержать сильную борьбу прежде нежели она успѣетъ сдѣлать что-нибудь. Еслибъ либеральные люди Франціи взялись за дѣло ранѣе, еслибъ выборы 1857 года они не пропустили даромъ, то съ увѣренностію можно сказать, что силы ихъ въ настоящее время были-бы гораздо значительнѣе и Наполеонъ III, умѣющій уступать во время, быть можетъ не заставилъ-бы долго ожидать довершенія зданія, о которомъ онъ такъ много говорилъ.

Но возвратимся къ выборамъ прошедшаго года. Не смотря на сильную агитацію, которую производили люди оппозиціи всѣхъ партій, послѣдняя могла провести лишь незначительное число своихъ кандидатовъ. Казалось-бы, что для французскаго правительства, созданнаго какъ говорятъ всеобщею волею народа, нѣтъ никакой опасности въ томъ, что въ законодательный корпусъ войдутъ нетолько 20 или 30 оппозиціонныхъ депутатовъ, но даже и 100; однакожъ незначительный успѣхъ, который умѣла пріобрѣсти оппозиція, сильно не понравился Наполеону III. Число этихъ людей конечно было не велико, но за то надежды ихъ казалось были таковы, что правительство не могло оставить ихъ безъ вниманія. Вотъ въ чемъ и главное—то дѣло. Дѣятельность такихъ людей какъ Жюль Фавръ, Тьеръ, Беррье, Гарнье-Пажесъ и Карно не должна-бы пройдти безслѣдно. Блистательныя рѣчи этихъ депутатовъ въ засѣданіяхъ законодательнаго корпуса производили значительное впечатлѣніе въ Парижѣ и правительство имѣло полное

Digitized by Google

основаніе опасаться, что обаяніе его можетъ ослабѣть. Однакожъ ничего подобнаго не случилось. Несмотря на всю справедливость упрековъ, высказанныхъ въ рѣчахъ оппозиціонныхъ депутатовъ, общественное мнѣніе по видимому осталось глухо и нѣмо. Минутное возбужденіе, проявившееся во время выборовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, скоро опять улеглось, и едва-ли можно предположить, что усилія ораторовъ лѣвой стороны могли имѣть значительное вліяніе на расположеніе умовъ во Франціи. Подтвержденіе этой мысли мы найдемъ въ результатѣ преній о бюджетѣ: самыя краснорѣчивыя цыфры, выставленныя депутатами оппозиціи, ни кого не убѣждали, и бюджетъ утвержденъ въ томъ видѣ какъ представленъ. Это вполнѣ можетъ убѣдить иного, что законодательный корпусъ во Франціи не есть собраніе представителей страны, для которыхъ дороги интересы ихъ избирателей. Такимъ образомъ всѣ эти такъ называемые лучшіе люди Франціи, предполагаемые вожди ея, которые однако столько разъ ужъ проигрывали ея дѣло, въ настоящее время не получили весьма важный урокъ. Они не захотѣли пожертвовать своимъ самолюбіемъ и подчиниться новому порядку двѣнадцать лѣтъ назадъ, чтобъ быть вмѣстѣ съ народомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ народъ счелъ за лучшее подчиниться и не нести тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыхъ онъ уже принесъ такъ много. Все-таки никакъ нельзя считать и теперь маловажнымъ то обстоятельство, что многіе прежніе вожди партій рѣшились принять участіе на прошлогоднихъ выборахъ. Если не было прямыхъ послѣдствій тотчасъ, то это ничего не доказываетъ. Зерно брошено; общественное мнѣніе возбуждено, и все поневолѣ станетъ обдумываться. Дерево въ одинъ день не выростаетъ. Какъ-бы ни были слабы успѣхи либеральной партіи во Франціи, но они все-таки составляютъ начало другого порядка вещей. Столкновеніе людей не обходится безъ взаимнаго вліянія. Иные твердятъ, что такой путь (т. е. путь теперешней законной оппозиціи), длиненъ и что надежда на обращеніе французскаго правительства на другой путь невѣроятна; но мы убѣждены, что другаго исхода партіи дѣйствія и не имѣетъ. Насильственный путь, по которому шла Франція, привелъ ее не къ свободѣ, а къ военной власти. Франція сознала это — и вотъ причина, почему она вооружилась терпѣніемъ.

Что же касается французскаго правительства, то оно было не совсѣмъ довольно первою борьбой, встрѣченной имъ на выборахъ, первымъ проявленіемъ самостоятельности въ законодательномъ корпусѣ. Въ тоже время произведены были обыски у людей, извѣстныхъ по своимъ либеральнымъ мнѣніямъ, и преданы суду 13 лицъ, въ числѣ которыхъ были два депутата, Гарнье-Пажесъ и Карно. Эти лица обвинены передъ судомъ исправительной полиціи на основаніи закона,

Digitized by Google

который воспрещаетъ учрежденіе общества болѣе 20 лицъ безъ разрѣшенія правительства; въ учрежденіи избирательнаго комитета, который долженъ былъ распространить свое вліяніе на всю Францію. Многимъ казалась неосновательность такого обвиненія ясною уже изъ того, что число обвиненныхъ далеко не достигло цифры требуемой закономъ; но судъ дѣйствительно не смѣлъ оправдать и присудилъ каждаго изъ нихъ къ уплатѣ 500 франковъ штрафа. Процессъ этотъ произвелъ много шума. Близорукость въ этомъ случаѣ даже непонятна. Чего достигли этимъ процессомъ? Судъ приговорилъ каждаго подсудимаго къ уплатѣ 500 фр. пени, но это не могло быть чувствительно для такихъ лицъ, какъ подсудимые. Затѣмъ, посадивши ихъ на скамью подсудимыхъ, тѣмъ самымъ поставили ихъ на пьедесталъ въ общественномъ мнѣніи, собрали около нихъ защитниковъ, наиболѣе знаменитыхъ во Франціи. Приведемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ изъ защитительной рѣчи Жюль-Фавра. Объяснивъ, что имъ овладѣваетъ чувство глубокой грусти при мысли, что онъ долженъ отвѣчать на обвиненіе, онъ восклицаетъ: «Какъ! то, что въ теченіе долгихъ лѣтъ считали сущностью права, на которомъ основываются новѣйшія общества, что освящено нашими нравами, становится предлогомъ къ судебному преслѣдованію!» Затѣмъ указавъ на недостатокъ числа обвиненныхъ, необходимаго для законности обвиненія, и выразивъ надежду, что страна не всегда будетъ въ такомъ упадкѣ, онъ продолжалъ: «что чувство грусти я испытывалъ-бы также, еслибъ былъ другомъ того правительства, которому не имѣю права подавать совѣтовъ, но которое имѣю право контролировать и сдерживать. Я спросилъ-бы себя, что можетъ оно выиграть въ подобной борьбѣ? Ему дана громадная сила, оно не встрѣчаетъ передъ собою никакого препятствія; оно располагаетъ общественною мыслію и при помощи своей остроумной системы, держитъ въ своихъ рукахъ собственность и свободу насъ всѣхъ; оно одно можетъ сказать: «я имѣю право говорить.» Когда дѣло идетъ о выборахъ, оно располагаетъ тысячами чиновниковъ покорныхъ его волѣ; за нимъ обаяніе общественной власти и вліяніе, которое предѣдущія производитъ вокругъ себя; оно выбираетъ своихъ кандидатовъ, поддерживаетъ ихъ всѣми силами и способствуетъ ихъ успѣху всѣми средствами, которыя можетъ имѣть только оно одно. Таково его имущество, и вотъ — среди всеобщаго спокойствія оно приходитъ жаловаться на своихъ противниковъ и требовать примѣненія закона, который существуетъ тридцать лѣтъ и никогда не былъ понимаемъ въ томъ смыслѣ, который придаютъ ему теперь. Повторяю, еслибъ я былъ другомъ этого правительства, я-бы нисколько не радовался; я спросилъ-бы себя: какіе виды и какіе расчоты могли побудить его вооружиться.

Digitized by Google

противъ права, которое всегда считали основнымъ и священнымъ? Если вѣрить одному лицу, пользующемуся очень высокимъ офиціальнымъ положеніемъ, то подсудимыхъ обвиняютъ въ чемъ-то въ родѣ дерзкаго намѣренія образовать государство въ государствѣ и противодѣйствовать настоящему правительству посредствомъ тайнаго правительства. Если такъ, то дѣла ихъ публичны, явны; они дѣйствовали самыми открытыми средствами, циркулярами, газетными статьями; но это не помѣшало проникнуть въ ихъ домы, наложить руку на самую интимную ихъ переписку, открыть ихъ семейныя тайны, не останавливаясь даже предъ женщиною, предъ матерью, предъ сестрою. Правила дружбы, приличія, стыда—ни что не остановило усилій этой власти, которая во что бы то ни стало желаетъ достигнуть предположенной цѣли. Развѣ законъ предписываетъ употреблять эти средства? Развѣ не путемъ униженія національнаго достоинства дошли мы до того, что стали считать подобныя средства правильнымъ отправленіемъ правосудія? Я не спорю, что когда общество въ опасности, правосудіе имѣетъ права, которыми оно должно пользоваться въ интересахъ страны, но живемъ-ли мы въ такіе несчастные дни?»

Торжество знаменитаго адвоката въ глазахъ его партіи было полное; подсудимые благодарили его, адвокаты поздравляли и рѣшили отказаться отъ защиты послѣ такой блестящей рѣчи. Это не помѣшало однакожъ суду осудить обвиненныхъ.

Существующій порядокъ такъ укоренился и французы такъ привыкли къ нему, что даже и эта замѣчательная по своему ораторскому искуству рѣчь нисколько не одушевила французскую публику. Объ этомъ дѣлѣ поговорили нѣсколько дней и если не забыли его, то забудутъ непремѣнно. Да и къ чему помнить? До новыхъ выборовъ пройдетъ еще пять лѣтъ, а слѣдовательно смущать себя понапрасну не стоитъ труда. Лучше настроить себя на веселый тонъ и повторять вмѣстѣ съ большинствомъ французскаго народа: Hé, Lambert! où est Lambert!

Эти слова дѣйствительно были слышны на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ французскаго народа и даже на праздникѣ 15 Августа въ Парижѣ. Мы не будемъ розыскивать происхожденіе этого смѣшного лозунга, которымъ французы выражали веселое настроеніе своего духа; газеты кажется объясняли его на разные манеры. Тѣмъ не менѣе распространеніе этого крика повсюду стоитъ замѣтить, какъ черту французскаго характера; народъ заявлялъ этимъ, что онъ не хочетъ заниматься никакимъ серьознымъ вопросомъ. При крикахъ «Hé Lambert! où est Lambert! Vive Lambert!» на праздникѣ 15 Августа полиція

Digitized by Google

приняла шутку за серьозное дѣло, видя въ этомъ какую-то демонстрацію. Нѣсколько уличныхъ мальчишекъ поплатились свободою и просидѣли подъ арестомъ за слишкомъ веселое настроеніе духа, которое не понравилось французской полиціи.

Не смотря на беззаботное состояніе французскаго общества, министры и приближенные лица императора при открытіи генеральныхъ совѣтовъ возвѣщаютъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя готовитъ правительство. Такъ г. Руланъ въ Руэнѣ, Руэ въ Пюи-де-домѣ и Барансъ въ Сент-Этьенѣ возвѣстили, что готовится проэктъ закона въ смыслѣ децентрализаціи. По послѣднимъ извѣстіямъ оказывается, что по новому проэкту нѣкоторыя дѣла, предоставленныя конституціею законодательному корпусу, нынѣ предоставляются рѣшенію генеральныхъ совѣтовъ, а нѣкоторыя входившія на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ будутъ окончательно рѣшаться префектомъ. Такимъ образомъ центральная правительственная власть избавляется отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, но нисколько не теряетъ на нихъ своего вліянія, потому что префектъ можетъ дѣйствовать только по указаніямъ центральной власти и согласно ея видамъ и желаніямъ. Что-же касается до расширенія круга дѣятельности и власти генеральныхъ совѣтовъ на счотъ власти законодательнаго корпуса, то хотя это и можетъ быть названо децентрализаціей, но нисколько не увеличиваетъ вольностей отдѣльныхъ мѣстностей, потому что въ томъ и другомъ случаѣ дѣло рѣшается всетаки представителями страны. Поэтому и это расширеніе круга дѣятельности мѣстныхъ представительныхъ учрежденій есть только измѣненіе дѣлопроизводства.

Выше мы сказали, что дѣйствительный контроль центральной администраціи надъ мѣстными агентами не всегда возможенъ. Постараемся доказать это положеніе. Свѣденія о злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ по службѣ со стороны мѣстной администраціи, могутъ доходить до центральной власти двумя путями: или посредствомъ жалобъ, или посредствомъ печати. Но можно-ли предположить, чтобы всякое упущеніе, или злоупотребленіе возбудило жалобу или протестъ въ журналахъ? Что касается перваго изъ этихъ средствъ, то есть много такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ не стоитъ обращаться съ жалобою, какъ по маловажности нанесеннаго вреда, такъ и потому что высшая власть не можетъ исправить этого вреда. Ктому-же часто невозможно отличить, гдѣ оканчивается упущеніе и гдѣ начинается злоупотребленіе, и должностное лицо въ этихъ случаяхъ всегда можетъ извинить свое упущеніе многосложностію занятій. Но кромѣ этого бываютъ и такія обстоятельства, въ которыхъ лично никому не сдѣлано никакого вреда, но гдѣ этотъ вредъ наносится или цѣлой категоріи лицъ, или цѣ-

Digitized by Google

лому мѣстному обществу. Ко всему этому надо прибавить, что распоряженія административныхъ властей, наносящія вредъ людямъ живущимъ своимъ трудомъ, какъ бы ни были они незаконны, почти никогда не возбуждаютъ жалобъ: этимъ людямъ некогда жаловаться; они скорѣе перенесутъ на своей шеѣ убытокъ, чѣмъ будутъ подвергаться новому отъ потери времени. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ то, что жалобы возникаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Но и въ этихъ немногихъ случаяхъ рѣдко можно узнать истину. Высшія власти не могутъ производить изслѣдованіе по каждой жалобѣ. Прибавьте къ этому политическія соображенія начальствующихъ лицъ, по которымъ невозможно частыми слѣдствіями ронять достоинство власти на мѣстѣ; за тѣмъ связи, покровительства и тому подобныя обстоятельства. Ясно, что полный контроль этимъ путемъ установленъ быть не можетъ. Чтожъ касается до печати, то здѣсь дѣло затрудняется, кромѣ описанныхъ нами обстоятельствъ, еще и другими, потому что не всякое лицо можетъ прибѣгнуть къ гласности.

Просимъ читателя великодушно извинить насъ за это небольшое отступленіе. Теперь мы возвратимся опять къ общественной жизни Франціи.

Самымъ крупнымъ фактомъ въ этой жизни за послѣднее время есть рѣчь г. Персиньи, произнесенная имъ на обѣдѣ, данномъ членамъ генеральнаго совѣта въ Сент-Этьенѣ. Извѣстно, что г. Персиньи благоговѣетъ передъ французской администраціей и бюрократіей; для него она все, и внѣ ея онъ не видитъ ничего. Разумѣется, что эти идеи не могли не отразиться въ словахъ его, которыя произвели огромное впечатлѣніе во Франціи и вызвали множество статей не только во французской прессѣ, но даже и въ заграничной. Не станемъ выписывать цѣликомъ всю эту рѣчь а ограничимся только главными ея положеніями. Вотъ они: 1) свобода не нуждается въ какихъ либо опредѣленныхъ формахъ, но можетъ принять различныя. 2) Въ Англіи свобода и власть могутъ быть слиты, потому что тотъ-же классъ, который пользуется политическими правами, управляетъ страною; но Франціи же страною управляетъ администрація; поэтому здѣсь свобода и власть должны быть независимы одна отъ другой. 3) Свободе во Франціи существуетъ почти безграничная, потому что законодательный корпусъ избирается всеобщей подачей голосовъ и можетъ изъявлять и не изъявлять свое согласіе на извѣстные законы. 4) Печатное слово находится въ исключительномъ положеніи только временно, потому что полная свобода не соотвѣтствуетъ нынѣшнему положенію дѣлъ. И наконецъ 5) настоящая французская конституція подлежитъ усовершенствованію, но этимъ благомъ можетъ воспользоваться только слѣдующее поколѣніе.

Digitized by Google

Нельзя не согласиться съ ораторомъ, что свобода можетъ осуществиться въ различныхъ формахъ, потому что дѣло не въ формѣ, а въ сущности вещей. Если люди пользуются всѣми вольностями, которыя принадлежатъ имъ вслѣдствіе естественнаго права, то нельзя отрицать, что они пользуются свободою, какія-бы учрежденія ни существовали въ странѣ. Чтожъ касается до другихъ положеній, то всѣ они носятъ на себѣ характеръ натяжки, въ основаніи которой лежитъ желаніе оправдать во что бы то ни стало свое мнѣніе. «Свобода и власть, говоритъ ораторъ, «должны быть независимы одна отъ другой; но мы предложили-бы вопросъ: что такое свобода и что такое власть? Свобода есть право заниматься чѣмъ кому угодно, не вредя свободѣ и собственности другихъ лицъ; право свободно избирать своихъ представителей для составленія правилъ общежитія. Власть-же есть средство къ обезпеченію свободы и собственности какъ всей этой общей свободы, такъ и свободы частнаго лица. Если свобода можетъ осуществиться въ различныхъ формахъ, то это различіе формъ еще болѣе возможно для власти. Во Франціи власть вѣрена администраціи, назначаемой правительствомъ. Герцогъ Персиньи, выставляя этотъ фактъ, считаетъ его незыблемымъ,—условіемъ sine qua non; но въ исторіи существовало много фактовъ, много учрежденій, которыхъ въ настоящее время не существуетъ. Они изчезли съ измѣненіемъ понятія людей. Точно также и французская бюрократія, составляя собою фактъ, можетъ измѣниться если Франція убѣдится, что подобное учрежденіе можетъ быть для нея неудобно. Но герцогъ Персиньи не хочетъ знать этого; онъ утверждаетъ, что во Франціи свобода и власть суть два совершенно раздѣльныя понятія: изъ того, что власть необходима въ обществѣ и что во Франціи эту власть представляетъ бюрократія, онъ хочетъ вывести, что послѣдняя имѣетъ право на отдѣльное, независимое существованіе. Вся эта сбивчивость понятій происходитъ отъ того, что герцогъ Персиньи смѣшалъ свободу съ законодательной властью и противупоставилъ ей власть исполнительную. «Императоръ», говоритъ онъ, «есть власть»,—законодательный корпусъ «свобода». Выходя изъ этого положенія, конечно можно придти къ какомъ угодно выводамъ. Законодательный корпусъ никогда не представляетъ собою свободы; это также власть, но только власть законодательная, — императоръ же—власть полная. Если мы внимательно всмотримся въ отношеніе этихъ двухъ властей между собою, то увидимъ, что при конституціонномъ порядкѣ во Франціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть независимости этихъ двухъ властей. Если одна власть имѣетъ право вотировать законы, другая утверждать и исполнять ихъ, то

Digitized by Google

отсюда слѣдуетъ, что ни та, ни другая не могутъ быть совершенно независимыми. Съ другой стороны право вотированія законовъ не имѣло-бы никакого значенія, еслибъ таже власть не имѣла права наблюденія за исполненіемъ этихъ законовъ. По этому главное положеніе г. Персиньи совершенно ошибочно: онъ желалъ олицетворить свободу въ извѣсныхъ учрежденіяхъ, которыя представляютъ собою также власть. Но свобода состоитъ въ тѣхъ правахъ и вольностяхъ, которыми пользуются люди, и не можетъ олицетворяться ни въ какихъ учрежденіяхъ: всѣ они существуютъ только для охраненія свободы. Впрочемъ не только г-ну Персиньи, но и никому не рѣшить этой неразрѣшимой задачи, надъ которой бьются уже сто лѣтъ въ западной Европѣ. Эта задача, составляющая собою органическій недугъ Европы — продуктъ всей прежней жизни западно-европейскаго континента, начиная съ Римской Имперіи: формалистика, перегородки, хитрые договоры, основанные на взаимномъ подозрѣніи и недовѣріи, матеріальное разрѣшеніе задачи почти *механически*, искусственнымъ балансомъ, равновѣсіемъ, ограниченіе другъ друга, враждебность и подозрительность, входящія въ каждую западную конституцію какъ-бы по праву и составляющія сущность каждой конституціи, главную надежду на ея успѣхъ,—и наконецъ неорганичность происхожденія каждой европейской конституціи—вотъ въ чемъ главные недуги теперешняго политическаго устройства западной Европы.

Въ своемъ третьемъ положеніи г. Персиньи также смѣшиваетъ понятія и приходитъ къ ложнымъ заключеніямъ. Всеобщая подача голосовъ обусловливаетъ для него наибольшую степень свободы. Мы не думаемъ однакожь, чтобъ отъ количества избирателей зависѣла степень свободы, которой они пользуются. Она, какъ мы сказали, зависитъ отъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены законодательствомъ народу, и тѣхъ гарантій, которыя обезпечиваютъ возможность пользоваться этими правами. Мы видимъ во Франціи, что при всеобщей подачѣ голосовъ свобода выборовъ стѣснена офиціальными кандидатурами, для поддержанія которыхъ администрація употребляетъ всѣ возможныя средства и наоборотъ—препятствуетъ всякому возможному соглашенію между избирателями, если это соглашеніе употребляется не въ пользу правительственныхъ кандидатовъ. Мы видимъ, что представители будучи избраны народомъ, какъ законодательная власть, не имѣютъ права предлагать законовъ, хотя-бы и были убѣждены въ необходимости ихъ, не имѣютъ возможности даже узнать нужды и желанія своихъ избирателей, потому что послѣдніе не имѣютъ права свободно собираться и высказывать эти нужды и желанія, а представители—давать отчотъ въ своей дѣятельности лицамъ, пославшимъ ихъ въ законодательный корпусъ; представители не имѣютъ также права потребовать отчота и слѣдо-

Digitized by Google

вательно лишены возможности наблюдать за исполненіемъ законовъ, которые они вотируютъ. Г. Персиньи говоритъ, что министры будучи отвѣтственны передъ императоромъ, не должны отвѣтствовать передъ законодательнымъ корпусомъ; но тогда страна не имѣетъ отвѣтственныхъ лицъ въ исполненіи законовъ. Хотя императоръ и есть лицо отвѣтственное по конституціи, но онъ отвѣчаетъ только передъ націей и за неимѣніемъ органа, которымъ нація могла бы выразить свою волю, это положеніе конституціи остается мертвою буквою.

Что касается печати, то герцогъ соглашается, что она находится не въ нормальномъ положеніи, но онъ извиняетъ такой порядокъ временными обстоятельствами. Какъ образчикъ того произвола, съ которымъ дѣйствуетъ министерство по отношенію къ печати, мы можемъ указать на письмо Александра Дюма къ императору, по случаю запрещенія на театрѣ его піесы Les Mohicans de Paris. Въ этомъ письмѣ Дюма, перечисляя свои сочиненія, запрещенныя цензурою, говоритъ, что *la Tour de Neste* была запрещена послѣ 800 представленій, запрещеніе продолжалось семь лѣтъ; *Angèlo*—послѣ 300 представленій, запрещеніе продолжалось шесть лѣтъ; *Antony*—послѣ 350 представленій, запрещеніе продолжалось шесть лѣтъ. Замѣтивъ, что ни одна изъ его піесъ не была запрещена ни при Карлѣ X и ни при Людовикѣ Филиппѣ, Дюма оканчиваетъ свое письмо словами, что императоръ видалъ его во время своего изгнанія и заточенія, но никогда не видалъ въ числѣ просителей при императорскомъ дворѣ.

Наконецъ герцогъ замѣчаетъ, что конституція можетъ подлежать усовершенствованію, но что это возможно только при слѣдующемъ поколѣніи. Если Наполеонъ III сдѣлалъ такъ много для Франціи, что можетъ считаться основателемъ свободы, если онъ пользуется сочувствіемъ огромнаго большинства народа, то при той силѣ и власти, которую онъ имѣетъ, почему онъ считаетъ невозможнымъ довершить это зданіе свободы? почему онъ не считаетъ возможнымъ предоставить народу самому выбрать своихъ представителей? вѣдь преданный народъ конечно послалъ-бы въ законодательный корпусъ только лицъ преданныхъ.

И такъ—что-бы ни говорили государственные люди Франціи о томъ благоденствіи, которымъ пользуется она, какъ-бы ни старались они восхвалять тѣ вольности, которыми надѣлилъ ее императоръ, все-таки остаются невѣрующіе. Народъ молчитъ можетъ быть потому, что онъ убѣдился въ безполезности тѣхъ жертвъ, которыхъ столько принесъ онъ въ прежнее время, и потому еще можетъ быть, что ужъ слишкомъ надоѣли ему всѣ его прежніе вожаки и представители. Пользы

Digitized by Google

они ему никакой не дали, а платить заставляли много. Такъ не всѣ-ли теперь ему равно?

Разобранная нами рѣчь, какъ мы сказали, подала поводъ ко множеству статей во всей европейской прессѣ. Какой-то господинъ собралъ всѣ эти статьи для герцога; а тотъ въ письмѣ къ нему, напечатанномъ, отвѣчаетъ на всѣ эти статьи, повторяя то, что онъ сказалъ въ Сентъ-Этьенѣ. Онъ жалуется, что никто не обратилъ вниманія на то, что сущность его взгляда состоитъ въ основаніи свободы на взаимной независимости власти и свободы; утверждаетъ что эти начала принадлежатъ Локку и Монтескьё, что французскому народу въ нынѣшнихъ учрежденіяхъ нѣтъ препятствій для выраженія его воли, и что онъ, г. Пероньи, вовсе не приверженецъ централизаціи, въ доказательство чего приводитъ слова декрета 25 марта 1852 года. Все это письмо служитъ только подтвержденіемъ сказаннаго нами выше. Теперь мы можемъ прибавить, во-первыхъ, что никогда Локкъ и Монтескьё не старались осуществить свободу въ какихъ-бы то ни было учрежденіяхъ; они, понимая по своему, желали только доказать необходимость раздѣленія властей и не смѣшивали понятіе о свободѣ съ понятіемъ о законодательной власти; во-вторыхъ, что французская конституція прямо полагаетъ препятствія къ тому, чтобы народъ могъ выразить свою волю, потому что депутаты его не имѣютъ права предлагать законы, какъ-бы они ни чувствовали въ необходимость, и не имѣютъ права требовать отчета у министерства, какъ-бы они ни были недовольны его управленіемъ; въ-третьихъ, самое это письмо доказываетъ, что децентрализацію герцогъ понимаетъ въ смыслѣ расширенія власти мѣстныхъ правителей: какъ въ декретѣ, такъ и въ письмѣ сказано, что децентрализація состоитъ въ передачѣ мѣстнымъ властямъ нѣкоторыхъ аттрибутовъ центральной власти.

Всѣ заявленія французскихъ государственныхъ людей клонятся только къ тому, чтобъ выставить Францію въ особенно благопріятномъ свѣтѣ передъ Европой. Эти усилія замѣтны по отношенію ко всѣмъ предпріятіямъ Франціи. Такъ вспыхнувшее возстаніе въ Алжиріи было съ торжествомъ объявляемо подавленнымъ, но не смотря на это оно до сихъ поръ продолжается и недавно еще газеты принесли намъ извѣстіе о великихъ подвигахъ горсти людей, окружонныхъ множествомъ инсургентовъ. Повидимому Алжирцы также считаютъ себя не совсѣмъ счастливыми подъ управленіемъ военныхъ начальствъ. По послѣднимъ извѣстіямъ въ распоряженіи герцога Мак-Магона, новаго генералъ-губернатора Алжиріи, сосредоточено до 100,000 войска и подкрѣпленія все еще посылаются, хотя газеты и увѣряютъ, что возстаніе не имѣетъ большого значенія. Впрочемъ какъ

Digitized by Google

же и не увѣрять имъ публику въ подобныхъ вещахъ когда за *некоторыя извѣстія* изъ Алжиріи онѣ получили замѣчанія. Что касается мексиканской экспедиціи, то по офиціальнымъ свѣдѣніямъ все дѣло идетъ какъ нельзя лучше; но эти извѣстія не совсѣмъ подтверждаются частными кореспондентами. Говорили, что Хуаресъ уже давно оставилъ Мексику и прибылъ въ Новый Орлеанъ, что однакожъ не вѣрно: онъ до сихъ поръ продолжаетъ отстаивать независимость своей родины. Конечно нельзя предполагать, чтобъ онъ могъ выдержать борьбу противъ французской арміи, но все-таки нельзя утверждать, чтобъ дѣло мексиканскаго императора было совершенно упрочено. Мы тѣмъ болѣе склоняемся къ этому заключенію, что по послѣднимъ извѣстіямъ клерикальная партія оказывается недовольною; бывшій президентъ республики, Моримонъ, сталъ во главѣ этой партіи и объявилъ себя противъ новаго порядка. Если такимъ образомъ духовенство будетъ возбуждать народъ, то новому императору трудно будетъ установить свое правительство, въ особенности если принять въ соображеніе, что императоръ Наполеонъ долженъ скоро вывести свои войска, которыя не могутъ оставаться въ Мексикѣ подобно тому, какъ онѣ остаются въ Римѣ: во-первыхъ потому что императоръ Максимиліанъ не папа, а во-вторыхъ потому, что это потребовало-бы отъ Франціи новыхъ денежныхъ средствъ, которыми она не очень богата.

Вообще говоря—денежный рынокъ въ Европѣ очень скуденъ, что мы можемъ заключить изъ высокаго учотнаго процента въ европейскихъ банкахъ, и еслибъ Франціи пришлось сдѣлать заемъ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы состояться на выгодныхъ условіяхъ. Французское правительство уже начинаетъ выказывать нѣкоторую осторожность въ расходахъ, чего прежде мы не замѣчали. Эта осторожность скрывается однакожъ подъ другими предлогами. Такъ напримѣръ во Франціи было публиковано письмо императора къ маршалу Валья-ну, министру императорскаго двора. Въ немъ императоръ объясняетъ маршалу, что неприлично отстроивать оперный театръ, тогда какъ парижская богадѣльня (Hôtel-Dieu) не отдѣлана, а потому онъ рекомендуетъ ему отсрочить работы по театру такъ, чтобъ онъ былъ оконченъ никакъ не прежде парижской богадѣльни. Скептики утверждаютъ впрочемъ, что причиной такого распоряженія можетъ быть просто недостатокъ въ деньгахъ: театръ строится на казенныя деньги, а богадѣльня на счотъ города; благочестивыя-же соображенія примѣшаны тутъ для того только, чтобъ не выказать передъ свѣтомъ недостатка въ средствахъ.

Этой послѣдней болѣзнію страдаютъ почти всѣ европейскія державы, кромѣ Англіи и Пруссіи. Послѣдняя, благодаря давнишней эконо-

Digitized by Google

мія въ управленіи государственными финансами, сохраняла постоянный остатокъ отъ доходовъ, который въ началѣ настоящаго года доходилъ до 20 милліоновъ талеровъ. Впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Пруссія съ 1815 г. не имѣла войны. Мудрено-ли, что финансы ея находятся въ хорошемъ состояніи? Но вотъ наступаетъ 1864 годъ, Пруссія отказывается отъ своей мирной политики, стремится къ завоеваніямъ и къ расширенію своего вліянія въ Европѣ вообще и въ Германіи въ особенности и—остатокъ въ ея бюджетѣ исчезаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и остатки прежнихъ лѣтъ. Конечно это нисколько еще не заставляетъ опасаться за положеніе ея финансовъ, но все-таки представляетъ довольно поучительный примѣръ. Что-жъ касается Англіи, то результаты достигаемые ея канцлеромъ казначейства—изумительны. Несмотря на тѣ громадныя вооруженія, которыя ведетъ Англія постоянно, несмотря на нѣсколько значительныхъ войнъ и военныхъ экспедицій, ея финансы находятся въ блестящемъ положеніи. Ежегодный излишекъ доходовъ надъ расходами постоянно употребляется на уменьшеніе налоговъ и, несмотря на то, бюджетъ доходовъ постоянно увеличивается. Мы не говоримъ, чтобъ Англіи не оставалось ничего желать въ этомъ отношеніи, но и то что сдѣлано у ней, сравнительно съ другими государствами, по истинѣ изумительно. Впрочемъ предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобъ говорить о немъ подробно въ настоящемъ обозрѣніи, а потому мы возвратимся къ нему въ другое время.

Говоря о денежныхъ затрудненіяхъ европейскихъ государствъ невольно останавливаешься на Австріи — этомъ государствѣ съ хроническимъ дефицитомъ, который съ послѣдней революціи постоянно пополняется займами, но въ настоящемъ году и эта надежда потеряна. Чтобъ выйти изъ затрудненія, Австрія въ нынѣшнемъ году отказывается отъ уплаты своихъ долговъ, то есть она не можетъ употребить нисколько на погашеніе своихъ облигацій, и сверхъ того рѣшается на обезоруженіе. Ея министръ финансовъ, не имѣвшій въ прежнее время почти никакого значенія въ кабинетѣ, настоялъ на необходимости послѣдняго средства, вопреки мнѣнію военнаго министра. Этотъ фактъ вызываетъ на очень серьозныя размышленія, хотя газеты и говорятъ о немъ вскользь. Утверждаютъ, что Австрія рѣшается уменьшить свою армію на 150,000 человѣкъ, несмотря на то, что франко-итальянская конвенція могла-бы вызвать опасенія, не лишенныя основанія. Вдумывались-ли вы, благосклонный читатель, что значатъ эти слова: *обезоруженіе Австріи?* Что касается до насъ, то мы придаемъ имъ очень важное значеніе: для насъ онѣ значатъ—попытка на *само-*

Digitized by Google

уничтоженіе, скажемъ болѣе — на *разложеніе*. Разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ австрійская имперія, связываются между собою арміей и бюрократіей, то есть имѣютъ только внѣшнюю связь. Внутреннихъ связей — въ чувствѣ національности, въ языкѣ и вѣроисповѣданіи не существуетъ. Борьба между Венгріею и Австріею, борьба не открытая, но сдержанная, подрываетъ послѣднее довѣріе между правительственной партіей и значительнымъ количествомъ австрійскихъ подданныхъ. Только опираясь на сильную армію, бюрократія можетъ поддерживать настоящій порядокъ. И при такомъ-то положеніи австрійскіе государственные люди поставлены въ необходимость посягать на единственную силу, которая служитъ основаніемъ для связи. Ненормальность положенія Австріи доказывается уже тѣмъ, что конституціонная система, введенная въ ней, не принесла никакой пользы. Во всякомъ другомъ, сколько-нибудь здравомъ организмѣ, свободныя силы страны, вызванныя къ дѣятельности, хоть настолько, насколько ихъ можетъ вызвать европейская конституціонная система, необходимо имѣли-бы хоть сколько-нибудь выгодныя послѣдствія; но въ Австріи это едва-ли не повело къ худшему. Дефицитъ не уничтожился, налоги не уменьшились, а по прежнему обременяютъ самые источники государственныхъ доходовъ; неудовольствія не прекратились и слѣдовательно нисколько не уменьшились причины разложенія. Австрія не могла вызвать нравственныя силы своего народа для поддержанія матеріальныхъ. Въ такихъ обстоятельствахъ сокращеніе арміи есть сокращеніе значенія и въ Европѣ и въ Германіи. Въ послѣдней оно уже значительно обнаружилось потерею вліянія на южно-германскія державы, которыя окончательно приступили къ прусско-германскому таможенному союзу; Австрія-же изъ него исключена. Вообще значеніе Пруссіи въ совѣтахъ Германіи идетъ прямо на счотъ Австріи.

Сокращеніе арміи и происходящая отсюда экономія въ состояніи ли спасти Австрію? Что касается до этого послѣдняго вопроса, то мы думаемъ, что возможность экономіи есть чистая иллюзія. Политическій горизонтъ Европы слишкомъ мраченъ, чтобъ предаваться этой иллюзіи. На юго-западѣ и на югѣ Австріи — каждый часъ могутъ возникнуть такія обстоятельства, которыя потребуютъ не только сохраненія ея прежнихъ военныхъ силъ, но и новыхъ вооруженій. Въ итальянскомъ парламентѣ предстоитъ обсужденіе франко-итальянской конвенціи и во всякомъ случаѣ легко могутъ возникнуть событія, которыя потребуютъ пожертвованій со стороны Австріи. Намъ могутъ возразить, что финансовое положеніе Италіи не лучше того, какъ и въ Австріи; но

Digitized by Google

вѣдь Викторъ Эмануилъ преслѣдуетъ народныя цѣли: ему стоитъ обратиться съ воззваніемъ къ Италіи, и его казна будетъ полна, чего не можетъ быть въ Австріи. Съ другой стороны на югѣ Австріи что-то начинается снова. Еще въ прошломъ обозрѣніи мы указывали на дѣйствія Луки Вукаловича, который поднимаетъ возстаніе противъ Турокъ. Долго о немъ не было никакихъ извѣстій, но теперь оказывается, что онъ держится въ лѣсахъ на границахъ Черногоріи и успѣлъ уже сосредоточить около себя значительное число своихъ приверженцевъ. Не потребуются-ли и здѣсь силы Австріи? Но положимъ, что мы ошибаемся, что все обойдется благополучно и что Австрія, сокративъ свою армію, избѣгнетъ на время настоящаго затрудненія; дѣла тѣмъ не менѣе остаются въ критическомъ положеніи. Австрія до сихъ поръ придерживается своей прежней торговой политики и не приступаетъ къ таможенному союзу; а посредствомъ таможеннаго союза Германія все тѣснѣе и тѣснѣе сближается съ Франціею и Англіею; Австрія же остается изолированною. Увеличеніе налоговъ не поведетъ ни къ чему, потому что будетъ обременять только источники государственныхъ доходовъ. На этомъ основаніи экономія, за которую берутся теперь австрійскіе государственные люди, врядъ-ли уничтожитъ дефицитъ и потому въ состояніи развѣ отсрочить, но никакъ не предупредить кризисъ.

Что-же остается для Австріи въ такомъ положеніи дѣлъ? Мы не пророки и не можемъ угадывать будущаго; въ особенности угадывать то, на что могутъ рѣшиться австрійскіе государственные люди. Тѣмъ не менѣе мы можемъ «смѣть свое сужденіе имѣть» о томъ, что слѣдовало-бы сдѣлать, а именно: пожертвовать Венеціей и этимъ средствомъ исправить государственные финансы, взявъ денежное, а не территоріальное вознагражденіе. Такая политика не только дала-бы наличныя средства, но доставила-бы возможность значительно сократить расходы по военному бюджету.

Уничтожая возможность войны между Австріей и Италіей, такое разрѣшеніе вопроса было-бы благодѣтельно не только для заинтересованныхъ государствъ, но и для цѣлой Европы. Оно-бы дало возможность къ общему обезоруженію, чего такъ сильно желаютъ всѣ европейскіе государства. Это тѣмъ болѣе важно въ настоящее время, что наступаетъ торговый кризисъ, и займы становятся невозможными.

Говоря объ Австріи, мы не можемъ пройти молчаніемъ бывшіе газетные толки о европейскомъ конгресѣ. Утверждаютъ, что Австрія въ настоящее время желаетъ конгреса съ тою цѣлью, чтобъ Европа обезпечила ея права на владѣніе венеціанской областью, взамѣнъ по-

Digitized by Google

то Австрія признаетъ итальянское королевство; что Пруссія, входя въ виды Австріи, взяла на себя посредничество по этому вопросу между Австріею и Франціею и въ случаѣ надобности возьметъ даже на себя инициативу предложенія. Странными кажутся намъ всѣ подобныя политическія бредни. Конечно для Австріи подобная комбинація можетъ быть выгодна, но неужели можно предположить, что австрійскіе государственные люди такъ близоруки, что они рѣшатся въ европейскомъ конгресѣ высказать подобныя предложенія? Что-же можетъ выиграть отъ этой сдѣлки Италія? Она должна отказаться отъ своихъ правъ на Венецію, отказаться отъ той политики, которая поставлена итальянскому правительству въ непремѣнную обязанность торжественнымъ рѣшеніемъ итальянскаго народа. Возможное-ли это дѣло для какого-бы то ни было правительства Италіи? И эта жертва должна быть принесена только для того, чтобъ австрійская имперія признала итальянское королевство. Но неужели это признаніе такъ нужно для Италіи? Неужели Италія перестанетъ существовать, если вѣнскій кабинетъ не будетъ признавать того, что существуетъ въ дѣйствительности? Италія могла дорожить признаніемъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; но будучи признана этими великими державами, можетъ-ли она думать о необходимости ея признанія со стороны Австріи и для достиженія этой цѣли жертвовать своими завѣтными стремленіями къ единству? Намъ кажется, чѣмъ далѣе Австрія будетъ упорствовать въ отрицаніи существующаго факта, тѣмъ безполезнѣе это будетъ для нея-же самой. Не говоря уже объ Италіи, можно-ли предположить, что императоръ Французовъ, содѣйствовавшій образованію итальянскаго королевства и сказавшій однажды, что Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адріатическаго моря, рѣшится отнять у итальянскаго народа всякую надежду на пріобрѣтеніе Венеціи, даже въ будущемъ, и создать для себя врага изъ вѣрнаго союзника? Еслибъ Австрія могла вознаградить Францію за подобную услугу, то конечно думать объ этомъ было-бы возможно, но отъ мысли до ея исполненія еще далеко. Кому-же вознагражденіе Франціи не во власти Австріи. Невозможно предположить также, что подобная комбинація встрѣтитъ поддержку и со стороны Англіи. Мысль о единствѣ Италіи такъ популярна въ Англіи и ея государственные люди столько разъ заявляли свое сочувствіе къ этому дѣлу, что надобно быть совершенно близорукимъ, предполагая, что Англія на европейскомъ конгресѣ станетъ поддерживать право Австріи на Венецію.

Въ Австріи въ настоящее время существуютъ три партіи. Первая—старая нѣмецкая партія, представителемъ которой могли служить

Digitized by Google

въ прежнее время князь Метернихъ, а нынѣ баронъ Бахъ. Она не вѣритъ ни въ какіе новые принципы и хотѣла-бы держаться политическихъ началъ вѣнскаго конгреса. Для нея права населеній, входящихъ въ составъ австрійской имперіи, не существуютъ и главная цѣль ея — объмечить всѣ подвластныя племена во что-бы то ни стало. Средство-же къ тому — насиліе. Другая партія, представителемъ которой можетъ считаться г. Шмерлингъ, есть партія, называющая себя либеральной. Тенденція ея почти тѣ-же, но только средства къ тому она думаетъ употребить другія совершенно, а именно: болѣе либеральныя. По ея совѣту напримѣръ въ Австріи введенъ конституціонный порядокъ и она желаетъ провести свои унитарные планы, соглашаясь на нѣкоторыя незначительныя уступки въ пользу автономіи провинцій. Она также какъ и первая партія не хочетъ и слышать ни о самостоятельности венгерской конституціи, ни о правахъ Венеціи на присоединеніе ея къ Италіи. Первая изъ этихъ партій долго находилась во главѣ управленія, довела положеніе дѣлъ до революціи 1848 года и наконецъ, по подавленіи мятежа съ помощію русскихъ войскъ, оставалась въ управленіи до итальянской кампаніи. Наконецъ эта кампанія и смерть барона Брука открыли глаза императору Францу Іосифу. Онъ увидѣлъ невозможность держаться прежней политики и призвалъ къ управленію г. Шмерлинга. Конечно это было большимъ шагомъ впередъ, но такъ какъ цѣли австрійской политики остались все тѣже, а достиженіе ихъ невозможно, то и новыя средства оказались несостоятельными. И вотъ четырехлѣтній опытъ г. Шмерлинга приводитъ наконецъ къ невозможности содержать армію, служащую единственнымъ средствомъ для удержанія всѣхъ разнородныхъ элементовъ въ имперіи отъ распаденія, къ потерѣ всякаго вліянія въ Германіи и наконецъ къ совершенному отчужденію въ торговомъ отношеніи отъ другихъ членовъ германскаго союза. Ясно, что держаться програмы этой, такъ называемой либеральной партіи, сдѣлается скоро невозможнымъ. Законъ логической необходимости долженъ заставить наконецъ австрійское правительство отказаться отъ преслѣдованія такихъ цѣлей, за которыми оно гонялся столько времени безъ всякаго успѣха. Отъ-же законъ необходимости (кто знаетъ?) можетъ быть заставитъ ее призвать къ управленію дѣлами третью партію,—партію федералистовъ. Что будетъ изъ этого исхода — трудно сказать; но можетъ быть онъ и приведетъ къ чему-нибудь новому, разумѣется переработавъ сначала все прежнее такъ, что его и узнать нельзя будетъ.

Въ послѣднее время газеты заговорили о министерскомъ кризисѣ въ Вѣнѣ. Утверждали, что Австрія имѣетъ въ виду измѣнить свою

Digitized by Google

иностранную политику, что она откажется отъ союза съ Пруссіей и перейдетъ на сторону западныхъ державъ. Эти извѣстія отчасти подтвердились: графъ Рехбергъ, увлекшій Австрію въ союзъ съ Пруссіей и въ войну, не имѣвшую никакой цѣли для ея интересовъ и фронтирующую ея вліяніе въ Германіи, оставляетъ министерство; онъ подалъ въ отставку и замѣненъ графомъ Менсдорфомъ—Пулли. Говорятъ, также, что къ этой политикѣ склоняетъ Австрію весь финансовый міръ, который боится возможности войны въ самомъ ближайшемъ будущемъ, если Австрія не одобритъ франко-итальянской конвенціи и будетъ ей противодѣйствовать. Поѣздка Лорда Кларендона въ Вѣну, по увѣренію нѣкоторыхъ газетъ, состоитъ въ связи съ перемѣною политики Австрійскаго кабинета; говорятъ даже, что за присоединеніе къ политикѣ западныхъ державъ, лордъ Кларендонъ обѣщалъ Австріи уговорить Итальянское правительство отказаться отъ Венеціи и способствовать займу Австріи въ 100 милліоновъ флориновъ. Намъ кажется, что хотя въ этихъ извѣстіяхъ и можетъ быть нѣкоторая доля правды, но во всякомъ случаѣ они преувеличены и преждевременны. Что Австрія по закону логической необходимости должна будетъ какъ-нибудь измѣнить свою политику, противъ этого мы не споримъ; напротивъ, выше мы доказывали, что это должно послѣдовать; но что это можетъ быть теперь-же, мы плохо этому вѣримъ. Хотя графъ Рехбергъ вышелъ изъ кабинета, хотя г. Шмерлингъ и рѣшится сдѣлать уступки Венгерской и другимъ національностямъ, стремящимся къ федеральному устройству имперіи, но эти уступки, судя по общему характеру его политики, не могутъ быть такъ значительны, чтобы онѣ удовлетворили эти партіи, да сверхъ того врядъ-ли и можно ихъ удовлетворить, сохранивъ въ то-же время и Австрійскую Имперію. Полное-же соглашеніе съ западными державами возможно только при совершенномъ отреченіи отъ Венеціи, къ чему мы не считаемъ способнымъ г. Шмерлинга. Сверхъ того мы знаемъ сочувствіе Англійскаго народа и его правительства къ дѣлу Италіи, а потому никакъ не можемъ допустить, чтобы Англійское правительство приняло на себя роль уговаривать Итальянское отказаться отъ Венеціи. Съ другой стороны, мы плохо вѣримъ и тому, чтобы лордъ Кларендонъ обѣщалъ содѣйствіе своего правительства для заключенія займа. Трудное положеніе денежнаго рынка конечно извѣстно лорду не менѣе, чѣмъ кому-либо другому, и сверхъ того извѣстно, что 100 мил. флориновъ все равно ничего для поддержанія государственныхъ финансовъ въ критическомъ положеніи и упадочности въ положеніи Австріи; ему извѣстно, что не этими палліативными средствами можно излѣчить болѣзненный организмъ этой дер-

жави. Если мы ошибаемся въ нашихъ заключеніяхъ, то объяснить нашу ошибку можно тѣмъ, что финансовое положеніе Австріи гораздо хуже нежели какъ мы его себѣ представляемъ, а это дѣйствительно могло-бы заставить г. Шмерлинга сдѣлать самый радикальный поворотъ въ своей политикѣ. Мы думаемъ однакожъ, что дѣла все-таки еще не дошли до такого положенія.

Въ Греціи, судя по первымъ параграфамъ предложенной правительствомъ и принятой учредительнымъ собраніемъ конституціи, послѣдняя должна быть проектирована въ самомъ либеральномъ духѣ. На основаніи этой конституціи всѣ греки равны передъ закономъ; дворянство не будетъ ни раздаваемо, ни признаваемо; полная неприкосновенность личной свободы и жилища, кромѣ случаевъ предусмотрѣнныхъ закономъ; свобода печати, ассоціацій и митинговъ. Было извѣстіе также, что учредительное собраніе допустило лишь одну законодательную палату, что имѣетъ полное основаніе при равенствѣ всѣхъ грековъ передъ закономъ. Казалось-бы при такомъ либеральномъ образѣ дѣйствій правительства можно было вполнѣ надѣяться, что утвержденіе конституціи не возбудитъ никакихъ волненій и никакихъ непріязненныхъ столкновеній между партіями; но эти надежды не подтвердились. Газеты приносятъ намъ извѣстія, что въ національномъ собраніи происходятъ сильные безпорядки, и король въ своемъ посланіи къ собранію, оплакивая медленность преній, назначаетъ мѣсячный срокъ для окончанія разсмотрѣнія конституціи и избирательнаго закона. Повидимому виновниками этихъ безпорядковъ нужно считать приверженцевъ г. Булгариса, который какъ извѣстно остался не у дѣлъ. Мы отлагаемъ покамѣстъ всякое рѣшительное заключеніе о причинахъ этихъ безпорядковъ, пока дальнѣйшія событія не дадутъ возможности сказать по этому поводу что-нибудь положительное.

Намъ остается въ нынѣшнемъ обозрѣніи поговорить о событіяхъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Повидимому сѣверные штаты начинаютъ уставать нести тѣ жертвы, къ которымъ обязываетъ ихъ война. Югъ-же истощаетъ свои послѣднія средства для борьбы. Такое положеніе дѣлъ заставляетъ многихъ ожидать прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Понятно, какое волненіе происходитъ въ сѣверныхъ штатахъ Америки въ виду рѣшенія такихъ вопросовъ, какъ цѣлость союза или его распаденіе, война или міръ, освобожденіе невольниковъ или нѣтъ. Въ виду предстоящаго рѣшенія этихъ вопросовъ, Югъ желаетъ продлить эту борьбу; съ этою цѣлію онъ напрягаетъ свои послѣднія усилія и вооружается поголовно.

Digitized by Google

Если вѣрить словамъ президента южныхъ штатовъ Джефферсона Девиса, что Югъ стремится къ пріобрѣтенію полной самостоятельности, что онъ ни въ какомъ случаѣ не пожелаетъ возстановленія союза, что въ соединеніи съ Сѣверомъ онъ постоянно рискуетъ потерять свободу и что вопросъ о невольничествѣ вовсе не составляетъ главной причины борьбы; то откуда же могла возникнуть надежда на мирволюбивое окончаніе распри? Линкольнъ не хочетъ никакихъ уступокъ, Макъ-Клеланъ соглашается на нѣкоторыя, но не хотѣлъ самостоятельности Юга; отсюда уступки возможны только по отношенію къ невольничеству, что по словамъ Джефферсона Девиса не есть главная причина борьбы. Ясно, что замѣна Линкольна Макъ-Клеланомъ повела-бы только къ временной остановкѣ военныхъ дѣйствій, которая дала-бы возможность ослабѣвшему Югу собраться съ новыми силами. Если борьба могла-бы кончиться на основаніи программы Макъ-Клелана, то отсюда прямо слѣдуетъ, что невольничество есть единственная и главная причина междоусобія.

Что до насъ касается, то мы думаемъ, что здѣсь дѣйствительно идетъ вопросъ о невольничествѣ и о томъ значеніи, которое могутъ имѣть вожди партій на Югѣ. Съ присоединеніемъ къ Сѣверу, послѣдніе должны потерять всякое значеніе, слѣдовательно борьба идетъ чисто изъ за политическихъ интересовъ. Всякій другой вопросъ могъ-бы разрѣшиться мирными путями при тѣхъ средствахъ свободнаго обсужденія, которыми люди пользовались въ штатахъ; только въ этомъ вопросѣ не могло быть соглашенія; только въ этомъ вопросѣ разсудокъ совершенно расходится съ интересомъ и не можетъ быть ни какихъ уступокъ ни съ той, ни съ другой стороны. Рабовладѣлецъ всегда будетъ твердить о необходимости рабства, а аболиціонистъ о необходимости его уничтоженія. Поэтому, какъ скоро выбранъ былъ въ президенты человѣкъ, который желалъ уничтоженія рабства, Югъ, не желавшій этого уничтоженія, не могъ оставаться въ союзѣ, и никакія уступки Сѣвера не могутъ склонить его къ возвращенію въ союзъ. Аристократія Юга, гдѣ преобладаетъ крупная поземельная собственность, хотя и величаетъ себя именемъ демократовъ, но видитъ невозможность сохранить свое значеніе въ союзѣ съ Сѣверомъ, въ которомъ дѣйствительно преобладаетъ демократическій элементъ, и потому должна вести войну на жизнь и смерть въ надеждѣ, что Сѣверъ утомится и признаетъ самостоятельность Юга. Эту надежду можетъ поддерживать въ рабовладѣльцахъ и то обстоятельство, что на Сѣверѣ есть много такъ называемыхъ демократовъ, которые сочувствуютъ имъ и называютъ политику Линкольна нарушеніемъ конституціи и стѣсненіемъ свободы.

Digitized by Google

Сверх-быть пищей для борьбы служитъ надежда на расколъ въ Сѣверныхъ штатахъ. Но основательна-ли такая надежда Юга. Семь милліоновъ не въ состояніи бороться съ двадцатью. Уступки не могутъ быть такъ велики, чтобъ Югъ могъ возвратиться въ союзъ. Для этого необходимо не только признаніе невольничества, не только возвращеніе Югу того значенія, которое онъ имѣлъ прежде, но и возстановленіе закона о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. Подобная политика значила-бы подчиненіе Сѣвера тенденціямъ южныхъ плантаторовъ, а это не во власти президента. Ненависть къ плантаторамъ и идея аболиціонизма такъ развились въ Сѣверныхъ штатахъ въ послѣдніе четыре года, что ожидать подобныхъ результатовъ невозможно.

Послѣ столькихъ жертвъ и въ ту минуту когда Югъ истощаетъ свои послѣднія средства, прекращеніе военныхъ дѣйствій было-бы громадной политической ошибкой.

Уничтоженіе закона о выдачѣ бѣглыхъ въ Сѣверныхъ штатахъ и признаніе за чорнымъ племенемъ правъ человѣка не можетъ не нанести рѣшительнаго удара на Югъ, хотя бы Южные штаты отдѣлили себя отъ Сѣверныхъ китайскою стѣною. Но возможно-ли такое отчужденіе при нынѣшнемъ состояніи промышленности и торговли и при томъ положеніи, въ которомъ будутъ находиться по заключеніи мира Южные штаты? Бѣдные наличными капиталами и до войны, землевладѣльцы Южныхъ штатовъ почувствуютъ еще болѣе ихъ необходимость, когда установится нормальный порядокъ и выкажутся всѣ послѣдствія военныхъ дѣйствій. Разореніе, въ настоящую минуту для нихъ еще не такъ замѣтное, будетъ впослѣдствіи гораздо чувствительнѣе по причинѣ дорговизны капиталовъ. Между тѣмъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ будетъ находиться народъ предпріимчивый и богатый капиталами. Очень естественно, что капиталисты Сѣвера, привлеченные дорговизною капиталовъ, устремятся на Югъ и пріобрѣтутъ тамъ значеніе гораздо болѣе важное, нежели мѣстные землевладѣльцы съ узкими и не соотвѣтствующими духу времени тенденціями. Исходъ борьбы между тѣми и другими несомнѣненъ, въ особенности при тѣхъ свободныхъ учрежденіяхъ, которыми пользуется Америка. Поэтому мы смѣло можемъ сказать, что дѣло Юга потеряно навсегда; вопросъ состоитъ только во времени. Мы твердо убѣждены въ этомъ и думаемъ, что еслибъ Сѣверные штаты приняли съ самаго начала эту политику и употребили бы только часть тѣхъ средствъ, во что обошлась имъ война, на пріобрѣтеніе вліянія въ Южныхъ, то и тогда ихъ торжество было-бы полное; при теперешнихъ же обстоятельствахъ оно несомнѣнно потому, что Югъ утратилъ въ борьбѣ гораздо болѣе своихъ силъ, нежели Сѣверъ.

Digitized by Google

ИЗЪ МРАКА КЪ СВѢТУ

РОМАНЪ ШПИЛЬГАГЕНА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Городъ Грюнвальдъ игралъ гораздо болѣе важную роль чѣмъ теперь—въ тѣ времена, которыя исторія уже давно занесла въ свою главную книгу. Онъ былъ однимъ изъ почетныхъ членовъ стараго Ганзейскаго союза и соперничалъ съ Гамбургомъ, Любекомъ и Бременомъ въ силѣ и богатствѣ. Его корабли плавали по всѣмъ сѣвернымъ морямъ и даже въ гаваняхъ Генуи и Венеціи не рѣдко развѣвался флагъ Грюнвальда. Гражданне его были народъ широкоплечій, настойчивый, упорный въ любви и ненависти и вообще способный во всѣхъ отношеніяхъ. Не безъ основанія гордились они своими свободными правами и недаромъ полагались на мѣстность защищенную болотами и моремъ и на высокіе валы и стѣны своего города, а всего болѣе на доброе оружіе и мужественное, закаленное въ груди сердце. Еще въ тридцатилѣтней войнѣ Грюнвальдъ горячо отстаивалъ отъ имперскихъ войскъ свою старую славу, и воспоминаніе о славныхъ подвигахъ отцовъ до нашихъ дней живетъ въ сердцахъ настоящаго поколѣнія.

Digitized by Google

Разумѣется теперь старая слава должна была уже порядкомъ поизноситься, потому что новѣйшее время не сдѣлало ничего для ея поддержанія. Съ тѣхъ поръ какъ мореплаваніе уже не довольствуется мелко сидящими въ водѣ судами, съ тѣхъ поръ какъ торговля избрала себѣ другіе пути и устроила другіе рынки, Грюнвальдъ медленно, но постепенно лишался своего гордаго величія и наконецъ дошолъ до уровня простаго провинціальнаго города, который уже ни во что не считается въ великомъ мірѣ политики и торговли.

А между тѣмъ, не смотря на то что гавань обмелѣла, валы срыты, а отъ толстой городской стѣны находятся на лицо только обломки,—надъ старымъ Ганзейскимъ городомъ все еще вѣетъ меланхолическій духъ прошлаго величія, который дѣйствуетъ на мыслящаго путешественника, какъ затхлый запахъ пожелтѣвшаго пергамента на ученаго. Какъ ни старались современные жители придать своему городу какъ можно болѣе тривіальный и ничтожный видъ, все-же не удалось имъ сдѣлать прямыми нѣкоторыя поэтически-извилистыя улицы и снести нѣкоторые старые дома съ узкими, высокими, роскошно украшенными кровлями. А надъ смѣсью большихъ и малыхъ улицъ, съ ихъ полу-древнимъ, полусовременнымъ характеромъ, возносятся могучія башни великолѣпныхъ соборовъ, которые слишкомъ великолѣпны для настоящихъ обстоятельствъ Грюнвальда, а въ особенности ночью, когда они растилаютъ свою почтенную тѣнь далеко по городу, спящему у подножія ихъ въ лунномъ свѣтѣ, или вечеромъ, когда со стороны моря взглянешь на гавань, а сѣрый туманъ изъ воды наброситъ на окрестность таинственное покрывало, они почти совершенно возстановляютъ впечатлѣніе древности.

Справедливость заставляетъ однакожъ упомянуть, что все сказанное о настоящей незначительности Грюнвальда должно быть принято относительно—въ сравненіи съ прошлымъ великолѣпіемъ. Для своей провинціи, Грюнвальдъ все еще очень важный городъ. Хотя его флагъ и не развѣвается уже на всѣхъ моряхъ, но зато постоянно красуется въ собственной гавани, на небольшихъ купеческихъ кораблях и

Digitized by Google

судахъ, а на верфяхъ безпрестанно идетъ работа. Хотя стѣны его и разрушены имперцами, а валы срыты Французами, все же онъ крѣпость, и комендантъ его никогда не заснетъ спокойно, если не выслушаетъ рапорта всѣхъ караульныхъ о томъ: «что все обстоитъ благополучно». Если городъ и потерялъ свои старыя привилегіи и утратилъ гордую свободу и самостоятельность, то онъ все-таки составляетъ существенную часть великаго цѣлаго и черезъ это пріобрѣлъ нѣкоторыя выгоды. Грюнвальдъ нетолько гарнизонный городъ для цѣлаго батальона пѣхоты и половины полка артиллеріи, но и мѣстопребываніе окружнаго правленія, равно какъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Въ особенности же Грюнвальдъ, какъ всѣмъ извѣстно, университетскій городъ, хотя свѣтъ этого вмѣстилища музъ и не распространяется на слишкомъ большое разстояніе и насмѣшники утверждаютъ, будто здѣсь на каждаго профессора приходится по студенту, а на каждаго студента по стипендіи и что не одинъ адептъ науки не впускается въ городъ, не обязавшись напередъ принять эту стипендію.

Впрочемъ Грюнвальдъ есть мѣстопребываніе столь знатнаго и богатаго дворянства этой провинціи, въ особенности этой части провинціи! Когда уберутся громадные посѣвы на многочисленныхъ поляхъ, когда спадутъ листья въ огромныхъ паркахъ и вороны потянутся изъ обнаженныхъ лѣсовъ,—всѣ графы, бароны и мелкіе дворянчики, всѣ *Ицы* и *Вицы* тронутся съ острова и изъ окрестностей въ своихъ тяжеловѣсныхъ четверомѣстныхъ каретахъ прямо въ городъ и поселятся на зиму съ дѣтьми, прислугой, учителями и гувернантками—въ богатыхъ домахъ, которые они всѣ имѣютъ въ городѣ и которые во время лѣта отличаются отъ домовъ обыкновенныхъ, неправелигированныхъ, платящихъ подати и круглый годъ работающихъ людей—совершеннѣйшей тишиною, опущенными занавѣсами и травой, растущей въ идиллическомъ спокойствіи между каменными плитами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Осень. Поля опустѣли; съ липъ на дворѣ замка Гренвица падаютъ пожелтѣвшіе листья. Густой туманъ тянется съ моря на высокій, окаймленный буковыми лѣсами берегъ острова. Башни Грюнвальда высятся изъ тумана, какъ сѣдые великаны древности, а надъ сѣдыми великанами вьются и кричатъ вороны и галки, собравшіяся изъ негостепріимныхъ лѣсовъ въ городъ.

Солнце уже съ часъ назадъ исчезло въ морѣ. Послѣдняя багровая полоса заслоняется тяжелыми, низко спустившимися облаками. На улицахъ города сдѣлалось тихо, и фонарщикъ засвѣчаетъ масляные фонари, скудный свѣтъ которыхъ служитъ только къ тому, чтобы туманъ казался еще гуще и темнота еще темнѣе. Онъ сегодня, первый разъ въ этомъ году, засвѣтилъ два особенно яркіе фонаря передъ большимъ, массивнымъ домомъ на одной изъ улицъ ведущихъ къ гавани — вѣрный признакъ, что высоко-благородное семейство, которому этотъ домъ принадлежитъ по правамъ наслѣдства и которое постоянно проводитъ лѣто и нерѣдко даже зиму въ своихъ имѣніяхъ, сегодня перенесло свое мѣстопребываніе въ городъ Грюнвальдъ.

Впрочемъ окна отеля, выходящія на улицы, еще темны. Вообще онѣ освѣщаются рѣдко, только при торжественныхъ случаяхъ, когда благородное семейство даетъ одинъ изъ тѣхъ чопорныхъ вечеровъ, куда приглашается только высшее дворянство и развѣ самые значительные изъ служащихъ въ городѣ. Обыкновенно-же эти комнаты и большія залы главнаго корпуса остаются запертыми, а семейство довольствуется менѣе роскошнымъ помѣщеніемъ, выходящимъ окнами на дворъ. Скромному и нетребовательному вкусу хозяйки это помѣщеніе въ особенности удовлетворяетъ тѣмъ, что требуетъ гораздо менѣе топлива, а лѣса Гренвицевскаго майората отданы въ аренду за смѣшную по дешевизнѣ цѣну,—всего за какія-нибудь десять тысячъ талеровъ.

Въ одной изъ этихъ (впрочемъ все-таки богатыхъ) комнатъ сидитъ баронесса Гренвицъ за круглымъ столомъ, на которомъ горятъ двѣ восковыя свѣчи. Въ послѣднія шесть

*

Digitized by Google

недѣль она состарѣлась лѣтъ на шесть. Лобъ ея сдѣлался угловатѣе и уже; темные волосы мѣстами посѣдѣли; большіе глаза сдѣлались еще больше, еще безжизненнѣе и холоднѣе. Противъ нея полулежитъ въ мягкомъ креслѣ ея племянникъ Феликсъ. Правая рука молодого человѣка виситъ на перевязкѣ, а болѣзненная блѣдность лица представляетъ разительный контрастъ съ изысканно завитыми волосами и по прежнему тщательнымъ туалетомъ. По столу разложены письма и бумаги, и тѣ и другія написанныя однимъ и тѣмъже красивымъ почеркомъ. Баронеса и Феликсъ повидимому только-что кончили чтеніе этихъ бумагъ и еще не настолько привели въ порядокъ возбужденныя ими мысли, чтобы ихъ высказать; они молча вдумывались въ свои впечатлѣнія, и тишина комнаты нарушалась лишь монотоннымъ тикъ-такъ стариннымъ часовъ на каминѣ.

Наконецъ молодой человѣкъ, не любившій долго предаваться меланхолическимъ размышленіямъ, прервалъ молчаніе.

— А дѣло гораздо серьезнѣе, нѣмъ мы оба думали, сказалъ онъ, приподнимаясь въ креслѣ и снова принимаясь за бумаги.

— Я все еще не вѣрю ни одному слову изъ всего этого, возразила баронеса съ свойственнымъ ея характеру упорствомъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ, ma tante! послѣ того какъ вы во всѣхъ подробностяхъ прочитали эту мерзкую исторію.

— Изъ рукъ Тимма! написанную рукою Тимма! Развѣ не могъ этотъ мальчишка выдумать и присочинить?

— Не думаю, чтобы копія не согласовалась съ оригиналомъ.

— А почему онъ не прислалъ намъ самыхъ оригиналовъ?

— Извините, ma tante, этотъ вопросъ ужъ слишкомъ наивенъ! Прислать намъ оригиналы, т. е. оружіе, которое онъ имѣетъ противъ насъ, было-бы избыткомъ благородства или легкомыслія; а ни того, ни другаго вы не можете серьезно предположить въ такой хитрой лисицѣ какъ мой пріятель Тимъ. Что онъ боится не ума, а хитрости и ловкости съ нашей стороны, доказываетъ его предложеніе во всякое

Digitized by Google

время представить нам для точнѣйшаго удостовѣренія оригиналы, въ присутствіи неприносновеннаго къ дѣлу третьяго лица. Нѣтъ, нѣтъ, милая тетушка, не предавайтесь пустымъ надеждамъ. Эти письма и бумаги дѣйствительно существуютъ, за это вы можете прозакладывать свою голову.

— Что?

— Я хотѣлъ сказать, что тутъ нечего сомнѣваться. Я съ своей стороны также совершенно убѣжденъ въ родствѣ monsieur Штейна съ семействомъ Гренвицъ, какъ въ своемъ собственномъ существованіи, и потому ненавижу этого человѣка, какъ обыкновенно ненавидятъ докучливаго родственника, въ особенности если онъ такой самонадѣянный, тщеславный, надутый, дерзкій, проклятый канелья, какъ этотъ мерзавецъ, чтобы чортъ...

При другихъ обстоятельствахъ этотъ поводъ не совсѣмъ употребительныхъ въ гостиной словъ безъ сомнѣнія былъ бы гораздо ранѣе прерванъ высоконравственной баронессой; но теперь она была занята болѣе важными вещами.

— Но вѣдь еще ничего не будетъ доказано, начала она съ упорной раздражительностью, пока не уяснятъ неопровержимыми документами тождества этого человѣка съ ребенкомъ этой Маріи. Если даже и допустить возможность или вѣроятность такого случая, то не бросать же намъ сотни талеровъ изъ-за одной возможности и вѣроятности.

— Сотни! повторилъ Феликсъ съ нѣсколько презрительной усмѣшкой. Скажите лучше тысячи! Такъ дешево Тиммъ не выпуститъ насъ изъ своихъ когтей.

— Вы вѣроятно шутите? сказала баронесса, сдвигая брови какъ Юнона. Такъ далеко не можетъ и не отмѣлится простирать своего безстыдства этотъ мальчишка!

— Nous verrons! отвѣчалъ лакомственно дядя и растянулся въ креслѣ.

Наступила пауза, которую Феликсъ употребилъ во первыхъ на тщательный осмотръ своихъ ногтей, а во вторыхъ на раскладку по нумерамъ бумагъ, которыя и подвинулъ къ баронессѣ.

— Этотъ господинъ долго заставляетъ себя ждать, сказала баронесса.

Digitized by Google

— Онъ прикидывается равнодушнымъ, отвѣчалъ Феликсъ. Это мнѣ ужъ давно знакомо; когда онъ бывало представлялся усталымъ и изъявлялъ желаніе идти домой, можно было держать пари, что онъ рѣшился остаться сорвать банкъ или проиграть все до послѣдняго гроша.

Въ эту минуту лакей доложилъ: господинъ землемѣръ Тиммъ!

— Проси! отвѣчала баронеса, выпрямляясь съ своимъ обычнымъ достоинствомъ, но голосъ ея былъ уже не такъ твердъ какъ обыкновенно.

— Ради Бога не выходите изъ себя, тетушка! шепнулъ Феликсъ, пока слуга ходилъ за Тиммомъ. Какъ скоро эта каналья замѣтитъ, что у насъ пульсъ бьется скорѣе, то тотчасъ затянетъ колодки покрѣпче.

— Я совершенно спокойна, отвѣчала баронеса, между тѣмъ какъ непривычный румянецъ и ускорившееся дыханіе доказывали противное.

Еще минута томительнаго напряженія, и дверь растворилась; вошолъ Тиммъ своей мелкой походкой.

Наружность его, за исключеніемъ нѣсколько болѣе тщательнаго туалета, была совершенно такая, какою помнила ее Анна-Марія еще съ дѣта,—тотъ-же бѣлый, чистый лобъ, тѣже зачесанные назадъ бѣлокурые волосы, тѣ-же свѣжія, розовыя щоки, та-же беззаботная улыбка на красивомъ лицѣ. Если баронеса смотрѣла теперь на своего ничуть-неизмѣнившагося любимца совершенно другими глазами, то очевидно вина была на ея сторонѣ, и холодный пріемъ разумѣется не долженъ былъ имѣть вліянія на привѣтствіе, съ которымъ обратился къ ней Тиммъ.

— Добраго вечера, сударыня! добрый вечеръ, баронъ! сказалъ онъ, цѣлуя правую руку Анны—Маріи, которую та протянула ему съ очевиднымъ отвращеніемъ, и дружески пожимая лѣвую руку барона (правая висѣла на перевязкѣ). Душевно радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ, баронеса! что-же до васъ касается, баронъ, то можно сказать, только, что вы здоровы насколько допускаютъ предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ послѣдовать вашему примѣру.

И Тиммъ придвинулъ къ столу одно изъ тяжолыхъ кре-

Digitized by Google

селъ, сѣлъ и принялся смотрѣть на своихъ собесѣдниковъ такими глазами, въ которыхъ, на сколько можно было разсмотрѣть сквозь очки, такъ и сверкала насмѣшка и злобная радость.

— Вотъ такъ комфортъ! продолжалъ онъ, протягивая на коверъ ноги и похлопывая ладонями по ручкамъ кресла. А господинъ баронъ все еще въ Гренвицѣ? Теперь должно быть чертовски скучно въ этомъ большомъ, старомъ, сыромъ сундукѣ.

— У барона есть еще нѣкоторыя важныя дѣла, отвѣтила баронеса, чтобы сказать что-нибудь.

— Дѣла! вскричалъ Тиммъ. Какъ это пришло въ голову заботиться о дѣлахъ такому человѣку, главнымъ занятіемъ котораго всегда было именно не имѣть никакихъ дѣлъ! Непостижимо!

— Вамъ-то это легко понять, Тиммъ, отвѣчалъ Феликсъ съ замѣтной ироніей,—иначе къ чему-бы вамъ было мѣшаться въ извѣстныя вамъ обстоятельства?

— Обстоятельства—не дѣла, возразилъ Тиммъ.

— Но посредствомъ ихъ иногда обработываютъ дѣла.

— Да, напримѣръ когда занимаютъ у жидовъ деньги и вмѣсто расплаты подаютъ жалобу на незаконные проценты, отвѣчалъ Тиммъ.

Это напоминаніе о юношескихъ похожденіяхъ было такъ не по вкусу Феликсу, что онъ нетерпѣливо откинулся въ кресло и сказалъ съ замѣтной раздражительностью:

— Я думаю, намъ наконецъ пора приступить къ дѣлу.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Тиммъ, придвигаясь къ столу съ такимъ видомъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ его словамъ.

— Вы были такъ добры, началъ Феликсъ, между тѣмъ какъ баронеса сидѣла насупивъ брови и упорно глядѣла въ полъ, — вы были такъ добры, что по желанію нашему прислали намъ копіи съ писемъ, которыя вы будто-бы нашли между бумагами вашего покойнаго отца...

— Вы хотите сказать *нашли*, баронъ.

— Пожалуй, хоть *нашли*: Мы можемъ допустить и это; это вѣдь въ сущности ничего не значитъ, такъ какъ вы не-

Digitized by Google

претѣнно рѣшились съ помощію этихъ бумагъ возстановить права баснословнаго сына моего дяди Гаральда — кажется такъ говорится въ одномъ изъ вашихъ писемъ?

— Ну, это смотря потому, съ какой точки зрѣнія взять вопросъ, возразилъ Тиммъ.

— А могу-ли просить васъ нѣсколько точнѣе опредѣлить намъ *вашу* точку зрѣнія?

— Почему-же и нѣтъ; я даже сдѣлаю это съ особеннымъ удовольствіемъ. По моему мнѣнію, положеніе дѣла такое: у меня цѣлый рядъ документовъ и бумагъ, которые не только проливаютъ самый яркій свѣтъ на отношенія барона Гаральда и Маріи Монберъ, но и могутъ сдѣлаться въ рукахъ умнаго, практическаго человѣка (а таковымъ окажется любой адвокатъ) путеводной нитью къ открытію мѣстопребыванія упомянутой Маріи Монберъ съ ея ребенкомъ, т. е. навести на точнѣйшія указанія о мѣстопребываніи назначенныхъ въ духовномъ завѣщаніи барона Гаральда наслѣдниковъ Стантова и Вервальде.

— Что вы называете точнѣйшими указаніями? спросила баронесса.

— То, что можно доказать, сударыня. А въ отношеніи извѣстной вамъ личности, въ которой я, по счастливому стеченію совершенно особенныхъ и почти странныхъ обстоятельствъ, надѣюсь найти упомянутаго наслѣдника, можно доказать во-первыхъ: что онъ носитъ тоже самое имя, которое хотѣлъ принять monsieur д'Эштейнъ (прошу обратить вниманіе на письмо № 25) послѣ побѣга Маріи Монберъ изъ Гренвица; во-вторыхъ: что мужчина, по имени Штейнъ, съ молодой женщиной, слывшей его женою, и маленькимъ ребенкомъ, слывшимъ его сыномъ, поселился въ Фольястѣ вскорѣ послѣ смерти барона Гаральда.

— Какъ вы узнали это? спросилъ Феликсъ.

— Я самъ былъ въ Фольястѣ и говорилъ со старухой, въ домѣ которой г. Штейнъ прожилъ отъ перваго до послѣдняго дня своего пребыванія въ городѣ.

— Дальше.

— Въ третьихъ: что этотъ Штейнъ тотъ самый, который увезъ Марію Монберъ изъ Гренвица, т. е. г. д'Эштейнъ, который одинъ имѣлъ право вступиться за молодую дѣвушку.

Digitized by Google

— Почему думаете вы, что это былъ именно онъ?

— Потому что мужчина, совершившій похищеніе, имѣлъ совершенно такую-же наружность, какъ этотъ господинъ.

— Но это кажется трудно доказать! сказалъ Феликсъ съ недовѣрчивой улыбкой.

— Не такъ трудно, какъ вы можетъ быть думаете. Я (совершенно случайно) отыскалъ человѣка, у котораго г. д'Эштейнъ — уже и тогда подъ именемъ Штейна — прожилъ двѣ недѣли для наведенія справокъ въ Гренвицѣ и который въ самую ночь похищенія довезъ его и его спутницу до парома, черезъ который вы сами сегодня переѣзжали. Этого человѣка зовутъ Клаусъ Вендорфъ, живетъ онъ въ Фашвицѣ и извѣстенъ каждому, даже пастору Эгеру, какъ человѣкъ вполнѣ заслуживающій довѣрія. Очная ставка этого человѣка съ г-жею Пауке изъ Фольяста самымъ осязательнымъ образомъ доказала-бы тождество похитителя Маріи Монберъ (т. е. г. д'Эштейна) съ учителемъ французскаго языка Штейномъ въ Фольястѣ.

Во время этого объясненія, баронесса и Феликсъ бросали другъ на друга взгляды, ясно выражавшіе смущеніе, въ которое приводила ихъ неопровержимая логичность аргументовъ Тимма.

— Вы не даромъ провели этотъ мѣсяцъ, сказалъ Феликсъ.

— Такъ себѣ! отвѣчалъ добродушно Тиммъ. Теперь дни становятся уже немного коротки, а между тѣмъ я обѣщалъ вамъ не открывать никому дѣла, пока не сообщу вамъ всѣхъ подробностей, и наводить справки какъ можно осторожнѣе. Если впослѣдствіи намъ можно будетъ дѣйствовать безъ этихъ предосторожностей и пользоваться всѣми вспомогательными средствами, которыя даетъ *нам* законъ, то въ четыре дня можно будетъ сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ въ эти четыре недѣли.

И Тиммъ самодовольно потеръ руки.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ намѣрены пустить въ ходъ это баснословное дѣло? спросила Анна-Марія съ улыбкой, которая должна была выйти иронической.

— Я не понимаю васъ, сударыня, сказалъ Тиммъ съ видомъ искреннѣйшаго простосердечія.

Digitized by Google

— Я хочу сказать: неужели вы дѣйствительно намѣрены, противъ нашего желанія и воли, придать публичность семейному обстоятельству, которое касается насъ однихъ, которое уже много лѣтъ похоронено и забыто, и выставить его на посмѣяніе пошлому, плебейскому классу?

Тиммъ еще болѣе поглупѣлъ.

— Противъ вашего желанія и воли... обстоятельство, которое касается однихъ васъ.... я право не имѣю удовольствія знать, какъ я долженъ объяснить себѣ слова госпожи баронесы. Право я не могу предположить, чтобы желанію дамы такой строгой нравственности, какъ баронеса Гренвицъ, было противно святое исполненіе воли умирающаго, когда случай, или само провидѣніе, послѣ столькихъ лѣтъ и противъ всеобщаго ожиданія, способствуетъ наконецъ исполненію этой воли; не могу представить себѣ, чтобы вы... но что это я говорю? Вы будете смѣяться надъ тѣмъ, что я принялъ за серьозное вашу шутку надъ моей можетъ быть слишкомъ усердной готовностью. Развѣ я не знаю, что дѣйствую вполнѣ сообразно съ вашими мыслями, храня какъ святыню документы, священный залогъ усопшаго, и употребляя всѣ силы чтобы дать ходъ этому дѣлу. Развѣ мнѣ не извѣстно, что ваша нерѣшительность и недовѣріе происходятъ изъ благороднаго опасенія возбудить въ сердцѣ ближняго надежды, которыя — потому что вѣдь можетъ-же случиться, что *мы* ошибаемся — которыя могутъ и не осуществиться. Развѣ не знаю я, что всѣ причастные этому дѣлу должны быть одинаковаго мнѣнія, что въ особенности вашъ благородный супругъ, которому вы конечно въ подробности разъяснили все дѣло, душевно радъ расквитаться съ старымъ, къ счастію еще не просроченнымъ долгомъ.

Положеніе пойманной медвѣдицы, которую все болѣе раскаляющіеся прутья желѣзной клѣтки принуждаютъ стать на заднія лапы и граціозно танцовать, между тѣмъ какъ она съ удовольствіемъ разломала-бы клѣтку и растерзала своихъ мучителей—какъ двѣ капли воды походило на то, въ которомъ находилась въ эту минуту баронеса Гренвицъ. Жестокая иронія, съ которой Тиммъ ссылался на правдивость и милосердіе, которыя она выставляла на показъ цѣлую жизнь

Digitized by Google

и которыхъ не придерживалась въ дѣйствительности, прожигала ее какъ каленое желѣзо. Ея гордое, эгоистическое сердце кипѣло. Ярость и мщеніе наполняли ея душу. Она съ восторгомъ стравила-бы, заколола, измучила сидящаго передъ ней и улыбающагося Тимма. И ничего не могла она,— ничего, какъ только проглотить свою тайную злобу и отвѣчать со всѣмъ возможнымъ при ея положеніи спокойствіемъ:

— Вы не совсѣмъ такъ смотрите на дѣло какъ мы, г. землемѣръ; и не удивительно, что вы, какъ не причастный къ нему, видите только его внѣшнюю сторону. Къ сожалѣнію я слишкомъ утомлена сегодня, чтобы подробно объяснить вамъ *мою* точку зрѣнія. Я поручила моему племяннику Феликсу взять это на себя и потому прошу васъ принять то, что онъ вамъ скажетъ, какъ мое собственное мнѣніе. Я увѣрена, что вамъ не трудно будетъ выбирать между дружбою семейства Гренвицъ и дружбой какого-нибудь искателя приключеній. Прощайте, г. землемѣръ.

— Душевно сожалѣю, сударыня, что лишаюсь возможности бесѣдовать съ вами, сказалъ Тиммъ, провожая баронесу до двери,—надѣюсь, что это—легкое нездоровье и что спокойствіе вполнѣ возстановитъ ваши силы. Покойной ночи, сударыня!

И Тиммъ затворилъ дверь за баронесой, воротился на свое кресло, уперся руками въ колѣна и обратился къ Феликсу такимъ сухимъ тономъ, что онъ составлялъ совершеннѣйшій контрастъ съ его прежней любезностью:

— Eh bien!

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Собесѣдники нѣсколько минутъ измѣряли другъ друга непріязненно-проницательными взглядами, какъ два борца, взаимно отыскивающіе слабыя стороны одинъ другаго, какъ два шулера, изъ которыхъ каждый знаетъ, что долженъ пристально слѣдить за пальцами другаго и все-таки не увѣренъ, что его не надуютъ. Дѣло въ томъ, что у нихъ были еще старые счоты отъ того времени, когда поручикъ баронъ фонъ-Гренвицъ, спасая себя, запуталъ поручика Алберта Тимма (дѣло шло о фальшивомъ векселѣ). Феликсъ зналъ очень хорошо, что

Digitized by Google

Тиммъ принадлежитъ къ числу людей, которые не прощаютъ ни полушки своимъ должникамъ.

Потому нужно было пустить въ ходъ всю ловкость, чтобы несмотря на непріязненное чувство къ своему безпощадному противнику, отвѣчать ему съ нѣкоторой добродушной откровенностью (очень странно шла къ нему эта откровенность).

— Я думаю, Тиммъ, намъ слѣдуетъ повести это дѣло прямо, какъ людямъ, которые знаютъ свѣтъ и опредѣлили, чего имъ именно нужно.

— Если вы также хорошо знаете чего вамъ нужно, какъ я это знаю, то дѣло можетъ кончиться очень просто, сухо отвѣчалъ Тиммъ.

— Ну, скажите опредѣлительно, чего вы желаете?

— Я продавецъ, вы покупатель; по этому вамъ первому слѣдуетъ изложить свои требованія.

— Мы хотимъ имѣть оригиналы тѣхъ копій, которыя лежатъ на столѣ, и ваше честное слово, что въ теченіе года — потому что срокъ завѣщанію кончится черезъ годъ — вы ни словесно, ни письменно не откроете кому-бы то ни было того, что знаете о дѣлѣ.

— Вот! требованіе совершенно ясно.

— А въ чемъ будетъ состоять ваше?

Альбертъ нѣсколько наклонился впередъ и сказалъ тихимъ, но очень внятнымъ голосомъ, пристально смотря въ глаза своему противнику:

— Десять тысячъ талеровъ, на прусскія деньги, уплатить впродолженіе недѣли отъ сегодняшняго дня.

— Чортъ васъ возьми! вскричалъ Феликсъ, вскакивая съ кресла не смотря на свою слабость и начиная ходить по комнатѣ, — десять тысячъ талеровъ, да это цѣлое состояніе!

Альбертъ пожалъ плечами.

— Годовые проценты съ капитала, заключающагося въ Стантовѣ и Бервальде. Вы должны знать лучше меня, что значитъ для васъ этотъ пунктъ завѣщанія.

— Но это ужасно! вскричалъ Феликсъ, шагая по комнатѣ, — ужасно!

— Не принимайте такъ, Гренвицъ, пожалуй ваши люди

услышать на кухнѣ. Пожалуйста сядьте и будемте разсуждать какъ люди, которые знаютъ свѣтъ.

Невозмутимое хладнокровіе и колкая насмѣшливость, съ которыми Альбертъ произнесъ эти слова, подѣйствовали какъ холодная душъ на раздражительность Феликса. Онъ сѣлъ и заговорилъ гораздо спокойнѣе.

— Тетушка никогда не согласится на такое требованіе.

— Мнѣ будетъ очень прискорбно за баронесу въ этомъ отношеніи, потому что если вы не одобрите моего предложенія, то сами будете виноваты въ послѣдствіяхъ.

— Вы говорите такъ, какъ будто единственно отъ васъ зависитъ, кому владѣть наслѣдствомъ.

— А отъ кого-же? возразилъ Альбертъ, и губы его сдѣлались какъ-то тоньше, а носъ острѣе.—Говорю вамъ, я такъ плотно и крѣпко сплелъ сѣть, за исключеніемъ нѣсколькихъ петель, которыя нарочно оставилъ наруже, пока не узнаю вашего рѣшенія, что во всякое время могу затянуть ее надъ вашими головами, и вы скорѣе выбьетесь изъ силъ, чѣмъ разорвете ее. Вамъ не безъизвѣстно, Гренвицъ, что я мастеръ на такія вещи; вы знаете также и то, что въ отношеніи васъ, я не имѣю повода быть великодушнымъ.

— Въ отношеніи меня? Но я лично не имѣю ни малѣйшаго интереса въ этомъ дѣлѣ.

— Вы кажется считаете меня за ребенка, Гренвицъ. Развѣ вы не хотите жениться на Еленѣ Гренвицъ и взять въ приданое эти два имѣнія?

— Я? жениться на Еленѣ? Кто говоритъ это? Мнѣ и во снѣ не снилось этого.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ вы не женитесь на ней и предоставите эту красавицу человѣку, котораго имѣете причину ненавидѣть болѣе всѣхъ и который уже теперь — такъ говоритъ по крайней мѣрѣ злостный свѣтъ — сдѣлался вашимъ счастливымъ соперникомъ и конечно ничего не потеряетъ въ мнѣніи графинь Елены, если окажется кузеномъ и наслѣдникомъ значительнаго состоянія.

При этихъ словахъ своего безжалостнаго мучителя, Феликсъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ. Напоминаніе о несчастной встрѣчѣ съ Оснальдомъ разшевелило его ещеоста-

Digitized by Google

віе, и оно закопошилось какъ придавленный червякъ. Въ эту минуту нельзя было не сознаться, что Альбертъ много сильнѣе его и что онъ, такъ много надѣявшійся на свой умъ и опытность, беззащитно находится въ рукахъ такого въ сущности ничтожнаго противника.

— Оставьте этотъ жосткій тонъ, Тиммъ, сказалъ онъ уже чуть слышнымъ голосомъ. Признаюсь, что для меня очень важно, чтобы это дѣло было замято, и будь деньги въ моихъ рукахъ, я можетъ быть согласился-бы выплатить вамъ требуемую сумму. Но вѣдь вы знаете тетку и понимаете, что она скорѣе рѣшится довести дѣло до крайности, чѣмъ разстаться съ такимъ капиталомъ. Говорю вамъ, Тиммъ, это невозможно,—по чести невозможно! И зачѣмъ вамъ вдругъ столько денегъ? Вы можете въ одну ночь проиграть ихъ въ рулетку и потомъ будете еще бѣднѣе, чѣмъ прежде. Слушайте, что я предложу вамъ: впродолженіе года мы ежемѣсячно будемъ выплачивать вамъ двѣсти талеровъ, а по истеченіи года, три тысячи разомъ.

— И того пять тысячъ четыреста; не согласенъ. Ктому-же—что ручается мнѣ за аккуратность уплаты?

— Документы, которые останутся въ вашихъ рукахъ и которые вы выдадите только по полученіи трехъ тысячъ.

— Гм! это конечно немного; но можно обдѣлать дѣло по дружески. Соглашаюсь.

— Не сдѣлать-ли письменнаго условія?

— Кчему? Если-бы мы не захотѣли сдержать слова, то это не помѣшаетъ; да и документъ подобнаго рода можетъ компрометировать фамильную честь Гренвицевъ сильнѣе чѣмъ-бы они этого желали, если попадетъ въ дурныя руки, — да и въ моихъ рукахъ будетъ еще лишнимъ оружіемъ. Видите, какъ я безпристрастенъ.

— Bon! сказалъ Феликсъ. Хотите впередъ двѣсти талеровъ?

— Да, это я думаю будетъ лучше.

Феликсъ всталъ, взялъ одну изъ свѣчей и пошолъ къ бюро, стоявшему въ глубинѣ комнаты. Двѣ пачки банковыхъ билетовъ очутились передъ Альбертомъ.

— Сочтите!

Digitized by Google

— Не нужно, сказалъ Тиммъ, пряча пачки въ карманъ! Ваша тетушка не обочтется. Ну вотъ, Гренвицъ, дѣло уладилось благополучно. Теперь можно-бы выпить бутылочку вина; у меня пересохло въ горлѣ отъ продолжительныхъ переговоровъ. Позволите позвонить?

— Сдѣлайте одолженіе.

Феликсъ приказалъ вошедшему слугѣ принести бутылку Рейнвейна и два стакана.

Феликсу было пріятно, что Тиммъ впалъ въ болѣе миролюбивое настроеніе; ему нужно было спросить его еще объ одномъ дѣлѣ, о которомъ Тиммъ могъ дать наилучшія свѣденія.

— Вы вѣдь видѣли, Тиммъ, началъ онъ, наливая стаканы, что я держалъ вашу сторону, насколько было возможно. Услуга за услугу. Хотите сдѣлать мнѣ одолженіе?

— Посмотримъ.

— Скажите, въ какихъ отношеніяхъ вы съ Маргаритой?

— Почему это васъ такъ интересуетъ?

— Потому что я самъ интересуюсь ею.

— А почему вы подозрѣваете въ этомъ и меня?

— Потому что я наблюдалъ за вами обоими въ Гренвицѣ и еще... ну, по многимъ другимъ причинамъ.

— Напримѣръ?

— Ну, такъ и быть, буду откровененъ. Прежде отъ скуки, а потомъ во время болѣзни, я началъ ухаживать за этой дѣвочкой и кончилъ тѣмъ, что нахожу ее очень милой и вполнѣ достойной вниманія. Но Маргарита такъ церемонится, что очевидно у нея есть серьезная привязанность. Едва-ли кто-нибудь кромѣ васъ способенъ стать мнѣ поперекъ дороги.

— Чрезвычайно лестно слышать. Дѣйствительно я почти помолвленъ съ этой дѣвушкой.

— Но, Тиммъ, неужели вы сознательно хотите своей погибели! Вы—женатый человѣкъ! Да еще на бѣдной дѣвушкѣ! Куда-жъ дѣвались ваши прежнія правила? Клянусь, я не считалъ васъ способнымъ на подобную глупость.

— И я также, отвѣчалъ Адбертъ, опорожнивая стаканъ.

— Любите вы ее?

Digitized by Google

— Ну, вы спрашиваете о томъ, чего я самъ хорошенько не знаю.

— Слушайте, Тиммъ, я хочу кое-что предложить вамъ. Сегодня мы уже въ дѣловомъ настроеніи. Оставьте мнѣ эту дѣвочку, а я возьму на себя триста талеровъ, которые вы выманили у бѣдняжки.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Ваша теперешняя вспышка во первыхъ, а во вторыхъ Луиза, горничная Елены и возлюбленная моего камердинера, которая случайно видѣла, какъ Маргарита отдавала вамъ деньги въ Гренвицевскомъ паркѣ.

— Чортъ побери! сказалъ Альбертъ, все еще не будучи въ состояніи переварить этого непріятнаго открытія.

— Не сердитесь! Лучше порадуйтесь, что находится человѣкъ, готовый снять обузу съ вашихъ плечь. Согласны?

— Объ этомъ потолкуемъ послѣ, сказалъ Албертъ, вставая съ мѣста.—Прощайте, Гренвицъ!

— Прощайте, Тиммъ! Будьте благоразумны и вспомните поскорѣе своего стараго товарища.

Достойная пара пожала другъ другу руки и Альбертъ поспѣшно вышелъ. Лицо его было гораздо мрачнѣе, чѣмъ при началѣ свиданія. Быть можетъ ему не понравилась вторая часть разговора, или просто онъ находилъ выгоднымъ разыгрывать оскорбленнаго. Феликсъ, который зналъ его довольно коротко, скорѣе допустилъ послѣднее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ то самое время, какъ въ Гренвицевскомъ отелѣ происходилъ торгъ между двумя достойными однокашниками, при которомъ невидимо присутствовалъ князь тьмы, передъ красивымъ домомъ одного изъ предмѣстій Грюнвальда прохаживался молодой человѣкъ съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое должно наполнять сердце каждаго влюбленнаго, когда онъ въ туманный осенній вечеръ ожидаетъ даму своего сердца.

Digitized by Google

Ему сказали: «въ семь часовъ аккуратно!» а въ половинѣ восьмаго онъ все еще видитъ ее у ярко освѣщоннаго окна, за бѣлой занавѣской и въ самой оживленной бесѣдѣ.

Молодой человѣкъ—докторъ Браунъ; домъ, передъ которымъ онъ дежуритъ à la Лепорелло—пансіонъ госпожи Беръ, а дама, которую онъ ожидаетъ—его невѣста Софи, единственная дочь тайнаго совѣтника и профессора, доктора Робрана, весьма извѣстнаго врача и уважаемаго университетскаго профессора въ Грюнвальдѣ.

— Даже самыя умныя женщины имѣютъ престранное понятіе о времени! бормочетъ Францъ, вынимая часы и стараясь заглянуть на нихъ при помощи скуднаго свѣта зажженной сигары; это психологическій фактъ, о которомъ я непремѣнно буду разсуждать въ особой монографіи.

Онъ бросаетъ сигару, которая чуть не зажгла его бороды и снова взглядываетъ на окна.

— Слава Богу! встаютъ! Темныя тѣни замелькали взадъ и впередъ по гардинѣ! Теперь остается накинуть бурнусъ, завязать шляпку, поцѣловаться,—потомъ еще поцѣловаться... Окно темнѣетъ, въ сѣняхъ является огонь—еще послѣдній споръ на лѣстницѣ... Enfin!

— Ты-ли это наконецъ, душа моя? спросилъ Браунъ, подходя къ стройной дѣвушкѣ, которая торопливо пробѣжала по полисаднику и очутилась у рѣшотчатой дверцы на улицу.

— Бѣдный Францъ, ужъ не задержала-ли я тебя? сказала дѣвушка, нѣжно взявъ подъ руку своего жениха.

— О нѣтъ, такъ самую бездѣлицу, какихъ-нибудь полчаса.

— Право я и не знала, что такъ поздно. Время прошло такъ скоро, не смотря на то что кружокъ нашъ состоялъ сегодня всего изъ двоихъ. Угадай, изъ кого именно?

— Да изъ тебя по всей вѣроятности.

— Удивительная догадливость! А еще?

— Изъ Елены Гренвицъ.

— Вѣрно! Она велѣла тебѣ кланяться. Вообрази, она все-таки останется въ пансіонѣ, хоть ея родители и проживутъ цѣлую зиму въ городѣ. Сегодня кажется они пріѣхали. Объ этомъ опять пойдутъ толки. Мнѣ очень жаль бѣдную Елену.

Digitized by Google

— Почему-же?

— Вотъ вопросъ! Развѣ не достаточно, что цѣлый городъ находитъ удивительнымъ, почему шестнадцатилѣтнюю... нѣтъ, почти семнадцатилѣтнюю дѣвицу опять отдали въ пансіонъ, продержавши всего одинъ мѣсяцъ дома? Еще пока Гренвицевъ не было въ городѣ, это кое-какъ объяснялось, но теперь—по моему это отвратительно. Объ ней могутъ Богъ знаетъ что подумать и нельзя винить ихъ, если они примѣшиваютъ имя Елены къ дуэли между ея кузеномъ и твоимъ возлюбленнымъ докторомъ Штейномъ.

— А что говоритъ фрейлейнъ Елена?

— Ничего; ты вѣдь ее знаешь. Она никогда не говоритъ о семейныхъ дѣлахъ, развѣ вспомянетъ иногда объ отцѣ, котораго кажется очень любитъ. Она тиха и серьозна, но почти не печальна.

— Я думаю, она слишкомъ горда для того, чтобы чувствовать настоящую печаль.

— Какъ это?

— Печаль есть пассивное настроеніе, настроеніе тѣхъ, которые видятъ, что не въ состояніи бороться съ судьбою и такъ или иначе должны пріучаться къ терпѣнію. Но есть характеры, которые борятся пока могутъ, а если исчезаетъ послѣдняя возможность, все-таки не кладутъ покорно оружія, а ломаютъ его и сердито бросаютъ подъ ноги побѣдителю.

Софи еще нѣжнѣе прижалась къ своему возлюбленному и сказала послѣ нѣкотораго молчанія:

— У меня не такой характеръ, Францъ. Я не такъ горда чтобы не чувствовать печали; въ послѣднее время мнѣ часто приходилось тосковать. Это началось уже и тогда, когда ты уѣхалъ съ докторомъ Штейномъ, хоть у меня и не было въ то время достаточной причины. А потомъ, когда заболѣлъ папа и я проводила ночи у его постели, самымъ ужаснымъ, послѣ мысли о томъ, что папа можетъ умереть, мнѣ казалось то, что ты не получишь моего письма и все дальше и дальше заѣдешь отъ меня, между тѣмъ какъ мое сердце разрывается отъ тоски по тебѣ. Ты вѣдь былъ у насъ передъ тѣмъ, какъ идти за мною?

Digitized by Google

— Конечно. Ему лучше. Я просилъ его опять лечь, но онъ настоялъ на томъ, что просидитъ до нашего возвращенія.

— А я-то опоздала! Пойдемъ скорѣе!

— Этимъ мы наверстаемъ всего минуты двѣ. Ктому же я желалъ-бы рѣшительно поговорить съ тобою о нашей будущности. Нужно-же наконецъ выйти изъ этого неопредѣленнаго состоянія, противнаго и природѣ и людямъ и очень тяжолаго для меня. Неженатый человѣкъ—рыба; но женихъ даже ни рыба, ни мясо. Если люди—мужъ и жена по сердечной склонности и передъ собственной совѣстью, то нужно имъ стать мужемъ и женою передъ людьми, если только не препятствуютъ внѣшнія условія. А мы именно въ такомъ положеніи. Мы имѣемъ достаточно, чтобы прожить, а остальное придетъ со временемъ. Summa summarum: назначимъ-ка нашу свадьбу черезъ мѣсяцъ?

— Но, Францъ, я еще не кончила и половины своего приданаго!

— Ну, обвѣнчаемся съ этой одной половиной.

— А что скажетъ папа? ты знаешь какъ ему ужасно тяжоло отпустить меня отъ себя. А могу-ли я требовать отъ него этой жертвы именно теперь, когда онъ всего болѣе нуждается во мнѣ? У меня не достанетъ духу объявить ему это.

— Такъ у меня достанетъ; твой папа знаетъ, что я не менѣе его желаю тебѣ всего лучшаго, и слишкомъ разуменъ чтобы не понять, что именно такъ будетъ лучше. Ну, не опускай-же голову, моя милочка. Черезъ мѣсяцъ мы будемъ мужемъ и женою.

— Ахъ, Францъ, я желала-бы, чтобы это было еще скорѣе, но боюсь... боюсь, что судьба къ намъ не будетъ такъ милостива.

— Почему-же? Она милостива ко всѣмъ, у кого достаетъ мужества желать себѣ счастья. Потому что, какъ говоритъ поэтъ: «У насъ въ груди звѣзды нашихъ судебъ.»

Поспѣшность Франца имѣла сильное основаніе въ болѣзни отца Софи. Какъ докторъ, Францъ зналъ хорошо, что жизнь этого превосходнаго человѣка держится на очень тонкой нити;

Digitized by Google

хоть онъ и очень скоро оправился отъ удара, случившагося недѣлю тому назадъ, но многіе дурные симптомы предвѣщали, что возможенъ второй припадокъ и даже смертельный, вслѣдствіе нервной и чрезвычайно тонко организованной натуры старика. Умри отецъ прежде свадьбы, бѣдная дѣвушка, у которой давно уже нѣтъ матери и никакихъ близкихъ родственниковъ, останется въ очень критическомъ положеніи. Тупой свѣтъ не пойметъ, что при этихъ обстоятельствахъ домъ любимаго человѣка можетъ быть ея единственнымъ пристанищемъ, а напротивъ найдетъ весьма скандалезнымъ, что дочь вышла замужъ, «не износивши еще башмаковъ, въ которыхъ шла за гробомъ отца.» Весь городъ разразился-бы единодушнымъ крикомъ противъ такого попранія заведенныхъ обычаевъ.

Софи любила своего отца почти восторженной любовью, хотя восторженность вообще мало имѣла мѣста въ ея ясноразумной, инстинктивно чуждавшейся всякаго преувеличенія, вполнѣ женственной натурѣ. И отецъ совершенно заслуживалъ такой любви.

Тайный совѣтникъ Робранъ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, рѣдкій человѣкъ. Какъ ученый, онъ стоялъ очень высоко; его ставили въ ряду первыхъ патологовъ Германіи. Но необыкновенная подвижность ума дѣлала его способнымъ, вмѣстѣ съ серьозными занятіями по его общественной дѣятельности, слѣдить еще за различными отраслями наукъ и даже достигать значительной степени совершенства въ нѣкоторыхъ искусствахъ. Пробывши нѣсколько часовъ въ больницѣ съ многочисленными учениками, которыхъ посвящалъ въ самыя сокровенныя глубины природы; объѣхавши множество домовъ, въ которыхъ то облегчалъ физическія страданія, то подавалъ совѣтъ или утѣшеніе,—онъ, воротившись вечеромъ домой, бывалъ еще способенъ вести въ кругу многочисленныхъ друзей оживленный разговоръ объ искусствѣ, литературѣ или политикѣ. Иногда наскоро составлялся импровизированный квартетъ и даже самыя избалованные уши удовлетворялись его отчетливой и исполненной чувства игрой на віолончели.

Но гдѣ свѣтъ, тамъ бываетъ и тѣнь, а гдѣ есть тѣнь,

Digitized by Google

тамъ найдутся и люди, всегда готовые представить эту тѣнь въ самомъ мрачномъ видѣ. Такъ и слабости превосходнаго доктора подвергались безпощадной критикѣ его враговъ и завистниковъ. Одни утверждали, что онъ шарлатанъ, который знаетъ свое дѣло слегка, а хвастать знаніемъ умѣетъ въ совершенствѣ; другіе—что его остроты лучше его рецептовъ и пикантный анекдотъ занимаетъ его болѣе нежели исторія болѣзни; третьи—что главная черта его характера неугомонное тщеславіе, которое заставляетъ его дилетантствовать во всѣхъ искусствахъ и корчить мецената всѣхъ пріѣзжихъ музыкантовъ и неудавшихся геніевъ; наконецъ четвертые—практическіе люди, не считавшіе себя въ правѣ судить объ искусствахъ и наукахъ, но требовавшіе, чтобы всякій по одежкѣ протягивалъ ножки—покачивали головою, когда заходила рѣчь о гостепріимствѣ и щедрости тайнаго совѣтника и выражали мнѣніе, что каждый долженъ прежде покрыть свою кровлю, а потомъ уже думать о сосѣдѣ. Тутъ принималась въ расчотъ даже старая пословица: копи денежку на чорный день.

Всѣ эти укоры были конечно несправедливы, развѣ за исключеніемъ упрека въ расточительности. Для Робрана золото было, какъ для Саладина въ Лессинговомъ Натанѣ, «самой ничтожной мелочью;» оно казалось ему какъ и Саладину «въ высшей степени лишнимъ,» когда онъ имѣлъ его, хотя недостатокъ и долженъ былъ казаться ощутительнымъ такому щедрому, великодушному и презирающему мелочные расчоты человѣку. Будь онъ нѣсколько бережливѣе, онъ давно-бы разбогатѣлъ при своей значительной практикѣ; но деньги не держались въ его всегда открытой для бѣдныхъ рукѣ. Бѣдные больные стоили ему болѣе, чѣмъ онъ получалъ отъ богатыхъ. Онъ никогда не рѣшался принять плату изъ заскорузлыхъ рукъ работника, какъ-бы ни была мала эта сумма. «Природѣ слѣдовало-бы, говорилъ онъ, посылать болѣзни только тѣмъ людямъ, у которыхъ для этого достаточно времени и денегъ; для бѣдняка-же самая болѣзнь есть такое тяжкое наказаніе, что было-бы безчеловѣчно заставлять его еще платить за протори и убытки.» Потому-то ему нерѣдко случалось—минутъ пять спустя послѣ полученія

Digitized by Google

золотыхъ плодовъ во дворцѣ Зиндбада, заслужонныхъ трудомъ и искусствомъ, сносить ихъ въ бѣдную хижину Хинбада и возвращаться домой съ еще болѣе облегчоннымъ кошелькомъ, чѣмъ когда онъ уходилъ изъ дома.

Домашняя жизнь тоже стоила ему дорого, хотя семейство состояло только изъ отца и дочери. Такая широкая натура конечно не могла довольствоваться скуднымъ столомъ и жидкимъ пивомъ; онъ любилъ питательныя, вкусно приготовленныя блюда и старыя, хорошія вина; въ особенности же любилъ онъ раздѣлять удовольствія стола съ тѣми, которые подобно ему знали цѣну хорошимъ вещамъ и чувствовали себя привольно въ веселой застольной бесѣдѣ.

Все это могло-бы не причинять положительнаго дефицита въ бюджетѣ тайнаго совѣтника, еслибы за внутренними расходами надзирала умная, заботливая хозяйка и «цѣлесообразно издерживала» пріобрѣтенное, какъ говорилъ Периклъ. Но супруга его, чрезвычайно милая, умная женщина, умерла еще на второмъ году послѣ брака, а мужъ никакъ не могъ рѣшиться пустоту произведенную въ его сердцѣ неумолимой смертью замѣстить другимъ существомъ и дать мачиху дочери, на которой вскорѣ сосредоточилъ всю свою привязанность. Онъ очень хорошо помнилъ старое изрѣченіе: apud novercam queri; въ столькихъ семействамъ приходилось ему видѣть повтореніе старой сказки о Сандрильонѣ! И такъ—онъ поручилъ свою дочку нянькамъ и гувернанткамъ, которымъ платилъ съ королевской щедростью, а когда она подросла, отдалъ на нѣсколько лѣтъ въ образцовый пансіонъ фрейлейнъ Беръ, на случай если окажутся какіе-нибудь пробѣлы въ ея нравственномъ и внѣшнемъ образованіи. Между тѣмъ самъ онъ велъ жизнь холостяка, обходившуюся очень дорого по милости плутовства слугъ и неопытности домоправительницы, на которую онъ вполнѣ положился. Послѣ каждаго непріятнаго столкновенія съ мадамъ Барчъ по поводу прихода и расхода, онъ всегда утѣшался надеждою на то время, когда дочь сниметъ съ него тяжолыя обыденныя мелочи, необходимость отвѣчать на вопросъ: что прикажете завтра обѣдать? и т. п. вещи, о которыхъ вовсе не пристало заботиться порядочному мужчинѣ.

Digitized by Google

Время это наконецъ наступило, но немногое улучшилось съ прибытіемъ фрейлейнъ Софи въ родительскій домъ. Софи была слишкомъ молода и неопытна, чтобы разгадать сущность зла и энергически приняться за его искорененіе. Хотя мадамъ Барчъ и была отпущена, но тайный совѣтникъ справедливо замѣчалъ: «отъ одного врага мы избавились, но лагерь его еще остался.» Прислуга воровала какъ и прежде и докторъ все не могъ опредѣлить: «Куда это, чортъ возьми, дѣваются деньги!»

Энергическія и способныя къ труду натуры считаютъ свою дѣятельность неисчерпаемымъ источникомъ пріобрѣтенія и не заботяся о сбереженіи; менѣе производительные, пассивные характеры, въ сознаніи своего безсилія, придаютъ болѣе значенія пріобрѣтенному и страшатся каждой потери, которая для нихъ невознаградима. Потому-то вообще юность расточительна, а старость скупа; женщина бережливѣе, чѣмъ мужчина. Тайный совѣтникъ не говорилъ къ концу года, когда расходъ никакъ не хотѣлъ согласоваться съ приходомъ: «надо быть экономнѣе» но: «я долженъ еще сильнѣе работать.» Тогда силы его были во всей полнотѣ; впереди были еще цѣлые годы энергической дѣятельности, въ которыя можно было наверстать прожитое прежде.

Но вышло иначе, и драгоцѣнное плодовитое дерево, въ гостепріимной тѣни котораго такъ многіе находили защиту и подкрѣпленіе послѣ томительнаго жизненнаго зноя, было вдругъ поражено молніей, сверкнувшей на ясномъ небѣ. Какъ бѣглый огонь, распространилась однажды поутру вѣсть въ городѣ: тайный совѣтникъ Робранъ разбитъ ночью параличомъ и лежитъ при смерти. Одинъ передавалъ это другому съ озабоченнымъ лицомъ и думалъ: это невознаградимая потеря для науки и для университета, который съ тѣхъ поръ какъ Берберъ сошолъ съ ума, имѣлъ въ Робранѣ единственнаго человѣка, который могъ замѣнить его. Но дѣйствительно невознаградима была эта потеря для бѣдныхъ, которые теряли въ Робранѣ великодушнѣйшаго друга и заступника. Въ этотъ и слѣдующіе дни можно было видѣть на ступеняхъ его крыльца старушекъ, опирающихся на костыли, стариковъ, которыхъ вели внуки, блѣдныхъ мо-

Digitized by Google

лодыхъ женщинъ съ грудными дѣтьми; всѣ ждали, не выйдетъ-ли кто изъ дома, чтобы спросить: не лучше-ли доброму господину совѣтнику? нѣтъ-ли надежды, что добрый господинъ совѣтникъ поправится?

Между тѣмъ больной лежалъ въ томъ ужасномъ состояніи, которое нельзя назвать ни днемъ, ни ночью, а какимъ-то страшнымъ промежуткомъ между солнцемъ, которое заходитъ, и тьмой, которая грозитъ съ другой стороны. Долго оставалось нерѣшоннымъ—жизнь или смерть возметъ верхъ, а когда наконецъ жестокая борьба разрѣшилась въ пользу жизни, смерть покинула свою жертву не иначе, какъ положивъ на нее замѣтную печать. Даже можно было сказать, что она унесла съ собой настоящее существованіе, а оставила только тѣнь его.

Сегодня въ первый разъ тайный совѣтникъ всталъ часа на два съ постели и его прикатили на креслѣ изъ спальны къ камину гостиной. Онъ настоялъ на томъ, чтобы его дочь, все время почти не отходившая отъ его постели, пошла на вечеръ, и отослалъ будущаго зятя, который временно перенялъ его практику и приходилъ къ нему по вечерамъ. Онъ желалъ остаться одинъ, хотѣлъ воспользоваться первой минутой, въ которую чувствовалъ менѣе давленія на мозгъ, для размышленій о своемъ положеніи. Какъ докторъ, онъ конечно запретилъ-бы такое сильное волненіе своему паціенту; но теперь онъ былъ и больной и докторъ въ одно и тоже время и могъ испытать на себѣ, что врачи требуютъ многаго, чего больной не въ состояніи исполнить, несмотря на всю добрую волю.

Бѣдный, несчастный человѣкъ! — дважды и трижды бѣдный и несчастный, потому-что ты прежде, во всей полнотѣ умственной и физической силы, по эластичности своего сангвиническаго темперамента, даже по легкомыслію, которое переносило тебя какъ птица черезъ всѣ препятствія, былъ дважды и трижды счастливымъ человѣкомъ! Гдѣ теперь твоя незнавшая усталы подвижность, которая не давала тебѣ спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ, которая нерѣдко заставляла тебя перемѣнять мѣста за дружескими обѣдами и ужинами? гдѣ твой острый, проницательный умъ, который играючи разрѣшалъ самыя трудныя проблемы? гдѣ твоя

Digitized by Google

блестящая фантазія, освѣщавшая своимъ волшебнымъ свѣтомъ даже самое будничное и обыкновенное? гдѣ пуще всего твоя олимпійская ясность, при которой тебѣ невозможно было сердиться и раздражаться, при которой ты съ юмористической улыбкой и сатирическими остротами боролся съ жизненнымъ горемъ, съ людскою глупостью и пошлостью? гдѣ тысячи аргументовъ, которыми ты нерѣдко припиралъ къ стѣнѣ пессимизмъ твоего друга Бергера, стараясь доказать ему, что земля отнюдь не юдоль скорби отъ начала до конца, но широкій, далекій ландшафтъ, въ которомъ горы и долины, пустыни и елисейскія поля вполнѣ цѣлесообразно перемѣшаны другъ съ другомъ, и что во всякомъ случаѣ возможно и даже разумно избѣгать однѣхъ и поселяться въ другихъ? Неужели вдругъ измѣнилась твоя точка зрѣнія? Неужели во время диспута тебя вдругъ оглушилъ нелѣпый ударъ судьбы. Развѣ гнетъ, тяготѣющій надъ твоимъ мозгомъ и парализирующій быстроту его отправленія, разомъ превратилъ тебя изъ оптимиста въ пессимиста, что такъ мрачно смотришь ты на міръ и находишь свое положеніе такимъ отчаяннымъ, согнувшись въ своемъ креслѣ, съ тупымъ вниманіемъ глядя на уголья и механически считая удары своего пульса?

Конечно трудно было Робрану отогнать отъ себя мрачную тѣнь заботы, которая становилась все мрачнѣе, по мѣрѣ того какъ темнота распространялась по комнатѣ. Кто лучше могъ опредѣлить его физическое состояніе, какъ не самъ онъ, имѣвшій тысячи случаевъ наблюдать надъ другими ходъ этой-же самой болѣзни. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, что съ этого времени останется калѣкой физически и умственно, что теперь онъ живетъ только изъ милости, и смерть какъ разъ можетъ потребовать расчота. И все-таки, не смотря на привязанность къ жизни, это было еще не самое сильное горе. Докторъ не возмущался противъ всемогущей судьбы, у которой при всемъ своемъ знаніи не могъ вырвать еще ни одной жертвы; ученикъ Эпикура зналъ, что наслажденія и горести, радости и страданія нераздѣльно соединены въ ткани нашей жизни. Но тяжелѣе всего лежало у него на сердцѣ то, что онъ не можетъ уже теперь поправить своимъ разстроеннымъ обстоя-

Digitized by Google

тельствъ, что онъ покинетъ жизнь банкротомъ и своей смертью обманетъ своихъ довѣрителей. Вѣдь онъ всегда надѣялся на будущее, а теперь будущность не хочетъ признавать выданнаго на нее векселя; теперь для легкомысленнаго человѣка прекращается кредитъ банкирскаго дома, на который онъ безусловно расчитывалъ!

Несчастный вздыхалъ, сжимая руками голову...

А его дочь, возлюбленная дочь! Куда дѣвалась надежда пристроить ее съ хорошимъ состояніемъ, чтобы отвратить всѣ жизненныя заботы отъ избалованнаго, изнѣженнаго существа; дать ей средства вести такое существованіе, которое согласовалось-бы съ ея нѣжно-настроенной натурой? Теперь онъ не можетъ оставить ей нетолько состоянія, но даже честнаго, незапятнаннаго имени!

Она и не подозрѣвала трудныхъ денежныхъ обстоятельствъ отца. У него никогда не доставало духу омрачить ея дѣтскій умъ заботами, которыя такъ долго отдалялъ онъ отъ самаго себя. Она была убѣждена, что ея отецъ, если не богатый, то вполнѣ достаточный человѣкъ, и она смѣло можетъ окружать себя нѣкоторой роскошью.

И одна-ли она находилась въ подобномъ заблужденіи? Ее-ли одну допускалъ онъ обманываться, избѣгая тяжолыхъ объясненій? Развѣ его друзья не тоже думали? и въ особенности самый юный и дорогой другъ, человѣкъ, который привлекъ сердце его дочери и къ которому самъ онъ питалъ душевное, отеческое расположеніе, который своимъ благородствомъ, умомъ и добротою вполнѣ заслуживалъ этой любви и дружбы. Что онъ скажетъ и сдѣлаетъ, если узнаетъ то, что рано или поздно долженъ узнать и что отецъ невѣсты долженъ сообщить ему немедленно, если не хочетъ вполнѣ утратить права на названіе честнаго человѣка?

Тайный совѣтникъ еще крѣпче прижалъ руки къ лицу и громко застоналъ, какъ отъ сильнѣйшей муки.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что его обвиваютъ нѣжныя руки и женскій голосъ мягко восклицаетъ: «Папа, дорогой папа, ты опять болѣнъ!» А твердая мужская рука поспѣшно хватается за его пульсъ и дружескій голосъ ласково гово-

Digitized by Google

ритъ: «Вы слишкомъ долго сидѣли, папа! пора намъ опять отправляться въ постель.»

Какъ благодѣтельный дождь на изсохшую землю упали эти слова на его бѣдное, больное сердце. Онъ обнялъ стройный станъ своей дочери и долго, долго цѣловалъ ее. Еслибъ не стыдъ, онъ въ состояніи былъ-бы заплакать. Софи все спрашивала, не опять-ли ему хуже; Францъ, приказавшій подать огня, все убѣдительнѣе просилъ не ставить на карту съ такимъ трудомъ выигранное выздоровленіе. Робранъ не хотѣлъ и слышать о постели, увѣряя, что ему очень хорошо въ креслѣ и онъ вовсе не утомленъ. Ктому-же ему нужно переговорить съ Францомъ, а Софи можетъ пока спокойно идти распоряжаться ужиномъ...

Францъ, отъ проницательнаго взгляда котораго не ускользнули безпокойство и волненіе паціента, счолъ за лучшее исполнить его желаніе и сдѣлалъ знакъ невѣстѣ оставить ихъ однихъ. Софи ушла съ испуганно-вопросительнымъ взглядомъ, на который Францъ отвѣчалъ ободрительною улыбкой.

Едва успѣла затвориться дверь за дѣвушкой, какъ Робранъ схватилъ за руку Франца и сказалъ голосомъ, тщетно усиливавшимся быть твердымъ:

— Я долженъ сообщить вамъ нѣчто, Францъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ ежеминутно окончиться моей смертью, не можетъ дольше оставаться тайной, или я окажусь безчестнымъ человѣкомъ...

— Что такое, папа? спросилъ Францъ, придвигая свой стулъ къ самому креслу и ласково сжимая руки больнаго...

— Вотъ что! — Тайный совѣтникъ разсказалъ Францу, что частію отъ недостатка распорядительности, частію отъ многочисленныхъ ссудъ, которыя онъ давалъ бѣднымъ, никогда не требуя ихъ назадъ, онъ въ послѣдній годъ сильно задолжалъ; что онъ надѣялся воротить это усиленнымъ трудомъ въ послѣдующіе годы, но теперь съгорестію чувствуетъ, что эта надежда неисполнима.

Тутъ онъ остановился—потому-ли, что чувствовалъ себя утомленнымъ, или потому что ожидалъ отъ Франца отвѣта. Но такъ какъ молодой человѣкъ продолжалъ си-

Digitized by Google

дѣть молча съ опущенными глазами, больной снова началъ слабымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Простите мнѣ, Францъ, если я съ достойнымъ порицанія, но весьма понятнымъ эгоизмомъ такъ долго медлилъ сдѣлать вамъ это признаніе. Но страшна задача огорчать людей, которыхъ любишь, дѣлать бѣднѣе тѣхъ, кому желалъ-бы отдать всѣ сокровища міра.

Онъ замолчалъ и пытался высвободить свои руки изъ рукъ молодаго человѣка, какъ-будто сдѣланное имъ признаніе нарушило довѣрчивую дружбу. Но Францъ еще ближе придвинулся къ больному и сказалъ, пристально глядя ему въ лицо своими ясными, честными, умными глазами:

— Я далъ вамъ волю высказаться, папа; теперь позвольте и мнѣ сдѣлать тоже самое. Еслибы кто-нибудь дарилъ другу неоцѣненное сокровище, къ которому такъ привязано сердце этого друга, что онъ не могъ-бы жить безъ него, и въ тоже время сказалъ-бы этому другу: милой мой, пока я хранилъ и лелѣялъ это сокровище, у меня конечно не было времени съ должной тщательностью заниматься другими дѣлами. Есть нѣкоторые заимодавцы требующіе уплаты и которымъ слѣдуетъ заплатить. Не хочешь-ли ты взять на себя эти дѣла? Ты моложе и крѣпче и не имѣешь отвращенія къ занятіямъ, — если, говорю я, дающій обратился-бы съ такою рѣчью къ награждаемому завиднымъ сокровищемъ и тотъ отвѣчалъ-бы ему: «Сокровище, которое навѣки сдѣлаетъ меня неизмѣримо-богатымъ, я конечно приму, но о другихъ своихъ дѣлахъ заботься самъ какъ знаешь; не хочу ничего о нихъ и слышать»,—не счолъ-ли бы всякій отвѣтившаго такимъ образомъ—чудовищемъ безсердечія и неблагодарности? Таковы-же теперь и наши отношенія. Великодушный другъ—это вы, а безмѣрно награждаемый я; неомѣтное сокровище—это моя, наша Софи. Между нами не можетъ быть болѣе рѣчи о моемъ и твоемъ; что имѣю я, то принадлежитъ вамъ, связанному со мною тройными узами, какъ другу, учителю и отцу. Имущество-же мое состоитъ изъ десяти или одиннадцати тысячъ талеровъ, доставшихся мнѣ послѣ тетки, которой я никогда не видалъ; эти деньги во всякое время къ вашимъ услугамъ. Не знаю достаточ-

Digitized by Google

но-ли этой суммы, чтобы избавить васъ отъ всѣхъ обязательствъ. Но какъ-бы то ни было, это все-таки будетъ облегченіемъ и помощью, и я умоляю васъ не отвергать этой помощи. Нѣтъ, папа, не качайте головой! Это ничему не поможетъ. Вы обязаны для Софи, для меня и для самаго себя исполнить мою просьбу. Впрочемъ я не хочу навязывать вамъ безвозмездно своей угодливости и буду требовать равносильнаго вознагражденія. Мы все еще не назначили дня нашей свадьбы. Мы не хотѣли настаивать, потому что боялись услышать противорѣчіе или получить не слишкомъ охотно данное согласіе съ вашей стороны. Теперь я сдѣлался смѣлъ и прошу у Короля Филиппа не Фландріи или свободы мысли, а позволенія черезъ четыре недѣли отъ нынѣшняго дня назвать законной супругой его инфанту, Донну Софію. Да вотъ и она сама!—Становись на колѣни, милочка, и благодари своего родителя и господина. Онъ согласенъ на нашу свадьбу черезъ мѣсяцъ.

Софи, вошедшая въ комнату при послѣднихъ словахъ Франца, поспѣшила къ отцу.

— Милый, добрый папа! дорогой папочка! вскричала она, обнимая и цѣлуя старика въ лобъ и губы. Робранъ былъ въ неописанномъ волненіи. Его дрожащія губы напрасно силились заговорить; полные слезъ глаза обращались то на стоящую на колѣняхъ дочь, то на благороднаго человѣка, который наклонился къ нему и довѣрчиво обнималъ рукою его шею. Ослабленный болѣзнію мозгъ не въ состояніи былъ выдержать хаоса разныхъ мыслей, но въ сердцѣ его явственно раздавался голосъ, что теперь онъ можетъ умереть спокойно.

Францъ, не безъ основанія боявшійся, что сильное нравственное потрясеніе будетъ вредно больному, поспѣшилъ прекратить эту сцену. Онъ позвонилъ и попросилъ вошедшаго человѣка помочь ему перенести больнаго въ постель. Старикъ уже не противорѣчилъ. Францъ и лакей отвезли кресло въ другую комнату, перенесли его черезъ порогъ и затворили дверь. Софи осталась одна въ гостиной.

Черезъ нѣсколько минутъ Францъ воротился. Онъ былъ въ такомъ волненіи, въ какомъ его еще не видала Софи,

Digitized by Google

но она тотчасъ-же замѣтила, что это волненіе не горестное. Его глаза блистали, походка была смѣла, а нѣсколько рѣзкій обыкновенно голосъ звучалъ мягче и полнѣе, когда онъ почти порывисто обнялъ свою невѣсту и сказалъ:

— Радуйся, милочка, все идетъ хорошо, превосходно. Я выманилъ у папа согласіе, умаслилъ его. Не говорилъ-ли я тебѣ, что черезъ мѣсяцъ мы будемъ мужемъ и женою? Не говорилъ-ли я тебѣ, что «въ нашей груди созвѣздіе нашихъ судебъ»? О, я чувствую цѣлое небо въ своей груди! Милая, милая Софи!

— Милый, милый Францъ!

И влюбленные, обнявшись, наслаждались тѣмъ блаженствомъ, для выраженія котораго и словъ не бываетъ.

Потомъ, когда буря восторженныхъ чувствъ утихла до обыкновеннаго, стройнаго теченія, они начали ходить подъ руку и голоса ихъ были также тихи, какъ и шаги по мягкому ковру, и то что они шептали было также сладко и нѣжно, какъ свѣтъ покрытый розовымъ колпакомъ лампы, горѣвшей передъ диваномъ, и также жарко, какъ уголья въ каминѣ, покрывшіеся легкимъ слоемъ золы.

Это была прелестная пара и Зевсъ Отриколійскій, великолѣпная голова котораго съ божественно-возвышеннымъ челомъ и олимпійски—разбросанными кудрями смотрѣла на нихъ съ камина, долженъ былъ радоваться на жениха и невѣсту, хотя ни тотъ, ни другая не могли имѣть претензіи на классическую красоту. Для этого ихъ высокія фигуры были слишкомъ современно стройны, слишкомъ лишены роскошной полноты греческихъ идеаловъ; ихъ выразительнымъ лицамъ слишкомъ недоставало той архитектурной правильности, той ненарушимой античной гармоніи, которая не знаетъ никакой борьбы, покрайней мѣрѣ борьбы, потрясающей душу до самой ея глубины. Современныя лица всѣ болѣе или менѣе выражаютъ эту борьбу или возможность ея.

Софи Робранъ въ строгомъ значеніи слова не могла-бы назваться красивой; у ней пріятный стройный ростъ, но знатоки порицаютъ худобу ея рукъ; у ней большіе, глубокіе голубые глаза, о которыхъ съ одинаковымъ восхищеніемъ отзываются знатоки и незнатоки. Роты ея нѣсколько за-

Digitized by Google

ликъ, и зубы, которые вслѣдствіе этого часто бываютъ видны, хоть и не «два ряда жемчужинъ», но все-же правильны и бѣлы. Щоки круглы и полны, носъ не принадлежитъ ни къ какой опредѣленной категоріи. Красивѣе всего въ ней, послѣ голубыхъ глазъ, роскошные, свѣтлорусые волосы, окаймляющіе пріятными волнами ея нѣсколько низкій, но умный лобъ. Софи такъ высока, что Францъ, хотя и болѣе чѣмъ средняго роста, выше ея только головою,—признакъ, который по мнѣнію Софи даетъ ей право причислять себя къ «великимъ людямъ» Жанъ-Поля. Однако Францъ утверждаетъ, что для этой высокой степени ей недостаетъ кое-чего, въ особенности выспренняго полета мысли и чувства, безъ котораго не могутъ обойтись великіе люди и которое у Софи является развѣ только за фортепьяно, подъ вліяніемъ генія ея любимаго композитора Бетховена. Вообще-же Францъ находитъ въ своей невѣстѣ скорѣе нѣкоторую холодную трезвость взгляда и сужденія, родъ сосредоточенности въ себѣ, недовѣріе ко всѣмъ, не имѣющимъ этой сосредоточенности и безвастѣнчиво выставляющимъ на показъ свое торжество или воспѣвающимъ свои страданія, не заботясь о томъ, дали-ли имъ боги возможность выразить то, что они чувствуютъ. Софи напротивъ бывала очень тиха въ минуты сильной радости или муки, почему Францъ и причислялъ ее скорѣе къ другому Жанъ-Полевскому разряду: «der Stummen des Himmels». Кромѣ того были у Софи и другія свойства и особенности, не подходившія къ строгому величію. У ней была особенная слабость къ канарейкамъ, собакамъ, древеснымъ лягушкамъ, кроликамъ, лошадямъ, даже осламъ,—что окончательно означало менѣе возвышенныя, земныя стремленія; проявлялось въ ней и совершенно-неприличное для дочери знаменитаго учонаго и невѣсты могущаго со временемъ также сдѣлаться знаменитымъ учонымъ равнодушіе къ литературѣ; не смотря на положительныя способности къ изученію языковъ, она ни какъ не могла обойтись безъ лексикона при чтеніи французскихъ или англійскихъ книгъ; что-же касается родного языка, то индиферентизмъ ея иногда простирался до такой степени, что она крѣпко засыпала въ то время какъ ея Францъ читалъ лучшія главы

Digitized by Google

изъ Dichtung und Wahrheit или «Итальянскаго Путешествія». За то у ней была рѣшительная склонность во время прогулокъ криво надѣвать шляпу и зацѣпляться платьемъ за всѣ кусты,—опять признакъ мечтательности совершенно-несовмѣстной съ «высшей человѣчностью»; настроеніе ея души доходило даже почти до ясновидѣнія, какъ и случилось однажды, когда горничная одѣвала ее на балъ и не находила булавки: «въ залѣ подъ четвертымъ стуломъ отъ окна уже съ недѣлю лежитъ булавка», сказала Софи.

Разговоръ влюбленныхъ мало по малу перешолъ на эту безконечно-варьируемую Францемъ тему о слабостяхъ его невѣсты. У Франца былъ талантъ пріятно шутить и скрывать подъ смѣющейся миной добродушнаго шалуна серьозное лицо наставника. Софи, не жаловавшая педантическихъ разсужденій, была благодарна своему возлюбленному за этотъ способъ давать наставленія и Францъ тѣмъ охотнѣе слѣдовалъ этой методѣ, что въ тоже время имѣлъ удовольствіе любоватъся находчивостью и остроуміемъ, съ которымъ Софи защищалась отъ его скрытыхъ или явныхъ нападеній и оправдывала свои ошибки или даже возводила ихъ въ достойныя уваженія добродѣтели.

Они были такъ поглощены этимъ то серьознымъ, то шутливымъ разговоромъ, прерываемымъ сообразно съ обстоятельствами подавленнымъ смѣхомъ или поцѣлуемъ втихомолку, что ежедневный посѣтитель дома тайнаго совѣтника принужденъ былъ три раза стукнуть въ дверь, прежде чѣмъ они въ одинъ голосъ отвѣтили: войдите!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Добраго вечера, достославная христіанская чета! сказалъ гость. Не мѣшаю-ли я вашимъ благочестивымъ разговорамъ.

Digitized by Google

— Добраго вечера, Бемперхенъ! отвѣчала Софи, высвобождая руку изъ руки Франца и подавая ее чинно подошедшему къ ней гостю,—вы пришли какъ разъ во время, чтобы защитить меня отъ этого несноснаго насмѣшника.

— Bon soir, Бемперлейнъ, сказалъ Францъ, vous arrivez bien à propos, чтобы помочь мнѣ убѣдить эту закоренѣлую грѣшницу.

— Прежде чѣмъ исполню то или другое, отвѣчалъ Бемперлейнъ снимая перчатки и тщательно свертывая ихъ, я позволю себѣ освѣдомиться о состояніи здоровья господина тайнаго совѣтника.

— Ему гораздо лучше, отвѣчалъ Францъ.

— Я уже вывелъ это заключеніе изъ вашего веселаго настроенія, сказалъ Бемперлейнъ. Ну, это меня очень радуетъ. Значитъ сегодня мы можемъ наконецъ поужинать безъ того чтобы, какъ въ послѣднія двѣ недѣли, каждый кусокъ останавливался въ горлѣ отъ огорченія. Кстати, каковы извѣстія касательно ужина, фрейлейнъ Софи? я, который не имѣю счастія подобно вамъ утолять жажду нектаромъ любви и заглушать голодъ амброзіей прелестныхъ разговоровъ, ощущаю непобѣдимое влеченіе къ земной пищѣ и питію.

— Я думаю, ужинъ уже съ полчаса стоитъ на столѣ, сказала Софи. Я право совсѣмъ и забыла объ этомъ.

— Такъ не будемте медлить ни минуты, сказалъ Бемперлейнъ, предлагая руку хозяйкѣ и направляясь по давно-знакомой дорогѣ въ столовую, гдѣ такъ часто ему случалось ужинать.

Фрейленъ Софи и Бемперлейнъ были большіе друзья. Бемперлейнъ гордился этой дружбой и имѣлъ на то основаніе, потому что Софи неохотно сближалась съ молодыми людьми посѣщавшими домъ ея отца и слыла, если не чопорной, то по крайней мѣрѣ очень сдержанной дѣвицей. «Она совсѣмъ не такова, какъ другія дѣвицы», говорили молодые люди и были совершенно правы. Софи была въ высшей степени равнодушна ко многимъ вещамъ, которыя играютъ значительную роль въ жизни другихъ молодыхъ женщинъ. Она не въ состояніи была за недѣлю радоваться предстоящему балу и цѣлую недѣлю вспоминать о немъ послѣ. У ней не было способности «божественно веселиться» въ обществѣ военныхъ, и

Digitized by Google

она держалась парадоксальнаго мнѣнія, что офицеры грюнвальдскаго гарнизона нестерпимо пошлы и скучны. Она никогда не могла дать подробнаго отчета о новѣйшемъ состояніи моды и имѣла смѣлость или наивность одѣваться всегда по своему вкусу,—а вкусъ у ней былъ, и даже очень хорошій. Въ силу всего этого молодое поколѣніе считало ее нѣсколько синимъ чулкомъ,—подозрѣніе, отчасти оправдывавшееся ея страстью къ Бетховену, положительнымъ талантомъ къ рисованію, живописи, разнообразными познаніями въ предметахъ не имѣющихъ вообще интереса для женщинъ, напр. химіи и тому подобномъ. А между тѣмъ все дѣло было въ томъ, что Софи имѣла счастіе встрѣчаться съ истинно-образованными людьми, котораго не имѣли другія дѣвицы, считавшія за высшій идеалъ благополучія студенческій или офицерскій балъ; что благодаря матери природѣ, сердце и голова были у ней на своемъ мѣстѣ, а благодаря просвѣщонному отцу и женику, она читала болѣе полезныя книги, чѣмъ тѣ, которыя обыкновенно красуются на женскихъ этажеркахъ въ красивомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Во всемъ-же прочемъ она была одной изъ тѣхъ единственно-женственныхъ и любящихъ натуръ, которыя все еще продолжаютъ существовать для утѣшенія честныхъ мужей, несмотря на нелѣпость новѣйшаго женскаго воспитанія и безнравственной общественной жизни; упрекать-же Софи въ томъ, что она не выставляла на показъ эту мягкость, а намѣренно скрывала ее подъ личиной равнодушія или даже подъ щитомъ ироніи и сатиры, могли только тѣ, которымъ не извѣстно, какъ шведскому поэту, «что бѣдный домъ всегда растворенъ, а богатый запертъ». Тѣже, которымъ Софи довѣрялась—а довѣрялась она охотно только съ разборомъ,—знали какія сокровища заключаются въ этомъ сердцѣ. Отецъ обожалъ ее, а женихъ, понимавшій все цѣломудренное благородство и безконечную доброту этой женственной души, уважалъ и поклонялся ей.

Бемперлейнъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ искреннѣйшее благоговѣніе передъ тѣмъ, что они считаютъ добрымъ и прекраснымъ, составляетъ необходимую потребность. Онъ способенъ былъ со слезами на глазахъ цѣловать

*

Digitized by Google

на заглавномъ листѣ книги имя автора, котораго по его мнѣнію вдохновлялъ духъ святой истины; когда-же являлся ему этотъ духъ, воплощоннымъ въ живой человѣческой формѣ, то восторгъ его не находилъ предѣловъ. Во всякую пору жизни у него былъ кто-нибудь, на кого обращались его благоговѣніе и любовь. Переселившись въ Грюнвальдъ, онъ въ первые дни чувствовалъ себя совершенно осиротѣвшимъ. Дѣтски-довѣрчивый и нуждающійся въ сочувствіяхъ, онъ въ первый-же вечеръ, какъ Бергеръ представилъ его тайному совѣтнику, открылъ Софи все свое сердце подъ вліяніемъ ея добрыхъ голубыхъ глазъ. Софи нетолько со вниманіемъ выслушала маленькаго, подвижнаго человѣка, который съ гомерической наивностью излилъ ей всю свою душу, но еще послѣ заключительнаго восклицанія: «теперь все это прошло! навсегда прошло!» съ искреннѣйшимъ радушіемъ подала ему руку и сказала: «Приходите къ намъ ночаще, г-нъ Бемперлейнъ! Папа вамъ будетъ радъ и я также. Мы попробуемъ хоть сколько нибудь замѣнить вамъ вашъ Берковъ!»

Преоригинальная была эта дружба! Софи, хоть и двѣнадцатью годами моложе Бемперлейна, была Менторомъ подающимъ совѣты, утѣшающимъ и наставляющимъ, а онъ самымъ покорнѣйшимъ и внимательнымъ Телемакомъ. Она помогала ему въ убранствѣ скромной квартирки, которую онъ нанялъ дома черезъ два отъ квартиры тайнаго совѣтника; дѣлала съ нимъ, а иногда и безъ него нѣкоторыя необходимыя закупки. Заботливость ея простиралась даже и далѣе. Она учила его держать себя въ обществѣ; говорила напримѣръ, что нехорошо держать за пуговицу мужчинъ, съ которыми разговариваешь, или поворачиваться спиною къ дамамъ, когда не находишь предмета для разговора. «Это вы должны непремѣнно сдѣлать, Бемперхенъ! Этого отнюдь не должно, Бемперхенъ!» командовала Софи, а добродушный юноша повиновался безаппеляціонно и бывалъ безъ памяти радъ, если на слѣдующій разъ ему говорили: «Вотъ это вы хорошо сдѣлали, Бемперхенъ. Сегодня вечеромъ вы были настоящимъ кавалеромъ, Бемперхенъ!»

Скоро Бемперлейнъ сталъ благоговѣть передъ фрейлейнъ

Digitized by Google

Робранъ почти больше чѣмъ прежде благоговѣлъ передъ Мелитой Берковъ. Не смотря на свою доброту, Мелита все-таки оставалась для него знатной дамой, благодѣтельницей, госпожей; впечатлѣніе, которое она сдѣлала на него, когда онъ, бѣдный, робкій студентъ теологіи въ первый разъ пріѣхалъ въ Берковъ и представленъ былъ его владѣтельницѣ старымъ Бауманомъ, никогда вполнѣ не изгладилось. Софи-же вовсе не была важна; она такъ весело болтала съ однимъ, такъ довѣрчиво смотрѣла въ глаза другому; у ней даже не было никакихъ претензій; съ нею можно было разговаривать, какъ съ товарищемъ; ее можно было братски любить, не испытывая при этомъ нѣкотораго благоговѣйнаго трепета.

Именно братскую любовь чувствовалъ Бемперлейнъ къ молодой дѣвушкѣ. Не будь она даже невѣстой, ему никогда не пришло-бы на мысль влюбиться. Но симпатизировать всему, что ей нравилось, считать ея жениха лучшимъ и пріятнѣйшимъ изъ людей, исполнять каждое ея желаніе, даже угадывать его по первому взгляду, проводить дни и ночи у постели заболѣвшаго Робрана до возвращенія Франца, ходить за нимъ съ женскимъ терпѣніемъ и заботливостью, отъ всей души обрадоваться при извѣстіи что ему лучше, и стараться маскировать эту радость разнаго рода шуточками и прибаутками — все это могъ экс-кандидатъ теологіи и теперешній студентъ философіи господинъ Анастазіусъ Бемперлейнъ, по прозванію Бемперхенъ. . . . . .

— Боюсь я, что картофель ужъ холоденъ какъ ледъ, сказала Софи, приподнимая крышку съ блюда.

— Совершенно, какъ эта рыба,—сказалъ Францъ, подносяя ей блюдо.

— Или какъ этотъ соусъ,—сказалъ Бемперлейнъ, подносяя соусникъ съ другой стороны.

Софи пожала плечами.

— Кушанье за столомъ всегда холоднѣе чѣмъ на плитѣ, господа! Это мнѣ слѣдуетъ знать, какъ будущей хозяйкѣ дома.

— Ровно черезъ мѣсяцъ будетъ наша свадьба, Бемперлейнъ, сказалъ Францъ.

Digitized by Google

— То есть, если готовъ будетъ вашъ фракъ, который вы собираетесь заказать съ перваго дня пріѣзда въ Грюнвальдъ, Бемперхенъ; иначе—ни подъ какимъ видомъ, сказала Софи.

— Будетъ готовъ фракъ! будетъ готовъ! вскричалъ Бемперлейнъ, хотя-бы мнѣ самому пришлось кроить и шить его!

— Славный-бы это вышелъ нарядъ, Бемперхенъ!

— Можетъ быть и не такъ дуренъ, какъ вы думаете. По крайней мѣрѣ это былъ-бы не первый фракъ, который я сооружалъ собственноручно.

— Можетъ-ли быть, Бемперлейнъ! вскричалъ удивленный Францъ.

— Увѣряю васъ. Конечно это было уже давно — лѣтъ пятнадцать назадъ — и въ тотъ Робинзоновскій періодъ моей жизни я былъ прилежнѣе и изобрѣтательнѣе чѣмъ теперь; но и теперь это дѣло не совсѣмъ необыточно.

— Но что-же понудило васъ дѣлать такіе удивительные эксперименты?

— Изобрѣтательница всѣхъ талантовъ — нужда. Вы знаете, фрейлейнъ Софи, что я принадлежу — или скорѣе *принадлежалъ*, потому что теперь я уже перешолъ въ другой разрядъ — къ тѣмъ людямъ, которымъ обѣщано царство небесное, потому что они ничего не имѣютъ на землѣ. Вслѣдствіе этого явившись сюда изъ елисейскихъ полей моей родины, я принужденъ былъ избѣгать лишнихъ расходовъ. Такъ между прочимъ напалъ я на мысль, нельзя-ли и въ нашъ чернильный вѣкъ изготовлять самому нѣкоторыя необходимыя статьи туалета, какъ нѣкогда дѣлалъ Эвмей, божественный пастухъ. Я свелъ тѣсную дружбу съ однимъ мальчикомъ, — его звали Христіаномъ Зюсмильхъ, а отецъ его былъ портной; мальчикъ непремѣнно *долженъ* былъ сдѣлаться портнымъ и во чтобы то ни стало *хотѣлъ* сдѣлаться ученымъ. Я заключилъ съ нимъ договоръ, что какъ скоро звучный голосъ папа Зюсмильха провозгласитъ шабашъ, я буду трактовать съ нимъ о Цумптѣ и Ростѣ, а онъ будетъ учить меня владѣть иглой и утюгомъ. Занятія наши хранились въ совершеннѣйшей тайнѣ, потому что я

Digitized by Google

не безъ основанія боялся насмѣшекъ своихъ сотоварищей, а онъ—всегда мѣтко попадающаго аршина своего родителя и наставника. О, это были славные часы, которые мы переживали вмѣстѣ и которыхъ вѣроятно оба никогда не забудемъ! Какъ теперь вижу я свою коморку на чердакѣ и ночникъ съ жиромъ, при свѣтѣ котораго мы сидѣли—именно въ такой-же осенній вечеръ, и дождь стучалъ надъ нашими головами, флюгеръ скрипѣлъ, совы и галки кричали на куполѣ сосѣдней Николаевской церкви. Мы однако не зябли, хотя и не было огня въ крошечной желѣзной печкѣ, потому что священный огонь дружбы тихимъ пламенемъ пробѣгалъ по нашимъ жиламъ, и я шилъ, такъ что нитка визжала, а онъ училъ грамматику, такъ что голова трещала; а когда я успѣвалъ нашить по всѣмъ правиламъ искусства, а онъ безъ запинки выучивалъ наизусть «tupto, tupteis, tuptei», мы бросались другъ другу въ объятія и не завидовали никакому королю во всемъ его великолѣпіи.

Бемперлейнъ замолчалъ и съ умиленіемъ уставился въ свой стаканъ.

— Да здраствуетъ старое время, Бемперлейнъ! сказалъ Францъ.

— И новое также! отвѣчалъ Бемперлейнъ, чокаясь съ женихомъ и невѣстой.

— Ну, а какже на счотъ фрака-то, Бемперхенъ? сказала Софи. Не въ этомъ-ли фракѣ вы конфирмовались?

— Совершенно такъ, фрейлейнъ Софи, въ этомъ фракѣ я конфирмовался... День конфирмованія приближался. Я получилъ въ подарокъ сукно отъ одного купца, у котораго училъ дѣтей читать и писать и еженедѣльно обѣдалъ даромъ. Этотъ добрый человѣкъ сказалъ мнѣ даже, что я могу заказать фракъ на его счотъ у его портнаго. Я не хотѣлъ употреблять во зло его доброту и попросилъ позволенія заказать фракъ своему собственному портному. Ну, можете себѣ представить, кто былъ «мой собственный портной». Мы съ Христіаномъ Зюсмильхъ отъ души похохотали надъ этой геніальной остротой и рѣшили тотчасъ-же приняться за работу и исполнить ее такъ, чтобы она дѣлала честь «нашему собственному портному». Но, о горе! папа Зюсмильхъ развѣдалъ о нашемъ

Digitized by Google

«проклятомъ пронырствѣ», какъ называлъ онъ на своемъ грубомъ языкѣ наши дружескія ночныя бесѣды и работу. Онъ отыскалъ греческую грамматику, которую сынъ имѣлъ обыкновеніе прятать между разнымъ старымъ хламомъ при приближеніи отца. Первымъ послѣдствіемъ открытія было то, что онъ изломалъ аршинъ объ спину Христіана и подъ опасеніемъ лишенія родительскаго наслѣдства и изгнанія изъ дому, запретилъ ему знаться со мною. Со слезами повѣдалъ мнѣ бѣдняжка ужасное извѣстіе, когда я на другой день встрѣтилъ его идущаго съ парой готоваго нижняго платья къ одному изъ кліентовъ его отца. «Но не хочу дольше терпѣть этой тираніи», вскричалъ онъ съ жестомъ, который сдѣлалъ-бы честь Демосѳену. «Еще послѣдняя рабская услуга (при этомъ онъ ударилъ кулакомъ по тщательно свернутымъ *невыразимымъ*), и я уйду куда глаза глядятъ!... Хочешь идти со мною?» — Едва-едва я успѣлъ успокоить несчастнаго; я зналъ, что невозможность помогать мнѣ въ сооруженіи фрака была ему тяжелѣе многого другого. Я напомнилъ ему заповѣдь, повелѣвающую чтить отца и матерь, да благо намъ будетъ на землѣ; сказалъ, что отецъ наконецъ можетъ и умилосердиться, а касательно фрака увѣрилъ, что ученикъ сдѣлаетъ честь своему учителю.—Христіанъ горестно покачалъ головою: «Не сшить тебѣ фрака, Анастазіусъ, сказалъ онъ, не сшить, если даже ты и совладаешь съ кройкой». — Хочешь пари, Христіанъ? вскричалъ я, — черезъ недѣлю ты увидишь меня въ церкви во фракѣ, который я сдѣлаю безъ твоей помощи, и долженъ будешь признаться, что онъ хорошо сдѣланъ. Если выиграю я, ты подаришь мнѣ своего снигиря, а если выиграешь ты, я подарю тебѣ Одиссею. Хочешь?—Идетъ! сказалъ Христіанъ, улыбаясь не смотря на свое горе. «По настоящему мнѣ не слѣдовало-бы держать пари, потомучто ты навѣрное проиграешь; но пусть будетъ по твоему».

— Ну, кто-же выигралъ пари? спросила съ живостью Софи.

— Въ слѣдующее воскресенье въ Николаевской церкви, началъ Бемперлейнъ, и голосъ его дрожалъ, а очки сдѣлались влажны,—въ слѣдующее воскресенье въ Николаевской

Digitized by Google

церкви я, въ числѣ многихъ другихъ юношей, преклонилъ колѣна передъ алтаремъ и звуки органа пронеслись по высокимъ сводамъ, и пасторъ произнесъ надъ нами благословеніе; послѣ этого я взглянулъ на хоры, на мальчика съ чорными волосами и темными глазами, который посылалъ мнѣ поцѣлуй рукою, а милое лицо его сіяло удовольствіемъ. Причина удовольствія была та, что его другъ противъ всякаго ожиданія одѣтъ былъ совершенно прилично. Когда пришла очередь произнести надо мной слова благословенія, онъ набожно сложилъ руки и внутренно молился за меня.

Бемперлейнъ замолчалъ. Онъ снялъ очки, которые сдѣлались еще влажнѣе, и усердно вытиралъ ихъ платкомъ.

— А что сдѣлалось съ Христіаномъ? спросилъ Францъ.

— Теперь онъ профессоръ древнихъ языковъ въ одномъ изъ извѣстныхъ Бельгійскихъ лицеевъ; его грамматика дорійскаго діалекта надѣлала шуму. Вчера еще я получилъ отъ него письмо въ шестнадцать страницъ.

— А что сталось съ фракомъ? спросила Софи.

— Онъ еще до сихъ поръ сохраняется въ моемъ шкапѣ, какъ дорогое воспоминаніе, отвѣчалъ Бемперлейнъ, снова надѣвая очки и лукаво улыбаясь Софи; а главное—онъ еще и теперь мнѣ совершенно впору и я во всякое время могу явиться въ немъ, если моя милая барышня изволитъ сомнѣваться въ истинѣ моего разсказа.

— Исполните вы мою просьбу, Бемперлейнъ? сказала Софи, съ необычной серьозностью протягивая ему руку.

— Все, что угодно! отвѣчалъ Бемперлейнъ, съ энтузіазмомъ схватывая ея руку.

— Не дѣлайте новаго фрака къ моей свадьбѣ, а надѣньте старый, освященный для васъ такими славными воспоминаніями.

— Вы говорите серьозно?

— А вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Бемперлейнъ, цѣлуя руку Софи. Я буду вашимъ провожатымъ въ томъ самомъ фракѣ, который шилъ самъ для дня конфирмованія.

Маленькое общество окончило свой холодный ужинъ и перешло въ уютную гостиную, гдѣ Софи стала готовить чай,

Digitized by Google

а Францъ между тѣмъ пошолъ освѣдомиться о здоровьи стараго Робрана. Онъ воротился съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что папа въ первый разъ послѣ болѣзни спитъ сладкимъ, укрѣпляющимъ сномъ, въ который, по словамъ лакея, впалъ тотчасъ послѣ того какъ произнесъ нѣсколько отрывистыхъ словъ со сложенными руками.

Францъ увѣрялъ, что съ этой минуты выздоровленіе пойдетъ быстро и что теперь онъ имѣетъ надежду на совершенное возвращеніе силъ. Софи обняла и поцѣловала его за это пріятное извѣстіе, а Бемперлейнъ радовался, какъ ребенокъ.

Они усѣлись передъ каминомъ. Самоварный паръ и сигарный дымъ облаками вздымались къ Зевсу. Францъ былъ въ необыкновенно-возбужденномъ настроеніи, которое Софи объяснила неожиданно-благопріятнымъ поворотомъ въ болѣзни отца, но оно имѣло и еще особенную причину. Это было нервное возбужденіе, которое овладѣваетъ самыми храбрыми передъ началомъ битвы, а Францъ чувствовалъ и зналъ, что сегодня дѣйствительно началась для него жизненная битва. Вѣдь онъ взялъ на себя серьознѣйшія обязательства, неизбѣжно связанныя съ будущностью его и Софи! Съ этого дня на немъ лежала громадная отвѣтственность! Сегодня онъ вдругъ увидѣлъ море, по которому будетъ плыть ладья ихъ общаго счастья, и увидѣлъ также подводные камни, для избѣжанія которыхъ нужна всегда свѣтлая голова, всегда мужественное сердце, всегда крѣпкія руки! Софи и не подозрѣвала, что чувствуетъ ея женихъ, когда начала расписывать съ Бемперлейномъ будущность по своему вкусу—маленькій, уютный рай, исполненный спокойствія, міра и солнечнаго свѣта.

— Вамъ тоже нужно жениться, Бемперлейнъ! вскричала она.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ Бемперлейнъ,—найдите только самое главное.

— Напримѣръ?

— Дѣвушку, которая захотѣла-бы полюбить меня и которую могъ-бы полюбить я самъ.

— Я найду вамъ такую, Бемперлейнъ. Я знаю вашъ

Digitized by Google

вкусъ и то, какова именно должна быть будущая профессорша Бемперлейнъ.

— Любопытно было-бы узнать это, сказалъ Бемперлейнъ, удобно усаживаясь въ креслѣ.

— Вопервыхъ, что касается наружности—потомучто вы вѣдь придаете нѣкоторое значеніе наружности, не правда-ли, Бемперлейнъ?

— Какже, какже! поспѣшно отвѣчалъ Бемперлейнъ.

— Хорошо! Ну, во первыхъ ваша нарѣченная не должна быть высока.

— Почему-же?

— Потомучто вы сами не великанъ, Бемперлейнъ, а только равное съ равнымъ и сходится. Потомъ—это должна быть хорошенькая маленькая фигурка, съ темными волосами и такими-же глазами, ловкая, расторопная, веселая и подвижная. Довольны вы?

— Гм! сказалъ Бемперлейнъ; не дурно! Совсѣмъ не дурно! Дальше!

— Что касается состоянія, то она не должна быть богата. Знаете почему?

— Потомучто я не буду знать, что дѣлать съ деньгами?

— Justement. Развѣ это не правда?

— Совершенная правда. Теперь, объясните мнѣ, почему вышеупомянутая дама должна непремѣнно имѣть черные глаза и волосы?

— Мнѣ помнится, я говорила только о темныхъ глазахъ и волосахъ, но если вы предпочитаете черные, Бемперлейнъ...

— Я предпочитаю! съ жаромъ вскричалъ Бемперлейнъ, вовсе нѣтъ! я...

— Бемперлейнъ, вы покраснѣли! это что-то подозрительно! Какъ ты думаешь, Францъ?

— Въ высшей степени подозрительно; я настаиваю, чтобы дѣло подозрѣваемаго было изслѣдовано во всѣхъ подробностяхъ и онъ доведенъ былъ до полнаго и совершеннаго признанія.

— Да, онъ долженъ признаться, онъ долженъ признаться! вскричала рѣзвая дѣвушка, хлопая въ ладоши; онъ долженъ дать отчетъ въ этомъ предательскомъ румянцѣ. Обви-

Digitized by Google

няемый! спрашиваю васъ по совѣсти: знаете-ли вы какую нибудь даму съ чорными глазами и волосами?

— Но вы такъ неопредѣленно спрашиваете, фрейлейнъ Софи, бормоталъ еще болѣе покраснѣвшій Бемперлейнъ.

— Вашъ отвѣтъ, обвиняемый, долженъ быть: *да* или *нѣтъ*. Все остальное воспрещается.

— Ну, въ такомъ случаѣ, да! отвѣчалъ смѣясь Бемперлейнъ.

— Думали-ли вы объ этой именно дамѣ, когда говорили о чорныхъ глазахъ и волосахъ?

— Да, отвѣчалъ Бемперлейнъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Поймали! Онъ думалъ о ней! Онъ думалъ о ней! вскричала Софи и принялась прищолкивать пальцами отъ удовольствія.

— Но кто эта *она*? спросилъ Францъ.

— Мы сейчасъ это узнаемъ.—Обвиняемый, въ нашемъ-ли городѣ живетъ она?

— Да.

— Францъ, запиши въ протоколъ: она живетъ въ этомъ городѣ. Обвиняемый, часто-ли ее видите?

— Нѣтъ.

— Гм! видѣли вы ее сегодня?

— Но, фрейлейнъ Софи...

— Безъ отговорокъ! Видѣли вы ее сегодня?

— Ну, ужъ я вижу, что лучше признаться во всемъ, сказалъ Бемперлейнъ, все сильнѣе конфузившійся, несмотря на желаніе казаться развязнымъ. Такъ слушайте-же, строгій слѣдственный судья, и вы, мефистофельски улыбающійся засѣдатель, какое сегодня было со мною странное приключеніе.

— Разсказывайте, Бемперхенъ! Это становится романично!

— Вы вѣдь знаете, фрейлейнъ Софи, что Гренвицы пріехали въ городъ сегодня поутру.

— Это намъ извѣстно. Далѣе, обвиняемый!

— Но вы еще не знаете, что тотчасъ по пріѣздѣ баронесса послала ко мнѣ и просила посѣтить ее впродолженіи

Digitized by Google

дня, такъ какъ ей нужно переговорить со мною о весьма важномъ дѣлѣ.

— У баронесы всѣ дѣла имѣютъ особенную важность, замѣтилъ Францъ.

— Это я зналъ и потому не слишкомъ торопился. Однакожъ вечеромъ, незадолго до прихода сюда, я былъ у нихъ.

— Ну, для какой-же бездѣлицы васъ потревожили?

— Не знаю, потому-что не имѣлъ счастія быть принятымъ. Въ дверяхъ я повстрѣчался съ господиномъ Тиммомъ, который такъ торопился, что едва не перепрыгнулъ черезъ меня, однако успѣлъ сказать мнѣ: на кой чортъ вы идете сюда, Бемперлейнъ? Въ пріемной, куда привелъ меня слуга, я нашолъ мадемуазель Маргариту.

— У ней чорные глаза, Бемперхенъ?

— У ней чорные глаза, фрейлейнъ Софи, очень красивые чорные глаза, и въ ту минуту они свѣтились тѣмъ ярче, что были полны слезъ.

— О! почему-же? спросила Софи, невольно оставляя шутливый тонъ.

— Не знаю! Не ожидая никого встрѣтить, я вошолъ въ комнату не постучавшись. При моемъ появленіи дѣвушка, рыдавшая у стола, вскочила и старалась по возможности скрыть свои слезы. На мой вопросъ, можно-ли видѣть баронесу, она отвѣчала, что пойдетъ посмотритъ, однако не ушла дальше ближайшей двери, гдѣ разразилась слезами. Можете представить себѣ мое замѣшательство. Я вообще не могу видѣть слезъ, не говоря уже о слезахъ такой молодой, бѣдной, безпомощной дѣвушки, какъ модемуазель Маргарита. Я подошолъ къ ней, взялъ ее за руку—право я не могъ иначе—и сказалъ... чтоже было больше сказать?—О чемъ вы плачете, модемуазель?—Слезы ея потекли еще сильнѣе. Я нѣсколько разъ повторилъ свой вопросъ. Je suis si malheureuse! прошептала она наконецъ. Больше я не узналъ ничего. Мнѣ отъ души стало жаль бѣдную дѣвушку, и я спросилъ, не могу-ли какъ-нибудь помочь ей. Она рыдая покачала головою. Я старался ее утѣшить и говорилъ все, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ. Мало по малу она успокоилась, отерла глаза пожала мнѣ руку и

Digitized by Google

сказала: «Oh, combien vous êtes bon! и съ этимъ исчезла. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ уже не она, а баронъ Феликсъ и объявляетъ, что тетушка чрезвычайно жалѣетъ, что не можетъ видѣть меня сегодня. Она ужасно утомлена дорогой и проситъ пожаловать завтра. Такъ какъ и баронъ Феликсъ что-то очень торопился, то я поспѣшилъ откланяться. Когда я былъ уже почти за дверью, онъ крикнулъ мнѣ вслѣдъ:

«A propos, г-нъ Бемперлейнъ, не знаете-ли вы, когда воротится докторъ Штейнъ?»—Вѣроятно на дняхъ, отвѣчалъ я и ушолъ. Вотъ вамъ и все мое романическое похожденіе.

— Которое заставляетъ многое предполагать, сказалъ Францъ. Я также желалъ-бы знать, когда пріѣдетъ Освальдъ. Ему ужъ слѣдовало-бы быть здѣсь.

Въ это время горничная принесла Францу карточку.

— Не здѣсь-ли еще этотъ господинъ? вскричалъ вставая Францъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ. Онъ спрашивалъ, одни-ли вы. Я сказала, что здѣсь еще г-нъ Бемперлейнъ. Тогда онъ сказалъ, что зайдетъ въ другой разъ, и ушолъ.

— Кто это? спросила Софи.

— Освальдъ! отвѣчалъ Францъ. Жаль! Мнѣ-бы нужно было увидѣться съ нимъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Освальдъ нѣсколько часовъ назадъ пріѣхалъ въ Грюнвальдъ. Наступилъ уже ранній осенній вечеръ, когда онъ приближался по шоссе къ старому городу (тогда еще не было желѣзной дороги въ этой части прусской Вандеи). Высокія башни бѣлѣли, какъ Оссіановскіе великаны, сквозь сѣрый туманъ; туманъ тянулся по лугамъ, между дорогой и

Digitized by Google

моремъ, туманъ-же вздымался на обширной водяной поверхности, между твердой землею и островомъ.

Освальдъ плотнѣе закутался въ плащь и прижался въ уголъ кабріолета. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Грюнвальдъ? Онъ и самъ не зналъ; не знали также и обнаженные сѣверными вѣтрами деревья, монотонно мелькавшія передъ его тупымъ взоромъ; не знали и почтовыя лошади, прозябшія отъ сырости и механически тянувшіяся впередъ; не зналъ даже и старый, сѣдобородый кондукторъ, отъ скуки въ сотый разъ вынимавшій изъ кармана списокъ пассажировъ. Такъ никто не зналъ этого, развѣ только ворона, запоздавшая въ лѣсу и меланхолически, одиноко пролетѣвшая надъ почтовой каретой, чтобъ исчезнуть въ туманѣ.

Меланхолически и одиноко! А между тѣмъ она можетъ быть увѣрена, что найдетъ на крышѣ старой церкви цѣлую стаю братьевъ и сестеръ, которые радостнымъ крикомъ будутъ привѣтствовать ея возвращеніе, а въ углубленіи какой-нибудь старой стѣны—пристанище отъ ночнаго вѣтра, гдѣ можно спокойно помечтать о лѣтнемъ житьѣ въ зеленыхъ лѣсахъ. Но кто-же ждетъ его въ сѣромъ и пустомъ городѣ? Гдѣ найдетъ онъ пристанище? Вороны имѣютъ гнѣзда, лисицы норы, а ему негдѣ головы преклонить... Можетъ быть по своей-же винѣ?—Конечно по своей винѣ; но такъ или иначе, а дѣло отъ этого не измѣняется...

И деревья точно привидѣнія все тянутся мимо кареты; и лошади все нетерпѣливѣе трясутъ головами, и туманъ становится все гуще и темнѣе и сквозь густой, темный туманъ робко мелькаютъ разбросанные огоньки. Вотъ подковы застучали по мостовой; вотъ карета покатилась по подъемному мосту въ узкія ворота, по неправильнымъ, дурно вымощеннымъ улицамъ города и остановилась передъ почтовымъ домомъ. Мгновенное спокойствіе послѣ долговременной тряски и толчковъ необыкновенно пріятно для того, кто достигъ цѣли своего путешествія и невыразимо тяжело для того, у кого вовсе не было цѣли или достигнутая цѣль не была желанной цѣлью. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы тряска и толчки начались снова и трясли и толкали-бы его все дальше, дальше отъ людей въ вѣчную ночь.

Digitized by Google

Но онъ въ цивилизованномъ городѣ, между цивилизованными людьми, которые не чувствуютъ симпатіи къ различнымъ страннымъ выходкамъ и находятъ, что господину, прибывшему акуратно по экстра-почтѣ въ семь съ половиною часовъ въ Грюнвальдъ, всего приличнѣе дать на водку кондуктору, скромно попросить его отыскать сундуки и ящики съ надписью: «Докторъ Штейнъ, пассажиръ отъ Пассова до Грюнвальда,»—взвалитъ ихъ на плечи долговязому, мрачному носильщику и отправиться въ «Городъ Петербургъ,» гдѣ вышеупомянутый докторъ Штейнъ уже останавливался во время сдачи экзаменовъ подъ руководствомъ профессора Бергера и не разъ выпивалъ добрую бутылку вина въ обществѣ этого ученаго. Освальдъ думалъ, что его помнятъ въ этомъ отелѣ, но старый хозяинъ уже умеръ, а новый перемѣнилъ всю прислугу.

Вслѣдствіе этого оберкельнеръ принимаетъ его какъ совершенно посторонняго человѣка и говоритъ, принимая отъ него записную книгу: «г-нъ Дроштейнъ, благодарю! — Докторъ Штейнъ!—Ахъ, извините! Я думалъ, что это одна фамилія! Долго-ли удостоитъ пробыть у насъ г-нъ докторъ?— Недолго.

— А теперь именно Грюнвальдъ такъ оживился: театры, конная ярмарка, студентскій балъ.... Докторъ Браунъ? знаю очень хорошо, онъ лечитъ у насъ съ тѣхъ поръ, какъ тайный совѣтникъ разбитъ параличомъ. Еще сегодня онъ былъ въ отелѣ. Живетъ онъ очень близко, второй домъ на право, рядомъ съ домомъ тайнаго совѣтника. Не прикажите-ли готовить ужинъ? Нѣтъ аппетита, жаль! Превосходныя, свѣжія устрицы, здѣшнія. Еще ничего не прикажите? Воды? сію минуту!

Пустая, неудобная комната; двѣ свѣчи на столѣ передъ диваномъ; сундукъ и кардонъ со шляпой въ углу; кругомъ тишина, послѣ того какъ замолкли шаги оберкельнера въ длинномъ коридорѣ—подобная обстановка конечно не способна развеселить меланхолика. Освальдъ поторопился уйти изъ комнаты и изъ дома.

Сначала, онъ хотѣлъ отыскать Франца, единственнаго человѣка въ городѣ, который встрѣтилъ-бы его съ сердеч-

Digitized by Google

нымъ радушіемъ. Но дѣти зажмуриваютъ глаза въ темнотѣ, чтобы ничего не видѣть, а ипохондрики не рѣдко избѣгаютъ друзей, чтобы глубже и съ наслажденіемъ погружаться въ чувство своего одиночества. Нѣтъ болѣе опасныхъ больныхъ, какъ тѣ, которые не хотятъ выздоровѣть, и большихъ несчастливцевъ, какъ тѣ, которые перестали считать большимъ несчастіемъ отсутствіе счастья.

Такой-то больной несчастливецъ бродилъ въ этотъ вечеръ безъ цѣли и безъ мысли по улицамъ города. Онъ никогда не чувствовалъ себя слишкомъ хорошо въ Грюнвальдѣ, но до того чужимъ какъ сегодня не казался онъ ему даже въ самые первые дни его перваго пріѣзда. Вслѣдствіе-ли тяжолого настроенія или темнаго, туманнаго вечера, но онъ не узнавалъ площадей и улицъ, по которымъ прежде ходилъ, а если и припоминалъ кое-что, то какъ-будто во снѣ, когда знакомое и незнакомое, далекое и близкое хаотически перемѣшиваются другъ съ другомъ. Наконецъ онъ попалъ въ улицу, выходящую на гавань. Тутъ ему было привольнѣе, потому что гавань съ ея множествомъ кораблей и судовъ, съ ея морскими испареніями, монотонными пѣснями матросовъ, стукомъ молотковъ и визгомъ пилы была и прежде самымъ пріятнымъ для него мѣстомъ въ городѣ и любимой цѣлью прогулокъ.

Но даже и на этомъ, единственно оживленномъ пунктѣ цѣлыя столѣтія спящяго ганзейскаго города, грезящаго во время этого сна о прежнемъ величіи и богатствѣ, царствовала въ этотъ вечеръ совершенная тишина; тамъ и сямъ мелькали уединенные огоньки изъ оконъ каюты; отъ времени до времени раздавался съ какой-нибудь палубы лай собаки или рѣзкій окликъ матроса,—потомъ опять всюду тишина и молчаніе.

Онъ остановился и сталъ смотрѣть въ темноту надъ моремъ и прислушиваться къ однообразному плесканью воды, лизавшей берегъ у его ногъ. Вотъ передъ нимъ то море, къ которому такъ часто неслись его мечты и надежды съ быстрымъ полетомъ чайки! Не въ этой-ли темной безднѣ навсегда погибли онѣ, какъ сокровище разбитаго бурей корабля?

Digitized by Google

По ту сторону чорной водяной пустыни лежалъ островъ также близко и въ тоже время далеко, какъ тотъ короткій промежутокъ счастія и міра, который онъ на немъ пережилъ. Мимо его проѣхалъ паромъ съ той стороны острова. Онъ слышалъ мѣрные обороты тяжолыхъ колесъ въ водѣ; слышалъ охрипшіе голоса ночныхъ путешественниковъ, могъ даже различать нѣкоторыя слова, когда они подъѣхали ближе; ему показалось, что онъ слышитъ имя Елены. Быть можетъ это была иллюзія или эхо его собственнаго сердца, но онъ вдругъ содрогнулся и имъ овладѣло неодолимое желаніе посѣтить мѣсто, гдѣ находится теперь прелестная дѣвушка.

Онъ пошолъ назадъ въ городъ; перешолъ черезъ площадь; остановился передъ домомъ, гдѣ жилъ Бергеръ. Въ окнахъ не было свѣта; при слабомъ мерцаніи фонаря, онъ могъ разглядѣть, что зеленыя жалузи были спущены, какъ въ домѣ, изъ котораго выѣхалъ хозяинъ. На башнѣ Николаевской церкви раздались торжественные аккорды хорала, которымъ въ Грюнвальдѣ по старому обычаю въ девять часовъ провожаютъ окончившійся день. Обыкновенно городской капельмейстеръ посылаетъ на башню только четверыхъ музыкантовъ, но если въ городѣ умираетъ какое-нибудь значительное лицо, то посылается иногда вся капелла по желанію родственниковъ, которые выражаютъ такимъ особеннымъ образомъ свою скорбь объ умершемъ. Въ этотъ день хоръ отличался особенной полнотою; очевидно скончалась очень важная личность.

Освальдъ слушалъ до тѣхъ поръ, пока замеръ послѣдній звукъ. Онъ подумалъ о смерти, о великой тайнѣ, которую могила не разъясняетъ, а дѣлаетъ еще таинственнѣе, и о томъ, какъ счастливы умирающіе съ вѣрою въ будущее блаженство....

Раздалась громкая команда: «на молитву!

— Почему я не родился педантомъ между педантами? думалъ Освальдъ, отправляясь дальше,—если уже судьбой не суждено мнѣ быть римляниномъ между римлянами? Можетъ быть вовсе ужъ и не такъ дурно въ дѣдовскомъ креслѣ какой-нибудь службы, какъ выражается Бергеръ, и ноч-

Digitized by Google

ной колпакъ какого-нибудь званія легко можетъ предохранить отъ ревматизма, навѣваемаго разными міровыми вѣтрами. Такъ можно прожить долго, а когда умрешь, цѣлый городъ узнаетъ объ этомъ съ башни и помолится о спасеніи твоей души.

Надъ нимъ зашумѣли высокія деревья, которыми обсажена была улица на форштатѣ, гдѣ помѣщался пансіонъ фрейлейнъ Беръ. Ночной вѣтеръ разорвалъ густое туманное покрывало и луна показалась между громадными лоскутьями чорныхъ облаковъ. Мимо него пронесся всадникъ. Лошадь храпѣла, изъ подъ подковъ сверкали искры. Черезъ минуту топотъ раздавался уже глуше и глуше и наконецъ замолкъ въ отдаленіи. «Вѣроятно кто-нибудь скачетъ за докторомъ— можетъ быть мужъ, котораго жена мучится родами; быть можетъ отецъ, у котораго единственный сынъ лежитъ при смерти».—Освальдъ вспомнилъ о ночи, въ которую умеръ Бруно, и о своей неистовой скачкѣ изъ Гренвица въ Фашвицъ.—Что еслибы Бруно остался живъ? — Освальду казалось, что тогда все могло-бы быть иначе; что именно смерть любимаго мальчика сдѣлала его такимъ несчастнымъ; что съ нимъ онъ былъ-бы въ состояніи бороться противъ цѣлаго міра. Съ нимъ и за него! Для Бруно никакая жертва не показалась-бы ему слишкомъ велика, даже жертва любовью къ Еленѣ. Бруно, но только одному Бруно онъ добровольно уступилъ-бы прелестную дѣвушку. Уступилъ-бы? Но развѣ есть что *уступить* такому нищему какъ онъ?

Онъ стоялъ передъ домомъ, который отыскивалъ, и прислонился къ желѣзной рѣшоткѣ сада. Въ домѣ было уже темно. Обитательницы его вѣроятно уже заснули. Онъ вспомнилъ о лѣтнихъ ночахъ въ Гренвицевскомъ паркѣ, когда онъ цѣлые часы простаивалъ подъ окномъ съ опущенными занавѣсками, изъ котораго долетали къ нему сквозь тихій, мягкій воздухъ звуки фортепьяно. Какъ потомъ, когда уже погасалъ огонь за малиновыми занавѣсками и замиралъ послѣдній звукъ музыки, онъ нерѣдко до утренней зари бродилъ по валу, пока не проснутся птицы и не начнутъ своего восторженнаго гимна утренней зарѣ....

Порывъ вѣтра погнулъ высокіе тополи у воротъ и не-

Digitized by Google

пріязненно зашелестилъ сухими листьями. Въ домѣ хлопнулъ ставень, на сосѣднемъ дворѣ завыла собака.....

Освальдъ задрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Нервное возбужденіе, вслѣдствіе продолжительной ѣзды въ почтовой каретѣ, прошло; онъ почувствовалъ утомленіе и слабость. Онъ плотнѣе застегнулъ сюртукъ и повернулся, чтобъ идти въ городъ. Навстрѣчу ему попалась карета. Впереди ѣхалъ верховой съ фонаремъ; очевидно тотъ самый, который такъ безумно проскакалъ нѣсколько минутъ назадъ.

Ужъ не докторъ-ли Браунъ ѣдетъ въ этой каретѣ? Мысль о возможности не застать дома своего друга пробудила въ Освальдѣ непремѣнное желаніе его увидѣть. Черезъ нѣсколько минутъ—потомучто разстоянія въ Грюнвальдѣ не велики—онъ стоялъ уже передъ домомъ, который указалъ ему оберкельнеръ. Горничная отворившая дверь сказала, что господинъ докторъ здѣсь рядомъ, у тайнаго совѣтника. Тамъ Освальдъ узналъ, что въ гостиной сидитъ Бемперлейнъ,—Бемперлейнъ, единственный человѣкъ, исключая стараго Баумана, которому были извѣстны его отношенія къ Мелитѣ, единственный человѣкъ, встрѣчи съ которымъ онъ опасался, отъ котораго ему равно тяжело было—и дружеское пожатіе руки, въ случаѣ если ему ничего не извѣстно, и взглядъ укора, если онъ знаетъ о разрывѣ.

На обратномъ пути онъ сообразилъ, что уходъ его можетъ показаться необъяснимымъ и даже смѣшнымъ. Это разстроило его еще больше. Онъ хотѣлъ-бы скрыться куда нибудь подъ землю или хоть во снѣ позабыть жизненныя невзгоды. Во снѣ? А почему-же не въ винѣ, если сонъ не приходитъ на помощь? «The best of life is but intoxication,» говоритъ лордъ Байронъ, а вонъ тамъ, гдѣ мерцаетъ одинокій фонарь въ темномъ переулкѣ, входъ въ старый магистратскій погребъ... Туда, по низкой лѣстницѣ съ широкими ступенями, туда, въ нѣдра земли, гдѣ не спрашиваютъ о чувствахъ щемящихъ сердце и о мысляхъ давящихъ голову.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Погребъ Грюнвальдской ратуши не можетъ соперничать съ Бременскимъ, но все-же это хорошій погребъ. Высокія, длинныя залы идутъ подъ всей ратушей до самой площади, на которую она выходитъ. Мѣста достало-бы для многихъ посѣтителей, но именно въ посѣтителяхъ-то и недостатокъ. Добрыя старыя времена грюнвальдскаго блеска и величія миновались. Граждане, строившіе эти залы, оглашавшіе ихъ звономъ стакановъ, громкими пѣснями и рѣчами, эти широкоплечіе, длиннобородые граждане съ широкими мечами на боку—спятъ теперь крѣпкимъ, здоровымъ сномъ на старыхъ кладбищахъ или подъ большими плитами въ церкви и всѣ «ожидаютъ блаженнаго воскресенія.»

Теперешніе ихъ внуки тѣснятся въ узкихъ, дымныхъ комнатахъ и пьютъ пѣнистое чорное пиво, вмѣсто огненнаго, золотистаго вина. Многіе изъ тѣхъ, чьи предки ежедневно спускались по широкимъ ступенямъ погреба, какъ только лѣтній вечеръ накидывалъ свой розовый покровъ на высокія остроконечныя крыши или зимняя буря начинала завывать въ узкихъ улицахъ, вовсе и не знаютъ теперь, гдѣ помѣщается этотъ погребъ.

Впрочемъ не совсѣмъ-же покинутъ грюнвальдскій магистратскій погребъ. Скудная лампочка у дверей горитъ каждый вечеръ далеко за полночь, а иногда и до самаго утра. Нерѣдко мирный гражданинъ, запоздавшій на крестинахъ или другомъ какомъ необычайномъ торжествѣ, проходя съ семействомъ мимо погреба, видитъ въ окнахъ его тусклый свѣтъ и слышитъ хриплые голоса, точно выходящіе изъ земли и производящіе въ этотъ часъ ночи непріятное впечатлѣніе.

Однако не злые духи празднуютъ тамъ свой шабашъ, какъ почти готовъ допустить честный гражданинъ, но пируетъ веселая, непринужденная компанія, знающая цѣну доброму стакану вина въ хорошемъ обществѣ и приличномъ помѣщеніи; тамъ бываютъ большею частію люди, которыхъ

Digitized by Google

жизнь не такъ сладка, чтобы не заглушить иногда ея горькаго, затхлаго вкуса стаканомъ вина; бываютъ люди безсемейные, соскучившіеся цѣлый день сидѣть съ книгами; бываютъ и такіе, которые наперекоръ однообразію брачной жизни проводятъ изрѣдка веселыя ночки; попадаютъ иногда и случайные посѣтители: молодые ученые, художники, актеры, если такіе есть въ городѣ; изрѣдка чиновники и даже помѣщики. Вотъ изъ какихъ частей составляется публика большой залы на лѣво отъ входа; тѣ-же, которые желаютъ большаго уединенія, собираются въ маленькой комнаткѣ, окнами не на главную улицу.

Освальдъ еще въ первый пріѣздъ познакомился съ погребомъ, хотя и не бывалъ его постояннымъ членомъ. Онъ заходилъ туда какъ-то съ Бергеромъ и не обратилъ тогда большого вниманія на остальное общество. Сыроватая прохлада, вмѣстѣ съ запахомъ тлѣнія отъ вѣковыхъ стѣнъ и букетомъ современнаго вина, произвела на него хорошее впечатлѣніе, и онъ безъ труда отыскалъ дверь въ комнату на лѣво.

Въ длинной, высокой, скудноосвѣщонной залѣ былъ всего одинъ посѣтитель, который сидѣлъ спиной къ двери и не подумалъ прервать наслажденія устрицами при входѣ Освальда. Освальдъ, помѣстившійся довольно далеко за маленькимъ столомъ, не безъ удивленія замѣтилъ огромную массу раковинъ, скопившуюся предъ неутомимымъ ѣдокомъ и очевидно еще ожидавшую пополненія. Отъ времени до времени гость откидывался на спинку стула, съ наслажденіемъ выпивалъ стаканъ рейнвейна и принимался за устрицъ съ такимъ удвоеннымъ рвеніемъ, которое столько-же свидѣтельствовало въ пользу хорошаго качества устрицъ, сколько и въ пользу аппетита ихъ потребителя.

Послѣдняя раковина упала въ общую массу и послѣдняя капля вина вылилась изъ бутылки.

— Sic transit gloria mundi, сказалъ гость.—Впрочемъ эту славу легко возобновить. Лудовикъ, принесите мнѣ еще дюжину этихъ превосходныхъ морскихъ обитателей и полбутылки этого почтеннаго вина!

Освальдъ прислушался. Голосъ былъ очень знакомый; онъ

Digitized by Google

напоминалъ прошедшіе счастливые дни. Этотъ свѣжій, звонкій голосъ уже не разъ ободрялъ и освѣжалъ его, какъ освѣжаетъ заключеннаго легкій вѣтеръ изъ тюремнаго окна; сегодня онъ произвелъ такое-же дѣйствіе на его унылый духъ. Изъ всѣхъ людей именно этотъ человѣкъ былъ ему пріятнѣе всѣхъ въ этотъ вечеръ.

Освальдъ всталъ, подошолъ и поздоровался съ не совсѣмъ свойственной ему живостью.

— А, dottore, dottore! вскричалъ пожиратель устрицъ, схватывая протянутую ему руку.—Вы здѣсь? Ну, это право остроумная выходка со стороны всегда глупой судьбы! Лудовикусъ, цѣлую бутылку вина вмѣсто половины и нѣсколько дюжинъ устрицъ!

— Развѣ я дѣйствительно persona grata для васъ въ эту минуту, Тиммъ?

— Persona grata? въ эту минуту! вскричалъ Альбертъ Тиммъ,—Донъ-Освальдо, Донъ-Освальдо! Мнѣ право страшно не доставало васъ съ тѣхъ поръ какъ мы простились въ Грюнвальдѣ, и я радъ невыразимо, что вижу васъ здѣсь. Гдѣ вы такъ долго скрывались? Я освѣдомлялся о васъ у цѣлаго свѣта. Давно-ли вы пріѣхали?

— Часа три назадъ.

— И все еще не успѣли опомниться отъ дороги? По крайней мѣрѣ у васъ такое лицо... Людовикъ! Людовикъ! куда дѣвался этотъ негодяй! Наконецъ! Вотъ, дотторе, пища для здороваго желудка и бальзамъ для больного сердца! Чокнемтесь! За ваше прибытіе въ Грюнвальдъ!

И миловидное лицо Тимма улыбалось такъ ласково, что сомнѣніе въ его искренности было-бы самой чорной неблагодарностью.

Освальдъ по крайней мѣрѣ былъ очень тронутъ этимъ радушнымъ пріемомъ со стороны человѣка, которому никогда не оказывалъ особенной дружбы и даже нерѣдко съ очевидной холодностью отталкивалъ его милую сообщительность. Вѣдь еще минуту назадъ онъ чувствовалъ себя вполнѣ одинокимъ и покинутымъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Долгъ платежомъ красенъ, Тиммъ! сказалъ онъ, выпивая стаканъ. Могу сказать, что и я отъ души радъ, что

Digitized by Google

встрѣтилъ именно васъ въ первый день своего пріѣзда сюда. Чокнемтесь еще разъ: за возобновленіе пріятельскихъ отношеній!

— Вотъ это дѣло! сказалъ Тиммъ, крѣпко пожимая руку Освальда. Мы заживемъ чудесно. Богу извѣстно, какъ мало порядочныхъ людей въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ. Но союзъ двухъ столь благородныхъ душъ слѣдуетъ запивать болѣе благороднымъ виномъ. Лудовико, бутылку шампанскаго! только самаго лучшаго, frappé!—или, клянусь костями моего Роллера, что молнія моего гнѣва поразитъ твой плѣшивый затылокъ!... Ну, dottore mio, разскажите мнѣ о своихъ странствованіяхъ... Или объ этомъ разскажите послѣ, а теперь повѣдайте мнѣ, справедлива-ли молва о послѣдней сценѣ вашей траги-комедіи въ Гренвицѣ?

— Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ Освальдъ, котораго устрицы, вино и общество Тимма мало по малу привели въ хорошее настроеніе, я долженъ узнать, что именно утверждаетъ молва.

— Вамъ дѣйствительно хочется узнать это?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Ну, существуютъ двѣ различныя версіи. Вы не должны однако сердиться на меня, Штейнъ, если я нечаянно затрону больную рану въ вашемъ сердцѣ.

— Развѣ вы считаете меня за ребенка, Тиммъ?

— Въ извѣстномъ отношеніи всѣ люди остаются дѣтьми, dottore, и вы тоже не составляете исключенія изъ общаго правила. То, что льститъ нашему самолюбію, проглатывается какъ жирная устрица, но то, что оскорбляетъ наше тщеславіе, всегда имѣетъ вкусъ полыни. Eh bien! Одни говорятъ, что вы покровительствовали нѣжнымъ отношеніямъ между Бруно—очень жаль между прочимъ, что этотъ юноша такъ рано простился со свѣтомъ—и фрейлейнъ Еленой и вслѣдствіе этого имѣли сцену съ Феликсомъ, который обратился къ вамъ отъ имени родителей; за сценой послѣдовала будто бы драка и Феликсъ, обороняясь отъ васъ, поскользнулся и выломилъ— кто говоритъ правую руку, кто лѣвую, а кто утверждаетъ что и обѣ.

Digitized by Google

— Подлецъ! пробормоталъ Освальдъ, сердито бросая раковину устрицы.

— Не говорилъ-ли я вамъ, что это васъ разсердитъ, dottore? Ну, не будьте-же ребенкомъ и прополосните свою досаду этимъ превосходнымъ виномъ. Вторая версія уже не такъ горька.

— Посмотримъ!

— По этой версіи уже не ученикъ, а самъ учитель былъ вздыхателемъ и притомъ не совсѣмъ несчастнымъ, и поврежденіе руки барона есть неизбѣжное слѣдствіе пули, которую вы всадили ему въ присутствіи свидѣтелей и по всѣмъ правиламъ искусства въ означенную оконечность.

— Такъ какую-же версію вы предпочитаете?

— Конечно вторую, мой храбрый рыцарь. За ваше здоровье, Освальдъ! здѣсь не услышитъ ни одно непрошенное ухо дружескаго тоста. Пейте до капли и чокнемся! За здоровье *ея*—ея подчеркнуто! За здоровье единственной, прелестной, очаровательной дѣвушки, съ синевато-чорными волосами и темными, какъ море глубокими глазами!

— Но, Тиммъ!

— Пейте! говорятъ вамъ. Какъ, благородный Донъ! Вамъ не стыдно отрѣкаться отъ возлюбленной своего любвеобильнаго сердца? и въ присутствіи кого же? Мудраго Мерлина, который слышитъ какъ растетъ трава и вздыхаютъ глаза! Развѣ я не слыхалъ вздоховъ вашихъ прекрасныхъ глазъ въ тѣ прошедшіе солнечные дни, когда вы, двое совершенно необыкновенныхъ дѣтей, играли подъ розовыми кустами невинности и думали, что за вами не наблюдаетъ никто, даже творецъ земли и неба, который вдохнулъ въ васъ то жаркое дыханіе, о которомъ вы шептались такъ сладко? Развѣ я не слыхалъ, какъ шипѣли вокругъ васъ змѣиные языки? Развѣ я не видалъ, съ какой злобной ненавистью подстерегали васъ взгляды василисковъ? О, я видѣлъ все это и даже еще болѣе и напередъ зналъ, что все будетъ именно такъ, но молчалъ, потому что если рѣчь и можетъ считаться серебромъ, то молчаніе—чистое золото, а тому, кто вмѣшивается въ сердечныя дѣла, лучше-бы было пойти и сѣсть въ крапиву.

Digitized by Google

— Скажите, Тиммъ, видѣли... видѣли вы *ее*, съ тѣхъ поръ какъ она въ Грюнвальдѣ?

— Видѣлъ, ваша свѣтлость! и не разъ видѣлъ, какъ она въ обществѣ другихъ грацій, между которыми красовалась какъ роза между скромными маргаритками, проходила по улицамъ Грюнвальда—и камни на мостовой и въ домахъ получили языкъ и говорили и пѣли: «Хвала тебѣ, прекраснѣйшая изъ жонъ!»

— Она у фрейлейнъ Беръ? спросилъ Освальдъ, увидѣвшій невозможность скрывать свою любовь отъ такаго проницательнаго наблюденія.

— Да, она у Медвѣдицы... (die Bärin). Этого перла между аргусами женскаго пола. Тамъ томится она, сидя подъ окномъ и глядя на облака; и если вамъ вздумается пройти мимо отъ двѣнадцати до часа, то вы увидите ее какъ видалъ *я*, проходя въ это время по улицѣ. И всегда она вопросительно поднимала на меня свои темные глаза, точно желая сказать: «не можешь-ли ты дать мнѣ вѣсти о немъ,—о немъ, единственно горячо любимомъ человѣкѣ? О, Освальдъ! *я*—самая прозаическая глыба, говорю чуть не стихами, когда думаю объ этомъ чудномъ ребенкѣ, а вы-то, поэтъ, отрѣкаетесь отъ того, что любите ее всѣмъ сердцемъ, всей душой, всѣмъ помышленіемъ! Стыдитесь! не стоите вы того, чтобы *я* такъ много о васъ заботился; во все это время *я* чаще думалъ о васъ, чѣмъ вы обо мнѣ впродолженіе всей вашей жизни. Но неблагодарность уже свойственна людямъ и... Эй, Лудовико, еще бутылку! — Впередъ я не буду такъ ломать голову надъ вами и вашей судьбой.

Тиммъ положилъ голову на руку совершенно такъ, какъ Освальдъ. Наступила пауза, во время которой плѣшивый Лудвигъ сходилъ за виномъ, повертѣлъ его во льду и неслышными шагами внесъ въ комнату.

Такой скорый переходъ отъ неудержимой веселости къ слезливому настроенію былъ слишкомъ внезапенъ для эластической натуры Алберта Тимма, чтобы показаться естественнымъ. Но это обстоятельство ускользнуло отъ Освальда, погружоннаго въ свои собственныя мысли. Онъ вѣрилъ въ

Digitized by Google

искренность Тимма и ему было лестно, что онъ пробудилъ такое сильное участіе въ человѣкѣ, котораго считалъ до сихъ поръ крайне легкомысленнымъ. Онъ налилъ стаканъ себѣ и Алберту и сказалъ задушевнымъ тономъ:

— Я право не неблагодаренъ, Тиммъ, въ особенности въ этомъ случаѣ, и если до сихъ поръ не вѣрилъ въ вашу дружбу, то потому только, что слишкомъ мало ея заслуживалъ. Чокнемтесь-ка! Вѣдь нельзя слишкомъ строго взыскивать съ такого меланхолика какъ я!

— Именно такъ! вскричалъ Тиммъ, съ прежнимъ веселымъ смѣхомъ откидывая назадъ свои роскошные волосы и разомъ опоражнивая стаканъ. Я уже часто думалъ, какъ можетъ человѣкъ съ такими задатками для наслажденія жизнію дойти до міросозерцанія, свойственнаго больнымъ канарейкамъ и другимъ инвалидамъ подобнаго рода. Еслибы вы изъ трусости никогда еще не начинали наслаждаться или бы уже израсходовали свою силу на наслажденія, тогда и говорить нечего; но такъ какъ очевидно не было ни того ни другаго; такъ какъ вы ни мечтательный святоша, ни разочарованный roué и не страдаете ни излишней слабостью, ни избыткомъ силы, то вамъ можетъ недоставать развѣ только одного.

— Именно?

Тиммъ положилъ локти на столъ, уперся въ нихъ подбородкомъ и лукаво улыбнулся Освальду.

— Чего-же именно, Тиммъ?

— Десяти тысячъ годоваго дохода.

Освальдъ засмѣялся.

— Весьма произаическое леченье отъ міровой скорби.

— За то радикальное и подѣйствовало-бы именно на васъ.

— Почему-же именно на меня?

Тиммъ опять наполнилъ стаканы, закурилъ новую сигару и сказалъ:

— Какъ вамъ извѣстно, Гейне дѣлитъ людей на два разряда: на тучныхъ грековъ и тощихъ назарянъ. Я нахожу это дѣленіе столько-же практическимъ, сколько и глубокомысленнымъ. Одни вѣровали въ веселую Венеру Милос-

Digitized by Google

скую, другіе въ многострадальную матерь. Для однихъ наслажденія земнымъ, для другихъ отрѣченіе и аскетизмъ. Для того-же, чтобы тѣ и другіе вполнѣ исполнили свое назначеніе, первымъ необходимо имѣть много денегъ, а вторымъ жить въ крайней бѣдности.

— Прежде чѣмъ дойдете до заключенія, Тиммъ, скажите мнѣ пожалуйста, къ какому классу принадлежите вы сами?

— Къ обоимъ или, если хотите, ни къ одному изъ нихъ. У меня хорошій желудокъ, здоровые зубы, тонкія чувства, словомъ—стремленіе къ наслажденію и способность наслаждаться чисто греческія; но также есть и свойства необходимыя для упражненія въ специфическихъ добродѣтеляхъ назарянъ—сносливость и довольство малымъ. Я обладаю неоцѣненнымъ талантомъ верблюда долго выносить жажду, не теряя силы и мужества; даже напротивъ—у меня лишенія только усиливаютъ аппетитъ и приправляютъ будущій напитокъ. Когда я пробѣгу безплодную пустыню—какъ напримѣръ теперь—вѣтви мимозы и листья пальмы начнутъ развѣваться надо мною и свѣжій источникъ изъ бутылки... т. е. я хотѣлъ сказать изъ скалы... забрыжжетъ и запѣнится какъ теперь,—тогда я нагибаю свою верблюжью голову и пью, пью, пью и благословляю пыльную, знойную пустыню, которая довела меня до этой божественной жажды.

И Тиммъ залпомъ выпилъ стаканъ шампанскаго, съ поспѣшностью путешественника, у котораго совершенно засохло въ горлѣ.

Освальдъ смотрѣлъ на своего собесѣдника съ чувствомъ завистливаго удовольствія, какъ мы смотримъ на человѣка, перепрыгнувшаго черезъ ровъ, который намъ казался слишкомъ широкъ. Какъ рѣзво и смѣло, и при всей смѣлости и рѣзвости, какъ тонко и умно было это почти дѣтское лицо! какъ шла къ нему самонадѣянная усмѣшка! какъ быстро слетали слова съ красивыхъ губъ, точно мѣткія стрѣлы! Какое полнѣйшее пренебреженіе къ фразѣ, ко всей мишурѣ и лохмотьямъ, которыми льстецы и дураки прикрываютъ свою наготу, выказывалось во всѣхъ пріемахъ этого человѣка, въ манерѣ закидывать голову или выпускать дымъ сигары, или брать бутылку изо льда, трясти ее и ежеминутно

Digitized by Google

наполнять опоражниваемый стаканъ! Какъ легко несетъ этотъ человѣкъ тяжолое бремя жизни! Также легко какъ левъ перепрыгиваетъ съ похищенной добычей черезъ рвы и кустарники.

Въ эту минуту Освальдъ не имѣлъ никакого желанія бросить взглядъ въ бездонную пропасть эгоизма, скрывавшагося подъ волнами этого юмора. Ни время, ни мѣсто не были благопріятны для подобнаго нравственнаго анализа. Здѣсь, въ этомъ глубокомъ, тихомъ, полу-освѣщонномъ погребѣ онъ чувствовалъ себя за тысячу миль отъ всего земного. Онъ пришолъ сюда забыться и нашолъ желаемое. Лобъ его освѣжался по мѣрѣ того, какъ онъ по примѣру товарища осушалъ стаканъ за стаканомъ. Давно, давно уже не чувствовалъ онъ себя такъ легко, какъ въ эту минуту.

— Что-же касается до васъ, благородный рыцарь, продолжалъ Тиммъ, то вы грекъ, не всегда имѣющій средства быть грекомъ и лишонный верблюжей способности заносить въ счотъ будущаго то, чего вамъ недостаетъ въ настоящемъ. Вмѣсто этого вы разыгрываете назарянина и чувствуете себя какъ орелъ, которому обрѣзали крылья и когти и надѣли кольцо на лапу. Непрожитая сила кипитъ въ васъ и мѣшаетъ нормальному ходу вашей въ высшей степени склонной къ наслажденію природы. Уже не въ первый разъ я обращаю ваше вниманіе на это противорѣчіе въ вашей натурѣ. Вспомните, что я вамъ уже говорилъ въ Гренвицѣ. Вы ненавидите дворянъ, ненавидите богачей, ненавидите сильныхъ, потому что у васъ чешутся руки сдѣлаться дворяниномъ, богатымъ и сильнымъ. Подите вы съ своими нравственными бреднями о душевномъ благородствѣ, о сокровищахъ чистаго сердца, о силѣ истины! Все это ветошь для того, кто знаетъ цѣну настоящимъ жизненнымъ вещамъ. Ба! что выиграетъ цѣломудріемъ человѣкъ съ вашей молодостью, вашей любезностью, вашей смазливой рожицей—клянусь Богомъ, Освальдъ, вы чертовски красивы,—когда ему женщины сами бросаются на шею? что дѣлать съ бѣдностью человѣку, который, какъ вы, насквозь пропитанъ аристократическими наклонностями и тенденціями? Это просто смѣшно! Вы должны быть не бѣднымъ школьнымъ учителемъ, а бо-

Digitized by Google

гатѣйшимъ барономъ, какъ эти Гренвицы, съ которыми вы съ каждымъ днемъ получаете все болѣе разительное сходство. Тогда вы вдоволь насладились-бы жизнію и потомъ съ нѣкоторой основательностью могли-бы всадить себѣ пулю въ лобъ; тогда вы могли-бы жениться на прелестной Еленѣ, однимъ словомъ—могли-бы сдѣлать все, что хотите. Потому-то, повторю еще разъ: вамъ недостаетъ десяти тысячъ годоваго дохода. Желалъ-бы я вамъ его доставить. Право я сдѣлалъ-бы это во что-бы то ни стало!

— Я думаю, вы были-бы способны на это, Тиммъ!

— Почему-же и нѣтъ? Хоть-бы даже изъ любопытства, чтобы увидѣть какъ вы поступите въ этомъ случаѣ съ старыми товарищами.

— Увѣряю васъ, что поступилъ-бы съ богатствомъ, какъ поступалъ въ дѣтствѣ съ вишнями, которыя мнѣ дарили: я раздѣлилъ-бы его между друзьями.

Албертъ смотрѣлъ Освальду прямо въ глаза, когда тотъ говорилъ это съ раскраснѣвшимися щеками и взволнованнымъ голосомъ, и вдругъ сказалъ, какъ-бы очнувшись отъ сна:

— Я—презабавный малый, Освальдъ, невѣрующій какъ язычникъ и въ тоже время пропитанный предразсудками, какъ старая баба. Сидя здѣсь въ одиночку за устрицами, я думалъ: у меня случайно завелась въ карманѣ пара талеровъ, которые я охотно-бы пропилъ съ добрымъ пріятелемъ. При этомъ я, какъ Валленштейнъ въ извѣстномъ монологѣ, дошолъ до вопроса: кто изъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми я встрѣчаюсь здѣсь каждый вечеръ, честнѣе и лучше всѣхъ относится ко мнѣ? Пусть это будетъ тотъ, кто первый войдетъ въ комнату. Странно! совершенно противъ обыкновенія не пришолъ никто изъ старыхъ знакомыхъ! Вмѣсто нихъ явились вы, о которомъ я нимало не думалъ. Не знаю, Освальдъ, какъ вы думаете объ этомъ, и быть можетъ я оскорблю васъ моей просьбой, но я привыкъ говорить мы своимъ друзьямъ. Хотите быть со мною на ты?

— Отъ всего сердца! вскричалъ Освальдъ. Въ бутылкѣ будетъ еще по стакану вина.

Digitized by Google

— Никто не долженъ болѣе пить изъ того стакана, изъ котораго я пилъ съ тобою, Смоллисъ! вскричалъ Тиммъ и бросилъ стаканъ на полъ.

Освальдъ сдѣлалъ тоже; но звукъ разбитаго стекла рѣзко и непріятно раздался въ его ушахъ, какъ смѣхъ злорадостнаго демона.

Плѣшивый Людвигъ, дремавшій на другомъ концѣ комнаты за своимъ бюро, вскочилъ отъ этого шума и подбѣжалъ съ просонья, думая что его зовутъ.

— Какъ ты думаешь, Освальдъ? сказалъ Тиммъ,—не выпить-ли еще бутылочку. Мы вѣдь не скоро теперь сойдемся.

— Нѣтъ! сказалъ Освальдъ, довольно! у меня горитъ голова. А завтра нужно дѣлать визиты Гинцу и Кунцу. Сколько приходится на мою долю?

— Стой! вскричалъ Тиммъ, хватая за руку Освальда. Лудовикъ, если ты возьмешь хоть копѣйку отъ этого господина, я разобью эту бутылку объ твою лысую голову. Вотъ, возьми за все, что слѣдуетъ по нынѣшнему счоту и за всѣ прежніе вечера, а на то, что останется, совѣтую тебѣ купить парикъ, Людовико!

При этомъ Тиммъ вынулъ изъ значительной пачки банковыхъ билетовъ двадцати-пяти талеровый билетъ и отдалъ его кельнеру, который очевидно былъ поражонъ внезапнымъ богатствомъ своего всегда худо платившаго гостя. По крайней мѣрѣ онъ долго еще осклаблялся, послѣ того какъ Тиммъ безпечно положилъ въ карманъ остальныя деньги, надѣлъ на бекрень шляпу и ушолъ, напѣвая веселую пѣсенку.

Они вышли на улицу. Туманъ совершенно разсѣялся и луна ярко свѣтила на темномъ небѣ. Фонари были погашены и темнота перемѣшивалась съ яркими полосами свѣта въ узкихъ улицахъ съ остроконечными домами. Ночной сторожъ, стоявшій на углу съ допотопной трубою, прокричалъ полночь. Была совершенная тишина на улицахъ, по которымъ новые пріятели шли подъ руку, Освальдъ необыкновенно взволнованный и разгорячонный, а Албертъ такой бодрый и свѣжій, какъ будто пилъ одну воду въ грюнвальдскомъ маги-

Digitized by Google

стратскомъ погребѣ. Они говорили о членахъ ратуши и гимназіи, къ которымъ Освальду нужно было отправиться на слѣдующее утро, объ учительской карьерѣ Освальда вообще, которую Албертъ считалъ самымъ невѣроятнымъ планомъ, и такъ дошли до дверей гостинницы. Освальдъ пошолъ домой, а Албертъ, заложивъ руки въ карманы, отправился дальше по главной улицѣ. Вдругъ онъ остановился, какъ-бы въ раздумьѣ. Потомъ повернулъ въ сосѣднюю улицу и исчезъ въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ, между увѣчными домами, наружность которыхъ была не лучше славы, шедшей въ солидной части Грюнвальда о всемъ этомъ кварталѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Квартира директора гимназіи, доктора Морица Клеменсъ, сіяла въ этотъ вечеръ необыкновеннымъ блескомъ. Нетолько «въ хорошей комнатѣ» и вообще жилыхъ покояхъ были сняты чахлы съ дивановъ, креселъ и подушекъ, и все это великолѣпіе освѣщено двумя лампами и дюжиной стеариновыхъ свѣчъ, но даже кабинетъ хозяина и спальни его дочерей обращены были въ залы, очищены отъ домашней мебели и также освѣщены лампой и шестью свѣчами. По всему дому распространялся ароматъ, который получается, если насыпать нѣсколько курительнаго порошка на горячую печную вьюшку. Ужъ одинъ этотъ запахъ придаетъ духу каждаго порядочнаго человѣка торжественное настроеніе.

Семейство Клеменсъ уже въ праздничномъ туалетѣ и ожидаетъ гостей. Семейство это состоитъ изъ отца, матери и двухъ взрослыхъ дочерей. Директоръ Клеменсъ—мужчина лѣтъ пятидесяти, очевидно былъ очень красивъ въ молодости, да и теперь еще отличается весьма пріятною наружностью. Онъ носитъ довольно длинные, нѣсколько вьющіеся волосы и отворачиваетъ воротникъ рубашки на галстухъ, а

Digitized by Google

la Byron, что̀, въ соединеніи съ его слишкомъ мягкими чертами лица, придаетъ ему идеальный (чтобы не сказать женоподобный) характеръ. Онъ знаетъ какое впечатлѣніе производитъ его наружность и всѣми силами старается его усилить. Рѣчь его дышетъ кротостью; голосъ кроткій, манеры кроткія. «Мое имя Клеменсъ и я стараюсь оправдать это имя», скромно говоритъ онъ, если кто-нибудь разсыпается въ похвалахъ его «полнѣйшей гуманности.» «Гуманность» его второе слово. Учоному міру́ онъ извѣстенъ своимъ морально-философскимъ произведеніемъ: «Возвышеніе человѣка до истинной гуманности,» а большинству публики драматическимъ сочиненіемъ: «Іоаннъ на Патмосѣ,» которое вышло уже вторымъ изданіемъ въ Грюнвальдской университетской книжной лавкѣ и носитъ эпиграфъ: Homo sum, nihil humani mihi allienum puto.

Супруга директора Клеменсъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, представляетъ совершеннѣйшую противоположность съ своимъ сожителемъ. Она отличается огромнымъ ростомъ и соотвѣтственной полнотою. Черты лица ея крупны и массивны; говоритъ она только что не басомъ, а движенія напоминаютъ качку карабля въ бурную погоду. Впрочемъ она дѣйствительно дочь пароходнаго капитана и въ ранней юности два раза плавала съ отцомъ въ Ост-Индію. Довольно непонятно, какъ эстетическій супругъ, восхищающійся Гогартовскими line of beauty, сдѣлалъ именно этотъ выборъ, и объясняется развѣ только тѣмъ тайнымъ сродствомъ, которое влечетъ строгое къ нѣжному и сильное къ кроткому. Впрочемъ при болѣе подробномъ наблюденіи разница между ихъ характерами кажется уже не такъ велика. Супругу удалось окрылить нѣсколько тяжеловѣсную психею своей супруги. Онъ столько натолковалъ ей объ истинной гуманности, что она твердо рѣшилась быть эстетичной несмотря на колоссальную фигуру, и образованной несмотря на весьма недостаточное образованіе. Она читаетъ много, хоть можетъ быть и не все понимаетъ, и считается представительницей «драматическаго кружка,» хотя еще не успѣла вполнѣ уяснить себѣ правила объ употребленіи винительнаго и дательнаго.

Барышнямъ Клеменсъ, одной девятнадцать, другой во-

Digitized by Google

семнадцать лѣтъ и имена у нихъ прелестныя—Туснельда и Фредегунда. Фредегунда болѣе похожа на мать, Туснельда на отца. Различіе характеровъ, почти сгладившееся у родителей общимъ стремленіемъ къ гуманности, гораздо замѣтнѣе у дочерей. Онѣ часто ссорятся; постоянно имѣютъ различные взгляды и сходятся только на томъ, что обѣ чрезвычайно высокаго мнѣнія о самихъ себѣ.

— Наши любезные гости что-то слишкомъ заставляютъ себя ждать, говоритъ директоръ, въ двѣнадцатый разъ взглядывая на часы впродолженіе послѣднихъ двѣнадцати минутъ и въ нервномъ волненіи расхаживая по комнатѣ.

— Не понимаю чего они такъ копаются! говоритъ директорша, опускаясь на минуту на диванъ и вытирая платкомъ свой вспотѣвшій лобъ. Я кажется очень понятно просила доктора Штейна быть здѣсь раньше семи часовъ, потому что мнѣ нужно еще разъ просмотрѣть съ нимъ его роль.

— Будетъ-ли онъ въ состояніи прочесть главную сцену? говоритъ фрейлейнъ Туснельда, поправляя передъ зеркаломъ свой головной уборъ.

— Ты думаешь, что одинъ только твой Виммеръ хорошо читаетъ, отвѣчаетъ изъ другой комнаты фрейлейнъ Фредегунда, также осматривающая свой туалетъ.

— По крайней мѣрѣ онъ читаетъ не хуже Брейтфуса, возражаетъ запальчиво Туснельда.

— Ну, дѣти, не поссорьтесь пожалуйста! говоритъ успокоительно мать.

— Фредегунда не можетъ не подразнить! говоритъ Туснельда.

— А ты всегда суешься съ своими высокими стремленіями! говоритъ Фредегунда, появляясь въ дверяхъ.

— Бога ради, дѣти, прошу васъ, успокойтесь! восклицаетъ тревожно директоръ Клеменсъ и съ мольбою складываетъ руки,—я слышу, что кто-то подъѣхалъ.

Дѣйствительно служанка отворила дверь и появились: господинъ профессоръ Снелліусъ, госпожа профессорша Снелліусъ и фрейлейнъ Ида Снелліусъ.

Нарушенный домашній миръ тотчасъ возстановился въ

Digitized by Google

семействѣ Клеменсъ. Гостей принимаютъ съ радушіемъ людей, выработавшихъ въ себѣ совершеннѣйшую гуманность.

Профессоръ Снелліусъ, онъ-же и конректоръ, мужчина лѣтъ около сорока, также какъ и директоръ Клеменсъ стремится къ идеальному, только еще энергичнѣе, чему наружность его способствуетъ еще сильнѣе, чѣмъ даже наружность директора Клеменса. Красота директора Клеменсъ имѣетъ нѣсколько неопредѣленный характеръ, въ чистыхъ же чертахъ профессора Снелліуса характеръ этотъ отпечатывается со всею ясностью. Самый заклятой врагъ не можетъ не согласиться, что профессоръ Снелліусъ имѣетъ значительное сходство съ своимъ любимымъ поэтомъ Шиллеромъ. Тотъ-же смѣло вздернутый носъ съ такой глубоко-элегической чертой около ноздрей, таже строгость, таже возвышенность, таже высокая фигура, только сообразно съ требованіями времени не въ идеальномъ костюмѣ, а въ простомъ чорномъ фракѣ, безукоризненная чистота котораго соперничаетъ съ снѣжной бѣлизною нѣсколько туго накрахмаленнаго галстуха. Профессоръ Снелліусъ педагогъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Учоность его просто невообразима. Онъ преподаетъ всѣ новѣйшіе языки, потомъ латинскій, греческій, еврейскій, санскритскій и находитъ время въ свободные часы заниматься даже китайскимъ. Онъ восторженно преданъ юношеству и своему педагогическому призванію. Свои взгляды на эту важную задачу и намѣреніе разрѣшить ее цѣлесообразно онъ изложилъ въ объемистомъ сочиненіи: «Исторія воспитанія у западно-азіатскихъ народовъ до времени Рамзая Великаго». Эпиграфъ къ этому сочиненію и въ тоже время любимое изрѣченіе профессора Снелліуса: «Борись и побѣдишь!» Профессоръ Снелліусъ серьозно относится къ жизни и разгорячается только тогда, когда зайдетъ рѣчь о недостаткѣ идеальнаго стремленія въ его ученикахъ или вообще о какомъ-нибудь особенно близкомъ ему предметѣ.

Профессорша Снелліусъ—маленькая женщина, могла-бы быть совершенно незначительной, если-бы не имѣла столь значительно-учонаго супруга. Фрейлейнъ Ида Снелліусъ удивительно высокая и удивительно неловкая шестнадцатилѣт-

Digitized by Google

няя дѣвица, чрезвычайно похожая на отца. О ней ходитъ молва, будто она уже наслѣдовала нѣкоторую долю отцовской учоности. Она охотно разговариваетъ съ *образованными* мужчинами (съ другими-же не разговариваетъ вовсе) о сравнительной филологіи, о Вильгельмѣ Гумбольтѣ и о томъ, что прочла двѣнадцать томовъ знаменитаго сочиненія своего родителя. Впрочемъ послѣднее показаніе такъ необыкновенно, что позволительно и усомниться въ его истинности.

Продолжительный селамъ между хозяевами и гостями не дошолъ еще и до половины, какъ дверь вторично отворилась и пропустила доктора Кюбеля съ супругой и дочерью. За ними послѣдовали докторъ Виммеръ и Брейтфусъ. Докторъ Кюбель—ординарный профессоръ и такой кругленькій и веселый человѣчекъ, съ постоянно гладко выбритымъ подбородкомъ и бѣлыми руками, какихъ уже не производитъ болѣе наше время и которые благополучно процвѣтали въ гимназіяхъ въ періодъ отъ Вѣнскаго конгресса до конца сороковыхъ годовъ. Голосъ его громокъ и пискливъ и напоминаетъ (какъ и вся его фигура) невинныхъ обитателей болотъ. Учоность его не особенно обширна. Насмѣшники утверждаютъ, будто единственная его заслуга какъ филолога состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ очень хорошенькую дочь. Марія Кюбель дѣйствительно прехорошенькая, черноглазая, веселая дѣвушка, къ которой чувствуютъ полнѣйшее презрѣніе дѣвицы Клеменсъ и Снелліусъ,—первыя за то, что она не имѣетъ нималѣйшаго понятія о драматической декламаціи, а вторая за то, что она разъ какъ-то смѣшала Александра Гумбольта съ Вильгельмомъ. Въ этотъ вечеръ она еще сильнѣе расшевелила гнѣвъ Туснельды и Фредегунды тѣмъ, что пріѣхала въ одно время съ Виммеромъ и Брейтфусомъ и имѣла ихъ такъ сказать въ своей свитѣ. Туснельда и Фредегунда привыкли всегда исключительно пользоваться любезностью упомянутыхъ господъ, на что имѣли нѣкоторое право, ибо г-нъ Виммеръ уже съ полгода носитъ на сердцѣ локонъ Туснельды (который въ сентементальныя минуты показываетъ лучшимъ изъ друзей, угрожая въ случаѣ измѣны своей полнѣйшей немилостью); а г-нъ Брейтфусъ проигралъ уже нѣсколько дюжинъ «Vielliebchen» (и даже гово-

Digitized by Google

рятъ свое сердце) фрейлейнъ Фредегундѣ со времени своего шестимѣсячнаго пребыванія въ гимназіи. Докторъ Виммеръ — стройный юноша средняго роста; его умѣнье ладить съ дамами вошло въ пословицу между товарищами и онъ (можетъ быть вслѣдствіе многихъ нѣжныхъ отношеній, на которыя часто таинственно намекаетъ) находится въ постоянномъ нервномъ возбужденіи. Докторъ Брейтфусъ—господинъ, котораго легко можно принять за мясника, если не знаешь его настоящаго званія. Неуклюжія руки и ноги этого господина служатъ постоянной цѣлью для насмѣшекъ товарищей.

— Ну вотъ—кружокъ нашъ и собрался! сказалъ директоръ Клеменсъ, кротко потирая руки и самымъ нѣжнымъ голосомъ,—не достаетъ только нашихъ любезныхъ гостей.

— Нашихъ гостей, любезный коллега? замѣчаетъ профессоръ Снелліусъ. А я думалъ, что дѣло идетъ только о singularis отъ hospes.

— Minime! отвѣчаетъ съ улыбкой директоръ. Милостивыя государыни и господа, сегодня вечеромъ я приготовилъ вамъ двойной и даже тройной сюрпризъ. Кромѣ нашего новаго собрата Штейна, будутъ еще два гостя, отъ которыхъ я ожидаю многаго для нашего кружка. Отгадайте кто это можетъ быть?

— Но, Морицъ, вѣдь это долженъ быть сюрпризъ! говоритъ директорша тономъ упрека.

— Я думаю, моя милая, что лучше приготовить членовъ нашего кружка. Вѣдь мы желаемъ видѣть у себя упомянутыхъ гостей не только сегодня вечеромъ, но и сдѣлать ихъ постоянными посѣтителями; а вѣдь по статутамъ, которые ты сама предложила, мы должны получить на это согласіе всего общества.

— Кто-же это, г-нъ директоръ? спрашиваетъ Виммеръ. Вы просто насъ пытаете!

— Господинъ, имя котораго извѣстно въ ученомъ мірѣ, и дама, которая особенно заинтересуетъ васъ, какъ лирическаго поэта, коллега Виммеръ.

— Дама? восклицаетъ Виммеръ, проводя рукою по своимъ роскошнымъ и тщательно причесаннымъ волосамъ (со-

Digitized by Google

ставляющимъ его красу и гордость) и за такое несвоевременное волненіе встрѣчаетъ карающій взглядъ той, чей локонъ носитъ на сердцѣ.

— Дама, любезный коллега, чрезвычайчо замѣчательный лирическій талантъ.

— Вѣроятно Примула... я хотѣлъ сказать профессорша Эгеръ!

— Вѣрно угадали; авторъ «Васильковъ» и коментаторъ отрывковъ «Хризофилоса» дадутъ сегодня первое представленіе, которое вѣроятно поведетъ къ продолжительному ангажементу,—сказалъ директоръ Клеменсъ съ своей кроткой улыбкой.

Продолжительное всеобщее: а! выражаетъ интересъ, возбужденный въ обществѣ этимъ извѣстіемъ.

— У меня была еще причина именно сегодня пригласить Эгера, продолжалъ директоръ,—это, если хотите, порывъ гуманности въ пользу нашего новаго сотоварища Штейна. Онъ совсѣмъ посторонній въ нашемъ кружкѣ и ктому же кажется очень застѣнчивъ, не привыкъ вращаться въ большихъ кругахъ. Ну, и сегодня онъ самъ говорилъ мнѣ, что Эгеры его старые знакомые — я полагаю еще со времени его учительскихъ занятій, — и онъ вѣроятно будетъ радъ встрѣтить въ числѣ столькихъ полу-знакомыхъ или даже вовсе незнакомыхъ лицъ—своихъ прежнихъ пріятелей.

— Эта нѣжная внимательность дѣлаетъ вамъ честь, коллега, говоритъ профессоръ Снелліусъ, пожимая руку директору; причемъ элегическая черта вокругъ ноздрей обозначается яснѣе.

— Вѣдь роли кажется всѣ розданы? спрашиваетъ Виммеръ, которому досталось читать Макса и онъ тѣмъ болѣе боится перемѣны, что его возлюбленная Туснельда читаетъ Теклу, а самъ онъ употребилъ ровно четыре недѣли на изученіе своей роли.

— Я отдала доктору Шнейну роль шведскаго капитана, которая была еще не занята! объявила директорша Клеменсъ тономъ человѣка не привыкшаго къ возраженіямъ. Это премиленькая роль и въ ней онъ покажетъ, умѣетъ-ли читать или нѣтъ. Конечно я охотно просмотрѣла-бы ее съ нимъ заранѣе, но теперь пусть отдѣлывается какъ знаетъ. А Эге-

Digitized by Google

рамъ я оставила роли Деверукса и Макдональда, которыя тоже были не заняты.

— Но, почтеннѣйшая фрау-директоръ, пропищалъ докторъ Кюбель, совершенно-ли идутъ эти роли нашимъ дебютантамъ?

— А почему-же нѣтъ, любезный докторъ? спрашиваетъ директорша, нетерпѣливо наморщивая лобъ.

— Я думаю, имъ будетъ несовсѣмъ пріятно явиться въ первый разъ между нами въ роляхъ убійцъ?

Директорша, лобъ которой еще сильнѣе наморщился при этихъ словахъ шутливаго собрата, хотѣла было отвѣтить, но въ эту минуту дверь растворилась и въ комнату вошли профессоръ и профессорша Эгеръ.

Въ этой достойной четѣ произошла нѣкоторая перемѣна съ тѣхъ поръ какъ она покинула «низкую кровлю» и «уединенныя поля». Перемѣна эта, незамѣтная на первый разъ, изобличалась нѣкоторыми характеристическими симптомами при болѣе внимательномъ наблюденіи. Профессоръ Эгеръ слишкомъ хорошо знаетъ, какъ полезна была пастору Эгеру маска смиренія и скромности, чтобы совсѣмъ снять ее теперь, когда онъ еще только на половину достигъ своей честолюбивой цѣли,—онъ только приподнялъ ее и, для имѣющаго глаза чтобы видѣть, по временамъ очень ясно просвѣчиваетъ его настоящее лицо. Тоже явленіе, только въ болѣе ребяческой и глуповатой формѣ представляетъ и профессорша Эгеръ.

Авторша «Васильковъ» имѣла видъ человѣка, каждую минуту ожидающаго самыхъ восторженныхъ похвалъ, но твердо рѣшившагося пренебречь ими. Если видъ профессора Эгера напоминаетъ объ извѣстномъ волкѣ въ овечьей шкурѣ, если въ его присутствіи каждой чувствуетъ себя какъ-то неловко, то видъ его жены напоминаетъ извѣстную ворону, захотѣвшую сдѣлаться птицей Юпитера, и въ ея присутствіи трудно сохранить серьозность. Наружность ихъ измѣнилась немного. Коментаторъ «Хризофилоса» замѣнилъ только золотыми прежніе очки въ роговой оправѣ, а Примула воткнула въ свои свѣтлые волоса два искуственныхъ изображенія тѣхъ голубыхъ цвѣтовъ, которые послужили заглавіемъ для ея

Digitized by Google

стихотвореній. У обоихъ въ рукахъ было по экземпляру «Валленштейна», а въ манерѣ чувствовалась увѣренность въ побѣдѣ, которую они одержатъ съ помощію своего декламаторскаго искусства.

Такъ вступили они въ гостиную, исполненныя радостныхъ надеждъ и предчувствій; хозяева привѣтствовали ихъ названіемъ «дорогихъ гостей» и началось представленіе тѣхъ молодыхъ людей, которые были имъ еще незнакомы. Это первое большое собраніе, въ которое они попали послѣ тріумфальнаго возвращенія въ Грюнвальдъ. Директоръ гимназіи Клеменсъ извѣстенъ тѣмъ, что собираетъ у себя болѣе умныхъ людей, чѣмъ даже любой профессоръ университета, развѣ за исключеніемъ тайнаго совѣтника Робрана, но и у того собирается замѣчательно мало поэтическихъ дарованій. Профессоръ Эгеръ и его супруга рѣшили, что этотъ кругъ скоро будетъ составлять только оболочку для блистательнѣйшаго зерна ихъ несомнѣннаго превосходства.

— А, мой достойнѣйшій другъ! восклицаетъ Эгеръ, пожимая жирныя ручки доктора Кюбеля, у котораго самъ когда-то учился; какъ-же я радъ, мой почтеннѣйшій учитель, что вижу васъ въ такомъ добромъ здоровьи! Право, о васъ можно сказать тоже, что Валленштейнъ говоритъ о самомъ себѣ: что надъ вашими темными волосами быстрые годы прошли безслѣдно. Да, да! Mens sana in corpore sano — это я прежде слыхалъ отъ васъ-же и вы приложили къ дѣлу то, чему учили. Господинъ докторъ Виммеръ, чрезвычайно радъ познакомиться съ вами; вы уже давно дороги мнѣ и моей женѣ вашими прелестными «Колокольчиками». Позвольте мнѣ представить васъ моей Густавѣ; я желалъ-бы соединить въ одинъ букетъ «Васильки» и «Колокольчики», ха, ха, ха!—Господинъ докторъ Брейтфусъ, я совершенно счастливъ, что имѣлъ честь встрѣтиться съ такимъ извѣстнымъ молодымъ ученымъ. Ваша превосходная монографія о Гераклитѣ Темномъ оказала мнѣ существеннѣйшія услуги при изученіи моихъ отрывковъ. Душевно радъ, что могу наконецъ лично выразить вамъ свою признательность.

Пока профессоръ Эгеръ, подобно змѣѣ, извивается въ кругу мужчинъ, Примула съ легкостью Сильфиды порхаетъ

Digitized by Google

въ кругу дамъ. У ней, какъ у Mädchen aus der Fremde, есть даръ для каждаго. Пожилымъ дамамъ она говоритъ любезности; Туснельдѣ и Фредегундѣ завидуетъ, что у нихъ такія «глубокопоэтическія» имена; Иду Снелліусъ поздравляетъ съ успѣхомъ въ португальскомъ языкѣ, а Мари Кюбель треплетъ по розовой щочкѣ и называетъ «милымъ ребенкомъ».

— Однако нашъ собратъ что-то ужъ слишкомъ запаздываетъ, говоритъ директоръ, взглядывая на часы. Я думаю, Августа, можно-бы подавать чай.

— Кого это вы еще ожидаете, достолюбезнѣйшій? спрашиваетъ пасторъ Эгеръ.

— Чья нога еще не переступала этого порога? спрашиваетъ Примула, переполненная воспоминаніями изъ Валленштейна.

Но въ ту минуту, какъ хозяинъ и хозяйка открыли ротъ для отвѣта, отворилась дверь и въ ней появилась высокая фигура Освальда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Появленіе запоздавшаго гостя въ довольно уже давно собравшемся обществѣ всегда производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, если этого появленія ждали. Освальдъ былъ совершенно чужимъ въ этомъ кругу. До сихъ поръ онъ встрѣчался только съ директоромъ и то по дѣлу. Прочихъ мужчинъ и дамъ онъ частью встрѣчалъ во время своего перваго пребыванія въ Грюнвальдѣ, но не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія. Въ самый этотъ день, дѣлая визиты, онъ засталъ дома одно только семейство Кюбель. Мужчины нетерпѣливо ожидали увидѣть новаго собрата; пожилыя дамы — молодаго человѣка, который можетъ пожалуй сдѣлаться ихъ зятемъ; молодыя дѣвушки горѣли нетерпѣніемъ

Digitized by Google

увидѣть, оцѣнить и раскритиковать новое пріобрѣтеніе для своихъ вечернихъ собраній. Вслѣдствіе всего этого, при его появленіи наступила пауза въ разговорѣ и всѣ глаза обратились на дверь.

Освальдъ невозмутимо прошолъ къ директоршѣ подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ, поцѣловалъ у ней руку, извинился что опоздалъ и попросилъ представить его тѣмъ дамамъ, которыхъ онъ еще не имѣетъ счастія знать. Когда эта церемонія была выполнена по всѣмъ правиламъ, онъ обратился къ директору съ просьбой представить его и мужчинамъ; потомъ опять сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ хозяйкѣ и наконецъ завелъ разговоръ съ Примулой, который поэтесса поддерживала съ особеннымъ усердіемъ. Примула съ перваго раза дала мѣсту Освальду въ своемъ поэтическомъ сердцѣ «за его рыцарскую, вполнѣ романическую наружность», и всѣ предостереженія дальновиднаго супруга не въ состояніи были удержать потокъ ея дружескихъ стремленій. Въ деревнѣ ей все-таки нужно было соблюдать нѣкоторую осторожность и даже отступиться отъ сверженнаго идола; но она дала себѣ слово, какъ только ея связанная Психея опять получитъ возможность свободнаго паренія, немедленно послѣдовать влеченію своего сердца. Теперь настала эта минута; она дружески привѣтствовала Освальда, который сдѣлался въ ея глазахъ еще интереснѣе «вслѣдствіе въ высшей степени романической катастрофы въ замкѣ Гренвицѣ». Однакожъ Освальдъ, рѣшившійся по возможности пріобрѣсть расположеніе всего дамскаго общества, не долго остался съ поэтессой. Онъ серьозно разсуждалъ со старухами, шутилъ съ молодыми и по прошествіи первой четверти часа очевидно достигъ желаемой цѣли.

Между тѣмъ мужчины, собравшіеся вокругъ профессора Эгера, зорко наблюдали за нимъ. Коментаторъ «Хризофилоса» ненавидѣлъ Освальда такъ сказать прочной, живучей ненавистью. Освальдъ никогда не оказывалъ этому тщеславному человѣку того вниманія, на которое тотъ претендовалъ, а въ послѣднее время въ Гренвицѣ даже вовсе не скрывалъ своего пренебреженія. Профессоръ Эгеръ не забылъ обидъ нанесенныхъ пастору Эгеру и ждалъ только удобнаго

Digitized by Google

случая излить запасъ давно накопившейся ненависти. Впрочемъ онъ былъ слишкомъ хитеръ и труслив, чтобы прямо отвѣчать на вопросы, съ которыми обращались къ нему члены гимназіи, какъ къ человѣку «коротко знакомому съ Штейномъ». Онъ довольствовался таинственными намеками, какъ напр: «Это молодой человѣкъ, о которомъ многое можно сказать... вы сами узнаете его, господа; — надѣюсь, что онъ нѣсколько поуходился... гм! гм! вѣдь вы знаете, что онъ ученикъ Бергера. Ну, Бергеръ былъ человѣкъ замѣчательный, блестящій умъ; но теперь онъ сидитъ въ заведеніи умалишонныхъ въ Фихтенау и выходитъ на повѣрку, что не все золото, что блеститъ... гм! гм!» Подобныя слова пали ядовитой росой на невинныя сердца членовъ гимназіи.

— Еслибъ мы раньше знали все это, коллега! шепнулъ директоръ Клеменсъ профессору Снелліусу.

Профессоръ Снелліусъ пожалъ плечами и возразилъ: «Я сильно расчитываю на наше вліяніе. Встрѣча съ истинно образованными, учоными...

— Истинно-гуманными, подсказалъ директоръ.

— Истинно-гуманными людьми, продолжалъ проректоръ, самое лучшее средство для пріобрѣтенія истиннаго образованія и учоности.

— И гуманности, пополнилъ директоръ.

— Что вы думаете о нашемъ новомъ товарищѣ, Виммеръ? спросилъ Брейтфусъ, съ неудовольствіемъ подмѣтившій какъ весело болтаетъ и хохочетъ съ Освальдомъ Фредекунда Клеменсъ, обыкновенно отличающаяся нѣкоторой строгостью.

— Я думаю, что у этого господина престранная манера наклоняться къ сидящимъ дамамъ. Боюсь, что никогда не буду въ состояніи коротко съ нимъ сойтись.

— Чортъ возьми, это ужъ слишкомъ! вскричалъ Брейтрусъ и отправился съ намѣреніемъ помѣшать разговору Фредегунды съ Освальдомъ, но по дорогѣ струсилъ и чтобы замаскировать неудавшуюся попытку, взялъ чашку чаю у проходившей мимо горничной и остался посреди комнаты живымъ изображеніемъ совершенной безвыходности.

Digitized by Google

Изъ этого непріятнаго положенія вывелъ его вопросъ директорши цѣлому обществу: не начать-ли теперь чтенія «Валленштейна», составляющаго настоящую цѣль собранія, и не перейти-ли для этого въ сосѣднюю комнату?

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Мужчины схватились за книги, которыя положили при входѣ на шкапы и окна. Дамы вынули свои экземпляры изъ рабочихъ мѣшковъ. Профессоршѣ Эгеръ не нужно было долго отыскивать книги; она была все время у ней въ рукахъ. Легкій румянецъ лихорадочнаго ожиданія разлился по ея поблекшимъ чертамъ, водянистые глазки устремились съ выраженіемъ вдохновенія на Освальда, который предложилъ ей руку, чтобъ идти въ сосѣднюю комнату.

— Какой-же ролью вы усладите нашъ слухъ, госпожа профессорша? спросилъ Освальдъ; но что я? Въ Валленштейнѣ есть только одна роль для васъ, а въ нашемъ обществѣ только одна личность для этой роли—вы.

— Насмѣшникъ! сказала поэтесса, нѣжно ударяя его по рукѣ книгой,—какое-же преимущество я имѣю передъ другими?

— Но, госпожа профессорша, вѣдь нельзя-же не согласиться, что самый поэтическій характеръ въ пьесѣ долженъ быть представляемъ и самой поэтической личностью въ обществѣ; безспорно также и то, кто эта поэтическая личность.

— Ну, кто-же? спросила сладкимъ голосомъ Примула, въ пріятномъ ожиданіи поднимая глаза на Освальда.

— Позвольте мнѣ на минуту вашъ экземпляръ. Благодарю васъ. Я вижу тутъ замѣтку. Посмотримъ, на что она указываетъ. «Выходъ третій. Сцена первая. Графиня Терцкая, Текла, дѣвица Нейбрунъ. *Текла* подчеркнуто. Благодарю васъ, Текла!

— О, это случай! вскричала вспыхнувшая поэтесса, опять прижимая къ своей цѣломудренной груди книгу, которую Освальдъ возвратилъ ей съ ироническимъ поклономъ.— Клянусь вамъ всѣми девятью музами, что это только случай!

— А я клянусь вамъ самимъ Аполлономъ и всѣми остальными олимпійцами въ придачу, что не вѣрю въ случай,

Digitized by Google

развѣ только въ такой счастливый, который свелъ меня сегодня противъ всякаго ожиданія съ старой пріятельницей—вѣдь я могу назвать васъ этимъ именемъ?

— Можете-ли? вскричала поэтесса, нѣжно прижимая къ себѣ руку Освальда. О, повѣрьте мнѣ, Штейнъ, я была вашимъ другомъ съ той самой минуты, какъ вы переступили за нашъ низкій порогъ; я всегда защищала васъ, когда прозаическія души, неспособныя уважать высокаго и прекраснаго...

Примула должна была сдержать потокъ нѣжныхъ увѣреній, такъ легко вызванныхъ плоской лестью Освальда,—потомучто вступила въ комнату, гдѣ общество уже сидѣло за столомъ покрытымъ бѣлой скатертью и освѣщоннымъ двумя лампами и двумя свѣчами. У верхняго конца стояла директорша Клеменсъ, основательница и руководительница «драматическаго кружка», озирала общество, какъ пастухъ свое стадо, указывала мѣста еще блуждающимъ членамъ,—причемъ ея могучія руки дѣлали болѣе сильные жесты, а громкій голосъ возвышался гораздо сильнѣе чѣмъ это было необходимо.

— Садитесь подлѣ Фредегунды, докторъ Брейтрусъ! Не угодно-ли вамъ сѣсть подлѣ моей дочери Туснельды, докторъ Штейнъ! Фрау профессоръ Эгеръ, я попрошу васъ сѣсть подлѣ профессора Снелліуса; а васъ, профессоръ Эгеръ, подлѣ госпожи Кюбель. Ну, вотъ теперь мы всѣ усѣлись!

Директорша схватила стоявшій передъ ней колокольчикъ и принялась звонить съ энергіей парламентскаго президента, которому нужно заглушить тысячи ревущихъ голосовъ. Когда абсолютная тишина, воцарившаяся въ обществѣ, уничтожила наконецъ всякій предлогъ къ такому энергическому напряженію силъ, директорша поставила колокольчикъ и схватилась за листъ, на которомъ, какъ на театральной афишѣ, выставлены были всѣ роли пьесы, съ обозначеніемъ лицъ, которымъ онѣ будутъ розданы въ обществѣ.

— Милостивыя государыни и господа! начала она, благосклонно взглядывая на обращенныя къ ней лица, вы знаете, что въ послѣднее засѣданіе со всеобщаго согласія рѣшено было выбрать для нынѣшняго вечера «Смерть Валлен-

Digitized by Google

штейна» Шиллера. Но такъ какъ къ сожалѣнію въ этой пьесѣ больше ролей, чѣмъ у насъ дѣйствующихъ лицъ, то я сочла себя вынужденной выпустить тѣ изъ нихъ, которыя показались мнѣ менѣе важными. Не смотря на это, нѣкоторыя роли остались-бы и теперь незамѣщонными, еслибы любезные гости не обрадовали насъ сегодня своимъ посѣщеніемъ и не дали мнѣ возможности, при ихъ любезномъ содѣйствіи, распредѣлить всѣ роли по моему желанію. Хотя бóльшей части собранія уже извѣстно назначеніе ролей, но для порядка, а всего болѣе ради нашихъ дорогихъ гостей, я еще разъ прочту афишу съ начала до конца. Слушайте, господа!

Директорша перевела духъ и начала посреди благоговѣйнаго молчанія общества:

Валленштейнъ	Директоръ Клеменсъ.
Октавіо Пикколомини	Профессоръ Снелліусъ.
Максъ Пикколомини	Докторъ Виммеръ.
Терцкій.	Фредегунда Клеменсъ.
Илло.	Докторъ Кюбель.
Буттлеръ	Докторъ Брейтфусъ.
Гордонъ.	Госпожа Кюбель.
Сени.	Ида Снелліусъ.
Герцогиня..	Госпожа Снелліусъ.
Графиня Терцкая	Моя ничтожная особа.
Текла . . . , ...	Туснельда Клеменсъ.
Дѣвица Нейбрунъ	Мари Кюбель.
Шведскій полковникъ	Докторъ Штейнъ.
Деверуксъ, Макдональдъ {капитаны арміи Валленштейна}	господинъ и госпожа Эгеръ.

Освальдъ, которому это оригинальное распредѣленіе доставило не малое удовольствіе, долженъ былъ закусить губы, чтобы не расхохотаться надъ жалкими минами Эгеровъ, когда они услыхали свои имена въ такой тѣсной связи съ убійцами героя. Профессоръ Эгеръ такъ низко опустилъ углы рта, какъ еще никогда не случалось видѣть Освальду, а Примула, побѣлѣвшая какъ кружевной воротничокъ на ея жолтомъ платьѣ, готова была залиться слезами.

Digitized by Google

Такъ вотъ то торжество, которое она обѣщала себѣ въ этотъ вечеръ! Это-ли гостепріимный домъ людей, которые такъ много хвастаютъ своей гуманностью? нѣтъ, что вертепъ кровожадныхъ троглодитовъ! Развѣ онъ не коментаторъ Хризофилоса, а она не знаменитая авторша «Васильковъ?» И какъ не вырвалось крика негодованія изъ груди всѣхъ, кто собственными ушами слышалъ это униженіе двухъ знаменитыхъ именъ въ наукѣ и искусствѣ?.....

Профессоръ и профессорша переглядывались черезъ столъ съ такими минами, на которыхъ внимательный наблюдатель могъ-бы прочесть эти и еще многіе подобные вопросы; потомъ обвели они взглядомъ весь кругъ, чтобы увидѣть какое впечатлѣніе произвело такое святотатство на присутствующихъ. Но по видимому никто не нашолъ ничего особеннаго въ этомъ поношеніи учоной и поэтической славы; никто, за исключеніемъ развѣ стараго, толстаго доктора Кюбеля, который отвѣчалъ на удивленно-вопросительный взглядъ профессора ласковой улыбкой, и Освальда, который въ знакъ участія пожалъ подъ столомъ руку сидѣвшей подлѣ него съ лѣвой стороны Примулы (съ правой, сосѣдкой его была Туснельда Клеменсъ). Изъ остальныхъ никто не обратилъ вниманія на страдальцевъ. Каждый былъ занятъ своей собственной ролью и мыслью о впечатлѣніи, которое произведетъ на окружающихъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала, который директорша подала съ той-же граціей и почти съ тѣмъ-же шумомъ, съ которыми въ звѣринцѣ учоный слонъ приглашаетъ обѣдать или ужинать обезьянъ и медвѣдей.

Директоръ Клеменсъ съ своей обычной кротостью замѣтилъ Идѣ Снелліусъ: «что скоро день, и Марсъ властвуетъ надъ этимъ часомъ»; на что сія дѣвица отвѣчала ему голосомъ едва слышнымъ,—отъ отдаленности-ли астронома или отъ застѣнчивости читательницы: «позволь мнѣ еще взглянуть на Венеру, вотъ она взошла и блеститъ на востокѣ какъ солнце».

Остальное вполнѣ соотвѣтствовало интересному началу и пьеса подверглась всѣмъ искаженіямъ, которыя обыкновенно претерпѣваютъ пьесы въ домашнихъ драматическихъ круж-

Digitized by Google

кахъ. Директоръ Клеменсъ сдѣлалъ изъ Валленштейна кроткаго члена миролюбиваго братства; профессоръ Снелліусъ обратилъ отъявленнаго проныру Октавіо въ деревяннаго педанта; докторъ Виммеръ провизжалъ и проревѣлъ благороднаго сына не-благороднаго отца такъ, что облилось-бы кровью всякое истинно чувствительное сердце; докторъ Кюбель повидимому принялъ Илло за прачку Камиссо, а докторъ Брейтфусъ вообразилъ скрытнаго Бутлера площаднымъ кулачнымъ бойцомъ. Графиня Терцкая, въ лицѣ директорши Клеменцъ, явилась кирасиромъ, а Текла, въ лицѣ ея дочери Туснельды, влюбленной швеей.

Прибавьте къ этому святое вдохновеніе, одушевлявшее всѣхъ и заставлявшее искать въ книгѣ своихъ ролей задолго до того, какъ наступала опять ихъ очередь; отсюда таинственный и совсѣмъ поэтическій шумъ листковъ; прибавьте еще то безкорыстіе, съ которымъ встрѣчались и оцѣнивались сильныя дарованія (напр. докторъ Виммеръ), и то смиреніе, съ которымъ менѣе яркіе таланты, напр. Мари Кюбель, выслушивали замѣчанія отъ директора Клеменсъ, который по статутамъ кружка имѣлъ право прервать чтеца и указать ему на ту или другую ошибку.

Освальдъ до того насмотрѣлся на это вавилонское столпотвореніе, на эти хлопоты мышей надъ ногой Геркулеса, что ему сдѣлалось противно, и даже видъ супруговъ Эгеръ не вызывалъ болѣе юмористической улыбки. А между тѣмъ это было очень смѣшно. Профессоръ сидѣлъ неподвижно согнувшись на своемъ креслѣ и такъ опустилъ углы рта, что онъ представлялъ видъ подковы, а зеленые глазки изъ за очковъ выглядывали на супругу, подругу въ страданіяхъ, участницу въ его позорѣ. Состояніе поэтессы было еще замѣчательнѣе, какъ и слѣдовало ожидать отъ такой эксцентрической натуры. Она то откидывалась на спинку кресла и поднимала взоры къ потолку, то наклонялась впередъ и сжимала руками увѣнчанную васильками голову; то улыбалась съ невыразимымъ презрѣніемъ; то зѣвала точно томимая невыносимой скукой. Освальду очень хотѣлось посмотрѣть, что она сдѣлаетъ, когда придетъ ея очередь; потомучто она еще

Digitized by Google

съ самаго начала прошептала ему въ лихорадочномъ волненіи: «я не читаю; будьте увѣрены, что я не стану читать!»

Однакожъ его любопытству не суждено было скоро удовлетвориться; потомучто какъ только въ концѣ третьяго акта докторъ Виммеръ изо всей мочи объявилъ себя: «готовымъ къ смерти», директорша Клеменсъ опять зазвонила и подала сигналъ продолжительнаго отдыха (по 25 § статутовъ, при чтеніи пятиактной драмы, обыкновенно послѣ третьяго, а при чтеніи четырехъактной, послѣ втораго акта, наступала пауза, во время которой подавалось вино и печенье).

Чтобы сообразоваться съ этимъ постановленіемъ, всѣ вышли въ сосѣднюю комнату въ возбужденномъ состояніи людей испытавшихъ высокое артистическое наслажденіе. Всѣ стояли или ходили по комнатѣ со стаканами въ рукахъ и разсуждали о пьесѣ и ея исполненіи. Всѣ были согласны, что Виммеръ на этотъ разъ, какъ и всегда, заслужилъ пальму первенства, а Мари Кюбель все еще говоритъ не довольно громко, хотя вообще сдѣлала большіе успѣхи. Мужчины взаимно выставляли себѣ балы и конечно получали лучшіе нумера. Дамы толковали о великолѣпной трагедіи, о божественномъ поэтѣ, о цѣломудренномъ благородствѣ стиха. Фрейлейнъ Ида Снелліусъ увѣряла, что Шиллеръ мѣстами напоминаетъ ей Эврипида, что повело общество къ разговору, въ которомъ слова: Софоклъ, Гете, Шиллеръ, Аристофанъ, Эсхилъ, Эврипидъ, Донъ-Карлосъ, Эдипъ, Валленштейнъ— посыпались какъ хлопья снѣгу.

Освальдъ хватился авторши «Васильковъ», которую потерялъ изъ вида съ самаго начала паузы. Онъ нашолъ ее въ оконной нишѣ второй гостиной (въ обыкновенные дни дѣвственной спальнѣ сестеръ Клеменсъ) шептавшуюся съ супругомъ. Онъ хотѣлъ скромно удалиться, чтобы не помѣшать tête-à-tèt'у, но Примула вскочила тотчасъ какъ его увидѣла, схватила его за руку и притащила въ нишу.

— Говорите тише, сказала Примула глухимъ голосомъ привидѣнія...

— Что случилось? спросилъ Освальдъ тѣмъ-же тономъ...

Вы должны сказать мнѣ, могу-ли я читать? простонала Примула. Эгеръ ни во что не считаетъ этотъ позоръ...

Digitized by Google

— Да нѣтъ-же, Густинька! прошепталъ профессоръ; я только желалъ-бы избѣжать сцены; подумай, Густинька, что скажутъ люди, если... о, я не смѣю и подумать объ этомъ!..

— Я готовъ согласиться съ мнѣніемъ г-на профессора, сказалъ Освальдъ,—я не вижу для васъ возможности спасенія, если ужъ вы попали въ этотъ львиный вертепъ...

— Я, авторъ Васильковъ, убійца, коварный разбойникъ! визжала Примула, ни зачто! ни зачто!..

— Разумѣется это ни на что не похоже! подтвердилъ Освальдъ,—но вѣдь и коментаторъ Хризофилоса въ такомъ-же положеніи, а вы видите: онъ съ достоинствомъ несетъ свое бремя!

Пожатіе руки тщеславнаго профессора наградило Освальда за эту лесть..

— О, вы мужчины не умѣете чувствовать оскорбленій! рыдала Примула. Ну, хорошо; я попробую, но если...

Звонъ президентскаго колокольчика не далъ Примулѣ окончить предложенія. Она пошла впередъ съ видомъ человѣка, принявшаго неизмѣнное рѣшеніе.

— Теперь скоро и ваша очередь, сказалъ Виммеръ Освальду. Не робѣйте только и читайте какъ можете. Если въ первый разъ и выйдетъ не совсѣмъ хорошо, то въ слѣдующій пойдетъ лучше; упражненіе доводитъ до мастерства...

— Которому я удивляюсь въ васъ, отвѣчалъ Освальдъ съ поклономъ...

— Ну, ну! сказалъ Виммеръ, самодовольно проводя рукой по волосамъ; могло-бы выйти и лучше...

Звонокъ замолкъ и Брейтфусъ (за полковника Буттлера) возвысилъ голосъ и крикнулъ такъ, что окна дрогнули:

«Онъ здѣсь! Самъ рокъ привелъ его сюда!» Ночь убійства въ Эгерскомъ замкѣ начала развиваться быстро. Освальдъ такъ занятъ былъ мыслью, что сдѣлаетъ Примула, волненіе которой все увеличивалось по мѣрѣ приближенія ужасной минуты, что безъ малѣйшаго біенія сердца принялъ извѣстіе дѣвицы Нейбрунъ и четыре строчки спустя, совершенно хладнокровно попросилъ у принцессы Теклы-Туснельды прощенія «за безразсудное слово»; даже могъ

Digitized by Google

пропустить безъ вниманія замѣчательный жаръ, съ которымъ фрейленъ Клеменсъ произнесла:

«Несчастный случай васъ
Изъ чуждаго мнѣ человѣка сдѣлалъ
Повѣреннымъ моей сердечной тайны».

А между тѣмъ у Виммера вся кровь прилила къ сердцу, а Фредегунда бросила при этомъ значительный взглядъ на своего доктора Брейтфуса. Освальдъ не обратилъ вниманія на молву, принесшую ему извѣстіе о смерти Макса, также и всѣ слѣдующія явленія прошли для него незамѣтно, пока наконецъ таинственная сѣть совершенно не затянулась надъ головой Валленштейна и мрачный Буттлеръ не началъ раздавать ролей убійцамъ. Уже майоръ Геральдинъ ушолъ съ своимъ кровавымъ порученіемъ и вотъ—наступила минута, когда завѣса разрывается и Деверуксъ съ Макдональдомъ являются передъ своимъ генераломъ.

— Что она сдѣлаетъ? думалъ Освальдъ, видя, что лицо мученицы то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. «Она не будетъ читать!..

Но Примула пересилила благородное негодованіе, собралась съ духомъ и сказала кроткимъ голосомъ святой, отдающейся въ руки палачей:

— «Мы *здѣсь*, генералъ»!..

Директоръ, которому показалось, что удареніе должно падать на *мы*, такъ какъ дѣйствующихъ лицъ двое, поправилъ, въ силу 73-го параграфа статутовъ:

«*Мы* здѣсь, генералъ!»

Это было ужъ слишкомъ. Слишкомъ туго натянутая струна порвалась; оскорбленная поэтесса встала, захлопнула книгу и сказала блѣдными губами:

— Весьма сожалѣю, если разстрою общество своимъ отказомъ читать; но такъ какъ я... не могу... читать роль, которую...»

Тутъ она не могла больше говорить и разразилась истерическимъ рыданіемъ.

Невинное общество какъ громомъ было поражено этимъ поступкомъ Примулы. Всѣ вскочили со стульевъ, столпились

Digitized by Google

вокругъ рыдающей поэтессы, спрашивали другъ у друга, что съ нею, а у профессора—часто-ли бываютъ такіе припадки съ его женой. Никто не подозрѣвалъ настоящей причины этого состоянія, которому мужчины старались помочь уговариваньемъ, а дамы о-де-колономъ. Но Примула не унималась. Черезъ нѣсколько минутъ она вскочила со стула, заявила рѣшительное намѣреніе идти домой и исчезла подъ руку съ супругомъ (который очень глупо смотрѣлъ во время сцены), даже ни съ кѣмъ не простившись.

Въ то время какъ общество, еще не опомнившееся отъ исчезновенія гостей, стояло въ дверяхъ, Освальду передали письмо отъ молодаго господина, «который ждетъ отвѣта внизу.»

Въ запискѣ было слѣдующее:

«Постарайся какъ-нибудь уйти. Я жду на улицѣ.

Твой Тиммъ.

Освальдъ не упустилъ такого удобнаго случая раздѣлаться съ обществомъ, которое становилось ему невыносимѣе съ каждой минутой, и объявилъ, что полученное извѣстіе принуждаетъ его какъ можно скорѣе вернуться домой. Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ.

— Слава Богу, что я избавился! крикнулъ онъ, взявъ подъ руку смѣющагося Тимма.

— Могу себѣ представить, какую пытку ты вынесъ, отвѣчалъ тотъ. Я ужъ подумалъ: надо спасти бѣднягу! Пойдемъ, выполощемъ добрымъ виномъ учоную пыль, которой ты наглотался.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Грюнвальдскій «Пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ» далеко не былъ исправительнымъ заведеніемъ для молодыхъ дѣвицъ, съ которыми не было ладу, какъ утверждали студенты и другіе насмѣшники въ городѣ, и содержательница

Digitized by Google

его, фрейлейнъ Беръ, прозванная медвѣдицей—Bärin, вовсе не походила на дракона въ юпкѣ. Конечно справедливо, что окна, выходившія на улицу, всегда бывали занавѣшены, а послѣ девяти часовъ уже не видно было огня во всемъ домѣ; что пансіонерокъ водили гулять всегда попарно, съ надзирательницей впереди и другой надзирательницей сзади; что ни одно письмо не получалось и не отсылалось безъ предварительной цензуры содержательницы; но эти и подобныя постановленія существуютъ почти во всѣхъ «пансіонахъ для благородныхъ дѣвицъ». Подъ именемъ «благородныхъ», слѣдуетъ разумѣть здѣсь дочерей городскихъ аристократовъ, потому что другія допускались какъ рѣдкое исключеніе. Дѣвицъ-же высшаго класса, родившихся и воспитанныхъ въ двойной свободѣ — деревенской жизни и общественнаго положенія, которыя въ двѣнадцать лѣтъ умѣютъ скакать на своихъ пони какъ любыя наѣздницы, а въ тринадцать знаютъ кодексъ свѣтскихъ приличій такъ, какъ другія дѣвушки къ своему счастію не выучатъ его въ цѣлую жизнь,—для которыхъ мужское общество единственно состоитъ изъ людей праздныхъ: юнкеровъ, офицеровъ и другихъ людей не весьма строгихъ нравовъ, у которыхъ вся кровь и всѣ нервы заражены наслѣдственной необузданностью и даже пороками — такихъ дѣвицъ и слѣдуетъ держать нѣсколько строже чѣмъ другихъ дочерей Евы, чтобы прирожденный и привитой произволъ не распустился прежде времени пышнымъ цвѣтомъ.

И такъ—фрейлейнъ Амалію Беръ, хранительницу этихъ драгоцѣнныхъ, но хрупкихъ товаровъ, не слѣдовало слишкомъ упрекать за строгость ея постановленій, равно какъ и за строгость взгляда ея можетъ быть нѣкогда прелестныхъ глазъ и за морщины на лбу, становившіяся съ каждымъ годомъ все рѣзче и многочисленнѣе. Она, какъ и бо́льшая часть людей, сдѣлалась тѣмъ чѣмъ была не по призванію, а по необходимости. Ей *слѣдовало* смотрѣть строго и имѣть морщины на лбу, какъ другимъ *слѣдуетъ* вѣчно улыбаться и имѣть лицо какъ можно глаже. Но авторитетъ величайшихъ психологовъ рѣшилъ, что можно улыбаться и быть негодяемъ, слѣдовательно почемуже съ лицомъ великаго

Digitized by Google

инквизитора не соединять чисто женственнаго, кроткаго, добраго сердца?

Фрейлейнъ Амалія Беръ была живымъ доказательствомъ этой возможности.

Фрейлейнъ Амалія Беръ пережила тяжкую жизнь. Она была бѣдной дочерью бѣднаго деревенскаго пастора и на четырнадцатомъ году вступила на тернистый путь воспитательницы въ благородномъ семействѣ. Она въ молодости была красива и потому подвергалась многимъ преслѣдованіямъ; но умомъ и ловкостью она изворачивалась изъ всѣхъ напастей, пока наконецъ до того не состарилась, что никому не приходило уже въ голову ее преслѣдовать. На собранныя тамъ и сямъ деньжонки она открыла свой пансіонъ и такимъ образомъ достигла нѣкоторой независимости. Ея всѣмъ извѣстная честность и многолѣтняя опытность на педагогическомъ поприщѣ внушили ей мысль завести пансіонъ, а прежнія сношенія съ многими значительными семействами ручались за его процвѣтаніе. Она держалась дворянъ, потому что дворяне ея держались, и отказывалась принимать пансіонерокъ другаго сословія, потому что съ вступленіемъ каждой изъ нихъ могло выбыть изъ ея заведенія полдюжины аристократокъ.

Впрочемъ она отступила отъ этого принципа, когда представился случай особенной важности. Это было по поводу Софи Робранъ. Тайный совѣтникъ былъ врачомъ въ пансіонѣ, и фрейлейнъ Беръ была многимъ ему обязана. Благороднымъ родителямъ впрочемъ самимъ было ясно, что Амалія Беръ не можетъ отказать овдовѣвшему тайному совѣтнику въ просьбѣ заступить года на два мѣсто матери для его Софи.

Насколько преувеличены были сказанія о драконскихъ наклонностяхъ Амаліи Беръ, видно уже изъ ея отношеній къ Софи Робранъ. Она была истинной матерью для сироты; она лелѣяла и охраняла ее отъ всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдъ не для того, чтобы честно заслужить свой гонорарій, не для славы своего заведенія, но потому что любила ее какъ свое дитя. Недоброжелатели утверждали даже, что она не столько воспитала, сколько избаловала Софи.

Digitized by Google

Дѣйствительно-же справедливо было то, что Софи могла позволять себѣ все, о чемъ и въ голову не приходило другимъ, даже Эмиліи фонъ-Брезенъ, бывшей въ то время въ пансіонѣ и считавшейся рѣшительно неисправимой. Софи могла напримѣръ, среди самой жаркой филиппики противъ какой-нибудь преступницы, совершившей самое страшное дѣло (на примѣръ прорѣзавшей дырки въ сторахъ, чтобы глядѣть на гуляющихъ) броситься содержательницѣ на шею и сказать: «ну кто-же такъ сердится, фрейлейнъ Мальхенъ!» Софи имѣла право свободно входить въ рабочій кабинетъ фрейлейнъ Амаліи, въ это таинственное святилище, гдѣ цензоровались и откуда отправлялись депеши къ родителямъ. Однимъ словомъ, Софи все позволялось!..

Эти отношенія ученицы и учительницы перешли въ дружбу, когда Софи вышла изъ пансіона и сдѣлалась полновластной хозяйкой въ домѣ отца. Амалія Беръ очень цѣнила здравый умъ Софи и не гнушалась спрашивать совѣта у такой молодой дѣвицы въ нѣкоторыхъ пансіонскихъ затрудненіяхъ; а главное—всегда слѣдовала этимъ совѣтамъ, которые милая дѣвушка давала со всей искренностью своей натуры, скорѣе шутя чѣмъ серьозно. Подобный случай вышелъ нѣсколько недѣль назадъ, когда баронеса Гренвицъ пожелала отдать еще разъ въ пансіонъ свою дочь «для продолженія научныхъ занятій еще на нѣкоторое время.»

Довольно удивительно было уже и то, что фрейлейнъ Елену отдавали къ ней изъ положительно-образцоваго пансіона, въ которомъ она пробыла полныхъ четыре года; но еще удивительнѣе казалось фрейлейнъ Беръ, что инструкціи касательно свободы этой дѣвицы, которыя она получила отъ баронесы, совершенно противорѣчили инструкціямъ по тому-же самому поводу, которыя сообщилъ ей баронъ. Сообразно письменному желанію баронесы, фрейлейнъ Беръ должна была держать Елену какъ государственную преступницу. Сообразно-же изустно выраженнымъ просьбамъ барона, который привозилъ дочь въ Грюнвальдъ, Еленѣ слѣдовало предоставить почти абсолютную свободу. Такъ какъ оба эти желанія совершенно не подходили къ постояннымъ правиламъ пансіона, фрейлейнъ Беръ впала въ крайнее за-

Digitized by Google

трудненіе и обратилась съ этой дилеммой къ своей молоденькой пріятельницѣ, требуя отъ нея совѣта въ этомъ таинственномъ обстоятельствѣ.

Къ счастію, Софи кое-что слышала отъ своего жениха о семейныхъ отношеніяхъ Гренвицевъ, а то чего не пояснилъ ей Францъ, подсказало тонкое женское чутье...

— Елену хотѣли выдать за недостойнаго человѣка, сказала она, совѣщаясь въ таинственномъ кабинетѣ съ своей пріятельницей вскорѣ послѣ прибытія Елены, — а Елена конечно возстала противъ этого требованія. За это ее и изгнали на нѣкоторое время изъ родительскаго дома. Неужели вы согласитесь излишней строгостью еще испортить и безъ того горькую участь этой дѣвушки? Конечно вы этого не сдѣлаете, фрейлейнъ Мальхенъ! Дѣлайте такъ, какъ желаетъ отецъ. Обращайтесь съ Еленой не какъ съ ученицей,— она ужъ велика для этого; не обращайтесь съ ней какъ съ преступницей—она этого не заслуживаетъ. Обращайтесь съ ней какъ съ дѣвушкой, которая ищетъ у васъ защиты отъ деспотической матери, которая ее обижала, а слишкомъ слабый отецъ не способенъ былъ защитить. Вотъ по моему какъ нужно смотрѣть на это дѣло.

Говоря это, Софи разумѣется и не подозрѣвала любви Освальда къ Еленѣ и симпатіи Елены къ Освальду. Будь ей это извѣстно, она вѣроятно говорила-бы нѣсколько иначе. Впослѣдствіи, когда Францъ разсказалъ ей о катастрофѣ въ Гренвицѣ и сама Елена нѣсколько выдала свою тайну, Софи ужъ не считала себя въ правѣ разглашать это кому-бы то нибыло, тѣмъ болѣе что и сама не умѣла вполнѣ разъяснить себѣ этого важнаго пункта. Съ Еленой у нихъ завязалась почти дружба; по крайней мѣрѣ Софи всей душой предалась этой дѣвушкѣ, хотя и сомнѣвалась, чтобы гордая, аристократически-спокойная Елена вполнѣ отвѣчала на ея любовь. Музыка послужила къ сближенію двухъ дѣвушекъ. Онѣ обѣ восторженно любили это искусство и съ радостью нашли, что сходятся не только во вкусахъ, но также и въ пониманіи. Первенство принадлежало Софи. Для нея открыты были тайны генерал-баса,—книги за семью печатями для Елены, — но за то музыкальное чувство было

Digitized by Google

у Елены если не глубже, то многостороннѣе. Въ игрѣ на фортепьяно Елена далеко отстала отъ Софи, но за то у ней былъ великолѣпный контральтъ, между тѣмъ какъ Софи, по собственному признанію, не могла пропѣть ни одной ноты.

Наши пріятельницы по нѣскольку часовъ сряду безъ устали играли и пѣли или въ пансіонѣ, въ комнатѣ Елены, или въ гостиной Софи. Елена увѣряла, что никто ей такъ хорошо не аккомпанируетъ какъ Софи, а Софи говорила, что никогда не испытываетъ болѣе глубокаго музыкальнаго наслажденія какъ во время пѣнія Елены.

По странно! несмотря на то, что ихъ души родственно сливались въ области гармоніи, слова не шли съ языка, когда приходилось посредствомъ человѣческой рѣчи сойтись на болѣе тѣсныя человѣческія отношенія. Разговоръ не клеился и онѣ принуждены бывали опять возвратиться къ музыкѣ, чтобы пополнить паузу, отъ которой обѣимъ бывало неловко. Иногда Софи замѣчала, что Елена старается сдѣлать надъ собою усиліе и стряхнуть чары, принуждающія ее къ молчанію; но дѣло кончалось всегда только отрывочными признаніями, и мгновенно дѣвушка жаждавшая дружбы превращалась въ важную и недоступную свѣтскую женщину. «Это мраморная статуя», говорила Софи своему отцу, «не смотря на то, что у ней чорные волосы и темные, блестящіе глаза. Къ ней рѣшительно невозможно подступиться. Я уже начинаю думать, что она сирена.»

Тайный совѣтникъ улыбался.

— Отчасти ты можетъ быть и права, говорилъ онъ, потому что если въ такой физически-различной средѣ какъ воздухъ и вода существуютъ и психически-различныя существа, не имѣющія ничего вполнѣ общаго между собою, то будетъ весьма логично, если такая нравственно-различная атмосфера отъ нашей, какъ та въ которой вращаются аристократы, произведетъ и нравственно-различныхъ отъ насъ людей, съ которыми мы никогда вполнѣ не сойдемся. Подружилась-ли ты съ кѣмъ-нибуть въ пансіонѣ фрейлейнъ Беръ настолько, чтобы эта дружба не рушилась по выходѣ изъ пансіонскихъ стѣнъ.

Digitized by Google

— Какъ-же, папа, а съ самой фрейлейнъ Беръ, лукаво возразила Софи.

— Ну, вотъ видишь! сказалъ тайный совѣтникъ съ своей сатирической улыбкой,—можно вести тѣсную дружбу даже съ медвѣдицами, но съ сиренами никогда.

Софи была еще слишкомъ молода, чтобы раздѣлять недовѣріе отца, пережившаго многолѣтнюю опытность. Она объясняла себѣ сдержанность Елены прирожденной или привитой сосредоточенностью и извиняла ей тѣмъ легче, что сознавала за собой то-же самое свойство. Вѣдь и ее считали суровой и холодной, даже въ глаза говорили, «что она не такая, какъ другія дѣвицы». Что-же ей дѣлать! разсуждала Софи; зачѣмъ искать винныхъ ягодъ на терновникѣ? Елена не могла-бы иначе обходиться со мною, еслибы мои предки были баронами еще со временъ Карла Великаго.

Это разсужденіе дѣлало болѣе чести сердцу Софи, чѣмъ ея опытности, и еслибы она на третій день послѣ пріѣзда Освальда въ Грюнвальдъ могла заглянуть черезъ плечо Елены на тотъ мелко-исписанный листикъ почтовой бумаги, который назначено было отправить къ миссъ Мери Бартонъ, то навѣрное согласилась-бы съ мнѣніемъ отца, что сирены могутъ водить дружбу только съ сиренами. (Мери Бартонъ происходила изъ древняго аристократическаго рода Англіи).

Елена писала:

«Сегодня въ первый разъ послѣ долгаго, долгаго времени я собралась съ силами отвѣчать тебѣ на цѣлую кипу писемъ, дорогая Мери. У меня все не доставало духу написать тебѣ, которая вступила теперь въ большой свѣтъ и даже была недавно представлена ко двору, тебѣ, невѣстѣ англійскаго пера, что Елена фонъ-Гренвицъ, которой ты пророчила такую блестящую будущность—опять отдана въ пансіонъ. Отдана опять въ пансіонъ, какъ глупая, деревенская дѣвочка!—Ты удивляешься, ты улыбнулась недовѣрчиво; ты шепчешь: «it is impossible»! но когда наконецъ приходится повѣрить моимъ словамъ, ты готова схватить меня за обѣ руки и вскричать: но,—for God's sake, что это значитъ? Почему это? и конечно принудишь меня разсказать тебѣ всю исторію съ самаго начала. Ну, я не вижу возможности из-

Digitized by Google

бѣжать вовсе этого непріятнаго дѣла, но ты поймешь, что я постараюсь сократить муку насколько будетъ возможно.

«И такъ—будемъ кратки, хоть можетъ быть и не вполнѣ ясны:

«Отношенія мои къ матери, о которыхъ я вначалѣ разсказывала тебѣ столько утѣшительнаго, съ каждымъ днемъ становились хуже вслѣдствіе моего рѣшительнаго сопротивленія сдѣлаться женою кузена Феликса и наконецъ дошли до окончательнаго разрыва, который я давно предвидѣла. Во всемъ этомъ дѣлѣ я вела себя такъ, какъ мы съ тобой всегда считали долгомъ вести себя. Борьба была жестокая, могу тебя увѣрить. Для борьбы съ моей матерью нужно мужество, а мой слабый отецъ конечно не могъ быть мнѣ сильной опорой. Ну, теперь ужъ все кончилось:—мертвые похоронены и раны начинаютъ заживать. Да, Мери, мертвые! мой Бруно, моя гордость, мой рыцарь безъ страха и упрека, мой братъ, мой другъ, мой возлюбленный Бруно умеръ! Онъ умеръ ратуя за меня и излилъ свою геройскую душу въ послѣднемъ поцѣлуѣ на мои губы. Страшная скорбь по немъ—потому что только утративши его, я узнала какъ онъ былъ мнѣ дорогъ—сдѣлала меня нечувствительной ко всему и ко всѣмъ окружающимъ. Такъ, какъ любилъ меня этотъ мальчикъ, не можетъ и не будетъ любить ужъ никто на свѣтѣ. Я была для него солнцемъ, воздухомъ, свѣтомъ, пищей и питьемъ, сномъ и бодрствованіемъ; я была его жизнью. Какъ часто, когда онъ говорилъ мнѣ это съ пылающими щеками и блестящими глазами, я смѣялась надъ нимъ и говорила: Ахъ, Бруно, какой ты глупенькій! Теперь-же я готова отдать много лѣтъ своей жизни, чтобы еще разъ услышать эти слова изъ его гордыхъ устъ! Предчувствіе говоритъ мнѣ, что съ Бруно я нашла-бы все то блаженство, которое суждено было мнѣ на землѣ, а съ потерей его пропала всякая возможность на счастіе. Ты смѣешься, ты думаешь: онъ былъ мальчикъ! но повторяю тебѣ, ты не зналъ Бруно.

«Не требуй, чтобы я подробно разсказала тебѣ все это. Я право не въ силахъ. Сердце мое слишкомъ полно. Воспоминаніе о моемъ умершемъ любимцѣ не покидаетъ меня ни на

Digitized by Google

одну минуту и я готова положить перо и наплакаться въволю. Неужели, Мери, мы были правы въ грустныя минуты, когда говорили, что наша участь—прожить жизнь неудовлетворенными, безъ радости, безъ счастья, и безъ надежды на то, что будущее осуществитъ желанія настоящаго. Неужели счастье только фата-моргана, волшебно-прекрасная, но также быстро исчезающая; или оно всегда будетъ являться намъ въ той формѣ, которая можетъ имѣть большую цѣну сама по себѣ, но все-таки оскорбляетъ нашъ избалованный умъ, скажу пожалуй—наши предразсудки? Твоя судьба сложилась кажется иначе. Въ той сферѣ, гдѣ ты родилась и воспиталась, ты нашла себѣ человѣка, который былъ-бы тебѣ дорогъ даже тогда, еслибъ разсудокъ не одобрялъ выбора твоего сердца. Человѣка, героя, лорда! Счастливая, трижды счастливая Мери! ты нашла того, на кого даже твоя гордость не допускаетъ тебя смотрѣть съ высока. Смѣйся-же своей аристократической улыбкой надъ твоей—пансіонеркой-подругой!

«Правда, мнѣ очень хорошо въ этомъ пансіонѣ. Со мною обращаются не какъ съ ученицей, но какъ съ гостьей, и я очень обязана содержательницѣ его, фрейлейнъ Беръ, за то нѣжное вниманіе, которое она оказываетъ мнѣ, какъ-будто ей извѣстны мои обстоятельства. Впрочемъ можетъ быть она многое и знаетъ. Семейныя дѣла такихъ людей какъ мы не долго остаются въ тайнѣ. Вѣдь и сама я узнала многія обстоятельства, тѣсно связанныя съ моимъ предполагаемымъ замужствомъ, ужъ нѣсколько недѣль спустя, и не отъ отца, съ которымъ веду переписку и который два раза навѣщалъ меня здѣсь,—съ матерью, которая говорятъ уже нѣсколько дней живетъ въ Грюнвальдѣ, я не имѣю никакихъ сношеній,—а отъ одной дѣвицы, Софи Робранъ, здѣшней бывшей пансіонерки, съ которой я познакомилась и даже свела что-то въ родѣ дружбы. Она невѣста нашего гренвицевскаго доктора, который теперь переселился сюда; значитъ ея извѣстія идутъ изъ вѣрнаго источника. Она разсказала мнѣ то, что произошло тотчасъ вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ изъ Гренвица и о чемъ мой отецъ старательно умалчиваетъ. Молодой человѣкъ, о которомъ я какъ-то писала тебѣ лѣтомъ, нашъ

Digitized by Google

домашній учитель докторъ Штейнъ, сдѣлался моимъ рыцаремъ и мстителемъ, настолько по крайней мѣрѣ, что дрался съ Феликсомъ и далъ моему кузену урокъ, котораго говорятъ онъ долго не позабудетъ. Не могу передать тебѣ, какъ странно подѣйствовало на меня это извѣстіе. Сначала—тебѣ вѣдь я могу признаться въ этомъ—гордость моя была оскорблена тѣмъ, что мое имя разнесется теперь по свѣту въ связи съ именемъ какого-то доктора Штейна; что посторонній, наемщикъ, дерзко вмѣшался въ мои дѣла, какъ родственникъ, какъ равный. Но потомъ я подумала о старой пословицѣ, что если молчатъ люди, то *камни* (stein—камень) возопіютъ, подумала о томъ, что не одинъ братъ не поступилъ-бы болѣе братски, ни одинъ рыцарь болѣе рыцарски относительно меня, чѣмъ этотъ молодой человѣкъ; подумала въ особенности, что онъ былъ задушевнымъ другомъ моего Бруно, и я забыла свою гордость и не безъ удивленія почувствовала, что могу быть благодарна этому человѣку за его доброту и любовь и что эта благодарность не тяготитъ меня, какъ обыкновенно. Скажу даже болѣе: я почувствовала потребность увидѣть его и лично выразить свою признательность, и когда нынче совершенно неожиданно я увидала его въ окно... ты засмѣешься надо мною, Мери!... я почувствовала, какъ вся кровь прихлынула къ моимъ щекамъ, когда я отвѣчала на его поклонъ, а когда онъ прошолъ, я долго смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ облокотилась на окно и горько плакала о Бруно, образъ котораго такъ живо и неожиданно возникъ при появленіи этого Штейна. Желала-бы я когда-нибудь поговорить съ нимъ наединѣ.

«Ну! нужно кончить. Фрейлейнъ Робранъ идетъ заниматься со мною музыкой».

Елена пошла на встрѣчу Софи и Амаліи Беръ. Софи обняла Елену съ прелестной живостью, составлявшей довольно замѣчательный контрастъ съ свѣтски-холодными пріемами молодой аристократки.

— Я право стосковалась по васъ, Елена! Почему вы не зашли ко мнѣ вечеромъ, какъ обѣщали? Ужъ не помѣшали вамъ фрейлейнъ Мальхенъ?

— Point du tout, возразила фрейлейнъ Беръ, сдвигая очки

Digitized by Google

на лобъ и ласково заглядывая въ большіе, любящіе голубые глаза своей любимицы; ты знаешь, Соничка, что Елена можетъ распоряжаться своимъ временемъ какъ ей угодно. Но я пришла къ вамъ милая Елена, чтобъ передать письмо, которое принесли изъ вашего дома, вѣроятно отъ вашего папа.

Елена взяла письмо съ вѣжливымъ поклономъ, бѣгло взглянула на адресъ, сказала что оно дѣйствительно отъ папа и положила его въ портфель.

— Не буду вамъ мѣшать, сказала фрейлейнъ Беръ; Соничка пришла звать васъ къ себѣ заняться музыкой. Когда прислать за вами дѣвушку?

— Вы вѣдь не откажете мнѣ, Елена? спросила Софи, просматривая ноты на фортепьяно. Я получила отличныя новыя вещи. Превосходнѣйшую Lied Шумана; намъ нужно разобрать ее вмѣстѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Елена. Только мнѣ не хотѣлось-бы долго засиживаться, потому что надо кончить письмо, которое завтра поутру нужно отправить въ Англію. Поэтому не трудитесь присылать дѣвушку, фрейлейнъ Беръ. Я ворочусь еще засвѣтло.

— Какъ хотите, милая Елена, сказала фрейлейнъ Беръ, слегка цѣлуя Елену въ лобъ и нѣжно прижимаясь губами ко лбу своей любимицы. Adieu mes enfants!

И содержательница опять поправила очки, наморщила лобъ самымъ дѣловымъ образомъ и отправилась въ свое святилищѣ, откуда вызвала ее Софи.

— Какъ поживаетъ вашъ папа? спросила Елена.

— Благодарю васъ, отвѣчала Софи, все еще перелистывая ноты. Ему гораздо лучше, сегодня онъ просидѣлъ еще два часа лишнихъ. Но читайте-же ваше письмо, Елена, а потомъ можно отправиться.

— Сейчасъ, отвѣчала Елена, распечатывая письмо, пока Софи разбирала какую-то партитуру. Черезъ нѣсколько секундъ фрейлейнъ Робранъ подняла голову и увидѣла, что Елена сидитъ въ глубокомъ раздумьи, опустивъ руку съ письмомъ. Длинныя рѣсницы скрывали блестящіе глаза, а темныя брови сдвинулись съ выраженіемъ неудовольствія.

Digitized by Google

— Что съ вами? вскричала Софи, ужъ не получили-ли вы дурнаго извѣстія?

— О, нѣтъ! отвѣчала Елена, приходя въ себя при первомъ звукѣ голоса Софи и усиливаясь улыбнуться. Совсѣмъ нѣтъ! Дѣло въ томъ, что завтра пріѣдетъ папа, вотъ и все!

— И останется здѣсь?

— Да.

— А вы, Елена?

— Я только-что объ этомъ думала. Папа предоставляетъ это на мою волю; впрочемъ...

— Она замолчала и къ ней опять воротилось полузадумчивое, полунедовольное выраженіе лица. Казалось она забыла о присутствіи Софи. Вдругъ, не поднимая глазъ, она обратилась къ молодой дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Еслибы васъ оскорбили, протянули-ли-бы вы первая руку къ примиренію?

Софи смутилась нѣсколько отъ этого вопроса, смыслъ котораго былъ для нея ясенъ. Елена никогда даже не намекала ей на свои обстоятельства, такъ что нужно было казаться ничего не знающей. Для прямаго-же характера Софи было ужасной пыткой разъигрывать притворное равнодушіе.

— Это зависитъ отъ того, начала она послѣ нѣкоторой паузы, какого рода было оскорбленіе, а главное—кто былъ его виновникомъ.

— То есть какъ-же это?

— Я хочу сказать, что мы принимаемъ иногда за оскорбленіе... то есть что бываютъ оскорбители, которые не должны и не могутъ быть ими, что мы такъ тѣсно связаны съ ними самой природой, что было-бы неестественно...

— Еслибы они насъ ненавидѣли? быстро прервала ее Елена. Но если ужъ имѣется такой случай; если ненавидятъ другъ друга тѣ, которые-бы должны чувствовать одну привязанность; если преслѣдуютъ, оскорбляютъ, дѣлаются врагами тѣ, которые должны-бы защищать, помогать и взаимно поддерживать другъ друга? Какъ поступить въ подобномъ случаѣ?

Елена встала; лицо ея пылало, руки дрожали, глаза сыпали искры,—она была олицетвореніемъ существа радую-

Digitized by Google

щагося борьбѣ и идущаго только на смерть или побѣду, никогда на покорность.

— Не знаю, отвѣчала Софи, силившаяся казаться спокойной. Знаю только, что лично я никогда не дошла-бы до этого положенія. Никогда не была-бы я въ состояніи ненавидѣть сестру или брата, тѣмъ болѣе отца и мать, которые дали мнѣ жизнь, никогда, чтобы тамъ ни случилось. Вѣдь они и я—одна плоть. А развѣ можно ненавидѣть самого себя?

— Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? И можете-ли вы за себя ручаться? У васъ никогда не было сестеръ и братьевъ; мать ваша рано умерла, а отецъ, какъ вы сами мнѣ говорили, всегда безгранично любилъ васъ, но я—я въ другихъ...

Елена чувствовала, что если не замолчитъ теперь, то уже никогда не воротить ей своей сдержанности, и остановилась съ удивительнымъ для ея лѣтъ самообладаніемъ.

— Но мы теряемъ время, начала она уже совсѣмъ другимъ голосомъ и совершенно измѣнившись вся,—да еще надъ такими неутѣшительными вещами. Пойдемте скорѣе къ вашему ройялю.

Уже не въ первый разъ Елена быстро давала совершенно противоположный оборотъ разговору, который начиналъ дѣлаться слишкомъ откровеннымъ. Софи всегда подчинялась, хотя и больно ей было отъ этого недовѣрія, въ особенности потому, что Елена была въ высшей степени одинока и для нея могла-бы быть благодѣяніемъ возможность излить свое сердце передъ истиннымъ другомъ. И въ этотъ разъ Софи не обидѣлась гордымъ молчаніемъ Елены, напротивъ—она больше чѣмъ когда-нибудь рѣшилась скорѣй нечаянно, посредствомъ ласки, добиться откровенности, чѣмъ отвѣчать на гордость гордостью, на сдержанность сдержанностью.

Случаевъ въ этотъ день могло представиться бездна.

У Софи они занимались музыкой до тѣхъ поръ, пока сдѣлалось темно. Когда нельзя уже было видѣть, онѣ начали ходить подъ руку, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ звуковъ, и даже гордое сердце Елены сдѣлалось мягче и кротче. Превосходная Lied Роберта Шумана болѣзненно-сладко напомнила ей умершаго любимца. Еще отдавались въ ея ушахъ грустныя слова грустной мелодіи:

Digitized by Google

Dein Angesicht so lieb und schön,
Ich hab'es jüngst im Traum gesehn.
Es war so mild, so engelgleich,
Und doch so bleich, so schmerzensbleich.
Und nur die Lippen, die sind roth,
Bald aber küsst sie bleich der Tod.
Твое милое и прекрасное лицо
Снилось мнѣ недавно во снѣ,
Оно было такъ кротко, съ такимъ ангельскимъ выраженіемъ,
Но такъ блѣдно, такъ болѣзненно-блѣдно.
Только губы еще красны,
Но скоро и на нихъ напечатлѣетъ смерть блѣдный поцѣлуй....

Она подумала о ночи, въ которую баронъ Ольденбургъ привелъ ее изъ рядовъ танцующихъ къ смертному одру Брука. При ея появленіи взоръ мальчика освѣтилъ внезапнымъ блескомъ мертвенно-блѣдное лицо....

«И только губы были красны,
Но и на нихъ скоро напечатлѣется поцѣлуй смерти»,—

произнесла она, какъ-бы говоря сама съ собою.

— Эта Lied кажется производитъ на васъ такое-же сильное впечатлѣніе, какъ и на доктора Штейна, сказали Соѳи.

— На кого? вскричала Елена, быстро выходя изъ своего забытья.

— На доктора Штейна, на вашего доктора Штейна, отвѣчала Соѳи такимъ ровнымъ голосомъ, какъ-будто никогда и не слыхивала о существованіи какихъ-нибудь отношеній между Освальдомъ и Еленой.

— Когда вы его видѣли? спросила Елена уже по прежнему равнодушно.

— Вчера вечеромъ въ первый разъ здѣсь. Онъ уже два дня въ городѣ и не видался съ Францемъ. Вчера Францъ случайно встрѣтилъ его на улицѣ и привелъ съ собою. Иначе намъ не скоро-бы пришлось дождаться его визита.

Digitized by Google

— Почему-же?

— Ну, не замѣтно было, чтобы онъ посѣтилъ насъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Впрочемъ не могу выводить заключенія, потому что видѣла его вчера въ первый разъ въ жизни. Мнѣ, по правдѣ сказать, показалось, что едва-ли есть что-нибудь въ мірѣ, что можетъ доставить ему удовольствіе. Францъ совершенно другаго мнѣнія, однако замѣтилъ, что г-нъ Штейнъ удивительно измѣнился въ то короткое время, пока они не видались. Каковъ онъ былъ въ то время какъ *вы* его знали?

Софи показалось, что при этомъ вопросѣ, сдѣланномъ по возможности равнодушно, сердце Елены быстрѣе забилось. Впрочемъ въ тонѣ ея отвѣта не отразилось ни малѣйшаго волненія.

— Я рѣдко видала г-на Штейна и всегда только въ обществѣ, а вѣдь вы знаете, что такимъ образомъ невозможно узнать настоящаго характера человѣка. Онъ бывалъ по большей части серьозенъ, почти грустенъ, очень сосредоточенъ и сдержанъ, особенно въ послѣднее время. Этому впрочемъ могли содѣйствовать нѣкоторыя обстоятельства въ нашемъ семействѣ. А каковъ былъ онъ вчера?

— Довольно трудно описать это, въ особенности тѣмъ, кто такъ мало свѣдущъ въ психологіи, какъ я,—отвѣчала Софи, рѣшившись говорить правду, еслибы даже пришлось обидѣть Елену.—Онъ показался мнѣ веселымъ, но какъ-то насильственно; разговорчивымъ, но не сообщительнымъ; остроумнымъ, но не занимательнымъ; однимъ словомъ—живымъ соединеніемъ крайнихъ противоположностей, которое, признаюсь, сдѣлало на меня, любящую простое, ясное, незагадочное,—вовсе непріятное впечатлѣніе. Въ особенности не понравились мнѣ его отзывы о своемъ призваніи и здѣшнихъ знакомствахъ. Онъ повидимому считаетъ все какой-то пустой игрою. Онъ описалъ намъ общество у директора Клеменсъ и излилъ цѣлый потокъ презрѣнія и сарказмовъ на этихъ бѣдныхъ людей. Описалъ свое торжественное вступленіе въ школу и представилъ все въ видѣ сцены изъ кукольной комедіи. Францъ говорилъ мнѣ, что есть что-то причудливое въ его натурѣ; но мнѣ онъ показался просто

Digitized by Google

Мефистофелемъ. Я даже не нашла его такимъ красивымъ, какъ описывалъ его Францъ. Онъ блѣденъ и худъ, точно послѣ тяжкой болѣзни или многихъ безсонныхъ ночей. Въ большихъ глазахъ есть что-то непріятное, страшное. Мнѣ невольно пришло на мысль, что у него написано на лбу: «не суждено тебѣ полюбить ни одной души».

— Въ такомъ случаѣ онъ замѣчательно измѣнился, сказала Елена.

Тонъ, которымъ она сказала это, былъ такъ печаленъ! Софи пожалѣла, что увлеклась невольной антипатіей къ Штейну и отчасти желаніемъ расшевелить Елену сильнымъ противорѣчіемъ и наказать за ея скрытность.

— Впрочемъ, начала она примирительно, это вѣдь вовсе не окончательный приговоръ Освальду Штейну; это только первое впечатлѣніе. Можетъ быть при близкомъ знакомствѣ я буду иначе судить о немъ. Пожалуй даже въ словахъ моихъ отзывается ревность. Францъ такъ высоко цѣнилъ его, а вѣдь невѣсты большія эгоистки. — Боже мой, да вѣдь онъ можетъ сейчасъ быть здѣсь! вскричала она, прерывая свою рѣчь.

— Кто? спросила Елена,—Освальдъ?

— Я право совсѣмъ позабыла. Вотъ вѣдь безпамятная какая!

— Да что-же вы такое забыли? —

— Докторъ Штейнъ съ Францемъ сговорились идти сегодня на лекцію профессора Бенцлера, а Францъ уѣхалъ тотчасъ послѣ обѣда по дѣламъ моего папа. Мнѣ слѣдовало послать сказать это Штейну! Что если я опоздала!

— Теперь половина шестаго, сказала Елена, подходя къ окну, чтобы посмотрѣть на часы. Почти ужъ совсѣмъ темно; нужно идти поскорѣе домой.

Въ эту минуту стукнули въ дверь.

— Это онъ! вскрикнули дѣвушки въ одинъ голосъ, вздрогнувъ какъ серны отъ выстрѣла въ лѣсу.

Стукъ повторился.

— Что дѣлать? шептала Елена, утратившая всю власть надъ собою.

Digitized by Google

— Сказать чтобъ вошолъ! что-же больше? отвѣчала Софи, невольно улыбаясь. Войдите!

Въ сумеркахъ трудно было сразу увидѣть, кто въ комнатѣ. Освальдъ въ нерѣшительности остановился у двери.

— Идите-же, г-нъ докторъ, сказала Софи, не выпуская руки Елены. Извините, что принимаю васъ впотьмахъ, но сейчасъ подадутъ огня.

При этихъ словахъ, Освальдъ подошолъ ближе и поклонился. Очевидно онъ еще не узналъ Елены, стоявшей лицомъ къ окну.

— Извиненія слѣдуетъ просить мнѣ, сказалъ онъ, потому что я вѣроятно помѣшалъ вамъ. Но такъ какъ въ пріемной никого не было....

Онъ вдругъ остановился; кровь прилила прямо къ сердцу. Дрожь охватила всѣ члены. Неужели молчаливая фигура подлѣ фрейлейнъ Робранъ—Елена Гренвицъ? Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Сомнѣніе исчезло. Эта голова, очертаніями которой онъ такъ благоговѣйно любовался всегда, могла принадлежать только Еленѣ.... Онъ едва могъ разслышать слова Софи: «А вы и не узнаете фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ? Сейчасъ пойду распорядиться чтобъ принесли намъ свѣчи». Онъ слышалъ какъ затворилась за Софи дверь; чувствовалъ, что онъ теперь одинъ съ нею. Колѣни его подогнулись; онъ схватилъ ея руку и покрылъ жаркими поцѣлуями.

Неожиданность и темнота способствовали смѣлости Освальда. Елена дрожала такъ сильно, что не въ силахъ была сопротивляться и едва могла выговорить:

— Ради Бога, Освальдъ, — встаньте! Прошу васъ, встаньте!

И дѣйствительно была пора, потому что Софи тотчасъ явилась въ сопровожденіи лакея, который несъ свѣчи.

Освальду удалось пересилить свое волненіе,—признакъ быть можетъ того, что несмотря на внѣшнюю силу, оно не было слишкомъ глубоко. Елена, напротивъ, обернулась къ окну подъ предлогомъ, что ее ослѣпилъ внезапный свѣтъ, и смотрѣла въ него все время, пока фрейлейнъ Робранъ объясняла отсутствіе Франца.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ я ни одной минуты болѣе не буду мѣшать вашей дружеской бесѣдѣ, сказалъ раскланиваясь Освальдъ.

— Э, господинъ докторъ, неужели вы такой врагъ дружескихъ бесѣдъ, что въ вашемъ присутствіи онѣ становятся невозможны? весело сказала Софи. Садитесь-ка лучше и оправдайте показаніе моего Франца, который выдаетъ васъ за самаго занимательнаго собесѣдника. Подойдите къ камину, Елена. Фрейлейнъ Мальхенъ вѣрно не выплачетъ себѣ глазъ, если вы придете немного попозже.

Освальдъ хотѣлъ уже согласиться, но узнавъ, что Елена можетъ и не остаться, отвѣчалъ пока только поклономъ.

— Благодарю васъ, милая Софи, отвѣчала Елена, отворачиваясь отъ окна,—но право мнѣ нужно домой; въ другой разъ.

Очевидно къ ней воротилась ея обычное спокойствіе; только очень опытный наблюдатель могъ-бы замѣтить остатки волненія въ легкихъ слѣдахъ румянца и намѣреніе скрыть это волненіе въ опущенныхъ длинныхъ рѣсницахъ.

Освальдъ, искавшій средства удержать хоть на нѣсколько минутъ Елену, подошолъ къ фортепьяно и взялъ первыя попавшіеся ноты; это была именно Lied Роберта Шумана.

— О, прошу васъ, сказалъ онъ, если возможно вамъ остаться еще на минуту, пропойте только эту вещь! Она заслуживаетъ того, чтобы вы ее пропѣли.

— Мы уже разбирали ее сегодня, сказала Софи,—дѣйствительно она превосходна и фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ исполняетъ ее удивительно. Попробуйте, милая Елена.

Когда шло дѣло о музыкѣ, Софи соглашалась въ одну минуту. Расчитывая на согласіе Елены, она уже развернула тетрадь, сѣла по своему обыкновенію на кончикъ стула и взяла первые аккорды.

Елена принуждена была подойти также къ ройялю, хотя недавняя страстная сцена еще кипѣла въ ея юной душѣ и пѣть ей вовсе не хотѣлось.

Освальдъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, прислонившись къ камину и не сводилъ глазъ съ молодыхъ дѣвушекъ. Дѣй-

Digitized by Google

ствительно картина была такова, что можно было ею залюбоваться.

Въ эту минуту можно было поспорить, которая изъ дѣвушекъ была — не самою красивою, потому что безспорно красота оставалась на сторонѣ Елены — но самою интересною. Гармонія прелестнѣйшихъ чертъ, бархатистый тонъ смуглаго лица, синеватый отливъ чорныхъ волосъ — все это говорило въ пользу Елены и казалось возносило ее до крайнихъ предѣловъ красоты и величія; но выраженіе лица Софи, когда она сидѣла погружонная въ музыку и то нагибалась надъ клавишами, то поднимала глаза, словно слѣдя за исчезающими звуковыми волнами, имѣло необыкновенную прелесть для того, кто находитъ высшую красоту въ чисто духовной сторонѣ. Какъ счастливое солнечное освѣщеніе придаетъ чарующій видъ иногда вовсе некрасивому ландшафту, такъ благородная, вся проникнутая искусствомъ душа молодой дѣвушки освѣщала и окружала ореоломъ ея почти некрасивое личико. Въ немъ проявлялась Бетховенская черта— метеорическій полетъ свободнаго человѣческаго духа сквозь долгую ночь чувственности къ безграничнымъ областямъ свѣта. И странно! музыка въ той-же мѣрѣ возвышала выраженіе лица Софи, въ какой ослабляла рѣзкость энергической красоты Елены, придавая ея гордымъ чертамъ ту мягкость, какой онѣ не имѣли въ обыкновенной жизни. Чары сладкихъ звуковъ будили въ одной дремавшій геній и усыпляли въ другой демона гордости и честолюбія, такъ что поэтическое возбужденіе обѣихъ приводило къ прекрасному, хотя и различными путями.

Такъ думалъ Освальдъ, пока его глаза покоились на прелестной картинѣ. Елена показалась ему точно другою; ему нужно было сначала освоиться съ этимъ новымъ родомъ красоты, и онъ уже не производилъ того подавляющаго впечатлѣнія какъ прежде. Онъ думалъ, что непривычная обстановка, интересная личность Софи мѣшаютъ его полному увлеченію,—онъ не зналъ, что со времени послѣдняго свиданія съ Еленой зеркало его души помрачилось и не въ состояніи уже чисто отразить чистаго образа. Тщетно подстерегалъ онъ взглядъ Елены. Какъ Софи, погрузившись въ

Digitized by Google

музыку, казалось забыла о его присутствіи, такъ по видимому было и съ Еленой. Она ни разу не отвела глазъ отъ нотной тетради; Освальда это радовало. Онъ заключилъ изъ этого, что его давишняя вспышка была если и прощена, то все-таки еще не забыта.

Какъ обыкновенно бываетъ, отъ одной пьесы перешли къ другой, отъ другой—къ третьей и четвертой. Но вдругъ Елена объявила, что непремѣнно хочетъ идти домой. Освальдъ, полагавшій, что ее дожидается служанка изъ пансіона, обдумывалъ какъ-бы ловчѣе попросить позволенія также проводить ее, какъ вдругъ вопросъ Софи: «Но можно-ли вамъ теперь идти одной?» вывелъ его изъ затрудненія. Самымъ естественнымъ образомъ и съ вѣжливымъ поклономъ онъ предложилъ фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ свои услуги, и фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ приняла ихъ съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ гордой головки. Софи накинула ей бархатное манто и повязала шею платочкомъ, «чтобы не пострадалъ вашъ голосъ Елена!» Освальдъ стоялъ подлѣ со шляпою въ рукѣ, какъ вдругъ дверь отворилась и Бемперлейнъ быстро вошолъ въ комнату.

Бемперлейнъ прежде не видалъ Освальда, который стоялъ спиной къ двери и обернулся къ вошедшему только послѣ восклицанія Софи: «Здравствуйте, Бемперхенъ!» Въ одну минуту глаза ихъ встрѣтились.

Они не видались съ той ночи, когда Бемперлейнъ пріѣзжалъ за Мелитой изъ Фихтенау и засталъ влюбленныхъ въ саду. Тогда они разстались искренними друзьями, а теперь, встрѣтившись послѣ непродолжительной разлуки, ни одинъ не рѣшался протянуть руки другому, ни одинъ не улыбнулся привѣтливо и не произнесъ радостнаго восклицанія. Встрѣча ихъ ограничилась офиціальнымъ поклономъ и нѣсколькими незначительными фразами, такъ что Софи, полагавшая до этой минуты, что Бемперлейнъ и Освальдъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, была не мало удивлена и не знала какъ вести себя въ этомъ совершенно непредвидѣнномъ случаѣ. Впрочемъ это непріятное положеніе скоро прекратилось, потому что Софи едва успѣла представить Бемперлейна фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ, которая если и помнила Берковскаго

Digitized by Google

учителя, котораго когда-то часто видала, то покрайней мѣрѣ не сочла нужнымъ показать это и тотчасъ вышла съ Освальдомъ. Софи пошла провожать ихъ, а Бемперлейнъ, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю, остался стоять у камина.

Почти уже наступила ночь, когда Елена и Освальдъ вышли на плохо освѣщонную улицу.

— По какой дорогѣ мы пойдемъ? спросилъ Освальдъ.

— Я думаю, дорога только одна.

— Нѣтъ, можно идти и по валу. Эта дорога короче и идти тамъ пріятнѣе, чѣмъ по неровной мостовой.

— Какъ хотите.

— Могу я предложить вамъ руку?

Еще въ первый разъ Освальду случилось вести Елену. Онъ конечно не торопился прервать удовольствіе идти ночью подъ руку съ любимой дѣвушкой. Дорога, которую онъ предложилъ, была нетолько много длиннѣе, но и гораздо темнѣе. Она шла подлѣ городской стѣны по крѣпостному валу — пріятная прогулка лѣтомъ и днемъ, но весьма мало заслуживающая рекомендаціи въ темный осенній вечеръ.

— А здѣсь темнѣе чѣмъ я полагалъ, сказалъ Освальдъ, когда они прошли послѣдній фонарь у городскихъ воротъ,— не вернуться-ли лучше?

— По моему все равно; я готова идти и здѣсь.

— Закутайтесь по крайней мѣрѣ хорошенько; съ моря дуетъ рѣзкій вѣтеръ, а воздухъ холоденъ и сыръ.

Они шли молча нѣсколько минутъ. Сухія листья хрустѣли у нихъ подъ ногами; въ воздухѣ раздавались какіе-то жалобные звуки, похожія на плачь больного, которому холодно.

— Каково-то теперь въ Гренвицевскомъ паркѣ? сказалъ Освальдъ.

— Я тоже объ этомъ думала, отвѣчала Елена.

— Хотѣлъ-бы я быть тамъ въ эту минуту.

— Что-же-бы вы тамъ дѣлали?

— Я желалъ-бы бродить между таксовыми изгородями въ саду и подъ буками на валу и бесѣдовать съ лунными лучами, прокрадывающимися изъ-за облаковъ, и съ ночнымъ

Digitized by Google

вѣтромъ, дующимъ со стороны замка, о тѣхъ блаженныхъ часахъ, которые прошли и никогда больше не наступятъ.

— Такъ вы съ удовольствіемъ вспоминаете Гренвицъ?

— Какже иначе? Развѣ не тамъ я прожилъ самые счастливѣйшіе дни моего безрадостнаго существованія! Что мнѣ теперь до той горечи, которая примѣшивалась тогда къ этой чашѣ упоительнаго наслажденія. Я позабылъ уже о ней. Мнѣ кажется, что тогда я въ первый и въ послѣдній разъ дѣйствительно жилъ и умеръ вмѣстѣ съ цвѣтами на грядахъ и солнечнымъ свѣтомъ, который по утру игралъ на свѣжихъ вѣтвяхъ и рисовалъ причудливыя тѣни на дорожкахъ. Счастливъ *онъ*, котораго жизнь дѣйствительно окончилась съ этимъ волшебнымъ лѣтомъ!

— Онъ счастливъ! прошептала Елена.

— Да, счастливъ! Онъ цѣлый часъ провелъ въ созерцаніи того, что ему было всего прекраснѣе и дороже, и исчезъ потомъ, какъ утренняя заря отъ лучей возлюбленнаго солнца. Онъ не узналъ томительнаго зноя и ѣдкой пыли полудня. Ему не нужно было боязливо укрываться отъ рѣзкаго вечерняго вѣтра; онъ не видалъ, какъ погрузился въ темную ночь прелестный, яркій міръ... Простите мнѣ Бога ради: сегодня вечеромъ я уже во второй разъ поддаюсь воспоминанію объ умершемъ другѣ. Но вы не можете представить, какъ поразительно ваше присутствіе вызываетъ мысли о немъ. Изъ заживающихъ ранъ снова показывается кровь; на глазахъ снова выступаютъ слезы.

— А развѣ не тоже дѣлается со мною? сказала Елена, и голосъ ея дрожалъ.

— Такъ и вы также его любили? Но нѣтъ, я не это хотѣлъ спросить. Какъ могли вы не любить того, кто былъ такъ прекрасенъ, такъ храбръ, такъ добръ, такъ увлекательно милъ и такъ любилъ васъ! о, какъ онъ васъ любилъ! Знаете ли вы, фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ, какъ сильна была эта любовь? Знаете-ли вы, что онъ любилъ васъ до послѣдней минуты, любилъ болѣе своей жизни?

— Знаю! тихо сказала Елена.

— Болѣе жизни, страстно продолжалъ Освальдъ,—даже и послѣ смерти. Въ послѣдній день, за нѣсколько часовъ до

Digitized by Google

смерти онъ показалъ мнѣ медальонъ съ вашими волосами, который носилъ на груди, и просилъ положить его въ гробъ съ собою. Я не могъ исполнить его желанія. Вы знаете, что въ тоже утро я уже оставилъ замокъ, не зная—придется ли когда нибудь опять переступить черезъ этотъ порогъ и до послѣдней минуты пробыть съ моимъ дорогимъ мертвецомъ. Мнѣ показалась ужасна мысль, что это сокровище попадетъ въ недостойныя руки и я взялъ его съ намѣреніемъ отдать вамъ, какъ единственно имѣющей на него право. Онъ всегда... онъ и теперь сохраняется у меня. Когда прикажете переслать его вамъ?

Они прошли въ крѣпостныя ворота и вышли на улицу форштата, подъ густые, шумящіе тополи. При слабомъ свѣтѣ луны, выглянувшей ненадолго изъ-за облаковъ, Освальдъ старался прочесть на лицѣ Елены. Оно показалось ему блѣднымъ и сильно взволнованнымъ. Ея рука крѣпче оперлась о его руку, когда она отвѣтила послѣ небольшой паузы:

— Очень дорогъ вамъ этотъ медальонъ?

— Какъ можете вы спрашивать? и возможно ли сомнѣваться въ этомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! не истолковывайте дурно моихъ словъ.— Я не неблагодарна; я умѣю цѣнить дружбу. Оставьте медальонъ у себя! Сохраните его на память о вашемъ, о нашемъ любимцѣ.

— Только на память о немъ? Вѣдь это ваши волосы, фрейлейнъ Елена!... только на память о немъ?

— И... обо мнѣ!

Освальдъ взялъ ея маленькую ручку и поднесъ къ губамъ.

— Вы дѣлаете меня несказанно гордымъ и счастливымъ, сказалъ онъ,—я не сдѣлалъ ничего для того чтобы заслужить такую великую честь и милость; но вѣдь и милость не была бы милостью, еслибъ была заслужена.

— Вы хотите уничтожить меня своею скромностью. Вы хотите, чтобы я благодарила васъ за все, какъ должна-бы, но не въ состояніи буду благодарить. Вы всегда были очень добры ко мнѣ; вы были близки ко мнѣ даже въ то время, когда меня покинули всѣ мои родственники и наконецъ...

Digitized by Google

— Я сдѣлалъ то, что готовъ сдѣлать каждую минуту съ опасностію жизни. — Но вотъ и домъ фрейлейнъ Беръ. Заперта эта рѣшотка?

— Нѣтъ.

Они прошли черезъ маленькій садъ до дверей дома. Освальдъ позвонилъ.

— Увижу-ли я васъ опять?

— Я часто бываю у Робрановъ.

Дверь заскрипѣла изнутри.

— Покойной ночи!

— Покойной ночи.

Освальдъ схватилъ ея руку и страстно поцѣловалъ.

Дверь отворилась.

— До свиданія, Елена! прошепталъ Освальдъ.

— До свиданія! отвѣчала Елена еще тише.

Освальду показалось, что она произнесла даже и его имя. Черезъ минуту она исчезла за дверью.

Освальдъ пошолъ обратно въ городъ въ волненіи, въ которомъ впрочемъ была не одна радость. Чистая, цѣломудренная радость уже не находила доступа въ его сердце, какъ на растроенномъ инструментѣ нельзя уже чисто съиграть мелодіи. Отъ того неизъяснимаго блаженства, которое два мѣсяца назадъ онъ чувствовалъ при одномъ ласковамъ взглядѣ или привѣтливомъ словѣ Елены, оставался едва слабый отблескъ теперь, когда она выказала ему такіе несомнѣнные признаки своей благосклонности. Но за то ликовала удовлетворенная гордость; за то самодовольно улыбалось польщонное тщеславіе. Въ этотъ вечеръ онъ не излилъ-бы своего восторга въ такихъ жаркихъ стихахъ, какъ въ тѣ лѣтніе сумерки, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Елену; онъ самодовольно насвистывалъ мелодію изъ Донъ-Жуана. — Въ этотъ вечеръ онъ не сталъ-бы искать уединенія; онъ чувствовалъ потребность въ обществѣ Тимма и расчитывалъ не рано-ли еще идти въ тотъ погребъ, гдѣ онъ проводилъ съ нимъ всѣ вечера со времени своего прибытія въ Грюнвальдъ.

Такъ воротился онъ въ городъ. На углу рыночной площади, въ богатомъ домѣ освѣщены были всѣ окна; карета

Digitized by Google

за каретой подъѣзжали къ крыльцу; разряженные дамы и кавалеры исчезали въ порталѣ. Когда Освальдъ поровнялся съ подъѣздомъ, подъѣхала еще карета. Кучеръ съ усиліемъ удержалъ разгорячонныхъ лошадей, а лакей, намѣревавшійся соскочить съ козелъ, былъ сброшенъ на землю. Онъ тотчасъ-же вскочилъ, но боль была вѣрно очень сильна, потому что онъ остановился точно ошеломленный. Освальдъ, замѣтившій въ каретѣ одну даму, по какому-то внезапному увлеченію отворилъ дверцу и протянулъ ей руку. Маленькая рука оперлась на него, а за нею послѣдовало цѣлое море кружевъ и газа.

Въ ту минуту какъ свѣтъ упалъ на лицо Освальда и дамы, оба испустили легкій крикъ и остановились точно прикованные, пристально вглядываясь другъ въ друга: Освальдъ узналъ Эмилію фонъ-Брезенъ, а она узнала Освальда.

Яркій румянецъ разлился по ея лицу. Глаза засверкали... неизвѣстно любовью или ненавистью. Губы дрогнули,—очевидно неожиданная встрѣча застала ее врасплохъ. Почти тоже случилось и съ Освальдомъ.

Бѣдный слуга, подошедшій со шляпой въ рукѣ, разрушилъ очарованіе.

— Извините, сударыня.

По лицу Освальда мелькнула насмѣшливая улыбка.

— Поздравляю васъ, сударыня! сказалъ онъ тихо, вводя ее на ступени крыльца.

Освальдъ почувствовалъ, что тонкіе пальцы крѣпко схватились за его руку.

— Вы вѣдь *хотѣли этого!* прошептала она, и теперь было ясно, что большіе сѣрые глаза блистали любовью, а не ненавистью. — Благодарю васъ! Зайдите-же когда-нибудь ко мнѣ. Ручаюсь вамъ, что Клотенъ приметъ васъ очень любезно.

Они стояли уже на послѣдней ступени.

Освальдъ поклонился.

— Такъ до свиданья?

— До свиданья.

Молодая дама скользнула въ порталь. Освальдъ сошолъ внизъ мимо бѣднаго слуги, который съ удивленіемъ взгля-

Digitized by Google

нулъ на своего импровизированнаго помощника, все еще потирая ушибенное колѣно.

— Сегодня вечеромъ это уже нумеръ второй! сказалъ внутренно улыбаясь Освальдъ. Какъ прелестна эта милая женщина! И она госпожа фонъ-Клотенъ! И только потому-что я этого хотѣлъ! А если теперь я уже не хочу этого? Что тогда? Всевѣдущій Тиммъ долженъ мнѣ разъяснить все въ подробности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Въ послѣдующіе восемь дней всѣ остальныя вороны переселились изъ лѣсовъ въ городъ и заняли зимнія квартиры въ старинныхъ башняхъ; въ всевѣдующихъ городскихъ кружкахъ утверждали также, будто ни одно изъ знатныхъ семействъ, имѣющихъ обыкновеніе проводить зиму въ Грюнвальдѣ, не оставалось уже въ своихъ помѣстьяхъ.

Это-же подтверждалось и оживленіемъ, проявившемся въ столь спокойномъ обыкновенно городѣ. Театральныя ложи у самой сцены, сберегаемыя для аристократовъ, были теперь полны. Ночью добрые граждане часто просыпались отъ шума быстро несущихся каретъ, и двѣнадцать часовъ спустя тѣже кареты опять гремѣли по улицамъ, такъ какъ нарушители ночнаго покоя уже высыпались въ это время и чувствовали потребность навѣстить другъ друга послѣ такого долгаго промежутка и обмѣняться интересными свѣдѣніями по поводу послѣдняго бала,—сколько разъ напр. молодой Грибенъ танцовалъ съ младшей Наделицъ и какой странный головной уборъ былъ на старой баронессѣ Ренціенъ.

Вчера у Грибеновъ былъ большой балъ, а завтра Гренвицы приглашаютъ на soirée — первое въ этомъ сезонѣ. Такъ какъ этикетъ требовалъ, чтобы послѣ и передъ вечеромъ освѣдомлялись о здоровьи домохозяевъ, то сегодня нуж-

Digitized by Google

но было дѣлать визиты Грибенамъ и Гренвицамъ. Потому-то кареты безъ конца мчались послѣ полудня.

Когда предстояло принимать многочисленные визиты, въ отелѣ Гренвицъ растворялись обыкновенно запертыя парадныя комнаты. Такъ было и въ этотъ день. Съ дюжиной визитовъ уже покончили; оставалась другая дюжина. Пока наступила пауза. Въ гостиной не было никого кромѣ барона и баронесы.

Тотъ, кто видѣлъ ихъ минуту назадъ, когда они съ улыбками и любезностями провожали г-жу фонъ-Наделицъ съ тремя дочерьми, тотъ сильно удивился-бы внезапной перемѣнѣ, которая произошла въ ихъ лицахъ, едва только успѣла затвориться дверь за этими дамами. Баронъ съ выраженіемъ крайней досады опустился въ кресло, а Анна-Марія помѣстилась противъ него съ лицомъ, на которомъ густыя облака неудовольствія заслоняли малѣйшій слѣдъ улыбки. Очевидно до появленія гостей между ними произошла одна изъ сценъ нерѣдкихъ въ семейныхъ драмахъ, и теперь дѣло было въ томъ, кто первый начнетъ прерванный разговоръ.

Въ прежнія времена это конечно было-бы дѣломъ воинственной, привыкшей къ побѣдамъ Анны-Маріи. Но къ удивленію, въ послѣднее время супруги по видимому помѣнялось ролями. Со смерти Бруно и удаленія Елены баронъ точно преобразился. Всегда добродушный, миролюбивый, уступчивый мужъ, вдругъ сдѣлался обидчивымъ, недовольнымъ и притязательнымъ. Эта перемѣна могла быть отчасти слѣдствіемъ его болѣзненности и дряхлости, значительно усилившихся въ послѣднее время; по временамъ однакоже казалось, что причины нужно искать гораздо глубже и что послѣднія событія пробудили старика изъ его летаргіи и показали ему многія вещи и личности совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ видѣлъ ихъ многіе годы. Онъ, который прежде не рѣшался выпить стакана воды, не посовѣтовавшись съ своей Анной-Маріей, началъ вдругъ дѣйствовать самостоятельно, даже думать самостоятельно и имѣть свои собственныя мнѣнія, за которыя держался съ упорствомъ всѣхъ ограниченныхъ умовъ. Еще и

Digitized by Google

прежде у него изрѣдка проявлялись подобные припадки настойчивости, но теперь эти періодическія явленія перешли въ хроническую болѣзнь. Про человѣка, который начинаетъ вдругъ дѣлать что-нибудь необыкновенное, говорятъ, что онъ не проживетъ долго, и если вѣрить этой примѣтѣ, то дни барона были ужъ сочтены. Можетъ быть и дѣйствительно такъ было и баронъ имѣлъ тайное предчувствіе, побуждавшее его къ этому неслыханному напряженію мысли и воли, подобно тому, какъ засидѣвшіяся канарейки, не задолго до сна, съ нервозной живостью скачутъ и бьются о клѣтку.

Такая-же нервная живость проявилась теперь въ манерѣ, съ которою баронъ понюхалъ табаку, захлопнулъ золотую табакерку и обратился къ Аннѣ-Маріи, какъ-будто она сейчасъ, а не полчаса тому назадъ, произнесла непріятное для него слово:

— Оставаться? но вѣдь всему-же долженъ быть конецъ,— не можемъ-же мы на вѣки оставить Елену у фрейлейнъ Беръ.

— Я не имѣю привычки, возразила Анна-Марія, принимаясь за вязанье—она любила, чтобы гости всегда заставали ее за работой,—я не имѣю привычки говорить сегодня такъ, а завтра иначе. Другіе могутъ думать, какъ имъ угодно. Весь свѣтъ расхохотался-бы надъ нами, если-бы мы взяли Елену изъ пансіона черезъ мѣсяцъ.

— Прошло уже шесть недѣль, проворчалъ баронъ.

— Шесть недѣль или мѣсяцъ, это одно и тоже.

— Только не для меня; я старъ и могу умереть завтра.

— Это ты говоришь уже лѣтъ десять.

— Если я говорю это десять лѣтъ, возразилъ баронъ, котораго глубоко оскорбило бездушіе жены,—то потому что во все это время ни одного дня не чувствовалъ себя здоровымъ. И наконецъ наступитъ-же день, когда меня не станетъ. Поэтому я желаю имѣть при себѣ дочь какъ можно скорѣе.

— О сынѣ ты даже и не упоминаешь; тебѣ нѣтъ дѣла здоровъ или боленъ Мальте, на которомъ лежатъ всѣ наши надежды. Ты долженъ-бы благодарить Бога, что имѣешь

Digitized by Google

сына, къ которому перейдетъ майоратъ, а вмѣсто этого у тебя на умѣ одна только Елена.

— Я благодарю Бога, что имѣю сына, и тебя, что ты произвела его на свѣтъ, но не потому что онъ мой наслѣдникъ, а потому что онъ, какъ и дочь моя—моя плоть и кровь и я могу любить ихъ обоихъ. Что-же касается до майората, то тебѣ ужъ давно извѣстенъ мой взглядъ. Я ненавижу учрежденіе, которое служитъ только къ поселенію раздора въ семействахъ.

— Баронъ понюхалъ табаку, очевидно въ видахъ успокоенія. Но средство это по видимому произвело на этотъ разъ противоположное дѣйствіе, потому что онъ продолжалъ еще съ большей запальчивостью:

— Для чего ты во что-бы то ни стало хотѣла выдать свою дочь за Феликса? Потому что Феликсъ могъ-бы когда нибудь получить майоратъ. Для чего протежируешь ты Феликсу? Потому что онъ можетъ быть еще и получитъ майоратъ! Почему я долженъ всегда видѣть Феликса, котораго не могу выносить, и не видать дочери, которую люблю? Опять потому, что Феликсъ можетъ получить майоратъ!

— Не повторяйся такъ, милый Гренвицъ, сказала Анна Марія съ спокойствіемъ, которому противорѣчили красныя пятна на щекахъ и пронзительный взглядъ ея огромныхъ глазъ,—а главное, не раздражайся понапрасну; ты опять начнешь кашлять. Вѣдь ровно ничего не выйдетъ изъ того какъ ты думаешь о майоратѣ. Благодаря Бога, ты ничего не можешь измѣнить въ этомъ дѣлѣ. Что-же касается меня, то позволь мнѣ ужъ думать по своему и поступать какъ велитъ мнѣ мой долгъ. Если у тебя нѣтъ обязанностей относительно дѣтей, то у меня онѣ есть. Если ты готовъ-бы былъ отдать свою дочь за перваго искателя приключеній, которому она понравилась, или скорѣе—который ей понравился... Не топай такъ больной ногой и не верти табакерку, а то разсыпешь табакъ на коверъ... Если, говорю я, тебѣ все равно за кого-бы ни вышла Елена, то мнѣ это не все равно. Я хлопотала о бракѣ съ Феликсомъ не изъ упорства, которое предоставляю другимъ, а потому что считала этотъ бракъ самой лучшей партіей для дѣвушки безъ состоянія.

Digitized by Google

Какъ мало я настойчива, ты можешь видѣть изъ того, что съ тѣхъ поръ какъ докторъ объявилъ Феликса чахоточнымъ, я уже вовсе не такъ сильно стояла за свадьбу. Напротивъ, какъ только сдѣлается положительно извѣстно, что Феликсу не долго жить, я первая отступлюсь отъ него, тѣмъ болѣе, что послѣ него останутся въ наслѣдство только одни долги.

На старика очевидно дурно подѣйствовалъ этотъ ледяной эгоизмъ. Въ немъ шевельнулось, впрочемъ не въ первый разъ за послѣднее время, смутное чувство того, что его высоконравственная супруга имѣетъ въ сущности прелое сердце, и онъ глубоко вздохнулъ. Горько подъ старость разставаться съ иллюзіей, которой жилось цѣлую четверть столѣтія.

Онъ впалъ въ мрачное молчаніе. Мысли занимавшія его въ этотъ промежутокъ, пока Анна-Марія съ нервной торопливостью продолжала свое вязанье, высказались въ слѣдующихъ словахъ:

— Будь по крайней мѣрѣ ласкова къ ней, если она придетъ къ намъ сегодня утромъ.

— Я всегда знала, что мнѣ нужно дѣлать, отвѣчала Анна-Марія, поднимая брови,—такъ буду знать какъ поступить, и въ этомъ случаѣ.

Баронъ конечно не могъ успокоиться вслѣдствіе такого отвѣта, но прежде чѣмъ онъ собрался возражать, лакей отворилъ дверь и доложилъ:

— Господинъ и госпожа фонъ-Барневицъ!

Господинъ фонъ-Барневицъ и его супруга были въ городѣ только со вчерашняго дня. Барневицъ былъ страстный охотникъ и съ трудомъ разставался съ лошадьми и собаками. Съ самаго начала охоты онъ почти не бывалъ въ комнатахъ и на всей его фигурѣ лежалъ отпечатокъ послѣдней гонки за лисицей. Плеча и рыжая борода казались еще шире, а голосъ былъ еще громче и рѣзче чѣмъ обыкновенно. Гортензія же напротивъ, была еще однимъ тономъ блѣднѣе и бѣлокурѣе чѣмъ лѣтомъ и казалась гораздо утомленнѣе и скучнѣе. Губы ея стали тоньше, а голубые глаза пронзительнѣе. Очевидно она уже начала находить жизнь противной, въ особенности со

Digitized by Google

вчерашняго вечера, гдѣ ее всѣ покинули для болѣе молодыхъ и красивыхъ.

— Наконецъ-то мы имѣемъ удовольствіе! начала Анна-Марія съ стереотипно-милостивой улыбкой, которая всегда была у ней на готовѣ, и сдѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу гостямъ.

— Все удовольствіе на нашей сторонѣ! право на нашей, сударыня! воскликнулъ охотникъ, цѣлуя худую руку баронесы. Ей Богу не могли быть раньше! Только вчера вечеромъ пріѣхали и были у Грибеновъ. Жаль, что васъ не было; удивительно было весело; почти также, какъ на послѣдней травлѣ. Жена моя скучала, потому что у ней не было хорошаго прицѣла. Люди всегда скучаютъ, когда имъ не во что цѣлить, ха! ха! ха!

— Прошу васъ не сердиться за способъ выраженія Карла, сказала Гортензія, усаживаясь подлѣ баронесы,—въ послѣднія шесть недѣль онъ почти исключительно проводилъ время съ своими лѣсничими и конюхами.

— И съ тобою, мое сокровище, ха, ха, ха! разразился изящный супругъ. Ну, нечего такъ сердиться, Гортензія. Вѣдь мужу позволительно пошутить съ женою.

— А каково у насъ въ имѣніяхъ? спросила Анна-Марія, чтобы придать менѣе пикантный оборотъ разговору.

— Ничего. Озими вообще хороши; мѣстами только кое что попортилось отъ жара, да теперешняя сырость поправитъ дѣло. А propos сырости, Гренвицъ, нужно намъ наконецъ покончить дѣло о канавахъ; а то мы скоро всѣ потонемъ, ей Богу! Я уже на дняхъ говорилъ съ Ольденбургомъ. Онъ тоже думаетъ, что дѣло нужно по возможности окончить нынѣшней осенью.

— Съ которыхъ это поръ баронъ заботится о сельскомъ хозяйствѣ? Это совершенная новость, сказала Анна-Марія.

— Совершенная новость, сударыня, подтвердилъ Варневицъ. Самая свѣжая, ха, ха, ха! Началось это недѣли двѣ назадъ, со времени его возвращенія. Я думаю, онъ скоро спятитъ съ ума.

— Или женится на вашей кузинѣ Мелитѣ, сказала улыбаясь баронесса.

Digitized by Google

— Развѣ это не одно и тоже? промолвила Гортензія.

— Но́, милая Гортензія, какой у васъ колкій язычокъ! сказала баронеса, грозя пальцемъ сатирической блондинкѣ.

— Ты ревнуешь, мое сокровище! вскричалъ Барневицъ,— ты всегда завидовала, что у кузины приходится по обожателю на каждый ея пальчикъ.

— Какже не имѣть поклонниковъ, когда пускаютъ въ ходъ всѣ пружины кокетства, сказала Гортензія, такъ спуская мантилію, чтобы были видны ея бѣлыя плечи.

— Ну, она далеко не такъ испорчена, отвѣчалъ супругъ.

— Испорчена — понятіе относительное. Мелита столько разъ въ своей жизни подавала поводъ къ скандалу, что на нее уже смотрятъ сквозь пальцы.

— Тоже можно отнести и къ барону Ольденбургу, сказала Анна-Марія.

— Очень можетъ быть, отвѣчала Гортензія, я не такъ коротко знаю барона.

Здѣсь Барневицъ счолъ нужнымъ вынуть платокъ и высморкаться очень громко.

— Не такъ коротко, повторила Гортензія, очевидно подозрѣвавшая нѣкоторую связь между своими послѣдними словами и сморканьемъ супруга,—но если онъ съумѣетъ помириться съ послѣдними похожденіями Мелиты, то у него дѣйствительно много снисходительности.

— Послѣдними похожденіями? спросила нравственная баронеса поднимая брови,—ну, а я не слыхала еще и о первыхъ.

— Все сплетни, сударыня, сказалъ Барневицъ, припомнившій, что Мелита его близкая родственница и что онъ будучи семнадцатилѣтнимъ юношей, благоговѣлъ передъ прелестнѣйшей двѣнадцатилѣтней дѣвочкой,—все сплетни старыхъ бабъ.

— У старыхъ бабъ бываютъ иногда некстати зоркіе глаза, замѣтила Гортензія, разглядывая рѣзьбу на потолкѣ.

— Вы возбуждаете мое любопытство, сказала Анна-Марія, усаживаясь въ уголокъ дивана.

— Увѣряю васъ, сударыня, что все это пустяки! сказалъ заносчиво Барневицъ. Какія-то бабы изъ нашей деревни, ко-

Digitized by Google

торыя воровали ночью дрова въ Берковскомъ лѣсу—потому что иначе имъ нечего было тамъ дѣлать въ такую пору—разсказывали, будто Мелита имѣетъ въ своемъ лѣсномъ домикѣ свиданія Богъ знаетъ съ кѣмъ.

— Да это препикантная исторія, сказала Анна-Марія.

— И она становится тѣмъ пикантнѣе, сказала Гортензія (все еще созерцая потолокъ), что счастливый *Богъ вѣсть кто* всегда приходилъ и уходилъ по Гренвицевской дорогѣ.

При этомъ извѣстіи глаза Анны-Маріи расширились до послѣдней возможности.

— Когда это случилось? спросила она строго. Надѣюсь, что...

— О, не безпокойтесь! прервала ее Гортензія,—Феликсъ пріѣхалъ гораздо позже. Это было въ то время, какъ мы давали балъ и Ольденбургъ съ Карломъ распредѣляли мѣста для ужина; еще тогда кузина шла въ парѣ съ вашимъ докторомъ Штейномъ, а Ольденбургъ отвезъ его домой въ своемъ экипажѣ,—трогательная внимательность, особенно комичная въ этомъ случаѣ, также какъ и участіе, которое Ольденбургъ принялъ въ этомъ Штейнѣ по поводу его исторіи съ вашимъ племянникомъ Феликсомъ! О, да какъ это забавно! Но надо отдать справедливость кузинѣ: она умѣетъ устраивать дружескія отношенія между своими... друзьями.

Старый баронъ сидѣлъ во все время этой интересной бесѣды молча и повидимому безучастно. Тѣмъ удивительнѣе была та живость, съ которой онъ сказалъ, неодобрительно покачивая сѣдой головою:

— Фрау фонъ-Берковъ—милая женщина, которую я уважаю; баронъ Ольденбургъ достойный человѣкъ; я всегда считалъ его такимъ и въ особенности убѣдился въ этомъ въ послѣднее время, когда пришлось имѣть съ нимъ важныя дѣла. Мнѣ очень больно, господа, что вы отзываетесь о нихъ обоихъ такимъ жосткимъ, непріязненнымъ образомъ... очень, очень больно!

И старикъ такъ дрожалъ отъ внутренняго волненія, что едва могъ поднести къ носу взятую имъ щепотку табаку.

Барневицъ кивнулъ головою, какъ-бы желая сказать,

Digitized by Google

что старикъ правъ, но Гортензія не расположена была такъ кротко снести этотъ упрекъ.

— Не вступайтесь такъ горячо, г-нъ баронъ, сказала она съ насмѣшкой,—вы знаете, что имя этого Штейна пріобрѣло и еще нѣкоторую извѣстность въ другихъ событіяхъ прошедшаго лѣта. Чѣмъ чаще будутъ упоминать это имя въ связи съ именемъ моей кузины, тѣмъ рѣже придется ему быть сопоставленнымъ съ именемъ другихъ особъ.

Къ счастію стараго барона онъ совершенно не понялъ этого намека на Елену, такъ какъ ему никакимъ образомъ не приходило въ голову, что его дочь подала поводъ къ ссорѣ Феликса и Освальда.

Впрочемъ Гортензія сама почувствовала, что зашла слишкомъ далеко, и начала уже собираться домой, но докладъ о новомъ визитѣ принудилъ ее остаться. Пусть не подумаютъ, что Гортензія Барневицъ отступаетъ передъ соперницей, а такой соперницей во многихъ отношеніяхъ была Эмилія фонъ-Клотенъ, входившая въ это время въ гостиную.

Эмилія была замужемъ уже двѣ недѣли. Она рѣшилась не предпринимать болѣе дальняго путешествія послѣ свадьбы, какъ изъ своего имѣнія въ Грюнвальдъ. Ей не хотѣлось пропустить начала сезона. Она жаждала явиться на аренѣ своего недавняго торжества и сдѣлать невозможной всякую конкуренцію. Эмилія фонъ-Брезенъ не даромъ-же сдѣлалась г-жею фонъ-Клотенъ, женою человѣка, котораго выбрала въ припадкѣ ревности, изъ чистаго каприза.

Успѣхъ, который она имѣла на первыхъ балахъ этого сезона, превзошолъ даже ея надежды. Она видѣла всѣхъ мужчинъ у своихъ ногъ, и сознаніе силы возбуждало ея кокетство и оживляло красоту. Торжество побѣды свѣтилось въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ, торжество побѣды мелькало на ея красивыхъ губкахъ, торжество побѣды лукаво улыбалось изъ ямокъ ея розовыхъ щочекъ; даже шумъ длиннаго шолковаго платья и качанье страусовыхъ перьевъ на ея миленькой шляпкѣ возвѣщали это-же торжество.

Господинъ фонъ-Клотенъ, съ своей стороны, казалось началъ уже считать сомнительнымъ счастіе быть супругомъ

Digitized by Google

такой блистательной дамы. У него въ глазахъ было отчасти выраженіе индюшки, которая цѣлыя недѣли мечтала о счастіи водить по двору стаю малютокъ, досидѣлась надъ ними почти до одуренія и вдругъ видитъ, что высидѣла утятъ, которые съ шумомъ кидаются въ воду. Знавшіе его прежде могли замѣтить, что онъ уже не такъ часто теребитъ свои жолтые бакенбарды и голосъ его звучитъ не такъ самостоятельно. Можетъ быть этой перемѣнѣ нѣсколько способствовала и неожиданная встрѣча съ вѣроломно (и отчасти подло) покинутымъ предметомъ прежней страсти. На женуже его встрѣча эта имѣла совершенно противоположное дѣйствіе. Вѣдь вчера она совершенно затмила собою Гортензію, какъ-же не полюбоваться на униженіе соперницы, не засыпать ея любезностями и не спросить съ нѣжнымъ участіемъ, прошла-ли ея вчерашняя головная боль?

— Какъ жаль, милѣйшая Барневицъ, что мигрень принудилъ васъ уѣхать изъ котильона. Увѣряю васъ, что это былъ великолѣпнѣйшій котильонъ, который я когда-нибудь танцовала. Князь Вальденбергъ... я вѣдь танцовала котильонъ съ княземъ въ первой парѣ: Максъ Грибенъ упросилъ насъ сдѣлать это... Князь знаетъ множество интереснѣйшихъ новыхъ фигуръ, которыя танцуются на придворныхъ балахъ въ Берлинѣ. Говорю вамъ, никогда еще не было такого котильона въ Грюнвальдѣ. Не правда-ли, Артуръ, это было прелестно?

— Конечно, конечно! отвѣчалъ покорный супругъ, который принужденъ былъ танцовать съ весьма зрѣлой графиней Стиловъ,—клянусь честью, господа, это было удивительно!

— По правдѣ сказать, общество показалось мнѣ нѣсколько смѣшаннымъ, сказала Гортензія, казавшаяся еще блѣднѣе со времени появленія Эмиліи,—я насчитала четверыхъ артиллерійскихъ офицеровъ изъ не дворянскихъ фамилій.

— Очень можетъ быть, отвѣчала Эмилія, хоть мнѣ и совершенно некогда было считать ихъ. Я даже танцовала съ однимъ изъ нихъ — Шульцемъ или Мюллеромъ, какъ тамъ его звали, только онъ вальсировалъ превосходно.

Digitized by Google

— Но, милая Эмилія, неужели вы не могли избѣжать этого? спросила Гортензія, поправляя мантилію.

— Именно этотъ вопросъ сдѣлалъ мнѣ и князь Вальденбергъ. Ваше сіятельство, отвѣчала я, хоть я и не имѣю особенной склонности къ артиллеристамъ, но все-же лучше танцовать съ ними, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ.

Напоминаніе о несчастіи, постигшемъ вчера Гортензію два раза, привело вышеупомянутую даму въ волненіе, сдѣлавшее совершенно излишними пятна румянъ на ея щекахъ. Она готова уже была дерзкимъ отвѣтомъ выдать, какъ мѣтко попала стрѣла пущенная Эмиліей, но лакей доложилъ въ эту минуту:

— Г-нъ профессоръ Эгеръ съ супругой!

Лакей этотъ на столько зналъ приличія, что не тотчасъ послѣ доклада впустилъ посѣтителей, но затворилъ дверь за собою и на вытяжку ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

— Вы позволите, господа? спросила Анна-Марія тономъ извиненія. Профессоръ Эгеръ и его жена всегда умѣли держать себя сообразно своему положенію. Я считаю обязанностью протежировать подобнымъ людямъ.

По знаку повелительницы, лакей удалился и вслѣдъ за нимъ съ низкими поклонами явились коментаторъ и его супруга. Высокоблагородное общество отвѣчало имъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Только старый баронъ всталъ имъ навстрѣчу, протянулъ руку и дружески ихъ привѣтствовалъ.

Если Примула, выглядывавшая какъ-то застѣнчиво изъ-за васильковъ украшавшихъ ея шляпку и нуждалась въ этомъ одобреніи, то ужъ никакъ нельзя сказать того-же о ея супругѣ. Правда, смиреніе виднѣлось въ его маленькихъ глазкахъ, когда онъ, согнувши спину, вошолъ въ комнату, смиреніе-же отражалось въ отвратительныхъ углахъ его рта, но это было смиреніе кошки, которая трется спиною о ступени лѣстницы, ведущей въ подвалъ съ разными вкусными вещами. Онъ подошолъ къ баронессѣ, дважды поцѣловалъ милостиво протянутую ему руку, низко поклонился обѣимъ дамамъ, немножко не такъ низко мужчинамъ, потомъ—послѣ

Digitized by Google

нѣкотораго колебанія сѣлъ на кончикъ стула, стоявшаго нѣсколько внѣ аристократическаго кружка, и склонивши голову на правую сторону, съ умиленіемъ ждалъ чтобы его удостоили вопросомъ.

Разговоръ общества вертѣлся на весьма интересной темѣ: на личности его сіятельства князя Вальденберга, прибывшаго недавно изъ столичнаго гвардейскаго полка въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ Грюнвальда и конечно съ первой-же минуты ставшаго львомъ всего туземнаго дворянства.

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, зачѣмъ онъ собственно откомандированъ, сказалъ Клотенъ. Феликсъ, съ которымъ я говорилъ вчера объ немъ... A propos, сударыня, Феликсу необходимо сидѣть теперь дома, онъ дѣйствительно что-то плохъ... Феликсъ утверждаетъ, что у князя вѣроятно была дуэль. Онъ долженъ быть очень страстный человѣкъ, котораго нужно остерегаться.

— Господи, Артуръ, сказала Эмилія, ты говоришь о страстности точно о преступленіи; я желала-бы напротивъ, чтобы ея было побольше у нѣкоторыхъ людей.

— Какого происхожденія Вальденберги? спросила Гортентензія,—въ князѣ есть что-то монгольское.

— О, вы не видали его такъ близко какъ я, милая Барневицъ, сказала Эмилія, онъ красивѣйшій молодой человѣкъ и танцуетъ божественно.

— Я думаю, что Вальденберги происходятъ изъ польской фамиліи, сказала Анна-Марія.

— Отнюдь нѣтъ, сударыня! вскричалъ Клотенъ. Клянусь честью, они чистые Германцы!

— Я увѣрена, что господинъ профессоръ скажетъ намъ что-нибудь положительное на этотъ счотъ, обратилась Анна-Марія къ Эгеру съ милостивой улыбкой.

— Непремѣнно, сударыня! вскричалъ Эгеръ, обрадовавшись случаю пустить въ ходъ свои познанія. Когда я занимался исторіей, мнѣ доставляло особенное удовольствіе возстановленіе генеалогій благородныхъ семействъ, и такимъ образомъ я обратилъ особенное вниманіе на исторію семейства Вальденберговъ, которая весьма интересна во многихъ отношеніяхъ. Вальденбергъ дѣйствительно чисто-германска-

Digitized by Google

го происхожденія. Они пришли въ Пруссію съ германскими племенами. Впослѣдствіи имъ часто приходилось вступать въ родственныя связи съ польскимъ дворянствомъ, такъ что и теперь у нихъ есть богатыя имѣнія въ русской Польшѣ. У теперешняго князя тоже смѣшанная сарматская и германская кровь въ жилахъ. Его мать, княгиня Стефанія Летбусъ, изъ дома Вальденберговъ, вышла замужъ въ Петербургѣ, гдѣ и жила съ ранней молодости, въ тысячу восемсотъ двадцать второмъ году за графа Константина Малицевскаго, послѣдняго представителя когда-то богатой и сильной, но впослѣдствіи обѣднѣвшей польской фамиліи. Княгиня была очень хороша собой и состояла при Русскомъ Дворѣ, о графѣ-же ходили не совсѣмъ благопріятные слухи. Конечно дворянамъ слѣдуетъ пожить въ молодости, но графъ говорятъ пожилъ ужъ черезъ мѣру. Вы извините, господа, эти историческія подробности. Какъ-бы то ни было, отъ этого брака княгини Стефаніи Летбусъ съ графомъ Константиномъ Малицевскимъ произошолъ теперешній князь. Сначала князь служилъ въ русской службѣ, но когда со смертію послѣдняго изъ Вальденберговъ наслѣдственное имѣніе должно было поступить въ казну, Его Величество соизволилъ передать его въ женскую линію, и графъ фонъ-Малицевскій-Вальденбергъ поступилъ на прусскую службу. Почтеннѣйшему обществу можетъ быть неизвѣстно, что его полное имя: Реймундъ, Григорій, Стефанъ графъ фонъ-Малицевскій князь Вальденбергъ.

Общество съ полнѣйшимъ вниманіемъ слушало это генеалогическое объясненіе учонаго профессора, когда въ благоговѣйной тишинѣ вдругъ раздался почти крикъ лакея, съ нервной послѣшностью растворившаго двери:

— Его сіятельство князь Вальденбергъ.

Нервный лакей точно наэлектризовалъ все общество въ гостиной. Въ одну минуту всѣ встали со стульевъ и устремили полный ожиданія взглядъ на широко-распахнувшуюся дверь. Князь Вальденбергъ вошолъ такъ быстро, что Анна-Марія не успѣла сдѣлать ему навстрѣчу трехъ шаговъ, требуемыхъ этикетомъ, а сдѣлала только два съ половиной.

Князь заговорилъ на чисто-французскомъ языкѣ:

Digitized by Google

— Вы удостоили, сударыня, почтить меня приглашеніемъ, прежде чѣмъ мнѣ представилась возможность заслужить подобное вниманіе. Позвольте-же попытаться вознаградить теперь то, чего я не имѣлъ возможности сдѣлать раньше.

— Подобная попытка со стороны такого человѣка какъ вы, князь,—отвѣчала Анна-Марія также по-французски и съ самой благосклоннѣйшей изъ улыбокъ,—конечно увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Очень жалѣю, что несчастный случай вызвалъ изъ дома насъ, которые вообще такъ рѣдко выѣзжаемъ, именно въ тотъ день, когда вы удостоили насъ своимъ первымъ посѣщеніемъ. Позвольте познакомить васъ съ обществомъ: мой мужъ, баронъ... господинъ и госпожа фонъ-Барневицъ. . господинъ и госпожа фонъ-Клотенъ.

— Я уже имѣлъ честь.. отвѣчалъ улыбаясь князь.

— Профессоръ Эгеръ, замѣчательный ученый и вѣрный другъ нашего дома; супруга его, поэтическое дарованіе которой заслуживаетъ всякаго одобренія.

Князь раскланялся передъ каждой изъ представленныхъ ему личностей, даже передъ двумя послѣдними (что вообще было замѣчено) съ одинаковымъ достоинствомъ и вѣжливостью и подалъ сигналъ къ занятію мѣстъ тѣмъ, что сѣлъ самъ на диванъ подлѣ хозяйки.

Во время этого продолжительнаго селама, тѣ, которые еще не видали князя, имѣли случай разсмотрѣть его наружность. Это была геркулесовская фигура, способная произвести фуроръ въ какомъ-нибудь циркѣ, но можетъ быть слишкомъ колоссальная для обыденной жизни. На большомъ и плотномъ туловищѣ, величинѣ котораго соотвѣтствовала ширина плечь и выдающаяся сильная грудь, помѣщалась на короткой шеѣ большая голова, съ чорными, короткими курчавыми волосами. Черты лица соотвѣтствовали цѣлому. Лобъ былъ почти низокъ, глаза чорные и сверкающіе, но маленькіе и почти закрытые тяжолыми вѣками и темными рѣсницами. Носъ и толстыя губы нѣсколько смотрѣли кверху. Бакенбарды и усы были еще чернѣе и курчавѣе чѣмъ волоса на головѣ. Гладко выбритый по военному массивный подбородокъ служилъ энергическимъ базисомъ этому энергическому лицу. Впрочемъ ни показаніе Гортензіи, будто онъ

Digitized by Google

похожъ на Монгола, ни отзывъ Эмиліи, что онъ красивѣйшій мужчина—не подходили къ истинѣ; во всякомъ случаѣ у него была слишкомъ своеобразная и характерная наружность, чтобы назвать его дурнымъ, если даже онъ и отнюдь не подходилъ подъ законы строго-идеальной красоты. Вообще физіономисту трудно-бы было найти какія-нибудь идеальныя свойства въ лицѣ князя, но за то онъ открылъ-бы въ немъ страшную силу воли, а заглянувши поглубже—и необузданную гордость, которая подъ маской непоколебимаго спокойствія спала какъ левъ за рѣшоткой своей клѣтки, съ открытыми глазами, готовая пробудиться отъ всякой малости.

На князѣ былъ простой мундиръ грюнвальдскаго гарнизоннаго полка, но съ двумя орденами, доказывавшими, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, значеніе котораго велико и безъ эполетъ и сабли.

Этому таинственному значенію соотвѣтствовало и обращеніе съ гостемъ Анны-Маріи и почтительное молчаніе Барневица и Клотена; соотвѣтствовало и кокетство, съ которымъ Гортензія и Эмилія старались обратить на себя его вниманіе; соотвѣтствовало и смущеніе учонаго коментатора и его поэтической супруги. Оба смутно подозрѣвали, что они болѣе чѣмъ лишніе въ этомъ высокомъ кругу, и однако не осмѣливались встать и раскланяться. Князь и баронеса долго бесѣдовали только вдвоемъ, пока наконецъ Гортензіи удалось пристать къ нимъ по поводу какого-то удачнаго замѣчанія съ ея стороны. Эмилія съ досадой переносила это торжество своей противницы, потомучто не совсѣмъ хорошо владѣла французскимъ языкомъ и съ трудомъ могла слѣдить за быстрой рѣчью Гортензіи. Гортензія-же простирала свою злость до того, что безпрестанно обращалась къ сосѣдкѣ съ вопросомъ: Qu'en pensez—vous, ma chère? N'est ce pas, Emilie? и принуждала ее къ отвѣтамъ, оставлявшимъ многого желать относительно формы, какъ-бы ни было остроумно ихъ содержаніе.

Тотъ, кто увидѣлъ-бы съ какимъ удовольствіемъ Гортензія старалась продлить свой тріумфъ, пришолъ-бы къ заключенію, что въ злорадствѣ есть огромная доля наслажденія.

Digitized by Google

Наслажденіе это перешло въ восторгъ, когда князь, сначала изрѣдка обращавшійся къ Эмиліи, наконецъ вполнѣ предался обаянію пикантной болтовни Гортензіи.

Эмилія была слишкомъ легкомысленна и самонадѣянна, чтобы разстроиться временной потерей своего первенства. Князь вовсе не былъ въ ея вкусѣ, хоть она и превознесла его до небесъ на зло своей соперницѣ, и если онъ не хочетъ говорить съ нею по нѣмецки, что́ дѣлалъ вчера цѣлый вечеръ, то пусть разговариваетъ съ кѣмъ знаетъ. Эмилія забавлялась своими обожателями, какъ легкомысленный ребенокъ куклами; ей въ сущности было рѣшительно все равно, если одна изъ нихъ разбивала себѣ голову или попадала въ воду; она становилась чувствительной только тогда, если преимущественно любимая кукла — а у ней были по временамъ и такія, которыхъ она осыпала нѣжностями и поцѣлуями—не хотѣла платить ей также нѣжностью и отвѣчать на ея поцѣлуи. Такой любимой, но до отчаянія холодной куклой былъ для нея Освальдъ; будь они равны по положенію, она можетъ быть вышла-бы за него и была-бы ему вѣрной женою,—такъ по крайней мѣрѣ мечтала она въ часы раздумья,—но такъ какъ она фрау фонъ-Клотенъ, что-же ей дѣлать? Развѣ она въ не тысячу разъ лучше и умнѣе своего глупаго мужа? Зачѣмъ-же глупые мужчины женятся на умныхъ и хорошенькихъ женщинахъ, которыя еще вдобавокъ любятъ предаваться мечтамъ, болѣе розовымъ и роскошнымъ, чѣмъ сѣренькая дѣйствительность? Развѣ тогда виноваты жоны, что идутъ своею дорогой, да еще иногда такой узкой и темной, что добродѣтель и честь, всегдашніе спутники нравственной женщины, отстаютъ отъ нихъ въ этихъ потемкахъ?....

Эмилія фонъ-Клотенъ еще съ начала визита искала случая завести разговоръ съ госпожой Эгеръ, предполагая, что та можетъ сообщить ей кое-что объ Освальдѣ, котораго она не видала съ послѣдней случайной встрѣчи. Теперь она воспользовалась удобной минутой, когда князь разговаривалъ съ баронесой и Гортензіей, баронъ съ пасторомъ, а Барневицъ съ ея мужемъ, чтобы освѣдомиться у Примулы о молодомъ человѣкѣ, Фельсъ или Бергъ, какъ его тамъ звали, который

Digitized by Google

былъ домашнимъ учителемъ у Гренвицей, потомучто одно знакомое ей семейство также ищетъ домашняго учителя».— Эмилія не ошиблась; Примула могла дать ей точнѣйшее извѣстіе о г-нѣ Штейнѣ—«не Фельсѣ, хотя у него и твердое сердце (Fels понѣмецки *скала*) и не Бергѣ, хотя онъ какъ гора возвышается надъ другими мужчинами», говорила восторженная поэтесса. Онъ каждый день бываетъ у нея (Освальдъ былъ всего одинъ разъ); онъ принятъ какъ свой въ ихъ домѣ и связанъ съ нею узами дружбы и взаимнымъ стремленіемъ къ высокому. Она не думаетъ, чтобы онъ принялъ теперь подобное мѣсто, потомучто «томится въ пошлыхъ узахъ школы», но она все-таки передастъ ему предложеніе.

— Нѣтъ, лучше не дѣлайте этого, милѣйшая фрау-профессоръ, сказала Эмилія послѣ нѣкотораго размышленія,—вы вѣдь знаете, что г-нъ Штейнъ—какъ это я позабыла его фамилію!—не совсѣмъ мирно разсталося съ нашимъ кругомъ. Онъ можетъ и отказаться отъ предложенія, если ему передадутъ его такъ прямо. Не можете-ли вы... какъ-бы намъ это устроить?... Да! не можете-ли вы, милѣйшая фрау-профессоръ, устроить такъ, чтобы я, будто случайно, встрѣтилась когда-нибудь у васъ съ докторомъ Штейномъ? Мнѣ уже такъ давно хочется взглянуть на рабочую комнату автора «Васильковъ»!

— Вы восхищаете меня своей добротою! воскликнула Примула. Если вы дѣйствительно хотите побывать въ моей убогой хижинѣ, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Назначимте послѣ завтра въ семь часовъ вечера?

— Это мнѣ чрезвычайно удобно, сказала Эмилія.

Эмилія такъ увлеклась этимъ интереснымъ разговоромъ, что мужъ принужденъ былъ дать ей замѣтить, что общество собирается разойтись. Князь всталъ и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Madame, началъ князь, j'ai l'honneur... слова замерли на его губахъ, потомучто прямо противъ него, въ высокомъ стѣнномъ зеркалѣ отразилась фигура прелестнѣйшей дѣвушки, которая вошла въ гостиную безъ доклада. Онъ обер-

Digitized by Google

нулся почти съ испугомъ и отстранился съ низкимъ поклономъ, давая дѣвушкѣ дорогу пройти къ баронесѣ.

Дѣвушка была — Елена фонъ-Гренвицъ. — Неожиданное для всѣхъ кромѣ барона и баронесы появленіе Елены удивило и заинтересовало каждаго по своему. Только князь, пріѣхавшій недавно, не зналъ ничего о семейной исторіи; для остальныхъ Гренвицевская катастрофа уже давно служила неисчерпаемой темой разговоровъ, пересудовъ и предположеній, а потому свиданіе родителей съ дочерью представляло занимательнѣйшее зрѣлище. Впрочемъ разсчоты на необыкновенное были уничтожены сразу. Баронъ, подошедшій къ Еленѣ и поцѣловавшій ее въ лобъ, еще выказалъ нѣкоторое волненіе, мать-же и дочь встрѣтились съ вѣжливой холодностью, не доставившей ни малѣйшаго матеріала для любителей скандала и распространителей занимательныхъ исторій.

— А, здраствуй милое дитя, сказала баронеса пофранцузски, также цѣлуя Елену въ лобъ, но очень поспѣшно,— ты пришла очень кстати. Позвольте, князь, представить вамъ дочь мою Елену.—Его сіятельство князь фонъ-Вальденбергъ, Елена! Новѣйшее и блистательнѣйшее пріобрѣтеніе для нашего круга.

— Madame, сказалъ съ большимъ одушевленіемъ князь,— скромное сіяніе звѣздъ меркнетъ, какъ скоро покажется на небѣ солнце во всемъ своемъ великолѣпіи.

Елена отвѣчала на поклонъ князя, но ее повидимому не ослѣпилъ ни его титулъ, ни его величественная осанка. Она тотчасъ-же обратилась къ Эмиліи фонъ-Клотенъ, привѣтствовавшей ее съ большимъ жаромъ. Отъ зоркаго глаза Эмиліи не укрылось то сильное впечатлѣніе, которое красота Елены произвела на князя. Пусть князь любуется кѣмъ хочетъ, лишь-бы не Гортензіей Барневицъ.

— О! какъ хорошо, что я встрѣчаю тебя! сказала она обнимая Елену. Всѣ эти дни я собиралась навѣстить тебя; вѣдь намъ нужно бездну вещей передать другъ другу! И она взяла за обѣ руки дѣвушку, отвела ее на нѣсколько шаговъ и шепнула: «Ну, князь совсѣмъ погибъ! Онъ не сводитъ съ тебя своихъ чорныхъ глазъ. Если хочешь, я уступ-

Digitized by Google

лю его тебѣ. Онъ очень хорошо танцуетъ, но совсѣмъ не въ моемъ родѣ. Помуштруй его; Барневицъ такъ злится на это! Подумай, эта старая кокетка все еще хочетъ играть первую роль, не смотря на то, что вырисовываетъ себѣ жилки сверхъ бѣлилъ и вчера два раза сидѣла безъ кавалера у Грибеновъ. Ну, каково тебѣ у Медвѣдицы? А propos: ты ничего не слыхала объ Освальдѣ Штейнѣ? Господи, никогда не забуду вашего бала! Мы опоздали съ своимъ предостереженіемъ, но онъ славно отдѣлался. Даже Артуръ говоритъ, что онъ велъ себя какъ дворянинъ. Не оборачивайся, князь идетъ сюда. Онъ вѣрно попроситъ тебя завтра на первый вальсъ.

Проницательная Эмилія угадала вѣрно. Разговаривая съ баронесой, князь такъ часто смотрѣлъ въ ихъ сторону и отвѣчалъ такъ разсѣянно, какъ человѣкъ, мысли котораго совершенно въ другомъ мѣстѣ. Вдругъ онъ прервалъ одну изъ блистательнѣйшихъ фразъ Анны-Маріи вопросомъ, будутъ-ли завтра танцовать и позволено-ли ему будетъ просить фрейлейнъ фонъ-Гренвицъ на какой-нибудь танецъ? Когда на оба пункта ему отвѣчали благосклоннымъ: oui monseigneur! Онъ съ поклономъ подошолъ къ дамамъ.

— Прошу извиненія, если помѣшалъ вамъ, mesdames, началъ онъ понѣмецки, но не могу рѣшиться уйти не попытавшись обезпечить себѣ на завтра хоть по одному танцу. Могу я надѣяться, сударыня? Буду-ли я имѣть честь, фрейлейнъ?

И фрау и фрейлейнъ соблаговолили изъявить согласіе на просьбу его сіятельства, а его сіятельство простилось вслѣдъ за этимъ такъ поспѣшно, что очевидно дѣло стояло только за разрѣшеніемъ этого послѣдняго важнаго пункта.

Исчезновеніе его сіятельства было сигналомъ и для разъѣзда остального общества, къ великому удовольствію кучеровъ и лакеевъ, начинавшихъ уже терять терпѣніе по примѣру лошадей.

Экипажи разъѣхались. Гостиная опять опустѣла. Елену Клотены взялись довезти въ своей каретѣ, такъ что баронъ и баронеса могли продолжать на свободѣ прерванный разговоръ. Однако этого не случилось: баронъ чувствовалъ себя

Digitized by Google

слишкомъ утомленнымъ, а въ головѣ баронесы мысль: оставлять-ли Елену въ пансіонѣ приняла другой оборотъ въ послѣднія десять минутъ. Честолюбивой женщинѣ стало казаться, что не худо-бы помириться съ дочерью, которая можетъ имѣть въ виду скорѣе кого другого сдѣлаться княгиней фонъ-Вальденбергъ-Малицевской, графиней фонъ-Летбусъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

MAR 1 1976

Digitized by Google

Digitized by Google